

7295

УМО.
Бюж. каб.
№ 125.

4815
Педагогического института
Шер.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПЕДАГОГИИ

М. И. Демкова.

Часть II.

НОВАЯ РУССКАЯ ПЕДАГОГИЯ

(XVIII-й вѣкъ.)

Издание 2-е, исправленное.

1-е издание Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендовано для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

7295
1871 1874

Осрн. 229

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

Сем. III, 104.

Одесская педагогическая библиотека курсовъ

НБ ПНУС
7295

Инд. 10455

Одесского Института Педагогика
Ученый Комитетъ

МОСКВА.
Типографія Г. Лиснера и Д. Совко.
Бродниженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1910.

157/1483

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первое изданіе II части «Исторіи русской педагогiи» давно разошлось и поэтому, задумавъ второе изданіе ея, я хотѣлъ его не только исправить, но и дополнить новыми изслѣдованіями. Однако, будучи занятъ другими трудами, я не могъ долгое время выполнить этого намѣренія, да и теперь пришлось отказаться отъ мысли сдѣлать значительныя дополненія. Выпуская въ свѣтъ нынѣшнее изданіе, я ограничился только нѣкоторыми сокращеніями, исправленіями и небольшими дополненіями. Сокращенія сдѣланы въ нѣсколькихъ главахъ, выпущены: главы XIX, «сказки Императрицы Екатерины II», XXII «Воспитаніе и ученіе Фонвизина и Державина» и XL «Изящная, ученая и духовная литература второй половины XVIII вѣка», какъ трактующія о предметахъ довольно извѣстныхъ изъ курсовъ исторіи русской литературы; подверглась измѣненію глава XXVIII, которая послѣ нѣкоторыхъ сокращеній соединена съ XXVII главой. Зато педагогическія статьи второй половины XVIII вѣка пополнены подробною выдержкою изъ С.-Петербургскаго журнала 1798 г. изъ статьи А. Б. по Филанжеру, а педагогическія книги второй половины XVIII в. выдержкой изъ книги Карачіоли «Истинный Манторъ».

Авторъ.

Москва,
25 марта 1910 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ

Истории русской педагогии.

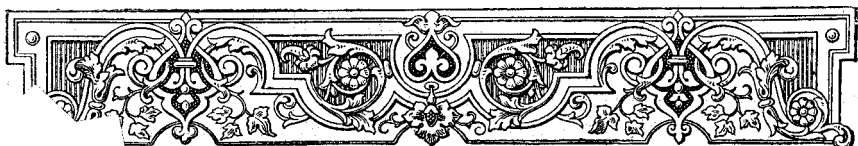
(XVIII вѣкъ.)

	<i>Стран.</i>
Глава I. Петръ Великій, его ученіе, воспитаніе и значеніе для русскаго просвѣщенія и педагогии	1— 17
Глава II. Образовательные проекты времени Петра I	18— 27
Глава III. И. Т. Посошковъ.	28— 37
Глава IV. Св. Димитрій Ростовскій и его педагогическая дѣятельность.	38— 47
Глава V. Свѣтскія школы при Петрѣ I.	48— 59
Глава VI. Буквари и учебники времени Петра I	59— 76
Глава VII. Ѳеоданъ Прокоповичъ и его педагогическая дѣятельность.	76— 83
Глава VIII. В. Н. Татищевъ и его педагогическіе взгляды.	83— 97
Глава IX. Духовныя школы при Петрѣ I и его преемникахъ. Духовный регламентъ.	97—119
Глава X. Юго-западныя школы. Школы Слободской Украины. Мандрованные дяки	119—129
Глава XI. М. В. Ломоносовъ и его значеніе для русской науки и педагогии	129—155
Глава XII. Академія Наукъ и ея дѣятельность. Московскій университетъ.	156—172
Глава XIII. Нравоучительныя книги первой половины XVIII в.	172—189
Глава XIV. Педагогическія сочиненія первой половины XVIII в.	189—200

Глава XV. Состояніе просвѣщенія и правовъ въ первую половину XVII в. Образование женщинъ. Взгляды на воспитаніе въ обществѣ и литературѣ. Проектъ И. И. Шувалова	200—217
Глава XVI. Императрица Екатерина II Великая, ея значеніе для просвѣщенія Россіи и заботы ея объ образованіи.	217—237
Глава XVII. Екатерина II какъ воспитательница. Воспитаніе великихъ князей: Павла Петровича, Александра и Константина Павловичей.	237—254
Глава XVIII. Инструкція Салтыкову о воспитаніи великихъ князей. Руководства и сказки Екатерины II	255—269
Глава XIX. Образовательные проекты времени Екатерины II Великой	269—279
Глава XX. И. И. Бецкой и его педагогическіе взгляды.	279—292
Глава XXI. Шляхетный сухопутный кадетскій корпусъ и другія военныя учебныя заведенія XVIII в.	293—307
Глава XXII. Митрополитъ Платонъ и Московская Академія. «Слово о воспитаніи».	307—317
Глава XXIII. Австрійская или саганская метода. Комиссія объ учрежденіи, училищъ. Ф. И. Янковичъ де-Мириево. Уставъ народныхъ училищъ 1786 года	317—336
Глава XXIV. Руководство учителямъ народныхъ училищъ	337—349
Глава XXV. Учебники и пособія для народныхъ училищъ.	349—375
Глава XXVI. Женское образованіе и воспитаніе при императрицѣ Екатеринѣ II.	375—390
Глава XXVII. Духовныя школы при императрицѣ Екатеринѣ II и императорѣ Павлѣ I	391—404
Глава XXVIII. Харьковскій коллегіумъ, какъ учебно-воспитательное заведеніе.	405—417
Глава XXIX. Московскій университетъ при Императрицѣ Екатеринѣ II. Дѣятельность Шадена и Шварца	417—434
Глава XXX. Московскій благородный пансіонъ и дѣятельность А. А. Прокоповича-Антонскаго. Рѣчь его «О воспитаніи»	434—454
Глава XXXI. Н. Г. Кургановъ и его «Письмовникъ»	454—464
Глава XXXII. Г. С. Сковорода, странствующій философъ и педагогъ	464—488

Глава XXXIII. Н. И. Новиковъ, его просвѣтительная и литературно-педагогическая дѣятельность. Московскіе масоны	488—520
Глава XXXIV. Нравоучительныя книги второй половины XVIII в.	520—546
Глава XXXV. Педагогическія статьи въ журналахъ и сборникахъ второй половины XVIII в.	546—583
Глава XXXVI. Педагогическія книги второй половины XVIII в.	583—602
Глава XXXVII. Состояніе просвѣщенія и нравовъ во второй половинѣ XVIII в.	602—621
Указатель именъ, встрѣчающихся во II части Исторіи русской педагогіи	623—627

Исторія русской педагогіи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Новая русская педагогія.

(XVIII вѣкъ.)

ГЛАВА I.

Петръ Великій, его ученіе, воспитаніе и значеніе для русскаго просвѣщенія и педагогіи.

XVIII вѣкъ не даромъ считается временемъ весьма важныхъ реформъ и перемѣнъ въ русской жизни и государствѣ. Потребности и запросы лучшихъ людей XVII вѣка, порой неясно выраженные и формулированные, получаютъ удовлетвореніе; разыскиваются новые пути для жизни, ищутся и новые идеалы.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка три лица оказали огромное вліяніе на русское просвѣщеніе и тѣмъ прямо или косвенно способствовали успѣхамъ русской педагогіи; то были Петръ Великій, первый императоръ и самодержецъ Всероссійскій, первый слуга и работникъ своего отечества, св. Димитрій митрополитъ Ростовскій, просвѣтитель народной массы и идеалистъ-педагогъ и М. В. Ломоносовъ, ученый и родоначальникъ русской науки.

Петръ Великій, несмотря на свои ошибки и промахи (слишкомъ насильственный духъ реформы), явился все-таки великимъ преобразователемъ Россіи и создателемъ цѣлаго класса служилыхъ образованныхъ людей, св. Димитрій Ростовскій явился

истиннымъ воспитателемъ народа, а М. В. Ломоносовъ первымъ нашимъ русскимъ ученымъ, создателемъ и устройтелемъ русской науки. Только съ прочными успѣхами послѣдней могла двинуться и русская педагогія.

Ученіе и воспитаніе Петра I. Безъ сомнѣнія, Петръ Великій сыгралъ большую роль въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Съ педагогической точки зрѣнія было бы весьма интересно прослѣдить всѣ вліянія, какимъ подвергался Петръ I, но, къ сожалѣнію, намъ это трудно сдѣлать, по недостатку подходящихъ матеріаловъ.

Несомнѣнно на первоначальное воспитаніе Петра I вліяла мать его Наталія Кирилловна и воспитатель ея бояринъ Матвѣевъ. Воспитаніе его во многомъ было непохоже на то, какое прежде давалось московскимъ царевичамъ. Рано лишившись отца, Петръ въ царствованіе брата и правленіе Софіи находился въ нѣкоторомъ удаленіи отъ придворной жизни и пользовался гораздо большею свободою, нежели его предшественники. Съ дѣтства онъ обнаружилъ необыкновенно дѣятельную, пылкую натуру, гениальныя способности и чрезвычайную любознательность. Для обученія грамотѣ Петра былъ приставленъ дякъ Зотовъ. Крекшнинъ пишетъ, что «Зотовъ, усмотрѣвъ остроту разума и охоту къ ученію государя царевича, доносилъ великой государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ, что государь царевичъ одаренъ отъ Бога разумомъ и охотою ученія и въ праздное время имѣетъ забаву къ слушанію исторіи, и часто изволилъ смотрѣть книги съ кунштами зданій и взятіе городовъ и боевъ и прочихъ наукъ, чтобы соблаговолила искусныхъ мастеровъ и знающихъ истину опредѣлить, а государь царевичъ въ праздные часы вмѣсто забавъ, по природной своей остротѣ разума, охотою можетъ обучиться. Великая же государыня рада сему бысть, и повелѣтъ отдать всѣ историческія книги съ кунштами, опредѣлила искусныхъ учителей и вручила все Зотову. Зотовъ же книги и училища распредѣлилъ въ разныхъ покояхъ и приказалъ мастерствомъ драгимъ, красками, грады и палаты, зданія и дѣла военныя и великіе корабли и исторіи лицевыя съ прописями самымъ лучшимъ мастерствомъ писать. Егда же блаженный сей отрокъ, государь царевичъ въ ученіи книжномъ утрудится, что Зотовъ искусно

наблюдалъ и книгу изъ рукъ у государя царевича бралъ и въ увеселеніи сказывалъ о блаженныхъ дѣлахъ родителя его великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, царя и великаго князя Іоанна Васильевича, храбрыя ихъ и военныя дѣла и дальныя нужные походы, бои, взятые городовъ и колико претерпѣвали нужду и тяготу больше простого народа, и тѣмъ великія благополучія государству приобрѣли и государство Россійское распространили. Такъ повѣдалъ дѣла великаго князя Дмитрія Донского и дѣла князя Владимира и Александра Невскаго и о прочихъ. И отхождаше съ государемъ царевичемъ для увеселенія въ разныя ученія, по разнымъ покоямъ, объявляя, что безъ сихъ наукъ державнымъ монархомъ невозможно быть».

Изъ словъ Крекшина можно заключить, что Зотовъ первый употребилъ этотъ методъ обучать дѣтей посредствомъ картинокъ. Такъ многіе и думали. Но встрѣчаются извѣстія объ этомъ предметѣ, относящіяся еще ко времени Михаила Ѳедоровича. По свидѣтельству г. Снегирева «наставникъ царя Алексѣя Михайловича, Морозовъ, училъ своего порфиророднаго питомца посредствомъ гравированныхъ въ Германіи картинокъ, какъ доказываетъ собраніе ихъ, принадлежавшее Морозову и хранящееся нынѣ у П. А. Муханова. Въ царскомъ быту обученіе картинками имѣло свой правильный составъ, замѣчаетъ г. Забѣлинъ, оно заключалось въ царственныхъ и потѣшныхъ книгахъ. Отечественную исторію дѣти узнавали изъ царственныхъ книгъ, которыя заключали въ себѣ изложеніе отечественныхъ лѣтописей, составленное преимущественно для картинокъ и украшенное ими во множествѣ, такъ что самый текстъ царственныхъ книгъ въ сущности составлялъ только подписи къ рисованнымъ изображеніямъ. Царственныя книги, хотя и не вполне, сохранились до нашего времени и были изданы въ прошедшемъ столѣтіи княземъ Щербатовымъ подъ названіемъ собственно Царственной книги С.-Пб. 1769 г., Царственнаго лѣтописца С.-Пб. 1772 г. и Древняго лѣтописца въ 2 частяхъ С.-Пб. 1774 г. Все это составляло нѣкогда одно цѣлое и служило, какъ «книга царственная», превосходнымъ руководствомъ для дѣтей, которыя по картинкамъ наглядно изучали здѣсь русскую исторію, знакомились съ замѣчательными событіями, съ лицами нашей древности,

какъ это хорошо видно изъ сказанія Крекшина объ ученіи Зотовымъ Петра Великаго. Къ отдѣлу же живописныхъ книгъ должно отнести и нѣкоторыя сочиненія духовнаго и церковно-историческаго содержанія, которыя также великолѣпно украшались картинками, безъ сомнѣнія, для назидательнаго чтенія какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ.

Потѣшныя книги. Но еще болѣе любопытны такъ называемыя книги потѣшныя, которыя были двухъ родовъ. Такъ, однѣ потѣшныя книги представляли нѣчто похожее на живописную энциклопедію, содержаніе которой усложнялось небогатыми средствами тогдашняго образованія. Изъ этихъ книгъ, однако, малолѣтныя царевичи почерпали простыя, но весьма полезныя свѣдѣнія о самыхъ простыхъ, ежедневныхъ предметахъ, даже о такихъ, которые, можетъ быть, не всегда могли бы и встрѣчаться имъ въ жизни. Напримѣръ, о томъ какъ папуть, боронютъ, сѣютъ, жнутъ, какъ мѣсятъ и въ печь сажаютъ хлѣбы и т. п. Разумѣется духъ тогдашняго образованія отражался и здѣсь и вносилъ въ эти книги, вмѣстѣ съ изображеніями морского человѣка и морской дѣвицы, разные басни и рассказы о чудесахъ, которыя почерпались изъ древнихъ космографій. Потѣшныя книги отъ частаго употребленія, разумѣется, приходили въ ветхость, дѣти ихъ грязнили и рвали; поэтому они весьма часто или возобновлялись, или составлялись вновь¹⁾. Такъ въ 1664 г. изготовлены были четыре книги потѣшныхъ для царевенъ меньшихъ, въ 1672 г. иконописецъ Петръ Афонасьевъ писалъ царевичу еще двѣ потѣшныя книги: люди съ боемъ. Въ 1675 г. писана потѣшная книжка царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ. Въ томъ же году иконописцу Тимоѳею Резанцу велѣно написать въ хоромахъ къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ двѣ книги потѣшныя въ осьмушку, а писать дѣвицы и птицы и бабы разными переводами, т. е. образцами царевнамъ меньшимъ. Въ 1676 г. иконописецъ Ѳеодоръ Матвѣевъ писалъ потѣшную книгу царевичу Петру Алексѣевичу, а въ 1680 г. иконописецъ Тимоѳей Резанецъ писалъ и расцвѣчивалъ шафраномъ царевичу Петру потѣшныя тетради. Для царевича Алексѣя Петровича изготовлены были въ 1693 г. иконописцемъ Афонасьевымъ потѣшная книга въ тет-

¹⁾ Здѣсь и причина того, что подлинники ихъ до насъ не дошли или еще не открыты.

радахъ въ дестъ, т.-е. въ листъ, строй служивыхъ и иныхъ и звѣрей и птицъ, и другая люди, звѣри и птицы (Забѣлинь). Другого рода потѣшныя книги имѣли цѣлью доставить дѣтямъ легкое и интересное чтеніе, сюда входили разныя исторіи, повѣсти и сказки.

Иностранное вліяніе. Однако, ученіе Зотова не удовлетворяло Петра I и онъ нашель себѣ учителей среди обитателей нѣмецкой слободы. Изъ этихъ иностранцевъ наиболѣе извѣстенъ голландецъ Тиммерманъ, у котораго Петръ I «гораздо присталь съ охотою учиться геометріи и фортификаціи» и генераль Гордонъ, родомъ шотландецъ, главный наставникъ въ военномъ дѣлѣ.

Петръ I всюду таскаетъ Тиммермана и закидываетъ его вопросами: что это, зачѣмъ? Любознательный мальчикъ вездѣ пробирается, до всего ему дѣло, все ему надобно.

Разказы иностранцевъ, знакомившихъ Петра съ подробностями европейской образованности, еще сильнѣе возбуждали въ немъ жажду знанія и дѣятельности.

Дѣтскія забавы Петра отличались военнымъ характеромъ; онъ окружилъ себя сверстниками изъ дѣтей придворныхъ служителей и, проводя большую часть времени въ царскихъ подмошковыхъ селахъ, игралъ съ ними въ солдаты. Съ помощью иностранныхъ офицеровъ онъ образовалъ изъ товарищей своихъ игръ потѣшныя роты, сформированныя по образцу регулярнаго солдатскаго войска.

Иностранные корабельные мастера помогли царевичу завести также потѣшный флотъ изъ судовъ, построенныхъ по европейскимъ образцамъ. По мѣрѣ того какъ забавлялся Петръ, смѣнялись предметы его потѣхъ и являлась возможность познакомиться съ различными предметами потѣхъ.

Потѣхи Петра быстро смѣнялись однѣ другими и не сидѣли безъ работы ни художники, ни разные мастера, которымъ выпадало на долю быть для него поставщиками потѣхъ.

Поэтому нельзя не признать нѣкотораго, правда косвеннаго, педагогическаго вліянія на Петра художниковъ, живописцевъ, иконописцевъ и вообще разнаго рода мастеровъ.

Они, посредственно и непосредственно, имѣли наиболѣе возбуждающее вліяніе къ развитію въ немъ, какъ любознатель-

ности, охоты къ труду, неутомимости къ работѣ, такъ и той, хорошо всѣмъ извѣстной, простоты въ обращеніи съ людьми дѣла, какого бы незнатнаго происхожденія они ни были. Благодаря этому косвенному педагогическому вліянію, русская исторія представила то безпримѣрное явленіе, что царь Петръ забывалъ «всѣ чины и чинность», впереди всего ставилъ дѣло, трудъ, работу, и что каждый истинный и честный работникъ становился для него не только сослуживцемъ, но и близкимъ другомъ.

Воспитательное вліяніе Петра I. Петръ оставилъ идеаль-государя совершенно новыми условіями, старался подчинить его дѣятельность тѣмъ же началамъ, выполненіе которыхъ онъ признавалъ необходимой обязанностью каждаго члена государства. Такъ государь, во имя общаго блага, долженъ служить государству, народу. Свое служеніе онъ начинаетъ съ низшихъ ступеней, неся на себѣ служебныя обязанности.

Образованіе, трудъ, заслуги, признанныя другими, даютъ ему право подниматься на высшія ступени общественнаго положенія.

Петръ I своимъ примѣромъ хотѣлъ показать, какъ слѣдуетъ служить Россіи и какъ много царю нужно учиться, чтобы достойно держать скипетръ въ своихъ рукахъ.

Признавая важность профессиональнаго образованія, Петръ Великій научился самъ многимъ ремесламъ.

Еще въ 1697 г. ганноверская курфюрстина писала, что царь знаетъ въ совершенствѣ 14 ремеслъ, не называя, впрочемъ, какихъ. Его познанія въ ремеслахъ обнаружили, напр., во время посѣщенія имъ Парижа, когда онъ, заходя къ ремесленникамъ, спрашивалъ ихъ о подробностяхъ работы. Петръ былъ искусный плотникъ, токарь, рѣзчикъ, кузнецъ, канатный мастеръ, садовникъ, дровосѣкъ, фейерверкеръ, барабанщикъ¹⁾.

Въ продолженіе почти всей жизни, хотя и отвлекаемый часто государственными дѣлами, Петръ заботился о наукѣ и искусствахъ, особенно его привлекали науки прикладныя. Онъ провѣрялъ приготовляемые къ печати переводы иностранныхъ книгъ, да и почти всѣ выходившія на русскомъ языкѣ книги проходили чрезъ руки царя.

¹⁾ Устряловъ т. III, Соловьевъ т. XVIII. стран. 77.

Петра Великаго прежде всего интересовало живое, реальное дѣло.

Онъ искалъ случая слышать живую рѣчь самихъ людей науки, научиться отъ нихъ, слушалъ ихъ лекціи, смотрѣлъ опыты механическіе, химическіе, присутствовалъ при анатомическихъ вскрытіяхъ, напр. у Рюйша, извѣстнаго профессора анатоміи¹⁾, у членовъ парижской академіи, у Жофруа. Свои научныя знанія, Петръ I пополнялъ подробнымъ осмотромъ естественно-историческихъ кабинетовъ, музеумовъ, коллекцій, зоологическихъ садовъ, механическихъ кабинетовъ, обсерваторій, лабораторій, анатомическихъ театровъ, картинныхъ галлерей и пр. Получивъ въ Петербургѣ знаменитый готторнскій глобусъ, Петръ, отозвавшись о немъ, какъ о самомъ пріятномъ подаркѣ, говорятъ, по цѣлымъ часамъ занимался разсматриваніемъ его. Отъ его зоркаго, пытливаго глаза ничто не могло скрыться, онъ обладалъ притомъ памятью и наблюдательностью, потому то въ его именныхъ указахъ и собственноручныхъ письмахъ разсыпаны разнообразныя критическія полезныя наставленія и замѣтки, относящіяся къ различнымъ областямъ человѣческой дѣятельности.

Сознавая пользу какого-либо дѣла, какого-либо предпріятія, онъ не просто приводитъ его въ исполненіе, но старается убѣдить и другихъ въ полезности и необходимости предпринятой реформы задуманнаго дѣла. Для большей убѣдительности въ указахъ, манифестахъ, регламентахъ приводятся въ доказательство не только библейскіе факты, цитаты изъ Священной Исторіи (что дѣлали и въ до-петровское время), но дѣлаются обширныя ссылки на историческіе примѣры, предлагаются тѣ или другія разумныя основанія. Правда, указы и регламенты не всегда, а особенно въ то время, могли служить орудіями воспитанія и просвѣщенія.

Если вспомнимъ низкій уровень тогдашняго народнаго развитія, тяжелый слогъ и языкъ петровскихъ указовъ, то придется

¹⁾ Рассказываютъ, что царь былъ изумленъ, когда увидѣлъ въ первый разъ знаменитый анатомическій театръ этого ученаго. Съ трудомъ Петръ рѣшился выйти изъ кабинета ученаго: много разъ потомъ возвращался къ нему, запросто обѣдалъ съ нимъ, ходилъ съ Рюйшемъ даже въ госпиталь св. Петра, гдѣ для этого была продѣлана особенная дверь, чтобы избавить царя отъ взглядовъ любопытной толпы.

сознаться, что они были далеко не совершенными выразителями идей Петра и не могли производить такого впечатлѣнія на народъ, какое было желательнымъ.

Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе воспитывающимъ образомъ дѣйствовалъ живой примѣръ самого Петра, особенно на ближайшихъ сотрудниковъ-очевидцевъ. Нартовъ, Неплюевъ, Татищевъ, Макаровъ, Меньшиковъ были ближайшіе его ученики и воспитанники. Съ этими людьми чаще, чѣмъ съ другими, велась откровенная бесѣда, предъ ними больше и смѣлѣе, чѣмъ передъ кѣмъ-нибудь, развивалъ онъ свои убѣжденія и взгляды, знакомилъ съ тайными и явными намѣреніями и планами, имъ больше другихъ передавалъ свои наблюденія и знанія. Этихъ людей можно вполне назвать его первыми учениками и проводниками его идей.

Свой основной взглядъ, что общее благо должно составлять постоянную, высокую цѣль человѣческой дѣятельности, Петръ проводилъ въ разговорахъ съ окружающими людьми, въ перепискѣ и, наконецъ, во многихъ законодательныхъ памятникахъ, не только общихъ регламентахъ, наказахъ, но и по поводу частныхъ случаевъ. Едва ли когда-нибудь среди обыденной жизни такъ часто раздавался на Руси призывъ послужить общимъ, всенароднымъ интересамъ. Открыто заявляя, что у него «всѣ старанія и намѣренія къ тому, какъ бы самъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобы всѣ наши подданные попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе», что для счастья Россіи онъ не жалѣлъ здоровья и жизни, Петръ убѣждаетъ сенатъ и народъ «надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ предъ очами кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ».

Значеніе труда. Для блага Россіи, по мнѣнію Петра, нужны были прежде всего политическая сила и матеріальное благосостояніе. А матеріальное благосостояніе возможно подъ условіемъ развитія промышленности и торговли. То же и другое вообще достигается подъ условіемъ развитія труда и распространенія знанія.

И вотъ Петръ I своимъ живымъ примѣромъ являетъ у насъ небывалый примѣръ апологіи труда. Кажется, великое педаго-

гическое значеніе труда никогда еще раньше не было такъ конкретно сознано¹⁾.

Петръ стремился поднять въ глазахъ русскаго общества значеніе труда, показать, что не трудиться, а лѣниться — постыдно и зазорно.

Несмотря на рядъ поученій Владиміра Мономаха, Златоустовъ, Измарагдовъ и Домостроя о необходимости и важности труда, въ русскомъ боярствѣ (а не простомъ народѣ и духовенствѣ) выработался взглядъ, что занятія физическимъ, ручнымъ трудомъ не боярское дѣло, что боярину прилично только хожденіе на войну, сидѣніе на воеводствѣ и по приказамъ и особенно служба при дворѣ, вообще же самое лучшее — пользованіе даровымъ трудомъ. Чтобы показать ложность этого взгляда, Петръ I самолично выковываетъ восемнадцать пудовъ желѣза, покупаетъ на заработанныя деньги бабшмаки, носитъ и показываетъ рассказывая, что выработалъ онъ ихъ самъ своими руками²⁾.

Въ письмахъ Петра I къ сотрудникамъ на каждомъ шагу встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ «надобно зѣло трудиться», «всевозможно трудиться», «поревновать и склоняться къ добру и трудолюбію», «отъ всей крѣпости своей труды приложить», «приложить труды къ трудамъ», «пока напоминаемъ, дабы вы трудились», «хотя я и вѣдаю ваше радѣніе, не вина напоминать про трудъ», «мы всѣмъ сердцемъ рады вашу милость и работу вашу видѣть и васъ за труды благодарить». Вся переписка Петра I носитъ дѣловой, серьезный характеръ; шутки, личные нужды стояли у него на послѣднемъ планѣ; а на первомъ — дѣло самаго разнообразнаго свойства.

Что Петръ I ставилъ высоко трудъ вообще и въ частности одинъ изъ видовъ его — службу обществу, государству, на это указываетъ та мысль, которую онъ съ настойчивостью проводилъ въ своей перепискѣ, указахъ, въ особенности извѣстномъ «табелѣ о рангахъ», и которой придерживался въ отношеніи къ окружающимъ. Человѣкъ трудящійся, а тѣмъ болѣе оказавшій уже своею дѣятельностью услуги отечеству, имѣетъ всегда полное право на пользованіе благами жизни, на уваженіе дру-

¹⁾ «То академикъ, то герой, то мореплаватель, то плотникъ онъ всеобъемлющей душой на тронѣ вѣчный былъ работникъ» (Пушкинъ).

²⁾ Нартовъ № 81.

гихъ; трудъ вмѣстѣ съ знаніемъ и честностью указываютъ положеніе въ обществѣ, а по окончаніи дѣятельности даютъ право труженику быть обезпеченнымъ на общественныя средства. «Вамъ нужно трудиться изо всѣхъ силъ, пишеть царь къ Матвѣеву, и понеже сіе дѣло великое вручено вамъ, то не малаго и воздаянія уповати можете, ежели оное съ помощью Божьею управите».

Губернаторамъ и воеводамъ поставлялось въ обязанность смотрѣть за учителями ариѳметическихъ школъ, чтобы они, безъ дѣла, даромъ жалованье не получали, кригсъ-коммисаріату, чтобы никто «безъ труда и заплаты своей не имѣлъ, и убытокъ казнѣ его царскаго величества не чинилъ». Труды, личныя заслуги и образованіе постепенно возводятъ служащихъ, «хотя бы и низкой породы они были» на высшія и высшія ступени общественнаго положенія, [даютъ преимущества, которыми пользовалось до сихъ поръ только привилегированное сословіе, дворянство¹⁾]. Твердо и неуклонно отдавая дань уваженія труду и знанію, Петръ училъ цѣнить людей за ихъ личныя достоинства, ихъ трудолюбіе, опытность, знаніе, а не кровное происхожденіе. Этимъ самымъ онъ возвышалъ личность человѣка, развивалъ въ ней сознаніе человѣческаго достоинства, вѣру въ собственныя силы, самостоятельно-независимое отношеніе къ жизни. Это было, дѣйствительно *нѣчто новое*, чего не знала или мало знала и цѣнила Московская Русь.

Въ епископахъ и священникахъ Петру хотѣлось видѣть скромныхъ, просвѣщенныхъ и трудолюбивыхъ учителей народа «труждающихся въ словѣ и ученіи», учившихъ христіанскимъ добродѣтелямъ, а въ монахахъ и монахиняхъ людей, посвятившихъ себя труду вообще и особенно служенію ближнему, уходу за престарѣлыми, больными членами общества, воспитанію сиротъ и незаконнорожденныхъ дѣтей²⁾. Впрочемъ необходимо сказать, что Петръ I, увлеченный служеніемъ обществу и государству, поклонникъ матеріальнаго прогресса, мало вникалъ въ потребности, духъ и сущность религіи и потому нерѣдко вносилъ въ религіозныя вопросы черезчуръ утилитарныя взгляды.

¹⁾ П. С. З. № 3890, 3, 8, 11, 14, 3705, 3006.

²⁾ См. прибавленіе къ Духовному регламенту «о житіи монаховъ» 18, 36, и др. 4450.

Важность знанія. Взгляды Петра на жизнь, его бесѣды, постоянныя заботы о самообразованіи, наконецъ, самая практическая дѣятельность достаточно указываютъ на то, какъ высоко онъ ставилъ знаніе. На вредъ отсутствія знаній Петръ ссылается неоднократно.

Такъ онъ приписывалъ неудачи чигиринскаго и крымскихъ походовъ малому знакомству русскаго войска съ военнымъ искусствомъ; малое развитіе до него горнаго дѣла онъ объяснялъ тѣмъ, что «наши подданные рудокопнымъ дѣломъ и какъ съ онаго въ пользу государственную произвести не разумѣли», такъ онъ объявилъ народу, что только благодаря невѣжеству и глупости не умѣютъ пользоваться дарами природы (порочать, напр., такой неоцѣненный даръ природы, какъ марціальныя воды въ Олонцѣ), такъ заявлялось имъ, что отъ невѣдѣнія иноземныхъ торговыхъ трактатовъ русскіе купцы могутъ впасть въ убытокъ и пр. Петръ любилъ, говорятъ, высказать мысль въ средѣ окружающихъ людей о пользѣ знанія и проводилъ ее нерѣдко въ среду народа въ своихъ указахъ, напр., въ духовномъ регламентѣ, гдѣ часто попадаются нападки на невѣжество, встрѣчаемъ и такое общее положеніе: «ученіе доброе и основательное есть всякой пользы, какъ отечества, такъ и церкви, аки корень и сѣмя и основаніе», въ другомъ мѣстѣ: «академіи, школы дѣло есть зѣло нужное для обученія народнаго»¹⁾ и т. д. Обращаясь къ своимъ подчиненнымъ, Петръ нерѣдко прямо требовалъ занятій разнаго рода «науками» или «опыта», испытыванья, провѣдыванья, испробованья, изобрѣтеній, «инвенцій», вымысленій новыхъ машинъ²⁾.

Потери и неудачи подъ Азовомъ, разгромъ подъ Нарвой и много другихъ военныхъ событій и разныхъ мелочей военного быта убѣдили его въ необходимости изучать серьезно спеціально военныя науки, пріучаться къ дисциплинѣ, и вотъ воинскій уставъ 1716 г. подробно опредѣляетъ знанія, требуемыя отъ тогдашнихъ военныхъ людей. Отъ военныхъ начальниковъ и офицеровъ требовалось знаніе математики (арифметики и геометріи), фортификаціи, артиллеріи, географіи, военныхъ и прочихъ правъ.

¹⁾ П. С. З. VI т. 331.

²⁾ П. С. З. 3668; 2, 7, 3811, 3937. XII, 29. XX, 21, 4129 и пр., приведено у И. Соколовскаго. Петръ Великій и пр.]

При созданіи русскаго военнаго флота, гдѣ по самому характеру службы требуется не столько личная храбрость, сколько опытность и знанія, нужно было снабдить его людьми искусными въ отправленіи своихъ обязанностей. Кромѣ людей, умѣющихъ отправлять морскую службу, нужны были люди, умѣющие построить флотъ, оснастить, снабдить его всѣмъ необходимымъ. Для расширенія добывающей и обрабатывающей промышленности, для постройки заводовъ и фабрикъ, новыхъ крѣпостей и зданій, заложенія гаваней и проведенія каналовъ нужны были знающіе работники, съ достаточной естественно-исторической и математической подготовкой, химики, механики, инженеры, архитекторы и пр. Для удовлетворенія потребностей войска и флота, почти вовсе лишенныхъ медицинской помощи, нужны были научно-образованные врачи и хирурги. При увеличившихся сношеніяхъ съ Европой, съ умноженіемъ пришлыхъ иностранцевъ, сдѣлались «зѣло нужны переводчики, знающіе древніе и новыя языки».

Создавая въ Россіи науку, расширяя для этого типографскую дѣятельность, устраивая библіотеки и выписывая инструменты, Петръ долженъ былъ озаботиться найти людей, умѣющихъ собирать и распоряжаться этими матеріалами и научными средствами.

Съ этою цѣлью Петръ I посылалъ за границу молодыхъ людей учиться, самъ ѣздилъ два раза въ Западную Европу съ цѣлью самообразованія.

Признавая важность заведенія флота и усиленія морскихъ силъ, Петръ I пожелалъ за границей брать уроки мореплаванія и навигаціи, также учиться черченію кораблей, и Витзень, амстердамскій бургомистръ, выбиралъ для него извѣстныхъ преподавателей: такъ фонъ-Дамъ давалъ уроки математики и мореплаванія, а Адамъ Сило уроки черченія. Петръ I, какъ это видно изъ его подневныхъ журналовъ, не оставлялъ безъ внимательнаго осмотра кабинетовъ натуральной исторіи, посѣщалъ библіотеки, типографіи, музеи.

Изданіе книгъ. Для школъ и для распространенія свѣдѣній между любознательными взрослыми людьми нужны были книги на русскомъ языкѣ, книги недорогоя, распространявшіяся печатаніемъ.

Во время пребыванія своего въ Голландіи, Петръ сблизился съ семействомъ Тессинговъ, и одинъ изъ троихъ братьевъ, Иванъ Тессингъ, выпросилъ у царя привилегію на заведеніе русской типографіи. «Мы, великій государь, говорится въ жалованной грамотѣ 10 февраля, 1700 г. Ивана Тессинга пожаловали, повелѣли ему въ городѣ Амстердамѣ печатать европейскія, азіатскія и американскія земныя и морскія картины и чертежи и всякіе печатные листы и персоны, и о земныхъ и о морскихъ ратныхъ людяхъ, математическія, архитектурскія и городостроительныя и иныя художественныя книги». Дѣло, однако, у Тессинга не пошло успѣшно. Гораздо замѣтнѣе была дѣятельность Ильи Копіевскаго или Копіевича, который занимался сначала вмѣстѣ съ Тессингомъ, но потомъ отдѣлился. Копіевскій издалъ много учебниковъ и переводовъ, которые, на первыхъ порахъ, могли быть полезны русскимъ людямъ, не знавшимъ иностранныхъ языковъ¹⁾. Копіевскій, кромѣ изданія книгъ, давалъ уроки русскимъ князьямъ и боярамъ, бывшимъ въ Амстердамѣ, по повелѣнію царя. Ученики, впрочемъ, развѣхались потомъ, не поблагодаривъ даже учителя за его труды.

Для знакомства съ спеціальными предметами при Петрѣ I издаваемы были особыя книги. Это большею частію переводныя руководства къ навигаціи, артиллеріи, фортификаціи и караблестроенію напр. «Книга морского плаванія», Деграфа (1701), «Основаніе и практика артиллеріи» Брауна (1709), «Новое крѣпостное строеніе» Кугорна (1709), «Воинскія правила, какъ непріятельскія крѣпости силою брати» барона Боргдорфа (1709), «Архитектура воинская» Штурма (1709), «Географія или краткое земного круга описаніе» (1710), «Истинный способъ укрѣпленія городовъ» Вобана (1724) и др. Книги эти имѣли съ одной стороны цѣлью снабдить школы учебными пособіями, а съ другой распространить полезныя свѣдѣнія между любознательными людьми, не знавшими иностранныхъ языковъ. Копіевскій издалъ много переводовъ и учебниковъ, между прочимъ Руководеніе въ грамматику (1706). Въ 1707 г. онъ прибылъ изъ Амстердама въ Россію и привезъ съ собою три азбуки новоизобрѣтенныхъ русскихъ литеръ. Первою книгою, напечатанною этимъ шрифтомъ, была

¹⁾ Подробности см. у Пекарскаго. Наука и литература при Петрѣ I, т. I и II.

«Геометрія, словенски землемѣріе (1708), а второю Приклады, како пишутся комплементы (1708). Далѣе слѣдовали: Апоегмата, т.-е. краткихъ витіеватыхъ и нравоучительныхъ рѣчей книги три (1712), Разговоры Эразма (1716), Юности честное зеркало или показаніе къ житейскому наставленію (1717), содержащее въ себѣ наставленіе юношамъ, какъ они должны вести себя въ обществѣ и дома. Первое ученіе отрокомъ Теофана Прокоповича (1720), Полидора Виргиліа Урбинскаго осмь книгъ о изобрѣтателяхъ вещей (1720)¹⁾. Аполлодора граматика Ави-нейскаго библиотека или о богахъ²⁾, и цѣлый рядъ другихъ книгъ, подробности о которыхъ можно найти у г. Пекарскаго. (Наука и литература при Петрѣ Великомъ.)

¹⁾ Приведемъ подробности объ этой интересной книгѣ. Въ книгѣ 412 стран. in folio. Въ предисловіи къ ней сказано: «убо буди читатель подобенъ трудолюбивѣи пчелѣ, не токмо благоуханныя цвѣты и дресеса, но и мертвая тѣлеса облетающей, и отъ всѣхъ дивный пчельникъ и сладкій медъ сочиняющей и тако здравъ и правъ будещи и умудришися. Тутъ говорится о началѣ мѣры стиховъ, многія ли суть роды мѣры (гл. IX), о началѣхъ трагедіи и комедіи (гл. X), о началѣ сатирской и новой комедіи (гл. XI), кто первѣе исторію сложи и о ея потребѣхъ». О значеніи исторіи здѣсь сказано: «Исторія яже толико инная писанія превосходитъ, елико множайшія примѣры вещей содержитъ, долгота времени, нежели человѣческой вѣкъ къ наставленію житія зѣло потребна, да разумѣется. Занеже якоже Цицеронъ о риторѣ изрядно глаголетъ, самая есть свидѣтельницаю времени, свѣтъ правды, животоу памяти, и наставница житія» (стран. 34). «Нынѣ о регулахъ къ сочиненію исторіи нѣчто предложитъ умыслихомъ. Первый уставъ исторіописцу есть данный (по свидѣтельству Цицерона въ книгѣ о риторѣ) да не должно что глаголати дерзнетъ, таже правды писати да не убоится, да не будетъ подозрѣніе милости какія въ писаніи, ниже притвора (ib). Далѣе слѣдуетъ: о началѣ риторики (гл. XIII), кто первыи мусікію изобрѣте, и колико она можетъ ко облегченію житія человѣческаго трудовъ («Тако корабельницы (ею) возбуждаются, тако земледѣльцы, возница, тако каменосѣчцы и прочіи долгимъ между трудами и путешествіи пѣніемъ увеселяются (гл. XIV стран. 39). Сократъ уже старъ сущъ не постыдѣся учитися на скрипциѣ (стран. 40). Въ XVI главѣ говорится о началѣ філософіи и двухъ ея началѣхъ и кто первой изобрѣте леику (сирѣчь науку о добрѣхъ нравѣхъ) и діалектику і діалоги сіи есть разговоры введе. Въ гл. XVIII указывается, кто первый геометрію и ариметику обрѣте» и т. д.

²⁾ Книга издана въ Москвѣ въ 1725 г. (напечатана повелѣніемъ Императорскаго Величества), стран. 430 in 8. Сія же его (Аполлодора) книга содержитъ въ себѣ начало и родословіе боговъ языческихъ и повѣствуется въ ней, которые были первые бози и отъ нихъ которые сыны и внуки и правнуки: и прочее чиномъ рожденія племѣа произошли (стран. 2). Но чтобы такое предпріятіе не показалось страннымъ православнымъ читателямъ, не привыкшимъ дотолѣ къ подобнаго рода книгамъ, переводчикъ въ предисловіи даетъ объясненіе, зачѣмъ издается такая книга и какаѣя отъ нея польза. Польза же отъ книгъ языческихъ можетъ быть намъ слѣдующая: 1) познаемъ, какъ мерзкое есть многобожіе зловѣріе 2) коликая слѣпота есть родъ человѣческаго донелѣже кто отъ Бога не просвѣщенъ бываетъ. 3) Узнавъ мерзость многобожія, научаемся цѣннить и почитать Единаго, Истиннаго Бога.

Во второе свое путешествіе 1717 г. по Европѣ Петръ I былъ во Франціи и среди разнообразныхъ развлеченій, которыя старался ему доставить герцогъ Орлеанскій, не забывалъ посѣтить всѣ замѣчательныя ученныя учрежденія и повидаться со всѣми знаменитостями науки, какими славился Парижъ. Осматривалъ королевскую типографію, гдѣ въ присутствіи его отпечатали множество пробныхъ оттисковъ, посѣтилъ коллегіумъ, основанный Мазарини и, имѣя намѣреніе учредить въ Россіи подобное же заведеніе, разспрашивалъ объ издержкахъ, что можетъ стоить подобное заведеніе. Посѣтилъ Сорбонну, былъ въ Академіи наукъ. Въ Академіи наукъ царю показали всѣ новости, касающіяся опытныхъ наукъ, и Петръ пожелалъ быть членомъ Академіи.

Бесѣдовалъ съ географомъ Делилемъ и ѣздилъ къ Жофруа смотрѣть химическіе опыты. Во второе же заграничное путешествіе онъ сдѣлалъ нѣсколько серіозныхъ пріобрѣтеній: въ Данцигѣ онъ купилъ у доктора Готвальда коллекцію минераловъ, раковинъ и рѣдкихъ камней, а въ Амстердамѣ пріобрѣлъ за 15 тыс. гол. флориновъ у аптекаря Себы извѣстное въ свое время собраніе животныхъ, рыбъ и насѣкомыхъ, сохранявшихся въ спиртѣ; въ 1717 г. Петръ купилъ знаменитый анатомическій кабинетъ Рюйша за 50 тысячъ флориновъ.

Возвратясь въ Петербургъ изъ заграничнаго путешествія, Петръ посѣтилъ свое собраніе рѣдкостей, называвшееся тогда кунстъ-камерой и 13 февраля 1718 г. состоялся любопытный указъ о доставленіи въ кунстъ-камеру со всѣхъ концовъ Россіи уродовъ и рѣдкостей («раритетовъ»).

Какъ въ началѣ нашей древней литературы у насъ появилось много переводныхъ книгъ изъ литературъ отеческой и византійской, такъ въ началѣ литературы новой (со времени Петра I) появился длинный рядъ переводныхъ сочиненій изъ литературъ западно-европейскихъ народовъ. Объ этомъ, какъ мы говорили, заботился самъ Петръ I, онъ выбиралъ и назначалъ переводчиковъ, издавалъ указы о переводахъ, самъ исправлялъ иногда періоды и разъяснялъ, какъ ихъ надо дѣлать. Онъ требовалъ, чтобы переводчики писали простымъ слогаемъ и держались болѣе русскаго языка, чѣмъ славянскаго. Переводчиками были различныя лица, служившія въ посольскомъ приказѣ, обрусѣлыя нѣмцы и поляки; затѣмъ лица, окончившія

курсъ Киевской и Московской академій; эти послѣдніе не знали новыхъ языковъ, но имъ былъ извѣстенъ латинскій языкъ, а латинскій языкъ былъ въ тѣ времена языкомъ науки, и многія европейскія сочиненія были написаны на немъ. Когда учрежденъ былъ Синодъ, Петръ I иногда посылалъ туда книги для перевода.

Кромѣ специальныхъ сочиненій, о которыхъ мы говорили, — переведились и сочиненія научныя и поэтическаго характера. Напр., трактаты Гуго Гроція «О законахъ брани и мира», Пуффендорфа «Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ», «О должностяхъ человѣка и гражданина». Переведены были: «Притчи Эзопа». Названная выше: «Библіотека о богахъ» Аполлодора, Ватрахомиомахія (Война мышей и лягушекъ), «Метаморфозы» Овидія, «Книга Система или состояніе мухамеданской религіи» и пр.

Изданіе газеты. Заботясь о переводѣ книгъ, Петръ позаботился также и о началѣ у насъ журналистики; по его распоряженію, стала издаваться первая на Руси газета «Вѣдомости».

До Петра знать, что дѣлалось у себя и въ чужихъ странахъ, было привилегіею правительства. Рукописные «куранты» (съ 1621 г.) составлялись въ посольскомъ приказѣ, заключали въ себѣ краткія извѣстія о событіяхъ нашихъ и иностранныхъ, и представлялись только царю и ближайшимъ къ нему боярамъ. Петръ хотѣлъ, чтобы всѣ русскіе люди знали, что дѣлается на свѣтѣ. Въ концѣ 1702 г. онъ повелѣлъ печатать «Вѣдомости о военныхъ подвигахъ, и иныхъ дѣлахъ достойныхъ вниманія». Первый № «Вѣдомостей» вышелъ въ Москвѣ въ 1703 г., 2 января. На первомъ же листкѣ, вслѣдъ за извѣстіемъ, сколько вылито пушекъ въ Москвѣ, «Вѣдомости» объявили, что «повелѣніемъ его величества московскія школы умножаются, и сорокъ пять человѣкъ слушаютъ философію, и уже диалектику окончили. Въ математической штюрманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добръ науку приемятъ»... Печатались «Вѣдомости» въ 8-ю долю листа сначала церковно-славянскими буквами, потомъ гражданскимъ шрифтомъ.

Театръ. Наконецъ, Петръ I возстановилъ театръ, устроенный его отцомъ и упраздненный при его братѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ. Сценическія представленія изъ царскаго дворца (Верха) были перенесены на Красную площадь въ особо устроенный «Комидій-

ный домъ» и сдѣлались доступными для всякаго чина людей. Какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ тѣшили великаго государя нѣмцы, у которыхъ начальникомъ былъ Яганъ Годффридъ, такъ и при Петрѣ I въ 1701 г. вывезенъ былъ въ Москву Юганъ Кунштъ изъ Данцига съ труппой актеровъ, котораго замѣнилъ потомъ Фюрстъ. Какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ брали подъячихъ и отсылали къ магистру Ягану Годффриду для наученія комидійнаго дѣла, такъ и теперь, въ 1702 г., набрали подъячихъ изъ разныхъ приходоу и отдали Куншту, который обязался «ихъ всякимъ комедіямъ учить съ добрымъ радѣніемъ и со всякимъ откровеніемъ». Но разница между временемъ царя Алексѣя и царя Петра была та, что театръ сдѣлался общенароднымъ.

Заграничныя командировки. Всѣ эти преобразованія, реформы, новшества требовали умныхъ, знающихъ людей. А людей-то и не было. Приглашали иностранцевъ; иностранцы пріѣзжали, но далеко не многіе отвѣчали назрѣвшимъ потребностямъ, лучшіе иностранцы сидѣли дома и ихъ трудно было заполучить въ Россію (вспомнимъ, напр., неудавшееся приглашеніе Вольфа). Нужно было русскимъ научиться заморской наукѣ, строенію кораблей, архитектурному и военному дѣлу. Начали молодыхъ людей десятками посылать за границу. «Началось новое въ Россіи дѣло: строеніе великимъ издивеніемъ кораблей, галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи умыслилъ государь искусство дѣла того ввести въ народъ свой, и того ради многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго»¹⁾. Пятьдесятъ комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ отправлены были съ этою цѣлью за границу: 28 — въ Италію, преимущественно въ Венецію, 22 — въ Англію и Голландію. Впослѣдствіи эти посылки отъ времени до времени возобновлялись.

Источники и пособія.

Соловьевъ С., Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XIV—XVIII. Соколовскій И. В., Петръ Великій какъ воспитатель и учитель народа. Казань, 1873 г. Пекарскій П., Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. I, С.-Пб., 1862 г. Забѣлинъ И., Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII вв., 2 тома.

¹⁾ Предисловіе къ морскому Регламенту.

ГЛАВА II.

Образовательные проекты времени Петра I.

Историкѣ нельзя не отмѣтить, что эпоха Петра I характеризуется широтою преобразовательныхъ замысловъ и большою вѣрою въ силу просвѣщенія.

Впечатлѣнія отъ Зап. Европы. Проекты и записки первыхъ заграничныхъ путешественниковъ отлично рисуютъ намъ пути ознакомленія русскихъ съ западно-европейскою жизнью, усвоеніе ими европейской образованности и развитіе въ нихъ преобразовательныхъ стремленій. Сначала, при первомъ знакомствѣ, Европа приводила русскихъ въ состояніе крайняго недоумѣнія; они обращали вниманіе на одну внѣшность, только дивились и вполнѣ осуждали ее. Стольникъ П. А. Толстой въ своемъ путевомъ дневникѣ (1697 г.) описываетъ почти исключительно одни монастыри и церковные обряды; его еще очень шокируютъ европейскія женскія одежды.

Впечатлѣнія другого русскаго путешественника этихъ городовъ (неизвѣстнаго) очень напоминаютъ впечатлѣнія дикаря, неожиданно попавшаго въ Европу; Европа для него — музей курьезныхъ рѣдкостей (раритетовъ): онъ одинаково удивляется, ничего не понимая, и ученому диспуту, и анатомическому кабинету, и фонтанам¹⁾. Таковы были первыя впечатлѣнія; но русскіе мало-по-малу больше знакомились съ Европой, отъ наблюденій надъ внѣшностью переходили къ знакомству съ существенными сторонами европейской культуры; научались цѣнить ее и нерѣдко, переходя въ другую крайность, быстро проникались желаніемъ перенести европейскіе порядки въ Россію. Кн. Б. Куракинъ, путешествовавшій въ Европѣ съ 1705 г.—1706 г. описываетъ видѣнныя имъ мѣстности уже съ полнымъ знаніемъ дѣла, такъ что дневникъ его можно считать написаннымъ европейцемъ. Статейный списокъ посольства въ Парижъ, веденный посломъ А. А. Матвѣевымъ въ 1705 г., совсѣмъ не похожъ на статейные

¹⁾ Н. А. Поповъ. Путешествіе въ Италію и на о. Мальту П. А. Толстого. Атеней 1859 II, 322 и 313 и проч. Дневникъ неизвѣстнаго, приписывавшійся прежде Петру. Рус. Стар. XXV, XXVI.

списки русских послов XVI в. Матвѣевъ уже умѣетъ приглядѣться къ европейскимъ порядкамъ, цѣнить ихъ и многое ставить въ примѣръ русскимъ.

Онъ обращаетъ вниманіе на общественные порядки Франціи и, видимо, имъ сочувствуетъ, отмѣчая отсутствіе произвола въ правителяхъ и отсутствіе «тягостей народныхъ» хвалить общительность французовъ и описываетъ ихъ «собранія, какъ по-французски называются ассамбле», ставить въ примѣръ русскимъ широкое распространеніе образованія во Франціи. Матвѣевъ является, такимъ образомъ, однимъ изъ первыхъ совѣтниковъ государя, прожекторомъ, намѣчавшимъ нѣкоторыя необходимыя нововведенія (изъ которыхъ большинство исполнилось).

Проектъ Ѳ. С. Салтыкова. Знакомство съ западно-европейской культурой быстро распространялось въ русскомъ обществѣ, въ теченіе Петровскаго царствованія не прекращались учебныя поѣздки и путешествія. Плодомъ этого знакомства явился рядъ проектовъ. Ихъ писали Гюйсенъ, Фикъ, Люберасъ, В. Н. Татищевъ, И. Т. Посошковъ, философы Лейбницъ и Вольфъ.

Первое мѣсто среди всѣхъ этихъ проектовъ — по обилію и важности затрогиваемыхъ вопросовъ, широкому знакомству съ европейской жизнью и крайнему увлеченію ею принадлежатъ проектамъ Ѳ. С. Салтыкова. Они заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что принадлежатъ къ числу самыхъ раннихъ проектовъ времени Петра I, не исключая и предложеній Лейбница. Ѳ. С. Салтыковъ, по своему происхожденію, принадлежалъ къ второстепенной московской знати; въ самомъ концѣ XVII вѣка родъ Салтыковыхъ нѣсколько выдвинулся, породнившись съ царскимъ домомъ. Въ январѣ 1697 г. спальникъ Ѳедоръ Салтыковъ былъ отправленъ Петромъ I за границу, въ Англію и Голландію, въ числѣ 60 другихъ спальниковъ. Инструкція, данная имъ, ставитъ цѣлью поѣздки научиться «владѣть судномъ». По возвращеніи изъ-за границы онъ былъ опредѣленъ въ гвардію. Затѣмъ, въ началѣ 1703 г., Салтыковъ оставляетъ военную службу и получаетъ очень почетное мѣсто корабельнаго мастера; изъ всей знатной молодежи онъ одинъ научился судостроенію. Періодъ времени съ 1711 г. по 1715 г. онъ провелъ за границей, куда былъ командированъ для покупки кораблей (сторговалъ до 20 судовъ). Въ 1715 г. онъ умеръ отъ водянки. Свой, теперь

довольно извѣстныя, «пропозиціи» Салтыковъ написалъ въ 1712 г., проживъ только годъ съ небольшимъ въ Голландіи и Англіи.

Проекты Салтыкова ярко характеризуютъ его, какъ типичнаго представителя прогрессивной части Петровскаго общества. Они говорятъ намъ, какіе взгляды и стремленія выносили рускіе изъ знакомства съ западно-европейскою жизнью, какими яркими западниками становились они, проживъ за границей. Салтыковъ, какъ видно изъ его пропозицій, совершенно увлекся сословно аристократическимъ строемъ европейскихъ государствъ и желалъ бы его перенести на русскую почву. Указывая на необходимость сословныхъ реформъ, переменъ экономической политики и податной реформы, Салтыковъ настаиваетъ на необходимости широкаго распространенія въ Россіи образованія. Въ этомъ отношеніи для насъ важна глава о школахъ¹⁾, заключающая въ себѣ цѣлый рядъ предложеній.

«Велѣтъ во всѣхъ губерніяхъ, предлагаетъ Салтыковъ, учинить по одной академіи или по двѣ, а на тѣ академіи отдать нѣсколько монастырей, а изъ тѣхъ монастырей вывести чернцовъ, только оставить при церквахъ для служебъ священниковъ и причетниковъ. И въ тѣ академіи собрать мастеровъ изъ иныхъ государствъ, и велѣтъ тѣхъ мастеровъ призывать и ихъ содержать тѣми монастырскими доходами. Въ тѣ жъ монастыри велѣтъ набрать учениковъ дворянскихъ и купеческихъ дѣтей и всякихъ иныхъ разныхъ чиновъ; и учинить штрафъ на отцовъ, чтобъ они приводили дѣтей своихъ отъ 6 лѣтъ; и быть имъ тамъ до 23 лѣтъ и велѣтъ ихъ тамъ записывать, съ котораго году кто начнетъ учиться. А по прошествіи тѣхъ урочныхъ лѣтъ употреблять ихъ въ службы воинскіе и градскіе; и больше тѣхъ лѣтъ отнюдь не держать подъ штрафомъ на мастерахъ, чтобъ они не укрывали отъ службъ. Ежели кто въ тѣ 17 лѣтъ не выучится, то онъ уже не будетъ ключимъ больше. Когда молодья дѣти отъ юности своей всегда вмѣстѣ между собою будутъ, тогда они будутъ натуры свои обощать безпрестаннымъ обхожденіемъ лучше нежели какъ нынѣ дворянскія дѣти свое воспитаніе имѣютъ въ деревняхъ, подобно тому какъ лѣсъ нечищенной растетъ».

¹⁾ См. Пропозиціи Федора Салтыкова. Рукопись изъ собранія П. Н. Тиханова. Изд. Имп. общ. люб. древн. письмен. Спб., 1891 г.

«Содержать тѣхъ учениковъ, т.-е. давать имъ платѣе, питаніе и жилище въ монастыряхъ изъ монастырскихъ доходовъ, чтобъ Вашей казнѣ въ томъ истраты не было. А въ тѣхъ монастыряхъ учинить друкарни, для того, ежели какой мастеръ или изъ учениковъ кто издастъ о чемъ какую книгу и та освидѣтельствуется что не въ противность закона и государства и намъ во всякую пользу и тѣ тамъ велѣтъ печатать. Въ тѣхъ академіяхъ велѣтъ изъ разныхъ языковъ и наукъ сдѣлать библіотеки, какъ въ Англіи, въ Оксфордѣ и Кембриджѣ».

Въ кругъ преподаванія въ академіяхъ, согласно пропозиціи Салтыкова, входятъ слѣдующіе предметы: 1) языки: латинскій, греческій, нѣмецкій, англійскій, французскій; послѣдніе три «для обхожденія и разговоровъ съ разными народами. Тѣхъ языковъ учать во всѣхъ академіяхъ въ Имперіи, Франціи и Англіи»; 2) свободныя науки, «для праваго писанія и глаголанія—грамматика, риторика, «для стихотворенія-поетика» «для разсужденія природы-философія, «для познанія истиннаго Бога и законовъ: богословіе» «для всякихъ образовъ и правленій и извѣстій о всѣхъ государствахъ: исторія универсальныхъ и партикулярныхъ, 3) математическія науки, для гражданскихъ и воинскихъ правленій: ариѳметика, геометрія, тригонометрія, навигація, фортификація, артиллерія, механика, статика, гидростатика, перспектива, архитектура, оптика, гномоника, мусика, пиктура, скульптура, миниатюра; для знаемости и положенія мѣстъ географія, для обороны собственной и для изящества учиться: на лошадахъ ѣздить, на шпагахъ биться и танцовать»¹⁾. Предлагая учредить въ Россіи академіи (гимназіи), Салтыковъ замѣчаетъ: «мы по сему образу сравниваемся во всѣхъ свободныхъ наукахъ со всѣми лучшими европейскими государствами».

Въ какихъ широкихъ размѣрахъ должно было даваться это образованіе, можно судить по слѣдующему расчету автора проекта. «Ежели во всѣхъ губерніяхъ, — пишетъ онъ, — сдѣлаются по 2 академіи, а во всякой академіи было бы по 2000 студентовъ, итого будетъ 18000 студентовъ и по прошествіи 17 лѣтъ изъ всякой академіи будетъ выходить челоуѣкъ 100, окончивъ нѣкоторыя свободныя науки и т. д. «И такъ мы по сему образцу

¹⁾ Это послѣднее считалось необходимымъ слутникомъ благороднаго воспитанія въ то время.

сравняемъ во всѣхъ свободныхъ наукахъ со всѣми лучшими европейскими государствами, а безъ свободныхъ наукъ и добрыхъ рукодѣлій не можетъ государство стяжать себѣ умнаго имѣнія и также будетъ всегда требовать во всѣхъ дѣлахъ изъ другихъ ученыхъ государствъ людей на послуги свои и вспоможенія».

Изъ нѣкоторыхъ ссылокъ автора проекта (на примѣръ Оксфорда и Кембриджа¹) можно заключать, что онъ имѣлъ въ виду именно эти учрежденія, къ которымъ, какъ равно и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ на Западѣ, нерѣдко примѣнялось названіе «академіи». Съ другой стороны, объ этомъ свидѣтельствуеетъ кругъ преподаванія «свободныхъ наукъ» и искусствъ и учрежденіе при нихъ типографій и библіотекъ.

Помѣщеніе академіи въ монастыряхъ, помимо соблюденія интересовъ казны, сближало ихъ съ англійскими коллегіями, а количество студентовъ въ этихъ послѣднихъ не осталось, конечно, безъ вліянія на слишкомъ радужныя надежды автора относительно распространенія просвѣщенія въ Россіи.

Петру I должны были понравиться предложенія автора о привлеченіи къ столь важному дѣлу, какъ образованіе, монастырскихъ средствъ, какъ онъ привлекалъ ихъ и на другія надобности страны и весьма вѣроятно, что въ связи съ предложеніями Салтыкова находятся извѣстные указы Петра I отъ 20 и 28 февраля 1714 г. объ учрежденіи при знатныхъ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ школъ.

Какъ мы сказали выше, вопросъ о распространеніи въ Россіи образованія занималъ въ это время многихъ русскихъ и многихъ иностранцевъ. Въ 1715 г. о необходимости устроить въ Россіи академіи представилъ докладъ Петру Генрихъ Фикъ. Петръ самъ заботился объ устройствѣ академіи, хотя и безъ особенной энергіи. На второмъ докладѣ Фика объ академіяхъ (1718 г.) онъ написалъ даже резолюцію «сдѣлать академіи». Въ 1721 г. подалъ Петру проектъ объ устройствѣ въ Петербургѣ и Москвѣ

¹) А. А. Матвѣевъ въ 1705 г. въ своемъ журналѣ писалъ: «Всей Франціи высокихъ фамилій дѣти, отъ самыхъ юностныхъ ногтей, имѣютъ воспитаніе весьма изрядное, поученіе въ разныхъ языкахъ и во всѣхъ свободныхъ наукахъ, особливо же въ математикѣ, географіи, геометріи, ариеметики, воинскихъ обученіяхъ и конной ѣздѣ, на что имѣютъ учрежденныя въ Парижѣ великія академіи, и потомъ въ танцахъ, и пѣніи, и разнымъ наукамъ. И конниковъ, В. Новые матер. Петра В., стран. 11—17.

академій (гимназій) Курбатовъ¹⁾; въ 1824 г. Андрей Нартовъ хлопочеть объ учрежденіи академіи художествъ и ремесль. Нѣмецъ Магнусъ Ниродъ предлагалъ Петру посылать русскихъ въ его школу близъ Дерпта. Всѣ эти хлопоты и проекты кончались ничѣмъ, такъ какъ для осуществленія ихъ не хватало самаго главнаго — не было опытныхъ учителей, не было и подходящихъ учебныхъ руководствъ. Еще въ 1724 г. не было самыхъ необходимыхъ учебниковъ, и Петръ I хлопочеть объ образованіи переводчиковъ. Характерный контрастъ съ черезчуръ радужными планами Салтыкова представляетъ указъ, изданный черезъ годъ послѣ его пропозицій, объ обязательномъ обученіи дворянскихъ недорослей грамотѣ, цифири и начальной геометріи²⁾.

Женскимъ школамъ Салтыковъ посвятилъ отдѣльный «аддитаментъ» (присовокупленіе). «Надобно жъ, — говоритъ онъ, — во всѣхъ губерніяхъ учинить женскія школы и на то обратить женскіе монастыри, а изъ тѣхъ монастырей вывести старицъ; но если въ которыхъ губерніяхъ нѣтъ богатыхъ женскихъ монастырей, и на то очистить мужскіе монастыри, на содержаніе, питалище и жилище и на содержаніе мастеровъ. И велѣтъ, подѣ штрафомъ на отцахъ, чтобъ водили въ тѣ школы дочерей своихъ отъ 6 лѣтъ, и быть имъ тамъ до 15 лѣтъ, и велѣтъ ихъ учить женскимъ наукамъ 1) для домоводства читать, писать, цифири, 2) для изящества въ языкахъ французскаго и нѣмецкаго, 3) для забавы — пиктуры, миниатюры и перспективы, 4) для забавы же своей и въ компаніи веселаго обхожденія: музыкѣ инструментальной и вокальной, сирѣчь на всякихъ инструментахъ и воспѣвать; танцовать³⁾, чтобъ и женской народъ уравнился съ европейскими государствами равно». При этомъ авторъ считаетъ необходимымъ остановиться и на воспитательной части: «А въ тѣ монастыри, — говоритъ онъ, — отнюдь мужскаго пола не пускать, даже свойственниковъ, кромѣ матерей, и учредить

1) «Академіи свободныя разныхъ наукъ на разныхъ діалектахъ какъ церковныхъ, гражданскихъ, такъ и военныхъ наукъ».

2) П. С. З. № 3208.

3) Какое значеніе въ XVIII стол. придавали обученію танцамъ, какъ имѣвшимъ цѣлю «пріучить молодыхъ людей къ обществу»; «къ пристойному обхожденію» и «лююдскости», можно видѣть изъ отзывовъ акад. Фишера и Державина, насающихся студентовъ и учениковъ гимназій (Сухомлиновъ, Истор. Рос. Акад., II Сборн. Акад. Наукъ, т. XIV, стран. 33. Соч. Державина, т. VI, 420).

въ тѣхъ училищахъ надзирательницъ; а если которая ученица похочеть ѣхать къ отцу и къ свойственникамъ на время, для свиданія, то ихъ отпускать свободно. И какъ онѣ будутъ всегда вмѣстѣ, то будутъ гораздо умнѣе и обходительнѣе, нежели какъ онѣ у отцовъ своихъ живутъ въ домѣ до замужества, не знавъ обхожденія людского и разговоровъ». Относительно количества и размѣровъ училищъ Салтыковъ говоритъ: «во всѣхъ губерніяхъ сдѣлать по два женскихъ училища, а въ тѣхъ училищахъ быть по 500 дѣвицъ въ каждомъ и того будетъ во всѣхъ губерніяхъ 9000 ученицъ». Такимъ образомъ Салтыковъ своимъ проектомъ предупредилъ на 50 лѣтъ основаніе Смольнаго Института Екатериною II.

Проекты Лейбница. Изъ другихъ преобразовательныхъ проектовъ, несомнѣнно, выдающееся мѣсто занимаютъ предложенія великаго нѣмецкаго философа и ученаго Лейбница.

Въ знакомствѣ Петра съ Лейбницомъ видна дань уваженія къ наукѣ и общественному мнѣнію, которое признавало германскаго мыслителя первымъ ученымъ своего времени. Извѣстна многосторонняя дѣятельность Лейбница: знаменитый въ исторіи философіи, онъ успѣлъ въ математикѣ сдѣлать открытіе о величинахъ безконечно малыхъ (дифференціальное исчисленіе), собралъ кодексъ дипломатическихъ актовъ, писалъ исторію брауншвейгскаго дома, сочинялъ трактаты о происхожденіи франковъ, о таинствѣ евхаристіи и т. п. Петръ, во время своихъ путешествій, лично познакомился съ Лейбницемъ, понялъ и оцѣнилъ его; онъ далъ ему чинъ тайнаго совѣтника и назначилъ 1000 рейхсталеровъ жалованья въ годъ «во уваженіе извѣстныхъ царю и имъ испытанныхъ добрыхъ качествъ ученаго, который можетъ способствовать развитію математическихъ розысканій и другихъ наукъ, такъ какъ имѣетъ сношеніе со многими учеными». Лейбницъ же обѣщалъ позаботиться о просвѣщеніи Россіи и написалъ для царя нѣсколько проектовъ. Изъ представленныхъ Лейбницомъ предложеній извѣстны: 1) о необходимости магнитныхъ наблюденій въ разныхъ мѣстахъ Россіи, 2) письмо къ русскому послу, кн. Куракину, гдѣ Лейбницъ сначала пишетъ, что онъ съ восторгомъ готовъ содѣйствовать царю въ намѣреніи заставить цвѣсти науки и искусства въ огромной имперіи его; но это невозможно исполнить, когда продолжается война. Введе-

не науки въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, вещь не легкая, и потому необходимо торопиться, особенно если царь хочетъ видѣть плоды своихъ трудовъ. Прежде всего надобно составить планъ и подумать о средствахъ къ осуществленію его. Ученые, предназначаемые для распространенія наукъ въ Россіи, должны быть выбраны изъ способныхъ къ тому людей: большая часть ихъ будетъ жить въ Россіи, другіе же останутся за границей, чтобы поддерживать сношенія и сообщать обо всемъ томъ, что будетъ тамъ происходить достойнаго вниманія.

Въ числѣ необходимыхъ предметовъ поименованы: зданія, сады, бібліотеки, кабинеты, обсерваторіи, лабораторіи, снабженные растениями, инструментами, моделями, книгами, медалями, древностями и проч. Расходы при введеніи наукъ должны быть умѣренны, но вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы обезпечивали существованіе ученыхъ. Для учрежденія академій, университетовъ и школъ заслуживаютъ вниманія города: Москва, Кіевъ, Астрахань и Петербургъ.

Затѣмъ извѣстны три письма Лейбница къ царю касательно введенія наукъ въ Россіи.

Въ первомъ письмѣ послѣ похвалъ Петру Лейбницъ утверждаетъ, что тамъ только можетъ быть хорошее правленіе, гдѣ учреждены коллегіи, внутреннее устройство которыхъ похоже на механизмъ часовъ, гдѣ колеса взаимно другъ друга приводятъ въ движеніе.

Для Россіи германскій философъ считалъ необходимыми 9 коллегій: государственную, военную, финансовую, полицейскую, юстицкую, торговую, вѣроисповѣданій, ревизіонную и ученую. О послѣдней Лейбницъ говоритъ подробно. Для ученой коллегіи нужно выбирать людей, основательно знакомыхъ съ науками, а не полуневѣждъ, отъ которыхъ государство ничего не выиграетъ.

Обязанности избранныхъ въ коллегію состоятъ: а) излагать каждому свою науку по усовершенствованной методѣ и притомъ стараться слѣдить за открытіями и улучшениями, б) наблюдать, чтобы молодежь въ государствѣ была воспитываема хорошо и проходила бы всѣ науки, с) испытывать тѣхъ изъ молодыхъ людей, которые отправляются за границу. Такими способами Лейбницъ ожидалъ, между прочимъ, что незамѣтно невѣжество будетъ изгнано изъ Россіи и что молодежь, возвратившись

изъ-за границы домой, принесеть пользу государству и что въ службѣ царя будутъ такіе же образованные люди, какъ и въ Европѣ. Для обученія же юношества въ Россіи необходимо учредить академію, которая должна помѣщаться въ удобномъ для того домѣ, имѣть хорошую бібліотеку и типографію. Въ ней должны преподаваться: богословіе, логика, ээика, медицина и хирургія, исторія, естественное и государственное право, математика, механика, физика, химія и новые языки. Въ заключеніе Лейбницъ говоритъ, что если царь поручить дѣло образованія умнымъ и способнымъ директорамъ, то въ нѣсколько лѣтъ отъ введенія науки будетъ государству такая польза, которой перо описать не въ состояніи.

Въ другомъ письмѣ (отъ 26 октября 1713 г.) изъ Вѣны Лейбницъ пишетъ, что во исполненіе желанія царя (чтобы онъ способствовалъ ему въ изданіи и утвержденіи добрыхъ законовъ въ государствѣ, а также въ распространеніи наукъ и искусствъ) онъ ознакомился съ постановленіями царя Алексѣя Михайловича и придумывалъ, что нужно было бы ввести въ государствѣ новаго при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда въ Россіи распространяется свѣтъ и царь желяетъ видѣть въ подданныхъ своихъ улучшенія нравовъ и ббльшей кротости.

Для достиженія этого, по мнѣнію Лейбница, необходимо воспитаніе юношества въ страхѣ Божіемъ, добродѣтеляхъ и наукахъ. Затѣмъ перечислены снова всѣ мѣры, которыя Лейбницъ и раньше предлагалъ (письменно и изустно, а именно: учрежденіе магнитныхъ наблюденій; разысканіе, соединенъ ли американскій материкъ съ азіатскимъ; собраніе и сохраненіе древнихъ памятниковъ греческой церкви, постановленій вселенскихъ соборовъ; наконецъ, составленіе словарей языковъ инородцевъ, зависящихъ отъ Россіи и т. п.

Нельзя, однако, не согласиться съ мнѣніемъ г. Пекарскаго, что отъ проектовъ далеко еще до дѣла. Кое-что, конечно, дѣлалось подъ ихъ вліяніемъ, но народъ русскій не сталь просвѣщеннѣе отъ всего этого, а въ высшихъ сословіяхъ явилось только стремленіе усвоить себѣ внѣшній лоскъ европейскаго общежитія, но не просвѣщеніе¹).

¹) Пекарскій П. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Т. I, стран. 25—33.

Сношенія съ Вольфомъ. Въ бытность свою въ Галле, Петръ Великій познакомился и съ другою знаменитостію — Христіаномъ Вольфомъ.

Философія Вольфа, хотя не имѣла характера оригинальности, отличалась строгою логическою послѣдовательностію и вмѣстѣ особенною ясностію и опредѣленностію, приобрѣла ему обширную школу послѣдователей и господствовала въ Германіи до появленія критической философіи Канта. Вмѣстѣ съ философіей Вольфъ занимался также физикою, математикою и другими науками.

Вольфу нѣсколько разъ предлагали перейти въ Россію для устройства Академіи наукъ, предлагали даже мѣсто президента въ Академіи; но Вольфъ всегда отказывался отъ этихъ предложеній, — то подъ предлогомъ опасенія за свое здоровье въ суровомъ русскомъ климатѣ, то подъ предлогомъ боязни преслѣдованія со стороны русскаго духовенства. Замѣчательно, что онъ даже не совѣтоваль Петру I открывать въ Петербургѣ Академію Наукъ, считая, что для нея не найдется ученыхъ, а вмѣсто нея открыть обыкновенный университетъ. Но хотя Вольфъ отказался отъ президентства въ Академіи Наукъ, однакожь принималъ потомъ большое участіе въ ея устройствѣ.

Лучшіе изъ нашихъ первыхъ членовъ академіи, Бернулли, Бюльфингеръ, Мартини и нѣкоторые другіе пріѣхали въ Петербургъ по рекомендаціи и выбору Вольфа.

Графъ Головкинъ свидѣтельствуетъ, что Вольфъ съ чрезвычайною осмотрительностію рекомендовалъ ученыхъ въ нашу академію. Наконецъ, германскій философъ послужилъ еще съ болѣею пользою русскому просвѣщенію впоследствии: въ Марбургѣ у него слушалъ лекціи знаменитый Ломоносовъ, всегда вспоминавшій съ благоговѣніемъ о своемъ наставникѣ, который не щадилъ ни времени ни трудовъ, чтобы русскіе студенты въ Марбургѣ, порученные его надзору, оправдали надежды на нихъ Академіи Наукъ.

Источники и пособія.

Пропозиціи Оедора Салтыкова. Рукопись изъ собранія П. Н. Тиханова. Изд. Имп. общ. любит. древн. письм. С.-Пб., 1891. В. С. Иконниковъ. Одинъ изъ образовательныхъ проектовъ времени Петра Великаго. Кіевъ, 1893. П. Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. II. С.-Пб., 1862 г.

ГЛАВА III.

И. Т. Посошковъ.

И. Т. Посошковъ. Иванъ Тихоновичъ Посошковъ происходилъ изъ простой среды. Его отецъ, Тихонъ Посошковъ, былъ подмосковный крестьянинъ, а мать была уроженка Москвы. Онъ родился, вѣроятно, въ 1652 или 1653 г. въ с. Покровскомъ, близъ Москвы. Любовь къ чтенію и размышленію, потребность учиться не покидали Посошкова всю жизнь. Сочиненія его свидѣтельствуютъ намъ о его обширной начитанности въ отечественныхъ лѣтописяхъ, книгахъ св. Писанія и отражаютъ слѣды знакомства его съ историческими и географическими сочиненіями.

Посошковъ владѣлъ даже и математическими свѣдѣніями въ рѣдкомъ для того времени объемѣ. Онъ съ уваженіемъ относился къ наукѣ, знанію и завѣщаль сыну «прилежать книжному наученію не токмо словенскому одному, но и греческому, или латинскому, или хотя польскому». Онъ работалъ въ Оружейной Палатѣ и въ мастерскихъ ея положилъ прочное основаніе своимъ многостороннимъ навыкамъ и свѣдѣніямъ. Ему было доступно граверное художество, зналъ столярное дѣло, обладалъ специальными знаніями въ техникѣ оружейнаго дѣла, имѣлъ свѣдѣнія о «лекарственныхъ матеріяхъ». Должности же «уставнаго мастера денежнаго дѣла» и «водочныхъ дѣлъ мастера» свидѣтельствуютъ объ особенной технической опытности, прибрѣтенной имъ въ монетномъ и винокурномъ дѣлѣ.

Въ юности своей Посошковъ «предъ Богомъ трепетень былъ, никогда празденъ не былъ и дней своихъ не терялъ даромъ». Въ самостоятельную жизнь Посошковъ вступилъ рано и началъ ее подрядами по поставкѣ вина на казенные кружечные заводы. По своимъ дѣламъ онъ объѣздилъ значительное пространство Россіи, и, какъ человѣкъ мыслящій и чрезвычайно наблюдательный, онъ въ своихъ путешествіяхъ зорко вникалъ во все окружающее и такимъ образомъ обогатилъ себя большимъ запасомъ свѣдѣній, что и выразилось въ его извѣстной книгѣ «О скудости и богатствѣ». Разумный патриотъ, онъ обнаружилъ живое сочувствіе преобразовательнымъ начинаніямъ Петра I.

Близко принимая къ сердцу интересъ и благо отечества и церкви, онъ «дерзнулъ» взяться за перо, охваченный неодолимымъ желаніемъ послужить, по мѣрѣ своихъ силъ, выясненію насущныхъ нуждъ и потребностей Россіи. Оставаясь въ Москвѣ до 1709 г., Посошковъ все это время состоялъ на казенной службѣ. Сначала онъ былъ «уставнымъ денежнаго дѣла мастеромъ на монетномъ дворѣ», а затѣмъ завѣдывалъ «строеніемъ водокъ» на казенномъ винокуренномъ заводѣ въ Москвѣ.

Еще въ 1700 г. Посошковъ составилъ записку о ратномъ поведеніи. Ясно понимая, что однимъ вѣдшимъ могуществомъ не обезпечивается благоденствіе и слава Россіи, Посошковъ перешелъ къ обсужденію «духовной нужды всенародной». «То бы наша полезная честь, еже бы намъ всѣхъ окрестныхъ государствъ всякими добродѣтелями и доброправіемъ превзыти». Въ трехъ запискахъ своихъ къ мѣстоблюстителю Патріаршаго престола Посошковъ пытался выдвинуть вопросъ о духовномъ просвѣщеніи и нравственномъ преуспѣяніи Россіи. Въ одной изъ нихъ¹⁾ содержался проектъ объ учрежденіи училищъ, чтобы «Россію ученіемъ просвѣтитъ». Между прочимъ, Посошковъ выражалъ желаніе, «чтобы для Россійскія славы, наипаче же ради духовныя пользы состроена была въ Москвѣ академія велика патріарша, всѣхъ наукъ исполненная, дабы въ великой Россіи великая и академія была «и въ нее собрать учителей благочестивыхъ, высоко ученыхъ отъ различныхъ странъ». Но особенно настаивалъ Посошковъ на открытіи во всѣхъ епархіальныхъ городахъ грамматическихъ школъ для приготовленія достойныхъ священниковъ. Въ это же время Посошковъ составилъ «Зеркало очевидное», обширное полемическое сочиненіе противъ раскольниковъ, приведшее въ восторгъ св. Димитрія Ростовскаго. Въ 1709 году (или 1710) указомъ онъ былъ опредѣленъ въ²⁾ Новгородъ водочнымъ мастеромъ изъ жалованья. Здѣсь онъ познакомился съ митр. Ювомъ. Поощренный св. Димитріемъ Ростовскимъ, Посошковъ задался цѣлью въ своемъ «Отеческомъ завѣщаніи къ сыну» изложить для соотечественниковъ правила христіански-нравственной жизни, выяснитъ имъ сыновній ихъ долгъ въ отношеніи къ Православной церкви и обязанности ихъ, какъ православ-

¹⁾ Составлена не позднѣе 1707 г.

ныхъ гражданъ, въ семьѣ, обществѣ и государствѣ. Отъ составленія «Отеческаго завѣщанія» былъ самый естественный переходъ къ сочиненію книги «О скудости и богатствѣ». Не даромъ же нѣкоторыя мѣста «Завѣщанія» цѣликомъ вошли въ эту книгу. Въ основѣ ея лежала мысль, что «подобаетъ намъ паче всего пещися о снисканіи правды; а егда правда въ насъ утвердится и твердо вкоренится, то не можно царству нашему Россійскому не богатится и славою не возвысится. То бо есть самое царства украшеніе, и прославленіе, и честное богатство».

Трудясь надъ «Завѣщаніемъ», Посошковъ глубоко прочувствовалъ эту мысль и много передумалъ о томъ, какую безусловную важность представляетъ для благосостоянія народнаго и государственнаго проникновеніе человѣческой дѣятельности и житейскихъ отношеній началами христіанской правды и любви. Общее правило поведенія Посошковъ высказываетъ словами Евангелія: «все елико хотите да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде» (Лука IV, 37) «Всеусердный желатель правды» отлично понималъ «правдолюбивое сердце» Царя-преобразователя и всей душой скорбѣлъ о томъ, что «пособниковъ по его желанію немного», что русскіе люди мало сознаютъ свои общественные и государственные интересы. Искренно возмущенный современной неправдой, онъ возгорѣлъ желаніемъ сказать Государю откровенное слово о всей той неправдѣ, которая препятствуетъ успѣху царственныхъ заботъ. Такъ явилась книга «О скудости и богатствѣ», въ девяти главахъ которой Посошковъ далъ яркую картину современной «неисправы» русскаго быта и предложилъ различныя мѣропріятія для «поправы» его. Не было ни одного государственнаго вопроса, до котораго бы Посошковъ не коснулся, о которомъ бы не думалъ и не дошелъ до положительнаго мнѣнія. Многія важныя политическія мѣры, которыми прославилась Екатерина II и Александръ I, были предлагаемы уже Посошковымъ. Какъ патріотъ, Посошковъ горячо любилъ русскихъ людей и не любилъ иностранцевъ за то, что они вносили въ русскую жизнь инныя воззрѣнія, дурныя нравы и обычаи, безъ всякаго стѣсненія высказывалъ свое нерасположеніе къ нимъ. Эти свойства его характера, вѣроятно, и были причиной его гибели. Представляя свое сочиненіе «О скудости и богатствѣ» царю, онъ просилъ, чтобы его имя оставалось не-

извѣстнымъ ненавистливымъ и завистливымъ людямъ, особенно же ябедникамъ и обидчикамъ и любителямъ неправды, понеже, говорилъ онъ, не похлѣбуя имъ, писахъ, и аще увѣдаютъ о моей мизерности, то не поустятъ меня на свѣтъ ни мало времени жити, но прекратятъ животъ мой». Но, видно, не укрылось имя Посошкова, и онъ погибъ отъ тѣхъ, кого боялся. Онъ умеръ 1 февраля 1726 г. въ Петропавловской крѣпости, куда былъ заключенъ черезъ годъ по окончаніи своего сочиненія «О скудости и богатствѣ».

Педагогическіе взгляды Посошкова. Безъ сомнѣнія, педагогическіе взгляды такого лица, какъ Посошковъ, заслуживаютъ нашего полнаго вниманія, и мы на нихъ остановимся подробнѣе, пользуясь изданнымъ въ 1893 г. полнымъ текстомъ его «Завѣщанія отеческаго»¹⁾.

«Завѣщаніе отеческое» состоитъ изъ предрѣчія, девяти главъ текста, пополненія къ нимъ и предисловія къ читателямъ. Для насъ особенно важны главы 1-я объотроческомъ житіи и 3-я — о началѣ мірскаго житія.

«Завѣщаніе» Посошкова есть Домострой XVIII вѣка; оно даетъ намъ правила жизни, говоритъ объ обязанностяхъ чело-вѣка къ Богу, къ людямъ, объ отношеніяхъ семейныхъ.

Въ предрѣчіи къ «Завѣщанію» Посошковъ предпосылаетъ своимъ совѣтамъ основное правило христіанской жизни: твердо хранить православную вѣру и всѣми силами держаться церкви Христовой.

Глава 1-я, объ отроческомъ житіи, начинается краткимъ наставленіемъ прилежно заниматься въ годы отрочества «книжнымъ наученіемъ», при чемъ Посошковъ совѣтуетъ сыну выучиться даже иностраннымъ языкамъ, чтобы имѣть возможность читать ученыя книги, не противныя вѣрѣ и благочестію. «Въ началѣ отрочества своего, сыне мой, паче всѣхъ наукъ прилѣжи книжному наученію, не токмо славенъскому одному, но и греческому, или латинъскому или хотя полскому, понеже и на полскомъ языцѣ много таковыхъ книгъ есть, кои у насъ на славенъскомъ языцѣ не обрѣтаются» (§ 1). обстоятельно излагая затѣмъ долгъ христіанскаго юноши свято беречь въ себѣ нравственную стыд-

¹⁾ «Завѣщаніе отеческое». Сочиненіе И. Т. Посошкова. Новое изданіе подъ редакціей Е. М. Прилежаева. С.-Пб., 1893 г.

ливость и цѣломудренную скромность, Посошковъ внушаетъ нравственное отвращеніе къ грѣховной мерзости нецѣломудрія. «Со отроки же пустошными отнюдь не сообщайся, да не навкнешь дѣламъ ихъ злымъ; и не токмо тѣла своего, но ниже устенъ своихъ дерзности каковымъ либо скверноглаголаніемъ осквернити. А наипаче бойся сообщатися со отроки блудливыми, кіи къ блудной сквернѣ склонны, и которые могутъ тебя отвратить отъ Бога». «Ты, сыне мой, не токмо единого блуднаго грѣха бойся, но і отъ всякаго зла удаляйся. Такъ жить навыйкай, еже бы тебѣ никого, стараго или малаго или богатаго или убогаго человѣка, ни чѣмъ же бы оскорбити. *Но ко всѣмъ буди любителенъ и всякому человѣку отвѣщай и глаголи кротостно*¹⁾; а сурово никакому человѣку, кромѣ причины, не глаголи понеже сурово слово воздвизаетъ гнѣвъ (§ 7, ст. 12). Посошковъ учить не только никого не обижать, но и всякому дѣлать добро, не считать малостью и состраданіе къ животнымъ. «И не токмо человѣки любы, но и скоты милуй... Егда научися миловати скоты, бо уже устыдишися не миловати человѣки, но во всякихъ имъ нуждахъ будещи способствовати. Даже деревья истреблять безъ нужды грѣшно. «Подобнѣ же тому чини, сыне, и въ лѣсѣ. Егда бо виднеша въ него, отнюдь древа ни великаго, ни малаго безъ потребы не съсѣци, понеже Богъ насадилъ древесна на потребу человѣкомъ, а не наруганіе, ни на играніе... Вѣждь, яко не безъ грѣха есть, еже безъ потребы древесна растущія посѣкати или ломати»²⁾... «И не токмо въ великихъ и пожиточныхъ дѣлахъ, но и въ самыхъ малыхъ дѣлахъ или и словесѣхъ, то токмо и твори, то и говори, чего самъ себѣ желаешь».

Глава 2-я и значительная часть 3-й относится къ вопросу о брачной жизни. Затѣмъ въ 3-й главѣ излагаются обязанности родителей въ отношеніи къ дѣтямъ. Посошковъ сокрушается, что въ русскомъ народѣ отцы и матери растятъ дѣтей безъ всякой заботы о вкорененіи въ нихъ благонравія, не помышляя, что причиняютъ тѣмъ великое зло не только дѣтямъ и себѣ, но и цѣлому государству, и что Богъ взыщетъ на родителей «не опасеніе чадъ». «И младенецъ еще не разумѣетъ, что то есть

¹ Курсивъ нашъ.

²) «Отеч. завѣщ.», глав. I, 59, стран. 14.

свѣтъ или что есть тма, или что добро или зло, а отцы и матери, прежде всякаго ученія, и начнуть чадородіе свое учить злымъ дѣламъ и погибелному нраву. И тѣмъ погибелнымъ ученіемъ тыи безумные отцы и матери утѣшаются, а того бѣдныя не вѣдаютъ, еже чесому въ самой младости дѣти научатся, то и въ самой старости того не лишатся. Яко младое древо камо наклониши или куды скривиши, то уже во старости никоимы дѣлы исправить его невозможно: тако и младенецъ, аще въ юности научится злу, то уже и въ старости добрымъ человѣкомъ не будетъ¹⁾... И тако у насъ въ Россіи большая часть погибаетъ отъ неученія младенческаго, то есть отъ потачки...²⁾ Мню я, что всякому командиру, а наипаче духовному чину, надлѣжить о семь печися, дабы отцы и матери дѣтей своихъ учили страху Божію и всякому благонаравію».

Воспитаніе рекомендуется самое строгое: надобно дѣтей учить неоплошно и держать ихъ въ великой грозѣ. «Велми бо, велми зло, еже младымъ дѣтямъ чинить потачки: всякое бо зло и безумство родится отъ родителевыя потачки». «А кой человѣкъ въ наказаніи возрастаетъ, той всегда добрый человѣкъ будетъ. Того бо ради древніи святіи, соблюдая людей отъ погибели, повелѣвали дѣтей своихъ бить нещадно». «Егда же коего сына отдали во училище, книжнаго ради наученія, то и тогда ни малыя воли ему не давай, но въ величѣй грозѣ держи ево». «Егда же книжнаго славенскаго крѣпко навикнетъ, и грамматику славенскую изучитъ кой, такожде и писать добрѣ научится и, выкладкѣ цыфирной научивъ до дѣленія, поучи его и латинской грамоте и языку, или греческому, или, хотя полской грамоте и языку, а потомъ поучи его и художеству, къ каковому свойственъ будетъ³⁾. И каковому художеству, тягостному или и лехкостному, научиши, то какъ твое хотѣніе будетъ. А сего ученія не моги отложить, еже бы тебѣ его не научить рисовать и въ размѣрѣ силу знать, чтобы онъ всякое дѣло, прежде начинанія дѣлати, могъ его нарисовати по размѣру. И аще въ размѣрѣ будетъ силу знати, то ко всякому мастерству будетъ ему способно»...

¹⁾ Это мѣсто почти цѣликомъ взято у Симеона Полоцкаго. См. его Вечерю душевную, а также нашу Истор. рус. педаг., ч. I, главу XXIII.

²⁾ Отец. завѣщ., гл. 3-я, § 8, стран. 42.

³⁾ Домострой говоритъ: «наковъ кому просугъ дастъ Богъ, кто чего достоинъ», см. Истор. рус. пед., ч. I, глава XIII, ст. 132.

«И по вся дни положи ему зарокъ, колико листовъ книгъ прочитати, и по колику ни есть и написати Божественныхъ Писаній, дабы никогда празденъ не былъ и дней бы своихъ не терялъ даромъ¹⁾. И при томъ порядкѣ, обучай ево и нужду всякую терпѣти. Одеждами драгоценными не украшай его, отъ украшенія бо навикають дѣти гордости и вѣщнее присвоеніе къ блуду»...

«Намъ ни золотомъ, ни серебромъ, ниже накладными волосами подобаетъ себя украшати, но паче подобаетъ намъ себя украшати въ воинскомъ дѣлѣ храбростію, въ судейскомъ дѣлѣ правосудіемъ, въ купечествѣ — праведнымъ и неподвижнымъ словомъ и товаромъ нелѣстнымъ, мастеровымъ же людемъ — въ тщательномъ художествѣ.

Въ духовномъ же дѣлѣ, паче всѣхъ воспоминаемыхъ украшеній, украшатися благочестивою правою христіанскою древнею вѣрою, еже блюсти ю цѣло и непоколебимо; къ тому же украшатися книжнымъ ученіемъ, грамматическимъ и риторскимъ, и философскимъ разумомъ. И аще сія вся въ насъ будутъ, то на весь свѣтъ будемъ мы славны, а и на ономъ свѣте не безъ похвалы будемъ»²⁾.

Подобно Домострою и вообще древне-русскимъ сборникамъ, Посошковъ повелѣваетъ уважать и почитать отца духовнаго, совѣтоваться съ нимъ, а также съ другими опытными людьми и наконецъ съ женою.

На жену Посошковъ смотритъ уже гораздо выше, чѣмъ Домострой.

«А безъ совѣта, наипаче безъ женяго, — говоритъ онъ, — отнюдь ничего твори, понеже она (жена) отъ самого Бога дана тебѣ не ради порабоженія, или токмо послуженія, но ради самыя помощи... И по сему, аще кто будетъ жену ничтожить и претворять ее въ рабій образъ, и той будетъ Богу противно чинити. Богъ ее нарекъ помощницею, а не работницею, и не простою помощницею, но подобною».

Въ главѣ 5-й (о гражданскомъ житіи) говорится, между прочимъ, о прочитаніи книгъ и почитаніи ихъ. «Егда будеши, сыне мой, книги читати, то читай ихъ неборзостно и съ прилѣжнымъ

¹⁾ От. зав., гл. 3, § 12.

²⁾ Отеч. зав., гл. 3, § 14.

вниманіемъ. И держи при себѣ бумагу и чернила, и кая ти рѣчь понравитца записывай имянно, въ коей книгѣ, въ коей главѣ, и въ коей части, и въ коемъ стиху, и къ чему она прилична». Здѣсь несомнѣнно, кроются начатки умѣлыхъ научныхъ занятій.

«И никогда празденъ, сыне мой, не сиди: либо какое художественное дѣло дѣлай, либо книги читай, либо молитвы или псалмы читай, либо мыслью своею съ Богомъ бесѣдуй. А въ пустошная и кощунная словеса отнюдь не вдавайся, понеже за всякое праздное слово на страшномъ судѣ отвѣтъ Богу воздаси».

... «Яко святую икону почитаеши, тако и книги почитай»¹⁾ 7-я глава трактуеть о житіи церковнаго причта, 9-я объ архіерействѣ.

По мнѣнію Посошкова, священникъ долженъ быть не только совершителемъ богослуженія, но пастыремъ въ полномъ смыслѣ слова, заботящимся о своей паствѣ, готовымъ душу свою положить за нее. Поэтому Посошковъ неоднократно убѣждаетъ сына-священника трудиться «съ великимъ тщаніемъ и опасеніемъ» «прилежно» о спасеніи врученнаго ему стада и пасти его «недреманнымъ окомъ». Проповѣдь — одно изъ лучшихъ средствъ наставить на путь истинный, и вотъ Посошковъ убѣждаетъ сына-священника неослабно трудиться въ проповѣданіи слова Божія, проповѣдывать и въ церкви и въ домахъ прихожанъ. Не нужно стараться говорить большія проповѣди, а краткія да внятныя, потому что «въ долгихъ поученіяхъ многіе глаголы забвенію предаются». «Поучай свободно, а не рабски, не стыдясь никого. Будь пастыремъ, готовымъ душу свою положить за овцы, а не наемникомъ, не молчи «оставивъ поученіе пастырское изъ-за малаго страха». Въ случаѣ невозможности сочинять проповѣди самостоятельно, Посошковъ рекомендуетъ сыну читать по воскреснымъ днямъ изъ «Обѣда духовнаго», а по праздничнымъ изъ «Вечери» (очевидно, С. Полоцкаго) «толко велми сокращенно... дабы людемъ вѣмѣстительно было и памятно»²⁾.

Необходимость проповѣди сознавалась во времена Посошкова и правительствомъ. Петръ Великій въ 1724 г. сдѣлалъ предложеніе синоду о необходимости «краткія поученія людемъ сдѣлать». Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ Посошковъ стоялъ

¹⁾ Отеч. зав., стран. 140.

²⁾ Отеч. зав. стран. 229—235, 243.

не только на высотѣ современныхъ требованій, но даже шель-
впереди ихъ: заявилъ свое мнѣніе о необходимости проповѣди
раньше правительства и далъ подробныя и цѣлесообразныя
наставленія, какъ составлять проповѣди. «Что увидиши, или
услышиши въ людехъ худо, о томъ и стой, дабы тебѣ то худое
обратить въ доброе» — вотъ твоя тема и задача.

Уча другихъ, священникъ долженъ учиться и самъ, зани-
маться самообразованіемъ. «Аще въ юности грамматическаго разума
не научишься, — говоритъ Посошковъ, — то ты и въ попехъ
будучи, всячески потщишься, дабы тебѣ хотя первая часть, то
есть, ороеграфія выучить, дабы тебѣ правописанія познать. А безъ
грамматическаго ученія не токмо презвитеру, но и простолюдину
велми трудно, что не можетъ разумѣти не токмо падежей и
склоненій, но ниже коего рода кой глаголь»¹⁾).

Низшимъ членамъ клира Посошковъ совѣтуетъ писать книги
полезныя, «четыи или пѣвчіе или дѣтей учить грамотѣ»²⁾). Свя-
щенникъ долженъ заботиться о своей паствѣ, старательно учить
ее, архіерей не только долженъ учить самъ, но и надзирать за
учителями и выбирать достойныхъ пастырей. Познакомившись
съ пастырями, архіерей долженъ озаботиться увеличеніемъ уче-
наго духовенства, слѣдуетъ построить училища для дѣтей духо-
венства отъ 10 до 25 лѣтъ, выписать учителя изъ Москвы или
изъ Кіева и купить нѣсколько десятковъ грамматикъ. Занятія
въ школѣ должны вестись по такому порядку: съ утра до обѣда
школьники должны учиться грамматикѣ, а послѣ обѣда учиться
писать и заниматься чтеніемъ, для котораго Посошковъ особенно
рекомендуетъ «Камень вѣры» Стефана Яворскаго, «Розыскъ»
св. Димитрія Ростовскаго, «Очевидное зеркало», своего сочиненія
и «Соборное дѣяніе» на еретика Мартина армянина. Для наблю-
денія за школьниками слѣдуетъ выбрать добраго и разумнаго
человѣка, «дабы онъ выпрашивалъ бы о чтомыхъ ими книгахъ»
и заставлялъ бы прочесть ихъ вторично, въ случаѣ если они ихъ
плохо поняли. «И той надзиратель внималъ бы всѣмъ имъ, кто
каковъ тщателенъ, и кто каковъ памятенъ, и кто каковъ острѣ-
къ разсужденію». «А который что мало ничего не разумѣеть, и
тѣмъ бы толковалъ, что кая рѣчь въ себѣ содержитъ и къ чему

¹⁾ Отеч. завѣщ., стран. 234.

²⁾ Отеч. завѣщ., стран. 208.

она подлежить». Главное сочиненіе Посошкова есть, безъ сомнѣнія, его книга «О скудости и богатствѣ»; это—сочиненіе политико-экономическое и юридическое. Здѣсь говорится о государственномъ управленіи и о различныхъ сословіяхъ. Сочиненіе раздѣляется на 9 главъ. Основная мысль книги, проходящая чрезъ все сочиненіе, возвышенная нравственная мысль, что основаніе богатства и благосостоянія государства заключается во внутреннемъ богатствѣ народа — въ правдѣ и нравственности народной.

Полагая благосостояніе государства въ народной нравственности, Посошковъ прежде всего обращаетъ вниманіе на русское духовенство, которое должно воспитывать народъ въ истинной вѣрѣ и благочестіи, но которое само въ то время было не воспитанно и необразованно. «Пресвитеры, — говоритъ онъ, — не токмо отъ люторскія или отъ римскія ереси, но отъ самаго дурацкаго раскола не знаютъ чѣмъ оправити себя». Онъ предлагаетъ: 1) не принимать въ духовный санъ людей не ученыхъ и 2) обезпечить духовенство въ содержаніи, чтобы оно свободно могло и само учиться и учить народъ.

Въ 7-й главѣ «о крестьянствѣ» онъ совѣтуетъ сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ крестьянъ обученіе дѣтей грамотѣ. «Не малая пакость, — говоритъ онъ, — чинится крестьянамъ и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ... Какой къ нимъ не придетъ съ указомъ или безъ указа, да скажетъ, что указъ у него есть, тому и вѣрятъ, и отъ того приѣмлютъ себѣ излишніе убытки, потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, не разумѣютъ... «Не худо было бы, — говоритъ онъ, — такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безграмотнаго челоуѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ и положить имъ срокъ года на три или на четыре... А буде въ четыре года дѣтей своихъ не научатъ, такожде кои ребята и впредь подрастутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и страхованіе» (О скуд. и бог. стран. 176).

Источники и пособія:

Завѣщаніе отеческое, сочиненіе И. Т. Посошкова. Новое изданіе. Изд. Высоч. учрежд. комис. для опис. арх. Св. Прав. Синода, подъ редакціей Е. М. Прилежаева. Сочиненія Посошкова Ч. I, Москва 1842 г.

ГЛАВА IV.

Св. Димитрій Ростовскій и его педагогическая дѣятельность.

Св. Димитрій Ростовскій. Высокимъ дѣятелемъ русской жизни литературы и педагогіи въ Петровское время былъ св. Димитрій Ростовскій, нравственно великій духомъ, превосходный педагогъ въ христіанскомъ смыслѣ этого слова. Св. Димитрій Ростовскій (1651—1709) родился въ декабрѣ 1651 г. отъ рядового казака Макаровской сотни кievскаго полка Саввы Григорьевича Туптала (Савича), и жены его Марьи Михайловны и названъ былъ при крещеніи Даніиломъ. О дѣтствѣ святителя мы ничего не знаемъ: конечно, наибольшее вліяніе на него оказывала религіозная мать, такъ какъ отецъ рѣдко бывалъ дома. Первоначальное образованіе Даніилъ получилъ дома, въ 1662 г., 11 лѣтъ отъ роду, научился писать по-славянски. Послѣ этого онъ былъ отправленъ въ Кіево-братскій монастырь, гдѣ въ то время новый ректоръ, извѣстный писатель Іоанникій Галытовскій, выстроилъ новыя зданія и открылъ классы для риторики. Даніилъ учился здѣсь всего три года (1662—1665), такъ какъ коллегія въ 1665 г. во время нашествія Дорошенка была разрушена. 9 іюля 1668 г. онъ принялъ монашество. Никакихъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалъ Димитрій Савичъ послѣ посвященія въ Каневѣ вплоть до 1675 г., мы не имѣемъ. Житіе въ общихъ выраженіяхъ рассказываетъ, что онъ жилъ въ Кирилловскомъ монастырѣ, отличался благочестіемъ, много читалъ, писалъ и сочинялъ, «повелѣнная отъ игумена или отъ другихъ высшихъ начальниковъ». Въ 1675 г. мы встрѣчаемъ св. Димитрія въ Густынскомъ монастырѣ, близъ гор. Прилукъ, Полтавской губерніи. Затѣмъ вскорѣ Димитрій перешелъ въ Черниговъ и проповѣдывалъ не только въ Черниговѣ, но и другихъ храмахъ епархіи. Къ этому періоду жизни Димитрія относится первое его сочиненіе «Руно орошенное». Съ 13 августа 1677 г. по январь 1679 г. св. Димитрій жилъ въ Слуцкѣ. Въ Литвѣ онъ основательно изучилъ польскій языкъ и польскіе нравы, обстоятельно познакомился съ римско-католическимъ вѣроученіемъ, латино-польскими пи-

сателями и польскими духовными. Затѣмъ переѣхалъ въ Батуринъ и поселился въ Крупецкомъ монастырѣ, откуда вскорѣ его выбрали игуменомъ Максаковского монастыря, а затѣмъ и Крупецкаго. Въ 1784 г. онъ перешелъ въ Кіевъ въ Кіево-Печерскую лавру; тутъ онъ принялъ на себя и послушаніе, прославившее его имя — составленіе житій святыхъ. Дѣло это было начато еще Петромъ Могилою, возобновлено Иннокентіемъ Гизелемъ, но не приведено къ желательному концу. Теперь за это дѣло взялся Варлаамъ Ясинскій съ другими духовными лицами, а главнымъ работникомъ назначенъ былъ св. Димитрій. Онъ принялся за работу 6 мая 1684 года. Въ лаврѣ Димитрій, повидимому, сдѣлался официальнымъ проповѣдникомъ; самъ Варлаамъ называетъ Димитрія искуснымъ и благоразумнымъ проповѣдникомъ слова Божія. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ жаромъ принялся за писаніе житій святыхъ. По черновой рукописи Миней за декабрь, уцѣлѣвшей до нашего времени, можно видѣть какъ тщательно и любовно относился Димитрій къ своей работѣ¹⁾. Въ своей работѣ Димитрій получалъ одобреніе и сочувствіе патріарха, гетмана и митрополита. Въ 1697 г. св. Димитрій былъ избранъ игуменомъ Кирилловскаго монастыря, затѣмъ архимандритомъ Елецкимъ. Весь 1699 г. проведенъ былъ св. Димитріемъ въ хлопотахъ по печатанію Миней. Въ лѣтописи Величка²⁾, сказано: «Року 1700 въ мѣсяцъ генварю третья книга житій святыхъ, трудами богодухновеннаго мужа іеромонаха Димитрія Савича Тупталенка составленная, на свѣтъ вышла и любопытствующихъ человѣкомъ книжныхъ духовною радостью сердца наполнила».

Въ 1701 г., на пятидесятомъ году жизни, Димитрій былъ избранъ въ митрополиты Сибирскіе. Однако, вслѣдствіе слабости здоровья въ Сибирь не поѣхалъ, а былъ назначенъ митрополитомъ Ростовскимъ. Въ мартѣ 1702 г. св. Димитрій прибылъ въ Ростовъ. Въ проповѣди, произнесенной въ каедральномъ Успенскомъ соборѣ, св. Димитрій сказалъ: «Я пришелъ не себѣ угождати, но вразумляти безчинныя, утѣшати малодушныя, заступати немощныя... добрыя любити, злыя съ милованіемъ наказывати,

¹⁾ Писаніе житій такъ увлекло Димитрія, что онъ нерѣдко писалъ цѣлую ночь, ложился иногда спать, не раздѣваясь, только за часъ до начала заутрени, которой никогда не пропускалъ.

²⁾ Кн. III, 551.

о всѣхъ пользѣхъ пешися, всѣмъ спасенія тщательно искати, о всѣхъ молитися». Въ Ростовѣ св. Димитрій жилъ до своей блаженной кончины и почилъ въ 1709 г. Противъ раскольниковъ онъ, въ концѣ жизни своей, написалъ книгу «Розыскъ о Брынской вѣрѣ». Св. Димитрій Ростовскій, говоритъ г. Шляпкинъ¹⁾, является однимъ изъ лицъ, представляющихъ изъ себя идеальнаго общественнаго дѣятеля, въ духѣ сліянія западнаго образованія со старыми русскими церковными взглядами. Это человекъ высокаго нравственнаго совершенства и удивительной цѣльности характера... Главнѣйшимъ недостаткомъ, кинувшимся въ глаза будущему святителю, явилось отсутствіе широкаго образованія въ духовенствѣ русскомъ, особенно со стороны церковно исторической. Подъ влияніемъ окружавшихъ его образованныхъ дѣятелей — Гизеля, Ясинскаго и другихъ, Савичъ принялся за громадный трудъ составленія и переработки Четь-Миней, — трудъ, обезсмертившій его имя. Вызванный Петромъ Великимъ для исполненія государственно-церковной миссіи въ Сибири, св. Димитрій успѣваетъ освободиться отъ этого чуждаго его ученымъ и сезерцательнымъ привычкамъ назначенія и получаетъ Ростовскую епархію.

Здѣсь дѣятельность его дѣлится между ученою, учебною и практическою сторонами. Заботы о просвѣщеніи, умственномъ и нравственномъ, народной массы и ея руководителей — духовенства, объединяють эти стороны. Ради этой цѣли святитель, закончивъ свои Минеи, хлопочеть о второмъ ихъ изданія, учреждаетъ школу, произноситъ проповѣди, составляетъ лѣтопись и Розыскъ. Около восьми лѣтъ пробылъ св. Димитрій въ Ростовѣ, и эти года были вѣнцомъ всей жизни святителя. До конца жизни остался вѣренъ себѣ слабымъ тѣломъ, но сильный духомъ святитель, вполне посвятившій себя своей паствѣ, буквально «душу свою положившій за овцы своя».

Въ суровую эпоху Петровскихъ новшествъ св. Димитрій явился хранителемъ стараго достоянія русскаго люда — живой, дѣйствующей чрезъ любовь, православной вѣры.

Почувялъ это народъ, и не даромъ сочиненія святителя принадлежали и принадлежать къ излюбленному чтенію русскаго народа.

¹⁾ Св. Димитрій Ростовскій и его время, стран. 457.

Школа св. Димитрія. Для насъ особенно интересно и важно остановиться на педагогической дѣятельности св. Димитрія, на его Ростовской школѣ и на тѣхъ его педагогическихъ взглядахъ, которые были высказаны имъ въ различныхъ мѣстахъ проповѣдей.

Подобно другимъ областямъ Московскаго государства, надо думать, что и въ Ростовской епархіи были издавна такъ называемыя приходскія школы, но къ концу XVII вѣка эти школы, несомнѣнно, пришли въ упадокъ. Сознвая, какъ и Посошковъ, что «вся (неустройство) прозябоша явѣ отъ ненаученія младенческаго», святитель и рѣшилъ завести у себя элементарную школу, въ чемъ и былъ первоначально поддержанъ администраціей Монастырскаго приказа. Прямого указанія времени открытія школы нѣтъ. Изъ сохранившихся ученическихъ упражненій можно заключить, что занятія въ школѣ начались 1 сентября 1702 года.

Училище, носившее постоянное названіе школы, помѣщалось въ Ростовскомъ кремлѣ, близъ архіерейскаго дома; число учениковъ въ немъ доходило до 200. Изъ сохранившихся рукописей видно, что въ школѣ были учителя греческаго и латинскаго языковъ.

Обученіе началось съ русской азбуки, письма и пѣнія. Затѣмъ преподавались языки греческій и латинскій. Въ письмѣ къ Іову, митрополиту новгородскому, св. Димитрій говорилъ о себѣ, что онъ завелъ училище греческое и латинское. Въ библиотекѣ св. Димитрія были, вѣроятно для учениковъ, два славяно-греческихъ и два греколатинскихъ лексикона, *Rudimenta linguae graecae* и три греческихъ грамматики: Ласкариса, Львовская и неизвѣстнаго автора. Самъ святитель высоко ставилъ греческій языкъ: «ученіе, еже начало есть и источникъ всему любомудрію, еллиногреческій глаголю языкъ, отъ того бо вся премудрая ученія во вся языки произыдоша», пишетъ онъ Іову новгородскому. О преподаваніи латинскаго языка во всѣхъ подробностяхъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся до насъ учебники. Само дѣленіе школы на классы было составлено сообразно изученію латинскаго языка. Учебникомъ были извѣстные «*Institutiones linguae latinae*» Эммануила Альвара. Этотъ учебникъ, какъ мы говорили раньше¹⁾, въ

¹⁾ Истор. рус. пед., ч. I., гл. XVI и XVII.

безчисленныхъ изданіяхъ изучали въ Западной Европѣ, Польшѣ и въ юго-западныхъ русскихъ школахъ. Изученіе грамматики продолжалось три года. Самъ святитель называетъ свои классы (ученія) грамматическими, т.-е. состоящими изъ инфимы, этимологии и синтаксиса. Такимъ образомъ, ученики раздѣлялись на три класса. Въ классной комнатѣ были столы, скамьи, небольшая доска, линейка (*ferula*), розги, чернила и перья. Въ классахъ ученики сидѣли по успѣхамъ. Дурные ученики сидѣли назади, возлѣ печки и дверей. Лучшій ученикъ назывался императоромъ и сидѣлъ впереди на особомъ мѣстѣ. Императоръ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и аудиторомъ: спрашивалъ уроки, ставилъ отмѣтки (*nescit, non bene* и пр.), объяснялъ и повторялъ уроки. Императоръ садился на свое мѣсто съ особыми церемоніями; ученики воспѣвали ему: «здравствуй, новый императоръ!» Онъ смотрѣлъ и за порядкомъ. Сеніоръ, иногда ученикъ старшаго класса, тоже наблюдалъ за порядкомъ и даже могъ «мунштровать учениковъ, какъ цыганскихъ лошадей». Рядомъ съ императоромъ сидѣлъ первый сенаторъ. Всѣ эти школьные обычаи чисто латино-іезуитскаго происхожденія, перешедшіе сюда чрезъ кіевскую коллегію, доставляли не мало развлеченій ученикамъ среди однообразной школьной жизни. Сочиненія учениковъ знакомятъ насъ съ времяпрепровожденіемъ ихъ во время вакацій¹⁾. Они гуляли въ полѣ, ѣздили на лодкѣ на островъ Ростовскаго озера, посѣщали преосвященнаго въ его селахъ Демьянахъ, Шестаковѣ и Капцахъ. По праздникамъ они произносили рѣчи или разыгрывали театральные пьесы и діалоги. Театральныя представленія, пѣніе и музыка вліяли, безъ сомнѣнія, очень плодотворно на эстетическое чувство учащихся. Имъ приходилось и рисовать декораціи и готовить костюмы. Представленія же, по выраженію Духовнаго Регламента, развивали въ ученикахъ «резолуцію, си естъ благоразумную смѣлость».

Содержаніе учениковъ было довольно порядочное: кормили ихъ хорошо. Обращеніе учителей было сравнительно мягкое, и наказанія назначались не столько за неуспѣшность, сколько за дурное поведеніе и очевидную лѣность. Употреблялись, впрочемъ, и тѣлесныя наказанія: самъ святитель грозить «конвер-

¹⁾ См. «Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1863 и 1883 гг., статьи О. Я. Никольскаго и Н. Н. Корсунскаго.

сующихъ со свиньями и не повинующихся сеніору» учениковъ пожаловать плетью. Но вообще св. Димитрій любилъ свою школу и учениковъ, часто посѣщаль училище, самъ выслушивалъ отвѣты учениковъ. Отобравъ способнѣйшихъ, обучалъ ихъ зимою, толковалъ нѣкоторыя книги Ветхаго Завѣта, а лѣтомъ, въ селѣ Демьянахъ, объяснялъ Новый Завѣтъ. Самъ ихъ исповѣдывалъ и приобщалъ, общалъ молиться за нихъ, если достигнетъ милости отъ Бога по смерти, увѣщевалъ учиться и болѣе прилежнымъ раздавалъ деньги по грошу на каждого или на двоихъ по алтыну и бралъ въ свои села на вакаціи. Такимъ образомъ Ростовская школа явилась соотвѣтствующей элементарной приходской древнерусской школѣ, но она представляла уже движеніе впередъ, внеся въ кругъ преподаванія греческій и латинскій языкъ.

Взявъ нѣкоторыя формальности изъ западныхъ школъ, св. Димитрій не взялъ ихъ духа. Семейственность, простота отношеній при извѣстной вполнѣ обычной въ то время строгости, полное отсутствіе формализма и иезуитизма — важныя черты школы.

Главная же заслуга св. Димитрія состоитъ въ томъ, что ему принадлежитъ починъ въ учрежденіи новой, хотя и на старомъ основаніи, элементарной народной школы, въ то время, когда о нихъ никто не думалъ. Ростовская школа была доступна для всѣхъ, а не для однихъ дѣтей духовныхъ, была общою, а не спеціальною; въ этомъ ея существенная разница отъ школъ Петровскихъ, узкоспеціальныхъ и предназначенныхъ для извѣстнаго класса людей¹⁾.

Проповѣди. Главная цѣль проповѣдей св. Димитрія — выясненіе нравственнаго христіанскаго идеала. Тутъ святителю особенную службу сослужили составленныя имъ Четь-Миней съ своими готовыми идеалами высокой христіанской жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ святитель не довольствовался разсужденіями общеморальнаго свойства, но откликался и на современныя событія. Но эта отзывчивость была совершенно другого характера, чѣмъ у другихъ проповѣдниковъ Петровскаго времени.

Во всей массѣ проповѣдей, говоритъ г. Шляпкинъ, мы видимъ одну главную идею, одно желаніе, одно стремленіе проповѣдника — сдѣлать людей лучше и добрѣе. Послѣдняя даже беретъ пере-

¹⁾ См. подроб. у И. А. Шляпкина, Св. Димитрій Ростовскій.

вѣсь, особенно въ начальный періодъ святительства. «Любовь выше всего» — основная тема св. Димитрія въ первыхъ его проповѣдяхъ. Въ послѣдующій періодъ святитель старается главнымъ образомъ выяснитъ чистоту исповѣданія православной церкви въ сравненіи съ расколомъ. Въ первомъ періодѣ, выясняя обязанности пастырей и пасомыхъ, рисуя неприглядную картину жизни современнаго общества, онъ главнымъ образомъ обличаетъ недостатокъ любви между людьми, отсутствіе братства, угѣсненія однихъ другими. Защищая слабого отъ власти сильнаго, не стѣсняясь общественнымъ положеніемъ сильнаго, онъ не падитъ недостатковъ и слабого. Но преимущественно св. Димитрій является вѣрнымъ преемникомъ правилъ святителей древнихъ пастырей русской церкви: онъ — защитникъ всѣхъ слабыхъ, угнетенныхъ. «Правды нынѣ не спрашивай, самыя дѣлаются неправды и обиды, о нихъ же нельзя и глаголати... Милосердія нынѣ не воспоминай, уже бо люди и забыли, что то есть милосердіе¹⁾» «Постимся, а людей ядимъ, кака наша правда? Подвизаемся на добродѣтель, а ближняго озлобляемъ... зиждемъ храмы Господни, а чуждая грабимъ и похищаемъ... о ницахъ милосердуемъ, даемъ имъ милостыню, а брата нашего ненавидимъ... прощаемся, а памятозлобствуемъ; глаголемъ, а лжемъ; льстимъ, а коварствуемъ — какака наша правда?»²⁾).

Главнымъ образомъ святитель обличаетъ недостатокъ любви къ ближнему. «Зиму лютую будутъ терпѣть челоуѣцы, которые немилостивы суть до убогихъ и не приѣмлютъ въ дома своя странныхъ, и лежащихъ безъ покрова на гноици, и терпящихъ снѣгъ и мразъ лютый»³⁾).

Идеальнаго пастыря св. Димитрій рисуетъ такими словами: «Знаменіе добраго пастыря есть еже предъ овцами, а не позади овецъ ходити. Пастыри должны быть разумные и учительные, да силенъ будетъ и угѣшати во здоровомъ учени и противляющаяся обличити... не достоинъ сана пастырскаго, иже не искусенъ въ Божественномъ писаніи...»⁴⁾).

¹⁾ Соч. II, 357.

²⁾ Соч. III, 208.

³⁾ Соч. II, 122.

⁴⁾ У св. Димитрія есть превосходныя мысли. Такъ, напр., конецъ его «Лѣтописи» заканчивается похвалою силѣ слова: «злое слово и добрыхъ злыми творитъ, доброе же слово и злыхъ содѣваетъ добрыми».

Педагогическія наставленія. Приведемъ нѣкоторые изъ педагогическихъ совѣтовъ св. Дмитрія.

Приводя случай проклятія Ноемъ Хама и Ханаана, св. Дмитрій говоритъ¹⁾. «Обратимъ вниманіе на то, что виновникомъ сего проклятія для Ханаана былъ самъ отецъ его Хамъ; онъ, когда сынъ рассказывалъ ему (о наготѣ Ноя) не наказалъ его, но и самъ пошелъ посмотрѣть, какъ будто одобряя этотъ неразумный поступокъ мальчика; за это слѣдовало бы мальчика строго наказать, а онъ промолчалъ и сдѣлалъ ему поблажку, позволилъ ему говорить невозбранно о наготѣ дѣда, и самъ съ удовольствіемъ о томъ послушалъ его, а чрезъ то и себя, и сына подвелъ подъ проклятіе родительское. Поучайтесь, родители, изъ сего случая воспитывать своихъ дѣтей, съ ихъ младенческаго возраста, въ наказаніи и ученіи Господни, по совѣту Апостола, держите ихъ такъ, чтобы они боялись дѣлать худое, а не поблажайте ихъ ласками, не попускайте имъ своеволія, безчинства, сквернословія, не позволяйте имъ дѣлать ничего непристойнаго и пріобрѣтать дурныя привычки. Ибо кто къ чему навикнетъ съ дѣтства, отъ того и подъ старость не скоро отстанетъ; и какія правила усвоитъ въ молодости, добрыя ли, или дурныя, съ тѣмъ состарится и умретъ. Малое дитя подобно доскѣ, приготовленной для картины, и какое изображеніе напишетъ на ней живописецъ, доброе или худое, святое или грѣшное, Ангела или бѣса, то и останется навсегда. Такъ и ребенокъ: какое родители дадутъ ему воспитаніе, какому научатъ его образу жизни, богоугодному или богоненавистному, ангельскому или бѣсовскому, въ томъ онъ и останется на всю жизнь.

Въ какую краску прежде опустите новое бѣлое полотно, того цвѣта оно никогда не потеряетъ; и какой жидкости сначала нальете въ новую деревянную или глиняную посуду, благовоннаго ли масла, или вонючаго дегтя, ихъ запахъ останется въ ней навсегда²⁾; то же самое бываетъ и при воспитаніи дѣтей. Вотъ почему съ дѣтства нужно обучать ихъ добрымъ нравамъ и ласками, и строгостію. И не столько ласками, сколько стро-

¹⁾ См. его Избранныя творенія «Мудрые совѣты родителямъ» стран. 115.

²⁾ Срав. соотв. мѣста у Симеона Полоцкаго: Вечеря душевная стран. 238—240, см. Истор. рус. педаг. ч. I стран. 276.

гостію: полезно юность вразумлять страхомъ, какъ и премудрый Сирахъ совѣтуетъ: не давай сыну твоему воли въ юности и сокрушай ребра, доколѣ онъ молодъ, дабы сдѣлавшись упорнымъ, онъ не вышелъ изъ повиновенія тебѣ (глава 30, 11—12). Святой Златоустъ уподобляетъ юношескій возрастъ коню безъ узды и звѣрю неукротимому. Чѣмъ коня сдержишь, если не браздами и уздою, и утомленіемъ? Чѣмъ дикаго звѣря (напримѣръ, медвѣдя) укротишь, если не цѣпью и палкою? Подобно сему и для юношескаго возраста нужна строгость, какъ бы узда и угроза, какъ бы желѣзная цѣпь. Хорошо говоритъ премудрый сынъ Сираховъ: кто любитъ своего сына, тотъ участитъ ему наказанія (глава 30, 1). И родители должны не только сами вразумлять и наставлять въ добродѣтели своихъ дѣтей, но при- ставлять къ нимъ опытныхъ людей (напр., старшихъ братьевъ и сестеръ), которые бы не только учили ихъ добру, но и надзирали бы за всѣми ихъ словами, дѣлами и поступками, оставливали и исправляли, въ чемъ нужно, и научали добрымъ правиламъ: «юность строптива, говоритъ св. Златоустъ, она требуетъ многихъ наставниковъ». И опять онъ же говоритъ: «Для ословъ мы ищемъ пастуха, для лошаковъ — хорошаго погонщика, а о томъ, что для насъ всего дороже, чтобы поручить своего сына такому человѣку, который могъ бы соблюсти его въ цѣломудріи, мы не заботимся. Слышите: если для безсловесныхъ животныхъ нуженъ хорошій пастухъ, то тѣмъ болѣе для дѣтей хорошій приставникъ. Животнымъ нуженъ пастухъ для того, чтобы ихъ звѣри не растерзали, или чтобы воры не увели, а дѣтямъ приставникъ — для того, чтобы злонравные люди ихъ не развратили, чтобы душевные тати-бѣсы ихъ не обокрали и не увлекли въ вѣчную погибель»¹⁾. Въ одной изъ проповѣдей св. Димитрій говоритъ «о долгѣ матерей кормить дѣтей собственнымъ молокомъ». «Съ разрѣшеніемъ неплодства Господь Богъ чудесно даровалъ Саррѣ и обильное млеко въ персяхъ ея. Да научатся отселѣ матери, что онѣ сами должны питать младенцовъ своими сосцами, а не отдавать ихъ инымъ женамъ — кормилицамъ; эту должность наложилъ на нихъ и Богъ, и природа, давши имъ сосцы, какъ нѣкіе сосуды полные, да пи-

¹⁾ Избр. творенія св. Димитрія стран. 116—118.

таютъ свое рожденіе¹⁾. И не безъ грѣха бываетъ тѣмъ матерямъ, которыя, безъ какихъ-нибудь уважительныхъ причинъ, отдаютъ младенцевъ своихъ кормилицамъ, а сами не хотятъ питать. Не безъ грѣха: потому что отсюда происходитъ великій вредъ. Младенецъ, питающійся молокомъ не своей матери, а иной жены, бываетъ нездоровъ и скоро умираетъ; а хотя и будетъ живъ, однако, будетъ немощенъ: потому что чужое молоко несвойственно младенцу: оно отъ иного (хотя и тождественнаго) тѣла, а не отъ того, отъ котораго младенецъ родился, и не такъ полезно, какъ молоко истой матери! Напротивъ, питаемый млекою собственной матери, младенецъ бываетъ здоровъ и когда вырастаетъ, бываетъ крѣпокъ тѣломъ и остроуменъ: такъ утверждаютъ естествоиспытатели (Плиній, книга 28-я, гл. 9). Младенцы, сосущіе сосцы кормилицъ, вмѣстѣ съ молокомъ сосутъ и недуги ихъ, и дурные навыки и обычаи ихъ; будетъ больная кормилица, будетъ больной и младенецъ, ею питаемый. Если кормилица гнѣвлива, яра, злобна, друго-ненавистна: такъ будетъ и тотъ, кого она сосцами кормитъ. Если кормилица пиянива, любострастна, безстыдна, похотлива: такъ поистинѣ будетъ и питомецъ ея, когда придетъ въ возрастъ. Дитя, воспитанное не матернимъ млекою, пришедши въ возрастъ, не будетъ имѣть къ матери такой любви, какую имѣютъ воспитанные млекою собственныхъ матерей. А дѣти, мало имѣющія любви къ матери, мало отдають ей и почтенія. Да пристыдятъ матерей, не своимъ молокомъ питающихъ дѣтей своихъ, безсловесныя животныя: каждый скотъ, каждый звѣрь, всякъ изъ нихъ не ввѣряетъ своихъ исчадіи иному питать, но которая родила, та и кормитъ своимъ сосцами; а родъ человѣческій оставляется отъ собственныхъ матерей, невѣдомо для чего!²⁾

Источники и пособія:

Главнымъ пособіемъ служило изслѣдованіе И. А. Шляпкина, Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.), С.-Пб., 1891 г., стран. 460 и прил. 102 стран. in 8. Избранныя творенія св. Димитрія Ростовскаго. С.-Пб., 1888 г.

¹⁾ Гораздо позже, въ половинѣ XIX вѣка, извѣстный ученый и педагогъ Н. И. Пироговъ повторилъ ту же мысль. Г. Сикорскій недавно высказалъ: «кормленіе и уходъ за ребенкомъ — есть дѣло великой педагогической важности, онъ и долгъ и подвигъ матери. Русскій народный геній высоко ставитъ мать-кормилицу, онъ сравниваетъ ее съ землей — общою кормилицею всего живого». (Воспитаніе въ возрастѣ перваго дѣтства. 1884 г.).

²⁾ Избр. соч., 119—121.

ГЛАВА V.

Свѣтскія школы при Петрѣ I.

Свѣтскія школы. Несомнѣнно, что Петръ Великій сознавалъ пользу школъ и старался о возможно большемъ ихъ распространеніи. Въ Регламентѣ главному Магистрату¹⁾ было постановлено слѣдующее о городскихъ школахъ:

«Понеже Академіи и школы дѣло есть зѣло нужное для обученія народнаго, въ чемъ уже по Его Царскаго Величества высокому соизволенію и доброе начало учинено²⁾, дабы такое нужное и благоугодное дѣло по всей возможности въ дѣйство произвести: того ради надлежитъ магистрату учрежденіе того не пренебрегать, но по должности всякое къ тому вспоможеніе чинить, а что до содержанія малыхъ школъ принадлежить, въ которыхъ токмо читать, писать и ариѳметикѣ обучаться будутъ, о томъ во всѣхъ городахъ магистратамъ самимъ имѣть стараніе».

Слѣдовательно, по мысли Петра I, городское управленіе обязано было прискивать средства для учрежденія и содержанія начальныхъ школъ во всѣхъ городахъ. Однако, мысль эта далеко не скоро получила полное осуществленіе.

Что касается самаго характера образованія, то уже съ самаго перваго года XVIII вѣка русское законодательство начинаетъ высказывать ту мысль, что оно не признаетъ никакой другой цѣли въ образованіи, кромѣ значенія пригодности его для той или другой профессіи. Государство заботится о томъ, чтобы военная, гражданская и духовная служба отправлялись наилучшимъ образомъ, школа должна отвѣчать этимъ потребностямъ. Образованіе умственныхъ силъ челоуѣка и воспитаніе воли не входило въ задачу школы того времени. Понятія службы и образованія смѣшиваются.

Взглядъ Петра I на необходимость профессиональнаго образованія виденъ изъ слѣдующихъ его словъ: и изъ школы бы во всякія потребности люди, благоразумно учася, происходили въ церков-

16 января 1721 г., въ главѣ XXI.

²⁾ Разумѣются недавно учрежденныя цифирныя школы. М. Д.

ную службу, и въ гражданскую, воинствовать, знати строеніе и докторское врачебское искусство¹⁾.

Въ частности, въ продолженіе всего царствованія Петра I въ мѣрахъ къ распространенію просвѣщенія въ Россіи отразилась склонность этого государя къ мореходству и военнымъ наукамъ. Перри рассказываетъ, что Петръ Великій подъ веселый часъ завидовалъ должности адмирала англійскаго флота²⁾. Не удивительно поэтому, что всѣ учебныя заведенія въ Россіи начала прошлаго столѣтія основывались главнымъ образомъ съ цѣлью образовать моряковъ и военныхъ служакавъ. Если самъ законодатель, при его страсти къ мореходству, считалъ знанія необходимыя для навигаторовъ, знаніями, имѣющими самый высокій интересъ, то и весь народъ не могъ имѣть другой болѣе возвышенной цѣли, — всѣ должны быть мореплавателями или, по крайней мѣрѣ, готовыми къ тому.

14 января 1701 г. изданъ былъ указъ объ учрежденіи въ Москвѣ, въ Сухаревой башнѣ, въ вѣдѣніи оружейной палаты, школы «математическихъ и навигацкихъ, т.-е. мореходныхъ хитростно искусствъ ученія». Директоромъ этой школы назначенъ былъ Фарварсонъ (Farwarson), профессоръ Абердинскаго университета, котораго въ 1698 г. императоръ Петръ I, бывши въ Лондонѣ, пригласилъ перейти въ русскую службу.

Вмѣстѣ съ Фарварсономъ для обученія, собственно, морскимъ или, по тогдашнему, « навигацкимъ » наукамъ, были вызваны учителя: Степанъ Гвизъ (Stephen Guyn) и Грызъ (Gries). Школѣ приказано состоять въ вѣдѣніи Оружейной Палаты, у боярина Ѳ. А. Головина «съ товарищи», и въ ученье набирать «добровольно хотящихъ, иныхъ же паче и со принужденіемъ».

Въ школѣ проходили ариѣметику, геометрію, тригонометрію, плоскую и сферическую, навигацію, морскую астрономію и получали краткія свѣдѣнія о географіи, преимущественно математической. Для необходимаго подготовленія учениковъ къ слушанію этого курса при школѣ было два начальныхъ класса, носившіе названіе «русской школы», въ которой учили читать и писать, и «цыфирной школы», гдѣ обучали счету и началамъ ариѣметики.

¹⁾ Устряловъ, Исторія Петра Великаго, III, 511—512.

²⁾ Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, т. I, стран. 122.

Ученики, числомъ 500; поступали въ школу отъ 12 до 17 лѣтъ, иногда даже до 20. Въ первое время, кромѣ Леонтія Магницкаго, автора извѣстной ариѳметики, всѣ учителя были англичане, худо знавшіе русскій языкъ. Эта школа, въ то время единственное правительственное училище въ Россіи, должна была готовить молодыхъ людей не только къ морскому дѣлу, но и ко всѣмъ родамъ службы, даже просто обучать грамотѣ. И дѣйствительно, изъ нея не только выходили моряки, но и артиллеристы, инженеры, преподаватели во вновь учреждаемыя училища, геодезисты, архитекторы, гражданскіе чиновники, даже писаря и мастера¹⁾. Этотъ энциклопедизмъ, говоритъ гр. Д. А. Толстой, легъ въ основаніе учебныхъ плановъ и открытыхъ впослѣдствіи военныхъ училищъ, перешелъ потомъ всецѣло въ учебный курсъ шляхетскаго кадетскаго корпуса и остался даже въ нихъ и въ наше время. Наказанія, употреблявшіяся въ школѣ, соотвѣтствовали грубости тогдашнихъ нравовъ. Такъ, напр., за проступки учениковъ наказывали на школьномъ дворѣ плетью, на достаточныхъ дворянъ за прогульные дни или за такъ называемые «нѣты» положена была огромная пеня.

Спустя пятнадцать лѣтъ по основаніи навигацкой школы, Петръ I вздумалъ перенести морское училище поближе къ морю, въ Петербургъ, со всѣми учениками и учителями. Но такъ какъ учащихся было до 600 человекъ, и это оказалось неудобнымъ, то 1 октября 1715 г. состоялся указъ объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ Морской Академіи и вышла полная инструкція ученія и содержанія въ ней учениковъ, которыхъ комплектъ положенъ 300 человекъ, а въ Московской школѣ велѣно содержать 500. Изъ учителей въ Петербургъ переведены Фарварсонъ и Гвѣнь и въ помощь имъ назначено восемь навигаторовъ.

Въ Москвѣ оставленъ Магницкій съ нѣсколькими помощниками, выбранными изъ лучшихъ учениковъ, окончившихъ курсъ, и велѣно учить только русской грамотѣ, ариѳметикѣ, геометріи и тригонометріи. Московская школа сдѣлана была какъ бы подготовительнымъ училищемъ къ морской академіи, куда были перенесены всѣ спеціальныя предметы. Какъ въ морской академіи, такъ и въ навигаціонной школѣ науки

¹⁾ Въ указѣ 1710 г. сказано, что «школа оная не только потребна къ единому мореходству и инженерству, но и артиллеріи и гражданству».

математическія и морскія долгое время преподавались на англійскомъ языкѣ.

По сохранившимся запискамъ учениковъ, надо полагать, что всѣ теоремы, относящіяся къ математическимъ и морскимъ наукамъ, проходились безъ доказательствъ, и учащіеся должны были довольствоваться заучиваніемъ наизусть различныхъ научныхъ истинъ и прилагать ихъ къ бездоказательному же рѣшенію практическихъ задачъ. Все слышанное въ классѣ принималось за несомнѣнную истину, вовсе не нуждающуюся въ доказательствахъ, и преподаватели заботились только о томъ, чтобы учащіеся знали, какъ что дѣлается и не думали о разъясненіи — почему?

Насколько заботились объ академіи, видно изъ того, что на содержаніе ея, изъ суммы, назначенной въ 1714 г. вообще на школы, велѣно было отпускать половину, т.-е. 11.229 руб. Но эти деньги отпускались неисправно.

Морская академія, сколько можно судить по данной для нея «инструкціи», была уже не простая школа, а настоящее военно-учебное заведеніе. Воспитанники раздѣлялись на шесть отдѣленій или «бригадъ», въ каждой по 50 человекъ. Надъ ними начальствовалъ офицеръ, называвшійся «командиромъ морской гвардіи». Общее завѣдываніе академіею, по всѣмъ частямъ, имѣлъ директоръ.

Воспитанники должны были, сколько позволяло помѣщеніе, жить въ зданіи академіи. Въ классахъ приказано было «никогого крику, ни шуму не чинить» и особенно не проводить время въ разговорахъ. Для наблюденія за порядкомъ приказано было во всякомъ классѣ быть по одному дядькѣ и имѣть «хлысть въ рукахъ»; а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить, несмотря какой бы ученикъ фамиліи ни былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманить», т.-е. кто будетъ потворствовать.

Преподаватели должны были являться къ своимъ занятіямъ во-время и обучать воспитанниковъ («морскую гвардію») «всему, что къ ихъ чину принадлежитъ, со всякимъ прилежаніемъ и лучшимъ разумнѣйшимъ образомъ». Строго воспрещалось брать взятки. При отпускахъ учениковъ брались подписи, что въ случаѣ неявки въ сроки виновный будетъ посланъ въ каторжную ра-

боту, а за побѣгъ подвергнется смертной казни. Но такія угрозы никогда не приводились въ исполненіе и, кажется, были только канцелярской формальностью.

Въ общемъ, морская академія въ обществѣ цѣнилась высоко и, по свидѣтельству одного иностранца (Вебера), бывшаго тогда въ Петербургѣ, «не было ни одной знатной фамиліи, которая бы не представила въ академію сына или ближайшаго родственника».

Съ кончиною Петра I началось паденіе нашего флота, а съ нимъ и морскихъ учебныхъ заведеній. Число учениковъ въ нихъ постепенно уменьшалось. 15 декабря 1752 г. основанъ былъ морской шляхетный кадетскій корпусъ, въ которомъ слились морская академія и навигаціонная школа. Морской корпусъ явился уже довольно благоустроеннымъ учебнымъ заведеніемъ, съ обширнымъ интернатомъ. Самые способы преподаванія въ немъ были улучшены.

Въ царствованіе же Петра I учреждены были въ Москвѣ и Петербургѣ инженерныя и артиллерійскія школы, которыя послѣ его смерти такъ же пришли въ упадокъ. Лѣкаря и аптекаря приготавливались попрежнему практически при госпиталяхъ и аптекахъ подъ руководствомъ иностранныхъ медиковъ, которые преподавали на латинскомъ языкѣ.

Въ открытомъ въ 1707 г. въ Москвѣ госпиталѣ вызванный изъ Голландіи врачъ Бидлоо до самой смерти своей, въ 1735 г., обучалъ преимущественно практически, наглядно, набранныхъ изъ славяно-греко-латинской академіи учениковъ.

Въ началѣ XVIII вѣка было открыто въ Россіи нѣсколько учебныхъ заведеній съ общеобразовательнымъ характеромъ, но просуществовали они недолго. Въ 1703 г. пасторъ Глюкъ открылъ въ Москвѣ училище, съ курсомъ, приближавшимся къ плану европейскихъ гимназій того времени; послѣ его смерти оно перешло къ магистру философіи Паузе, но уже въ 1706 г. прекратило свое существованіе.

По программѣ, объявленной Глюкомъ, основа образованія въ этой школѣ состояла въ изученіи новыхъ и древнихъ языковъ; въ ней объявлено преподаваніе французскаго, нѣмецкаго, латинскаго, сирскаго и халдейскаго языковъ; изученіе языковъ должно было имѣть не просто практической характеръ, но должно

было возвышаться до научной филологіи; однимъ изъ учебниковъ считались «*Janua linguarum reserata*» Амоса Коменскаго. Затѣмъ на эту филологическую основу опиралось изученіе слѣдующихъ наукъ: латинской риторики, философіи дѣятельной, ииики, политики, географіи, философіи картезіанской. Замѣчательно, что преподаваніе математики не должно было итти далѣе ариѳметики. Школа раздѣлялась на 4 класса. «Все разнообразіе наукъ и упражненій ведетъ къ одной общей цѣли — къ духовному (т.-е. умственному и нравственному) преуспѣянію учащихся, такъ какъ благочестіе не прирождается а притязается (приобрѣтается); нива бо не дѣлана не носитъ пшеницу, но волчець и осоты¹⁾. «Вы сами въ своей паузѣхъ», говоритъ Глюкъ, обращаясь къ юношамъ, «обряцете причины, для которыхъ вамъ достоинъ покорно сіе призваніе внимати и послушно свое остроуміе приклонити, и что полезно вліется, принимати».

Общеобразовательный характеръ этой школы открывается изъ состава учениковъ; въ нее принимаются лица всѣхъ сословій, ищущія образованія собственною охотою; «а велѣно въ ней учить всякихъ чиновъ людей, которые стануть приходить и записываться въ тое школу охотою». Въ школѣ 1706 г. было 300 учениковъ — число по тому времени весьма значительное; учителя просили принимать больше; но Петръ I не велѣлъ принимать сверхъ 100. Ученіе было даровое для всѣхъ. Число учителей уставомъ не обозначено: въ началѣ было 7, потомъ 9; всѣ они были иностранцы. Училище закрылось въ 1706 г.

Въ Петербургѣ существовали въ 1711 г. четыре такъ называвшіяся «разноязычныя нѣмецкія школы». Свѣдѣній объ ихъ устройствѣ не сохранилось: несомнѣнно, что оно было гимназическое; просуществовали онѣ не долго. Петръ I не этимъ школамъ сочувствовалъ.

Въ 1714 г. состоялось постановленіе объ учрежденіи по провинціямъ школъ, извѣстныхъ подъ именемъ цыфирныхъ: «во всѣхъ губерніяхъ, дворянскихъ и приказнаго чина, дьячихъ и подъяческихъ дѣтей, отъ 10 до 15 лѣтъ, oprичъ однодворцевъ, учить цыфири и нѣкоторую часть геометріи». Преподавателями назначались ученики навигацкихъ школъ; они должны были

¹⁾ См. у Пекарскаго, Наука и литература, т. I, стран. 128—130. Глюкова программа, или приглашеніе къ россійскимъ юношамъ.

учить въ школахъ при архіерейскихъ домахъ и значительныхъ монастыряхъ, съ платою по 3 алтына и 2 деньги въ день; съ учениковъ воспрещалось брать вознагражденіе, а каждый изъ нихъ, по выучкѣ, обязывался заплатить учителю рубль; послѣдній выдавалъ окончившему у него ученіе письменное свидѣтельство, а безъ такихъ свидѣтельствованныхъ писемъ, жениться учениковъ не допускать и вѣчныхъ памятей не давать¹⁾.

Въ 1715 г. опредѣлено было положительно, чтобы изъ навигацкихъ школъ отправить въ губернію по 2 человекъ, выучившихъ геометріи и географіи «для науки молодыхъ ребятъ изъ всякихъ чиновъ людей». Окончательное утвержденіе математически-навигационной системы образованія, какъ общеобразовательной для всѣхъ, относится такимъ образомъ къ 1714—1716 годамъ. Образование въ указанномъ составѣ и размѣрахъ объявлено обязательнымъ. Мѣра, придуманная первымъ узаконеніемъ о цифирныхъ школахъ (1714 г.), повидимому, придумана весьма остроумно: кто не усвоитъ вполнѣ элементарнаго образованія въ объемѣ, назначенномъ правительствомъ, тотъ не получаетъ свидѣтельства отъ учителя, а безъ такого свидѣтельства не позволяется жениться. Что угроза эта мало дѣйствовала, видно изъ того, что за первыя 10 лѣтъ существованія цифирныхъ школъ въ нихъ перебывало 1389 человекъ, а выучено 93 человекъ. Что угроза недопущенія до брака также мало вліяла, это доказываютъ жалобы учителей на отсутствіе учениковъ, — жалобы, начавшіяся вскорѣ по прибытіи учителей на мѣста. Поэтому указъ 1719 г. присоединяетъ къ прежнимъ карательнымъ мѣрамъ административныя, рекомендуетъ, напр., губернаторамъ въ тѣ школы опредѣлять (дѣтей), не упуская времени, «велѣтъ высылать ихъ безъ мотчанія»²⁾. Какъ ревностно исполняла это тогдашняя администрація, показываютъ прошенія посадскихъ людей 1720 г. «держатъ изъ нихъ многихъ въ тюрьмахъ и за карауломъ». Тамъ, гдѣ дѣти не были скрыты или не успѣли бѣжать, административныя власти схватывали и везли ихъ въ городъ, «таскали».

Принудительность образованія, справедливо замѣчаетъ г. Владимірскій-Будановъ, была одною изъ причинъ неуспѣха цифир-

¹⁾ Полн. собр. закон., V, № 2778.

²⁾ П. С. З., № 3447.

ныхъ школъ; и дѣйствительно, «случалось, что дѣти, силою забранныя въ эти школы, разбѣгались изъ нихъ, какъ это было, напр., въ Воронежѣ»¹⁾).

Что касается до причинъ противодѣйствія правительственнымъ мѣрамъ по образованію, говоритъ г. Владимірскій-Будановъ, то мы должны предупредить, что населеніе бѣжало не отъ образованія, а отъ смотровъ и школъ, что ходячая мысль о противоестественномъ отвращеніи отъ образованія въ цѣломъ народѣ, эта мысль (плодъ нашего подчиненія чужимъ мнѣніямъ) должна быть отброшена, какъ совершенно негодная и несогласная ни съ самыми общеизвѣстными законами психологіи²⁾ ни съ приводимыми выше фактами. То же самое, что заставляло правительство прибѣгать къ мѣрамъ принужденія, побуждало и общество изыскивать всѣ мѣры уклоненія отъ мнимаго образованія. Во главѣ причинъ противодѣйствія правительству въ его мѣрахъ по народному образованію стоятъ: насильственность и сословно-служебный его характеръ³⁾.

Въ началѣ XVIII вѣка когда еще правительство допускало общее образованіе и ничѣмъ не принуждало къ поступленію въ школы, наплывъ желающихъ учиться въ общественныхъ школахъ былъ такъ значителенъ, что правительство принуждено было сдерживать его назначеніемъ комплекта учащихся, какъ это было въ школѣ Глюка.

Какъ видно, въ началѣ цифирныя школы предназначались для всѣхъ гражданъ; по узаконенію 1714 г. обязанности посѣщать ихъ подлежали: «дѣти дворянскіе и приказнаго чина дьяческіе и подьяческіе отъ 10 до 15 лѣтъ, oprичъ однодворцевъ». По узаконенію 1715 г. (28 декабря) «молодые ребятки изо всякихъ чиновъ», но уже въ 1716 г. сдѣлано было исключеніе для дворянскихъ дѣтей.

Такимъ образомъ подлежащими обязанности посѣщать элементарныя цифирныя школы уже съ 1716 г. остались одни низшіе классы. Въ 1719 г. освобождены и дѣти посадскихъ людей, вслѣдствіе многихъ челобитныхъ. Купечество въ своихъ

¹⁾ Опис. Арх. Св. Синода № 668 (640) 16 ноября (6 марта) 1728 г.

²⁾ *Πάντες ἀνθρώποι τοῦ εἰδέναι ὀρέονται φύσει* говоритъ Аристотель въ своей безсмертной Метафизикѣ См. *Τῶν μετὰ τὰ φυσικά* А 980, а 21, М. Д.

³⁾ Владимірскій-Будановъ. Госуд. и народн. образ. въ XVIII вѣкѣ, стран. 240.

прошеніяхъ выставяло предлогомъ, что дѣти его въ школьномъ возрастѣ учатся практически купечеству въ лавкахъ, что отвлеченіе ихъ отъ промысловъ поведетъ за собою упадокъ торговли, что будто они сами учатъ своихъ дѣтей¹⁾). Наконецъ, съ учрежденіемъ Синода, изъяты были изъ этой мѣры дѣти духовенства, на томъ основаніи, что для нихъ будутъ учреждены семинаріи и духовныя училища.

Въ 1722 г. Сенатъ приказалъ: «дѣтей дѣйствительно служащихъ поповъ и церковныхъ причетниковъ, годныхъ въ школу, по духовному регламенту учить въ архіерейскихъ школахъ, а въ ариѳметическія школы и къ прочимъ свѣтскимъ наукамъ не спрашивать». Такъ какъ крестьянская профессія не требуетъ никакого обученія, то «крестьянскихъ дѣтей въ школу принимать не велѣно».

За освобожденіемъ отъ цифирныхъ школъ дѣтей одноворческихъ, шляхетскихъ, посадскихъ и духовныхъ остается единственный классъ лицъ, подлежащихъ имъ — это дѣти дьяковъ и подъячихъ, но они доставляли малый контингентъ цифирнымъ школамъ. Въ послѣдующихъ узаконеніяхъ о цифирныхъ школахъ постоянно говорится, что онѣ предназначаются для дѣтей «дьячихъ, подъяческихъ и проч.», но подъ этимъ «и проч.» никто уже не разумѣлся. А между тѣмъ, воеводы, губернаторы должны ревностно смотрѣть, чтобы учителя даромъ жалованья не брали. И вотъ цифирные учителя, или навигаторы, а равно и администрація, продолжаютъ «таскать» въ свои школы дѣтей церковническихъ.

Цифирныя школы состояли подъ вѣдомствомъ адмиралтействъ коллегіи, потому что учителей для нихъ доставляло навигаторское училище. Государство проявляло свое участіе въ цифирныхъ школахъ приготовленіемъ и выборомъ учителей. Въ 1714 году предположено было взять учителей изъ математическихъ школъ московскихъ. Но указъ 1715 г.¹⁾ назначаетъ ихъ изъ морской академіи: «взять изъ школы господина адмирала». А такъ какъ въ дѣйствительности учителя отправлены лишь въ 1716 г., то взяли ихъ изъ обоихъ морскихъ училищъ: петербургскаго и московскаго. Въ учителя могли быть посланы люди, изучившіе географію и геометрію. Имъ назначено довольно большое, по

¹⁾ Полн. Собран. Закон., № 3573.

тому времени, жалованье: «кормовыхъ денегъ» по 3 алтына и 2 деньги на день, т.-е. 36 рублей въ годъ. Кромѣ того, учитель могъ получить отъ каждаго ученика, окончившаго курсъ, одинъ рубль.

Несмотря на то, что учителей было мало, ихъ послано было по 2 человѣка въ губернію, и тѣ не находили себѣ дѣла. Начальникъ навигаторскаго училища, полковникъ Скорняковъ-Писаревъ, завѣдывавшій цифирными школами, часто жаловался Сенату на то, что онѣ пусты и просилъ о понужденіи родителей отдавать въ нихъ своихъ дѣтей. Такъ, въ 1719 г. онъ писалъ, что изъ приписанныхъ къ Петербургской губерніи школъ Псковской, Новгородской и Ярославской провинцій только въ Ярославской учатся 26 церковно-служительскихъ дѣтей, «а въ прочія школы и ничего учениковъ къ высылкѣ не было». Сенатъ подтверждалъ о принудительности посылки дѣтей въ школы, дабы, за невысылкою учениковъ, учителя безъ дѣла не были и даромъ жалованья не брали¹⁾; но эти понужденія не имѣли никакого практическаго результата. Въ слѣдующемъ году въ Московской губерніи было только 70 учениковъ, а въ прочихъ губерніяхъ и того менѣе. Повидимому, безуспѣшныя настоянія ревностнаго Скорнякова-Писарева надоѣли Сенату, и онъ запретилъ ему къ себѣ обращаться и указалъ на адмиралтействъ-коллегію²⁾.

Видно, что правительство не знало, что предпринять съ этими цифирными школами и старалось всячески отъ нихъ отдѣлаться. Въ двадцатыхъ годахъ адмиралтейская коллегія старалась сбыть цифирныя школы съ рукъ и передать ихъ въ духовное вѣдомство, но это ей не удалось (переданы только въ 1723 г. школы Новгородской губерніи); тогда въ 1744 г. она представила проектъ о соединеніи цифирныхъ школъ съ гарнизонными. Сенатъ согласился съ доводами адмиралтейской коллегіи и распорядился произвести слитіе цифирныхъ школъ съ гарнизонными и передать ихъ въ вѣдомство военной коллегіи. Указъ о соединеніи цифирныхъ школъ съ гарнизонными 1744 г. такъ передаетъ составъ низшаго военнаго образованія, опредѣленный въ 1732 г., обучать: 1) словесной и письменной наукѣ и пѣнію, 2) солдатскій экзерциціи, 3) ариѳметикѣ, артиллерійской и инженер-

¹⁾ Полн. Собр. Зак., № 3447.

²⁾ П. С. З., № 3703.

ной наукѣ». Учителемъ въ школу назначался оберъ-офицеръ, а помощникомъ его опредѣлялся писарь или унтеръ-офицеръ.

Дальнѣйшее естественное теченіе хода образованія привело къ тому, что изъ смѣшаннаго типа военно-гражданскихъ школъ выработался одинъ чисто военный; начало общаго образованія поглощено было вполнѣ элементомъ профессиональнымъ.

Во все время существованія цифирныхъ школъ изъ морскихъ училищъ — петербургскаго и московскаго — было отправлено 47 учителей, изъ нихъ 18 возвратилось за отсутствіемъ учащихся, и только 29 человекъ осталось въ губерніяхъ и провинціяхъ. Въ 1727 г. число цифирныхъ школъ упало съ 29 до 23, а къ 1744 г. оно понизилось до 8. Съ каждымъ годомъ число учениковъ въ цифирныхъ школахъ все уменьшалось. Поневоля приходилось думать о ихъ передачѣ.

Говоря о недостаткахъ образованія первой половины XVIII вѣка, мы видимъ ихъ, говорить г. Владимірскій-Будановъ, главнымъ образомъ въ томъ, что оно было исключительно профессиональное. Это послѣднее, однако, не только не составляетъ антипода образованію съ собственномъ смыслѣ, но не есть даже уклоненіе отъ здравыхъ началъ его. Оно столь же необходимо, какъ и общее, для выраженія полной идеи образованія. Антипатичныя черты, отмѣчаемая въ системѣ образованія XVIII вѣка, суть результаты не профессиональнаго образованія, а его отношенія къ общему (т.-е. его исключительности).

Равенство образованія, соединявшее все сословія до Петровской Руси въ одно цѣлое, было нарушено въ XVIII вѣкѣ.

Духовенство къ половинѣ XVIII вѣка развило и укрѣпило свои «духовныя» школы, взявъ за образецъ Кіевскую Академію и создавъ въ нихъ своеобразные порядки.

Высшее сословіе пошло въ спеціальныя математическія, навигацкія и инженерныя школы.

Лишь одно низшее свѣтское сословіе (особенно крестьянское), благодаря петровской реформѣ, проиграло. Оно должно было остаться при старыхъ школахъ и продолжать учиться по часослову и псалтыри у дьяконовъ и дьячковъ. Но число этихъ школъ стало постепенно сокращаться, какъ потому, что стала уменьшаться ихъ доходность (наиболѣе богатые ученики перестали поступать въ нихъ), такъ и потому, что никто о нихъ не заботился.

Что касается женскихъ школъ, то вплоть до Екатерины II не было принято никакихъ общественныхъ мѣръ къ образованію женщинъ и школъ для женскаго образованія не заводили.

Источники и пособія:

Владимирскій-Будановъ М. Ф. Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка. Часть первая система: профессиональнаго образованія (отъ Петра I до Екатерины II) Ярославль 1874. Гр. Д. А. Толстой. Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 года. С.-Пб. 1883 г. Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ Великомъ. Ч. I. Историческій очеркъ развитія городскихъ, народныхъ или приходскихъ училищъ въ Россіи отъ Петра Великаго до кончины Императора Александра I. Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1855 годъ, июль.

ГЛАВА VI.

Буквари и учебники времени Петра I.

Буквари. Мы уже разсмотрѣли букварь Каріона Истомина, напечатанный въ 1694 г.¹⁾ Въ 1717 г. онъ былъ вновь изданъ, но извѣстенъ только по библиографическимъ указаніямъ.

Къ концу XVII вѣка или началу XVIII относится букварь, приписываемый братьямъ Лихудамъ. «Преднаказаніе дѣтей» (рукопись букваря хранится въ библиотекѣ С.-Пб. Дух. Акад. подъ № 1208).

Въ началѣ «Преднаказанія» (*Παιδων προλεξία*) помѣщено нѣсколько двустижій, содержащихъ въ себѣ общія нравственныя сентенціи, касающіяся дѣтей. Затѣмъ слѣдуетъ наставленіе юношамъ относительно школьнаго образа жизни и ученія ихъ. Здѣсь говорится:

«Не хотяя трудолюбно юный учиться, презѣлно о томъ старь сый будетъ стыдѣтися. Благочестиво переходя жизнь сію челоувѣкъ, присно да размышляетъ пресуетный сей вѣкъ. Никогда забывая послѣдняго конца, да некако лишится пресвѣтлаго вѣнца».

Отъ наставленія дѣтямъ сочинитель букваря переходитъ къ родителямъ.

¹⁾ См. Исторія русской педагогій, ч. I, стран. 220—222. Въ угоду черевича Алексѣя Петровича Каріонъ Истоминъ составилъ еще «Малую грамматику», которая осталась въ рукописи.

Въ обращеніи къ «тщаливому читателю» онъ усердно доказываетъ преимущество образованія предъ невѣжествомъ, основываясь на свидѣтельствѣ І. Златоустаго о воспитаніи дѣтей на примѣрѣ языческихъ ученыхъ, которые для пріобрѣтенія мудрости обходили разныя страны, и на жизни великихъ столповъ православія, которые искусны были въ наукахъ богословскихъ, философскихъ, грамматическихъ и «самыя орѳографіи (сирѣчь правописанія) вѣдѣнію коснулись». Указавши затѣмъ горькіе плоды неученія и невѣжества, дурно отразившіеся въ церковной жизни русскихъ, авторъ разъясняетъ необходимость и ближайшую цѣль своего сочиненія. «Сихъ убо ради всѣхъ сочинися нынѣ сей алфавитарій (или букварь) съ малою и нуждною орѳографією словенскою, отчасти же греческою, аки дверь и введеніе къ пожеланію писаній вѣдѣнія, яко да наченше писменамъ учиться дѣтици, по не мало пріобучаются правописанію и частѣмъ грамматическимъ, и отгуду хотящій къ совершенству грамматическаго знанія осми частей и сочиненія (имже все писаніе, и всякое къ Богу и ко другъ другу бесѣдованіе, и глаголаніе состоится) удобно возретятся. Вѣдѣніе же и разумъ святого писанія познають и погрѣшенія въ книгахъ обрѣтающаяся ясно проразумѣвати будутъ».

Авторъ такимъ образомъ задался довольно широкимъ планомъ при составленіи своего букваря и понималъ его, какъ пропедевтику элементарнаго обученія. Этимъ и объясняется довольно разнообразное содержаніе букваря и внесеніе сюда грамматическихъ свѣдѣній.

Букварь требуетъ знакомства съ греческимъ языкомъ, съ грамматическими формами и оборотами славянской рѣчи. Слѣдовательно, по букварю могли учить только опытныя и знающія лица.

Между наставленіями дѣтямъ и родителямъ и самымъ букваремъ помѣщенъ отрывокъ изъ «Слова Епифанія Славинецкаго», гдѣ доказывается превосходство греческаго языка предъ другими языками и указывается несправедливое отношеніе къ нему нѣкоторыхъ латинумудровъ, не видящихъ «яснаго еллинскому мудраго наказанія свѣта». Изъ такого отношенія къ греческому языку видно, что авторомъ букваря были если не Лихуды, то кто-нибудь изъ ихъ учениковъ. Самый «Алфавитарь

ради ученія малыхъ дѣтей» начинается «увѣщаніемъ учителемъ»: «Аще кто хоцетъ отроча учити писменемъ словенскимъ и слогама: первѣе да прочтетъ здѣ лежащее, и да вонметъ убо себѣ самому опасно, и да увѣсть первѣе самъ добрѣ имена и гласы писменъ словенскихъ, и тако учащагося да научить». Это значитъ, что начальный учитель долженъ внимательно рассмотреть и изучить предлагаемый ему букварь и тогда уже приступать къ ученію. Наставленіе довольно мудрое!

Въ алфавитарѣ дѣлается ясное, фонетическое различіе въ чтеніи и произношеніи гласныхъ буквъ. Авторъ старается возстановить правильное звуковое чтеніе гласныхъ буквъ, искаженныхъ невѣжествомъ старыхъ букваристовъ. «Подобаетъ кождо писма глаголати, яко оно гласъ свой творить, и яко же гласъ его есть, сице и звати тое, по гласу его». Взглядъ вполне вѣрный, и совершенно новый. Если бы это правило было приложено къ чтенію согласныхъ, замѣчаетъ г. Извѣковъ¹⁾, то мы имѣли бы полное право сказать, что звуковой способъ обученія грамотѣ, недавно появившійся и еще не вездѣ распространенный у насъ, былъ извѣстенъ нашимъ древнимъ, до-Петровскимъ букваристамъ.

«Наки учитель да вѣсть, како ученика учити слогомъ не раздѣльно подобаетъ учити (яко обыкоша не искусни, букиаз-ба, вѣдiaz-ва, глагольаз-га и проч., не тако убо подобаетъ и учити): но раздѣльно и учащемуся».

Указавши различіе въ чтеніи дебелогласныхъ и мягкогласныхъ буквъ, составитель переходитъ къ слогамъ и тутъ же знакомить учениковъ съ грамматическими частями и формами рѣчи: «Еще учитель да поучить дѣтей, яко все писаніе, глаголаніе человекъ состоится осмию частями, яже суть сія: имя, мѣстоименіе, глаголь, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ, междометіе». Опредѣленіе этихъ частей рѣчи представлено краткое, но довольно точное, понятное и уясненное примѣрами. Въ букварѣ кратко, [но отчетливо также излагаются правила орфографіи. Вотъ наиболѣе характерныя орфографическія замѣчанія: «Учай да накажетъ дѣтище, егда имать чести или писати, соузы и предлоги хранить и въ словѣхъ со реченьми не

¹⁾ Разбирающій названный букварь и описаніемъ котораго мы здѣсь воспользовались.

сліяти, но раздѣльно куюждо часть полагати, и яже въ строцѣ пишемая верху строкъ не полагати: писати раздѣльно въ строцѣ; писати раздѣльно отъ глагола соузь: и спасе, а не съединено — испасе. Паки, писати въ строцѣ и раздѣльно соузь и предлогъ отъ имене сице, и къ Богу, а не верхострочно и^к Богу и сліянно и къБогу. Подобнѣ и окончанія реченій храни, не писати, ниже глаголати е вмѣсто ѣ, ни ѣ мѣсто е; противно бо яко вѣдѣніе, рекше знаніе, не веденіе, видѣніе рекше зрѣніе, не виденіе. Ниже измѣнати ы, или и мѣсто ѣ, ни ѣ мѣсто и, ниже и мѣсто ы, ниже ы мѣсто и — противно бо: лѣпотствуетъ же сице писати чрезъ иту: отъиду, предъиду, а не чрезъ ы — отыду, предыду, невѣжно бо сіе, рекше грубо и не учено».

Послѣ азбуки и грамматическихъ свѣдѣній въ букварѣ излагаются важнѣйшія молитвы: Отче Нашъ; Символь вѣры и архангельское привѣтствіе Пр. Дѣвѣ Маріи.

За молитвами въ букварѣ слѣдуютъ правила школьной дисциплины, обычай во училищѣ, панегирикъ розгѣ, названной «подаркомъ учащимся дѣтямъ во младости», который нужно хранить «опасно». Тутъ же находятся стихи на стяжаніе нравовъ, гдѣ, между прочимъ, говорится:

«Научися изъ млада добронравно жити:
И веѣми имашися честно любенъ быти.
Возрасти твою юность нравами благими:
Да цвѣтетъ твоя старость дѣлами святыми».

Весьма полезно было бы сравнить этотъ букварь съ рукописнымъ букваремъ, найденнымъ г. Кипріановымъ¹⁾ въ новомъ Софійскомъ соборѣ и приписываемомъ имъ также братьямъ Лихудамъ или кому нибудь изъ ихъ учениковъ.

Въ немъ мы находимъ статью: «О обычаяхъ во училищи»... Во училищи како долженствуютъ пребывати дѣти?

«Долженствуютъ любить молчаніе и воздержаніе; ни кіимъ шептаніемъ и бесѣдами невѣжливыми пресѣкати чтенія, страцися должны, да не воспріимуть должнаго наказанія. Егда будутъ наказуеми въ должностяхъ своихъ, гордо да не отвѣщеваютъ, извлекутся всякаго возвышенія и злыхъ словесъ или досады;

¹⁾ См. Журн. Мин. Народ. Просв. часть LXXXIX, 1856.

облекутся же во остроуміе охотное и податное ко ученію, всегда прилежно ушесы готовыми да слушаютъ; проповѣданному имъ усердно да внемлютъ; и еже имъ учитель повѣсть, да не пропустятъ мимо ушесъ; и еже услышать, яко нѣкое сокровище да хранить и въ память себѣ вложить».

«Что долженствуютъ творити дѣти, егда изъ училища отпустятся? Скоро въ домъ да не спѣшать, не бѣгомъ потекутъ, яко усмошевцы спѣшациа на торжище, не долженствуютъ вопльствовать, яко оный стенторъ; ниже мятежъ нѣкій творити, яко неистовствующіа кони, егда взыгратися имъ; ниже паки бѣгати подобаеть, яко скоту сѣмо и овамо. Аще же что въ дому повелится имъ творити, должны то усердно и безъ роптанія творити и содѣяти. Ко ученію же паки не чрезъ понужденія, но усердно да возвратятся».

Въ 1701 г. въ Москвѣ напечатанъ «Букварь славенскими, греческими, римскими письмены учитися хотящимъ, и любомудріе, въ пользу душеспасительную, обрѣсти тщащимся». Составитель его Ѳедоръ Поликарповичъ Поликарповъ, лицо, довольно извѣстное въ письменности этой эпохи; прилежный ученикъ братьевъ Лихудовъ, онъ, послѣ удаленія ихъ, былъ учителемъ славяно-греко-латинской школы, переводилъ съ греческаго труды своихъ наставниковъ, управлялъ московской типографіей. Поликарповъ составилъ переводъ нѣсколькихъ словъ Ефрема Сирина, географіи Варенія, составилъ словарь тринаязычный и сдѣлалъ дополненіе къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго.

Сначала онъ смотрѣлъ подозрительно на западныя новшества и отзывался неодобрительно о произведеніяхъ классической древности, но впослѣдствіи, подъ вліяніемъ дѣятельности Петра I, онъ измѣнилъ свое мнѣніе и въ предисловіи къ грамматикѣ 1721 г. говоритъ уже о необходимости переводовъ на русскій языкъ иностранныхъ сочиненій.

Въ букварѣ Поликарпова находятся азбука славянская, греческая и латинская, молитвы, десять заповѣдей Божіихъ и рядъ словъ и отрывочныхъ фразъ: о водахъ, о человѣцѣ и его частѣхъ, о животныхъ, о питіи и брашнѣхъ, о червѣхъ, о рыбахъ, о древесѣхъ, о травахъ и цвѣтахъ, о зеліяхъ ароматныхъ, о церкви, о наукахъ, о училищи, о судебныхъ дѣлахъ и пр. сто словъ нравоучительныхъ св. Геннадія. По преимуществу цѣль букваря

Поликарпова религіозна: научить догматамъ Православной вѣры и тѣмъ помочь людямъ придти во спасеніе. Все новое, что внесъ въ свой букварь Поликарповъ, исчерпывается шрифтами греческимъ и латинскимъ, собраніемъ словъ и молитвъ на этихъ языкахъ и нѣкоторыми правоучительными мыслями. Въ немъ не обращается вниманія на звуковую сторону языка, совсѣмъ опущены фонетика и графика буквъ, не разъяснены и не на мѣстѣ поставлены грамматическія правила. Хотя пользу грамматики Поликарповъ хорошо сознавалъ: «грамматика есть всѣхъ наукъ основаніе», говорилъ онъ. «Паче же вамъ о чадолюбивіи родителіе и трудолюбивіи дѣтей учителіе, сего смотрити и хранити усердно надлежитъ, яко да ваща чада и ученики по изученіи азбуки... во грамматику вводити усердствуйте. При ней же в сочиненіи и писму російскому навькнетъ ученикъ, аще былъ бы и лѣнливый. По совершеніи же грамматики, трудолюбивый тщатель вникнетъ и сам во чтеніе священнаго и божественныхъ книгъ писанія съ лучшимъ и яснѣйшимъ поятіемъ». Но въ букварѣ своемъ грамматикѣ Поликарповъ почти не отвелъ мѣста. За предисловіемъ въ букварѣ Поликарпова слѣдуетъ «правильное обученіе чиннаго чтенія и писанія»: «Учащему, и чтущему, и пишущему, должно свойство произношенія, ударенія, препинанія, и правописанія в книгахъ знати, ибо всякаго языка особое обыкновеніе в сихъ зрится. И перво убо коегождо сихъ языка книги читати, и писати достоитъ рѣчь отъ рѣчи раздѣлно. За запятыми отдыхати, а точками цѣль разумъ опредѣляти. Просоди или удареніи чинно разумъ реченій являти, ино бо мукà, ино мѹка, ино бѹди, и ино буди и прочая. вмѣсто в не глаголи ф, яко хвала, а не хфала... (ст. 6) вмѣсто ф не глаголи хв: яко філіппъ, не хвіліппъ, фараонъ, а не хвараонъ. Вмѣсто ѣ не глаголи, ниже пиши ь ибо дѣлितъ разумъ: яко ино ядь и ино ядъ, ино перстъ, и ино персть» и т. д. Молитвы приведены въ букварѣ по-гречески и паралельно по-славянски десять заповѣдей и рядъ изреченій по гречески, латински и по славянски. Напр., на стр. 113, глава 23 находимъ собраніе словъ «о училищи и о книгахъ»: академія училище свободно разныхъ наукъ; школа, училище, учитель, книга, лѣтописецъ, лѣтопись, хроники, космографія — всего міра описаніе, книгописецъ и пр. и тутъ же переводъ ихъ по-гречески и по-латыни. Въ концѣ находится

наставленіе святаго Геннадія о вѣрѣ, гдѣ между прочимъ говорится «Правдою украшайся, ко всякому тѣши истинное отвѣщати, и не мози устыдѣтися лица и лжи послухъ быти (пр. 26). Кротко ступаніе, кротко сѣданіе, кротокъ взоръ, кротко слово, вся сія тебѣ да будутъ: от сихъ бо истинный христіанинъ явишися (пр. 31). Кротость же еже не досадити никомуже ни въ словеси, ни въ дѣлѣ, ни въ повелѣніи, но всякому челоуѣку нравы своими сладитъ сердце (пр. 32). Умъ твой присно от суетныхъ мыслей встѣгай, и воспушай горѣ къ Богу, симъ бо на стезю подвига вступаеши, душу же из расслабленія свобождаеши (пр. 33). Тоже наставленіе св. Геннадія находится и въ букварѣ С. Полоцкаго¹⁾.

Букварь 1704 — 1708 гг., разобранный г. Извѣковымъ, несомнѣнно многое заимствовалъ изъ букваря Симеона Полоцкаго²⁾. По крайней мѣрѣ, судя по даннымъ, приводимымъ г. Извѣковымъ, въ немъ имѣется то же предисловіе къ юношамъ, учитися хотѣщимъ, что у Симеона Полоцкаго, затѣмъ «чинъ благословенія отрокомъ во училище учитися священнымъ писаніемъ идущимъ». Въ букварѣ помѣщены двѣ азбуки въ нисходящемъ и восходящемъ порядкѣ буквъ алфавита, за ними двоеписьменіи и троеписьменіи склады, безъ звуковыхъ сочетаній; бѣ, вѣ, нѣ, рѣ, сѣ, брѣ, брѣ и проч. Послѣ буквъ и складовъ написаны различныя слова подъ титлами, но опущены просодія, знаки препинанія и правила произношенія. Затѣмъ напечатаны главнѣйшія молитвы, гимнъ утренній ко Пресв. Богородицѣ, Слава въ вышнихъ Богу, Символъ вѣры, Богородице Дѣво радуйся, Символъ преосв. Аванасія, патріарха александрійскаго, Исповѣданія православныя вѣры Амвросія медиоланскаго, бесѣда о православной вѣрѣ съ краткими вопросами и отвѣтами «удобнѣйшаго ради познанія дѣтямъ христіанскимъ». Въ заключеніе предложено «увѣщаніе къ родителямъ о воспитаніи дѣтей». Сочинитель букваря доказываетъ нужду и важность воспитанія дѣтей, ибо и «птицы защищаютъ птенцы своя отъ всякія противности и всяко животно по закону плоти прилежное имать попеченіе о своемъ рожденіи». Любить и воспитывать дѣтей обяываетъ насъ прямое ученіе св. Писанія и примѣръ древнихъ благочестивыхъ родителей:

¹⁾ См. Исторію русской педагогіи, ч. I, стран. 220.

²⁾ Ib. стран. 217—220.

Тови, Маттафана, Соломоніи. Въ концѣ авторъ возвращается къ своей любимой темѣ: «аще хочещи да будетъ сынъ твой благоугоденъ и сана духовнаго достоинъ, направляй его отъ младыхъ лѣтъ въ ученіи, въ премудрости, въ знаніи закона Господня».

Первое ученіе отрокомъ. Но всѣ эти буквари—еще прежняго направленія. Въ Духовномъ Регламентѣ (1721 г.) говорилось, что для распространенія въ народѣ христіанскаго ученія прежнія книги, какъ по темнотѣ языка, такъ и рѣдкости ихъ, не могутъ быть доступны большинству, и для этого постановлено сочинить три «книжицы», которыя и дѣти могли бы учить. Это намѣреніе приведено было въ исполненіе нѣсколько ранѣе изданія самого регламента, именно напечатаніемъ въ 1720 г. въ Петербургѣ: «Первое ученіе отрокомъ, въ немже буквы и слоги. Та же: краткое толкованіе Законнаго Десятословія, Молитвы Господней, Символа Вѣры и девяти Блаженствъ»¹⁾. Авторомъ его былъ Оеофанъ Прокоповичъ. Это «Ученіе отрокомъ» написано по повелѣнію и подъ непосредственнымъ вліяніемъ Петра I. По свидѣтельству автора букваря, Государь «началъ прилежно разсуждать, какъ бы установить въ Россіи дѣйствительное и необходимое правило отроческаго воспитанія. И вдохнулъ ему Богъ, по его желанію, таковой премудрый совѣтъ, повелѣтъ сочинить книжицу съ яснымъ толкомъ закона Божія и Символа вѣры и девяти Блаженствъ: и напечаталъ оную съ букваремъ, дабы отроцы читать учащіяся по буквахъ и слогахъ, во утвержденія чтенія своего не псалмовъ и молитвъ, но сего толкованія училися. И се повелѣніемъ его императорскаго величества сочинена и напечатана книжица, на которой учиміи отроцы могутъ познать волю Божию». Въ предисловіи «Къ благочестивымъ родителямъ, воспитателемъ, приставникамъ, господіямъ и всѣмъ прочимъ имя отеческое надъ малыми отроками носящимъ». Прокоповичъ выясняетъ значеніе просвѣщенія, неправильное воззрѣніе на него староруссовъ и неправильное постановку его въ Россіи. «Всего житія человѣческаго нравное состояніе на воспитаніи, о христороубцы, отроческаго возраста виситъ, каковъ кто отрокъ есть,

¹⁾ Мы пользовались изданіемъ 1794 г. Москва, стран. 66. Первое ученіе отрокомъ было издано, кромѣ 1720 г., въ 1722, 1724, 1743 гг. (Обзоръ рус. дух. лит. соч., арх. Харьковскаго, Филарета. 1859 г.).

таковъ и мужъ будетъ. Аще ученій честныхъ и страха Божія (иже есть начало премудрости) учимъ есть во отрочествѣ, надѣяться подобаесть, что и въ совершенномъ возрастѣ добръ будетъ: аще же отрочество свое въ безстрашіи и ненаказаніи проходитъ, не великая надежда, дабы лучше его было и прочее житіе, инакоже мало случается. И толикій искусъ утверждаетъ намъ сію истину, что не точію образы ея на собственныхъ лицахъ, но и на всецѣлыхъ народахъ видимъ. Доброе ли есть въ народѣ жителство, знатно, что въ немъ есть доброе дѣтемъ наставленіе. А въ которомъ народѣ многія свары, ненависти, коварства, татьбы и разбои, и прочая злонравія, не усумнѣвайся, что въ немъ нѣтъ добраго наставленія дѣтем: отъ возраста дѣтскаго, отъ корене и добро и зло во все житіе течетъ¹⁾. Вина же сего сія есть: что, понеже грѣховнымъ прародителей поврежденіемъ, преклонни есмы отъ начала житія къ злу: все помышленіе сердца человѣческаго на зло отъ юности его, глаголетъ писаніе: то аще не получитъ человѣкъ отъ дѣтства воспитанія добраго, трудно ему злымъ не быть, который и родился золь. Но и паче еще зло природное повседневымъ обыкновеніемъ возрастаетъ, и большую отъ часу силу пріимлетъ²⁾.

«Какова же добра надѣяться, гдѣ нѣтъ добраго дѣтямъ воспитанія? А воспитаніе таковое въ Россіи, кто не видитъ какъ скудно? Мнози и благосовѣстніи у насъ, и Богобоящіися чловѣцы, не вѣдая силы и закона Божія, многихъ своихъ грѣховъ не вѣдаютъ, и въ безстрашіи пребываютъ. Большинство людей грубо и невѣжественно не имѣющихъ никакого понятія о воспитаніи «Все Богочтеніе (они) полагаютъ во внѣшнихъ обрядахъ, и тѣлесныхъ обученіяхъ, ниже помышляюще о самомъ основательномъ благочестіи, еже есть вѣровати въ Спасителя Бога и со страхомъ и любовью законъ сохранить» (ст. 4). Авторъ указываетъ, что далеко недостаточно научиться только читать и писать. «Суть же нѣдцы мнящіи самое лучше быти дѣтей наставленіе, научать ихъ читать и писать: и сіе мнѣніе ложное есть: что бо пользуетъ, умѣть только книги чести, когда чтущій не разумѣетъ чтомыхъ? или ниже тщится разумѣти, или и не то чтетъ, что полезно есть ко исправленію? Не мнози ли обрѣ-

¹⁾ Стран. 3.

²⁾ Ibid., стран. 3.

таются книжечки, которіи Заповѣдей Божіихъ и Символа вѣры, и силы молитвъ не знаютъ и весьма не разумѣютъ? Чимъ же таковы за книжечтеніе свое лучшіи отъ прочихъ? ей многожды худшіи и злѣйшіи бывають. Не имуще бо страха Божія за лишеніемъ добраго воспитанія когда читать и писать научилися, глухое тое искусство обращаютъ себѣ на орудіе злобы; и пишутъ клеветы, ябеды, соблазны, хулы, пашквили, портятъ записи, договоры, духовниці, притворяють указы. Нѣщии же помышляя о себѣ, что, понеже читать умѣютъ, вельми мудры суть дерзають вымышлять плевелная ученія, мнимая имъ Богословская, и въ народѣ расколѣ дѣлають. И кто изочтетъ безчисленная таковыхъ книжниковъ злодѣйства, перомъ ихъ творимая?

Затѣмъ авторъ старается показать, въ чемъ должно заключаться «доброе отроковъ воспитаніе». Искати подобаетъ отъ священныхъ писаній, яко отъ словесъ Божіихъ: что есть воля Божія? Что намъ творити? и чего блюстися повелѣваетъ Богъ? и тое должны есмы отрокомъ сказывати, и прилѣжно водружати въ память ихъ, аще хоцемъ дати имъ доброе воспитаніе. Но понеже мнози у насъ чинъ отеческій имущи, и сами мало что знаютъ о законѣ Божіи, настала нужда общая сочинить книжицу съ толкованіемъ Десятословія Законнаго, отъ Бога преданнаго. Но и сіе немного еще пользовало. Ибо въ Россіи были таковыя книжицы, но понеже славенскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ написаны, да и не учено книжницамъ тымъ отроковъ, того ради лишались до селѣ отроцы подобающаго себя воспитанія»¹⁾. «Вывѣдавъ убо толикую въ народѣ своемъ тщету Всероссійскій Императоръ и Государь нашъ милостивѣйшій Петръ Великій, поболѣвъ сердцемъ, повелѣлъ напечатать оный Букварь».

«Того ради должны есте (родители) учити ихъ, или пещися, дабы учими были отъ сей книжицы, и часто ихъ вопрошать: вѣдають ли и памятують ли, что въ сей, или въ оной заповѣди повелѣваетъ Богъ, и что вѣруемъ въ исповѣданіи Святого Символа? и чего просимъ у Господа въ молитвѣ Господней? Должны же есте и истязывать отъ дѣтей вашихъ дѣла сему ученію согласнаго, и смотрѣть, дабы отрокъ такъ обходился.

¹⁾ Стран. 6.

какъ учимъ есть отъ Закона Божія и аще согрѣшитъ въ чемъ, сказывать ему, противъ которыя заповѣди согрѣшилъ. Аще тако творити потщитесь, имате надѣяться отъ дѣтей вашихъ яко отъ богомудрыхъ радости и веселія».

Понимая начальное обученіе, какъ ближайшее средство къ образованію и усвоенію христіанскихъ началъ вѣры и нравственности, Прокоповичъ не обратилъ бѣльшаго вниманія на методику обученія грамоты. Въ его букварѣ предложены только азбука, нѣсколько видовъ двухсложныхъ и трехсложныхъ складовъ, гдѣ встрѣчаются сочетанія съ буквами «ъ» и «ь»: «слози именъ подѣ титлами, число церковное и имена просодіамъ», о грамматическихъ правилахъ препинанія и произношенія не упомянуто. Главное же вниманіе обращено на толкованіе заповѣдей десятого словія, символа вѣры, молитвы Господней и десяти евангельскихъ блаженствъ. Объясненія его просты и понятны.

На вопросъ: кто грѣшитъ противъ первой заповѣди? Прокоповичъ отвѣчаетъ: «Суевѣрцы, яковіи и между христіаны обрѣтаются, которіи силу нѣкую вредную или полезную восписуютъ вещамъ или лицамъ нѣкимъ, таковыя силы не имущимъ. Напримѣръ, разсуждаютъ, который день къ начинанію дѣла щасливый есть, кто встрѣчу добръ, и кто не добръ; волхвуютъ же, или волшебствомъ вѣрують, сны толкують и прочая; просто сказать: «что-либо все вѣруется, все то сей первой заповѣди противно есть». Въ толкованіи второй заповѣди Прокоповичъ проницательно характеризуетъ и рѣзко обличаетъ суевѣрный взглядъ русскихъ на иконы. «Не трудно можешь разсудить, кто неправильную и запрещенную честь иконамъ творитъ, напримѣръ: нѣкіи въ церковь приносятъ свою икону, и къ ней поклоняются, иніи икону больше почитаютъ, когда видятъ златомъ обложенную, нежели когда была она безъ оклада; иніи и молиться Богу не хотятъ гдѣ иконы не видятъ: вси таковіи, и симъ подобни, знатно не простымъ любленіемъ иконы объемлютъ, яко творити учить соборъ седмый вселенскій, но вѣрою и духомъ говѣютъ къ иконамъ, т.-е. упованіе на иконы возлагаютъ: что запрещаетъ помянутый соборъ святой». Въ толкованіи четвертой заповѣди «Первое ученіе отрокомъ» указываетъ на отношеніе къ церковному богослуженію и проповѣдничеству: «Аще чтется въ церкви или наизусть проповѣдуется поученіе

которому быть весьма должно, слушай съ усердіемъ и вниманіемъ, безъ гордости и презорства, помышляй, что самъ Богъ усты служителя своего глаголетъ къ тебѣ: и прилежно смотри чтобы не безъ пользы твоей было твое слушаніе. Въ дому твоёмъ честными бесѣдами наставляй дѣти и прочія домашнія твоя къ страху Божию, унимай ихъ отъ шатанія и безчинія, и что самъ слышалъ ты въ церкви на поученіи, тое и домашнимъ сказывай, такъ и онымъ сдѣлаешь пользу и самъ слышанное лучше въ памяти затвердишь».

Раскрывая смыслъ и значеніе пятой заповѣди, Прокоповичъ повторяетъ взглядъ древне-русскихъ сборниковъ и Симеона Полоцкаго на отношеніе родителей и дѣтей. Родители обязаны наставлять дѣтей отъ младыхъ ногтей въ страхъ Божіи, благочестіи и добронравіи, промыслять имъ ученіе доброе, не противъ силы ихъ и по склонности ихъ, чтобъ и своимъ промысломъ возмогли исполнять нужды своя¹⁾.

Относительно учителей онъ говоритъ: «Пятый чинъ отечества суть учителя: которіи или книжныхъ ученій или руководѣльныхъ хитростей учать и должны они учить прилѣжно, не завистно и какъ могутъ скоро, безъ суетной проволоки. А ученики должны имъ, наипаче когда учатся, любовь и честь, и послушаніе аки родителемъ, хотя они и на мздѣ учать: а колми паче, когда учать туне: ибо таковіи учителя суть отъ чина четвертаго великихъ благодѣтелей» (ст. 23).

«Господа должны учить и наставлять своихъ слугъ и не наказывать ихъ для насыщенія сердца свирѣпаго: не отягчать безмѣрно должности ихъ службами или работы, съ крестьянъ лишней подати не имать, а слугамъ достойнаго вознагражденія не удерживать». При толкованіи словъ молитвы Господней «Да будетъ воля твоя яко на небеси и на земли» поясняется: «Вложи страхъ твой и любовь въ сердца наша, оживляй и согрѣвай духъ нашъ Духомъ твоимъ Святымъ, и подавай немощи нашей силу, еже разумѣти и хранить заповѣди твоя, и исполнати волю твою на земли, яко исполняютъ ангелы на небеси»²⁾.

«Первое ученіе отрокомъ» вполнѣ согласовалось съ преобразовательными видами и планами Петра I; не удивительно по-

¹⁾ Стран. 22.

²⁾ Стран. 43.

этому, что оно было введено во всеобщее употребленіе при обученіи не только духовныхъ, но и мірянъ. Книгу эту правительство хотѣло какъ можно болѣе распространить, ее обязаны были имѣть и твердить наизусть церковно-служители всѣхъ епархій. Въ 1723 г. состоялось повелѣніе, чтобы эту книгу читать въ церквахъ по великимъ постамъ, вмѣсто твореній Ефрема Сирина и Соборника¹⁾. Вслѣдствіе этого на книгу было громадное требованіе, и въ одной Александро-Невской типографіи до 1725 г. было сдѣлано 12 изданій «Перваго ученія отрокомъ».

Но въ своемъ букварѣ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ Прокоповичъ былъ несдержанъ и неостороженъ въ выраженіяхъ, которыя подавали поводъ къ недоумѣніямъ для обучающихся. Авторъ «Перваго ученія отрокомъ» называетъ идолы «образишками», ставитъ свои толкованія выше молитвъ и псалмовъ, двусмысленно выражается о почитаніи мощей и т. п. Все это подало поводъ къ недоумѣніямъ, и противъ букваря организовалась цѣлая партія (справщикъ Абрамовъ, Дюкъ Люрійскій, Радышевскій, Д. Кантеміръ). Д. Кантеміръ указывалъ, что Теофанъ сочувствуетъ въ своемъ букварѣ лютеранамъ и кальвинистамъ, невѣрно и еретически истолковываетъ православное ученіе и предлагаетъ для юныхъ отроковъ вредныя толкованія и наставленія». При жизни Петра I такія нападки мало значили, но послѣ его смерти, съ умаленіемъ значенія Прокоповича, пало и значеніе «Перваго ученія отрокомъ».

Ариѳметика Магницкаго. Для удовлетворенія потребностей математическихъ и навигаціонныхъ школъ и для всѣхъ желающихъ учиться, учитель математики въ навигаціонной школѣ, Магницкій, написалъ ариѳметику. Это — первая русская печатная ариѳметика. По источникамъ, которыми Магницкій (1690—1739), пользовался при составленіи своего труда, можно судить о его знаніяхъ. Самъ Петръ I уважалъ эти знанія и оказывалъ Магницкому много милостей. Тредьяковскій, знавшій лично Магницкаго, называетъ его «сущимъ христіаниномъ, добросовѣстнымъ человѣкомъ, въ немъ же лести не было». Ариѳметика Магницкаго, какъ первое наше печатное математическое руководство,

¹⁾ Полн. Собр. Закон., VII, № 4172.

возбудившее любознательность Ломоносова, долгое время употреблялась въ школахъ; въ послѣдствіи ее смѣнила ариѳметика Курганова (1757). Озаглавлена она такъ: «*Ариѳметика, сиречь наука числителная. С разныхъ діалектовъ на славенскій языкъ преведеная, и во едино собрана, и на двѣ книги раздѣлена.* Нынѣ же повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго Государя нашего царя и великаго князя Петра Алексіевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца при благороднѣйшемъ великомъ Государѣ нашемъ царевичѣ и великомъ князѣ Алексіи Петровичѣ въ богоспасаемомъ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ типографскимъ тисненіемъ ради обученія мудролюбивыхъ російскихъ отроковъ, и всякаго чина и возраста людей на свѣтъ произведена, первое, въ лѣто от сотворенія міра 7111, отъ рождества же по плоти Бога слова 1703, індікта 11 мѣсяца іануарія». Внизу сказано: «сочинися сія книга чрезъ труды Леонтія Магницкаго». По объему, она довольно внушительна — заключаетъ 360 страницъ in quarto. Книга Магницкаго, несмотря на то, что носитъ скромное названіе ариѳметики, есть возможно полный по тому времени курсъ математики. Въ ней, кромѣ ариѳметики, содержатся начальныя основанія алгебры и геометріи. Третья часть сочиненія Магницкаго содержитъ въ себѣ свѣдѣнія, необходимыя для навигатора, и есть какъ бы приложение къ мореплаванію прежде изложенныхъ правилъ ариѳметики, алгебры и геометріи. Авторъ начинаетъ ариѳметику опредѣленіемъ горизонта и его математическимъ дѣленіемъ; показываетъ принятыя астрономами способы его измѣренія, знакомитъ съ нѣкоторыми свойствами небесной механики и въ подтвержденіе истинности своихъ воззрѣній дѣлаетъ ссылки на Гильберта и Аванасія Кирхера; учитъ опредѣлять разными способами разстояніе точекъ горизонта и находить полуденную линію. Затѣмъ говоритъ о раздѣленіи земного глобуса по климатамъ, о величинѣ дня въ различныхъ мѣстахъ земного шара, объясняетъ способы опредѣлять время морскихъ приливовъ и отливовъ, рассуждаетъ о вѣтрахъ, даетъ локсодромическія таблицы (таблицы логариѳмовъ) и учитъ посредствомъ ихъ опредѣлять въ простыхъ и сферическихъ линіяхъ разстояніе мѣстъ и пути кораблеплаванія. Все это свидѣтельствуешь, насколько ариѳметика Магницкаго обширна и далека отъ того, что теперь принято называть ариѳметикой. Такимъ образомъ,

это—цѣлый курсъ математики. Но ариѳметика въ книгѣ Магницкаго обработана съ бѣльшею полнотою: видно, что авторъ особенно заботился объ этой части своего сочиненія, имѣя въ виду, конечно, болѣе необходимое приложеніе ея къ жизни. Магницкій преимущественно старался указать тѣ случаи, гдѣ можно счесть или измѣрить что-нибудь при пособіи ариѳметики. Съ этою цѣлію онъ помѣстилъ въ своей книгѣ множество примѣровъ, или прикладовъ, какъ онъ называетъ, и особенно не поспешилъ на нихъ при объясненіи тройныхъ правилъ. Методъ изложенія математическихъ истинъ у Магницкаго довольно ясный, но по современнымъ понятіямъ неудовлетворительный: онъ учитъ только производить дѣйствія, не представляя причинъ, почему такъ, а не иначе, дѣлается. Ариѳметика напечатана церковно-славянскими буквами. Виньетка на первомъ листѣ изображаетъ храмъ. Въ срединѣ храма сидитъ женщина въ коронѣ: это — ариѳметика, къ ея трону ведутъ пять ступеней: счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе. Портикъ храма, съ надписями на одной сторонѣ: тцаніемъ, на другой: ученіемъ, поддерживается восемью столбами: геометріей, стереометріей, астрономіей, оптикой, меркаторіей, географіей, фортификаціей и архитектурой. Внизу написано: «аріѳметика что дѣетъ, на столпахъ то все имѣетъ». За оглавленіемъ слѣдуетъ обширное предисловіе гдѣ сказано:

...Аще бо и имяху въ вѣдомости число, и мѣру челоуѣцы, но множайшія ради ползы, и лучшаго искусства, собрахомъ сію науку аріѳметику, изъ многихъ разноразныхъ книгъ, греческихъ, латинскихъ, немецкихъ, и старо-преводныхъ славенскихъ, и добрымъ положихомъ чиномъ, раздѣлившѣ на двѣ книги. В первой яже именуется політика, вся гражданскія потребности, купецкія убо и воинскія, и различныхъ чиновъ ради людей, многія приклады, и образы положихомъ, пропорціи рудъ и различныхъ царствъ, и время, разнство денегъ, и вѣсовъ и мѣръ, и разливающихся вещей тяготу, и ины многи образцы. яко да всякъ усердствуя, можетъ извѣстно во всякихъ случаяхъ недомѣніе в числахъ разрѣшити, насмотряся приличныхъ заданій, въ нашемъ собраніи. Въ другой именуемой логістика, собрана и положена суть, яже къ геометріи, сіестъ къ землемѣрію, и къ навигаціи, сіестъ къ мореплаванію надлежать¹⁾.

¹⁾ Стран. 18.

Такимъ образомъ ариѳметика Магницкаго, какъ видно, дѣлится на двѣ части: ариѳметику политику и ариѳметику логику. Первая есть собственно ариѳметика, содержащая въ себѣ пять отдѣловъ: о числахъ цѣлыхъ, о числахъ ломанныхъ, о правилахъ подобныхъ (тройныхъ), о правилахъ фальшивыхъ или гадательныхъ и о правилахъ радикасовъ квадратныхъ и кубическихъ. Вторая подраздѣляется на три отдѣла: объ алгебраическихъ дѣйствіяхъ и дѣйствіяхъ геометрическихъ, о нѣкоторыхъ предметахъ, относящихся къ землѣмѣрью и мореплаванію. Послѣ каждого правила помѣщаются стихи. Ариѳметика изложена въ вопросахъ и отвѣтахъ. Ариѳметика опредѣляется, какъ «художество честное, независтное, и всѣмъ удобопоятное, многополезнѣйшее, многохвалнѣйшее отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ, въ разная времена явлившихся изряднѣйшихъ ариѳметиковъ, изобрѣтенное и изложенное»...

Учебники географіи. При Петрѣ Великомъ положено было начало изученію географіи. Первые учебники географіи свидѣтельствуютъ о тѣхъ крайнихъ затрудненіяхъ, какія встрѣчала передача на русскій языкъ географической терминологіи: не было словъ для обозначенія техническихъ названій и они очень часто оставались просто безъ перевода.

Въ 1710 г. была издана «Географія или краткое земного круга описаніе» (въ 8^о д. 106 стран. и 21 особ. нум.), при ней таблица и реестръ на книгу географію. Авторъ ея неизвѣстенъ. Г. Пекарскій предполагаетъ, что переведена она съ голландскаго. Сначала въ ней изложено вкратцѣ опредѣленіе экватора, круговъ небесныхъ, широты и долготы. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе четырехъ частей извѣстнаго свѣта: Европы, Азіи, Африки и Америки; описываются государства европейскія: Испанія, Франція, Италія, государство цесарское, Нидерланды, Данія, Швеція (свѣйское королевство), Польша, Англія, Венгрія и крымскіе татары. Въ описаніи каждой страны говорится о границахъ, почвѣ, произведеніяхъ, правленіи, доходахъ и главныхъ городахъ, при этомъ есть и характеристика каждого народа. Но не вездѣ въ описаніяхъ планъ этотъ выдержанъ, въ иныхъ описаніяхъ не указано, напр., ни одного города (въ Англіи не показанъ даже Лондонъ).

Описанія Россіи нѣтъ вовсе. Послѣ Европы описывается Азія, Африка и Америка.

Въ 1718 г. была издана, по повелѣнію Петра I, «Географія генеральная, небесный и земневодный круги купно съ ихъ свойства и дѣйствы въ трехъ книгахъ описующая» Бернарда Варенія. Она представляетъ большой томъ, 647 страницъ съ предисловіемъ «творца книги сея», рисунками и чертежами. Гумбольдтъ въ своемъ «Космосѣ» называетъ Б. Варенія великимъ географомъ. Переводъ ея сдѣланъ Ѳ. Поликарповымъ.

Ѳ. Поликарповъ писалъ отъ себя, что сію многотрудную и премудрую книгу переводилъ «въ пользу учащихся и читающихъ». По справедливому замѣчанію г. Весина, географія Варенія по своей обширности и серіозности не могла быть употребляема въ качествѣ учебника въ школѣ, но скорѣе могла служить для самообразованія.

Въ 1719 г., по повелѣнію Петра I, издано въ Москвѣ, «Земноводнаго круга краткое описаніе, изъ старыя и новыя географіи по вопросамъ и отвѣтамъ чрезъ Ягана Гибнера собранное». Эта географія представляетъ объемистый томъ большого формата, въ 426 стран. Отпечатана на прекрасной, плотной бумагѣ, красивымъ, четкимъ шрифтомъ и представляетъ собой большой томъ in quarto, съ пятью гравюрами на мѣди.

Трудъ Гибнера начинается «предъуготовленіемъ на географію», послѣ чего разсматриваются страны свѣта. Изложеніе идетъ по ландкартамъ, такъ что географія эта имѣетъ характеръ объяснительнаго текста къ атласу.

Всѣ земли Гибнеръ дѣлитъ на вѣдомыя (Европа, Азія, Африка и Америка) и невѣдомыя (Австралія).

Въ описаніи европейскихъ государствъ помѣщены отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1) что является на ландкартѣ; 2) какое положеніе имѣетъ страна; 3) сколь велика; 4) какія въ ней рѣки; 5) какъ она раздѣляется; 6) какія въ ней провинціи; 7) что слѣдуетъ примѣчать въ каждой провинціи; 8) какіе жители въ странѣ; 9) какое правленіе и 10) какая религія. По этимъ вопросамъ сдѣланы почти всѣ описанія европейскихъ государствъ. Опуская совершенно орографію и статистическія свѣдѣнія, авторъ загромождаетъ свой трудъ массою собственныхъ именъ; такимъ образомъ номенклатура въ географіи Гибнера развита до крайнихъ предѣловъ.

Источники и пособия.

С. Н. Брайловскій. Ѳеодоръ Поликарповичъ Поликарповъ-Орловъ, директоръ московской типографіи. «Жур. Мин. Нар. Просв.», сент. и окт. 1894 г. Первое ученіе отрокомъ. Москва. 1794 г. Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ Великомъ. С.-Пб. 1862 г. «Букварь славенскими, греческими, римскими письмены учиться хотящимъ, и любомудріе, въ пользу душеспасительную, обрѣсти тщащимся» Ѳ. Поликарпова. Москва. 1701 г. Магницкій Л. Ариметика, сирѣчь наука числительная. 1703 г. Москва. 360 стран. in quarto.

Кони А. Ѳ. Космографія Петровскихъ временъ. «Истор. Вѣстн.» 1887 г., № 11. Весинъ Л. Историческій обзоръ учебниковъ общей и русской географіи, изданныхъ со времени Петра Великаго по 1876 г. С.-Пб. 1876 г.

Статьи Извѣнова о букваряхъ — см. Покровскій В. Историческая хрестоматія, выпускъ X. Москва. 1894 г.

ГЛАВА VII.

Ѳеофанъ Прокоповичъ и его педагогическая дѣятельность.

Ѳеофанъ Прокоповичъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ говоритъ г. Чистовичъ, родился въ Кіевѣ 8 іюня 1681 г. и, при крещеніи, названъ Элеазаромъ. Отецъ его былъ кіевскимъ купцомъ, или просто торговымъ человѣкомъ, и умеръ вскорѣ послѣ рожденія своего сына. Элеазара взялъ на воспитаніе родной его дядя, намѣстникъ кіево-братскаго монастыря и ректоръ кіевской Академіи, также Ѳеофанъ Прокоповичъ. Дядя записалъ Элеазара въ Академію, гдѣ онъ обучался русской грамотѣ и латинскому языку. Но послѣдовавшая въ 1692 г. смерть дяди въ другой разъ осиротила Элеазара. Хорошая судьба послала ему благодѣтеля, съ помощью котораго онъ продолжалъ посѣщать школу до 1698 г. Элеазаръ былъ лучшимъ ученикомъ въ школѣ. Съ богатыми дарованіями, съ живымъ и острымъ умомъ, съ отличной памятью въ немъ соединялись прекрасная наружность, живой и привлекательный взглядъ и звонкій голосъ. Элеазаръ усвоилъ себѣ лучшее, что могъ найти въ Академіи — любовь къ образованію; но такъ какъ его любознательность не находила тамъ себѣ полного удовлетворенія, то онъ, по окончаніи философскаго курса, велѣдъ за другими лучшими воспитанниками Академіи, отправился для продолженія своего образованія въ польскія училища. У м. Евгенія, а также и

у Н. И. Новикова¹⁾ находимъ извѣстія, что Элеазаръ по выходѣ изъ Кіева вступилъ въ братство Битевскаго базилианскаго монастыря, сдѣлался униатомъ и постриженъ въ монашество съ именемъ Елисея. Черезъ нѣсколько времени потомъ, какъ отлично даровитый и дѣятельный изъ товарищей, онъ посланъ былъ провинціаломъ базилианскаго ордена въ римскую академію, куда, обыкновенно, посылались молодые и способные монахи для усовершенствованія въ богословскихъ и философскихъ наукахъ. Прибывъ въ Римъ, онъ поступилъ въ коллегію св. Аванасія, гдѣ обучался краснорѣчію, поэзіи, философіи и изучалъ римскія древности, какъ христіанскія, такъ и языческія. Впослѣдствіи онъ отзывался съ большою похвалою объ іезуитѣ, начальникѣ коллегіи, отдавая справедливость какъ прекраснымъ свойствамъ его ума, такъ и его благодѣяніямъ²⁾. Іезуиты въ немъ ошиблись: они думали, что изъ Прокоповича можетъ выйти ревностный защитникъ католицизма; напротивъ же, изъ него выработался сильный противникъ католической церкви.

Вышедши изъ Рима, Прокоповичъ чрезъ Швейцарію достигъ Малороссіи, и въ 1702 г., по словамъ м. Евгенія, постригся въ монахи въ Почаевскомъ монастырѣ подъ именемъ Самуила. Но другіе писатели говорятъ о постриженіи Феофана иначе. Д. Рудневъ рассказываетъ, что онъ, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Римѣ, возвратился въ Кіевъ и принятъ въ Академію учителемъ, послѣ принятія монашества подъ именемъ Феофана. Въ бытность учителемъ поэзіи Феофанъ составилъ пѣстику и написалъ трагикомедію «Владиміръ».

Въ 1706 г. Феофанъ перешелъ въ классъ реторики и составилъ учебникъ реторики на латинскомъ языкѣ. Въ 1707 году онъ былъ уже опредѣленъ префектомъ и учителемъ философіи.

Послѣ Полтавской побѣды, когда Петръ I возвращался чрезъ Кіевъ, Феофанъ сказалъ въ его присутствіи, въ Софійскомъ соборѣ, панегирикъ на эту побѣду, что очень понравилось Петру I. Въ 1711 г., во время турецкаго похода, государь вспомнилъ о Прокоповичѣ и приказалъ ему быть къ себѣ въ лагерь.

¹⁾ См. опытъ историческаго словаря о російскихъ писателяхъ.

²⁾ Чистовичъ. Феофанъ Прокоповичъ, стран. 4—5.

По возвращеніи изъ Прутскаго похода въ Кіевъ Теофанъ опредѣленъ, по желанію Петра I, игуменомъ кіево-братскаго монастыря, ректоромъ Академіи и профессоромъ богословія. Последнюю должность онъ проходилъ, по замѣчанію его біографовъ, съ такою славою, какой не имѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ.

Во время преподаванія богословія Прокоповичъ составилъ свою богословскую систему, которою положилъ начало новому направленію въ этой наукѣ, установивъ для нея другой, историческій методъ изложенія, отличный отъ прежняго метода, схоластическаго. Въ схоластическихъ системахъ богословія истины христіанскаго ученія разсматривались и изъяснялись только какъ логическія понятія, безотносительно къ ихъ источникамъ; въ системѣ Прокоповича въ основу изъясненія и доказательства этого ученія полагается св. Писаніе; въ схоластическихъ системахъ христіанскія истины излагались въ видѣ диспутацій, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ; въ системѣ Прокоповича онѣ излагаются въ положительной формѣ. При изложеніи догматовъ Прокоповичъ указываетъ на ихъ исторію и, изложивъ положительное ученіе, дѣлаетъ опроверженія его противниковъ. Такой методъ изложенія Прокоповичъ заимствовалъ у протестантскихъ богослововъ. И хотя онъ не успѣлъ составить полной системы, но его Богословіе служило руководствомъ для преподавателей богословія въ семинаріяхъ и академіяхъ въ продолженіе всего XVII вѣка и въ началѣ XIX вѣка¹).

Въ 1716 г. Прокоповичъ, по вызову государя, прибылъ въ С.-Петербургъ, и здѣсь остался. Петръ I нашелъ въ Теофанѣ такого человѣка, какой ему былъ нуженъ для исполненія его предпріятій въ дѣлѣ церковнаго управленія. Въ 1718 г. Прокоповичъ былъ сдѣланъ псковскимъ митрополитомъ.

Рѣшившись учредить новую форму церковнаго правленія, Государь поручилъ Теофану составить уставъ духовной коллегіи, который въ 1719 г. и былъ написанъ подъ именемъ Духовнаго Регламента. Послѣ того 11 февраля 1729 г. Государь самъ разсматривалъ Регламентъ, исправлялъ и пополнялъ его, затѣмъ отдалъ на разсмотрѣніе Сенату съ духовенствомъ. Утвер-

¹ См. статью Червяковскаго въ «Христіан. чтеніи» за 1876—78 гг., гдѣ разсмотрѣно введеніе въ богословіе О. Прокоповича и Ю. О. Самарина, т. I-й.

дивъ Духовный Регламентъ, Петръ I назначилъ президентомъ Синода рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, а вице-президентомъ—Феофана Прокоповича.

Въ 1720 г. по желанію Петра I, Прокоповичъ составилъ и издалъ Первое ученіе отрокамъ¹⁾.

Въ 1721 г. Феофанъ завелъ при своемъ домѣ школу, въ которую онъ принималъ сиротъ и бѣдныхъ людей всякаго званія. Школа эта была хорошо устроена, г. Чистовичъ считаетъ ее даже лучшею школою того времени. Въ школѣ преподаваемы были: законъ Божій, славянское чтеніе, русскій, латинскій и греческій языки, логика, риторика, ариѳметика, геометрія, географія, исторія и искусства: рисованія, вокальная и инструментальная музыка.

Въ числѣ учителей ея были: знаменитый датчанинъ Адамъ Селій и профессоръ академіи наукъ Теофилъ Сигфридъ Байеръ. Прокоповичъ очень любилъ свою школу, употреблялъ на нее много денегъ и попеченій.

Для нея онъ написалъ особую, весьма полную, инструкцію, которая по содержанію своему была выраженіемъ и развитіемъ тѣхъ же педагогическихъ взглядовъ, какіе онъ высказалъ раньше въ отдѣлѣ Духовнаго Регламента о домахъ училищныхъ²⁾; въ ней узаконяется та же жестокая дисциплина съ точнымъ распредѣленіемъ часовъ для занятій и увеселеній, тотъ же строгій надзоръ за учениками, то же отрѣшеніе школьной жизни отъ всякихъ постороннихъ вліяній и проч. Нѣкоторые пункты ея даже носятъ на себѣ ясныя слѣды іезуитскаго происхожденія, наприм.: «никогда двоимъ, ниже троимъ не отлучаться отъ прочихъ въ сторону и тайно ничего съ собою не говорить, но говорить явно и въ слухъ прочимъ... Но и въ компаніи съ другими ничего отнюдь въ ухо другому не шептать... Одинъ съ другими писемцами бѣ не пересылались, и если сіе учинить, то хотя бѣ что доброе писалъ, жестоко яко бездѣльникъ наказанъ будетъ; тоже получить и тотъ, кто отъ одного до другого переноситъ или передавать письменно будетъ. Никому никуда въ сторону писемъ, не объявивъ ихъ прежде директору, не посылать; такожь и кому откуду, хотя отъ родителей письма присланы будутъ, не

¹⁾ См. выше главу VI Истор. рус. пед. ч. II-я стран. 66—71.

²⁾ См. далѣе IX гл. II-ой части Ис. рус. пед.

распечатывать и не читать; но не распечатанныя подавать директору, и когда оны, распечатавъ и прочитавъ, отдасть, тогда читать мощно».

Такъ какъ директору невозможно было услѣдить за всѣми мелочами регулъ семинарскихъ, то узаконялись доносы учениковъ другъ на друга; доносить велѣно всѣмъ безъ исключенiя и обо всемъ, что увидятъ или услышатъ непозволительнаго, подъ страхомъ жестокаго наказанiя за утайку, равнаго наказанiю за совершенное преступленiе.

Такiя правила становятся понятны, зная, что Прокоповичъ заимствовалъ ихъ изъ школъ Польши и З. Европы, гдѣ они въ то время были въ большемъ ходу. Къ инструкцiи приложено было подробное росписанiе учебнаго дня или «уставъ, что подлежитъ знать и дѣлать ученикамъ по днямъ и часамъ».

Во время трапезы инструкцiя предписывала воспитанникамъ читать вслухъ, по очереди, св. Писанiе, при чемъ непонятныя слова ученики записывали и потомъ спрашивали разъясненiя такихъ словъ у самаго Θεована. Далѣе въ инструкцiи слѣдуетъ наставленiе, какъ вести себя въ церкви, на гуляньяхъ и въ какiя игры можно играть. Особенно запрещалось воспитанникамъ велико-возрастнымъ «держатъ у себя питейныхъ припасовъ, кольми паче водки и простаго вина», при чемъ инструкцiя тутъ же прибавляетъ, что «сего преслушанiя почитаемъ мы за великое злодѣйствiе». Для охраненiя воспитанниковъ отъ дурныхъ манеръ и «подлыхъ обычаевъ», имъ воспрещалось знакомиться и водиться «съ приказными, конюхами и прочими домовыми служителями» и рекомендовалось «не пить предоставленное питiе жадно, и такого злообразiя весьма храниться, кольми паче не пить до пьяна и не шумѣть».

Въ инструкцiи содержатся и нѣкоторыя практическiя гигиеническiя правила и указанiя относительно необходимости чистаго воздуха и вообще содержанiя воспитанниковъ, ихъ бѣлья и одежды, спаленъ и всего школьнаго помѣщенiя въ чистотѣ и опрятности. Въ особомъ пунктѣ изложены весьма заботливыя наставленiя объ уходѣ за больными воспитанниками. Кромѣ того, желая возможно болѣе и дѣйствительнѣе влiять на смягченiе и облагороженiе грубыхъ нравовъ воспитанниковъ, содѣйствовать ихъ эстетическому развитiю и доставить имъ, въ этихъ видахъ,

благородныя и художественныя развлечения, Феофанъ Прокоповичъ завелъ въ школѣ вокальныя и инструментальныя музыкальныя упражненія, концерты и сценическія представленія, несмотря на то, что этимъ онъ возбудилъ противъ себя нареканія многихъ сильныхъ людей въ правительствѣ и въ обществѣ, видѣвшихъ въ такихъ нововведеніяхъ «противное церкви святой и ученію ея» тѣмъ болѣе, что большинство воспитанниковъ готовилось къ священническому и даже монашескому сану. Впрочемъ, школа Прокоповича не была узко-сословною; не мало воспитанниковъ, по окончаніи полного курса, поступили въ гражданскую службу, другіе шли въ университетъ. Кромѣ того Прокоповичъ имѣлъ въ виду готовить въ своей школѣ и учителей для разныхъ провинціальныхъ училищъ, въ томъ числѣ и для цифирныхъ школъ (объ этомъ говоритъ Шереръ). Изъ переписки Феофана видно, что онъ посылалъ своихъ учениковъ для усовершенствованія въ наукахъ въ гимназію при Академіи Наукъ. Всего обучалось въ его школѣ, во время пятнадцатилѣтняго ея существованія, до 160 человекъ. По смерти Феофана, школа его поступила въ вѣдѣніе Кабинета, а воспитанники ея въ большинствѣ перешли въ невскую семинарію.

Въ 1722 г. Феофанъ написалъ трактатъ по поводу акта о престолонаслѣдїи подъ названіемъ: «Правда воли монаршей», въ которомъ на основаніи церковныхъ и гражданскихъ правъ и примѣровъ церковной и гражданской исторіи, доказывалъ, что государь можетъ свободно назначить наслѣдника себѣ, не стѣсняясь ни первородствомъ, ни вообще какимъ-нибудь родствомъ. Въ 1725 г. Прокоповичъ былъ пожалованъ императрицею Екатериною I архіепископомъ новгородскимъ, въ каковомъ санѣ и оставался до своей смерти, послѣдовавшей 8 сентября 1736 г.

Прокоповичъ былъ однимъ изъ образованныхъ и ученыхъ людей своего времени. Не только при Петрѣ I, когда онъ своими сочиненіями служилъ дѣлу реформы, но и въ послѣдующія царствованія, при Екатеринѣ I и Аннѣ Іоанновнѣ, онъ находился во главѣ тѣхъ людей, которые заботились о распространеніи въ русскомъ обществѣ новаго образованія. Его совѣта спрашивали во многихъ важныхъ дѣлахъ; ему посылались на просмотръ почти всѣ русскія сочиненія, предназначавшіяся для печати. Изъ русскихъ ученыхъ онъ находился въ самыхъ тѣсныхъ

отношеніяхъ съ кн. Д. М. Голицынымъ, Кантемиромъ, и Та-тищевымъ, изъ иностранныхъ — со многими членами Петербургской Академіи наукъ — Блюментростомъ, Гроссомъ, Байеромъ и др. Онъ привѣтствовалъ своими стихами самое первое произведе-ніе зарождавшейся тогда новой русской литературы — первую сатиру Кантемира «На хулящихъ ученіе»; онъ принялъ подъ свое покровительство самага отца этой литературы, Ломоносова, когда онъ пришелъ учиться въ Московскую Академію¹⁾.

Сочиненія Прокоповича многочисленны и разнообразны. Изъ нихъ наиболѣе важны Духовный Регламентъ, Догматическое Богословіе, Первое ученіе отрокамъ и проповѣди. Ему же принадлежитъ: «Краткое ученіе Христіанское малому отроку и невѣждѣ всякому прислушающее, бесѣдами учителя и ученика составленное» и «Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдывать долженъ». «Проповѣдывали бы проповѣдники, говорить онъ, твердо съ доводовъ священнаго писанія о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина. Истребляли бы суевѣрія, вкореняли бѣ въ сердца людскія страхъ Божій, словомъ рещи: испытывали бѣ отъ Священнаго Писанія, что есть воля Божія святая, угодная и совершенная и тобѣ говорили». Въ образецъ проповѣдниковъ, которымъ должно подражать, въ Регламентѣ указывается на І. Златоустаго, какъ на лучшаго истолкователя Св. Писанія и лучшаго проповѣдника изъ отцовъ церкви. Вообще Прокоповичъ считается преобразователемъ русской проповѣди, отъ которой онъ требовалъ народнаго содержанія. Самое, впрочемъ, главное достоинство его проповѣдей, что онѣ изложены просто, ясно и общедоступно. Отличительныя ихъ черты — горячее отношеніе къ современнымъ событіямъ. Ни одно событіе эпохи, ни одно дѣло Петра I не остались безъ того, чтобы Прокоповичъ не сказалъ о нихъ въ своихъ проповѣдяхъ. Съ кончиною Петра не окончилось служеніе Прокоповича дѣлу реформы. И при преемникахъ его постоянно словомъ и дѣломъ Прокоповичъ поддерживалъ его преобразованія. Къ сожалѣнію, въ борьбѣ съ своими противниками, онъ запятналъ себя разными

¹⁾ См. Порфирьевъ И. Истор. рус. слов. ч. II в. I стран. 47.

интригами и такими темными дѣлами, которыя значительно по-мрачаютъ его имя и славу.

Источники и пособія.

Главнымъ пособіемъ служило изслѣдованіе И. Чистовича, О. Прокоповичъ и его время. Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ. Т. 4-й, С.-Пб. 1868 г.

ГЛАВА VIII.

В. Н. Татищевъ и его педагогическіе взгляды.

В. Н. Татищевъ. Василий Никитичъ Татищевъ, первый нашъ русскій историкъ и авторъ «Духовной», принадлежитъ къ старой аристократической фамиліи (родъ его происходилъ отъ князей Смоленскихъ). Отецъ Татищева, Никита Алексѣевичъ, былъ стольникомъ, имѣлъ помѣстье въ Псковскомъ уѣздѣ; здѣсь, вѣроятно, и родился Василий Никитичъ, въ 1686 г. Какъ и чему учился Татищевъ, съ точностью неизвѣстно; самъ онъ только разъ упоминаетъ о своей ранней молодости. Въ своей «Духовной» говоритъ онъ сыну: «Родитель мой, въ 1704 г. отпуская меня съ братомъ въ службу, сіе намъ крѣпко наставлялъ, чтобы мы ни отъ какого положеннаго на насъ дѣла не отрицались, и ни на что сами не запрашивались». Этого практическаго правила онъ держался всю свою жизнь.

На службу Татищевъ поступилъ очень рано, въ 1704 г. Есть предположеніе, что онъ или до поступленія на службу, или вскорѣ послѣ поступленія учился въ Московской артиллерійской и инженерной школѣ, находившейся въ завѣдываніи Брюса, который и имѣлъ рѣшительное вліяніе на его образованіе и на его послѣдующую ученую дѣятельность. Въ 1711 г. Татищевъ участвовалъ во взятіи Нарвы, былъ въ Полтавскомъ бою и Прутской кампаніи, въ 1713—14 г. ѣздилъ за границу для усовершенствованія себя въ наукахъ. Изъ поѣздки за границу Татищевъ вывезъ богатую бібліотеку и любовь къ наукѣ. По возвращеніи изъ-за границы Татищевъ состоялъ въ бергъ-и мануфактуръ-коллегіи, президентомъ которой былъ Брюсъ, и здѣсь, кажется, впервые зародилась у него мысль о «Русской Исторіи». Поводомъ къ этому

труду послужило представленіе, сдѣланное Брюсомъ Петру Великому, о необходимости подробной географіи Россіи. Брюсу было поручено заняться этимъ дѣломъ, а онъ, обремененный трудами, передалъ его Татищеву. Татищевъ, принявшись за работу, по собственному сознанію, почувствовалъ необходимость историческихъ свѣдѣній и потому, отодвинувъ географію на второй планъ, принялся собирать матеріалы для исторіи. Онъ уже раньше собиралъ бібліотеку по естественнымъ наукамъ, по исторіи и географіи; теперь онъ сталъ разыскивать лѣтописи и другіе памятники старой письменности, и нѣкоторыя данныя изъ нихъ до сихъ поръ остаются извѣстны только по указаніямъ Татищева, какъ, напр., Іоакимовская лѣтопись и другія лѣтописныя извѣстія; Петру I, видимо, извѣстны были эти работы и бібліотека Татищева: такъ, мы знаемъ, что, отправляясь въ персидскій походъ, онъ бралъ у Татищева какую-то муромскую лѣтопись. Въ 1720 г. Татищевъ былъ оторванъ отъ своихъ историко-географическихъ работъ: онъ былъ посланъ въ Сибирскую губернію строить заводы и плавить изъ рудъ серебро и мѣдь. Всего полтора года жилъ онъ на уральскихъ заводахъ, но въ такое короткое время успѣлъ многое сдѣлать. Такъ, напр., при заводахъ Татищевъ открылъ школы, изъ которыхъ двѣ были первоначальныя, гдѣ священники учили читать и писать. Тѣмъ, кто выучится писать, было обѣщано освобожденіе отъ отдачи въ солдаты или матросы. Въ двухъ другихъ школахъ учили ариметикѣ, геометріи и горному дѣлу. Татищевъ требовалъ, чтобы въ селеніяхъ крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ, были заведены школы грамотности. Обѣщая грамотнымъ свободу отъ рекрутчины, онъ указывалъ и на другую пользу грамотности: «Велѣтъ, — писалъ Татищевъ, — лучшимъ мужикамъ дѣтей своихъ грамотѣ обучать, хотя бы читать умѣли, дабы ихъ подъячіе не такъ могли обманывать». Впрочемъ, сельское духовенство не особенно охотно принялось за обученіе, и съ отъѣздомъ Татищева о сельскихъ школахъ и говорить перестали. Затѣмъ идетъ трудная служба Татищева по усмиренію башкирскаго возстанія, по устройству Оренбургскаго края, по устройству Калмыцкихъ дѣлъ, когда онъ былъ губернаторомъ въ Астрахани и т. д. Эта служба на окраинахъ прерывалась вызовами въ Москву и Петербургъ. Съ конца 1724 г. по апрѣль 1726 г. Татищевъ жилъ

въ Швеціи, гдѣ долженъ былъ изучать горное и монетное дѣло, пригласить знающихъ людей на русскую службу, а также имѣлъ и секретное политическое порученіе. Пребываніемъ въ Швеціи онъ воспользовался и для своихъ историческихъ трудовъ: онъ познакомился съ шведскими учеными и выбиралъ изъ скандинавскихъ историковъ свѣдѣнія, относящія къ русскимъ древностямъ. Съ 1727 г. былъ членомъ монетной конторы и на этой службѣ его застали событія 1730 г., когда онъ вмѣстѣ съ Кантемиромъ составилъ записку о формѣ правленія, направленную противъ стремленія верховниковъ ограничить самодержавіе.

Дѣятельность Татищева обратила на него благосклонное вниманіе новаго правительства; онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Вскорѣ затѣмъ Татищевъ былъ назначенъ главнымъ судьей монетной конторы. Здѣсь Татищевъ, какъ и вездѣ, гдѣ служилъ, прежде всего обратилъ вниманіе на подготовку нужныхъ людей и предполагалъ завести училище, въ которомъ преподавались бы науки, необходимыя для монетнаго дѣла и изучались иностранные языки настолько, чтобы понимать книги, а также преподавались правила грамматики и реторики, нужныя для правильнаго изложенія мыслей. «У насъ, — говоритъ Татищевъ, — отъ неразумѣнія грамматическихъ и риторическихъ правилъ въ канцеляріяхъ неученые секретари и подъячіе весьма пространно и темно и сумнительно или весьма неразумительно пишутъ». Однако, въ новой должности Татищевъ пробылъ недолго: его не долюбивалъ Биронъ, какъ и всѣхъ вообще умныхъ и самостоятельныхъ русскихъ людей. Его отдали даже подъ судъ, обвиняя во взяткахъ. Но, какъ видно, на обвиненіи не особенно настаивали, такъ какъ въ 1734 г. Татищевъ, освобожденный отъ суда, указомъ Императрицы былъ снова назначенъ на Уралъ «для размноженія заводовъ». Сибирскими заводами управлялъ въ то время Генинъ. Число заводовъ росло частію его стараніями, частію и потому, что выгоду горнозаводской промышленности поняли въ то время, кромѣ Демидовыхъ, и другіе богатые люди. При отъѣздѣ Татищеву дана была обширная инструкція. Татищевъ, прибывъ въ Екатеринбургъ, принялъ управленіе отъ Генина. Пока Татищевъ оставался на заводахъ, онъ своею дѣятельностью приносилъ много пользы и заводамъ, и краю: при немъ число заводовъ возрасло до 40;

постоянно открывались новые рудники. Росло и число школъ на заводахъ. Татищевъ требовалъ, чтобы и частныя заводчики посылали бы дѣтей учиться въ школы; но это требованіе встрѣтило сильное неудовольствіе среди нихъ. Татищевъ обратилъ свое вниманіе и на работавшихъ на заводахъ раскольниковъ и полагалъ, что лучшее средство дѣйствовать на нихъ—это толковая проповѣдь, и просилъ прислать на Уралъ искуснаго священника. Въ такихъ заботахъ проводилъ Татищевъ время на Уралѣ, пока Биронъ не устранилъ его, назначивъ его въ 1737 году въ Оренбургскую экспедицію. Оставляя Екатеринбургъ, онъ подарилъ тамошней школѣ всю свою библіотеку. Съ этого времени и до 1747 г. начинается дѣятельность Татищева по усмирению края; онъ стоялъ во главѣ калмыцкой экспедиціи, затѣмъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Астрахань, при чемъ обратилъ вниманіе на благоустройство края, особенно на главное богатство края—рыболовство. Въ 1745 г. онъ былъ отрѣшенъ отъ должности, по проискамъ своихъ враговъ, и остальную часть жизни до смерти (іюль 1750 г.) прожилъ въ своей деревнѣ, доканчивая свою Исторію. Изъ деревни Татищевъ велъ обширную переписку, часть которой дошла и до насъ. Съ обширнымъ умомъ, способнымъ быстро переходить отъ одного предмета къ другому, Татищевъ соединялъ твердую волю.

Изъ научныхъ трудовъ Татищева, безъ сомнѣнія, на первомъ планѣ, слѣдуетъ поставить его труды по исторіи и географіи. Онъ усердно собиралъ рукописи историческаго содержанія, народныя пѣсни и повѣрія, старинныя ландкарты; во время своихъ путешествій по Россіи онъ рылся въ архивахъ разныхъ городовъ, покупалъ рукописи, пользовался всякимъ случаемъ для пріобрѣтенія матеріаловъ для русской географіи и исторіи. Татищевъ представилъ въ Академію Наукъ проектъ, или «предложеніе о составленіи исторіи и географіи російской», состоящее изъ 198 вопросовъ и заключавшее въ себѣ обширную программу для многихъ изслѣдованій. Академія разослала проектъ ко всѣмъ областнымъ правителямъ и канцеляріямъ, съ приказаніемъ собирать и доставлять географическіе и историческіе матеріалы. Когда матеріалы были собраны, Татищевъ началъ составлять географію и лексиконъ географическій. Но попытка написать русскую географію по такой обширной программѣ оказалась преждевременной, и

Татищевъ ограничился составленіемъ лексикона (лексиконъ російскій, историческій, географическій, политическій и гражданскій).

Главное сочиненіе Татищева, «Исторія російская (въ 5 томахъ). Это — сводъ лѣтописныхъ извѣстій съ примѣчаніями самого Татищева — философскими, историческими и политическими.

Татищевъ собралъ 11 списковъ разныхъ лѣтописей, нѣкоторые изъ этихъ списковъ въ настоящее время утрачены и извѣстны намъ лишь по его Исторіи; древнѣйшимъ лѣтописцемъ нашимъ онъ считалъ не Нестора, а новгородскаго архіепископа Іоакима, отрывокъ изъ лѣтописи котораго (теперь затерянной) онъ помѣстилъ въ I томѣ своего сочиненія. Полный сводъ Татищевъ довелъ до нашествія татаръ, а съ этого времени представилъ только матеріалы. Сводъ Татищева важенъ потому, что въ немъ есть извѣстія изъ такихъ лѣтописей, списки которыхъ въ настоящее время уже не существуютъ. Въ примѣчаніяхъ любопытны философскія, историческія и политическія воззрѣнія самого Татищева. Начитавшись иностранныхъ и преимущественно протестантскихъ писателей, Татищевъ усвоилъ себѣ отрицательный взглядъ на церковь и духовенство, часто не довѣрялъ историческимъ извѣстіямъ, сообщаемымъ духовными писателями, и невѣрно понималъ нѣкоторыя явленія въ древне-русской жизни. Татищевъ въ своихъ сочиненіяхъ ссылается на Гоббеса (Левіаѳанъ) Бейля (Критическій словарь), Томазіуса (нравоученіе) и Фонтенеля (Объ оракулахъ), Пуффендорфа (О должностяхъ человѣка и гражданина) и др. Разсказывая объ образованіи въ древнемъ періодѣ, онъ обвиняетъ русское духовенство въ томъ, будто оно намѣрено оставляло народъ въ невѣжествѣ: «Въ Россіи», — говоритъ онъ, — науки не токмо читать и писать, но языковъ греческаго отъ самаго пріятія вѣры Христовой, а потомъ и латинскій языкъ введены и многія училища устроены были; но нашествіемъ татаръ, какъ власть государей умалилася, а духовныхъ возрасла, тогда симъ, для приобрѣтенія большихъ доходовъ и власти, полезнѣе явилось народъ въ темнотѣ невѣдѣнія и суемудрія содержать; для того все ученіе въ училищахъ и въ церквахъ пресѣкли и оставили»¹).

¹) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стран. 473.

Вслѣдствіе, конечно, такого отрицательнаго направленія, Исторія Татищева долго оставалась неизданною; между современниками даже Татищевъ слылъ за вольнодумца. Монархическую форму правленія Татищевъ считалъ для Россіи самою лучшею и необходимою, что и практически выразилось имъ во время событій 1730 г.

«Многосторонняя дѣятельность Татищева, — говоритъ г. Бестужевъ-Рюминъ¹⁾, который былъ и начальникомъ горныхъ заводовъ и управляющимъ Оренбургскимъ краемъ, и губернаторомъ Астраханскимъ, оставаясь въ то же время историкомъ и географомъ, которымъ предложена была такая программа собиранія свѣдѣній о Россіи, что изъ нея видны были и многосторонность познаній и ширина его взгляда на дѣло — невольно поражаетъ въ наше время и возбуждаетъ, быть можетъ, нѣкоторыя недомыслия. Татищевъ въ своей литературной дѣятельности былъ тѣмъ, что въ настоящее время назвали бы публицистомъ. Онъ принялся за географію и исторію ради той пользы, которую исторія и географія должны принести обществу; свое міросозерцаніе онъ высказалъ въ сочиненіи о пользѣ наукъ, свои общественныя и нравственныя (а также отчасти и педагогическія) воззрѣнія въ «Духовной», обращенной къ сыну. Какъ Петръ требовалъ отъ всего пользы, такъ и Татищевъ постоянно старался быть полезнымъ по мѣрѣ возможности. Примѣнимость, полезность составляютъ основныя начала общественной и литературной дѣятельности Татищева». «Изучая внимательно и пристально и жизнь и сочиненія Татищева, — говоритъ г. К. Бестужевъ-Рюминъ, — я пришелъ къ тому убѣжденію, что, уступая Ломоносову силою творческаго генія, онъ, тѣмъ не менѣе, долженъ занять равное съ нимъ мѣсто въ исторіи русскаго развитія. Естествоиспытатель, Ломоносовъ стремился возвести къ общему философскому единству ученія о природѣ; историкъ и публицистъ, Татищевъ стремился, съ своей стороны, найти общее начало человѣческаго общежитія и человѣческой нравственности. Но не это одно даетъ право Татищеву на вѣчную благодарную память: онъ поставилъ науку русской исторіи на правильную дорогу собиранія фактовъ; онъ обозрѣлъ, насколько могъ, сокровища лѣтописныя и указалъ дорогу къ другимъ источникамъ; онъ

¹⁾ См. К. Бестужевъ-Рюминъ. Біографіи и характеристики, стран. 1.

тѣсно связалъ исторію съ другими, сродными ей, знаніями. Но если бы даже и этого не было, имя Татищева должно бы жить вѣчно за то одно, что онъ всюду заводилъ школы и хлопоталъ о развитіи просвѣщенія¹⁾.

«Духовная» и «Разговоръ о пользѣ наукъ». Для насъ особенно важны два сочиненія Татищева: «Духовная», въ которой онъ высказываетъ сыну свои нравственные и умственные идеалы въ руководство для его послѣдующей жизни, и «Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ», гдѣ высказываются съ наибольшою полнотою его воззрѣнія на науку и ея отношенія къ жизни. «Духовная» Татищева²⁾ принадлежитъ къ разряду тѣхъ же сочиненій, что и Домострой и «Отеческое завѣщаніе» Посошкова. Татищева считали вольнодумцемъ, но проникнутыя глубокимъ и крѣпкимъ религіознымъ чувствомъ, первыя страницы «Духовной» говорятъ, кажется, ясно сами за себя и убѣждаютъ насъ, что это мнѣніе было невѣрно.

Какъ въ «Разговорѣ» 1733 г., такъ и въ Духовной 1740 года, онъ равно требуетъ изученія Закона Божія отъ частнаго и общественнаго воспитанія. Требуя отъ сына, чтобы онъ отъ юности до старости поучался въ вѣрѣ и прилежалъ познать волю Творца: «зане оное просвѣтитъ умъ твой, наставитъ тя на путь правый, есть единый свѣтъ стезямъ нашимъ и премудрость дражайшая паче злата и серебра и каменія драгоцѣннаго», — Татищевъ указываетъ сыну на необходимость изучать священное писаніе, творенія св. отцовъ, «между которыми у меня Златоустаго первое мѣсто имѣютъ»; сверхъ того, совѣтуетъ читать Теофаново «Истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ» (т.-е. первое ученіе отрокомъ) и «Юности честныя зеркало». Эту послѣднюю книгу Татищевъ рекомендуетъ какъ лучшее нравоученіе. При разборѣ ея мы увидимъ³⁾, какъ далеко она не соотвѣтствуетъ этой рекомендаціи. Послѣ изученія книгъ православныхъ, Татищевъ совѣтуетъ сыну читать книги ино-вѣрныя и познакомиться съ ученіемъ католиковъ, протестантовъ

¹⁾ Біогр. и характ., стран. 175.

²⁾ Существуетъ въ рукописи, подаренной А. И. Артемьевымъ Императорской Публичной Библіотекѣ. Содержаніе ея изложено въ изслѣдованіи К. Н. Бестужева-Рюмина и Попова. Мы пользовались «Духовной», изд. г. Островскимъ. Казань. 1885 г.

³⁾ Ист. рус. пед., ч. II, гл. XIII.

и кальвинистовъ, потому что въ обществѣ часто приходится встрѣчаться съ такими людьми, и не трудно быть обманутымъ; особенно остерегаться должно папистовъ». Впрочемъ, вступать въ пренія съ иновѣрцами онъ вообще не совѣтуетъ, чтобы «у людей злаго мнѣнія о себѣ не подать, а отъ неразумныхъ можно и потерпѣть». За поученіемъ въ вѣрѣ Татищевъ говорить, какимъ наукамъ нужно обучаться. «Весьма нужно тебѣ поучиться и въ свѣтскихъ наукахъ, въ которыхъ нужнѣйшее право и складно писать, затѣмъ ариѳметика, геометрія, артилерія и фортификація, и прочія части математики, такожде нѣмецкій языкъ. Затѣмъ совѣтуетъ изучать исторію и географію Россіи и указываетъ на собранные имъ матеріалы. Въ заключеніе прибавляетъ «необходимо нужно есть знать законы гражданскіе и воинскіе своего отечества, и для того, конечно, во младости надобно тебѣ Уложеніе и Артикулы воинскіе, сухопутные и морскіе, не одново, а нѣкогда, и печатные указы прочитатъ, дабы какъ скоро къ какому дѣлу опредѣлишься, могъ силу надлежащихъ къ тому законовъ разумѣть; наипаче же объ ономъ, по причинѣ собственныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ, съ искусными людьми разговаривать и порядкомъ, якоже и толкованію законовъ, не меньше же и коварствы ябедническія познавать, а не дѣлать, научиться должно, что тебѣ къ немалому счастію послужить».

Послѣ наставленія о воспитаніи и образованіи, въ Духовной излагаются правила для руководства въ жизни семейной и общественной. Татищевъ противъ раннихъ браковъ: «отъ ранней женитьбы, — говоритъ онъ, — страдаютъ науки и служба, а иногда и здоровье; для того, лучшія лѣта для браковъ отъ 30 лѣтъ почитаютъ».

Что касается до богатства и знатности, то бракъ между равными по состоянію и происхожденію всего лучше; главнѣйшее въ женѣ — доброе состояніе, разумъ и здравіе. Отношеніе мужа къ женѣ Татищевъ опредѣляетъ слѣдующимъ наставленіемъ: «Имѣй и то въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница и во всемъ другомъ должна быть неллицемѣрнымъ; такъ и тебѣ съ ней должно быть; *въ воспитаніи дѣтей общее съ нею прилѣжатъ*¹⁾; въ твердомъ состояніи домъ

¹⁾ Курсивъ нашъ. М. Д.

въ правленіи ея поручить, а затѣмъ и самому нелѣпно смотрѣть. Однакожь храниться надлежитъ, чтобъ тебѣ у жены не быть подъ властью; сіе для мужа очень стыдно и чрезъ то можешь у всѣхъ о себѣ худое мнѣніе подать и слабость своего ума изъяснить. Сихъ примѣровъ нынѣ весьма уже довольно видимъ». «Главнѣйшее же о женѣ—доброе состояніе, разумъ и здоровье. По сочетаніи главное въ твоей должности есть, еже къ женѣ любовь и вѣрность ненарушимо сохранить и за нею того прилежно смотрѣть» (стран. 12). «Въ службѣ Государю и государству долженъ ты быть вѣренъ и прилеженъ во всякомъ положенномъ на тебя дѣлѣ; такъ о пользѣ общей, какъ о своей собственной, прилежать и государю, яко отъ Бога поставленной надъ тобою власти, честь и повиновеніе отдавать. Главное же повиновеніе собственно въ томъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи (стран. 13). По вступленіи въ дѣло, наипаче всего храни правосудіе во всѣхъ дѣлахъ, не лѣтся никакою собственною пользою (стран. 17). Сіе тебѣ довольно показываетъ, чтобы ты прилежалъ наипаче всего о правосудіи, а притомъ еще храниться гордости, что у нѣкоторыхъ людей и лице челобитчикамъ въ честь показывается, не токмо ему бѣднаго человѣка выслушать терпѣливо и дать ему добрый совѣтъ или наставленіе и помощь; для чего у меня никогда, хотя бы на постели лежалъ, двери не затворялись и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ о себѣ докладчикъ былъ» (стран. 19).

Жизнь Татищевъ предлагаетъ распредѣлить такимъ образомъ, чтобы служить 30 лѣтъ, сначала въ военной, потомъ въ гражданской службѣ, а затѣмъ (лѣтъ 50) поселиться въ деревнѣ и заняться имѣніемъ своимъ. Онъ даетъ наставленіе позаботиться о религіозно-нравственномъ воспитаніи и образованіи крестьянъ; совѣтуетъ постараться имѣть въ деревнѣ ученаго священника и снабдить его «безбѣднымъ пропитаніемъ»; крестьянъ же обучать грамотѣ и письму. Въ деревняхъ надо завести бани, богадѣльни, больницы. Въ собраніи доходовъ съ крестьянъ надо быть справедливымъ и умѣреннымъ.

Въ «Предсмертномъ увѣщаніи сыну»¹⁾ находимъ слѣдую-

¹⁾ См. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1886 г., статья А. А. Дмитріева.

щія мысли: «Когда ты будешь при какой-нибудь должности, отправляй оную добропорядочно, рассудливо и (съ) прилежаніемъ. Удержи руки свои отъ издоиманія и лакомства; избавь себя отъ угрызенія совѣсти, чему страсти бываютъ причиною. Защищай безвиннаго отъ неправды. Дѣлай достойному по заслугамъ всякое воздаяніе. Не мсти никому за собственную свою обиду и суди всякое дѣло безъ сердца и гнѣва праведно... Для удачи же женитьбы твоей смотри паче на добродѣтель и хорошее воспитаніе, нежели на богатство, яко степень преходную, и на красоту, по подобію цвѣта увядающую». «Старайся научить ихъ (дѣтей) въ началѣ страха Божію, потомъ надлежащимъ наукамъ и сдѣлай ихъ чрезъ то полезными своему отечеству; не щади иждивенія своего, старайся всеми мѣрами сыскать имъ добраго надзирателя, который бы разумнымъ своимъ знаніемъ истребилъ изъ нихъ все предразсудіе и суевѣрія, научилъ бы различать худое отъ добраго, подлинное отъ ложнаго и временное отъ вѣчнаго¹⁾. Особенно не говори при дѣтяхъ своихъ никакихъ неистовыхъ словъ и не хвались тѣмъ, что дѣлалъ въ младости, какъ то иные старики обыкли; но веди себя предъ ними примѣромъ добродѣтели и будь имъ видимымъ зеркаломъ». «Читай Библію и Новый Завѣтъ съ примѣчаніемъ вразумительно. Изъ Библии научишься ты истинной премудрости; въ Новомъ же Завѣтѣ не сыщешь ничего, чтобъ давало самолюбію и страстямъ нашимъ хоть малое поползновеніе: нѣтъ тутъ лести никакой, но вездѣ сіяетъ истина²⁾. «Не изъявляй въ наружности того, чего не имѣешь въ сердцѣ. Подлинно неприятна молитва безъ добрыхъ дѣлъ Господу, а въ твореніи добрыхъ дѣлъ всякой Богу да молится. Доброе же дѣло состоитъ въ любленіи ближняго».

Въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ»³⁾ выраженъ новый взглядъ на науку и образованіе, разившійся въ Татищевѣ подъ вліяніемъ иностранныхъ учителей. Исходною мыслью для Татищева при составленіи «Разговора» послужило убѣжде-

¹⁾ Задачи большія. М. Д.

²⁾ «Ж. М. Н. П.», 1886 г., стран. 232.

³⁾ «Разговоръ» состоитъ изъ 120 вопросовъ и отвѣтовъ, до 55 вопроса представляетъ рядъ заимствованій изъ иностранныхъ писателей, особенно изъ энциклопедическихъ словарей по философіи и исторіи (напр. Вальха).

ніе въ необходимости познанія самого себя для всякаго истинно разумнаго и просвѣщеннаго человѣка, каковое познаніе достигается, по его мнѣнію, только помощію науки (вопр. 1—4). «Истинное бо увеселеніе въ дѣтяхъ есть разумъ и способность къ приобрѣтенію добра, а отвращеніе зла: разумъ же безъ наученія и способность безъ привычки или искусства приобрѣтено быть не можетъ, и такъ чтобъ разумень былъ, надобно ему прежде учиться». Знаніе состоитъ «еже знати, что добро и зло (Бытіе, гл. 3, стран. 5), т.-е. что ему (человѣку) полезно и нужно и что вредно и не потребно». Вв. 13—17 занимаются ученіемъ о душѣ, ея свойствахъ и состояніи. Возставая противъ мнѣнія, что науки могутъ быть вредны въ религіозномъ отношеніи и производить ереси, Татищевъ доказываетъ неосновательность такого мнѣнія, и требуя возможно большей свободы для науки, со всею силою высказывается противъ запрещенія читать народу Библию, которое ведетъ свое происхожденіе изъ римской церкви; онъ считаетъ это запрещеніе одинаково вреднымъ какъ для успѣховъ христіанства, такъ и для успѣховъ науки (вопр. 45). Затѣмъ онъ доказываетъ необходимость ученія и пользу науки для государства вообще (вопр. 46) и для каждаго сословія въ частности (вопр. 47). «Разумный человѣкъ чрезъ науки и искусство отъ вкоренившихся въ его умъ примѣровъ удобнѣйшую понятность, твердѣйшую память, острѣйшій смыслъ и безпогрѣшное сужденіе приобрѣтаетъ, а чрезъ то всякое благополучіе приобрѣсти, а вредительное отвратить способнѣе есть; онъ совѣты и представленіи испытуетъ и по обстоятельству вещей поемлетъ, прежнія же дѣянія и случаи отъ памяти взявъ съ настоящимъ уподобляетъ и, все благоразсудя, опредѣляетъ».

Вторая часть «Разговора» начинается дѣленіемъ наукъ на нужныя, полезныя, щегольскія или увеселяющія, любопытныя или тщетныя и вредныя, причемъ для каждаго изъ этихъ отдѣловъ предлагается особая характеристика (вв. 49—54): 1) науки нужныя: домоводство, врачевство, законъ Божій, умѣнье владѣть оружіемъ, логика, богословіе; 2) полезныя: письмо, грамматика, краснорѣчіе или витійство, изученіе иностранныхъ языковъ, гисторія, генеалогія, географія, ботаника, анатомія, химія; 3) щегольскія: стихотворство (поэзія), музыка, танцованіе (плясаніе), волтежированіе, знаменованіе (живопись); 4) любопытныя:

астрологія, фізіономика, хиромантія, алхімія и 5) вредныя: гаданія и волшебства разнаго рода, некромантія, гидромантія.

При этомъ Татищевъ доказываетъ пользу отъ изученія чужихъ языковъ, въ особенности греческаго и латинскаго, и сѣтуетъ на нерасположеніе до-Петровской Руси къ изученію латинскаго языка, что объясняетъ опасеніями, вызванными въ русскихъ людяхъ притязаніями католической церкви (вв. 66—67). Настаиваетъ на изученіи древнихъ и новыхъ языковъ русскимъ шляхетствомъ, говоритъ даже объ изученіи языковъ азіатскихъ народовъ, живущихъ въ Россіи и могущей проистечь изъ того пользы. «Для духовенства необходимы языки: еврейскій, греческій и латинскій. Однакожь, чтобъ какой философской науки учиться хотѣлъ, то ему латинской и греческой языкъ для знанія древнихъ философовъ мнѣній весьма полезны. Но понеже и на французской языкъ почитай всѣ оныя переведены и отъ разныхъ ученыхъ людей презрядными примѣчаніи изъяснены, то можно и симъ языкомъ довольну быть, особливо же знатному шляхетству велико и бѣлороссійскому нужно и полезно нѣмецкій языкъ для того, что онаго много въ Россіи подданныхъ, такожъ сосѣдственныя намъ Прусы, Германія и проч. государства оный употребляютъ» (вопр. 69). Изъ туземныхъ говоровъ Татищевъ важнѣйшими считаетъ три: 1) татарскій, 2) сарматскій и 3) калмыцкій.

Имѣя цѣлью доказать въ своемъ «Разговорѣ» необходимость послышки молодыхъ людей за границу для обученія, онъ указываетъ на неудобства, происходящія отъ обученія русскихъ дѣтей новымъ языкамъ чрезъ домашнихъ учителей. «Многіе за недостаткомъ искусства принимаютъ учителей къ наученію весьма неспособныхъ и случается, что поваровъ, лакеевъ или весьма мало умѣющихъ грамотѣ за учителей языковъ французскаго или нѣмецкаго и какихъ-либо непотребныхъ волочагъ для наученія благонравія и политики принимаютъ и потомъ за положенныя деньги вредъ вмѣсто пользы покупаютъ» (в. 74). Предвидя возраженіе, что въ Россіи есть уже свои училища, Татищевъ останавливается на недостаточномъ ихъ числѣ и еще болѣе на ихъ недостаткахъ. Говоря объ Академіи Наукъ, онъ замѣчаетъ «а понеже оныхъ нижнихъ училищъ довольно не учреждено, то въ оной и учиться еще не кому, и хотя семинарія и гимназія при оной устроены,

то оное недостаточно; ибо изъ всего государства свозить, а наипаче шляхетскихъ малолѣтнихъ есть невозможно и вредительно». Есть и курьезное замѣчаніе. «При оной же многихъ шляхетскихъ нужныхъ наукъ не опредѣлено, яко на шпагахъ биться, на лошадахъ ѣздить, танцовать, знаменованіе и проч. тому подобное, которое и впредь до сея не принадлежитъ, того ради надлежитъ иногу училища для дѣтей шляхетскихъ искать». Точно Академія Наукъ могла когда-нибудь задаваться подобными задачами¹⁾.

О сухопутномъ шляхетскомъ или кадетскомъ корпусѣ Татищевъ замѣчаетъ: «правда, что сіе училище есть для шляхетства лучшее; однакожь не менѣе недостатковъ и неспособности въ немъ находится: 1) во-первыхъ, мало преподають Законъ Божій, 2) не преподають вовсе законы естественный и гражданскій; 3) ариметики, геометріи, фортификаціи и т. п. нужныхъ наукъ токмо начала показываютъ» (в. 77).

«Надавню устроенныя математическія школы тако жъ многія недостатки имѣють, яко законовъ Божія и гражданскаго, языковъ и другихъ нужныхъ шляхетству наукъ не учать, а безъ знанія какого-либо европейскаго языка книгъ нужныхъ читать слѣдственно математики, не токмо всея, но и частей нужныхъ, совершенно научиться не могутъ» (в. 78).

О Московской Спасской школѣ (Академіи) Татищевъ совѣмъ невысокаго мнѣнія. «Первое, что языкъ латинской у нихъ не совершенъ, для того, что многихъ книгъ нужныхъ и первое лексикона и грамматики совершенныхъ не имѣють; латинскихъ, необходимо нужныхъ именуемыхъ авторовъ классическихъ, яко Ливія, Цицерона, Тацита и проч. не читають, и когда имъ дать разумѣть не могутъ, слѣд. и въ філософіи не болѣе успѣвають. Что въ ихъ реторикѣ принадлежитъ, то болѣе вралями, нежели реторами именоваться могутъ... Физика ихъ состоитъ въ однихъ званіяхъ или именахъ; новой же и довольной, какъ Картезій, Малевбранжъ и другіе презрядно изъяснили, не знаютъ. Не лучше ихъ логика въ пустыхъ и не всегда правильныхъ силлогизмахъ состоитъ. О гисторіи же съ хронологією и географією, врачествъ и проч., что къ філософіи принадлежитъ, про то и не слышали.

¹⁾ А можетъ быть Татищевъ смѣшивалъ Академію Наукъ съ рыцарскими академіями.

И тако въ семь училищѣ не токмо шляхтичу, но и подлому научиться ничего» (в. 79).

«А затѣмъ о народныхъ училищахъ болѣе вамъ сказать что не имѣю, ибо кромѣ Кіевской въ епархіяхъ ни одной не знаю, но и оная немного лучше Московской. По губерніямъ же хотя для солдатскихъ дѣтей школы устроены, да въ оныхъ шляхетству, кромѣ малой части ариѳметики и геометріи, научиться нечего». Такимъ образомъ въ общемъ выводъ Татищева о школахъ весьма неутѣшительный. При этомъ Татищевъ указываетъ, что лучше всего науки поставлены во Франціи и Англии, затѣмъ Германіи и Италіи, куда и нужно ѣздить учиться, о польской наукѣ онъ невысокаго мнѣнія.

Согласно волѣ и указамъ Петра Великаго, Татищевъ считаетъ, что училища необходимо учредить по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ, при этомъ нужно смотрѣть, чтобы дѣти шляхетскія особно отъ подлости отдѣлены были, чтобы учителя къ показанію и наставленію нужнаго и полезнаго способны и оста точны, а паче отъ подаянія соблазна безопасны были, чтобъ все шляхетству нужное всюду безъ недостатка къ наученію могло быть показано и для того книгъ и инструментовъ надобно имѣть съ довольствомъ (в. 114).

Относительно учителей нужно: «въ началѣ закона Божія чтобъ были сами истинной богословіи, якоже и благонравія правилъ довольно научены, не ханжи, лицемѣры и суевѣрцы, но добраго разсужденія¹⁾ и если чернцевъ лѣтами не меньше 50 и житія добраго не сыщется, то не противно и мірскихъ, имущихъ женъ, въ то употреблять». Затѣмъ добавлено: «офицеры суть главные учителя». «Что же новыхъ книгъ принадлежитъ, то весьма такихъ мало, каковыя къ наученію юности потребно. Мы до днесь не токмо курсовъ математическихъ, гисторей, географіи Россійской, которыя весьма всѣмъ нужны, не говорю о высокихъ филозофскихъ наукахъ, но лексикона и грамматики достаточной не имѣемъ» (в. 117).

Татищевъ въ заключеніи настаиваетъ на необходимости особеннаго учрежденія, вѣдающаго интересы школьнаго дѣла: «Сіе есть главнѣйшее и нужнѣйшее, чтобъ правленіе всѣхъ въ го-

¹⁾ Ср. Уставъ Луцкой школы. См. Исторію русской педагогіи, ч. I, стран. 149, § 1.

сударствѣ училищъ такое было, которое бѣ въ состояніи находилось всѣ вреды и препятствія ко умноженію наукъ предупредить, а вкравшіяся отринуть, о сохраненіи общей пользы прилежать и оную, колико удобно, умножать. А понеже науки училища разныхъ качествъ и много о всемъ разсужденій всегда требуютъ, то весьма нужно, чтобъ для онаго особливое собраніе или коллегія учреждено было, которая бѣ всегда на всѣ училища, какого бѣ оная званія ни были, внятное надзираніе на ихъ порядки и поступки, а ко исправленію и лучшему учрежденію власть имѣла» (в. 119). Эта послѣдняя мысль Татищева осуществилась только въ началѣ XIX вѣка съ учрежденіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Источники и пособія.

Духовная В. Н. Татищева. Изд. Анд. Островскимъ. Казань. 1885 г. Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ, съ предисловіемъ и указателемъ Нила Попова. Москва. 1887 г. Предсмертное увѣщаніе В. Н. Татищева сыну. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1886 г. Бестужевъ-Рюминъ. Біографіи и характеристики. С.-Пб. 1882 г.

ГЛАВА IX.

Духовныя школы при Петрѣ I и его преемникахъ. Духовный Регламентъ.

Духовныя академіи. Вскорѣ послѣ смерти патріарха Адриана, Петрѣ I наказывалъ мѣстоблюстителю патріаршаго престола Стефану Яворскому «дабы онъ, не жалѣя имѣнія и доходовъ дому патріаршаго, училища учредилъ и о наученіи закона Божія крайне прилежалъ». Въ 1701 г. его непосредственному надзору и попеченію ввѣрена была Московская Академія, и Яворскій получилъ названіе протектора академіи. Заботамъ Яворскаго академія обязана своимъ возстановленіемъ и развитіемъ, такъ какъ послѣ Лихудовъ она пришла въ упадокъ.

Самъ бывшій воспитанникъ Кіевской Академіи (докончившій свое образованіе за границею), Яворскій внушилъ царю, что лучшимъ образцомъ для устройства Московской Академіи можетъ быть Кіевская, уже успѣвшая показать добрые плоды своего образованія, даровавшая Церкви многихъ архипастырей и ученыхъ. Петрѣ I выдалъ указъ (іюля 7, 1701 г.) «завестъ въ Академіи

ученія латинскія»: Царь Петръ во время своихъ путешествій по Европѣ видѣлъ одни разсадники латинскаго образованія, и потому, внося преобразование во внѣшнюю жизнь народа, желалъ и науку облечь въ общепринятыя формы.

Стефанъ Яворскій, питомецъ академій кievской, лембергской и познанской, очевидно, вполне сочувствовалъ порядкамъ, бывшимъ въ этихъ школахъ. Поэтому, въ силу указа царскаго, Яворскій обратился за учителями въ Кіевскую академію, и, съ 1704 г. до времени митрополита Платона, Московская академія болѣею частью имѣла преподавателей изъ Кіева, которые въ преподаваніи слѣдовали учебнымъ руководствамъ кievскимъ, и ввели въ жизнь академіи тѣ же порядки, что были заведены и въ Кіевѣ, — словомъ, сообщили ей свой духъ и свое направленіе. Есть основаніе думать, что даже нѣкоторые ученики привезены были изъ Кіева. Всѣ уроки читались, а сочиненія писались только на латинскомъ языкѣ. Академія утратила прежнее названіе школъ греческихъ, и въ официальныхъ бумагахъ стала называться латинскими, словено-латинскими школами. Во второй четверти XVIII вѣка академія получила почетное названіе: *Caesarea*, Императорская. Любопытно, что въ то время старались придать даже латинскому языку особенное политическое значеніе, называя его языкомъ «единоначальствія»¹⁾, т.-е. языкомъ напоминавшимъ цвѣтуція времена римской монархіи. Яворскій умножилъ число преподавателей и классовъ въ академіи и увеличилъ окладъ жалованья учащимъ и содержанія учащихся. Академія состояла изъ ректора, префекта, 6—7 учителей и двухъ проповѣдниковъ. Ректоръ былъ «верховная власть всѣхъ». Въ эту должность, равно какъ и въ должности префекта, или инспектора, избирались такіе люди, «которыхъ ученіе и труды были извѣстны».

Библіотека академическая со времени Петра Великаго подверглась значительнымъ улучшеніямъ. Петръ Великій обратилъ особенное вниманіе на заведеніе библіотекъ въ Россіи и Регламентомъ требовалъ, «чтобъ при школахъ быть библіотекъ довольной, ибо безъ библіотеки, какъ безъ души, академія».

Преподаваніе греческаго языка послѣ Лихудовъ не скоро вве-

¹⁾ Поликарповъ говоритъ въ предисловіи къ своему Лексикону: «греческій языкъ есть языкъ премудрости, латинскій языкъ есть языкъ единоначальствія».

дено было въ Академію, объ этомъ сдѣлано было предписаніе только въ 1738 г., но вообще знаніе этого языка не процвѣтало въ академіи.

Главное направленіе богословскаго ученія въ Московской Академіи въ періодъ 1700—1775 гг. было схоластическое и принесено въ Москву учеными изъ Кіева. Богословіе, какъ у западныхъ схоластиковъ, такъ и у насъ, было излагаемо въ трактатахъ, диспутаціяхъ и вопросахъ. Общія приемы, которыхъ держались богословы разсматриваемаго періода, были слѣдующіе: прежде нежели данъ будетъ отвѣтъ на вопросъ, составляются опредѣленія и дѣленія главныхъ понятій, и для поясненія ихъ приводятся мнѣнія схоластическихъ богослововъ и философовъ. Каждое положеніе доказывается мѣстомъ Св. Писанія, далѣе доказательство подтверждается ученіемъ св. Отцовъ и учителей Церкви, иногда мнѣніями богослововъ и умозаключеніемъ богословскимъ (*sylogismus theologicus*). Послѣ отвѣта на вопросъ слѣдуютъ возраженія и даются на нихъ отвѣты.

Въ началѣ XVIII вѣка въ числѣ преподавателей Московской Академіи выдавался Теофилактъ Лопатинскій, бывшій преподавателемъ философіи и префектомъ, а затѣмъ, съ 1706 года, сдѣланъ былъ ректоромъ. Это былъ человѣкъ обширной учености и неутомимаго трудолюбія, но послѣдующая судьба его была печальна, онъ много потерпѣлъ вслѣдствіе дурныхъ отношеній къ Теофану Прокоповичу. Во время Бирона онъ былъ лишенъ архіерейскаго сана и заключенъ въ крѣпость.

Богословская система Теофилакта заимствована, она составлена по руководству Тома Аквината, Краковскому и запискамъ Кіевской Академіи. Послѣ Теофилакта мало-по-малу начинаетъ сказываться вліяніе системы Теофана Прокоповича.

Кромѣ того, Лопатинскій и другіе преподаватели Академіи составили цѣлый рядъ руководствъ по философіи (*Trivium Aristotelis: Logica, Physica et Metaphysica, Speculum, Universa Aristotelis philosophia* Вишневскаго, *Philosophia Peripatetica, Scientia rationalis* Козловича, *Institutiones Philosophicae* Б. Каллиграфа).

Изъ самыхъ заглавій философскихъ руководствъ видно, что главнымъ авторитетомъ, при изложеніи философіи, признавали Аристотеля. Т. Лопатинскій, представивъ во введеніи краткій обзоръ философскихъ системъ, упоминаетъ изъ новѣйшихъ о Декартѣ, называетъ его *vir illustris ingenii*, но его философскихъ

положеній не развиваетъ. Однако, вліяніе Декарта сказывалось уже даже на Лопатинскомъ: «хотя мы, — говоритъ онъ, — уважаемъ всѣхъ философовъ и преимущественно Аристотеля, однакожь не утверждаясь на древнихъ мнѣніяхъ, но желая узнать чистую истину, не полагаемся ни на чьи слова: *amicī omnes, sed magis amica veritas*. Философу свойственно довѣрять болѣе разуму, чѣмъ авторитету. Истина открыта для всѣхъ и еще не исчерпана: многое осталось отъ нея и для будущихъ поколѣній». Методъ изложенія наукъ философскихъ у преподавателей Московской Академіи тотъ же, что и у богословскихъ. Теофилактъ принимаетъ дѣленіе философіи на созерцательную (метафизику) и дѣятельную (логику и этику).

Системы философскія, писанныя ближайшими преемниками Лопатинскаго, написаны въ томъ же схоластическомъ духѣ, даже во многомъ сходятся между собою буквально. «Но нельзя сказать, — замѣчаетъ историкъ академіи, г. С. Смирновъ, — чтобы это были различные списки одного учебника: всякая система отличается по изложенію и по объему. Видно, что каждый наставникъ желалъ быть самостоятельнымъ при составленіи уроковъ и не хотѣлъ вполнѣ руководствоваться системою предшественника; но основаніе было одно — книги Аристотеля и комментаріи на нихъ, составленные во множествѣ перипатетиками среднихъ вѣковъ; оставалось по этому строго опредѣленному плану строить зданіе науки, и наставники не отступали отъ него въ существенныхъ пунктахъ. Они только разнообразили языкъ, сокращали переставляли трактаты съ одного мѣста на другое, что мы и видимъ во всѣхъ учебникахъ академіи. Ближайшимъ образцомъ для нихъ служили записки кіевскія, и всего болѣе лекціи Іосафа Краковскаго»¹⁾. Уроки философскіе, писанные въ половинѣ XVIII вѣка, хотя не чужды схоластицизма, но въ нихъ замѣтно болѣе сжатости и ясности мысли; многіе вопросы опускаются: таковы лекціи Козловича и Каллиграфа. Видно, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже вліяніе философіи Бэкона, Декарта, Лейбница и Вольфа.

Занятія классическими языками учащихся въ Академіи состояли въ изученіи грамматики, въ переводахъ съ древнихъ языковъ, въ приготовленіи небольшихъ сочиненій *ex promptu*,

¹⁾ С. Смирновъ. Исторія Московской Славяно-греко-латинской академіи, стран. 168—169.

преимущественно на латинскомъ языкѣ и «въ непремѣнномъ употребленіи между собою разговоровъ латинскихъ». Въ низшихъ классахъ до философіи заведены были аудиторы изъ лучшихъ учениковъ, которые до прихода учителя выслушивали выученные уроки отъ своихъ товарищей и, написавъ отзывы о каждомъ въ особыхъ запискахъ (*notata*), представляли учителю. Въ одинъ изъ дней недѣли въ классахъ богословскомъ и философскомъ были публично, при собраніи учениковъ изъ другихъ школъ, читаемы наизусть студентами проповѣди и рѣчи — латинскія и русскія. Диспуты риторическіе и пѣитическіе состояли въ разговорахъ (*colloquentia*) нѣсколькихъ учениковъ о какомъ-нибудь предметѣ изъ области природы, науки или искусства, въ чтеніи стихотвореній, въ произнесеніи рѣчей.

Хотя академія назначена была, собственно, для воспитанія духовнаго сословія и большинство изъ учащихъ въ ней были дѣти духовныхъ, но не мало изъ студентовъ ея шли на другія поприща, поступали въ гражданскую службу, попадали въ Академію Наукъ и университетъ. По окончаніи курса студенты получали абшитъ со свидѣтельствомъ «искусства ихъ», и тогда «можно было ихъ презентовать Царскому Величеству и, по Его Величества указу, опредѣлять оныхъ на разныя дѣла»¹⁾. И воспитанники академіи, получивъ свидѣтельство, поступали на различныя мѣста духовнаго и гражданского вѣдомства. Лучшіе изъ студентовъ академіи занимали мѣста учительскія или въ академіи, или въ училищахъ другихъ епархій. Учителемъ академіи могъ быть только окончившій полный курсъ ученія: въ иногородныя семинаріи поступали изъ философіи и даже изъ реторики. Изъ Московской академіи брали воспитанниковъ на должность учителей, когда открывались школы въ Смоленскѣ, Астрахани, Псковѣ и др. при архіерейскихъ домахъ. Разсказываютъ, что въ 1715 г. Петръ I вытребовалъ въ Петербургъ 213 недорослей, учившихся въ Московской академіи и самъ сдѣлалъ имъ назначенія: однихъ помѣстилъ [въ Морскую академію, другихъ въ гвардію, многихъ отправилъ въ чужія края для изученія разныхъ наукъ и языковъ²⁾]; и въ послѣдующее время для разныхъ цѣлей не разъ брали учащихъ изъ академіи.

¹⁾ Духов. Регл. о домахъ училищ., §§ 21, 25.

²⁾ Голицковъ. Дѣян. Петра Великаго VI, 34.

Въ 1765 г. трое студентовъ Московской академіи: Розановъ, Андреевскій и Новиковъ, съ учителемъ Семеновымъ-Рудневымъ, вызваны въ Петербургъ и назначены въ Геттингенскій университетъ для продолженія образованія; впоследствии Семеновъ былъ профессоромъ, а затѣмъ и ректоромъ Московской академіи.

Въ 1735 г. вызывались учащіеся Московской академіи для слушанія лекцій въ Академіи Наукъ; послано было, какъ извѣстно, 12 человекъ, въ числѣ ихъ былъ и М. В. Ломоносовъ.

С.-Петербургская духовная академія начала свое существованіе въ 1721 г. подъ скромнымъ названіемъ словенской школы при Александро-Невскомъ монастырѣ; въ ней учили азбуку, письму, ариѳметикѣ, псалтырю, грамматикѣ и толкованію евангельскихъ блаженствъ. При архимандритѣ Петрѣ Смѣличѣ въ александровскую школу было введено преподаваніе греческаго и латинскаго языковъ, и она была переименована въ славено-греко-латинскую семинарію, съ ближайшимъ назначеніемъ образовывать достойныхъ служителей св. церкви. Для преподаванія греческаго и латинскаго языковъ былъ опредѣленъ грекъ Аванасій Сяда; съ 1734 по 1737 г. въ числѣ преподавателей семинаріи былъ извѣстный Адамъ Селлій, отличавшійся благородными возрѣніями и учеными трудами по русской исторіи; раньше онъ былъ преподавателемъ въ петербургской школѣ Прокоповича. Въ 1788 г. Александро-Невская семинарія была переименована въ главную семинарію и, наконецъ, въ 1797 году Главная Семинарія была названа Александро-Невскою Академіею.

Школьные правила Духовнаго Регламента. Организациа духовнымъ школамъ со времени Петра I была дана Духовнымъ Регламентомъ, поэтому здѣсь мы остановимся на той его части, которая касается вопросовъ воспитанія и обученія¹).

Въ началѣ Духовнаго Регламента объясняется причина его изданія: «Посмотря и на Духовный чинъ и видя в немъ много нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудость не суетный по совѣсти нашей возымѣли мы страхъ, да не явимся неблагодарни Вышнему».

¹ Мы пользовались третьимъ изданіемъ Духовнаго Регламента 1723 года (первое нап. 1721, втор. 1722 г.). Въ заглавіи сказано «напечатана же сей Духовный Регламентъ повелѣніемъ Его Императорскаго Величества; благословленіемъ же Святѣйшаго Правительствующаго Всероссийскаго Синода».

Для насъ важна глава (ст. 41) «Домы училищныя и въ нихъ учителя и ученики, такожъ и церковныя проповѣдники». Она начинается словами: «Извѣстно есть всему міру, каковая скудость и немощь была воинства Россійскаго, когда оное не имѣло правильнаго себѣ ученія, и какъ несравненно умножилась сила его, и над чаяніе велика и страшна стала, когда Державнѣйшій нашъ Монархъ, Его Императорское Величество Петръ Первый, обучилъ оное изрядными регулами. Тожъ разумѣть и о архитектурѣ, и о врачествѣ, и о политическомъ правительствѣ, и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ. И наипаче тоещъ разумѣть о управленіи Церкви, когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму Церкви поведенію, и нельзя не быть нестроенію, и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересемъ». Дурно многіе говорятъ, что «ученіе виновное есть ересей». Напротивъ «убо ученіе доброе и основательное есть всякой пользы, какъ отечества, такъ и Церкви, аки корень и сѣмя и основаніе. Но сіе накрѣпко наблюдать подобаетъ, чтобъ было ученіе доброе и основательное» (ст. 43).

Для устройства академій рекомендуются слѣдующія правила (регулы):

1. Не надобѣ исперва многихъ учителей, но первый годъ довольно одинаго или двоихъ, которые бы учили грамматикѣ, сіе есть языкъ правильно знать Латинскій или Греческій, или оба языка (ст. 46 об.).

3. Искушать всячески, каковъ въ дѣлѣ своемъ есть, кто хочетъ быть учитель школы, напримѣръ: желая вѣдать, искусенъ ли въ языкѣ Латинскомъ? велѣтъ ему сложеніе руское перевести на Латинское, такожъ Латинское слово нѣкоего славнаго въ языкѣ томъ автора перевести на Руское; и велѣтъ искуснымъ осмотрѣть и освидѣтельствовать переводы его, и тотъ часъ покажется, совершенъ ли есть или средній, или и того ниже, или весьма ничего. Суть же и иныхъ учений свойственныя искушенія: которыя мощно будетъ особенно списать.

4. А хотя и неискусенъ в требуемомъ ученіи покажется, обаче мощно знать, что остроумень есть, то знатно онъ за лѣнностію, или за плохимъ своимъ учителемъ не достигнулъ того и такому повелѣтъ полгода или годъ самому учиться от авторь в дѣлѣ томъ искусныхъ, аще учитель хочетъ быть. Толко жъ

сіе дѣлать за скудость людей. А лучше бы на таковыхъ не надѣяться».

Въ слѣдующихъ параграфахъ излагается методъ преподаванія:

5. Определеннымъ и добрымъ учителемъ приказать, чтобы они сперва сказывали ученикамъ своимъ вкратцѣ, но ясно, кая сила есть настоящаго ученія, Грамматіки, напрімѣръ: Реторики, Логіки и проч. и чего хожемъ достигнути чрез сіе или оное ученіе, чтобъ ученики видѣли берегъ къ которому плывуть и лучшую бы охоту возимѣли и познавали бы повседневную прибыль свою, такожъ и недостатки (ст. 46).

6. Избрать изряднѣйшихъ во всякомъ ученіи авторовъ, которые свидѣтельствовали суть въ славныхъ Академіях, именно же в Парижѣ, повелѣніемъ короля Людовика четвертаго надесять, такъ кратко, а совершенно заключена Латінская Грамматіка, что мощно надѣяться остроумнаго ученика за единъ годъ совершенно научить языка онаго, когда у насъ за пять за шесть лѣтъ мало кто постизает. Что можно знать по тому, что студентъ из філософіи, или Богословіи изшедшій не можетъ перевести и средняго стіля Латінскаго. Избравъ убо, яко же речеса, лучшихъ въ Грамматіки, Реторики и в прочіихъ ученіяхъ авторовъ, подать въ Академію и приказать, чтобъ оныхъ руководствомъ, а не иныхъ учено въ школахъ.

7. Въ Богословіи собственно приказать, чтобъ учено главныя догматы вѣры нашея, и законъ Божій: чель бы учитель Богословскій Священное писаніе, и учился бы правилъ, какъ прямую истую знать силу, и толкъ писаній: и вся бы догматы укрѣплялъ свидѣтельствомъ писаній. А въ помочъ того дѣла, чель бы прилѣжно Святыхъ Отцовъ книги (ст. 47). «А хотя и можетъ Богословскій учитель и отъ новѣйшихъ иновѣрныхъ учителей помощи искать. Но долженъ не учиться от них и полагатися на ихъ сказки, но толко руководство ихъ принимать, какихъ они от писанія и от древнихъ учителей доводовъ употребляютъ (ст. 48 об.). «Долженъ убо учитель Богословскій, не по чужимъ сказкамъ, но по своему видѣнію учить, и иногда избравъ собственное время показать въ книгахъ и ученикамъ своимъ, чтобъ и они извѣстны сами были, а не сумнились бы, правду ли говорить, или лжетъ учитель ихъ (ст. 48).

8. По случаю здѣ, с причины мимошедшаго совѣта, воспоминается, что при школахъ надлежитъ быть Бібліотекѣ довольно. Ибо безъ Бібліотеки, какъ безъ души Академія. А довольно Бібліотеку можно купить за двѣ тысячи рублей. Бібліотека учителемъ по вся дни и часы ко употребленію невозбранна, только бы книгъ по келліамъ не разбирали, но чли бы оныя въ самомъ Бібліотечной келіорѣ. А ученикамъ и прочимъ охотникамъ отворялъ Бібліотеку въ уроченные дни и часы.

И ходилъ бы в Бібліотеку, которые языкъ умѣютъ, въ особенныя часы и дни по долженству, а въ иные за охоту и въ урочное время. Спрашивалъ бы всякаго свой учитель, котораго онъ автора чтеть, и что прочель? и что списаль? А есть ли чего не уразумѣлъ, тобъ ему объяснилъ учитель. Сіе вельми полезно, и скоро челоуѣка аки претворяетъ въ иного, хотя бы прежде грубыхъ былъ обычаевъ¹⁾.

9. Рекомендуются при преподаваніи школьномъ одновременно, уча грамматикѣ, учить географіи и исторіи. «Обаче понеже Исторію честь безъ вѣдѣнія Географскаго, есть какъ бы (съ) завязанными глазами по улицамъ ходить». Обучая географіи, учитель долженъ показывать на картѣ «ціркулы, планісферію и универсальную сітуацію». А еще лучше бы дѣлать сіе на глобусѣ, и такъ обучать студентовъ, чтобъ могли перстомъ показать, когда кто стросить ихъ: гдѣ Асія? гдѣ Африка? гдѣ Европа? и къ которымъ сторонамъ подъ нами лежитъ Америка? Такожъ и особъ о государствахъ; гдѣ Египеть? гдѣ Хіна, гдѣ Португалія и прочая. А другое полгода давать в Ексерцію переводить Исторію универсальную, да краткую: только бы былъ Авторъ чистаго языка Латінскаго, яковый есть Юстинъ Историкъ и мощно усмотрѣть. И се вельми полезно: ибо ученицы великое ко ученію возимѣютъ доброходство, когда не веселое языка ученіе толь весельемъ міра и мимошедшихъ въ мірѣ дѣль познаніемъ растворено имъ будетъ: и скоро отъ нихъ грубость отпадетъ и еще при берегѣ почитай училищномъ не мало другихъ товаровъ обрящутъ.

10. Чинъ ученія таковый добрый кажется: **а.** Грамматика купно с Географіею и Исторіею. **б.** Аріеметика и Геометрія.

¹⁾ Какъ видимъ изъ этого параграфа, Духовный Регламентъ придаетъ большое воспитательное значеніе чтенію книгъ.

Г. Логика или Діалектика, и едино то двоименное ученіе.
 Д. Реторика купно или раздѣльно съ Стихотворнымъ ученіемъ.
 е. Фісика, присовокупя краткую Метафісіку. З. Політика краткая Пуфендорфова. Ж. Богословія...

11. Ректора и Префекта усмотрѣть прилѣжныхъ человекъ, и которыхъ ученія и труды уже извѣстны... Они должны смотрѣть, ходятъ ли всегда в школу учителя, и такъ ли учатъ какъ подобаеть (ст. 52).

12. Мощно і фіскаловъ опредѣлить, которые бы посматривали, все ли во Академіи порядочно.

17. Новопришедшаго ученика отвѣдать память и остроуміе, и если покажется весьма тупъ не принимать во Академію. Ибо лѣта потеряеть, а ничего не научится.

18. Здѣсь рекомендується грубыхъ и свирѣпыхъ учениковъ исключать изъ Академіи «чтобъ бѣшену мечу не давать».

21. Но что паче всего и почитай едино есть потребно и полезно: быть при Академіи, или въ началѣ и безъ Академіи Семінаріумъ, для ученія и воспитанія дѣтей, какіе вымышлено не мало во иноземныхъ странахъ. А того нѣкій здѣ образъ представляется.

А. Построить домъ образомъ монастыря, котораго пространство и житье, и всякіе къ препитанію и одѣянію и прочимъ нуждамъ, припасы были бѣ противъ числа дѣтей.

Б. В дому томъ имѣють жить дѣти и уже и болшаго возраста юноши, по осми или по десяти человекъ въ единой избѣ. Обаче съ такимъ расположеніемъ: болшіе во единой, средніе въ другой, малые въ третіей избѣ.

В. Во всякой избѣ (сколко оныхъ будетъ) имать быть Префектъ, или надсмотрщикъ, человекъ хотя неученый, обаче честнаго житія: толкобъ не велми свирѣпый и не меланхоликъ, лѣтами отъ 30 до 50 году. А дѣло оногo сие: насматривать, чтобъ междо семінарісты (такъ воспитаемыя вдуму томъ нарицаются) не было ссоръ, драки, сквернословія, и всякаго иного безчинія, и чтобъ во уреченные часы всякъ дѣлалъ что должно (ст. 56 об.).

Г. Втомъ же дому, подобаеть быть хотябъ тремъ ученымъ человекомъ монахом или мірскимъ. Изъ которыхъ одинъ будетъ Ректоръ дому всего Управитель, а два Экзамінаторы сіестъ розыщики ученія, какъ кто учится, лѣниво или прилѣжно.

Ѣ. Во всякой избѣ Префектъ имѣетъ власть наказывать себѣ подчиненныхъ за преступленіе: но малыхъ розгою, а среднихъ и большихъ словомъ угрозытельнымъ. А потомъ на не исправляющихся доносить Ректору.

й. Ректоръ верховная власть всѣхъ, всякимъ по разсужденію наказаніемъ наказывать можетъ.

Ѥ. Опредѣлить времено ко всякому дѣлу и покою семінарістомъ когда спать ложиться, когда вставать, молиться, учиться, итить за трапезу, гулять и прочая. И все бы оныя часы колоколцемъ означить, и все бы Семінарісты, какъ солдаты на барабанной бой, такъ на колоколицевъ голосъ, принимались за дѣло, какое на часъ уреченной назначено.

Для «врачеванья скуки» рекомендуется.

е. На всякъ день два часа опредѣлить на гулянье Семінарістомъ. А гулянье было бы съ играми честными и тѣлодвижными лѣтомъ въ саду, а зимою въ своей же избѣ. Ибо сіе и здравію полезно есть и скуку отгоняетъ.

з. Въ трапезѣ чтеніе будетъ, ово Исторій воинскихъ, ово церковныхъ. А въ началѣ [всякаго мѣсяца, чрезъ два, или три дни, чтомы да будутъ повѣсти о мужахъ во ученіи просіавшихъ, о Церковныхъ великихъ учителей, такожъ и о древнихъ и нынѣшнихъ Філософахъ, Астрономахъ, Риторахъ, Историкахъ, и прочая. Ибо таковыхъ повѣстей слышаніе и сладко есть и к подраженію мудрыхъ оныхъ людей поощряетъ.

и. Можно же еще дважды въ годъ, или болше дѣлать нѣкія акціи, диспуты, комедіи, Риторскія Эксерцепіи. И то бо зѣло полезно к наставленію и къ резолюцію, сіестъ честной смѣлости, каковыя требуетъ проповѣдь слова Божія, и дѣло посолское, но и веселую перемѣшку дѣлаютъ таковыя акціи.

к. Добрѣ въ великіе праздники быть при столѣ оныхъ Семінарістовъ гласомъ Музікійскихъ Инструментовъ».

Такимъ образомъ, Духовный Регламентъ давалъ довольно полный «обиходъ семинарской жизни» и общалъ и впредь и «болше придумать или от иноземныхъ лучшихъ Семінаріовъ Информациіи проискать, а от такового воспитанія и ученія воистинну надѣяться великой пользы отечеству» (ст. 62).

Устройство духовныхъ школъ. Хотя правительство требовало обученія дѣтей духовенства въ самага начала XVIII ст., однако,

школъ не основывало. Лишь въ немногихъ епархіяхъ, по частному почину мѣстныхъ архіереевъ, устраивались такія школы на собственные средства ихъ и по произвольнымъ образцамъ, при чемъ впрочемъ главными образцами служили академіи Кіевская и Московская. Такія школы заведены были до 1721 г. въ Черниговѣ, Тобольскѣ, Ярославлѣ и В. Новгородѣ. Въ Черниговѣ первымъ устроителемъ школы былъ извѣстный іерархъ Іоаннъ Максимовичъ (1700). Въ Ростовѣ, какъ мы видѣли, школа была заведена по личной инициативѣ Св. Димитрія Ростовскаго (1702 г.). Въ В. Новгородѣ школа открыта была по мысли митр. Іова, въ 1706 г., куда онъ пригласилъ сословныхъ братьевъ Лихудовъ. Оба брата вмѣстѣ до 1708 г. успѣли поставить школу въ разрядъ среднихъ училищъ, преподавая въ ней латинскій и греческій языки, риторику и логику. Успѣхъ школы не уменьшился и по отъѣздѣ Софронія Лихуда въ Москву. Эта школа сдѣлалась уже около 1714 г. центромъ цѣлой системы меньшихъ школъ, разбѣянныхъ по новгородской епархіи; такихъ школъ упоминается 14. Онѣ были устроены для сообщенія элементарнаго и приготовительнаго образованія, именно, въ нихъ учили читать и писать по-славянски и по-гречески, славянской грамматикѣ, а въ нѣкоторыхъ пятикѣ и риторикѣ. Учащихся въ этихъ школахъ насчитывалось до тысячи человекъ. Это первое появленіе правильной системы низшихъ и среднихъ школъ въ Велико-россіи. Въ Новгородской школѣ вмѣстѣ съ дѣтьми духовенства учились и дворянскія дѣти. Съ изданіемъ Духовнаго Регламента Новгородская школа получила другое высшее значеніе: она сдѣлалась учительскимъ институтомъ для всѣхъ архіерейскихъ школъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне правительственнымъ учрежденіемъ: учителя назначались въ нее по опредѣленію Свят. Синода.

Послѣ 1728 г. Новгородская школа приходитъ въ упадокъ. Какъ только въ епархіяхъ приступили къ практическому осуществленію плановъ Духовнаго Регламента, такъ прежде всего возникъ вопросъ о томъ, откуда взять необходимое число способныхъ учителей. Московскую академію еще кое-какъ удалось наполнить учителями изъ Кіева, но Кіевъ не въ состояніи былъ удовлетворить огромному требованію, да кіевляне и вообще ѣхали неохотно въ Велико-россію, неохотно ихъ отпускало и начальство: академическое и епархіальное. Вслѣдствіе этого Св. Синодъ

долженъ былъ значительно уменьшить требованія, предъявленныя Дух. Регламентомъ. Въ указѣ 1722 г. (31 мая) о заведеніи школъ сказано: «А понеже совершеннѣйшихъ учений, богословскаго и философскаго, такоже и нужднѣйшихъ языковъ искусства, еще за скудостью довольныхъ къ сему учителей, предавать невозможно, того ради учить нынѣ въ архіерейскихъ школахъ церковническихъ дѣтей въ надежду священства опредѣленныхъ, по недавно изданнымъ перваго отроковъ ученія книжицамъ, букварями именуемымъ (сочиненія Теофана Прокоповича). И къ тому ученію къ оныя школы, коемуждо архіерею въ своемъ домѣ, опредѣлить умныхъ и честныхъ учителей, которые въ книжномъ чтеніи были бы остры и разумны, и правоглаголаніе добрѣ произносить, и удареніе просодіи, и препинаніе строчное безпогрѣшно соблюдать знали и другихъ научить были довольны, и могли бѣ оныхъ учить не только чисто, ясно и точно по книгамъ читать, но и разумѣть, а наипаче такъ тщались бы имѣ оныя буквари въ твердую память вложить, дабы изустно читать могли. И какъ уже тѣхъ букварей они изучатся и писать понавыкнуть тогда начинать имѣ во обученіе славянскую грамматику, какъ уже въ новгородской епархіи такое букварное въ школахъ тверженіе и грамматическое ученіе, не точію при архіерейскомъ домѣ въ В. Новгородѣ, но и въ прочихъ городѣхъ и уѣздѣхъ дѣйствительно является. А къ тому грамматическому ученію коемуждо архіерею ученыхъ людей получать, откуда кто возможетъ, и о томъ грамматическомъ ученіи все прилежное имѣть тщеніе, дабы тое во общую пользу вездѣ размножилось». Элементарный уровень архіерейскихъ школъ правительство признало временнымъ, онѣ призваны были къ постепенному переходу въ среднія училища.

Такъ какъ матеріальныя средства, говоритъ проф. Знаменскій¹⁾, отпускаемыя на содержаніе духовныхъ школъ, были слишкомъ скудны, то сама жизнь требовала отдѣленія элементарнаго образованія отъ профессиональнаго и поддержки старыхъ приходскихъ школъ, на которыя администрація теперь вовсе не желала обращать вниманія. Приходскія школы и мастера оставались на своихъ мѣстахъ по очевидной въ нихъ нуждѣ

¹⁾ Духовн. школы въ Россіи, стран. 111—112.

и продолжали свое скромное дѣло распространенія грамотности, какъ дѣло частное и свободное, безъ всякой матеріальной поддержки со стороны властей, какая требовалась для школъ новыхъ, и даже безъ всякаго руководительнаго надзора. Пока архіерейскія школы только лишь устраивались и число выпускаемыхъ ими привилегированныхъ кандидатовъ на церковныя мѣста было невелико, эти частныя школы и мастера оставались даже самыми главными источниками для образованія духовенства и давали наибольшій контингентъ кандидатовъ на духовныя должности».

Судя по одной жалобѣ¹⁾ учениковъ Каргопольской школы на учителя Степана Максимова, положеніе учениковъ въ этихъ школахъ было очень похоже на то, какое бывало въ домовыхъ школахъ у старинныхъ учителей мастеровъ. Ученикъ поступалъ къ учителю не только въ науку, но и въ услуженіе, долженъ былъ помогать ему по дѣламъ домашняго хозяйства, исправлять домашнія работы, быть на посылкахъ и т. п.

Въ 1727 г. верховный тайный Совѣтъ потребовалъ отъ Синода свѣдѣній. «При всѣхъ ли епархіяхъ школы и ученики по силѣ Духовнаго Регламента содержатся? Сколько въ которой епархіи тѣхъ учениковъ сначала было и нынѣ обрѣтается, и до какихъ наукъ произошли, и въ какое достоинство куда произведены? Въ отвѣтъ на этотъ запросъ Св. Синодъ, на основаніи донесеній изъ епархій, составилъ подробную вѣдомость о всѣхъ школахъ своего вѣдомства, представляющую любопытныя данныя касательно состоянія, въ какомъ онѣ остались послѣ смерти Петра I. Изъ этой вѣдомости оказывается²⁾, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ школъ вовсе не было открыто, какъ-то: въ крутицкой «за неимуществомъ монастырей», въ переяславской «за скудостію епархій», въ астраханской затѣмъ, что «онѣхъ школъ и учениковъ содержать нечѣмъ». Въ Кіевской Академіи показано 654 человѣка учащихся, въ Черниговской школъ 257, въ бѣлгородской епархіи указано 8 школъ съ 420 учен., въ новгородской [за время съ 1706 г. по 1726 г. въ 14 школахъ было 1007 человѣкъ. Въ Казани въ 1723 г. было собрано въ школу для обученія букварю и грамматикѣ 52 человѣка, но нѣкоторые

¹⁾ Хранящ. въ Архивѣ Св. Синода.

²⁾ Дѣла синод. арх. 1727 г. іюня 19 № 12/166, прив. у Пекарскаго. Н. и л. при Петрѣ В., т. I стран. 109—121.

изъ нихъ разбѣжались, другіе отданы родителямъ за неимѣніемъ чѣмъ содержать и пр.¹⁾).

У Петра I была мысль возвратитъ монастырямъ ихъ древнее просвѣтительное значеніе, которое имѣло такую силу въ древней Руси и совершенно упало во времена реформы. Въ 1724 году вышелъ обширный указъ о монашествѣ, содержащій въ себѣ проектъ реформы всего монашества въ Россіи. Всѣ монахи раздѣлялись здѣсь на два класса: на простыхъ, неученыхъ монаховъ, которые поступаютъ въ монастырь для спасенія своей души, и ученыхъ, которые предназначаются и приготавливаются къ занятію высшихъ іерархическихъ должностей. Послѣдніе-то и назначались къ тому, чтобы содѣйствовать осуществленію просвѣтительнаго значенія монастырей. При нѣкоторыхъ монастыряхъ, болѣе удобныхъ къ развитію просвѣщенія, предполагалось устроить ученыя братства и школы, въ средѣ которыхъ и сосредоточить образованіе будущихъ высшихъ церковныхъ дѣятелей. Эти прекрасныя намѣренія не были осуществлены: подобныхъ ученыхъ братствъ ни при Петрѣ, ни послѣ него не видимъ ни при одномъ монастырѣ.

Вскорѣ по приѣздѣ въ Россію Анны Іоанновны, въ манифестѣ 1730 г. 17 марта, велѣно было по Регламенту учредить духовныя школы по всѣмъ епархіямъ. Новыя школы начали заводиться уже прямо въ формѣ семинарій. Поэтому царствованіе Анны не безъ основанія можно считать довольно важной эпохой въ исторіи духовнаго образованія, съ которой начинается собственно исторія нашихъ духовныхъ семинарій. Извѣстно, что въ царствованіе Анны большинство великорусскихъ архіереевъ были въ опалѣ; по епархіямъ на архіерейскихъ постахъ вездѣ появились малороссы и повсюду принялись за свою обычную просвѣтительную дѣятельность. На великорусской почвѣ только никакъ не привилась одна существенная особенность юго-западной Руси — это общесословность школьнаго обученія.

Въ сентябрѣ 1737 г. вышелъ указъ, которымъ прямо предписывалось заведеніе духовныхъ школъ въ объемѣ семинарій: дѣтей духовныхъ велено «обучать на россійскомъ языкѣ грамотѣ, а потомъ грамматикѣ и реторикѣ и др. высшихъ наукъ, и того

¹⁾ Подробности см. у Пекарскаго, т. I, стран. 109—121. Въ 1727 г. епархіальныхъ школъ было въ Россіи 46, а въ нихъ насчитывали 3056 учениковъ.

ради во всѣхъ епархіяхъ и въ другихъ пристойныхъ городѣхъ школы учредить и искусныхъ учителей, и на содержаніе тѣхъ школъ и на пропитаніе школьникова изъ архіерейскихъ и монастырскихъ и церковныхъ доходовъ... сумму опредѣлить, и сіе полезнѣйшее дѣло толь наискорѣе въ дѣйство произвести, чтобы отъ сего времени неученые люди въ церковные чины опредѣляемы не были».

И въ послѣдующихъ указахъ постоянно говорилось о важности духовнаго образованія и повторялись строгія внушенія касательно его распространенія духовнымъ начальствомъ.

«Понеже мы, писалось, напр., въ указѣ 1738 г. объ учрежденіи троицкой семинаріи, всегда особливое тщаніе и стараніе имѣемъ въ томъ наипаче всего, чтобы св. церкви снабдены были учительными священниками для лучшаго подтвержденія христіанскаго закона и благочестія поученіями, проповѣдію слова Божія, изъ священнаго писанія, ибо простой и подлый народъ, не имѣя въ сердцахъ страха Божія и надлежащаго наставленія къ добрымъ дѣламъ, и тако отъ невѣжества и грубіанства преклоняется на всякое зло».

Школа духовная, получившая спеціальное назначеніе воспитывать дѣтей духовныхъ, была отдана въ полное распоряженіе архіереевъ. Семинарія такъ обыкновенно и называлась архіерейскою, собственною его преосвященства семинаріею. Архіерей ее устраивалъ; онъ же изыскивалъ для нея всѣ матеріальныя и учебныя средства, опредѣлялъ ея курсъ, составъ начальствующихъ и учителей, распоряжался всѣми мелочами ея жизни. До 1740 г. семинаріи большею частью вовсе не имѣли особаго, внутренняго управленія. Ближайшее управленіе за ихъ учебными и экономическими дѣлами поручалось самимъ учителямъ, а надъ ними непосредственно начальствовала уже консисторія. Особые ректоры были въ однихъ академіяхъ.

Съ 1740 г. по всѣмъ епархіямъ начинались организоваться внутреннія школьныя управленія въ формѣ семинарскихъ конторъ, во главѣ которыхъ стоялъ интендантъ, лицо большею частью свѣтское, завѣдывавшее собственно дѣлами семинарской экономіи. Во многихъ семинаріяхъ вмѣстѣ съ интендантомъ назначался въ контору префектъ изъ духовныхъ лицъ, которому и поручалась вся учебно-воспитательная часть. Префекты задолго пред-

варили появленіе ректоровъ. Всего легче, разумѣется, было бы избѣгнуть затрудненій по управленію семинарскими дѣлами посредствомъ назначенія въ семинаріи ректоровъ на манеръ академическихъ; но эта важная должность требовала такихъ лицъ для своего замѣщенія, какихъ въ то время не было. Впослѣдствіе только были назначаемы ректоры.

Въ началѣ существованія духовныхъ школъ ученики почти всегда содержались на счетъ самихъ школъ; самъ Духовный Регламентъ предписывалъ архіереямъ учить и кормить учениковъ въ школѣ «туне». Но по мѣрѣ того, какъ образованіе распространялось среди духовенства и семинаріи стали наполняться учащимися, такое содержаніе «туне» стало дѣлаться стѣснительнымъ и даже невозможнымъ. Тогда же начало увеличиваться число своекоштныхъ, такъ что и всѣ семинаристы стали раздѣляться на казеннокоштныхъ или бурсаковъ и своекоштныхъ. Въ большинствѣ семинарій содержаніе было скудно. Для облегченія содержанія своекоштныхъ учащихся прибѣгали къ различнымъ мѣрамъ, зачисляли за ними разныя мѣста (священнослужительскія или причетническія) за долго до окончанія курса, разрѣшали кондичіи т. е. обученіе дѣтей разныхъ лицъ (священнослужителей, дворянъ, и другихъ, болѣе достаточныхъ, обывателей). Хитрая на выдумки нужда заставляла бѣдныхъ учениковъ и самихъ изобрѣтать разныя средства къ списканію себѣ пропитанія. Многіе добывали себѣ кусокъ хлѣба перепиской книгъ и рукописей. У начальниковъ и учителей духовныхъ школъ прислуга состояла всегда изъ бѣдныхъ учениковъ. Знаменитый Ломоносовъ, учась въ московской академіи, былъ келейникомъ у одного изъ законоспасскихъ монаховъ. Наконецъ, весьма распространеннымъ способомъ пропитанія у школяровъ были разнаго рода поборы по добрымъ людямъ. Сюда относятся старинныя суплики или славленье учениковъ со звѣздой и вертепомъ на Рождество и Пасху, перешедшія изъ Польши сначала въ Кіевскую школу, потомъ уже отсюда распространившіяся по всей Россіи.

Въ южно-русскихъ школахъ эти сборы порой доходили до настоящаго нищенства, въ великорусскихъ они были менѣ развиты, но архіереи все-таки жаловались, что ученики и здѣсь тоже «ходили на подобіе сущихъ нищихъ, выпрашивая себѣ дневной пищи»¹⁾.

¹⁾ Истор. владим. семинаріи стран. 29.

Школьная дисциплина. Командирство. Школьное обученіе долго приходилось навязывать силою. Рѣдкіе отцы и матери охотно провожали дѣтей въ семинарію, — рассказываетъ авторъ исторіи нижегородской семинаріи — большею же частью разставались съ прискорбіемъ и тяжелою грустью, съ горькими слезами и воплями. На школьное ученіе смотрѣли, какъ на военную службу или мѣсто истязанія. Поэтому приходилось дѣлать настоящіе наборы въ школу. Разсылные ѣздили по епархіямъ и собирали дѣтей, а за тѣмъ сдавали ихъ подъ росписку въ архіерейскомъ приказѣ. Набранные силою ученики нерѣдко разбѣгались вскорѣ изъ школъ. Несмотря на всѣ страхи, бѣгство отъ ученія доходило въ семинаріяхъ до какихъ-то повальныхъ размѣровъ, о которыхъ теперь даже трудно составить себѣ понятіе, такъ что удерживать учениковъ въ школѣ было едва ли еще не труднѣе, чѣмъ набирать ихъ вновь.

При тогдашнихъ понятіяхъ о школѣ какъ о службѣ, педагогическія начала естественно замѣнялись юридическими, а воспитаніе обращалось въ одну дисциплину, которая вмѣсто нравственнаго развитія имѣла своей задачей лишь водвореніе внѣшняго порядка, благоустройства и субординаціи. Правила морали, въ тѣсномъ смыслѣ педагогическія возрѣнія, когда ихъ приходилось высказывать, принимали особенный характеръ. Такъ инструкція Питирима нижегородскаго требовала «безчиннаго и зазорнаго житія, пьянства, лакомства и всякой игры, брани, драки, татбы, обманства и прочихъ тому подобныхъ, Закону Божию и члену церковническому подозрительныхъ, причинъ отнюдь бы никто ни чинилъ».

Въ указѣ 1740 года объ учрежденіи новгородской семинаріи велѣно огородить семинарскія палаты «особымъ дворомъ, чтобы ходъ былъ одинъ, дабы представленнымъ удобнѣе было за ними (учениками) смотрѣть, чтобы они не имѣли случая по своимъ волямъ по улицамъ таскаться и излишнимъ гуляньемъ и непристойными обхожденіями и забавами, напрасно время не тратили, но во всемъ, какъ въ ученіи, такъ и въ прочемъ ихъ состояніи и поведеніи, надъ ними непрестанное имѣть смотрѣніе».

Практика семинарской педагогичи доводила это преобладаніе юридическихъ и дисциплинарныхъ возрѣній на воспитаніе еще до большихъ крайностей, сводя всю нравственность воспитан-

никовъ на одно аккуратное исполненіе оффицій своего званія и дѣлая изъ школы какую-то неестественную копию корпораціи не учебно-воспитательной, а канцелярски-служебной.

Во время Анны и Елизаветы особенно господствовала бездушная и сухая канцелярщина. Въ кругу своихъ подчиненныхъ каждый старался пародировать эти почему-то соблазнительные тогда порядки канцелярій, ихъ указы, промеморіи, донесенія, входящія и исходящія бумаги, справки и самую манеру резолюцій и наказаній провинившихся. Собственно нравственныхъ отношеній между начальствомъ и подчиненными не было, даже въ сферѣ педагогической. Учителя слишкомъ униженно держали себя передъ начальствомъ. Ученики смотрѣли на учителей, не какъ на добрыхъ наставниковъ и совѣтниковъ, но какъ на слишкомъ строгую полицейскую власть, они умѣли только бояться, а не любить и уважать¹⁾.

Къ числу безнравственныхъ правилъ школы относится и то, кто за кѣмъ свѣдавъ вину утаитъ, подвергается равномерному наказанію, какъ и виновный, «ежели и вы, учителя, сами виноватому въ чемъ учините послабленіе, воспримете равномерное наказаніе, какъ и объ ученикахъ показано».

Приемы наказанія были очень разнообразны и зависѣли отъ изобрѣтательности школьныхъ учителей; тутъ были и колѣно-преклоненія на горохѣ и безъ гороха, болѣе или менѣе продолжительные удары палками по рукамъ, сажанье на цѣпь и нещадное сѣченіе въ одну и въ двѣ лозы, даже на воздухѣ, иногда біеніе батогами, даже кошками и тому подобныя «мучительства семинарскія», отъ которыхъ, какъ жаловались ученики, «жить въ семинаріи становилось всячески невозможно» и отъ которыхъ они иногда готовы были спасаться даже въ солдаты. Среди этой грубой системы семинарскихъ экзекуцій и выработался этотъ, долго господствовавшій въ нашихъ бурсахъ, типъ старыхъ бурсаковъ-кременей, притупившихся къ плетямъ и способныхъ выдерживать какое угодно наказаніе. Выйдя потомъ изъ школы на службу, эти закаленные люди, презиравшіе и свои, и чужія страданія, сами дѣлались тиранами своихъ подчиненныхъ, жены и дѣтей.

¹⁾ Проф. Знаменскій. Дух. школы въ Россіи, стран. 394—396.

Такимъ образомъ, во всемъ строѣ тогдашней школьной корпораціи видимъ не дѣтей и отцовъ, какъ бы слѣдовало ожидать, а исключительно подчиненныхъ и начальниковъ, или, какъ ихъ тогда выразительно называли, командировъ. Командирство это охватывало собою всѣ школьныя отношенія сверху до низу. Ректоръ былъ командиръ префекта и учителей, префектъ и учителя командиры учениковъ и служителей. Между самими учениками одни были командирами другихъ и обязывались чисто начальственнымъ надзоромъ за послѣдними и служебными доносами о ихъ проступкахъ подъ угрозой законнаго наказанія за недонесеніе. Выше всѣхъ стояли лучшіе ученики высшихъ классовъ, сами занимавшіе должности учителей для учениковъ низшихъ классовъ. За ними слѣдовали классные или комнатные сеніоры или старшіе, наблюдавшіе за всей дисциплиной въ классѣ или въ комнатахъ и аудиторы или нотаторы, изъ которыхъ каждый приставлялся къ 5 — человекамъ изъ своихъ товарищей для ежедневнаго прослушиванія ихъ въ знаніи заданныхъ имъ уроковъ и подлежащей о томъ отмѣткѣ въ особой нотатѣ или эрратѣ.

Всѣ эти крупные и мелкіе командиры держались въ отношеніяхъ къ своимъ подкоманднымъ одной и той же системы грубой строгости, величанія своимъ начальствомъ и внушенія передъ собою страха посредствомъ разнаго рода истязаній. Грубья права командира были необходимою, общепризнанною принадлежностью его командирства. На него и жаловаться было далеко небезопасно, потому что жалоба могла быть истолкована какъ явный признакъ неповиновенія начальству. Основныя черты семинарской дисциплины вполнѣ прилагались начальствомъ даже не къ однимъ ученикамъ, но и къ самимъ учителямъ. Ректоръ, а тѣмъ болѣе архіерей, обращались съ ними совершенно такъ же, какъ они сами обращались съ учениками. Такимъ образомъ, грозный для своихъ учениковъ, какъ полный ихъ командиръ, учитель долженъ былъ постоянно трепетать предъ своими собственными командирами, въ отношеніи которыхъ былъ крайне маленькимъ и безправнымъ человекомъ. Конечно, жалко было положеніе учителя, когда онъ ничѣмъ почти не отличался отъ служекъ архіерейскаго дома, часто вмѣстѣ съ ними имѣлъ и помѣщеніе, и столъ, получалъ 20 — 30 руб. годового оклада и состоялъ въ полнѣйшей зависимости отъ воли своихъ команди-

ровъ и епархіальныхъ, и школьныхъ, которые по своему личному усмотрѣнію, могли и лишить его мѣста, и наказать какимъ-нибудь школьническимъ наказаніемъ¹⁾.

Предметы обученія. Переходя къ предметамъ обученія, мы должны отмѣтить, что семинарскіе курсы повсюду дѣлались копіей курса Кіевской Академіи, который сформировался подъ вліяніемъ своеобразныхъ историческихъ условій юго-западной Россіи.

Тотчасъ послѣ славяно-россійскаго курса ученики должны были приниматься за ученіе латыни, считавшейся фундаментомъ всѣхъ знаній. Въ фарѣ или аналогіи учили читать и писать полатыни по элементарю. Въ слѣдующемъ классѣ инфимѣ начиналось грамматическое ученіе, продолжавшееся затѣмъ въ школахъ грамматики и синтаксисы. Здѣсь ученики погружались въ изученіе Альвара и вооружались Кнапіушемъ (латинскій лексиконъ Кнапія). Большая часть времени посвящалась переводамъ съ латинскаго языка на русскій и съ русскаго на латинскій языкъ. Переводы эти писались или въ классѣ (экзерциціи) или давались на домъ (окупаціи). Синтаксисомъ заканчивался рядъ низшихъ школъ. Обучившись латыни, ученики переходили въ высшія школы (классы) и приступали къ изученію піитики. Семинарскіе учебники піитики представляли болѣе или менѣе близкія копіи піитики Кіевской Академіи. Піитическое обученіе начиналось съ латинской просодіи и версификаціи, о славянскомъ стихосложеніи говорилось очень немного. Учебники піитики отличались рецептурностью и въ мелочномъ, формальномъ изложеніи разныхъ рецептовъ, какъ писать стихи, учебники не пренебрегали ничѣмъ: когда, напр., у піиты не хватало или рѣмы, или набора красивыхъ синонимическихъ словъ для амплификаціи, то совѣтовалось ему обратиться къ лексикону Кнапія. вмѣстѣ съ тѣмъ указывались и крайне причудливые образцы: стихи ретроградные, львиные, змѣиные, перекрестные и пр. Образцы приводились частью изъ стихотворныхъ прегрѣшеній Яворскаго, Прокоповича, Іоанна Максимовича и Димитрія Ростовскаго, большею же частью изъ классическихъ поэтовъ.

Риторикѣ ставили въ то время весьма высоко, но въ сущности риторское обученіе было продолженіемъ той же *ludus lit-*

¹⁾ Подробн. у проф. Знаменскаго. Духовныя школы въ Россіи.

teralis, игры въ словесныя формы, какъ и обученіе пѣтическое. Сохранилось нѣсколько рукописныхъ учебниковъ, составленныхъ академическими и семинарскими учителями и носящихъ весьма пышныя заглавія. Но всѣ эти сокровищницы, чертоги, арены представляютъ собою не болѣе, какъ наборъ однихъ чисто механическихъ рецептовъ, какъ писать періоды, хриі, письма и цѣлыя ораторскія рѣчи на всевозможные случаи жизни и преимущественно для проповѣднической практики.

Какъ и въ пѣтикахъ, въ нихъ цѣлыя отдѣлы посвящались правиламъ амплификаціи, украшенія рѣчи тропами и фигурами и такъ наз. изобрѣтенія мыслей.

Обязательные авторы записокъ представляютъ своимъ ученикамъ для заучиванья цѣлыя словари разныхъ словъ и выраженій, правила какъ восхвалять области, города, зданія и т. п. общіе шаблоны, съ какихъ сторонъ разсматривать тотъ или другой предметъ, собраніе примѣровъ изъ исторіи, разныхъ изреченій великихъ людей и т. д. Такимъ образомъ риторика представляла изъ себя цѣлый арсеналь готовыхъ механическихъ приемовъ для составленія рѣчей на всякіе случаи жизни.

Съ риторики всего болѣе обращалось вниманіе на письменныя упражненія семинаристовъ (экзерциціи), которыя должны были развивать ихъ мыслительныя способности, ловкость и находчивость.

Философія проходила въ два года и раздѣлялась на пять частей: діалектику или логику, физику, психологію, метафизику и иеику. Въ основѣ всей философіи лежали начала Аристотеля, но съ 1750 г. господство Аристотеля начало колебаться на философскихъ кафедрахъ; въ среду академическихъ схоластиковъ начали незамѣтно проникать идеи новой философіи Бэкона, Декарта и особенно Лейбница и Вольфа.

Въ богословскомъ классѣ преподаваніе опиралось на Оому Аквината. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ существовали катихизическія бесѣды, на которыхъ только и можно было услышать живое слово объ истинахъ вѣры на родномъ языкѣ. Въмѣсто славянской Библии въ семинаріяхъ употреблялась болѣе доступная, хотя все же рѣдкая, латинская Вульгата; пользованіе ею было тѣмъ удобнѣе, что и лекціи и оккупаціи по богословію были на латинскомъ языкѣ. Славянская Библия была большой

рѣдкостью, почти недоступной для частныхъ лицъ изъ духовенства, слишкомъ дорогой и для семинарской библіотеки даже послѣ изданія ея въ 1751 г. Неудивительно, что изученіе св. Писанія вовсе не было не только въ семинаріяхъ, но даже и въ академіяхъ. Между духовенствомъ о чтеніи св. Писанія и рѣчи не было (?). Торжествомъ богословско-философской учености въ семинаріяхъ были публичные диспуты, производившіеся на латинскомъ языкѣ въ концѣ каждаго учебнаго года. Такимъ образомъ семинарское обученіе вращалось въ однихъ только формахъ.

Въ ноябрѣ 1741 года взошла на престолъ императрица Елизавета, на которую духовенство возлагало большія надежды, ожидая отъ нея всякихъ благъ для Православной церкви и поддержки духовному просвѣщенію. Новая государыня, дѣйствительно, была любительницей этого просвѣщенія, читала духовныя книги, любила слушать проповѣди. Къ духовнымъ школамъ съ самаго начала царствованія оказывала рѣдкое вниманіе, посѣщала, напр., Невскій монастырь и состоящую при немъ семинарію. Но подобными заявленіями личнаго благорасположенія къ духовнымъ школамъ и ограничивалось участіе въ ихъ судьбѣ новой императрицы, какихъ-либо общихъ мѣръ къ улучшенію ихъ состоянія не было ею предпринимаемо въ теченіе всего ея царствованія.

Источники и пособія:

Духовный регламентъ. Изданіе 3-е, 1723 г. Главнымъ пособіемъ служилъ: П. Знаменскій. Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. Казань. 1881 г. Владимірскій - Будановъ М. Ф. Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в. Часть I. Ярославль. 1874 г. С. Смирновъ. Исторія Московской славяно-латинской Академіи. Москва. 1855 г. И. Чистовичъ. Исторія С.-Пб. Духовной Академіи. С.-Пб. 1857 г.

ГЛАВА X.

Юго-западные школы. Школы Слагодской Украины. Мандрованные дяки.

Кіевская академія. Кіевская академія XVIII вѣка продолжала развивать тѣ начала, которыя прочно положены были въ ней Петромъ Могилой¹⁾.

¹⁾ См. Исторію русской педагогіи, ч. I, главу XVII.

Еще въ 1694 году отъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей послѣдовала царская грамота, гдѣ въ первый разъ назначалось коллегіальному начальству царское жалованье, состоявшее изъ пятидесяти рублей и столькихъ же четвертей въ годъ. Грамота эта замѣчательна еще и въ томъ отношеніи, что она составляла какъ бы училищную инструкцію. Главнѣйшіе пункты ея слѣдующіе: «преподавать науки чрезъ своихъ православныхъ преектовъ и учителей, а не отъиуда приходящихъ, вмѣнивъ имъ въ святую обязанность дѣлать свое дѣло съ великою ревностію и тцаніемъ, такъ какъ и предки ихъ, въ тѣхъ же школахъ, радѣтельно, спокойно и свободно дѣтей учили безо всякихъ препинаній, во всякомъ почитаніи и безопаствѣ. Преподавать же «не токмо піитику и реторику, но и философіи и богословіи ученія», а также славенороссійской, еллино-греческой и латинской языки. Въ преподаваніи наукъ свободныхъ ни въ чемъ не отлучатися исповѣданія святаго восточнаго Церкви, наипаче остерегая того накрѣпко, чтобъ ученіе было благочестивое, христіанское, восточнаго исповѣданія. Къ слушанію уроковъ должны быть допускаемы «дѣти россійскаго народа всякихъ чиновъ и изъ иныхъ странъ приходящія». «А отступниковъ и противниковъ вѣрѣ нашей греко-россійской также и еретиковъ въ школы не допускать, и прелесть противнаго исповѣданія и еретическія обученія весьма отсѣкать и искоренять». «Соблюдать тишину, спокойствіе и надлежащую подчиненность, а неспокойныхъ и вражды творящихъ учениковъ унимать и смирять и ни до какого своевольства не допускать, и таковыхъ въ собраніе ученическое не принимать». Въ грамотѣ Петра I отъ 26 сентября 1701 года Кіевская Коллегія была переименована въ Академію. Регламентъ узаконилъ всѣ тѣ порядки и дисциплинарныя правила, которые были утверждены практикою въ Кіевской Академіи до его изданія.

Воспитателями въ Кіевской Академіи были, кромѣ ректора и префекта, всѣ преподаватели Академіи. Каждому преподавателю вмѣнялось въ непремѣнную обязанность слѣдить за поведеніемъ воспитанниковъ не только въ стѣнахъ Академіи, но и внѣ ея. Главнѣйшимъ воспитателемъ, былъ префектъ, соотвѣтствовавшій по должности нынѣшнему инспектору. Помощникомъ префекта былъ суперъ-интендентъ, избиравшійся ежегодно изъ

учителей низшихъ классовъ. Въ дѣлахъ неважныхъ онъ самъ имѣлъ право чинить судъ и расправу надъ воспитанниками, а о поступкахъ болѣе важныхъ долженъ былъ письменно доносить префекту и всему академическому начальству.

Въ числѣ воспитательныхъ мѣръ практиковался и методъ взаимнаго надзора воспитанниковъ другъ за другомъ, перешедшій и въ школу Прокоповича и въ другія семинаріи. Вслѣдствіе этого обычая, по выбору воспитателей-начальниковъ, назначались старшины изъ самихъ же воспитанниковъ академіи, которые были уполномочены наблюдать за поведеніемъ подвѣдомственныхъ имъ своихъ товарищей. Такими были: сеньоры, цензоры, визитаторы и проч. Отношеніе преподавателей къ учащимся не было слишкомъ строгое. Ректоръ Рафаиль Заборовскій (бывш. рект. отъ 1731 по 1747 г.) въ своей инструкціи говоритъ, чтобы наставники обращались въ воспитанниками ни слишкомъ строго, ни мягко до слабости, но ласково, посредствомъ благоразумныхъ убѣжденій и ни въ какомъ случаѣ учитель не долженъ былъ обращаться съ воспитанниками грубо, даже на словахъ. Равнымъ образомъ преслѣдовалось и всякое фаворитство учителей въ отношеніи къ воспитанникамъ. За всѣми играми и развлеченіями воспитанниковъ обязаны были наблюдать сеньоры и инспекторы. Назначеніе игръ состояло въ томъ, чтобы онѣ «и скуку прогоняли и были полезны для здоровья». Пѣніе было въ самомъ цвѣтущемъ состояніи въ академіи. Каждый воспитанникъ считалъ для себя счастіемъ поступить въ «братскую капеллю». Студенты академіи составляли нерѣдко пѣвческіе хоры по приходскимъ церквамъ, за что получали вознагражденіе. Бѣдные воспитанники, не числившіеся ни въ какомъ хорѣ и не жившіе въ сиротскомъ домѣ, ходили по домамъ зажиточныхъ кіевлянъ и пѣніемъ кантатъ добывали себѣ пропитаніе. Такія занятія учениковъ назывались миркованіемъ. Для миркованія собиравлись цѣлыя артели воспитанниковъ академіи. Самое миркованье состояло не только въ хожденіи по домамъ и пѣніи кантатъ, но и въ томъ, что воспитанники говорили поздравительныя рѣчи, разыгрывали діалоги, комедіи, а порой занимались въ извѣстныхъ церквахъ отпѣтъ литургію.

Весьма важная особенность Кіевской Академіи заключалась въ томъ, что въ продолженіе всего ея существованія (до ре-

формы) въ ней постоянно воспитывались дѣти всѣхъ сословій государственныхъ, отъ дворянскаго до земледѣльческаго, а прежде открытія въ нашемъ отечествѣ народныхъ училищъ и университетовъ воспитывались и дѣти всѣхъ почти малороссійскихъ и нѣкоторыхъ великороссійскихъ знатнѣйшихъ фамилій¹⁾. Число свѣтскихъ учениковъ даже порой превышало число духовныхъ. Въ черниговской семинаріи и харьковскомъ коллегіумѣ тоже обучались и дворянскія, и казацкія, и мѣщанскія дѣти, выходя потомъ на разные роды службы и занятій. «Должно малороссіянамъ ту справедливость отдать, — говоритъ Шафонскій²⁾, — что они охотно въ науки вступаютъ, такъ что не только достаточныя, но и самыя бѣдныя мѣщанскія и казацкія дѣти, съ доброй воли въ вышеписанныя училища идутъ и мірскимъ подаваніемъ ежедневной пищи, списываніемъ для собственнаго и другихъ обученія печатныхъ книгъ живутъ и, терпя холодъ и голодъ и всю скудость и нужду, охотно и прилежно учатся и многіе изъ нихъ какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ званіи, достойные выходили люди. Лѣтъ за сорокъ назадъ (писано въ 1786 г.), когда малороссіяне, кромѣ самой малой Россіи, нигдѣ не искали службы, дворянскія и самыхъ почтеннѣйшихъ дѣти, обучаясь дома русской грамоты, вступали въ латинскія школы и, обучаясь тамъ лѣтъ десять и больше латинскаго языка, затруднительнаго и темнаго стихотворства, краснорѣчія и философіи, будучи уже въ возмужалыхъ лѣтахъ, вступали въ гражданскую службу канцеляристами, не поставляя то себѣ ни мало за стыдъ и подлость. Нынѣ достаточные дворяне содержатъ учителями иноземцевъ, такъ что уже въ малороссійскихъ латинскихъ школахъ одни почти поповскія и другія церковническія дѣти учатся».

Черниговскій коллегіумъ. По своей близости къ Кіевской Академіи, этотъ *almae matris* южно-русскаго духовнаго образованія и частому духовному съ ней общенію, Черниговъ издавна отличался развитіемъ духовной учености между всѣми городами Малороссіи и насчитывалъ въ своемъ прошломъ уже довольноное число именъ, прославившихся въ духовной литературѣ, каковы

¹⁾ Аскоченскій. Кіевъ съ его древ. учил. II, 268.

²⁾ Типографическое описаніе черниговскаго намѣстничества. 1786. Изда іе 1851 г. ст. 34—35.

имена Лазаря Барановича, Адама Зерникова, св. Димитрія Ростовскаго, Іоаннікія Галятювскаго, Лаврентія Крещановскаго и др. Неудивительно, что черниговскій коллегіумъ быстро достигъ такого цвѣтущаго по тому времени состоянія, что приводилъ въ восторгъ современниковъ; они величали его черниговскимъ Олимпомъ, лицеемъ или вертоградомъ Паллады, черниговскими Аѳинами. Число учащихся въ немъ доходило до 250 человекъ. Въ 1708 г. черниговскій коллегіумъ выпустилъ даже свой учебникъ реторики *Clavis scientiarum*, что составляло цѣлое событіе, такъ какъ прежде учебники выдавала только Кіевская Академія. Характеръ школьнаго строя въ коллегіумѣ былъ точной копіей съ характера такового строя въ Кіевской Академіи. Латынь стояла въ обученіи на первомъ планѣ съ самыхъ низшихъ классовъ. Въ піитикѣ и реторикѣ господствовалъ все тотъ же *ludus litteralis*, состоявшій въ изученіи разнообразнѣйшихъ и мельчайшихъ формъ рѣчи стихотворной и прозаической, въ приученіи учащихся подводить подъ эти формы всякую мысль или, лучше сказать, мысль замѣнять формою, подбирать наиболѣе красивыя и звонкія слова, дѣлать всевозможныя амплификаціи, замѣняя одно слово цѣлымъ потокомъ синонимовъ и эпитетовъ, составлять изъ нихъ полныя, симметрическіе и главные періоды, и наконецъ въ раскрытіи всѣхъ внѣшнихъ секретовъ силлогистики.

Низшія школы. Кіевская Академія и потомъ Черниговскій коллегіумъ (семинарія) сослужили добрую службу своему краю, образовавъ для него много полезныхъ дѣятелей. Но и академія и коллегіумъ были заведеніями привилегированными, доступными только для избранныхъ, хотя и чуждались сословной исключительности. Для низшаго сословія существовало, однако, много частныхъ (неофициальныхъ) школъ.

До учрежденія намѣстничества черниговскій край входилъ въ составъ Малороссійской губерніи, раздѣлявшейся на девять полковъ. Въ двухъ изъ этихъ полковъ, черниговскомъ и нѣжинскомъ, вошедшихъ впоследствии въ составъ Черниговской губерніи, было въ половинѣ прошлаго столѣтія около 370 школъ. Каковы бы ни были эти школы, вѣрно то, что онѣ пользовались расположеніемъ народа и изъ всѣхъ учебныхъ заведеній, которыя могли бы открыться по приказу, ни одно не приобрѣло

такой популярности, какъ эти простыя, неорганизованныя школы. Значеніе ихъ для своего времени было таково, что дало мѣстнымъ жителямъ надежду на открытіе въ ихъ краѣ высшаго учебнаго заведенія и увѣренности въ успѣхъ его. Въ срединѣ восемнадцатаго столѣтія была въ ходу мысль объ открытіи университета въ Батуринѣ. Университетъ въ Батуринѣ считали необходимымъ и полезнымъ для края, и новому учрежденію пророчили блестящую будущность въ сравненіи даже съ московскимъ университетомъ. Залогъ процвѣтанія новаго университета видѣли въ наклонности малороссіянякъ къ умственнымъ занятіямъ, въ доказательство чего приводили тѣ же народныя школы. Проектъ начинается словами «въ склонности народа малороссійскаго къ ученію и наукамъ ни малаго сумнѣнія нѣтъ, потому что въ Малой Россіи отъ давняго времени заведенныя школы, не имѣя никакого въ себѣ содержанія, а учащіеся и по силѣ обученные никакаго одобренія, не токмо по сіе время не ослабѣвають, но еще по временамъ число учениковъ большее оказывается. Свѣту показывались въ духовномъ чину малороссійскіе ученые люди, и многіе свѣтскіе, которые малороссійскими школами не обучены, но довольно только возбуждены, имя ученыхъ людей заслужили»¹).

Поэтому остановимся теперь на низшихъ малороссійскихъ школахъ.

Всѣ лица причта (кромѣ священника) назывались вообще церковниками. Они раздѣлялись на участвующихъ въ богослуженіи церковномъ и на заботящихся о церковномъ имуществѣ. Въ числѣ первыхъ стоялъ дьякъ (дьячекъ), панъ бакаляръ, панъ дирехторъ²), управлявшій клиросомъ и школою. На основаніи древняго обычая южно-русскихъ причтовъ готовить для своей церкви прислугу, изъ среды которой выходили потомъ дьячки и самые священники, въ Малороссіи XVIII вѣка, когда уже существовали три спеціальныя заведенія для образованія и приготовленія молодыхъ людей къ духовнымъ должностямъ (академія Кіевская, семинарія Черниговская и Переяславская),

¹ Проектъ къ учрежденію университета Батуринскаго Чт. Моск. Общ. Истор. и Древностей 1863, к. V, ст. 67—85.

² Названіе дьякъ означало причетническую должность, названіе бакаляръ — учительскую, названіе дирехторъ — должность начальника школы.

при каждой приходской церкви обучалось по нѣскольку мальчиковъ, исключительно изъ безпріютныхъ сиротъ, и потомъ навсегда давали имъ пріютъ при церкви, поручая имъ различныя должности при ней, питая и одѣвая ихъ изъ щедрыхъ поданій прихожанъ. Эти школяры (ученики) обучались въ домѣ дьячка, называвшемся поэтому школою, подъ руководствомъ самого же дьячка, носившаго поэтому титулъ бакалара и директора. Они заступали иногда мѣсто дьячка или помогали ему въ пѣніи, чтеніи и прислуживали при церковныхъ обрядахъ; кромѣ того участвовали съ нимъ въ колядованіи, чтеніи виршъ и пѣніи духовныхъ гимновъ въ великіе праздники. Старшимъ и болѣе практичнымъ, болѣе честнымъ изъ школяровъ священникъ и громада давали названіе поддьячихъ, т.-е. помощниковъ дьячка, другимъ псаломщиковъ, клиросниковъ и т. п.

Что касается до содержанія собственно учителей, то оно было двоякое: 1) общественное, когда общество обязывалось платить по договору опредѣленное денежное жалованье, напиримѣръ: казакъ Скоробогатый былъ въ с. Домыплинѣ дьячкомъ при церкви и за то прихожане обѣщали ему въ годъ по алтыну съ дому. 2) Учителя могли по частному соглашенію получать вознагражденіе съ каждаго ученика деньгами или натурою. Это тотъ родъ вознагражденія, о которомъ говорилъ еще Геннадій въ своемъ посланіи¹⁾. Переходъ отъ грамматики къ часослову и отъ часослова къ псалтыри былъ настоящимъ праздникомъ для наставниковъ и для ихъ питомцевъ: учитель получалъ горшокъ съ кашей, осыпанный сверху деньгами: ученикамъ дарили родители по пятаку или по гривнѣ мѣди». Обычай этотъ, извѣстный подъ именемъ каши, уцѣлѣлъ кое-гдѣ и теперь, какъ уцѣлѣли и старинные учебники и народныя наставники и наставницы»²⁾.

Мандрванные дяки. Въ Украинѣ выработался весьма характерный типъ «мандрванного дяка», странствующаго учителя. Г. Данилевскій такъ объясняетъ причину его появленія. «Дьячки въ старину нанимались, по добровольнымъ сдѣлкамъ съ прихожанами, въ церквахъ для пѣнія, чтенія и для ученія въ церковныхъ школахъ. Учитель-дьякъ при школѣ, обучая будущаго

¹⁾ См. Исторію русской педагогіи ч. I ст. 69.

²⁾ Сухомлиновъ М. Ж. М. Н. Пр. 1864 январь.

такого же дьяка, обыкновенно говорилъ ему такую поговорку: «Какъ станешь самъ учителемъ, учи такъ, чтобъ не отбилъ школы», т.-е. не открывай своему ученику всего, чтобъ ученикъ у тебя не отбилъ въ приходѣ школы и не сѣлъ бы на твое мѣсто¹⁾. Вотъ этого-то всего, всей сути школьнаго познанія и добивались узнать разными хитростями у своихъ учителей поступающіе въ школы дьячки. Для этого-то, между прочимъ, они переходили изъ школы въ школу, бродили по селамъ, «мандровали» по украински. Бродячій или мандрованный дьякъ являлся въ сельскую школу, притворялся ничего незнающимъ, узнавалъ часть нужныхъ свѣдѣній у одного учителя дьяка, часть у другого, шелъ дальше и вскорѣ становился самъ знающимъ все, перехитривши своихъ учителей». Намъ кажется, однако, что причина «мандрованія» лежитъ гораздо глубже и кроется въ историко-культурныхъ условіяхъ края. Украинское общество находилось въ переходномъ періодѣ отъ военно-казацкаго быта къ новой гражданственности; привычка къ скитанію была сродна какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ людямъ. Сковорода не искалъ себѣ учителей, а между тѣмъ большую часть жизни провелъ въ скитаніяхъ. Не ограничиваясь предѣлами Слободской Украины, Гетманщины и Польши, «мандрованные» дяки странствовали съ книжною сумою, разнося и собирая повсюду медъ книжной мудрости. Иногда на цѣлые годы оставался такой странникъ въ какомъ-нибудь селѣ, въ качествѣ учителя, а потомъ опять шелъ дальше. Онъ, Иоанникій, читаемъ мы у пр. Филарета²⁾, по изученію славянской грамоты ходилъ по разнымъ мѣстамъ лѣтъ съ 27 въ дьяковскомъ званіи; русскаго письма, чтенію и пѣнію обученъ онъ мандрованнымъ дьякомъ Павломъ». «Въ селѣ Капустянцѣ былъ при Воздвиженской церкви, по черкасскому обыкновенію, дьякомъ, а онъ Алексѣй жительство имѣетъ въ селѣ Грункѣ (Полтавской губерніи) при церкви св. Михаила въ школѣ». Эти истинные анахореты просвѣщенія, не имѣвшіе осѣдлости, лишь подъ конецъ жизни возвращались на родину, чтобы сложить на ней свои кости. Въ тѣ времена, когда книги считались рѣдкостью, было весьма важно, что ихъ знанія дѣлались общимъ

¹⁾ Этого больше всего боялись и старинные учителя мастера, которымъ еще Стоглавый соборъ наказывалъ учить «ничтоже скрывающе».

²⁾ Историко-статист. описаніе Харьковской губерніи.

достояніемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ каждый мандрованный дякъ представлялъ изъ себя подвижную или переносную школу. Школы же постоянныя, если гдѣ существовали при церквахъ, то всегда состояли при церквахъ, отсюда поговорка: «школа — церковный уголъ». По свидѣтельству одного старожила, записанному Г. Данилевскимъ, въ приходскихъ школахъ XVIII вѣка обучали грамотѣ (букварю) и письму, затѣмъ чтенію псалтыря и пѣнію восьми гласовъ на нѣкоторые псалмы и ирмосы. Кромѣ того было еще въ обычаѣ пѣніе псалмовъ и ирмосовъ самогласно, т.-е. на свой собственный голосъ и подобное т.-е. двойныя слова, двойной текстъ на одинъ мотивъ или голосъ. Дьячки и славились главнымъ образомъ знаніемъ псалтыря и осьмигласнаго пѣнія.

Мандрованные дьячки, явившись въ село, приставали всегда въ школу, которая въ старину служила вмѣстѣ съ тѣмъ чѣмъ-то въ родѣ страннопріимнаго дома: «школа всякимъ страннымъ домъ есть вольный», говорилось тогда. Въ школѣ и было постоянное помѣщеніе дьячка. Иногда мандрованные дьячки поступали на кондиціи, т.-е. нанимались къ помѣщикамъ для обученія ихъ дѣтей, а иногда въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ не было школы, обучали крестьянскихъ дѣтей по домамъ. Случалось даже порой, что помѣщики записывали этихъ странниковъ въ ревизію за собой, т.-е. въ свои крѣпостные.

Приходскія школы. Преосв. Филаретъ, у котораго были подъ рукою всѣ мѣстные церковныя архивы, говоритъ¹⁾: «При обзорѣни церкви мы видимъ, что въ Слободской Украинѣ при многихъ церквахъ въ 1723 г. были приходскія школы. По ставленническимъ дѣламъ видимъ, что здѣсь учились почти всѣ тѣ, которые послѣ исправляли должность причетниковъ при церквахъ, а потомъ иные поступали и въ священники. Понятно, что въ этихъ школахъ учили немногому: читать и писать. Ставленники, согласно съ Духовнымъ Регламентомъ, обязывались подпискою выучить катехизисъ. Однако, многіе изъ священниковъ, получивъ священный санъ, болѣе уже не заботились знать догматы вѣры и многіе не брали въ руки никакихъ книгъ, кромѣ во время Богослуженія. Въ 1749 г. вмѣнено въ обязанность, дабы въ каждой протопошіи были проповѣдники для обученія

¹⁾ Историко-статист. описаніе Харьковской губерніи.

народа истинамъ вѣры и благочестія въ воскресные и праздничные дни. Но оказалось, что учительныхъ священниковъ, которые могли бы говорить проповѣди своего сочиненія, было мало; многіе изъ священниковъ были изъ неучившихся ничему, кромѣ часослова и псалтыря». Между тѣмъ приходскими школами все-таки завѣдывало главнымъ образомъ духовенство. Пр. Филаретъ, собиравшій по крупницамъ изъ монастырскихъ и церковныхъ актовъ свѣдѣнія о старинныхъ школахъ харьковскихъ, пришелъ къ выводу, что при церквахъ значительныхъ черкасскихъ (харьковскихъ) мѣстечекъ уже около 1700 года были школы и учителями школы были дьячки. Отсюда несомнѣнно, что выраженіе, такъ часто встрѣчающееся въ дѣлахъ о посвященіи дьяконовъ и священниковъ черкасскихъ стараго времени «обучень дьячкомъ», означаетъ то же, что «обучень въ церковной школѣ». По справкѣ съ документами оказывается, что заведеніе школъ при церквахъ Слободской Украины (нынѣ Харьковской губерніи) современно самому ея населенію и что это прекрасное учрежденіе принесено изъ-за Днѣпра. Въ документахъ, рассмотрѣнныхъ пр. Филаретомъ, говорится, напр., «Обучень чтенію и пѣнію по разнымъ школамъ дьячками, а по изученію былъ въ маестности (имѣніи) г. полковника въ селѣ Жукахъ дьячкомъ, по черкасскому обыкновенію, въ школѣ 9 лѣтъ».

По переписи 1732 года упоминаются близъ Харькова въ г. Куряжѣ «при соборѣ шпиталь, гдѣ призрѣваются нищіе и двѣ школы, изъ которыхъ въ одной три наставника, а въ другой одинъ дьячокъ, въ г. Харьковѣ при Троицкомъ храмѣ «кромѣ богадѣльни, школа съ 7 наставниками дьячками». Въ селѣ Новой Водолагѣ показаны двѣ школы, въ томъ же селѣ позднѣе (въ 1779 г.) заведено училище, въ которомъ священническія дѣти обучаются латинскому языку до реторическаго класса, также ариѳметикѣ, російской грамматикѣ, правописанію и катехизису по способности (см. Описаніе городовъ Харьковской губ. 1779). Всего въ 1732 г. на пространствѣ нынѣшней Харьковской губерніи было 46 приходскихъ школъ, гдѣ учителями были дьячки и священники¹⁾.

¹⁾ Украинскій дьякъ, такъ характерно обрисованный Квиткою-Основьяненко въ его романѣ «Панъ Халаявскій» и бурсакъ, обезсмертившій Гоголевскаго Вія, были первыми носителями науки въ Малороссіи начала XVIII в. (Данил. Украинск. стар. ст. 291).

Проф. Багал'ѣй¹⁾ считаетъ даже, что школъ было гораздо больше; не 46, какъ думаетъ г. Данилевскій, а 129 (по переписи Хрущова). Учителей тогда было во всѣхъ полкахъ (Харьковскомъ, Ахтырскомъ, Изюмскомъ и Сумскомъ) 372 человекъ. Въ нихъ учились не только дѣти духовенства (составлявшія, впрочемъ, главный контингентъ), но и дѣти казаковъ и крестьянъ.

По распоряженію архіеп. Петра Смѣлича въ городахъ Бѣлгородѣ, Курскѣ и Старомъ Осколѣ въ 1737 году были открыты низшія славяно-латинскія школы, какъ приготовительныя заведенія къ Харьковскому коллегіуму.

Источники и пособія:

М. И. Сухомлиновъ. Училища и народное образованіе въ Черниговской губерніи. Журн. Мин. Нар. Просв. 1864 часть XXI. Г. П. Данилевскій. Украинская старина. Харьковъ 1864 г. Лебедевъ А. С. Къ исторіи низшихъ духовныхъ и общественныхъ школъ въ Бѣлгородской епархіи въ XVIII вѣкѣ 1894. Знаменскій. Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. Казань 1881 г.

ГЛАВА XI.

М. В. Ломоносовъ и его значеніе для русской науки и педагогіи.

М. В. Ломоносовъ. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ родился на далекомъ сѣверѣ, въ деревнѣ Денисовкѣ, близъ города Холмогоръ, Архангельской губерніи, въ 1711—1712 г. (впрочемъ, годъ его рожденія не установленъ окончательно). Отецъ его былъ довольно зажиточный крестьянинъ-рыбакъ. О раннемъ дѣтствѣ Ломоносова не дошло до насъ положительныхъ извѣстій. Извѣстно только, что мать его (дочь дьячка) умерла довольно рано. Отецъ женился вторично. Эта вторая жена не любила пасынка. Ломоносовъ въ своихъ воспоминаніяхъ называетъ ее злой и завистливой, говорить, что она «всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ» и вооружить его противъ сына. Довольно тяжелыя семейныя отношенія очень рано имѣли вліяніе на складывающійся характеръ мальчика. Какъ только минуло ему десять лѣтъ, отецъ сталъ его брать съ собою на рыбную ловлю въ Бѣлое море и Сѣвер-

²⁾ Заселеніе Харьковскаго края, стран. 25.

ный океанъ. Во время этихъ трудныхъ и продолжительныхъ переездовъ ребенокъ Ломоносовъ ознакомился съ величественной и суровой природой сѣвера. Природа, особенно сѣверное сіяніе, могущественно дѣйствовала на его впечатлительную душу и развивала ея силы, воображеніе и отчасти умъ, что и выразилось въ его послѣдующихъ произведеніяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ эти далекія плаванія, полныя борьбы и препятствій, развивали и укрѣпляли въ мальчикѣ стойкость характера, волю и смѣлость. Сѣверные поморы, принужденные бороться со скудною природою за свое существованіе, искони отличались энергіей; эта энергія развилась и въ душѣ будущаго «носителя русской науки».

Первымъ учителемъ Ломоносова былъ крестьянинъ Иванъ Шубный. Ученье пошло легко, такъ что мальчикъ «черезъ 2 года учинился, къ удивленію всѣхъ, лучшимъ чтецомъ въ приходской своей церкви». Охота его до чтенія на клиросѣ и за амвономъ была такъ велика, что нерѣдко бывалъ битъ не отъ сверстниковъ по лѣтамъ, но отъ сверстниковъ по ученію за то, что стыдилъ ихъ превосходствомъ своимъ предъ ними произносить читаемое къ мѣсту растановочно, внятно, а притомъ и съ особою пріятностію и ломкостью голоса». Сначала любимымъ его чтеніемъ были «житія святыхъ», и онъ даже года два посѣщалъ раскольниковъ безоповщинской секты, но расколъ его не удовлетворилъ. У одного крестьянина онъ нашелъ три книги: грамматику Мелетія Смотрицкаго, ариметику Магницкаго и переложенную въ стихи Псалтирь Симеона Полоцкаго; съ трудомъ ему удалось получить ихъ, а получивъ, онъ съ жадностію началъ читать и изучать эти книги. «Отъ сего самаго времени не разставался онъ съ ними никогда, носилъ вездѣ съ собою и непрестанно читая, вытвердилъ наизусть. Самъ онъ потомъ называлъ ихъ вратами своей учености». Когда Ломоносову исполнилось 16 лѣтъ, его задумали женить. Это обстоятельство въ связи съ развившимся стремленіемъ учиться, вѣроятно, и побудило его бѣжать съ родины въ Москву, гдѣ, какъ онъ слышалъ, есть училища, въ которыхъ можно многое узнать. Товарищъ Ломоносова по Академіи Наукъ, Штелинь, утверждаетъ, что причиною бѣгства была жажда научнаго знанія. «Священнослужитель, учившій Ломоносова грамотѣ, на вопросы его обыкновенно отвѣчалъ ему, что для пріобрѣтенія большаго знанія и учености требуется

знать языкъ латинскій, а ему не индѣ можно научиться, какъ въ Москвѣ, Кіевѣ или Петербургѣ, что въ сихъ только городахъ довольно книгъ на томъ языкѣ. Долгое время питалъ онъ въ себѣ желаніе убѣжать въ который нибудь изъ сказанныхъ городовъ, чтобы отдаться тамъ наукамъ». Возможно, что на ряду съ жаждой научнаго знанія было и страстное желаніе обучиться стихотворному искусству, какъ это утверждаетъ Новиковъ. Взявъ у одного изъ сосѣдей полукафтаны и три рубля въ долгъ, Ломоносовъ ушелъ изъ дому. На пути онъ прожилъ нѣкоторое время въ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ, исполняя должность псаломщика. Потомъ за обозомъ рыбы добрался Ломоносовъ до Москвы. Здѣсь онъ «присталъ на Сухареву башню обучиться ариметикѣ, которой науки показалась ему мало, то пришелъ онъ къ тогдашнему Московскому архіерею, объявля себя поповскимъ сыномъ, просилъ о принятіи себя въ Заиконоспасское училище для обученія словено-греко-латинскихъ наукъ, куда былъ и принятъ». Какъ не красна была для Ломоносова жизнь въ Москвѣ, объ этомъ онъ самъ рассказываетъ въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ (1753 года) къ И. И. Шувалову: «Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, пишеть онъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никогда дѣтей, кромѣ меня, не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе расхитять. Съ другой стороны, неказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны, пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны, школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться». Въ Заиконоспасской школѣ Ломоносовъ учился однако съ великой охотой и неослабѣвающей энергіей. Черезъ два года онъ былъ уже въ состояніи сочинять небольшія латин-

скія стихотворенія. «Тогда началъ учиться по-гречески, рассказываетъ его біографъ Штелинъ, а въ свободные часы, вмѣсто того, что другіе семинаристы проводили ихъ въ рѣзвости, рылся въ монастырской бібліотекѣ. Находимыя въ оной книги утвердили его въ языкѣ славенскомъ. Тамъ же, сверхъ лѣтописей, сочиненій церковныхъ отцовъ и другихъ богословскихъ книгъ, попалось въ руки его малое число философическихъ, физическихъ и математическихъ книгъ. Законоспасская бібліотека не могла насытить жадности его къ наукамъ, прибѣгнувъ къ архимандриту съ усиленною просьбою, чтобъ послалъ его на одинъ годъ въ Кіевъ учиться философіи, физики и математики». На эту просьбу архимандритъ отвѣтилъ согласіемъ и выдалъ ему деньги на проѣздъ. Этотъ фактъ показываетъ, какъ уже въ то время начальство училища серьезно смотрѣло на занятіе Ломоносова. Однако, Кіевская академія не дала того, чего искалъ въ ней Ломоносовъ. Схоластическая наука, философскія и богословскія пренія не удовлетворили его. Разочарованный, онъ возвратился въ Москву. Ему уже предлагали мѣсто священника; но въ это время изъ Академіи Наукъ пришло требованіе выслать въ Петербургъ для научныхъ занятій способнѣйшихъ учениковъ. Архимандритъ избралъ 12 учениковъ «остроумія не послѣдняго» и препроводилъ ихъ въ Петербургъ. Въ числѣ этихъ 12 юношей былъ и Ломоносовъ.

Въ академической гимназіи ему привелось учиться недолго. Бывшій тогда президентъ Академіи Наукъ, баронъ Корфъ, вздумалъ послать нѣсколько молодыхъ русскихъ за границу, для изученія горнаго дѣла. Выборъ палъ на Ломоносова, Виноградова и Рейзера, которые сначала должны были отправиться въ Марбургъ къ профессору Вольфу, съ тѣмъ, чтобы, по выслушаніи здѣсь университетскаго курса, перейти во Фрейбергъ и изучить металлургію у профессора Генкеля и, наконецъ, сдѣлать путешествіе по Франціи, Англійи и Голландіи. Къ Вольфу Академія Наукъ обратилась потому, что онъ съ начала ея основанія состоялъ ея членомъ, получалъ отъ русскаго правительства ежегодный пенсіонъ въ 300 талеровъ и находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Академіей. Въ Марбургѣ Ломоносовъ пробылъ около трехъ лѣтъ (1736—1739), гдѣ получилъ обширное и основательное образованіе. У Вольфа онъ слушалъ философію,

физику и логику; отъ него онъ усвоилъ и тотъ взглядъ на науку и въ частности на науку о природѣ, какой выражается въ его сочиненіяхъ. Ломоносовъ уважалъ Вольфа, какъ чловѣка и какъ знаменитаго ученаго, называлъ его своимъ учителемъ и благодѣтелемъ, перевелъ его экспериментальную физику и долго переписывался съ нимъ изъ Россіи. Въ свою очередь, Вольфъ въ своихъ письмахъ къ Академіи дѣлалъ самые похвальные отзывы о Ломоносовѣ, о его талантахъ и занятіяхъ, постоянно отличалъ его отъ товарищей, выражая надежду, что онъ будетъ знаменитымъ ученымъ. Но если Ломоносовъ былъ обязанъ Марбургу своимъ умственнымъ развитіемъ и своими обширными свѣдѣніями въ наукахъ, то здѣсь же преимущественно развились и слабыя стороны его характера и особенно склонность къ вину, которая была причиною многихъ несчастныхъ исторій въ его жизни и преждевременно свела его въ могилу.

Кромѣ наукъ, русскіе студенты должны были въ Марбургѣ изучать, по инструкціи Академіи, языки: латинскій, нѣмецкій и французскій, упражняясь и въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ. Ломоносовъ съ полнымъ усердіемъ занялся и этимъ дѣломъ, и какъ свидѣтельство о своихъ занятіяхъ послалъ въ Академію свой переводъ оды Фенелона «Уединеніе» и оду «На взятіе Хотина», подраженіе нѣмецкому поэту Гюнтеру, увлекавшему въ то время своими стихами нѣмецкихъ читателей. Къ своей одѣ Ломоносовъ приложилъ — разсужденіе о стихосложеніи; этимъ разсужденіемъ и своею одою Ломоносовъ установилъ въ русской литературѣ тоническое стихосложеніе, вмѣсто несвойственнаго нашему языку стихосложенія силлабическаго.

Попавъ въ веселый кружокъ нѣмецкихъ студентовъ, Ломоносовъ съ товарищами, увлекшись ихъ свободною и веселою студенческою жизнью, неудержимо предался разгулу и, не имѣя достаточно денежныхъ средствъ, впалъ въ большіе долги. Испуганный такимъ поведеніемъ студентовъ, Вольфъ началъ совѣтовать Петербургской академіи отозвать ихъ въ Россію. Академія рѣшила отпрavitъ Ломоносова съ его товарищами въ Фрейбергъ, къ профессору Генкелю, для изученія металлургіи. При этомъ она нашла нужнымъ предупредить Генкеля о поведеніи студентовъ и просила держать ихъ строже и объявить въ городѣ, чтобы никто не вѣрилъ имъ въ долгъ. Исполняя

эту просьбу, Генкель началъ во всемъ учитывать студентовъ; результатомъ чего были частыя ссоры между Ломоносонымъ и Генкелемъ, которые обвиняли другъ друга и жаловались Петербургской Академіи. Генкель жаловался на поведеніе Ломоносова; Ломоносовъ жаловался, что Генкель учитъ ихъ небрежно, что много имъ не показываетъ и «самые обыкновенные процессы, находящіеся во всѣхъ химическихъ сочиненіяхъ, держать въ секретѣ и сообщаетъ съ большой неохотой, какъ что-то таинственное». При такихъ отношеніяхъ неудивительно, что Ломоносовъ скорѣ бросилъ Фрейбергъ и вернулся въ Марбургъ. Здѣсь онъ женился на Елизаветѣ Цильхъ, дочери портного, хозяина квартиры, бывшаго члена городской думы. Жить ему стало трудно, особенно когда родилась у него дочь; содержаніе, присылаемое отъ Академіи, было ограниченное. Есть извѣстіе, что Ломоносовъ задумалъ тогда бѣжать въ Россію чрезъ Голландію; на дорогѣ онъ попался вербовщикамъ прусскаго короля, понравился имъ своимъ ростомъ и сложеніемъ; они его напоили и уговорили вступить въ рекруты; онъ очнулся въ крѣпости Везель въ солдатскомъ платьѣ и съ деньгами въ карманѣ. Отсюда онъ принужденъ былъ спастись бѣгствомъ. Возвратившись въ Марбургъ, онъ обратился уже въ Петербургъ съ просьбою о позволеніи возвратиться въ Россію и, получивъ это позволеніе и сто рублей на дорогу и на уплату долговъ, отправился въ Россію и прибылъ въ Петербургъ 8 іюня 1741 года. Жену и дочь онъ оставилъ въ Марбургѣ и вызвалъ ихъ къ себѣ только уже черезъ два года.

Но и въ Петербургѣ предстояло Ломоносову испытать не мало бѣдъ.

При отправленіи за границу Академія обѣщала Ломоносову, какъ и его товарищамъ, въ случаѣ его успѣховъ, сдѣлать его по возвращеніи профессоромъ. Но академическая администрація не захотѣла такъ скоро выполнить свое обѣщаніе. Ломоносову сначала дали скромное назначеніе — привести въ порядокъ минералогическій кабинетъ при Академіи Наукъ. Исполнивъ съ успѣхомъ это порученіе, Ломоносовъ нѣсколько разъ просилъ Академію о должности профессора, указывая на представленныя ей свои сочиненія; но она не обращала вниманія на его просьбы, такъ что Ломоносовъ самъ долженъ былъ подать на

Высочайшее имя прошеніе. Вслѣдствіе этого прошенія, Ломоносовъ сдѣланъ былъ адъюнктомъ по физикѣ (1742 г.). Состоя въ этой должности, онъ «преподавалъ въ академической гимназій физическую географію по нѣмецкому учебнику Крафта, давалъ наставленія въ химіи и исторіи натуральной и обучалъ воспитанниковъ стихотворству и стилю російскаго языка». Въ то же время въ академической конференціи онъ читалъ ученныя диссертаціи по химіи и физикѣ, разсматривалъ, по порученію Академіи, разные соли, руды, минералы и пр. Въ 1745 г. по отъѣздѣ профессора Гмелина за границу, Ломоносовъ утвержденъ былъ профессоромъ химіи и въ этой должности оставался до конца жизни (дослужившись до чина статскаго совѣтника). Устроившись на родинѣ, Ломоносовъ съ свойственной ему энергіей, съ увлеченіемъ и любовью занялся науками и литературой.

Но, кромѣ этого, ему пришлось во все время своего пребыванія въ Академіи вести борьбу съ овладѣвшими ею иностранцами, недоброжелательно относившимися къ русскимъ и не хотѣвшими допускать ихъ въ Академію. Дѣятельность Ломоносова сопровождалась непрерывною борьбою съ академическою канцеляріей и вообще съ преобладаніемъ нѣмецкой партіи въ Академіи, или, какъ онъ выражался, «съ непріятелями наукъ російскихъ, которые не давали возрастать свободно насажденію Петра Великаго». Въ этой борьбѣ, какъ говоритъ Порфирьевъ, во время которой Ломоносовъ, при своей горячей натурѣ, нерѣдко вдавался въ крайности и доходилъ до несправедливости, высказался со всею полнотою и весь характеръ Ломоносова съ его непомѣрнымъ трудолюбіемъ, глубокою любовью къ наукѣ, пламеннымъ патріотизмомъ и непреклонною твердостію воли, при достиженіи своихъ цѣлей. Средоточіемъ дѣятельности Академіи Наукъ была академическая канцелярія. Она завѣдывала не только экономическими, но и учеными и учебными дѣлами (въ сенатскихъ бумагахъ ее называли «Академической командой»). Во главѣ канцеляріи при Ломоносовѣ стояли сначала одинъ, а потомъ два нѣмца, Шумахеръ и Таубертъ, тестъ и зять, люди ничѣмъ неизвѣстные въ наукѣ, но практическіе, хитрые и пронырливые. Они мало обращали вниманія на интересы русскаго образованія и русской науки, а заботились глав-

нымъ образомъ о соблюденіи формы, чтобы тѣмъ успѣшнѣе соблюдать свои личныя выгоды. «Съ самаго начала Академіи, говоритъ Ломоносовъ, науки претерпѣвали нужду, будучи главное дѣло, а деньги исходили на перестройку, починку, ненужныя покупки и проч.»¹⁾ Таубертъ распорядился казеннымъ добромъ и денежными суммами самовластно и не хотѣлъ давать отчета по своему управленію. Вслѣдствіе дурного управленія академической канцеляріи и особенно деспотизма и самоуправства Шумахера, нѣкоторые даже иностранные члены Академіи оставили ее²⁾.

Весьма понятно, что Ломоносовъ, глубоко преданный наукѣ и ревностно заботившійся объ ея успѣхахъ въ Россіи, возсталъ противъ такого, вреднаго для науки, преобладанія академической канцеляріи. Сохранилась его «Краткая исторія о поведеніи академической канцеляріи въ разсужденіи ученыхъ людей и дѣлъ». Въ этой исторіи Ломоносовъ выставляетъ всѣ препятствія наукамъ отъ академической канцеляріи и представителей ея, Шумахера и Тауберта, и требуетъ преобразования управленія Академіи, настаивая на томъ, чтобы ученая и учебная часть въ Академіи была совершенно отдѣлена отъ канцеляріи. Насколько важнымъ и необходимымъ для успѣха науки Ломоносовъ считалъ это преобразование, видно изъ слѣдующихъ словъ, которыми онъ оканчиваетъ свою исторію академической канцеляріи: «Едино упованіе состоитъ нынѣ по Бозѣ, во всемилостивѣйшей государынѣ нашей, которая отъ истиннаго любленія къ наукамъ и отъ усердія къ пользѣ отечества, можетъ быть, разсмотреть и отвратить сіе несчастіе. Ежели жъ онаго не воспослѣдуетъ, то вѣрить должно, что нѣтъ божескаго благоволенія, чтобъ науки возросли и распространились въ Россіи»³⁾. Но вредное для русскаго образованія и русской науки преобладаніе нѣмецкой партіи Ломоносовъ видѣлъ не въ одной только академической канцеляріи, но и во всей Академіи, которая почти вся состояла изъ иностранцевъ. Существенный недостатокъ Академіи, по мнѣнію Ломоносова, заключается въ томъ, что прежній ея регламентъ препятствуетъ произведенію и раз-

¹⁾ Биларскій. Матеріалы для біографіи Ломоносова, стран. 504.

²⁾ Ib. стран. 60.

³⁾ Биларскій, стран. 101.

множенію ученыхъ людей въ Россіи; главныя причины ея жалкаго положенія — управленія академіей людьми неучеными и «недоброхотство къ учащимся россиянамъ въ наставленіи, содержаніи и произведеніи». Разбирая академическій Регламентъ 1747 г., онъ называетъ вредными и поносительными для русскаго народа узаконенія «быть многимъ иностраннымъ въ профессорахъ и другихъ должностяхъ». Любя и почитая науку вообще, Ломоносовъ всегда ставилъ ученую дѣятельность, направленную къ интересамъ національнымъ, выше общей учености; уважая ученыхъ вообще, онъ требовалъ, чтобы ученые, сдѣлавшіеся извѣстными своими трудами въ своихъ государствахъ, но ничего не сдѣлавшіе для Россіи, не предпочитались русскимъ ученымъ, которые приносятъ пользу своему отечеству. Поэтому въ проектѣ новаго регламента Академіи Наукъ онъ не предлагаетъ, чтобы не только президентъ Академіи Наукъ былъ «природнымъ русскимъ», но вообще и академики постепенно набирались изъ русскихъ. Въ основѣ всей этой реформатской дѣятельности Ломоносова, всѣхъ этихъ стремленій, требованій, плановъ и проектовъ лежала пламенная любовь къ наукѣ и глубокое патріотическое чувство, побуждавшее его ратовать за утвержденіе наукъ въ Россіи. Извѣстно, какое горячее письмо онъ написалъ къ графу И. И. Шувалову по случаю смерти профессора физики Рихмана, во время производства опытовъ надъ атмосфернымъ электричествомъ. Страшно пораженный внезапною смертію Рихмана, онъ всего больше боится того, чтобы его смерть въ непросвѣщенномъ русскомъ обществѣ не была перетолкована ко вреду науки въ Россіи. Поэтому сказавъ, что Рихманъ умеръ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность, онъ проситъ Шувалова обезпечить вдову его въ содержаніи, чтобы она сына своего, маленькаго Рихмана, могла воспитать, чтобы и онъ такой же былъ любитель наукъ, какъ его отецъ¹⁾.

По проекту Петра Великаго, гимназія и университетъ при Академіи Наукъ должны были служить разсадниками для воспитанія будущихъ ученыхъ академикомъ и профессоромъ изъ русскихъ; но академическая канцелярія не заботилась ни объ уни-

¹⁾ Билярскій, стран. 213—215.

верситетѣ, ни о гимназіи. Ломоносовъ въ томъ фактѣ, что изъ академической гимназіи и университета мало выходило студентовъ, видѣлъ поношеніе для всего русскаго народа. Желая дать гимназіи и университету надлежащее значеніе, онъ сочинилъ для нихъ новые «Штаты и регламенты» и просилъ графа Разумовскаго, чтобы университетъ и гимназія «отданы были ему въ единственное смотрѣніе и чтобы сумму по новому статусу на оба сіи учрежденія отдѣлять особливо»¹⁾. Въ 1757 году онъ сдѣлался членомъ академической канцеляріи и получилъ участіе въ управленіи академическими дѣлами. Въ 1759 году ему поручено было управленіе академической гимназіей и университетомъ (и географическимъ департаментомъ).

Нельзя не отмѣтить, что при своемъ раздражительномъ и страстномъ характерѣ, Ломоносовъ во время борьбы съ нѣмецкой партіей увлекался въ крайности и доходилъ иногда до явныхъ несправедливостей и грубыхъ поступковъ (столкновеніе его съ современными историками Миллеромъ и Шлецеромъ).

Въ 1754 году Ломоносовъ принималъ дѣятельное участіе въ развитіи и осуществленіи плодотворной мысли учредить въ Москвѣ университетъ. Теперь же не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это высшее учебное заведеніе обязано своимъ возникновеніемъ Ломоносову, который и внушилъ И. И. Шувалову мысль взяться за это дѣло. Вѣроятно же всего, что весь проектъ университета, поданный въ сенатъ Шуваловымъ, былъ составленъ никѣмъ другимъ какъ Ломоносовымъ. Ломоносовъ въ планѣ просилъ назначить, сколько возможно, больше профессоровъ и студентовъ, совѣтовалъ немедленно основать при университетѣ гимназію, представляя, что «университетъ безъ гимназіи, какъ пашня безъ сѣмянъ». Послѣ основанія московскаго университета, онъ началъ хлопотать объ основаніи такого же университета въ Петербургѣ, составилъ проектъ его устава и планъ его открытія. Къ сожалѣнію, по причинѣ болѣзни и смерти императрицы, проектъ и планъ Ломоносова остались неутвержденными.

Безъ сомнѣнія, главное время дѣятельности Ломоносова относится къ царствованію Елизаветы Петровны; но онъ пережилъ

¹⁾ Билярскій, стран. 78—79.

высоко цѣнившую его императрицу Елизавету и скончался въ 1765 году, въ царствованіе императрицы Екатерины II, тоже уважавшей его и лично посѣтившей его незадолго до смерти. Онъ погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

Ломоносовъ завѣщаль каждому русскому ученому, какъ должно понимать отношеніе науки къ религіи и государству, связь наукъ между собою и какъ нужно не щадя живота, горячо любить науку. Заслуги Ломоносова долгое время оставались не оцѣненными, только послѣ столѣтняго юбилея въ 1865 году стали выясняться настоящій образъ Ломоносова, какъ знаменитаго ревнителя и поборника русскаго просвѣщенія. Хотя еще Пушкинъ считаль его великимъ челоувѣкомъ, «между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ». «Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія,—говоритъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ,—Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшею страстью сей души, исполненной страстей. Историкъ, риторикъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ».

Труды по естествознанію. Главнымъ предметомъ Ломоносова были естественныя науки, особенно химія и физика, металлургія и физическая географія. Этими науками онъ преимущественно занимался въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ своей службы; съ 1749 г., со времени знакомства съ графомъ Шуваловымъ, въ немъ усиливается наклонность къ занятіямъ словесными науками — исторіей и словесностью. Но и въ это время, до конца жизни, онъ не оставлялъ своихъ занятій по химіи и физикѣ и считаль, что они служатъ ему чѣмъ-то вродѣ отдыха. Въ письмѣ къ Шувалову (1755 г.) онъ говоритъ: «Итакъ, уповаю, что мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и сочиненіе російской исторіи и на украшеніе російскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ вмѣсто бильярду употребить на физическіе и химическіе опыты».

Въ области естествознанія болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, выразился умъ Ломоносова, ясный и основательный, систематическій и

организующей, твердый и упругий, но достаточно тонкий для того, чтобы схватывать самые отдаленные аналогии; умъ, равно способный для механической изобрѣтательности и къ философскимъ обобщеніямъ, умъ въ высшей степени оригинальный и независимый. «Изъ наблюдений устанавливать теорію, черезъ теорію исправлять наблюдение — есть лучший всѣхъ способъ къ изысканію истины», — вотъ чѣмъ руководствовался Ломоносовъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и разысканіяхъ.

Всѣ научныя изслѣдованія того времени, обыкновенно, и въ западной Европѣ начинались вопросами, съ одной стороны, объ отношеніи науки къ религіи, съ другой — о практическомъ примѣненіи науки къ жизни. Тѣмъ болѣе значенія имѣли эти вопросы у насъ, въ Россіи, гдѣ наука только что начинала появляться и гдѣ всякое изслѣдованіе могло считаться ненужною новостью или даже опасною ересью. Поэтому необходимость и польза наукъ и согласіе знанія съ вѣрою были частыми темами Ѳеофана Прокоповича, Кантемира и Татищева. Эти же предметы прежде всего занимали и Ломоносова. Такъ, въ похвальномъ словѣ Императрицѣ Елизаветѣ онъ указываетъ на пользу астрономіи, физики, географіи, исторіи, философіи, медицины, химіи и механики¹⁾. Разъясняя при всякомъ случаѣ пользу всякой науки и всякаго знанія, Ломоносовъ особенно настаивалъ на необходимости изученія природы. Основную идею объ этомъ изученіи онъ выразилъ въ «Словѣ о происхожденіи свѣта» въ слѣдующемъ положеніи: «Испытаніе природы трудно, однако пріятно, полезно и свято. Чѣмъ больше тайнства ея разумъ постигаетъ, тѣмъ вящее увеселеніе чувствуетъ сердце. Чѣмъ далѣе раченіе наше въ оной простирается, тѣмъ обильнѣе собираетъ плоды для потребностей житейскихъ. Чѣмъ глубже до самыхъ причинъ столь чудныхъ дѣлъ проникаетъ разсужденіе, тѣмъ яснѣе показывается непостижимый всего бытія Строитель. Его всемогущества, величества и премудрости видимый сей міръ есть первый общій, не ложный и не умолчный проповѣдникъ»²⁾. Такъ какъ многіе находили изслѣдованіе природы опаснымъ для вѣры, то Ломоносовъ долженъ былъ доказывать, что «естествознаніе согласно съ религіею» и вообще объяснить, въ какомъ

¹⁾ Сочин., I, стран. 572—574.

²⁾ Сочин. 2, 109.

отношеніи находятся вѣра и знаніе, наука и религія. Въ прибавленіи къ разсужденію «Явленіе Венеры, на солнцѣ наблюдаемое» онъ говоритъ: «Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой — свою волю. Первая — видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая — книга Священное писаніе. Въ ней показано Создательво благоволеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодухновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учителя. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ, въ натуру вліянныхъ дѣйствій, суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учителя. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочеть божескую волю вымѣрять циркуломъ. Таковъ же и богословія учитель, если онъ думаетъ, что на Псалтыри научиться можно астрономіи и химіи. Толкователи и проповѣдники свящ. Писанія показываютъ путь къ добродѣтели и благополучія житія, съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ храмъ Божеской силы и великолѣпія, изыскиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благоговеніемъ и благодареніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣряютъ насъ не токмо о Бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ. Грѣхъ всѣвать между ними плевелы и раздоры»¹⁾).

Главныя сочиненія Ломоносова по естествознанію, — Слово о пользѣ химіи, Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ, Слово о происхожденіи свѣта, Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли, Явленіе Венеры на солнцѣ, наблюдаемое 26 мая 1761 г. и др. всѣ эти сочиненія написаны на латинскомъ языкѣ. Кромѣ цѣльныхъ изслѣдованій, сохранилось множество плановъ, проектовъ, небольшихъ записокъ и замѣтокъ, свидѣтельствующихъ о неутомимыхъ и разнообразныхъ занятіяхъ Ломоносова. Въ дѣлахъ Академіи Наукъ постоянно упоминается объ изобрѣтенныхъ Ломоносовымъ машинахъ и снарядахъ, о за-

¹⁾ Сочин. 2, 270, 273.

казахъ, дѣлаемыхъ по его требованію то механику, то столяру, то оптику. Онъ касался всѣхъ вопросовъ, которые тогда возникали въ области естествознанія и рѣшалъ ихъ самостоятельно и оригинально; много глубокихъ и свѣтлыхъ идей разбросаны въ его разнообразныхъ изслѣдованіяхъ. Диссертацию Ломоносова, по просьбѣ Академіи Наукъ, разсматривалъ знаменитый математикъ Эйлеръ (въ Берлинѣ) и далъ о ней такой отзывъ: «Всѣ записки Ломоносова по части химіи и физики не только хороши, но превосходны, ибо онъ съ такою основательностью излагаетъ любопытнѣйшіе, совершенно неизслѣдованные и необъяснимые для величайшихъ геніевъ предметы, что я вполне убѣжденъ въ вѣрности его объясненій. При этомъ случаѣ я готовъ отдать г. Ломоносову справедливость, что онъ обладаетъ счастливѣйшимъ геніемъ для открытія физическихъ и химическихъ феноменовъ». Особенно замѣчательны были изслѣдованія Ломоносова объ электричествѣ, въ которыхъ онъ самостоятельно пришелъ къ тѣмъ же выводамъ, до которыхъ въ это время дошелъ знаменитый Франклинъ.

О Ломоносовѣ, кромѣ Эйлера, дали превосходные отзывы Вольфъ, Гейнзюсъ, Крафтъ и др. Онъ составилъ цѣлую теорію воздушныхъ электрическихъ явленій, которая во многихъ пунктахъ сходится съ теоріею Франклина, а во многихъ превышаетъ ее. Ломоносовъ относилъ сѣверное сіяніе къ числу электрическихъ явленій атмосферы. Счастливая мысль о происхожденіи каменнаго угля изъ торфяниковъ, приписываемая нашему времени, принадлежитъ Ломоносову. Превращеніе торфяниковъ въ каменный уголь, по мнѣнію Ломоносова, должно было происходить при участіи подземнаго огня, слѣдовательно того же могучаго дѣятеля, который, и по нынѣшней теоріи, считается самымъ главнымъ въ образованіи каменнаго угля. Большая часть современныхъ ученыхъ принимали янтарь за минераль; Ломоносовъ призналъ въ янтарѣ смолу, истекавшую нѣкогда изъ растений. Ломоносовъ первый въ Россіи изложилъ въ систематическомъ видѣ ученіе геологіи и перенесъ лучшія по тогдашнему времени свѣдѣнія на русскую почву. Читатель химическихъ трактатовъ Ломоносова узнаетъ въ немъ не только изобрѣтательнаго экспериментатора, но и проникательнаго толкователя химическихъ явленій. Въ одной изъ рукописныхъ

замѣтокъ Ломоносовъ говорить: «*Chymicus verus debet esse etiam philosophus*»¹⁾).

Съ презрительнымъ негодованіемъ отзывается онъ о тѣхъ ученыхъ, которые хотять рабски подчинить себя факту. Возражая одному изъ критиковъ, который упрекалъ его за желаніе идти дальше простыхъ опытовъ, Ломоносовъ замѣчаетъ: «Какъ будто физикъ въ самомъ дѣлѣ не имѣеть права возвышаться надъ рутиной и производствомъ опытовъ и не долженъ подчинять ихъ размышленію, чтобъ перейти отъ нихъ къ открытіямъ. Или химикъ, напр., неужели осужденъ вѣчно держать въ одной рукѣ щипчики, а въ другой плавильный горшокъ и на минуту не отлучаться отъ углей и пеплу?»²⁾. Наконецъ, Ломоносовъ задумалъ и почти выработалъ цѣлую величественную систему натуральной философіи, надъ которой онъ размышлялъ болѣе двадцати лѣтъ и которую по частямъ развивалъ въ своихъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ (преимущественно, въ рѣчи «О происхожденіи свѣта и цвѣтовъ»).

Въ основаніе системы натуральной философіи Ломоносова положены два принципа: 1) законъ совмѣщенія частицъ и 2) положеніе, что зыблущееся и коловратное движеніе совмѣстныхъ между собою частицъ матеріи и есть причина всѣхъ безъ исключенія явленій химическихъ, физическихъ и физиологическихъ. Имъ объясняются химическіе растворы, законъ капиллярности, звукъ, теплота, свѣтъ, электричество, нервная чувствительность и т. д.

По мнѣнію Ломоносова, для историческаго изученія и философскаго пониманія химическихъ измѣненій въ составѣ сложныхъ тѣлъ химикъ долженъ запастись знаніемъ механики и чистой математики; лишь тогда можетъ онъ приступить къ изслѣдованію законовъ движенія, которое и есть основаніе всѣхъ химическихъ явленій, а математика для химіи будетъ такъ же полезна, какъ была для гидравлики, аэростатики, оптики. Очень настойчиво доказываетъ Ломоносовъ ту же необходимость математики для химіи въ своемъ «Словѣ о пользѣ химіи». Но не трудно видѣть, что въ ходѣ своихъ занятій онъ

¹⁾ Запис. въ 1741 г.

²⁾ Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ, Кунника, II, 52; у Будиловича. Ломоносовъ, какъ натур. и филол., стран. 11.

постоянно переходить отъ химіи къ физикѣ: она была главнымъ и любимымъ предметомъ его ученаго вниманія.

Ломоносову первому принадлежитъ мысль о заведеніи метеорологической обсерваторіи. По его почину была учреждена химическая лабораторія, первая на русской землѣ. Какъ важна была и плодотворна для Россіи дѣятельность Ломоносова въ области естествознанія, можно видѣть изъ того, что въ XVIII вѣкѣ по слѣдамъ Ломоносова пошелъ цѣлый рядъ очень замѣчательныхъ русскихъ естествоиспытателей (Румовскій, Иноходцевъ, Петровъ, Захаровъ, Лепехинъ, Озерецковскій, Зуевъ, Севергинъ, Смѣловскій и др.).

Труды по языкознанію и литературѣ. Если бы ограничиться только работами Ломоносова въ области естествознанія, то и этого было бы достаточно для признанія величія заслугъ Ломоносова, но этимъ онъ не ограничился и оказалъ значительныя услуги и въ другой области. Наука признала существенною заслугою Ломоносова въ области русской литературы то, что онъ усовершенствовалъ русскій литературный, прозаическій и стихотворный языкъ, написалъ грамматику русскаго языка и первую реторику на русскомъ языкѣ и далъ образцы краснорѣчія и поэзіи въ разныхъ родахъ и формахъ.

До Петра Великаго книжнымъ языкомъ былъ языкъ славянскій; съ Петра I писатели начали употреблять въ сочиненіяхъ и русскій языкъ, но вмѣстѣ съ славянскимъ языкомъ, такъ что книжная рѣчь представляла въ себѣ чрезвычайно странную пеструю смѣсь словъ и оборотовъ славянскихъ, русскихъ и иностранныхъ, вошедшихъ съ реформою изъ разныхъ европейскихъ языковъ¹⁾. Ломоносовъ въ сочиненіи «О пользѣ книгъ церковныхъ въ російскомъ языкѣ» опредѣлилъ надлежащее мѣсто славянскаго языка и значеніе его для русскаго, указавъ, въ какихъ сочиненіяхъ должно употреблять славянскій и въ какихъ русскій языкъ и по различномъ ихъ употребленіи основалъ, слѣдуя теоріи Аристотеля и Квинтилиана, различіе трехъ стилей въ литературѣ — «высокаго, средняго и низкаго». Указавъ на пользу церковно-славянскаго языка, Ломоносовъ совѣтовалъ прилежно читать церковныя книги. Стара-

¹⁾ См., напр., выдержки изъ «Юности честное зерцало», гл. XIII, «Исторію русской педагогіи», ч. II. М. Д.

тельнымъ и искуснымъ употребленіемъ церковно-славянскаго языка, вмѣстѣ съ русскимъ, можно «отвратить тѣ дикія и странныя слова, которыя входятъ къ намъ изъ чужихъ языковъ и искажаютъ красоту нашего языка».

«Россійская грамматика» и Риторика. Опредѣливъ отношеніе русскаго языка къ славянскому, Ломоносовъ позаботился установить основныя формы русскаго языка въ своей «Россійской грамматикѣ». Это была первая настоящая грамматика русскаго языка. Изданная въ 1755 году, она въ теченіе полувѣка была единственною русскою грамматикою, до изданія грамматики Академіей Наукъ въ 1802 г. Разсмотримъ вкратцѣ содержаніе этой грамматики и сдѣлаемъ ея оцѣнку.

Въ годъ основанія перваго русскаго университета, въ Москвѣ, въ 1755 году, является и первая русская грамматика, посвященная великому князю Павлу Петровичу. При жизни Ломоносова и послѣ его кончины, грамматика выдержала одиннадцать изданій, была переведена на языки нѣмецкій, французскій и новогреческій.

Въ посвященіи своей грамматики Павлу Петровичу, Ломоносовъ говоритъ: «Карль пятый, римскій императоръ, говорилъ, что ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятельми, итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но если бы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашель бы въ немъ великолѣпіе ишпанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка. Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не теряютъ своего достоинства на россійскомъ языкѣ. Тончайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи мира, и въ человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи. И ежели чего точно изобразить не можемъ, не языку нашему, но недовольному въ немъ искусству приписывать долженствуемъ. Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе

о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или лутче сказать, едва предѣлы имѣющее море. Отважась въ оное, сколько могъ я измѣрить, сочинилъ малый сей и общій чертежъ всея обширности, Россійскую грамматику, главныя только правила въ себѣ содержащую¹⁾... Тупа Ораторія, косноязычна Поезія, неосновательна философія, непріятна исторія, сомнительная юриспруденція безъ грамматики».

Вся грамматика Ломоносова состоитъ изъ 6-ти наставленій. Первое наставленіе имѣетъ значеніе общаго введенія въ грамматику. Грамматика, по Ломоносову, раздѣляется на «общую и особливую». Общая грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова, а «особливая», какова Россійская, есть знаніе, какъ говорить и писать чисто Россійскимъ языкомъ, по лучшему разсудительному его употребленію. Въ первомъ наставленіи кратко изложены нѣкоторыя понятія изъ общей грамматики о значеніи и происхожденіи частей рѣчи, которыя раздѣляются на главныя и служебныя. Въ слѣдующихъ затѣмъ пяти наставленіяхъ изложены законы и формы измѣненія частей рѣчи.

По красотѣ и силѣ выраженія Ломоносовъ считаетъ московское нарѣчіе лучшимъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что «Московскій діалектъ главный и при дворѣ и дворянствѣ употребительный».

Ломоносовъ сожалѣетъ (§ 467), что изъ обычая и употребленія вышло славенское въ сочиненіи глаголовъ свойство, когда вмѣсто дѣепричастій дательный падежъ причастій полагался, который служилъ въ разныхъ лицахъ: ходящу мнѣ въ пустынѣ, бывшу мнѣ на морѣ.

Разсмотрѣвъ грамматику Ломоносова, мы можемъ повторить вмѣстѣ съ ея изслѣдователями (акад. Давыдовымъ, проф. Будиловичемъ, Я. К. Гротомъ), что это трудъ замѣчательный и высоко оригинальный. Несомнѣнно, что онъ имѣлъ своихъ предшественниковъ. Очевидно, что главнымъ источникомъ понятій о живой рѣчи и вообще о языкѣ послужили Ломоносову древніе писатели: Аристотель, Квинтиліанъ, Донатъ, Присціанъ, а можетъ быть еще и другіе.

¹⁾ Лѣтописи второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, стран. 5—7.

Нѣтъ сомнѣнія, что Ломоносовъ былъ знакомъ съ піитикою Аристотеля, слѣдовательно многія понятія о языкѣ могъ черпнуть непосредственно изъ этого источника; другія могъ заимствовать изъ латинскихъ грамматиковъ или изъ писателей новаго времени, которые, разумѣется, сами также болѣе или менѣе пользовались древними.

«Несмотря однакожъ на нѣкоторыя черты, указывающія на заимствованія въ грамматикѣ Ломоносова, сравненіе ея со множествомъ пересмотрѣнныхъ мною руководствъ этого рода, говоритъ Я. К. Гротъ, оставшихся отъ 16 и 17 вѣка, удостовѣряетъ, что трудъ его есть вполне самостоятельный и зрѣло обдуманнѣйшій плодъ внимательнаго изученія. Грамматика Ломоносова оригинальна и по своему расположенію, и по своей разработкѣ законовъ языка. Между грамматиками предшествовавшаго времени мнѣ не удалось найти ни одной, которая бы начиналась изложеніемъ «философскаго понятія» о языкѣ вообще. Поэтому русскіе въ правѣ гордиться появленіемъ у себя въ срединѣ 18 столѣтія такой грамматики, которая не только выдерживаетъ сравненіе съ однородными трудами за то же время у другихъ народовъ, давно опередившихъ Россію на поприщѣ науки, но и обнаруживаетъ въ авторѣ удивительное пониманіе началъ языковѣдѣнія¹⁾).

Еще прежде изданія грамматики, Ломоносовъ издалъ «Риторику» подъ заглавіемъ «Краткое руководство къ краснорѣчію, книга первая, въ которой содержится Риторика, показующая общія правила обоюгъ краснорѣчія, т.-е. ораторіи и поэзіи». Руководство это должно было состоять изъ трехъ частей: общей риторики, ораторіи и піитики. Ломоносовъ успѣлъ издать только первую часть, т.-е. общую риторику, въ которой говорится: 1) объ источникахъ риторическаго изобрѣтенія; 2) объ украшеніи риторическаго содержанія, или изобрѣтеніи идей посредствомъ троповъ и фигуръ, и 3) о расположеніи риторическаго содержанія по формамъ хрій, силлогизмовъ въ разговорахъ, описаніяхъ, повѣствованіяхъ и рѣчахъ. Риторика Ломоносова составлена по образцу классическихъ риторикъ Кауссина, Помея

¹⁾ Я. Гротъ. Филологическія разысканія. С.-Пб. 1876 г., т. 2-й, стран. 66—67 и 69.

и Годшеда, употреблявшихся въ то время во всѣхъ европейскихъ школахъ, и сама по себѣ не заключала ничего оригинальнаго; важное ея значеніе состояло въ томъ, что она написана была на русскомъ языкѣ (прежнія риторикѣ писались на латинскомъ языкѣ, иногда съ славянскимъ переводомъ) и что каждое ея правило и каждая форма рѣчи, прозаической и стихотворной, были объяснены примѣрами на русскомъ языкѣ изъ разныхъ образцовыхъ сочиненій древнихъ и новыхъ писателей, духовныхъ и свѣтскихъ, Гомера, Виргилія, Цицерона, Василия Великаго, Іоанна Златоустаго, Эразма Роттердамскаго и др. «Замѣчательно, — говоритъ Пекарскій, — въ этой риторикѣ и то, что переводчиковъ и авторовъ всѣхъ возможныхъ примѣровъ и образцовъ совмѣщало въ себѣ одно лицо — Ломоносовъ»¹⁾.

Грамматика и риторика Ломоносова получили во второй половинѣ XVIII вѣка самое широкое распространеніе въ русской школѣ. «Въ сей школѣ», читаемъ въ учебной инструкціи преосв. Самуила, данной Харьковскому коллегіуму въ 1769 году, должно «обучать правиламъ російскаго языка по російской грамматикѣ господина Михайла Ломоносова, напечатанной при Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Правиль, которыя изъяснять будетъ учитель, наизусть не выучивать, а только велѣтъ довольно въ дому ученикамъ читать; при чтеніи какъ въ школѣ, такъ и въ дому примѣчать наикрѣпчайшее правописаніе російское строго въ оной грамматикѣ наблюденное». Ломоносовъ не ограничивался одной теоріей. Утверждая формы русскаго языка и русскаго краснорѣчія правилами грамматики и риторики, онъ въ то же время давалъ образцы литературнаго языка и краснорѣчія. Въ этомъ отношеніи важны его разсужденія, особенно похвальные слова, рѣчи и оды. Во всѣхъ риторикахъ лучшими образцами краснорѣчія всегда представлялись два похвальныхъ слова Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и Петру Великому. Въ области поэзіи главная заслуга Ломоносова состоитъ въ усовершенствованіи поэтическаго или стихотворнаго языка. Мало было указать правила стихосложенія (такія правила давалъ еще Тредьяковскій), важно было подтвердить и

¹⁾ Ист. Акад. Наукъ, ч. II, стран. 389.

объяснить правила своими собственными стихотвореніями, что блестяще выполнилъ Ломоносовъ, давъ образцы разныхъ формъ поэзіи. Ломоносовъ писалъ во всѣхъ родахъ поэзіи; но всего болѣе удалась ему ода, которая была болѣе сродна его лирическому таланту и болѣе сообразна съ обстоятельствами того времени. Чувство религиозное и патріотическое, любовь къ природѣ и наукѣ были источниками поэтического одушевленія Ломоносова. Въ тяжелыхъ обстоятельствахъ своей жизни, исполненной борьбы и всякаго рода лишеній и страданій, физическихъ и нравственныхъ, Ломоносовъ любилъ обращаться за утѣшеніемъ къ вѣрѣ и искалъ облегченія въ пѣснопѣніяхъ Давида, въ страдальческой жизни Іова; онъ переложилъ нѣсколько псалмовъ въ стихи и написалъ оду изъ книги Іова¹⁾. Лучшею изъ одъ въ художественномъ отношеніи считается ода на восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, написанная въ 1747 году. Она начинается, какъ извѣстно, прославленіемъ тишины или мира, который Елисавета своимъ кроткимъ и мудрымъ правленіемъ доставила Россіи. Этотъ миръ служитъ источникомъ благоденствія народнаго вообще и въ частности причиною процвѣтанія наукъ.

Оцѣнка Ломоносова. Любовь къ наукѣ, какъ правильно отмѣтилъ еще Пушкинъ, была главною страстію страстной души Ломоносова. Чувство любви къ ней, выразившееся во всей его жизни и во всѣхъ его сочиненіяхъ, съ особенною силою обнаруживалось тогда, когда онъ видѣлъ неуваженіе къ наукѣ или нападеніе на нее. Съ такимъ чувствомъ написано его посланіе къ Шувалову о пользѣ стекла; здѣсь онъ въ прекрасныхъ стихахъ объясняетъ значеніе стекла для практической жизни и для науки (говоритъ объ очкахъ, телескопѣ, микроскопѣ и т. д.). Несмотря на длинноты и высокопарность, на гиперболизмъ и введеніе мифологическихъ божествъ и въ торжественныхъ одахъ Ломоносова, въ нѣкоторыхъ строфахъ, слышится истинно поэтическое одушевленіе. По исторіи Ломоносовъ написалъ два сочиненія: «Краткій Россійскій лѣтописецъ, съ родословіемъ россійскихъ государей» (эта книга долгое время служила учеб-

¹⁾ Порфирьевъ. Ист. рус. слов., ч. II, стран. 193.

никомъ) и «Россійскую исторію», послѣдняя доведена до кончины Ярослава I.

Въ «Россійской исторіи» Ломоносовъ стремился доказать, что наши первые князья были славянскаго происхожденія, а не скандинавскаго (какъ думалъ Миллеръ). По чувству патріотизма, по вѣрѣ своей въ величіе русской земли, Ломоносовъ не могъ допустить, чтобы начало созиданія нашей государственной силы было положено князьями чужого племени. Но не одно патріотическое чувство, а и серіозныя научныя доказательства приводятъ онъ въ пользу своей мысли.

Обозрѣвая дѣятельность М. В. Ломоносова, К. С. Аксаковъ¹⁾ дѣлаетъ высокую оцѣнку его значенія. «Ломоносовъ, говоритъ онъ, образовалъ языкъ, языкъ, которымъ мы пишемъ и который употребляемъ, которымъ будемъ писать. Онъ освободилъ языкъ русской прежде всего отъ примѣси языка церковно-славянскаго и ему, какъ русскому языку, далъ гражданство въ письменности. Съ его времени русской языкъ получилъ самобытное значеніе въ сферѣ письменности. Но отдѣляя и освобождая русской языкъ отъ церковно-славянскаго, давая сему послѣднему самобытное мѣсто, возводя русской языкъ въ высшую сферу языка, въ сферу общаго, письменности и вмѣстѣ литературы, Ломоносовъ въ то же время понималъ существенное отношеніе языка русскаго къ церковно-славянскому, основанное на историческихъ причинахъ и вмѣстѣ на значеніи, характерѣ и сферѣ обоихъ языковъ. Первымъ его дѣломъ было опредѣлить это отношеніе и положить границу между языками. Воспитанный на церковно-славянскихъ книгахъ, оно хорошо вникнулъ въ духъ и важность этого языка и могъ понять смыслъ его въ нашемъ словѣ. Ломоносовъ не только не уничтожилъ, но утвердилъ отношеніе между двумя языками, отношеніе такого рода, что языкъ русскій, единственное основаніе всякаго письменнаго слога, могъ и долженъ былъ пользоваться богатствомъ языка церковно-славянскаго, собственно словами и отчасти оборотами. Это отношеніе и заимствованіе словъ изъ церковно-славянскаго языка есть отношеніе внутреннее и вѣчное, отношеніе

¹⁾ Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка. К. С. Аксаковъ. Полн. собр. Сочиненія филолог., т. II., ч. I., стр. 273—275.

существенное, которое положено и опредѣлено Ломоносовымъ навсегда». Но Ломоносовъ не только съ успѣхомъ подвизался въ теоретической области, съ сферѣ науки, онъ былъ и практическимъ педагогомъ и умнымъ администраторомъ-педагогомъ.

Педагогическія заслуги. Сдѣлавшись профессоромъ химіи и получивъ право голоса въ академическихъ дѣлахъ, Ломоносовъ, имѣя въ виду пользу отечества, рѣшился заставить академиковъ работать. Начиная съ 1746 г., онъ ежегодно обращался къ академической канцеляріи съ предложеніемъ набрать студентовъ въ университетъ и учениковъ въ гимназію. По его настоянію выписываются семинаристы изъ Московской, Новгородской и другихъ семинарій, и университетъ постепенно наполняется студентами. По его же предложенію, Академія посылаетъ отъ себя представителей въ различныя школы выбирать воспитанниковъ для гимназій. Ломоносовъ, сдѣлавшись академикомъ, прежде всего обратилъ вниманіе на университетъ и гимназію, гдѣ дѣло можно сказать шло плохо. По мнѣнію Ломоносова, надо было для успѣха дѣла отдѣлить университетъ и гимназію отъ собственно Академіи Наукъ и указать каждому учрежденію принадлежащее ему мѣсто, снабдить каждое учрежденіе особою корпораціею. Все это твердо и съ полнымъ пониманіемъ дѣла выражено Ломоносовымъ въ его представленіяхъ академической канцеляріи и президенту Академіи Наукъ Разумовскому, въ его письмахъ Шувалову и Орлову, и въ особенности въ его «Регламентѣ университета и гимназій» и «Проектѣ привилегіи Академіи Наукъ». Желаніе и заботы Ломоносова объ улучшеніи учебно-воспитательной части не прошли безслѣдно и впоследствии многое получило осуществленіе.

Студенты и гимназисты были отдѣлены одни отъ другихъ въ особыя покои и, хотя университетъ и гимназія получили право отдѣльнаго существованія только по имени, продолжая на самомъ дѣлѣ быть частями Академіи Наукъ, но все же нѣкоторыя неудобства и помѣхи были устранены. Въ университетѣ были учреждены факультеты, опредѣлены профессора, и началось правильное чтеніе лекцій, въ гимназій назначены инспекторъ, учителя изъ адъюнктовъ и студентовъ и надзиратели. Но особенное вниманіе Ломоносовъ обратилъ на академическую гимназію. Академическая канцелярія, по его сло-

вамъ, производила большія затраты денегъ на бесполезныя вещи въ то время, когда гимназистамъ ѣсть было нечего.

О надлежащей дисциплинѣ, при разрозненной жизни гимназистовъ, при помѣщеніяхъ ихъ квартиръ въ захолустьяхъ города, куда загоняла ихъ бѣдность, и говорить было нечего. Единственнымъ средствомъ къ устраненію всѣхъ этихъ неблагоприятныхъ условий для образованія русскаго юношества Ломоносовъ считалъ учрежденіе на казенный счетъ общежитія для гимназистовъ. Студенты воспитывались на казенный счетъ, о чемъ и говорилось въ регламентѣ, существовавшемъ до Ломоносова, между тѣмъ о содержаніи гимназистовъ ничего не было упомянуто. «Будто бы, говоритъ Ломоносовъ, голова и верхнія части тѣла могли стоять безъ ногъ, или лутче, все бы тѣло не требовало для своего питанія и содержанія пищи». Благодаря Ломоносову, рѣшено было увеличить число учащихся въ гимназій втрое противъ прежняго, помѣстить ихъ всѣхъ въ особомъ знаніи, воспитывать на казенный счетъ и принимать въ гимназію дѣтей дворянъ и разночинцевъ.

Въ 1759 году Ломоносовъ представилъ въ академическую канцелярію составленное имъ «Узаконеніе для учащихся въ гимназій Императорской Академіи Наукъ», которое и было утверждено. Это узаконеніе во многихъ отношеніяхъ достойно вниманія, Послѣ исполненія обязанностей къ Богу и ближнему «первая гимназистовъ должность, чтобъ къ наукамъ простирать крайнее прилежаніе и никакой другой склонности не внимать и не дать усилиться въ умѣ такъ, чтобы раченіе къ ученію уронъ или малое ослабленіе претерпѣло». «Учителямъ не досаждаютъ грубыми словами, помня, сколько ихъ за наставленіе почитать должны». «Пустыхъ словъ, подлыхъ и соромскихъ въ разговорѣ остерегаться, зная, что довольно есть матеріи говорить о школьномъ ученіи и примѣчанія о достопамятныхъ вещахъ и приключеніяхъ»... «Чистоту наблюдать должно при столѣ, содержаніи книгъ, постели и платья. Кто внѣшнимъ видомъ ведетъ себя гадко, тотъ показываетъ не токмо свою лѣность, но и подлые нравы». «Лѣность всего вреднѣе учащимся, того ради всячески должны стараться преодолѣвать оную послушаніемъ, воздержаніемъ, бдѣніемъ и терпѣніемъ». «Весьма должно блюстись ласкомства и гулянья и больше удаляться отъ неприличнаго и

худаго сообщества, которое подать скоро можетъ поводъ къ бездѣльному и праздному житію, прогуливать школы, не исправлять заданнаго урока и, словомъ, терять молодыхъ лѣтъ время безъ приобрѣтенія той пользы, которая зрѣлымъ и престарѣлымъ лѣтамъ большую пріятность и веселіе принести можетъ чрезъ науки, нежели въ юности игры и праздность».

Чтобы дать возможность учителямъ совершенствоваться въ преподаваніи, а учащимся успѣвать въ занятіяхъ, Ломоносовъ старается снабдить однихъ необходимыми руководствами и учебными пособіями, а другихъ учебниками, такъ какъ въ томъ и другомъ чувствовалась настоящая потребность. По настоянію Ломоносова, предпринимается изданіе переводовъ академиками и студентами, составленіе учебныхъ пособій и учебниковъ, и во главѣ начинателей стоитъ самъ Ломоносовъ, давшій «Россійскую грамматику». «Краткое руководство къ краснорѣчію» и переводъ на русскій языкъ физики Крафта. Нельзя не упомянуть интереснаго распоряженія Ломоносова по учебной части. Учителя гимназіи должны были въ послѣднемъ классѣ читать гимназистамъ краткіе обзоры наукъ, изучаемыхъ въ университетѣ. Каждый изъ гимназистовъ, благодаря этимъ обзорамъ, могъ заблаговременно опредѣлить, къ чему онъ подготовленъ, какія науки ему болѣе нравятся, къ какому роду дѣятельности онъ чувствуетъ себя болѣе способнымъ и сообразно со всѣмъ этимъ сразу избирать себѣ тотъ, а не другой факультетъ, при поступленіи въ университетъ.

Заботы Ломоносова во время завѣдыванія его учебною частію не ограничивались только стѣнами Академіи Наукъ, а далеко простирались за ея предѣлы. Онъ не только хлопоталъ объ открытіи въ Петербургѣ отдѣльнаго университета и составилъ проектъ учрежденія Московскаго университета, какъ мы объ этомъ говорили, но и принималъ живое участіе въ основаніи Академіи Художествъ и высказывалъ мысль о необходимости учрежденія университета въ Кіевѣ. Съ мыслью объ учрежденіи университетовъ соединялась мысль объ основаніи гимназій, ибо «университеты безъ гимназій, какъ пашня безъ сѣмянъ». Гимназія нужна не только для Петербурга, но необходимо имѣть таковыя и въ другихъ городахъ, преимущественно губернскихъ, что и выразилъ Ломоносовъ въ запискѣ, представленной Шувалову.

Ломоносову же приписываютъ нѣкоторыя и мысль объ основаніи народныхъ школъ въ малыхъ городахъ.

Ломоносовъ былъ не только администраторомъ по учебной части, но и профессоромъ и учителемъ и дѣйствовалъ на учащихся и учащихся не только предписаніями и правилами, но, главнымъ образомъ, своимъ собственнымъ примѣромъ. Будучи строгимъ по отношенію къ другимъ, онъ прежде всего былъ строгъ въ отношеніи къ самому себѣ.

Кромѣ публичныхъ лекцій, чтеніе которыхъ было обязательно для него, онъ занимался съ «охотниками» и частнымъ образомъ, приватно. Обучалъ приставленныхъ къ нему учениковъ химіи, исторіи, стихотворству, штилю русскаго языка, физической географіи, рисованію, составленію разноцвѣтныхъ стеколъ и проч. Помимо обязанности профессора и преподавателя, Ломоносовъ принялъ на себя обязанности и воспитателя. Отчеты его объ ученикахъ, порученныхъ ему для наставленія, отличаются серьезностью, характеристики ихъ — подробностью и умѣньемъ угадывать природу своихъ учениковъ; въ отчетахъ и характеристикахъ замѣчается безпристрастное отношеніе къ учащимся, къ ихъ занятіямъ и поведенію, вмѣстѣ съ тѣмъ и любовное къ нимъ отношеніе. Такъ онъ ходатайствовалъ объ отдѣленіи квартирой студента Поповскаго (впослѣдствіи профессора) отъ прочихъ студентовъ, которые пристойнаго воспитанія не имѣли, и тѣмъ самымъ старался оградить его отъ дурныхъ вліяній. Насколько дороги были для него ученики, порученные ему для наставленія, видно изъ того, что заботы его о нихъ простирались даже за предѣлы школы. Онъ всячески помогалъ своимъ ученикамъ, конечно, способнымъ и благонравнымъ, въ пожалованіи чиномъ, должностью и проч. по выходѣ ихъ изъ школы, причемъ большая часть изъ нихъ были то профессорами, то учителями гимназій.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Ломоносовъ замѣчательный русскій педагогъ, и вообще въ оцѣнкѣ его дѣятельности много справедливаго сказано г. Бутовымъ¹⁾, мы не можемъ только согласиться, что это былъ первый на Руси учитель, первый русскій педагогъ въ истинномъ значеніи этого слова²⁾. Исторія

¹⁾ Административно-педагогическая дѣятельность М. В. Ломоносова. Журналъ Гимназія. 1892 г., т. XLIX.

²⁾ Ibid., стран. 51.

показываетъ, что до Ломоносова было не мало хорошихъ учителей и истинныхъ педагоговъ (вспомнимъ хотя бы Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго и св. Дмитрія Ростовскаго), не обладавшихъ, конечно, такими геніальными способностями и громадной эрудиціей, но имѣющими полное право называться хорошими русскими педагогами.

Ломоносовъ хотѣлъ создать изъ своихъ учениковъ общество ученыхъ педагоговъ, которые способны были бы не только преподавать ту или другую науку, но и расширять область открытіемъ новыхъ истинъ, не только ученыхъ педагоговъ теоретиковъ, но и практиковъ, которые и изобрѣтать умѣли бы и учить были бы мастера. Дѣйствительно, такъ и случилось. Ученики его являются академиками, профессорами, учителями и на всякомъ мѣстѣ людьми преданными своему дѣлу. Поповскій, Румовскій, Котельниковъ и др. съ достоинствомъ оправдали надежды учителя.

Ломоносовъ положилъ начало въ новое время національному воспитанію. Въ своей педагогической дѣятельности онъ стремился къ тому, чтобы создать людей для русской жизни, въ своихъ ученикахъ онъ старался развить любовь и уваженіе къ Россіи, какъ своему отечеству, пользу и славу котораго онъ высоко ставилъ. Словомъ, М. В. Ломоносовъ по силѣ таланта, глубокой любви къ родинѣ, наукѣ, просвѣщенію, по силѣ поэтическаго дарованія и, наконецъ, по педагогическимъ заслугамъ есть величайшее имя среди русскихъ именъ XVIII вѣка. Положивъ прочное начало русской наукѣ, онъ далъ начало и русской научной педагогикѣ.

Источники и пособія.

Матеріалы для біографіи Ломоносова. Собран. экстраорд. академ. Биларскимъ, С.-Пб. 1865 г. Россійская грамматика Михаила Ломоносова. Изд. 1885. С.-Пб. Акад. Наукъ. Лѣтописи втор. отд. Акад. Наукъ. Будиловичъ, А. Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ. С.-Пб. 1869 г. Порфирьевъ. Исторія русской словесности, часть II, отд. I. Казань. 1880 г. Я. К. Гротъ. Филологическія розысканія, т. 2. С.-Пб. 1876 г. К. С. Аксаковъ. Полное собраніе сочиненій, т. II, часть I, сочиненія филологическія. Л. Н. Майковъ. Очерки по исторіи русской литературы XVII и XVIII вѣковъ. Н. Бутовъ. Административно-педагогическая дѣятельность М. В. Ломоносова. Журн. «Гимназія». 1892 г., т. XLIX.

ГЛАВА XII.

Академія Наукъ и ея дѣятельность. Московскій
Университетъ.

Академія Наукъ. Мы видѣли уже, что еще Лейбницъ въ своихъ письмахъ къ Петру I рекомендовалъ для развитія наукъ въ Россіи учредить Академію Наукъ.

Только въ началѣ 1724 г. окончательно была выражена мысль о роли и характерѣ Петербургской Академіи. Основаніе академіи и университета независимо другъ отъ друга казалось Петру I бесполезнымъ. Петръ I признавалъ, что «многая еще оскудѣваютъ къ благополучію народа его и науки въ Имперіи его еще не достигли въ оный совершенства градусъ, какъ желалъ, и чужестранныхъ на увеселеніе сердца своего обрѣталъ: въ семъ единомъ умъ его обращался, какъ бы кратчайшій и совершеннѣйшій путь изобресть, чтобы завести науки и людей своихъ елико мощно скорѣе обучити». Петръ Великій соболѣзновалъ, что «прямыхъ школъ, гимназій и семинаріевъ нѣтъ, въ которыхъ бы молодые люди началамъ обучиться, и потомъ выше градусы наукъ воспріять, и угодными себя учинить могли». Онъ полагалъ, что всего этого въ скорое время можно достигнуть соединеніемъ въ Академіи Наукъ ученыхъ, учащихъ и учащихся — или академіи, университета и гимназіи, дабы, какъ сказано въ указѣ объ ея основаніи «такимъ бы образомъ одно зданіе съ малыми убытками, тое же бы съ великою пользою чинило, что въ другихъ государствахъ три разныя собранія чинятъ». Будущее показало, что такое соединеніе было ошибочно и не принесло пользы русской наукѣ и просвѣщенію. Права науки были поставлены Петромъ весьма высоко. Ученики академіи, обнаружившіе способность въ научныхъ занятіяхъ, не могли быть отвлечены къ другому роду занятій. Сознывая, что науки такого принужденія и насилія терпѣть не могутъ, «любяще свободу», онъ предоставилъ желающимъ какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ подданнымъ, пользоваться свободно лекціями въ академіи. Науки были раздѣлены на три класса: 1) математическія, 2) физическія и 3) историческія. Градаціи наукъ не допускались; но каждый профессоръ долженъ былъ

пользоваться почетомъ по своему достоинству. Для перевода знатнѣйшихъ книгъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ при академіи полагались переводчики. Каждый профессоръ обязывался читать по 4 лекціи въ недѣлю, доступъ на которыя былъ открытъ для всѣхъ.

Благодарная къ памяти Петра I Екатерина I на первыхъ порахъ, по вступленіи на престолъ, озаботилась исполненіемъ его воли. Академія Наукъ была открыта въ концѣ 1725 года и подчинена непосредственно ей самой. Изъ-за границы были выписаны извѣстные ученые. Начиная съ первыхъ торжественныхъ рѣчей, академики проявили свою дѣятельность въ области математики (Германъ, Бильфингеръ, братья Бернулли, Делиль, Лейтеманъ, Леонардъ, Эйлеръ и др.).

Успѣхъ математическихъ наукъ, кромѣ того, обезпечивался самымъ характеромъ ихъ. Онѣ не затрогивали чьихъ бы то ни было и какихъ бы то ни было политическихъ и религіозныхъ мнѣній.

По смерти Екатерины I, Академія вполне подпала канцелярскому произволу (съ которымъ приходилось такъ много бороться Ломоносову), успѣвшему утвердить свое вліяніе вслѣдствіе частаго отсутствія двора изъ С.-Петербурга и несуществованія устава, который опредѣлялъ бы внутреннія отношенія и управленія Академіи.

Несмотря на разнообразныя препятствія, чрезмѣрное преобладаніе иностранцевъ и др. причины, хорошо указанные Ломоносовымъ, Академія Наукъ дала начало научной дѣятельности въ Россіи. Метеорологическія наблюденія (Лейтеманъ), изученіе флоры (Буксбаумъ), изслѣдованія надъ электричествомъ, составлявшимъ въ то время новостъ въ наукѣ (Рихманъ и Ломоносовъ), и другихъ вопросовъ въ области физики и химіи (Ломоносовъ), распространеніе математическихъ свѣдѣній, изученіе географіи и этнографіи Россіи посредствомъ ученыхъ экспедицій (Мессершмидта, Беринга, Стеллера и Крашенинникова, Миллера и Гмелина старшаго, позже Палласа, Георги, Фалька, Лепехина, Озерецковскаго и др.), собраніе историческихъ матеріаловъ и обработка ихъ (Шлецеръ, Миллеръ и др.) — вотъ тѣ существенные результаты, которые были принесены первоначальными трудами Академіи. Публицистика и журнальная дѣятель-

ность (Петербургскія Вѣдомости и «Примѣчанія къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ», «Ежемѣсячныя сочиненія» и др. изданія) также обязаны своимъ возникновеніемъ и успѣхомъ Академіи Наукъ; а переписки Рычкова, Миллера и Татищева ясно показываютъ, что научный интересъ въ области исторической критики былъ уже возбужденъ.

Еще при Петрѣ Великомъ положено было начало изученіямъ географическимъ. Задача, данная отъ самого Петра его первымъ «навигаторамъ» отыскать, сошлась ли Азія съ Америкой, весьма характерно указывала, что Россія въ эту сторону не знала конца своихъ владѣній. По почину Академіи Наукъ, въ Россіи впервые начинаются астрономическія наблюденія и опредѣленія мѣстностей, безъ которыхъ немислима точная географія (труды астронома Делиля, доѣзжавшаго до Березова и др.); впервые начинаются наблюденія физическія и собираются данныя для опредѣленія климата, почвы и т. д. Наблюденія естественно-историческія, измѣренія геодезическія, собраніе экономическихъ свѣдѣній и пр. Ко второй половинѣ XVIII в. изложенія географіи и особенно русской, получаютъ правильный систематическій видъ; они являются какъ отдѣльныя изслѣдованія, научныя путешествія, общіе курсы предмета, мѣстныя описанія, наконецъ, географическіе словари. Въ 1759 г. Академія Наукъ, предполагая составить новый атласъ Россіи, возымѣла мысль собрать подробныя свѣдѣнія о всей Имперіи чрезъ Правительствующій Сенатъ, которому была подчинена.

Въ январѣ 1760, сенатъ разослалъ въ провинцію указъ съ академической программой, въ тридцати вопросахъ. Въ теченіе семи лѣтъ собралось значительное количество отвѣтовъ, хотя всѣ и не одинаковаго достоинства, и Академія постановила издать изъ нихъ точную выборку. Такъ составились «Топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Россійской Имперіи», изд. подъ редакціей Людвигъ Бакмейстера (4 ч. С.-Пб. 1771 — 1774).

Къ концу XVIII в. появились уже хорошіе учебники по географіи, напр., Чеботарева (1776), Плещеева (1786—1793) и др. Еще раньше въ 1746 г. отъ Академіи былъ изданъ первый ученый Атласъ Россіи, состоящій изъ 19 специальныхъ картъ и одной карты генеральной.

Въ 1733 г. была снаряжена ученая экспедиція въ Сибирь и Камчатку, подъ начальствомъ академикомъ: Миллера, Гмелина и Людовика дела-Кройера, съ двумя русскими, данными въ пособіе имъ, студентами Красильниковымъ и Крашенинниковымъ. Въ теченіе десяти лѣтъ Миллеръ и Гмелинъ, путешествуя по Россіи, отъ Новгорода до Якутска, собирали матеріалы для географіи и исторіи, описывая разные города и мѣстности, сри-совывая древніе памятники, изучая племена разныхъ инородцевъ, ихъ языкъ, религію, нравы и обычаи, описывая животныхъ, растенія и минералогическія богатства Россіи. Миллеръ собралъ въ сибирскихъ архивахъ громадный историческій матеріалъ. Этотъ матеріалъ послужилъ основаніемъ для первой сибирской исторіи, начатой Миллеромъ и продолженной Фишеромъ; изъ этого матеріала черпали богатые свѣдѣнія кн. Щербатовъ, Новиковъ, гр. Румянцевъ и др. Плодами сибирской экспедиціи были «Сибирская флора» и «Описаніе путешествія» Гмелина; «Сибирская исторія» и «Сборникъ російской исторіи» Миллера. Въ одно время съ сибирской экспедиціей въ 1734 г. подъ начальствомъ Кириллова была учреждена Оренбургская комиссія, а въ 1737 г. Академія «по контракту» отправила въ камчатскую экспедицію Стеллера.

Почти при самомъ основаніи Академіи Наукъ въ 1725 году вызванъ былъ воспитанникъ Лейпцигскаго университета, Миллеръ Герардъ-Фридрихъ, который прослужилъ въ Россіи около 58 лѣтъ. Съ 1730 г. Миллеръ сдѣланъ былъ профессоромъ исторіи и началъ издавать—«Сборникъ статей, относящихся къ русской исторіи» (*Sammlung Russischer Geschichte*). Этотъ сборникъ, въ которомъ помѣщались выдержки изъ русскихъ лѣтописей, предназначался для ознакомленія съ исторіей русской европейскихъ ученыхъ. Въ 1733 г. Миллеръ былъ назначенъ въ сибирскую экспедицію и находился въ ней 10 лѣтъ. О результатахъ ея мы сказали выше. Съ 1755 г. началъ издавать учено-литературный журналъ «Ежемесячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служація». Въ то же время онъ продолжалъ издавать до 1765 г. «Сборникъ російской исторіи» и издалъ 10 частей. Въ концѣ жизни составлялъ планы для учрежденія училищъ Россіи.

По рекомендаціи Миллера вызванъ былъ въ 1762 г. Августъ Шлецеръ, издавшій знаменитый «Сводъ русскихъ лѣтописей»,

сдѣланный по 10 древнимъ спискамъ. Составленіемъ этого свода онъ занимался въ теченіе сорока лѣтъ.

Какъ извѣстно, еще Петръ Великій обратилъ вниманіе на переводы съ иностраннаго. Переводы составляли предметъ особыхъ заботъ Академіи. Въ 1735 г. при Академіи было открыто «Россійское Собраніе», цѣлью котораго, между прочимъ, было также изданіе переводовъ иностранныхъ писателей древнихъ и новыхъ временъ. Общество это существовало недолго. Въ 1748 г. былъ вызовъ знающихъ иностранные языки и обѣщано было вознагражденіе за труды 100 экз. перевода. Затѣмъ былъ основанъ «Переводческій департаментъ», возобновленный при Екатеринѣ II въ 1790 г.

При Петрѣ Великомъ, который стремился познакомить Россію съ результатами тогдашней науки и промышленности, переводились книги преимущественно научнаго характера, по разнымъ отдѣламъ знанія и промышленности; при Елисаветѣ Петровнѣ практически-дѣловое направленіе смѣнилось литературнымъ и художественнымъ, и потому при ней стали переводиться книги преимущественно литературныя. Переводились главнымъ образомъ книги, назначавшіяся для легкаго чтенія, какъ-то романы, повѣсти и сказки, а не ученаго содержанія. Любовь Елисаветы къ театральнымъ представленіямъ, учрежденія особаго русскаго театра, были причиною того, что всего болѣе переводилось драматическихъ произведеній. Вотъ какъ отзывается Шлецеръ объ академическихъ изданіяхъ: «съ учрежденіемъ Петербургской Академіи количество изданій умножилось; но это были болѣею частью переводы; русскіе оригиналы были весьма рѣдки. Выборъ переводовъ былъ крайне неудаченъ и притомъ не было обращено вниманіе на потребности націи. Въ числѣ ихъ было множество романовъ».

«Научное вліяніе академіи, — замѣчаетъ проф. Иконниковъ, — могло бы быть болѣе обеспеченнымъ и благотворнымъ въ обществѣ, если бы подготовка ученыхъ силъ, какъ она была проектирована регламентомъ Петра Великаго, получила широкое развитіе. Но этого не случилось. Лекціи, положенныя по регламенту, не читались систематически и постоянно». Въ 1729 г. Шумахеръ жаловался: «профессора обязаны читать лекціи, а между тѣмъ это только исполняютъ докторъ Бекенштейнъ, Бернулли, и Мейеръ. Другіе даже не помышляютъ о томъ».

Изъ русскихъ Академія Наукъ образовала знаменитаго Ломоносова, бывшаго профессоромъ химіи, Красильникова, сдѣлавшаго первыя астрономическія наблюденія на Камчаткѣ и въ другихъ мѣстахъ, Крашенинникова, перваго изъ русскихъ ботаника и зоолога, составившаго замѣчательное описаніе Камчатки, Адодурова, бывшаго адъюнктомъ Академіи по математикѣ и Котельникова, ординарнаго профессора-академика, переведшаго съ латинскаго: «Первыя основанія математики» Вольфа.

Состоявшая при Академіи Наукъ академическая гимназія туго пополнялась учениками, и изъ нея весьма немногіе поступали въ университетъ. Университетъ больше числился на бумагѣ, такъ какъ въ немъ не было ни профессоровъ, ни студентовъ. Академики, долгое время исключительно иностранцы, отрываемые отъ своихъ ученыхъ трудовъ чтеніемъ лекцій, весьма неохотно занимались преподаваніемъ. Въ 1726 г. изъ Германіи выписаны были восемь студентовъ, изъ которыхъ пять сдѣлались впоследствии учеными (въ числѣ ихъ былъ Миллеръ). Для пополненія аудиторій, профессора ходили на лекціи другъ къ другу, адъюнкты увеличивали также число слушателей. Послѣ 1726 года по 1732 годъ въ протоколахъ Академіи вовсе ничего не говорится о студентахъ, конечно потому, что по распредѣленіи привезенныхъ изъ Германіи студентовъ къ разнымъ должностямъ — такъ-называемый университетъ въ дѣйствительности не существовалъ. Въ 1757 г. президентъ Академіи графъ Разумовскій писалъ: «Отъ давняго уже времени ни одинъ профессоръ въ университетѣ лекцій не читаетъ и академическіе студенты находятся безъ всякаго ученія».

Однако, такъ какъ университетъ долженствовалъ быть по уставу Академіи, то стали набирать студентовъ изъ немногихъ бывшихъ тогда духовно-учебныхъ заведеній, именно изъ александровской и новгородской семинарій, по большей части мало подготовленныхъ для слушанія высшихъ курсовъ, такъ что имъ приходилось доучиваться въ гимназіи «ибо они отъ профессоровъ принимать лекціи не гораздо еще въ хорошемъ состояніи». Въ 1733 году взяты были въ студенты 12 учениковъ изъ Московской спасской академіи, лучшіе изъ нихъ посланы были въ камчатскую экспедицію, а остальные оставались безъ призрѣнія и безъ лекцій.

Въ 1736 году вновь набрано было въ той же школѣ 12 воспитанниковъ и точно такъ же ничему не обучались, потому что академики ничего не преподавали. Въ 1743 г. при Академіи въ дѣйствительности не было никакого университета. 24 іюня 1747 г. изданъ былъ регламентъ Академіи Наукъ, по которому въ академическомъ Университетѣ положено было 12 каедръ и 30 студентовъ. Въ 1748 г. составленъ былъ Тепловымъ проектъ устава этого университета, утвержденный графомъ Разумовскимъ. Но уставъ не исполнялся. Въ концѣ царствованія импер. Елисаветы, когда учебныя заведенія Академіи поручены были Ломоносову, онъ соединилъ студентовъ въ общежитіе, обязалъ академиковъ читать лекціи и побудилъ графа Разумовскаго объявить 14 февраля 1760 года правила для университета, раздѣленнаго на три факультета: философскій, юридическій и медицинскій.

И это мало помогло дѣлу. Ломоносовъ находилъ причину всѣхъ неустройствъ этого, такъ-называемаго, университета въ томъ, что онъ не имѣлъ привилегій, и потому хлопоталъ о дарованіи разныхъ правъ учащимся, а главное учащимъ, какъ-то: чиновъ, пенсій и т. п. Заинтересовавъ въ этомъ И. И. Шувалова, онъ былъ совершенно увѣренъ въ успѣхѣ своихъ ходатайствъ, до такой степени, что сочинилъ уже и рѣчь на случай торжественнаго открытія привилегированнаго университета; но кончина Елисаветы Петровны положила конецъ этимъ надеждамъ. Миллеръ находилъ, что для преуспѣянія университета надо снабдить его довольнымъ числомъ профессоровъ и стараться о умноженіи числа студентовъ.

Какъ бы то ни было, университетъ существовалъ только по имени. Занятія профессоровъ со студентами были, такъ сказать, индивидуальныя, по одиночкѣ, иногда вмѣсто университета, студенты ходили слушать лекціи къ профессорамъ на домъ. Этимъ способомъ академики готовили себѣ помощниковъ, и нерѣдко изъ нихъ образовывались весьма достойные ученые. По окончаніи курса, студентъ производился прямо въ адъюнкты Академіи и посылался иногда въ германскіе университеты для дальнѣйшаго образованія. Итакъ, академическій университетъ былъ въ сущности фикція, а гимназія крайне неудовлетворительна. «Нельзя поэтому не признать, — замѣчаетъ гр. Д. А. Тол-

стой¹⁾ — что мысль соединенія въ Академіи Наукъ высшаго и средняго учебнаго заведенія была ошибочна, что и подтвердилось послѣдствіями. Но это еще не самый дурной результатъ неправильно составленнаго плана; если бы только не удались два учебныя заведенія, съ этимъ легко можно было бы примириться. Гораздо хуже неправильное направленіе, данное этимъ учрежденіемъ всему народному образованію: имѣя Академію, университетъ, гимназію, общество пріучилось смотрѣть на себя какъ на европейски образованное, не замѣчая, что изъ Европы взята одна внѣшность, одно подобіе образованія, а не его сущность, и такое направленіе продолжалось и впослѣдствіи».

Московскій университетъ. Мы уже говорили выше, что учрежденіе Московскаго университета связано съ именемъ Ломоносова. Вѣроятно же всего, что весь проектъ университета въ Москвѣ, поданный въ сенатъ И. И. Шуваловымъ, былъ составленъ Ломоносовымъ. «Студентовъ раздѣлить на три класса, — писалъ онъ въ «Прибавленіи къ моему мнѣнію о университетскомъ регламентѣ»; — перваго класса студенты ходятъ на всѣ лекціи для того, чтобы имѣть понятія о всѣхъ наукахъ, и чтобы всякъ могъ видѣть, къ какой кто наукѣ больше способенъ и охоту имѣетъ. Второго класса студенты ходить должны на лекціи только того класса, въ которомъ ихъ науки. Третьяго класса студенты тѣ, которые опредѣлены уже къ одному профессору и упражняются въ одной наукѣ. Симъ послѣднимъ должно, по моему мнѣнію, опредѣлить рангъ армейскаго прапорщика, и производить ихъ во временные переводчики, въ поруческій рангъ, а изъ нихъ въ адъюнкты».

Императрица Елисавета утвердила проектъ Шувалова 12 января 1755 года. Преданіе говоритъ, что Шуваловъ хотѣлъ подарить мать свою Татіану, въ день именинъ ея, лучшимъ дѣломъ своей жизни, Московскимъ университетомъ. Правительство убѣдилось, что «наукамъ обязаны просвѣщенные народы тѣмъ, что они превознесены и прославлены надъ людьми, живущими во тьмѣ невѣдѣнія». Въ своемъ указѣ импер. Елисавета говорила, что «всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напротивъ того зло искореняется; что слѣ-

¹⁾ Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи, стран. 12—13.

довательно нужда необходимая о томъ стараться, чтобы способомъ пристойныхъ наукъ возрастало въ пространной нашей Имперіи всякое полезное знаніе», и далѣе добавляла, «что одушевленный этою мыслью Шуваловъ представилъ Сенату проектъ объ учрежденіи въ Москвѣ университета и двухъ гимназій при немъ; что, дѣйствуя такъ «изобрѣтатель того полезнаго дѣла» усердствовалъ ей и отчеству.

Желая покровительствовать талантамъ, правительство даровало средства ученія людямъ всѣхъ свободныхъ знаній. Дворяне учились въ одной изъ гимназій, разночинцы въ другой, но университетъ соединялъ всѣ сословія; каждый талантливый молодой человекъ получалъ право быть студентомъ. Крѣпостные люди могли быть допущены въ гимназію или университетъ, получивъ увольнительное свидѣтельство отъ своихъ помѣщиковъ.

Москва была избрана для перваго русскаго университета; тому было приведено нѣсколько причинъ, особенно же съ цѣлью замѣнить «великое число домашнихъ учителей, содержимыхъ помѣщиками въ Москвѣ». Помѣщики, желая преподавать ученіе своимъ дѣтямъ, согласно съ новыми требованіями, и образовать достойныхъ людей на службу правительству, не щадили на то средствъ и издержекъ; даже бѣднѣйшіе жертвовали для того послѣднимъ достаткомъ, а между тѣмъ сами, не будучи въ силахъ судить о достоинствѣ учителей или сыскать лучшихъ, брали бывшихъ лакеевъ, парикмахеровъ и другихъ сомнительнаго достоинства людей. Правительство, создавая университетъ, желало оказать помощь родителямъ, доставить имъ средства разумнаго воспитанія и образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать способныхъ русскихъ наставниковъ, которые изъ Москвы простирали бы свое вліяніе на все пространство Россіи и дали бы возможность основать русскія учебныя заведенія. Однимъ изъ предметовъ ожиданій правительства было, что распространеніе свѣта познаній послужитъ также къ истребленію въ простомъ народѣ суевѣрія, расколовъ и ересей, проистекающихъ отъ невѣжества.

Императрица приняла университетъ подъ свое покровительство, а для ближайшаго наблюденія надъ университетскими дѣлами назначался кураторъ. Ближайшимъ начальникомъ считался директоръ. Обязанностью его было, согласно данной ин-

струкціи, завѣдывать экономическими дѣлами университета и заботиться о педагогической части, совмѣстно съ профессорами. Первыми кураторами были: Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и Блументростъ. Университетъ былъ раздѣленъ на три факультета: юридическій, медицинскій и философскій. Попеченіе о богословскихъ наукахъ предоставлено было Святѣйшему Синоду. Во всѣхъ факультетахъ положено было десять профессоровъ¹⁾. Всѣ предметы должны были излагаться по-латыни или по-русски. Желаящіе слушать лекціи въ университетѣ принимались по экзамену и слушали трехгодичный курсъ. При концѣ каждаго мѣсяца въ послѣднюю субботу, студенты должны были вступать въ частныя диспуты, подъ руководствомъ профессоровъ, на тезисы, за три дня имъ объявленные. Въ концѣ каждаго полугодія предъ наступленіемъ зимнихъ и лѣтнихъ вакацій, такіе диспуты совершались публично.

Для приготовленія студентовъ къ университету служили двѣ гимназіи; одна для дворянъ, другая для разночинцевъ. Инспекторомъ надъ гимназіей назначался одинъ изъ профессоровъ университета. Въ каждой гимназіи учреждалось по четыре школы; въ каждой школѣ по три класса. Первая школа была русская; въ ней три класса соотвѣтствовали тремъ ступенямъ: грамматикѣ и чистотѣ слога, стихотворству и краснорѣчію; вторая школа была латинская, въ ней постепенно отъ элементовъ языка возвышались до чтенія самыхъ трудныхъ писателей; третья школа первыхъ основаній наукъ: въ низшемъ классѣ обучали ариѳметикѣ, съ среднимъ — геометріи и географіи, въ высшемъ — краткой философіи; четвертая школа «знатнѣйшихъ европейскихъ языковъ»: въ ней ученіе шло съ такой же постепенностью, какъ и въ латинской. Введено было и преподаваніе греческаго языка. Если родители не желали обучать дѣтей своихъ латинскому языку и высшимъ наукамъ, то въ такомъ случаѣ, ученіе для такихъ дѣтей располагалось въ иномъ порядкѣ.

Профессорскія лекціи были: публичныя и частныя. Каждый профессоръ обязанъ былъ ежедневно, кромѣ субботы и воскресенья, не менѣе двухъ часовъ, читать свою науку публично

¹⁾ Подробности см. у Ст. Шевырева: Исторія Импер. Москов. университета, стран. 13.

для всѣхъ слушателей, не требуя съ нихъ никакой платы, затѣмъ для желающихъ онъ могъ читать частныя курсы.

26 апрѣля 1755 года послѣдовало торжественное открытіе университета, вмѣстѣ съ двумя московскими гимназіями. Нѣкоторые изъ профессоровъ говорили при этомъ рѣчи. Барсовъ говорилъ о пользѣ учрежденія Московскаго университета. Исчисливъ благодѣянія импер. Елисаветы, онъ добавилъ, что она «самое ученіе все своему народу даровала», ибо съ именемъ университета должно представлять «все собраніе потребныхъ въ жизни человѣческой наукъ, весь кругъ просвѣщающаго разумъ знанія». Въ ряду наукъ, Барсовъ указалъ особенно на мѣсто, занимаемое философіею, которая, по его мнѣнію, «приобучаетъ разумъ къ твердому познанію истины, чтобы оный напослѣдокъ знать могъ, въ чемъ наше истинное благополучіе заключается; разсматриваетъ силы и свойства нашихъ душъ, и изъ того опредѣляетъ наши должности въ разсужденіи Творца нашего, въ разсужденіи населяющихъ съ нами землю человѣковъ, въ разсужденіи высшихъ, низшихъ, равныхъ, своихъ, чужихъ, кровныхъ, знаемыхъ, пріятелей и непріятелей». Въ заключеніе Барсовъ указалъ, съ какою любовью Государыня принимаетъ участіе въ заботахъ родителей «о честномъ воспитаніи и полезномъ обученіи дѣтей».

Ровно черезъ годъ 26 апрѣля 1756 года университетъ праздновалъ актъ. Проф. Поповскій сказалъ рѣчь и прочелъ оду. «Дождемся блаженнаго онаго времени, — говорилъ онъ пророчески, — когда изъ сего премудрою Государынею учрежденнаго мѣста произойдутъ судіи, правду отъ клеветы отдѣляющіе, полководцы на морѣ и на землѣ спокойство своего отечества утверждающіе; когда процвѣтутъ здѣсь мужи, закрытыя природы тайнства открывающіе».

Въ 1756 году дозволено было университету учредить типографію и книжную лавку, для печатанія и продажи сочиненій и переводовъ университетскихъ преподавателей на пользу общую. Типографія начала снабжать университетъ и гимназіи необходимыми учебными пособиями.

Профессоры опредѣлили перепечатать «Orbis pictus Commenii», для употребленія во всѣхъ классахъ гимназіи, не болѣе какъ въ 400 экземплярахъ, чтобы типографія не понесла убытку.

26 апрѣля 1756 г. началось при университетѣ изданіе Московскихъ Вѣдомостей. Въ томъ же году въ университетѣ открыта была для любителей науки и охотниковъ до чтенія бібліотека, «состоящая изъ знатнаго числа книгъ на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ».

Въ числѣ первыхъ профессоровъ Московскаго университета были: Поповскій и Барсовъ.

Н. Н. Поповскій былъ ученикъ Ломоносова, сдѣлался извѣстенъ академіи стихотворнымъ переводомъ поэмы Попе: «Опытъ о человѣкѣ». Поповскій былъ первымъ профессоромъ словесности, или, какъ тогда говорили, элоквенціи въ Московскомъ университетѣ. Но поприще свое въ университетѣ онъ началъ открытіемъ философскихъ лекцій. Въ своей вступительной лекціи (1755 г.) онъ выразилъ замѣчательную для своего времени мысль, что философія требуетъ языка народнаго для всей полноты своего развитія, и первый въ Россіи возсталъ противъ исключительнаго употребленія латинскаго языка при преподаваніи этой науки.

Отношенія философіи къ прочимъ наукамъ онъ такъ опредѣляетъ: «отъ нея зависятъ всѣ познанія; она мать всѣхъ наукъ и художествъ... Хотя она въ частныя и подробныя всѣхъ вещей разсужденія не вступаетъ, однако, главнѣйшія и самыя общія правила, правильное и необманчивое познаніе природы, строгое доказательство каждой истины, раздѣленіе правды отъ неправды отъ нея одной зависить. Подобно какъ архитекторъ, не вмѣшиваясь въ подробное сложеніе каждой части зданія, однако, каждому художнику предписываетъ правила, порядокъ, мѣру, сходство частей и положеніе всего строенія, такъ что безъ одного его самыя искуснѣйшіе художники успѣть не могутъ». Такъ правильно разумѣлъ Поповскій отношеніе философіи къ другимъ наукамъ. Затѣмъ Поповскій сильно нападалъ на то, что философія употребляетъ только одинъ латинскій языкъ. Исполненный вѣры въ великое будущее Россіи, Поповскій, первый въ Московскомъ университетѣ, призывалъ науку наукъ выражаться по-русски. «Прежде она (философія) говорила съ греками, изъ Греціи переманили ее римляне; она римской языкъ переняла весьма въ короткое время, и несмѣтною красотой разсуждала по-римски, какъ незадолго по-гречески.

Не можемъ ли и мы ожидать подобнаго успѣха въ философіи, какой получили римляне? Что же касается до избытка російскаго языка, въ томъ передъ нами римляне похвалиться не могутъ. Нѣтъ той мысли, кою бы по-російски изъяснить было не возможно».

Должно думать, что стремленіе Поповскаго сдѣлать русскій языкъ господствующимъ въ преподаваніи было для него причиною многихъ непріятностей, такъ какъ профессора иностранцы были рѣшительно противъ этого. Профессора боялись, чтобы удобство слушать философскія лекціи на русскомъ языкѣ не увлекло всѣхъ другихъ учащихся и не отклонило ихъ отъ языка латинскаго, который, по ихъ мнѣнію, былъ краеугольнымъ камнемъ университетскаго преподаванія. Противъ одного Поповскаго были всѣ другіе профессора (Дильтей, Фроманнъ, Керштенсъ и Шаденъ). Позднѣ Екатерина Великая рѣшила споръ въ пользу языка русскаго.

Въ 1756 г. Поповскій сочинилъ письмо въ стихахъ къ И. И. Шувалову: «О пользѣ наукъ и о воспитаніи во оныхъ юношества». Перевелъ съ французскаго «Мысли и воспоминаніи» Локка¹⁾. Онъ скончался въ 1760 году.

А. А. Барсовъ сначала преподавалъ математику, затѣмъ по смерти Поповскаго перешелъ на кафедру русской словесности, которую съ честью занималъ до самой своей смерти († 1791 г.). Строгость и чистота нравственнаго характера, замѣчаетъ о Барсовѣ Шевыревъ, были постоянными чертами его дѣятельной и трудолюбивой жизни. Окруженный профессорами иностранцами, онъ въ первые 36 лѣтъ жизни университета былъ въ немъ постояннымъ представителемъ русской стихіи и, конечно, всѣхъ болѣе содѣйствовалъ тому, чтобы наука въ университетѣ заговорила чистымъ русскимъ языкомъ: такъ исполнилъ онъ на дѣлѣ мысль, выраженную его предшественникомъ, Поповскимъ. Барсовъ нерѣдко указывалъ на то, какъ наука должна быть возведена у насъ до высшаго христіанскаго значенія: родителямъ, наставникамъ, ученикамъ непрерывно напоминалъ о необходимомъ соединеніи ученія съ благочестіемъ. Все молодое поколѣніе любило и уважало Барсова; Карамзинъ былъ однимъ изъ его почитателей.

¹⁾ О нихъ подробнѣе скажемъ впоследствии, см. ниже.

На актѣ 1760 г. Барсовъ произнесъ прекрасную рѣчь «о цѣли ученія». Сначала онъ разбираетъ различныя мнѣнія о цѣли ученія, выше всего ставитъ то, которое утверждаетъ, что науки нужны для наукъ, касается съ участіемъ и простонароднаго мнѣнія, выражаемаго обыкновенными словами родителей, отдающихъ сына въ ученье; «будь счастливъ, будь уменъ, душа моя». Но строго возстаетъ профессоръ противъ тѣхъ, которые видятъ въ ученіи орудіе роскоши, серебролюбія и лихоимства: они желали бы, чтобы ученье дѣлалъ ихъ безъ всякаго труда досталось. «Ученіе одно разгнать можетъ оную невѣжества тьму, въ которой мы рождаемся, и истребить тѣ предразсужденія, которыя къ намъ отъ худого воспитанія прилѣпляются. Ученіе рождаетъ въ насъ справедливыя мысли и рассужденія, ученіе показываетъ преимущество тѣхъ дѣйствій, которыя съ порядкомъ и размѣромъ дѣлаются, ученіе подаетъ намъ въ предводители премудрѣйшихъ изъ древности людей; въ писаніяхъ которыхъ мы почерпаемъ премногія высокія истины, питающія нашъ умъ и духъ укрѣпляющія, съ которыми мы, когда благороднымъ ревнованіемъ побуждаемъ, сравниваться стараемся, то хотя не получаемъ равнаго имъ совершенства, однакожъ тѣмъ самымъ нѣкоторымъ образомъ выше всего возносимся, распространяемъ свой разумъ и больше знаній и понятій получаемъ; а чрезъ все то на послѣдокъ способнѣйшими становимся къ исправленію порученныхъ намъ дѣлъ и должностей... И по истинѣ все науки, есть ли между прочими многими ихъ видами съ нѣкоторой извѣстной стороны ихъ разсматривать, не иное что покажутся, какъ только собраніе важнѣйшихъ опытовъ, въ разномъ родѣ вещей примѣчательными и остроумными людьми усмотрѣнныхъ, съ приобщеніемъ произведенныхъ имъ изъ того рассужденій и правилъ, служащихъ къ способнѣйшему и скорѣйшему дѣйствованію... Изъ сего легко понять можете, сколько память всехъ или многихъ вѣковъ долговременнѣе и разными случаями изобильнѣе, нежели жизнь всякаго человѣка, столько основательнѣе знаніе наукъ во всякомъ дѣлѣ должно быть сильнѣе и надежнѣе одного собственнаго испытанія, и отсюда происходитъ, что нѣкоторые съ особливою похвалою отправляютъ такія дѣла, въ которыхъ они прежде, кажется, никогда не употреблялись...

Но хотя бы ученіе всѣхъ сихъ толь великихъ и дѣйствительныхъ пользъ въ себѣ и не заключало, то и тогда для одной славы, которую оно пріемлющимъ его народамъ принести, должно бѣ еще почтено быть и любезно». «Всѣ жъ оныя пользы могутъ въ одинъ родъ включены быть и однимъ именемъ назваться, а именно знаніемъ. И такъ-то справедливо, что знаніе принадлежитъ къ концу и къ намѣренію ученія, и что мы для снисканія его должны обучаться. Но знаніе подобно оружію и во благо, и во зло употребить его можно. Поэтому къ оному (знанію) потребно еще нѣкое управленіе, которое намъ въ сердцѣ нашемъ искать должно. Оное (т.-е. управленіе) есть правосудіе, великодушіе, воздержаніе, добронравіе и, однимъ словомъ, добродѣтель, безъ которой самое пространнѣйшее и глубочайшее знаніе не токмо должно быть бесплодно и бесполезно, но еще и вредно. И такъ ея мы найпаче чрезъ ученіе наше достигать должны и знаніе почитать стению (стезей?) или дверью къ добродѣтели и во всякомъ случаѣ честное сердце предпочитать великому разуму. Ею учинятся познанныя нами высокія истины дѣйствительны и чрезъ нея способность наша въ дѣлахъ обществу будетъ надежна. Но сколько сія добродѣтель ни почтенна и ни изящна, однако на ней не можно намъ остановиться въ семь шестви къ концу ученія, ибо находится еще высшее нѣчто и божественнѣйшее, а именно законъ и благочестіе христіанское, безъ котораго ни кое знаніе истинно полезно, ни кая добродѣтель совершенна быть не можетъ. Чего ради все ученіе имъ начинать, имъ оканчивать и съ нимъ всегда соединять надлежитъ»¹⁾).

Вообще первыя рѣчи профессоровъ Московскаго Университета касались преимущественно общихъ основаній наукъ и ученія; надобно было уяснить эти основанія обществу, еще не привыкшему къ разрѣшенію такихъ вопросовъ. Впослѣдствіи рѣчи профессоровъ приняли болѣе специальный характеръ.

Еще изъ проекта Шувалова видно, что правительство обратило вниманіе на вредъ, причиняемый русскому воспитанію и образованію иностранными учителями, нерѣдко людьми весьма сомнительной репутаціи. Указомъ 5 мая 1757 г. предписано

¹⁾ Извлеч. изъ рѣчи Барсова, произн. 6 сентября 1760 г. и помѣщ. въ Исторіи російской Академіи М. И. Сухомлинова. С.-Пб. 1878 г. Вып. 4, стран. 497—509.

было подвергать всѣхъ иностранцевъ, прїѣзжавшихъ въ Россію съ педагогическою цѣлью, экзамену: въ Москвѣ въ университетѣ, въ Петербургѣ въ Академіи Наукъ. Всѣ учителя и содержатели пансіоновъ, бывшіе на лицо въ Россіи, должны были немедленно явиться въ Академію или въ Университетъ на экзамень. Но и послѣ этого указа злоупотребленія долго продолжались. Иностранное воспитаніе брало верхъ надъ отечественнымъ. Во всѣхъ городахъ заводимы были пансіоны заѣзжими иностранцами. Въ частные дома приглашали по преимуществу иностранцевъ. Многіе иностранные учителя въ Москвѣ и другихъ близкихъ къ ней городахъ содержали отъ себя пансіоны и школы, а иные жили въ частныхъ домахъ и обучали юношество, не имѣя ни откуда на то свидѣтельства и надлежащихъ аттестатовъ.

Литературная и типографская дѣятельность съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе оживлялась. Изъ книгъ напечатаны были: сочиненія Ломоносова, переводъ Поповскаго опыта о чловѣкѣ Поппе, его же переводъ Локка «Мысли о воспитаніи», Житіе и сокращеніе философіи Бэкона, разсужденіе Боссюэта о всеобщей исторіи, логика Баумейстера, басни Гольберга, переводъ студента Дениса Фонвизина, комедіи Мольера.

Скажемъ нѣсколько словъ о дисциплинѣ того времени. И. И. Шуваловъ не разъ предписывалъ обходиться мягко и любовно съ учащимися, избѣгая жестокости въ наказаніяхъ. Въ 1766 г. учитель Рехтъ, за неисполненіе этого предписанія, самъ подвергся наказанію конференціи. Конференція въ одномъ изъ засѣданій (1766 г.) возстала противъ обычая учителей бить фериулами по рукамъ учениковъ гимназіи и предлагала замѣнить это наказаніе крестьянскою одеждою.

Студенты ходили всегда, даже во время загородныхъ прогулокъ, въ мундирахъ зеленаго цвѣта съ краснымъ воротникомъ, обшлагами и подбоемъ. Они носили шляпы и шпаги. За проступки студенты и информаторы гимназіи наказывались лишеніемъ шпагъ. За дурное поведеніе студентовъ сажали на хлѣбъ и воду, одѣвали на три дня въ крестьянское платье, лишали жалованья за мѣсяць. Изъ лучшихъ студентовъ избирались цензора для наблюденія за поведеніемъ учениковъ гимназіи и самихъ студентовъ. За всѣми студентами наблюдали такъ наз. эфоры.

За важныя проступки студентовъ судили профессора, по назначенію конференціи. Студентъ обязанъ былъ въ своей жизни избѣгать всего, что могло бы оскорбить значеніе и повредить его благу и выгодамъ университета. Вмѣнялось въ обязанность истинное благочестіе, неутомимое прилежаніе къ наукамъ, благородное поведеніе. Строго запрещались шумныя сходки, пьянство и всякія игры въ карты, кости и т. п.

Источники и пособія:

Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета. Ч. I. Москва. 1855 г. С. Шевыревъ. Исторія Императорскаго Московскаго университета. Москва. 1855 г. Гр. Д. А. Толстой. Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 года. С.-Пб. 1883 г. Сухомлиновъ, М. И. Исторія россійской Академіи. Вып. 4. 1878 г. Пыпинъ, А. Исторія русской этнографіи. С.-Пб. 1890 г. Порфирьевъ, И. Исторія русской словесности. Часть II, отд. I. 1880 г. Иконниковъ, В. Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія. «Вѣстн. Евр.» 1876. №№ 9—11.

ГЛАВА XIII.

Правоучительныя книги первой половины XVIII вѣка.

Правоучительныхъ книгъ во время Петра I издавалось немного, да и тѣ носятъ особенный характеръ.

Мы видѣли уже, что утилитарный взглядъ на науку и жизнь проникаетъ всю Петровскую реформу. Недостатки прежняго государственнаго строя были признаны, понадобилось создать цѣлый рядъ техниковъ: инженеровъ, архитекторовъ, мореплавателей, судостроителей, военныхъ, машинистовъ. Для удовлетворенія назрѣвшей потребности созданы были цифирныя и навигаціонныя школы. Признано полезнымъ ввести западно-европейскіе нравы и обычаи въ русскую жизнь, при чемъ прежде всего обратили вниманіе на внѣшность: вводятся нѣмецкіе сюртуки, бреются бороды, вводятся ассамблеи. Не могло устоять противъ новаго направленія и русское воспитаніе, надо было поддержать реформу и воспитать людей, проникнутыхъ уваженіемъ къ ней. Проповѣдники съ кафедры призваны защищать реформу, печатный станокъ призванъ для той же цѣли. И за границей и въ Россіи переводится и издается рядъ книгъ съ новымъ на-

правленіемъ, ратующихъ въ пользу западно-европейскаго просвѣщенія. Издаются и книги съ педагогическимъ и нравоучительнымъ содержаніемъ, но это уже нравоученіе иное, не похожее на древне-русское. Кромѣ «Перваго ученія отрокамъ», въ 1717 году было издано въ Петербургѣ «Юности честное зеркало», которое мы постараемся разобрать довольно подробно.

Юности честное зеркало. «Нельзя съ точностью указать подлинникъ, съ котораго переведено у насъ «Зерцало», но не подлежитъ сомнѣнію, — говоритъ г. Пекарскій, — что его надобно искать въ нѣмецкихъ руководствахъ начала XVIII вѣка, когда были въ ходу *Spiegel für die Bildung, der Goldne Spiegel* и т. п. сочиненія, напоминающія по своему заглавію петровское «Юности честное зеркало». Можно думать, что кое-что въ «Зерцало» привнесено свое, чисто русское. Это свое, взятое изъ древне-русскихъ сборниковъ, и есть лучшее, порой прямо стоящее въ противорѣчьи съ основнымъ тономъ и направленіемъ «Юности честнаго зеркала». Есть также не мало основаній предполагать, что составитель нѣмецкаго оригинала кое-что заимствовалъ у Амоса Коменскаго изъ его *Praecepta morum*¹⁾. Въ общемъ, «Зерцало», проникнутое нѣмецко-дворянскими интересами, главное вниманіе свое обращаетъ на внѣшность, приличіе, умѣніе держать себя въ обществѣ, умѣніе держать въ чистотѣ руки, ногти, ротъ и т. п., кавалерство и проч. Мы останавливаемся на «Зерцалѣ» потому, что, какъ видно, въ петровское время, сообразно обстоятельствамъ времени, оно пришлось по вкусу читающей публикѣ, соотвѣтствовало новымъ потребностямъ времени и потому не только неоднократно перепечатывалось и издавалось, но охотно раскупалось²⁾ и даже переписывалось, какъ объ этомъ свидѣтельствуешь рукопись начало XVIII вѣка, находящаяся въ нашемъ распоряженіи, откуда мы и сдѣлаемъ выдержки.

Полное его заглавіе слѣдующее: 1) *Юности честное зеркало, или показаніе къ житейскому обхожденію*. Собранное отъ разныхъ авторовъ; напечатана повелѣніемъ Царскаго Величества въ Санктъ-Петербурхѣ. Лѣта Господня 1719 г. іуліа 5 дня.

¹⁾ Напомнимъ, что еще въ 1653 г., для школы въ Потокѣ, Амосомъ Коменскимъ были написаны *Praecepta morum* — Правила доброй нравственности, собранныя для юношества.

²⁾ По свидѣтельству «Живописца» Новикова, въ 1717 г. было продано 145 экз. «Зеркала», въ 1718 г. — 44 экз.

Оно состоитъ изъ двухъ частей: въ первой — азбука, слоги, цифры и краткія нравоученія изъ св. Писанія; вторая содержитъ въ себѣ правила, какъ держать себя въ обществѣ, сохранять свѣтскія приличія и проч. Въ нашей рукописи «Зерцала» находится 63 правила; затѣмъ добавлено о девической чести 20 правилъ, и незанумерованныя статьи: «о девическомъ цѣломудріи», «о девическомъ смиреніи» и т. п.

Въ первыхъ параграфахъ говорится о почтеніи къ родителямъ:

§ 1. Въ первыхъ наипаче всего должны дѣти отца и мать въ великой чести содержать. И когда отъ родителей что имъ приказано бываетъ, всегда шляпу въ рукахъ держать, и предъ ними не vzdѣвать, и возлѣ ихъ не садитіся, и прежде оныхъ не засѣдать.

§ 3. У родителей рѣчей перебивать не надлежитъ, и ниже прекословить, и другихъ сверстниковъ въ рѣчи не впадать, но ожидать, пока они выговорятъ. Часто одного дѣла не повторять, на столъ, на скамью, или на что ино не опираться, и не быть подобнымъ мужику, которой на солнцѣ валяется, но стоять должны прямо.

§ 5. Не прілічно имъ руками или ногами по столу вездѣ колобродить, но смірно ѣсти. А вѣлками и ножікомъ по тарѣлкамъ, по скатерти или по блюду не чертить, не колоть и не стучать, но должны тихо и смірно прямо, а не избоченясь сидѣть.

§ 7. Когда имъ говорятъ съ людьми, то должно имъ благочинно, учтиво, вѣжливо, разумно, а не много говорить, потомъ слушать, и другихъ рѣчи не перебивать, но дать все выговорить, и потомъ мнѣніе свое, что достойно, предъявить.

§ 8. Съ духовными должны дѣти вездѣ благочинно, постоянно учтиво и вѣжливо говорить, а глупости никакой не предъявлять. Но о духовныхъ вещахъ и о чинѣ ихъ, или духовныя вопросы предлагать.

§ 12. Всегда время пробавляй въ делахъ благочестныхъ, а празненъ и безъ дѣла отнюдь не побывай, ибо отъ того случается что некоторыя живутъ лениво, не бодро, а разум ихъ затмится и иступится, потому изътого добра никакова ожидать

можно, кромѣ дряхлова тѣла и червоточины, которое съ лѣности тучно бываетъ.

§ 13. Младый отрокъ долженъ быть бодръ, трудолюбивъ, прилѣженъ и безпокоенъ, подобно какъ въ часахъ маетникъ, для того, что бодрый господинъ ободряетъ и слугъ, подобно тому яко бодрый и рѣзвый конь учиняетъ сѣдока прилежна и осторожна, потому можно отчасти смотря на прилежность и бодрость или раденіе слугъ признать, како правленіе котораго господина состоитъ и содержица: ибо ненапрасно пословица говорится: каковъ игумень, такова и братія.

§ 15. Имѣеть отрокъ наипаче всехъ человекъ прилежать, какъ бы себя могъ учинить благочестна и добродѣтелна, ибо не славная его фамилія и не высокій родъ приводитъ его шляхетство, но благочестныя и достохвалныя его поступки. Понеже благочестіе есть похвала юности и счастье благополучное и красота старости. Того ради оной имѣеть по правдѣ тому подражать. То бо есть истинное избавленіе отъ убожества, и прямая подпора и постоянной столпъ богатству.

§ 16. Имѣеть прямой (сущій) благочестивый ковалеръ быть смиренъ, приветливъ и учтивъ...

§ 18. Младый шляхтичъ или дворянинъ ежели эксерциціи (въ обученіи) своей совершенъ, а наипаче въ языкахъ, въ конной ездѣ, танцованіи, въ шпажной битве, и можетъ доброй разговоръ учинить, къ тому жъ красногливъ и въ книгахъ наученъ, — оный можетъ съ такими досуги, прямымъ придворнымъ человекомъ быть.

§ 19. Прямый придворный человекъ имеетъ быть смель, отваженъ и не робокъ, а съ государемъ долженъ говорить с великимъ почтеніемъ, и возможетъ о своемъ дѣлѣ самъ предъявлять и доносить, и на другихъ не имѣеть надеяться, ибо где можно такого найти, который бы могъ такъ вѣренъ быть, какъ самъ себе. Кто при дворе стыдливъ бываетъ, оный съ порожними руками от двора отходить...

§ 22. Отрокъ долженъ быть весьма учтивъ и вежливъ, какъ в словахъ, такъ и въ делахъ, на руку не дерзокъ и не драчливъ. Также имѣеть оной стретившаго на три шага не дошедъ и шляпу приятнымъ образомъ снявъ, а не мимо прошедши назадъ оглядываясь, поздравлять, ибо вежливу быть на словахъ, а шляпу

держатъ в рукахъ не убыточно, а похвалы достойно, и лучше, когда про кого говорятъ: «онъ есть вежливъ, смиренный коварель (sic) и молодець», нежели, когда скажутъ про котораго: «онъ есть спесивый болванъ».

§ 27. Младья отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы темъ навикнуть могли, а особливо когда жъ что такое говорить случится, что слуги и служанки дознатца не могли и чтобъ можно ихъ отъ другихъ не знающихъ болвановъ распознать. Ибо каждый купецъ, товаръ свой похваляя, продаетъ, какъ можетъ.

§ 30. Младья отроки, которые приехали из чужихъ странъ и краевъ и языковъ с великимъ издивеніемъ научились, оныя имеетъ подражать и тщатся чтобъ ихъ не забыть, но совершеннѣе в нихъ обучатися, а именно чтеніемъ полезныхъ книгъ и чрезъ обходителство с другими...

§ 34. Немалая есть отроку краса, когда онъ смиренъ, а не самъ на великую честь позывается, но ожидаетъ, пока его танцовать или къ столу итти з другими пригласять, ибо говорится: «смиреніе молотцу ожереліе».

§§ 38, 39, 40 говорятъ противъ скудости.

§ 44. Еще жъ отрокъ да будетъ во всехъ своихъ службахъ прилеженъ и да служить со охотою и раденіемъ, ибо какъ кто служить, такъ ему платять, потому и счастье себе получаетъ.

§ 45. В церкви имѣетъ оной очи своя и сердце весма к Богу обратить и устремить, а не на женской полъ. Ибо домъ божій домъ молитвы, а не вертепъ блудничій...

§ 47. Никто не имѣетъ повѣся голову и потупя глаза внизъ по улице ходить или на людей косо взглядывать, но прямо, а не согнувшійся ступать и голову держать прямо жъ, а на людей глядѣтъ весело и приятно, съ благообразнымъ постоянствомъ, чтобъ не сказали: «онъ лукаво на людей смотритъ».

§ 49. Слугамъ своимъ и челядинцамъ не должно давать злаго прикладу и предъ ними никакова соблазну не чинить и ниже допускать, чтобъ они всякими глупостями хозяину подлещали...

Дурныхъ слугъ рекомендуется «смирять, покорять и унижать (§ 50), тѣхъ же, которые исправно служатъ, любить и защищать (§ 53).

§ 57. Рыгать, кашлять и подобныя такія грубыя действия въ лице другаго не учини или чтоб другой дыхание и мокроту желутка, которыя востав могъ чувствовать повсегда либо рукой закрыи или отвороти ротъ на сторону или скатертью или полотенцомъ прикрой, чтобъ никого не коснуться темъ згадить.

§ 58. И сия есть немалая гнусность, когда кто часто сморкаетъ, якобы в трубу трубить или громко чхаеть, будто кричить и тѣмъ въ прибытіи другихъ людей или в церкве детей малыхъ пужаетъ и устрашаетъ.

§ 59. Еще же зело не пристойно, когда кто платкомъ или перъстомъ в носу чистить, яко бы мазь какую мазалъ, а особливо при другихъ честныхъ людяхъ.

§ 60. Когда тебя о чемъ спросятъ, то надлежитъ тебе отозваться и дать ответъ, какъ пристойно, а не маши рукою и не кивай головою или инымъ какимъ непристойнымъ образомъ, на подобие немымъ, которыя признаками говорятъ или весма никакой отповеди не дають.

Затѣмъ слѣдуетъ статья: «како младый отрокъ долженъ поступать, когда он такъ въ беседе з другими сидитъ».

Когда прилучится тебе з другими за столомъ сидеть, то содержи себя в порядкѣ по сему правилу: в первыхъ обрежь свои ногти, да неявится, якобы оныя бархатомъ обшиты; умой руки и сяди благочинно, сиди прямо и не хватай первой з блюда, не жуй какъ свинья и не дуй вушное, чтобъ вездѣ брызгало, не сопи, егда яси, первой не пей, будь воздерженъ и бегай пьянства, ти и яждь, сколько тебѣ потребно; въ людехъ быть последней; когда что тебе предложить, то возьми часть ис того, протчѣе отдай другому и возблагодари ему; руки твои да не лежатъ долго на торелке, ногами же да не мотай, когда тебе пить не уширай (рта), гупъ рукою, но полатеньцомъ и не пей, пока еще пищи не проглотил, не облизывай перъстовъ и не грызи костей, но обрежь ножемъ, зубовъ ножемъ не чисти, но зубочисткою и одною рукою прикрой ротъ, когда зубы чистить; хлеба приложя къ грудямъ нарежь, ешь что пред тобою лежитъ, а инуде нехватай, ежели перед кого положить хочеш, не примай перъстами, какъ некоторыя народы ныне обыкли, над еством не чавкай, какъ свиния и головы не чеши, не проглотя куска не говори, такъ дѣлають крестьяня (sic!), часто

чихать, сморкать и кашлять непригоже; когда яси яйцо отрежь напред хлѣба и смотри, чтобъ при томъ не вытекло и яждь скоро, яишной скорлупы не разбивай и пока яси яйцо не ши, между темъ не замарай скатерти и не облизывай перъстовъ, около своей тарелки не делай забора ис костей, корокъ хлеба и протчаго; когда престанешь ясти возблагодари Бога, умой руки и лице и выполощи ротъ¹⁾).

Въ статьѣ «коиимъ образомъ имѣеть отрокъ между чуждими» (ст. 28 — 30 рукоп.) читаемъ: «Платья своего и книгъ береги прилежно, а поуглам оныхъ не разбрасывай, будь услуженъ и об одномъ деле дважды себе приказывать не давай, и такимъ образомъ получишь милость; охотно ходи къ церквѣ и в школы, а не мимо ихъ, иначе бо пойдешь путемъ, которой ведетъ в погибель; не пересмехай, не осуждай и ни про кого ничего зла не говори, да не постигнетъ и тебя зло.

Никакое неполезное слово или не потребная речъ, да не изыдетъ изустъ твоихъ; всякой гневъ, ярость, вражда, ссоры и злоба да отдалится от тебя, и не делай, ни приуготовляй никакихъ ссоръ; все, что делаешь, делай с прилежаниемъ и с разсуждениемъ, то и похваленъ будешь, когда ты верно обходишься, то и Богу благоприятно и такъ благополучно тебе будетъ, а ежели ты неверно поступаешь, то наказания Божия неминуешь... Не презирай старыхъ или увечныхъ людей. Будь правдивъ во всехъ делехъ, ибо нетъ злѣе порока въ отроке, яко ложь, а от лжи раждается вражда, а отъ вражды приходитъ веревка на шею.

Не выходи из дому твоего без ведома и воли родителей твоихъ и начальниковъ и ежели ты посланъ будешь, то возъ-

¹⁾ У Амоса Коменскаго въ его Praecepta morum находимъ соответственное мѣсто, какъ вести себя за столомъ (прав. XIII) § 5. Мужичкія манеры: а) садиться безъ приглашенія, б) занимать болѣе видное мѣсто, в) класть на столъ руки, д) или, наоборотъ, держать руки подъ столомъ, е) ломать хлѣбъ и и другія кушанія руками или обглаживать зубами, ф) вырывать изъ подъ носа у другихъ лучшей кусокъ, г) нагружать ложку до краевъ, какъ возъ, h) подносить ко рту слишкомъ большое количество пищи, i) пачкать пальцы, к) обгрызая кости зубами, l) наполовину съѣденное подставлять другимъ, m) вынимать кусокъ изо рта и снова класть его на столъ, n) во время ѣды чесать въ головѣ, болтать, смѣяться и т. п., о) одновременно жевать и разговаривать, р) пить, имѣя во рту ѣду, q) пить полнымъ ртомъ или съ причмокиваніемъ, r)ковырять въ зубахъ ногтями или ножомъ. Послѣ обѣда вымой руки, выполоскай ротъ и вычисти зубы, чтобы выглядѣть опрятнымъ.

вратись паки вскоре, не оболги никого ложно; ни из двора, ни во дворъ вестей не переноси, не смотри на другихъ людей, что они дѣлають или какъ живутъ, ежели за кемъ какой порокъ усмотришь берегись самъ того, а буде что у кого доброе усмотришь, то не постыдись самъ тому следовать¹). Кто тебя наказуетъ, тому благодари и почитай его за такова, которой тебе всякаго добра желаетъ. Где двое тайно между собою говорятъ, тамъ не приступай, ибо подслушивание есть бесстыдное невежество».

«Девическия чести и добродетелей венець состоящи въ следующихъ двадцати добродетеляхъ, а именно: охота и любовь к слову и службе Божией, истинное познание Бога, страхъ Божій, смиреніе, призываніе Бога, благодареніе, исповеданіе веры, почитаніе родителемъ, трудолюбие, благочиніе, приветливость, милосердіе, чистота телесная, стыдливость, воздержаніе, целомудріе, бережливость, щедрота, правосердіе и молчаливость и протчая».

Слѣдуетъ затѣмъ подробное объясненіе правилъ. Такъ, напр., Девическое смиреніе (ст. 41 рук.). «Между другими добродетельми, которыя честную даму или девицу украшают и от нихъ требуются есть смиреніе начальнойшая и главнейшая добродетель, которая весма много в себе содержитъ и того не довольно, что токмо в простомъ одеяніи ходить и главу наклонять и наружными поступками смиренія себе являть, сладкія слова испущать, сего еще гораздо не довольно, но имѣеть сердце человеческое, Бога знать, любить и бояться; потому должно свои собственныя слабости, немощи и несовершенства признавать»...

Апофѳегмата. Въ 1723 г. были изданы: *Апофѳегмата то есть краткіхъ вѣтѣватыхъ и нравоучительныхъ рѣчей. Книги три.* Въ нихъ же, положены различныя вопросы и отвѣты, житія и поступки, пословицы и разговоры различныхъ древнихъ філософовъ. Переведены съ польскаго на славенскій языкъ. Ст. 237 in 8.

Здѣсь находимъ краткія выборки изъ ученій разныхъ філософовъ: сократово ученіе (ст. 9), прѣтчѣ благоразумныя Арістотелевы (ст. 32), его ученіе (ст. 35), разумныя рѣчи Віаса (ст. 83),

¹) Эта статья напоминаетъ лучшія мѣста изъ древне-русскихъ сборниковъ. — М. П.

ученіе Анаксагора (ст. 95), ученіе Зінона (ст. 105), умныя ученія Клеовула (ст. 128), рѣчи Сімонида (ст. 134), прітчи Воеція (ст. 149) и т. д.

Во второй книгѣ «положены повѣсти кесарей римскихъ, королей, князей, вожей воинскихъ, сенаторей и иныхъ чіона-чальныхъ». Въ третьей книгѣ заключаются повѣсти Лакедемонскія. Все это изложено афористично. Вообще Апофѣегмата своими краткими разговорами и афоризмами нравоучительными и философскими напоминають во многомъ древне-русскую Пчелу. Хорошо было то, что популяризовались идеи о пользѣ философіи и добродѣтельной жизни.

Приведемъ изъ Апофѣегмата нѣкоторыя выдержки.

«Хотящымъ отъ него (Сократа) увѣдати, что разности межъ ученымъ и неученымъ. Отвѣща: такова рознь, какова межъ лекаремъ и болнымъ (ст. 5).

«Всякому товарищу рѣчь подобаеть примѣняться къ слушателю, кто не хочетъ на вѣтръ говорить. Понеже стоскнувся слышатель, не таково со вниманіемъ слушаетъ, хотя бы кто и лучшіе вещи долго сказывалъ (ст. 5—6).

На вопросъ: почему люди познаваемы бывають? Платонъ отвѣща: Людей и сосуды стеклянічныя единаче познаваемъ. Стеклянічный сосудъ по звуку, а людей по рѣчамъ (ст. 8).

Сократъ говорилъ: «аще не вдасть отецъ сына учітися отъ юности добрыхъ нравовъ, таковъ не имать наслѣдити достоянія отца (ст. 10).

Антисѣень філософъ, ученикъ Сократовъ единъ путь къ безсмертной славѣ являлъ, се есть, житіе благочестное и праведное (ст. 23).

«Не можетъ тамъ счастливо общенародіе быть: гдѣ ни добрыхъ честятъ, ни злыхъ казнятъ».

«Аристотель часто пріятелемъ своимъ и друзьямъ говаривалъ, также и ученикамъ: «Яко же зракъ пріемлетъ свѣтъ, тако человекъ отъ ученія. Ученый бо скоро відітъ, что за чѣмъ идетъ, а человекъ безъ ученія, аки слѣпъ, не увідітъ, что мѣшаетъ, не постережетъ, что за чѣмъ идетъ (ст. 28).

«Больша честь подобаеть учителемъ юныхъ учащимъ, неже родителемъ. Отъ родителей бо рожденіе точію имуть, а отъ учителей добродѣтель и житіе доброе (ст. 33).

«Тѣхъ иже о добродѣтели сладкая глаголятъ, а житіе бездѣльно водятъ, повѣда (Анаксименъ) быти подобнымъ гуслиамъ, иже сладкогласіемъ своимъ иныхъ пользуютъ, а сами его не слышать. Добродѣтель не словами, но честными дѣлы состоитъ (ст. 55).

«Ученіе лекарское лечитъ болѣзни на тѣлѣ, а философія лечитъ вреды въ мыслѣ (ст. 63).

«Узрѣвъ нѣкоего юношу лицемъ дурна, но нравовъ добрыхъ, рече: доброта души его, много красоты лицу его придаетъ (ст. 67).

«Кратесь сему научаше: Ни о комъ зла не говори, толко слушай что злое о комъ говорятъ, да ты таковъ не будещи. Слыша много, говори мало; прежде уразумѣй рѣчь, потомъ оныя касайся. Отъ юности учись мѣрности и воздержанія: на старость мудрости и добраго совѣта. Добраго чти, злаго не жалѣй (ст. 101).

«Нѣщии таковии суть, аще что кому добро сотворятъ, то всякому сказываютъ, а временемъ выговариваютъ, и тако свое добродѣяніе ни во что вмѣняютъ (ст. 125).

«Книги бо суть зеркало, аще и не говорятъ, обаче всякому віну и пороку объявляютъ (ст. 138).

«Хотящему премудрости держатца, подобаесть злыхъ дѣлъ ошаяватца (ст. 141).

«Вся погибнетъ, кромѣ добрыхъ дѣлъ (Ермісь, мудрецъ египетскій (ст. 143).

По мнѣнію Сенеки: «Ученіе и наказаніе творить благія нравы и уразумѣть себя гораздо учащемуся благое обыкновеніе, то вонъ изгоняетъ, чего набралось злое (ст. 147).

Притчи Воеція. Трудность ученія всякаго человѣчскимъ тщаніемъ умягчаема бываетъ. Кто въ ученикахъ не бывалъ, тотъ учителемъ не будетъ. Нѣсть достоинъ ученія, иже наставленія учителя не приемиетъ терпѣливо. Смысль честенъ, память изобразуетъ, а забвеніе глупость наноситъ (ст. 150).

«Катонъ говоритъ: «Общее добро лучши. Нравами, неже одеждою и оружіемъ тѣло соблюдено быти имѣетъ. Сенаторамъ своимъ сказывалъ: разумно совѣтуйте, да своими трудами, что доброе и полезное здѣлаете. Трудъ бо скоро отъ васъ отступитъ, а что доброе сотворите, то при васъ до смерти останетца (ст. 209).

Четыре вещи суть потребны къ соблюденію общаго добра, се есть: добро творити, добромъ поступати, добродѣтельно питати и добрѣ орати (ст. 209—210).

Иѳеика іерополитика. Въ 1712 г. въ Кіевѣ, въ Печерской Лаврѣ была издана: 3) *Иѳеика іерополитика или філософія правоучительная символами и приуподобленіи изясненна къ наставленію и ползѣ юнымъ.*

Это небольшая книжка въ 12°, въ ней 9 нен. л. (посвященіе Скоропадскому), текстъ на 175 стр., въ текстѣ 67 гравюръ на мѣди. Въ посвященіи, подписанномъ А. М. (т.-е. Аѳанасіемъ Миславскимъ), говорится: «мысляще добру полезная, составихомъ ко наставленію юнѣйшимъ нужднѣйшія увѣщанія». Книга заключаетъ въ себѣ предувѣдомленіе, о слѣпотѣ юныхъ, о вѣрѣ и любви къ Богу, о заповѣдяхъ Божіихъ, о почитаніи родителей, о властяхъ, объ академіи или училищѣ, о молчаніи, истинѣ, простотѣ, кротости, смиреніи, любви къ ближнему, цѣломудріи, совѣсти и проч. Словомъ, въ ней затрогиваются всѣ важнѣйшіе нравственные вопросы, но въ рѣшеніи ихъ очень мало оригинальнаго; въ большинствѣ это рядъ мыслей, давно извѣстныхъ изъ древне-русскихъ сборниковъ.

Въ виду того, что Иѳеика мало подвергалась разбору, мы приведемъ здѣсь изъ нея нѣкоторыя выдержки¹⁾.

Кому же не открыся? Кому потаенно есть, яко идеже злоба пообладаетъ нравы человѣческія, тамо ниже домъ, ниже градъ, ниже царство постояти возможетъ, опустошитъ (рече) всю землю, беззаконіе, и злоба превратитъ престолы сильныхъ... В немже бо есть благодравіе и добродѣтел, сей тихъ есть, кротокъ и всѣмъ примирителень. Стропотный же и развращенный, везде сѣеть вражды, и вины ко разлученію ищетъ. Благій таитъ обиды, и ищетъ любве. Коварный же раздрушаетъ дружбы и дома».

«Всякъ хотяя лучший быти, лучшему вослѣдствовать долженъ есть: удалятися самохотѣнія и безчиннаго самолюбія, вся же дѣла, и дѣянія своя прилѣжно истязовати» (ст. 3).

«Чти отца твоего и матеръ».

«Се буди вамъ в наученіи первое искусство, первое мудрости изисканіе, и начало всѣхъ добродѣтелей. Зане отъ непочитанія

¹⁾ Пекарскій посвятилъ Иѳеикѣ всего одну страницу. См. «Наука и литер. при Петрѣ Великомъ», т. II, стран. 277.

родителей рождается неповиновеніе, от неповиновенія ожестѣніе, отъ жестоты нравъ звѣрскій, и крайняя погибель» (34). «Отъ имѣнія же твоего твори милостыню, и не отврати лица твоего ни от единого убогаго, милостыня от всякаго грѣха и от смерти избавляетъ (ст. 35).

«Относительно воспитанія Иѳіка замѣчаетъ: «Руганья паче же многихъ слезъ достойны блудъ и погрѣшеніе сіе въ родителяхъ видимъ, которіи нивы, поля и стяжанія многая собираютъ чадамъ своимъ, а о наказаніи ихъ, да в добродѣтеляхъ имѣти будутъ искусство, ниже помышляютъ» (ст. 44). От самыхъ бо пелень растущій, ниже золь, ниже добръ есть, но якоже реченый языка и народа присутственнаго, тако и нравовъ обучается соростныхъ, а якоже инородному языку, сице и иным, или от учителей, или от сверстныхъ своихъ обучаемся. Аще желаете да не угаснетъ, но паче умножитъ свѣтъ свой от многихъ лѣтъ восіавшая слава ваша: примѣте прежде подаванія наказаніе, и терпѣливни пребудѣте въ трудѣ его».

... Послушаемъ купно, что ко вамъ глаголетъ Ісусъ Сираховъ: конь ненаученъ сверѣплъ будетъ, и сынъ самовольный блудникъ будетъ. Накажи (рече) чадо, и удивить ты, играй съ нимъ, и сотворишь тебѣ плачь. Не смѣйся с ним да не поболити посем, и напоследокъ согнеши си зубы...¹⁾. «Къ юнѣйшимъ паки обращаю слово мое: знайте себе, знайте лѣта ваша, не погубляйте всуе безцѣннаго времени, цвѣтущая юности ваша, возлюбѣте (сіе же множицею рѣхъ вам, и паки реку возлюбѣте), якоже любити подобаетъ, рожныхъ васъ» (ст. 46 об.).

«Отъ неповиновенія бо родителемъ, учителемъ, и кому-либо начальному, рождается сверѣпство, от сверѣпства ожесточеніе, от ожесточенія гордость, от гордости погибель (ст. 49).

Въ статьѣ объ академіи или училищѣ говорится: «Бестія плотоядна песь есть, и зѣло алчущая присно, той обаче умѣть не прикасатися брашну аще и многоденственнѣ будетъ голодомъ моримый. Человѣкъ безъ наказанія такова (?) словесная сущи — скоту подобен, и бываетъ паче скота горшій. Сія убо вѣдуще, извѣститесь надлежитъ, въ дому ли, или въ народныхъ училищахъ полезнаѣ будетъ инымъ навикати всяческаго наказанія?»

¹⁾ Это мѣсто особенно пришлось по вкусу русскимъ книжникамъ и многократно цитируется въ древне-русскихъ сборникахъ. См. Ист. рус. пед. Ч. I.

Этотъ вопросъ разрѣшается въ пользу училищъ, на томъ основаніи, что ребенокъ не будетъ избалованъ родителями, какъ это нерѣдко бываетъ при домашнемъ воспитаніи. «Таковую еще древній велики господіе на чадѣхъ своихъ бѣду искусивше, народныя многимъ иждивеніемъ создаша училища, якоже въ Персеи, въ Лацедемоніи. в Аѳинѣхъ и в Критѣ и нынѣ по всемъ западѣ. Господу же послѣдствующу, в Россійскомъ государствѣ, растеть и множитъ ся число училищъ народныхъ. Ничтоже тако погубляетъ юных, якоже ласканіе и слѣпая родителей любов ко чадамъ; сущіи же во училищахъ всѣхъ бѣды таковыя свободни суть» (ст. 54).

О чтеніи книгъ говорится: «Присидящій книгъ чтенію, всегда безбѣдное, тихое и немятежное, посредѣ волнь, посредѣ вихрей міра сего, житіе ведетъ... Многого добрѣ хотящимъ жити, искусства требѣ есть, и ниже оно весма приходитъ со лѣты, но ищущіи обрѣтають его, и ниже старь, ниже юнь в семъ разнство имѣють». И рци ми, что возможетъ человѣку толикое принести искусство совершенствъ, якоже чтеніе книгъ? Тамъ мы находимъ всякую мудрость (ст. 55). Читатель призывается пріобрѣтать книги Ветхаго и Новаго Завѣта и приложенъ подробный списокъ ихъ (ст. 60).

«Хотящій убо добродѣтельное, сіестъ христіанское начинати житіе, прежде всего да поучають истинѣ уста своя, да навькнутъ истину глаголати (ст. 66).

«Ничтоже тако свойственнѣе, ничтоже истиннѣе праваго возможетъ тако показати христіанина, яко согласіе устенъ со сердцемъ его, еже бо усты, сія и сердцемъ (ст. 67). О значеніи любви Иѳеика говоритъ: «Нѣсть бо, нѣсть бо мощно человѣку не хотящу любити, правы имѣти стези своя; нѣсть мощно что творити благое, основаніе бо всѣхъ благихъ, ничтоже есть иное кромѣ любве. Идѣже бо любовь вся отъемлются злая... Любовь вся свѣтла есть, вся тиха, вся кротка (ст. 88). Первѣе всего, аще хочещи любимъ быти: люби. Хочещи ли (глаголетъ Сенека) научитися: како бы избѣгнути ненависти, и стяжати любовь, покажу тебѣ безъ волшебства, безъ зеля, безъ всякаго обаянія, аще хочещи возлюбленъ быти: люби. Тоежде и Господь сказалъ намъ: якоже (рекъ) хочете, да творятъ вамъ человѣци, и вы творите имъ такожде. Со радующимися (нужно) радоватися, со пла-

чущимся плакати... Всѣхъ блажити, всѣхъ умѣреннѣ похваляти, никого же хулити, ниже ругати полезно есть... Вездѣ не своя, но ближняго, паче же обща ползы искати (ст. 93—95). О совѣсти въ Ивѣкѣ такъ говорится: «Вопрошен Сократ: кто на земли возможетъ мирно пожити, отвѣща глаголя: сей, иже ни единому же злодѣянiю и совѣсти своей точенъ есть... Таковое убо свѣдуще: потщимся чисту и непорочну совѣсть имѣти всегда предъ Богомъ и человѣки».

Наставленiе о поведенiи. Къ нравоучительнымъ книгамъ первой половины XVIII в. должна быть отнесена и небольшая рукописная книжка, находящаяся въ нашемъ распоряженiи. Она озаглавлена: 4) *Наставленiе о хорошемъ поведенiи при государевомъ дворѣ: такожде и о другомъ состоянiи сея жизни.* 59 листк. in 16°⁴).

По языку, слогу и манерѣ писать, а также отчасти и по почерку, эта небольшая книжка относится къ первой половинѣ XVIII вѣка. Легко можетъ статься, что она относится къ Петровскому времени и представляетъ переводъ съ иностраннаго. Книжка эта нравоучительнаго характера, хотя среди обще-нравственныхъ мыслей попадаются совѣты не высокой пробы, и вообще книжка проникнута практическою, растяжимою моралью. Главное рекомендуется заботиться о своей пользѣ, а затѣмъ уже Государя и ближнихъ. Приведемъ изъ нея нѣкоторыя выдержки:

«Дворъ великаго Государя, такъ начинается книжка, лутчаго сходствiя ни с чѣмъ такъ имѣть не можетъ какъ с волнующимся моремъ, наполненнымъ каменными порогами, гдѣ пребываютъ всеминутно в опасенiи дабы не претерпѣть разбитiя карабельнаго. И такъ вы ежели приняли намѣренiе препроводить жизнь вашу при дворѣ, то бы и вы не менее отважились во оную службу вступить, не подумавъ прежде о страхе і о трудностяхъ тамъ приключающихся, разсуждаите о дарованiяхъ данныхъ вамъ от природы, науки и искусства и не препоручайте себя слѣпому щастiю, ни вашему знанiю, сыщите себѣ свободный доступъ вашимъ честнымъ обхожденiемъ и старайтесь о привлеченiи сердець всѣхъ

Библиогр. справка: книга эта рѣдка. Въ печати неизвѣстна (хотя слѣдовало бы ее сравнить съ Придворнымъ человѣкомъ Граціана Бальтазара, перев. Волчкова, изд. 1760 г. У насъ этой послѣдней книги не было. — *Прим. М. Д.*

людей терпѣливостію, смиренностію, благоговною смѣлостію и хорошимъ повѣденіемъ (л. 1).

«Старайтесь о наставленіи другихъ на разумъ вашимъ хорошимъ примѣромъ и употребите все возможное попеченіе, чтобъ пріобрѣсть хорошею (sic) славу и честь отъ ученыхъ и честныхъ людей (л. 2).

«Если вы воспріяли твердое намѣреніе оставить запрещенныя увеселѣнія, Государю своему вѣрно служить и предпочитать Божественную службу человѣческой, то вамъ надлѣжитъ (sic) отправится безъ всякаго опасенія по морю двора и по оному поднявъ всѣ парусы пустить корабль щастія. Слава Божія, прибыль Государева, и заступленіе добрыхъ людѣй (sic) должны быть всегда намѣреніе вашего мореплаванія (л. 3 об.).

Прилѣжность и примѣчаніе, которую вы будите имѣть, дабы отправлять должность порученную по чину вашему служить будутъ вмѣсто парусовъ вашему кораблю; постоянство и твердость будутъ онаго машты; добрая совѣсть и вѣрность будутъ онаго якорь; и тако вы можете укрѣпить всѣ ваши предпріятія (sic) конатомъ надежды, которая васъ сохранитъ отъ всѣхъ погодъ и безпокойствіи сего моря, вамъ не безнужды знать, что корабль щастія носимъ будетъ то вверхъ, то внизъ по волнамъ страха и невѣрія, онъ атакованъ будетъ отъ вѣтровъ зависти, любочестія, мотовства, гордости и лютости. Онъ можетъ быть поколебимъ отъ грома славы, попадаемой молніею оклеветанія; онъ можетъ испортитца отъ вихра праздности и мотовства; онъ можетъ разбитіе претерпѣть отъ каменныхъ пороговъ неблагополучія, подозренія и зависти и, наконецъ, можетъ поглотенъ быти (sic) въ пропасти благодарствія» (л. 4). Авторъ совѣтуетъ «дабы преодолѣть всѣ сіи вамъ приключаются препятствіи» избрать «умнова и искренева друга», который долженъ научить обхожденію при дворѣ. Но «дабы быть любимому надлѣжитъ прежде знать любить (ст. 5 об.)¹⁾. Наставленіе рекомендуетъ сохранять склонность тѣхъ, которые находятся у Государей в милости (л. 6 об.).

«Вся наша жизнь препровождается въ словахъ и дѣлахъ. И тако старайтесь, чтобы вести себя какъ в одномъ тако и в другомъ такимъ образомъ, чтобъ не нажить какой укоризны і оказывайте совершенной разумъ в наимаалѣйшихъ вашихъ предпріятіяхъ,

¹⁾ Ср. въ Иеікѣ «аще хочещи любимъ быти: люби» (ст. 93).

не отдавайтесь въ обманъ порокамъ подъ видомъ добродѣтелей; будьте добры и скорыи, а не дерзновенны и не безсмысленныя, будьте бдящии, а не беспокоинныя, смѣлыя, а не гордыи и не бранливы. Будьте тихи, а не задумчивы, будьте почтительны, а не боязливы, веселы, а не безумны, пріятны, а не льстивы; любите добродѣтель, а не будьте упрямы»¹⁾ (л. 8).

«Не говорите словъ иностранныхъ особливыхъ и выбранныхъ, которые уже вышли изъ употребленія (л. 12).

«Не дѣлайте и не обѣщайте точно кромѣ токмо того, что вы можете что вы должны и что вы хотите содержать, тотъ который обѣщаетъ, а не содержитъ своего обѣщанія потеряя свое достоинство и надежду (л. 12 об.).

Какъ примѣръ растяжимой морали наставленія, приведемъ слѣд. мѣсто: «Правда есть ангельская мать, но она раждаетъ двухъ дьявольскихъ дочерей, то-есть ненависть и зависть, оне суть два порога, отъ которыхъ многіе честные люди разбитіе корабельное претерпѣваютъ (л. 24). «Правду говорить не всегда хорошо» (л. 24 об.) и далѣе «Если вы вымолвите нечаянно такое слово, которое тронуло сердце или обидѣло того, кому вы говорили, то самолюбіе взбунтуетъ ево противъ васъ» (л. 24—25).

«Вы можете поступать слѣдующимъ образомъ въ разсужденіи всѣхъ людей и естли правда несовсемъ потребна, то надлежитъ укротить погрешности другихъ, приписывая имъ каждому имя добродѣтели, которая съ тѣмъ нѣсть какое сходствіе имѣеть. Напримѣръ, естли челоуѣкъ скупъ, то вы должны говорить, что онъ бережливъ и хорошей домоводецъ, естли онъ расточаетъ свое имѣніе, то надлежитъ говорить, что онъ щедръ и податливъ,... естли онъ лицемѣръ, то долженъ говорить, что онъ благочестивъ и богобоязливъ и такъ о протчихъ» (л. 25 и 26). Симъ средствомъ можете вы удовольствоваться любочествіемъ и суету всѣхъ людей (л. 26 об.). Наставленіе рекомендуетъ оказывать людямъ внѣшніе знаки почтенія, но главное заботиться «понравится знатнымъ и умнымъ», ибо это преизрядное дѣло.

«Знающія другимъ уступать, дѣлающіи оное доброжелательно можетъ смѣло обнадеженъ быть, что онъ ото всѣхъ любимъ и почтенъ будетъ, здѣсь то принадлежитъ нецененная

¹⁾ Последнее сопоставленіе довольно странно. — Прим. М. Д.

тайна обуздаты страсти свои и воздержать движеніе своего разума» (л. 28).

«Придворный человек должен кромѣ читанія и знанія книгъ еще знать всякія экзерциціи, которыя весьма потребны и способны къ украшенію такого человека, который знаетъ съ искусностію оныя употреблять і о томъ разсуждать, і разговаривать пріятным образом». Но вмѣстѣ съ тѣмъ Наставленіе совѣтуетъ «не прилѣпляться много къ читанію книгъ».

На внѣшность, особенно на платье авторъ обращаетъ большое вниманіе: «ибо оное отворяетъ часто двери, кои затворены бываютъ знатным и честным людям, того ради содержите себя чисто в платье и заставляйте оное дѣлать по манеру знатныхъ господъ и умныхъ людей», причемъ лучше «чтобы платье было простое, а не драгоценное». «Если вы хотите произвести ково в какое достоинство или въ чинъ, то остерегайтесь, чтобъ не былъ пожалованъ такой, которой искуснѣе и способнѣе васъ можетъ исправить то дѣло, которое вамъ поручено (л. 35).

Авторъ совѣтуетъ избѣгать праздности: «Есть нѣкоторыя люди, которыя не знаютъ, что работа питаетъ, а праздность все помрачаетъ, и того ради я васъ еще вторично предостерегаю, чтобъ убѣгать праздности, какъ начала всѣхъ несовершенствъ, а особливо при дворе (л. 39).

Если вы находитесь в милости у вашего государя, и когда онъ на васъ полагается, то не теряйте случая в показаніи услугъ всемъ людямъ, дабы получить отъ ихъ дружбу и склонность, но не должно оное дѣлать суетно, но чтобъ оныя себѣ в пользу употребить (л. 51).

«Во всѣхъ вашихъ совѣтахъ и препріятіяхъ дѣлайте, чтобъ клонилось къ тому концу (т.-е. вашей пользѣ) и ведите себя с такою премудростію дабы никто не могъ примѣтить, будто вы хотя наималѣйшаго склонности имѣете ис того получить вашу прибыль, а будто вы дѣлаете все токмо для услугъ отечеству (л. 51 об.).

Наставленіе впрочемъ заканчиваетъ недурно: «Во всемъ, что вы ни дѣлаете, содержите сіе за подлинной уставъ, что от худа дѣла происходитъ худой успѣхъ, а доброе намереніе, сходственное с вашимъ чиномъ, совѣстію и съ добродѣтелію имѣетъ благой конецъ; думайте о концѣ, то никогда злово не здѣлаете»

(л. 55 об.). «Учитесь умирать, умирайте ежедневно и вы не умрете никогда (л. 57 об.).

Источники и пособія:

Юности честное зеркало, рукоп. перв. пол. XVIII вѣка. Апофѳегмата, го-
есть краткіхъ, вітievатыхъ и правоучительныхъ рѣчей книги три. Изд. 1724 года.
Иеіка іерополитика или філософія нравоучительная. Изд 1712 г. Кіевъ in 12°.
Наставленіе о хорошемъ повѣденіи при Государевомъ дворѣ также и о дру-
гомъ состояніи сея жизни 59 листъ in 16°. Рукоп. первой половины XVIII вѣка.
Изъ бібліотеки И. Н. Михайловскаго.

ГЛАВА XIV.

Педагогическія сочиненія первой половины XVIII вѣка.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка мы находимъ также мало специально педагогическихъ сочиненій, какъ и въ XVII вѣкѣ, притомъ и немногія изъ имѣющихся, если не прямо переводныя, носятъ несомнѣнно слѣды иноземнаго вліянія. Мы напрасно стали бы искать въ педагогическихъ сочиненіяхъ первой половины XVIII в. тѣхъ вопросовъ, которые начинаютъ разрабаты-
ваться гораздо позже. Даже по способамъ и приѣмамъ изложенія и по преобладающимъ мыслямъ это скорѣе тѣ же нравоучи-
тельные трактаты, съ которыми мы достаточно познакомились при разсмотрѣніи «Юности честнаго зеркала» «Апофѳегмать» «Иеіки и пр.

Разсмотримъ важнѣйшіе изъ нихъ:

Расположеніе ученія Петра II. 1. *Расположеніе ученія* его Императорскаго Величества Петра втораго Императора и Само-
держца Всероссійскаго и пр. и пр. Безъ означенія года и мѣста
82 стран. Перев. съ нѣмец. чрезъ Васіля Адодурова (у Губерти
указ. 1728 г.)¹⁾.

¹⁾ Книжка эта разсмотрѣна Н. В. Губерти подъ № 8 см. Матеріалы для
русской бібліографіи. Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ
русскихъ книгъ XVIII ст., напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ
1725—1800, откуда мы и заимствуемъ обзоръ ея. У Сопикова книга эта значится
подъ № 9532 и озаглавлена: Расположеніе ученія Государя Императора Петра II,
по учрежденію Барона Остермана, съ приложеніемъ при концѣ мнѣнія Феофана
Прокоповича, каковымъ образомъ багрянороднаго отрока наставлятъ въ христіан-
скомъ законѣ».

Въ предисловіи (ст. 3—4) составитель книги объясняетъ, что всякое преподаваніе наукъ должно быть приспособляемо къ понятіямъ учащагося, потому то какъ самыя предметы ученья, такъ и способъ преподаванія должны быть строго обсуждаемы.

Подъ цифрою I (ст. 4—12) помѣщено объясненіе «О поученіи вообще». Не безынтересенъ взглядъ тогдашняго педагога какъ вообще на науки, такъ и на то, чему долженъ былъ научиться юный русскій Императоръ.

По мнѣнію автора «Расположенія», всякое ученье состоитъ отчасти въ изученіи языковъ, отчасти же въ изученіи наукъ и художествъ. «Новые или такъ называемые живые языки», говоритъ онъ, «и употребляются къ обходительству, и сіе за украшеніе почитается, когда кто какіе чужіе языки знаетъ: во многихъ же случаяхъ оное и пользу приноситъ, когда владѣющій Государь по примѣру Петра I, съ чужестранными служителями и художниками собственнымъ языкомъ говорить умѣетъ и всемилостивѣйше соизволить; причемъ авторъ книги отдаетъ первенство преимущественно двумъ употребительнѣйшимъ языкамъ — нѣмецкому и французскому, но и знаніе латинскаго, по мнѣнію его, «всегда за признакъ добрѣ воспитаннаго и ученаго государя почитается», въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, онъ приводитъ въ примѣръ славныхъ цесарей австрійской фамилии, которые кромѣ украшавшихъ ихъ добродѣтелей, прославились также знаніемъ латинскаго языка. Признавая за молодымъ Петромъ II едва ли не совершенное знаніе упомянутыхъ языковъ, педагогъ не видитъ надобности въ особенномъ ихъ изученіи, но полагаетъ, что послѣ того, какъ царственный ученикъ осилить труднѣйшее, т.-е. знаніе языковъ, онъ можетъ безъ труда проходить прочія науки. Затѣмъ слѣдуетъ разсужденіе о важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ предметахъ, которые въ болѣе обширномъ объемѣ и въ указанномъ здѣсь составѣ должны преподаваться царствующему Государю, съ отдѣленіемъ отъ нихъ прочихъ не столь необходимыхъ. По мнѣнію составителя «Расположенія», только тѣ науки подлежатъ пространному преподаванію, которыя «къ счастливому правленію государства во время войны и мира всегда употребляютъ», сюда отнесены «Новая или такъ именуемая, Статская Исторія, общая Политика и Военное искусство, къ наукамъ, съ которыми Императоръ

долженъ познакомиться въ болѣе краткомъ объемѣ, причислены Древняя Исторія, генеральныя части знаній математическихъ, яко Аріѳметика, Геометрія и Тригонометрія, Космографія или общее всея вселенныя описанія, знанія естественныя и общія правила Архітектуры гражданскія»; къ отдѣлу «приличныхъ знаній» отнесены: «Геральдика, генеалогія высокихъ фамилій» и пр. вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ признано за нужное имѣть руководства «дабы не токмо все ученье добрымъ порядкомъ совершить, но чтобъ прошедшее современемъ паки безъ труда вспомнить», то указана возможность составленія при Академіи Наукъ особливаго сокращенія всѣхъ вышеозначенныхъ частей наукъ по вопросамъ и отвѣтамъ и расположеніи ихъ такъ, какъ ниже о томъ объявлено будетъ.

Въ заключеніе своего конспекта, составитель его не упускаетъ изъ вида сохраненія здоровья и пріятнаго расположенія духа учащагося императора и предписываетъ «никакого ученія больше часа не продолжать; но всегда угодную Его Величеству забаву, послѣ употребленнаго на ученіе часа, допускати, также и предложеніе чинить въ подобіе разговора¹⁾, а Его Величество многимъ чтеніемъ и писмомъ весьма не отягчать». вмѣстѣ съ тѣмъ предписывается выбрать напередъ изъ другихъ книгъ, могущихъ понадобится императору важнѣйшія мѣста, и подчеркнуть, а если что особенно понравится Его Величеству — вписывать ему для памяти въ дневную записную книгу.

Затѣмъ (ст. 12—61) слѣдуетъ поименованіе съ обозначеніемъ римскими цифрами вышеозначенныхъ наукъ, изъ которыхъ однѣ должны быть преподаваемы въ болѣе обширномъ, другіе въ болѣе краткомъ объемѣ.

За весьма краткимъ опредѣленіемъ науки слѣдуетъ объясненіе степени важности ея, при чемъ указывается на то, что должно главнѣйше обратить на себя вниманіе августѣйшаго ученика. Подъ цифрою XI (ст. 61—62) находится расположеніе «дней и часовъ».

Къ концѣ книжки (стран. 67—82) приложено «Мнѣніе пресвященнаго Теофана архіепископа новгородскаго каковымъ обра-

¹⁾ Т.-е. рекомендуется вести ученіе въ видѣ бесѣды, что дѣлается и нынѣшней педагогикой. — *Прим. М. Д.*

зомъ и порядкомъ надлежитъ багрянороднаго отрока наставлятъ въ хрістіанскомъ законѣ». Нѣмецкій ученый фонъ-Гавень, современникъ Теофана, о настоящемъ трудѣ пишетъ: Послѣ кончины Императрицы Екатерины I, составилъ онъ (Теофанъ) предложеніе, какъ наставлятъ въ Законѣ Божиємъ Петра II и хотя оно написано на одномъ листѣ, однако по основательности содержанія дѣлаетъ величайшую честь составителю его (П. Пекарскій. Петербургская Старина. Совр. 1860 т. 83, стран. 617)¹⁾.

О воспитаніи. 2. *О воспитаніи.* Эта замѣчательная рукопись хранится въ рукоп. отдѣлѣ бібліотеки Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, въ Москвѣ, и записана подъ № 709. Авторъ ея, также какъ и точное заглавіе неизвѣстны, такъ какъ вся первая часть, за исключеніемъ послѣдняго листка, вырвана. Судя по языку²⁾ и манерѣ писать, а также отчасти и по почерку, эта рукопись относится къ первой половинѣ XVIII вѣка, можетъ быть къ Петровскому времени. Авторъ придаетъ высокое значеніе воспитанію, онъ, подобно Паисію Лигариду, говорившему, что для утвержденія церкви и государства нужны во-первыхъ училища, во-вторыхъ училища и третьихъ училища³⁾, говоритъ: «первая, таже и средняя и послѣдняя главизна порядочное воспитаніе и правильное наставленіе (ч. II, глава 4), ибо источникъ и корень добродѣтели и честнаго житія есть наставленіе доброе (ч. II, гл. 2), совѣтуетъ не позволять дѣтямъ входить въ компанію съ злонаправными людьми (ч. III, гл. 2), прискивать для нихъ товарищей «добраго обхожденія (ч. I, гл. 6) и умѣющихъ правильно говорить по-русски (ib.); при обученіи придаетъ громадное значеніе философіи, рекомендуетъ «философіи прилежно обучатся» «прочіихъ наукъ будто главу и верхъ почитать надлежитъ философію» (ч. II, гл. 8).

Авторъ заботится также и о физическомъ воспитаніи «также и тѣлесныя экзерцитаціи в презреніе ставить не надлежитъ». Авторъ рѣшительный противникъ наказаній.

«И такъ говорю к свободнымъ наукамъ приводить надлежитъ дѣтей словами и увѣщаніями, а для Бога не битьемъ или бесчестными поступками» (ч. II, гл. 12).

¹⁾ Приведено у Губерти.

²⁾ Въ рукописи встрѣчаются такія слова, какъ экзерцитація, энциклія, комментарий и пр.

³⁾ См. Истор. рус. пед. ч. I, стран. 207.

Приведемъ изъ этой рукописи важнѣйшія мѣста:

Ч. I, гл. 6. Въ прочемъ и того пропустить не надлежитъ, что должно отроковъ, которые дѣтямъ прислуживаютъ и вмѣстѣ питаемы бываютъ, прискивать первѣе такихъ, которые были бы добраго обхожденія, другое чтобъ въ своемъ природномъ да еще и совершенно искусны были діалектѣ; дабы нѣсколько вреда себе изъ того не получили ежели съ варварами и злонаправными людьми за обжнуть. Есть пословица в народѣ совершенно не дурна, ежели де съ хромымъ поживешь, то научишься прихрамывать»...

Ч. II, гл. 1. Когда же до тѣхъ лѣтъ отрокъ придетъ, что должно его вручить дядкѣ, тогда то имѣтъ надлежитъ стараніе, дабы мы дѣтей нашихъ безразсудно челядинцамъ или грубіаномъ или вертопрашнымъ людямъ не отдавали... Такъ какъ очень смѣшно, что хорошихъ челядинцевъ опредѣляютъ то къ земледѣлію, то къ кораблестроенію, ежели же котораго челядинца усмотрятъ пьяницу или мота и ни к какой службѣ негоднаго, того к дѣтямъ приставляютъ. А доброму дядкѣ такъ благоразумному быть должно каковъ былъ Фениксъ Ахиллесовъ дядька.

Ч. II, гл. 2. Прискивать надлежитъ дѣтямъ учителей, которыхъ бы и житіе безпорочно было, и обычай праведному укоренію не подлежащіе и искусство не простолюдинное. Ибо источникъ и корень добродѣтели и честнаго житія есть наставленіе доброе. И какъ земледѣлцы зеліемъ тычинки приставлѣваютъ, такъ добрые учителя точными заповѣдми и увѣщаніями отроковъ подтверждаютъ, чтобъ изъ того обычай правые произошли.

Ч. II, гл. 3. Чтожъ такимъ дикымъ (?) родителямъ наконецъ воспослѣдуетъ, когда дѣтей злѣ воспитанныхъ да еще худо учили, выслушай. Какъ они придутъ в совершенные мужескіе лѣта, презрѣвъ здоровой и постоянной въ житіи успѣхъ, в непорядошныя и подлыя поступки впадутъ. Тогда сожальтъ они начнутъ, что не старались о наставленіи дѣтей, получа изъ ихъ грѣхопаденій печаль, которой никакая уже послѣдовать не можетъ полза.

Ч. II, гл. 4. Да чтобъ мнѣ однимъ сокращеніемъ всю вещь изъяснить, хотя покажуся напрасно, что какъ бы пророчествую,

а не повелеваю, такъ говорю: одна имѣется и первая, таже и средняя и послѣдняя главизна, порядочное воспитаніе и правильное наставленіе. Сіи говорю вспомошествоуютъ и вспомога-тельство къ приобрѣтенію добродѣтели и благополучія, дѣлаютъ. А прочее все хотя доброе есть, однакъ человѣческое, мало-важное, и не достойно время на то терять»¹⁾... «Наука из всѣхъ которыми обдарены мы благами (не благами ли?) одна без-смертна и божественна. Имѣются же двѣ вещи человѣческой натурою свободно обладающія, разумъ и рассужденіе: из кото-рыхъ разумъ начальствуетъ надъ рассужденіемъ, а рассужденіе разума повеленіи творить: сіи щастію не подвержены, никакое ухищреніе отнять, никакая болѣзнь повредить, старость истре-бить не могутъ.

Ч. II, гл. 5. Авторъ между прочимъ здѣсь рекомендуетъ: «от забавъ для простонародныхъ ватагъ сложенныхъ какъ воз-можно подалѣ дѣтей отводить. Понеже простому народу что пріятно, мудрымъ людямъ то не нравно.

Ч. II, гл. 6. При семъ, чего полезнаго дѣтей будемъ учить, или каковымъ добротамъ прилѣжать симъ повелимъ. Очень изрядное дѣло напрасно ничего не говорить, и пословица есть такая: все то трудно, что хорошо.

Ч. II, гл. 7. Подобно какъ тѣло человѣческое не только здо-рово, но и крѣпко само въ себѣ быть должно: такъ рѣчь не только безвредна быть, но и силу имѣть должна».

Ч. II, гл. 8. Не надлежитъ же благородному отроку и тѣхъ наукъ, которыя от народнаго употребленія енциклія называются не слышавъ и не познавъ миновать, но ихъ рекомендуется изучать мимоходомъ «философіи же прилѣжно обучатся»... «про-чихъ наукъ будто главу и верхъ почитать надлежитъ фило-софію»... душевныя болѣзни и страсти одна ползуетъ фило-софія. Сея предводительствомъ и спутышествомъ в познаніе при-водится, что есть честное, что позорное, что праведное, что не праведное, чего со всякимъ тщаніемъ искать, чего чуждается: каковы мы к Богу, к родителя (sic), властямъ, законамъ, къ ино-страннымъ, къ правительствамъ, к друзьямъ, к женамъ, к дѣ-тямъ, к рабамъ, себя должны оказывать.

¹⁾ Обращаемъ вниманіе читателей на силу выраженія. — Прим. М. Д.

Ч. II, гл. 9. Также и тѣлесныя екзерциціи в презреніе ставятъ не надлѣжить, посылать дѣтей в игры таковыя, что бѣ тамъ какъ возможно трудились, какъ ради тѣлесной красоты устроенія, такъ для оказанія себя в мужествѣ...

«Упражняться молодцамъ надлѣжить въ воинскихъ дѣлахъ, в бросаніи копей и стрѣль, и в ловитвѣ».

Ч. II, гл. 11. «Ежели же нѣкто противопредлеть (sic), что я о воспитаніи дѣтей благородныхъ правила дать общавшійся, бѣдныхъ и престонародныхъ оставивъ, однѣмъ только богатымъ способамъ представляю, тому отвѣтствовать не трудно. Я ничего такъ бы не желалъ, какъ чтобъ мое ученіе всѣмъ безъ исключки было полезно: чтожъ ежели нѣкоторые ради своего недостатку не возмогутъ послѣдовать моимъ заповѣдемъ, тѣ должны щастію то в вину причитать, а не мнѣ, что такое узаконяю. Но однако по возможности и убогимъ прилѣжать надлежитъ, какъ наилучше дѣтей своихъ воспитовать».

Ч. II, гл. 12. «И такъ говорю к свободнымъ наукамъ приводитъ надлежитъ дѣтей словами и увѣщаніями, а для Бога не битьемъ, или бесчестными поступками.

Ч. II, гл. 13. Авторъ рекомендуетъ давать дѣтямъ отдыхъ отъ трудовъ, ибо «отдохновеніе отъ трудовъ есть здравію подкрепленіе». «Бранить должно тѣхъ родителей, которые поручивъ дѣтей своихъ дядькамъ и учителямъ сами чего они учатся никогда не надсматриваютъ, ни прослушиваютъ; в чемъ весьма грѣшатъ».

Ч. II, гл. 14. «Во первыхъ у дѣтей память надлежитъ острить и обыкностію усиливать; она бо какъ бы житница высокихъ наукъ».

«И то да вѣдаютъ родители, что памяти сила чрезъ ученіе изошренная не только служить къ наукѣ, но и гражданское дѣламъ не малое приноситъ вспоможеніе».

Ч. II, гл. 16. «Кромѣ того отводить дѣтей надлежитъ от срамныхъ речей». «Потомъ старатся должно, чтобъ ласковы были и въ разговорахъ не упорны...

«О обузданіи языка остается намъ говорить. Которое дѣло ежели кто за маловажное или ничего судяще ставитъ, весьма далеко от правды заблуждаетъ. Кротко бо молчаніе дѣло бо есть умное, и всякихъ разговоровъ важнѣйшее».

«Кромѣ всѣхъ сихъ, обучать надлежитъ отроковъ, чтобъ правду говорили: въ чемъ превысокая состоитъ святыня¹⁾. Ибо лгать дѣло есть холопское и достойное у всѣхъ людей быть въ ненависти, что и слуги не послѣднія знать должны».

Ч. III, гл. 2. Вовсе съ злонравными людьми въ компанію входить отрокомъ надлежитъ запрещать, понеже прилнетъ (sic) изъ того к нимъ нѣсколько зла.

Ч. III, гл. 6. Къ симъ малое нѣчто присовокупивъ окончу мои заповѣди. Прежде всего должны родители безъ всякаго преступленія и всіо какъ предѣлы разума повелѣвають творя яснымъ общомъ (образцомъ?) себя самихъ показывать: чтобъ на житіе ихъ дѣти какъ бы в зеркало смотря от срамныхъ рѣчей и дѣлъ отвращались».

Изъ приведенныхъ довольно большихъ выдержекъ видно, что рукопись «О воспитаніи» весьма интересна, что она носитъ оригинальный характеръ и написана, по всей вѣроятности, кѣмъ-либо изъ выдающихся людей первой половины XVIII в. Конечно, автору не безызвѣстны и иностранныя сочиненія. Въ этой же рукописи въ видѣ приложенія находятся: «Изъ златыхъ Нила мученика и епископа увѣщанія и Лудовика Вивеса примѣры весьма полезныя каковымъ образомъ приуготовляется можетъ наука»²⁾.

Въ примѣрѣ 8 говорится: «Чего не знаешь не стыдно спрашиватся. Не стыдись ни отъ кого учиться, въ чемъ великія мужи не стыдились: стыдись лучше не знать, или не хотѣть знать».

Въ прим. 44: «Ни одного дня не пропускай, въ которомъ бы не читалъ, или не слушалъ, или не писалъ чего, чтобы или ученіе или разсужденіе, или добродѣтель не умножило».

Совершенное воспитаніе дѣтей. 3. *Совершенное воспитаніе дѣтей*, содержащее правила о благопристойномъ поведеніи молодыхъ знатнаго рода и шляхетнаго достоинства людей, съ приобщенными правоучительными рассужденіями³⁾, изданное отъ аббата

¹⁾ Эти слова достойны вниманія и нынѣшнихъ педагоговъ.—Примѣч. М. Д.

²⁾ Напомнимъ, что въ 1768 г. былъ изданъ «Путеводитель къ премудрости», соч. Лудовика Вивеса, перев. Семенъ Гамалѣй. Не заимствовалъ ли изъ подлинника кое-чего авторъ статьи «О воспитаніи»?

³⁾ Въ рукописи, хранящейся въ Императорскомъ Общ. любит. древней письменности, это заглавіе сдѣлано иначе, постъ слова «достоинства» прибавлено: «людямъ благопристойныя манеры и приличныя поведенія со многими

Беллегарда, переведено съ французскаго языка Сергѣемъ Волчковымъ, 1747, 8°, 256 стр.

Мы пользовались вторымъ изданіемъ 1759, ст. 308 (изъ биб. Рум. муз.).

Въ предисловіи прежде всего авторъ останавливается на пользѣ воспитанія, говорить о воспитаніи тѣлесномъ и умственномъ. «А посему о изрядномъ воспитаніи принятое намѣреніе должно болѣе къ пользѣ ума, нежели тѣла клонится. Тѣло получаетъ отъ добраго воспитанія стройность и здоровье, а умъ отъ изряднаго воспитанія заимствуетъ разумъ и проворство, съ способностью къ предпріятіямъ и произведенію добрыхъ и знатныхъ дѣлъ, притомъ же отъ него беретъ воздержаніе и умѣренность, къ сохраненію счастьемъ и службами полученной чести, съ своимъ и родительскимъ имѣніемъ. Сіе побудило меня къ собранію разныхъ въ сей книгѣ содержащихся совѣтовъ, съ твердою надеждою, что оныя способны будутъ такимъ людямъ, которыхъ воспитанію знатнаго рода дѣти ввѣрены и поручены (ст. 2).

Такъ какъ книга назначена собственно для молодыхъ людей высокаго происхожденія, или въ переводѣ Волčkova «шляхетнаго достоинства», то потому совѣты автора состоятъ въ наставленіяхъ, какимъ образомъ знатный молодой человѣкъ долженъ проходить скользкое поприще придворной службы, въ которой и совѣтуетъ искать счастія (гл. 2), при чемъ эти наставленія подтверждаются разными историческими анекдотами. По мнѣнію автора, есть два пути или способа къ счастію: на войнѣ служить, и при лицѣ самого государя быть (гл. 3, ст. 22—27); разсматривается вопросъ, какъ съ друзьями своими при дворѣ жить (ст. 30—34), о мудрости и экономіи молодого человѣка при дворѣ (гл. 7, ст. 43—48); надобно ль по любви жениться (гл. 11). Остальная половина книги содержитъ въ себѣ 502 правила или «какимъ долженъ быть сею книгою требуемый человѣкъ».

«Совершенное воспитаніе дѣтей» пришлось по вкусу русской читающей публикѣ и имѣло три изданія: первое въ 1747 г.,

къ посѣществуванію ихъ способными правилами и нравоучительными разсужденіями... (см. Хрисановъ Лопаревъ. Описаніе рукописей Импер. Общества люб. древн. письм. Ч. I, 1892 г.)

второе въ 1759, третье въ 1778 г. in. 12°, были и рукописные списки¹⁾).

Сдѣлаемъ изъ него нѣкоторыя выдержки: «Смѣлость и проворство въ молодомъ человѣкѣ я не хую: только бы онъ не наглець и не забіяка былъ. Молодому человѣку ничто строгое или надъ мѣру постоянное не прилично; веселость лица, учтивость, опрятность и чистота одежды ему свойственны и въ числѣ добродѣтелей его быть должны; благопристойность съ добрыми манерами въ привлеченіи сердець великую силу имѣетъ. Трудно къ такому человѣку съ перваго вида склонности не имѣть, которой пріятнымъ лицомъ и съ добрыми манерами въ компанію придеть (ст. 45). Одинъ видъ обнадеживаетъ о добродѣтеляхъ его, а вольныя поступки и умныя слова его засвидѣтельствуютъ, что онъ добраго нрава и честной человѣкъ. Знаніе въ платьѣ и уборахъ, непослѣднее искусство; а отъ излишняго щегольства и роскошей всегда худыя слѣдства бывають (ст. 45).

«Умному человѣку надобно такое начало житію и поведенію своему здѣлать, которое бы долговѣчно и такъ постоянно было, чтобъ движимое и недвижимое проживши, напоследокъ дней своихъ за долги въ бастиліи (тюрьмѣ) не сидѣть (см. гл. 8-ю). Глава 25 трактуетъ, что разговоры и конференціи полезнѣе. «Умные разговоры и подобны кремнямъ, которые изъ холоднаго и крѣпкаго своего корпуса огненныя искры даютъ, ежели одинъ объ другой ударить (ст. 126).

«Обходительство съ двумя или тремя умными людьми лучше науки всѣхъ школьныхъ мастеровъ и педантовъ (враль). Откровенныя такихъ мудрыхъ людей разговоры отворяють у человѣка природнымъ невѣденіемъ въ темнотѣ незнанія запертой умъ, и больше того въ одинъ часъ покажутъ, нежели человѣкъ въ три дня изъ книгъ научиться можетъ (ст. 127).

«Добродѣтель есть склонность или движеніе души къ благому, какъ природной причинѣ своего желанія. Ежели человѣкъ сему благу, не удаляясь отъ прямаго пути послѣдуетъ, то оно его ни къ какому злу и къ несчастію привести не можетъ (ст. 140).

Приведемъ также нѣкоторыя изъ правилъ:

¹⁾ Одинъ изъ нихъ хранится въ библиот. Император. Общества любителей древней письменности. Это чуть ли не собственноручный переводъ С. Волкова, сдѣланный въ 1745 г.

13. (Молодой человекъ) въ дѣлахъ своихъ, кромѣ доброй совѣсти, никакихъ правилъ не имѣеть. Все отъ разума повелѣнное исполняетъ, а отъ запрещеннаго имъ удерживается (ст. 145).

29. Мало и рѣдко говорить, а ежели что скажетъ, то слова его сильны и много значать. Никогда противъ своего мнѣнія не говорить, а мысль свою не всѣмъ и не всегда открываетъ (ст. 150).

35. Здравое разсужденіе и присутствующей умъ всегда имѣеть. Помнить, что дѣлаетъ и знаетъ, что дѣлать долженъ; а съ беспамятства и отъ неосторожности ни въ чемъ не поступается.

43. О спасеніи души, о чистотѣ сердца и о просвѣщеніи чувствъ своихъ ежечасное стараніе прилагая, больше всего о томъ печется, чтобъ себя лучшимъ, а въ добродѣтеляхъ совершеннымъ учинить.

71. Въ рѣчахъ своихъ весьма остороженъ. Хотя никогда не лжетъ; однакожъ не всѣмъ и не всю ту правду сказываетъ, которую знаетъ, вѣдая, что правда безъ услажденія очень горька, а притомъ такого сурового вкусу, что не всякаго человека желудокъ сварить ее можетъ (ст. 163).

78. Разсуждаетъ здраво и изрядно, а дѣлать тѣнится лучше.

90. Чрезмѣрной учтивости не поддается и на гладкія слова надежды не полагаетъ, но одной правдѣ вѣрить, а самымъ дѣломъ довольствуется (ст. 169).

91. На изрядные манеры и пріятные наружные виды мало смотреть, но желаніе, вкусъ и наслажденіе сихъ обманчивыхъ внѣшностей любителямъ свѣтской суеты и чести вручаетъ. Больше твердаго и постояннаго ищетъ, а о пріятномъ не печалится; притомъ же честное всегда выше полезнаго почитаетъ (ст. 170).

113. Тѣмъ только довольствуется, что добро дѣлаетъ; а на то мало смотреть, чтобъ люди про то ни говорили и какъ бы его ни прославляли (ст. 177).

114. Больше о томъ старается, чтобъ въ самомъ дѣлѣ мудрымъ быть, а не только чтобъ умнымъ казаться.

122. Добродѣтель истинно любить, и со усердіемъ исполняетъ, только никогда ею не хвастаетъ, для того, что сіе тщеславіе лицемѣрствомъ называютъ (ст. 180).

140. Двѣ великія книги непрестанно читаетъ, то-есть минувшее и будущее всегда передъ глазами имѣетъ, а при томъ всею возможностью отъ того бережется, дабы не только дѣломъ, но и словомъ никого не опечалить (ст. 186).

236. Крайнее и совершенное свое благо въ исполненіи добрыхъ дѣлъ полагаетъ и того только прямымъ, умнымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ ставить, кто доброе дѣлаетъ, также трудолюбіе выше покою и забавъ почитаетъ (ст. 211).

254. Добродѣтельнаго философа и разумнаго больше всѣхъ на свѣтѣ знаетъ, любитъ и почитаетъ (ст. 222).

327. Добрыя и полезныя книги, то ему ужинъ и обѣдъ; душѣ его пища, а уму сладчайшее питье (ст. 247).

344. Хотябъ подлинно умнѣ другихъ былъ, и больше сверстниковъ своихъ зналъ, однако, ни гордости, ни высокоумства не имѣя, ничьего наставленія не презираетъ, помня старинныхъ людей слова: вѣкъ жить, вѣкъ учиться (ст. 253).

403. Тщится знать собственный умъ, нравъ, сердце, недостатки и склонности свои, ибо не испытавъ сего, ни самому себя знать, ни собою обладать невозможно (ст. 272).

475. Хотябъ ученъ былъ, однако, всего слушаетъ и ни малаго наставленія не презираетъ, а особливо такого, которое до его пользы и исправленія касается (ст. 296).

Источники и пособія.

О воспитаніи, рукоп. изъ бібліотеки Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, въ Москвѣ, значащаяся подъ № 709. Беллегардъ. Совершенное воспитаніе дѣтей, перев. Сергѣя Волчкова. 1759, втор. изд. Пособіемъ служилъ: Н. В. Губертъ. Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII столѣтія, напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ 1725—1800 г.

ГЛАВА XV.

Состояніе просвѣщенія и нравовъ въ первую половину XVIII вѣка. Образование женщинъ. Взгляды на воспитаніе въ обществѣ и литературѣ. Проектъ И. И. Шувалова.

Состояніе просвѣщенія. Судя по числу печатавшихся книгъ при Петрѣ Великомъ, можно бы подумать, что уровень образованія въ массѣ значительно повысился; но если бы мы это сдѣлали, были бы далеки отъ истины.

Въ дѣйствительности, какъ это теперь извѣстно, книги хотя и печатались при Петрѣ, но кругъ читателей при немъ былъ такъ ограниченъ, что даже «немногія печатавшіяся тогда книги не находили почти сбыта, и послѣ Петра въ конторахъ московской и петербургской синодальныхъ типографій накопилось разныхъ петровскихъ изданій такое множество, что синодальное начальство три раза дѣлало распоряженіе о продажѣ ихъ на бумажныя фабрики или объ употребленіи на обертки вновь выходящихъ книгъ¹⁾).

До манифеста о вольности дворянства, — говоритъ г. Чечулинъ, — въ русской провинціи не было, можно сказать, никакого общества: провинціальныя города были совершенно незначительны, населеніе ихъ немногочисленно и принадлежало почти сплошь къ низшему классу...²⁾ Большинство тогдашнихъ городовъ почти не отличалось отъ деревень. Образъ жизни дворянъ, по своей простотѣ, соотвѣтствовалъ простотѣ ихъ жилищъ. Среди дворянъ, не только мелкихъ, но и владѣльцевъ душъ до 200, не было, можно сказать, еще почти никакихъ умственныхъ интересовъ; хозяйство было главнымъ, у многихъ единственнымъ, предметомъ заботъ и разговоровъ. Людей съ знаніями, кромѣ необходимыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ, было еще очень немного; нерѣдко было встрѣтить неграмотныхъ дворянъ³⁾, у многихъ вся ученость не шла далѣе четырехъ правилъ ариѳметики; знаніе ими немного геометріи и фортификаціи, а также приказныхъ дѣлъ давало славу «ученаго чловѣка и чуть не философа». Въ рѣдкомъ домѣ можно было найти какую-нибудь книгу, и то преимущественно духовнаго содержанія; большинство дворянъ почти ничего не читало; иные, какъ въ XVI вѣкѣ, думали, что слишкомъ прилежное чтеніе сводитъ чловѣка съ ума (объ этомъ говорятъ Болотовъ, Аксаковъ, Лонгиновъ): обученіе письму при Петрѣ не считалось у насъ обязательнымъ при обученіи грамотѣ вообще; обученіе въ XVIII вѣкѣ обыкновенно начиналось со славянской азбуки, чтенія Часослова, Псалтыри и молитвъ.

¹⁾ Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ Великомъ. Пред. ст. I—II.

²⁾ Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. Журн. Мин. Нар. Просв. 1889, май ст. 241.

³⁾ См. Записки Болотова, ч. I, ст. 157; указаній на неграмотность нѣкоторыхъ дворянъ довольно много въ наказахъ депутатамъ.

Какъ шло первоначальное ученіе, объ этомъ свидѣтельствуя «Записки артиллеріи майора Данилова» (1722—1790), написанныя имъ въ 1771 году. Семи лѣтъ отъ роду (значить въ 1729 году) его отдали учиться пономарю Филиппу Брудастому. «Памятно мнѣ мое ученіе, пишетъ Даниловъ, у Брудастаго и по днесь, по той можетъ быть причинѣ, что часто меня сѣкли лозою. Я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣтность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть, при слуханіи урока къ вечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція: меня, какъ непонятнаго, «сѣчь». Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе. Отраднѣе намъ было отъ скучнаго сидѣнья, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ. По возвращеніи Брудастаго отвѣчалъ я во всемъ урокѣ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и памятно; изъ сего нынѣ замѣчаю, что принужденное дѣтямъ ученіе грамотѣ неполезно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходятъ въ облѣненіе и унылость. Явственнѣе можно усмотрѣть сію правду принудить только ребенка играть сверхъ его воли; тогда ему та игра и игрушки отъ скуки омерзѣютъ и тою игрою мало будетъ уже играть, или вовсе возненавидитъ. Въ подобіе сего обрѣтается: разныхъ рукодѣль мастера обременяютъ своихъ учениковъ не по силѣ лѣтъ ихъ, изъ коихъ нѣкоторые, не возмогши снести такой налагаемой на нихъ тягости ученія, обращаются въ бѣгство, кроются по разнымъ мѣстамъ, вымышляютъ бездѣльные обманы, наконецъ отъ воображенія страха, что будутъ ихъ наказывать за побѣгъ жестоко, приходятъ въ отчаянье и дѣлаются бездѣльниками на вѣкъ. Вотъ какой плодъ происходитъ отъ таковыхъ безпутныхъ и ни къ чему годныхъ учителей, каковъ былъ мой Брудастый; вымышлялъ иногда и я, отъ такого скучнаго си-

дѣнія, напрасно показывать какія ни есть за собою затѣйныя приключенія и болѣзни, коихъ отнюдь во мнѣ не было». Когда Даниловъ выучилъ у Брудастаго азбуку, отецъ отвезъ его къ тетущкѣ Матренѣ Петровнѣ, жившей близъ Тулы, гдѣ словесное ученіе его состояло изъ двухъ книгъ: Часослова и Псалтыри. Матрена Петровна истинная Простакова; племянникъ ея, учившійся вмѣстѣ съ Даниловымъ, воспитывался также, какъ Митрофанушка въ комедіи «Недоросль». Художественная вѣрность лица въ «Недорослѣ» всего лучше объясняется такими данными, какъ мемуары. Матрена Петровна сама грамотъ не знала, но любила, разложивъ передъ собою на столѣ акавиствъ Богородицѣ, всѣмъ вслухъ громко читать. О развитіи Матрены Петровны можно судить потому, что, какъ говоритъ Даниловъ, въ ея домѣ всякій день была драка; какъ только подавали на столъ любимыя вдовою щи, приводили готовившую ихъ кухарку и сѣкли ее все время, пока вдова ѣла. У Матрены Петровны въ домѣ учились и двѣ сестры Данилова: старшая, Анна (родилась въ 1710 г.), выучилась читать, писать, російской грамматикѣ и, по словамъ Данилова, читала много церковныхъ книгъ и исторій, «почему и знала многое, касающееся до закона»¹⁾.

У Болотова есть также свѣдѣнія объ ученіи.

Для пріобрѣтенія необходимыхъ для дворянина познаній, Болотова привезли изъ деревни въ Петербургъ и помѣстили у дяди его, ротмистра конной гвардіи.

Болотовъ такъ описываетъ своего французскаго учителя и свое ученіе: «Г. Лаписъ былъ хотя и ученый человекъ, что можно было заключить по безпрестанному его чтанію французскихъ книгъ, но и тотъ не зналъ, что ему съ нами дѣлать и какъ учить. Онъ мучилъ насъ только списываніемъ статей изъ большого французскаго словаря, изданнаго французской академіею, и въ которомъ находилось только о каждомъ французскомъ словѣ изъясненіе и толкованіе на французскомъ же языкѣ, слѣдовательно были на большую часть намъ не вразумительны. Сии статьи, и по большей части такія, до которыхъ намъ ни малѣйшей не было нужды, должны мы были списывать, а потомъ вытверживать наизусть безъ малѣйшей для насъ пользы».

¹⁾ См. записки артиллеріи майора М. В. Данилова, написанныя имъ въ 1771 г. Изд. П. М. Строевымъ. 1842 г. Напеч. также въ Русской Старинѣ.

Эти полезныя занятія были прерваны отъѣздомъ молодого Болотова въ деревню по случаю смерти матери. Сначала онъ заѣхалъ въ Псковскую губернію, въ деревню, къ сестрѣ своей, которая была замужемъ за достаточнымъ помѣщикомъ. У зятя своего Болотовъ нашелъ книгу Квинта Курція: «Жизнь Александра Македонскаго». «Я не могъ устать, ее читаючи, — говорилъ онъ, — и прочелъ ее раза три на досугѣ». Потомъ молодой Болотовъ поселился въ своей собственной деревнѣ. «Здѣсь, — говоритъ онъ, — я со скуки бы пропалъ, еслибы не помогла мнѣ склонность моя къ наукамъ и охота къ чтенію книгъ». У дяди своего онъ досталъ «Камень Вѣры» и прочелъ его съ начала до конца; но особенное удовольствіе доставили ему Четы-Минеи. «Чтеніе сіе было мнѣ сколько увеселительно, столько же и полезно. Оно посѣяло въ сердцѣ моемъ первыя сѣмена любви и почтенія къ Богу и уваженія къ христіанскому закону, и я, прочитавши книгу сію, сдѣлался гораздо набожнѣе противъ прежняго». Затѣмъ онъ прочелъ нѣсколько математическихъ книгъ и списалъ цѣлаго «Телемака» съ печатнаго, которую книгу удалось ему тогда достать.

Съ такой подготовкой Болотовъ поступилъ въ военную службу. И въ бытность въ Петербургѣ, хлопоча о производствѣ въ первый офицерскій чинъ, купилъ «Аргениду» въ переводѣ Третьяковскаго, о которой наслышался много похвалъ, и «Жил-блаза». «Объимъ симъ книгамъ, — замѣчаетъ онъ, — былъ я такъ радъ, какъ нашелъ превеликую находку».

Въ полку книги, привезенныя Болотовымъ изъ Петербурга, переходили изъ рукъ въ руки и доставили владѣльцу расположеніе товарищей. Одинъ сержантъ познакомилъ его съ трагедіей Сумарокова «Хоревымъ». «Сію трагедію зналъ онъ всю наизусть и умѣлъ такъ хорошо ее декламировать, какъ лучшій актеръ. Трагедія сія навела на меня множество хлопотъ, ибо какъ она мнѣ полюбилась до безконечности, — замѣчаетъ Болотовъ, — то захотѣлось мнѣ ее такимъ образомъ выучить наизусть для декламираванія».

Были, конечно, въ то время и люди болѣе образованные, чѣмъ родители Болотова. Такъ Бибиковъ (род. 1729 г.) учился у бабки и тетки, монахинь Зачатейскаго монастыря, которыя заботились о томъ, чтобы дать ему хорошее воспитаніе и образованіе. Живя у нихъ, Бибиковъ выучился и французскому языку.

Въ царствованіе Анны Іоанновны всему дворянскому сословію было предоставлено право опредѣляться въ школы по собственному выбору и врожденнымъ склонностямъ. Родителямъ позволялось воспитывать дѣтей дома до двадцатилѣтняго возраста, съ обязательствомъ приготовить ихъ на службу и научить известнымъ наукамъ; для повѣрки же они должны были представлять недорослей 7, 12 и 16 лѣтъ на смотръ и на экзамены. Дѣти же дворянъ недостаточныхъ или тѣхъ, которые не хотѣли взять на себя обязательство выучить ихъ опредѣленнымъ наукамъ, двѣнадцати лѣтъ отбирались отъ родителей и размѣщались по школамъ сообразно съ ихъ желаніемъ, способностями и склонностями.

При Елизаветѣ Петровнѣ замѣчено было, что въ русскихъ семействахъ не заботятся давать дѣтямъ христіанское воспитаніе, объ этомъ былъ изданъ указъ въ 1743 г., объявленный всенародно, которымъ повелѣвалось «дворянамъ и вольнымъ людямъ обучать дѣтей своихъ прежде обученія русскимъ книгамъ, букварю и катехизису и упражнять въ чтеніи церковныхъ книгъ, дабы узнавъ чрезъ это христіанскую должность и догматы православной вѣры, могли право поступать и охранять себя отъ иновѣрныхъ развратниковъ». Съ этимъ вмѣстѣ предписывалось всемъ свѣтскимъ властямъ, по ихъ вѣдомствамъ, и священникамъ, по ихъ приходамъ, строго наблюдать за исполненіемъ этого указа и неослабно понуждать нерадивыхъ. Если же отцы и опекуны обличатся, что нисколько не заботились о христіанскомъ воспитаніи дѣтей, то должны заплатить штрафъ. При этомъ же объявлено было, что для христіанскаго обученія Синодъ опредѣлитъ, гдѣ нужно, знающихъ людей и разошлетъ въ довольномъ числѣ буквари и катихизисы¹⁾. Неизвѣстно, какъ исполнялся этотъ указъ; вѣроятно же всего, что не исполнялся и съ теченіемъ времени о немъ забыли, такъ какъ весьма трудно было найти достаточное число образованныхъ священниковъ и учителей для правильнаго христіанскаго воспитанія. Намъ важно знать только желаніе правительства вліять на народное воспитаніе.

Вліяніе иностранцевъ. Между тѣмъ потребность сближенія съ З. Европой вызывала и необходимость образованія. Богатые

¹⁾ Полн. Собр. Рос. Зак. Т. XI, № 8726.

люди начали заботиться объ обученіи дѣтей своихъ языкамъ и наукамъ, преподаваемымъ въ заграничныхъ школахъ. Знатные люди посылали сыновей своихъ учиться за границу¹⁾ или выписывали иностранныхъ учителей и гувернеровъ. Этому примѣру стали слѣдовать и столичные чиновники. Иностранные учителя явились въ Россію; одни изъ нихъ поступали гувернерами и наставниками въ частные дома, другіе завели въ столицахъ пансіоны, въ которыхъ дѣти не только учились, но и жили и получали полное содержаніе за извѣстную плату. Большинство содержателей пансіоновъ и гувернеровъ, по отзыву Мессельера и Шлецера, представляли отребье французскаго и нѣмецкаго общества половины XVIII в., вслѣдствіе чего въ царствованіе Елисаветы Петровны вынуждены были привлечь ихъ къ испытанію въ Академіи Наукъ и университетѣ. Оказавшіе достаточныя познанія въ языкахъ и наукахъ получали аттестаты, безъ которыхъ они не имѣли права ни заводить школъ, ни учить въ частныхъ домахъ, подъ опасеніемъ высылки за границу²⁾. Это заставило многихъ изъ нихъ бѣжать въ свое отечество; другіе же разсѣялись по всей Россіи вплоть до Китая³⁾.

Чему учили и на что обращали вниманіе при обученіи, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ. Вотъ, напр., дословный переводъ контракта, заключеннаго гр. Александромъ Головинымъ въ Петербургѣ 18 іюля 1726 года.

«Я, нижеподписавшійся, заключилъ это условіе съ французомъ Генрихомъ Жакомъ Пираромъ (Pirard), котораго нанялъ въ гувернеры къ моимъ дѣтямъ на два года; въ продолженіе этого времени вышеозначенный Пираръ будетъ обучать моихъ двухъ сыновей не только французскому языку, но и хорошимъ манерамъ; онъ будетъ исполнять свои обязанности со всевозможнымъ усердіемъ и будетъ вести себя, какъ честный чловѣкъ. Я, съ своей стороны, обещаюсь заплатить ему, Пирару, 60 руб. и сшить новую пару платья. Сказанный Пираръ будетъ жить въ особой комнатѣ съ моими дѣтьми, а обѣдать и ужинать будетъ за моимъ столомъ. Но когда намъ не случится быть дома, ему

¹⁾ «Россійское знатное дворянство посылаетъ дѣтей своихъ еще малолѣтнихъ въ чужіе края для ученія даже самыхъ первоначальныхъ наукъ». Журн. постанов. комиссіи народ. учил. 27 февр. 1786 г. п. 3.

²⁾ Полн. Собр. Зак. Рос. Им. Указъ 29 апрѣля 1757 г.

³⁾ Записки Мессельера въ Рус. Арх. 1874 г. § 73.

будутъ посылать кушанья въ его комнату. Ежедневно онъ будетъ получать двѣ кружки пива и еженедѣльно бутылку водки (*une bouteille de Brandevin*). Въ его распоряженіе будетъ предоставлена одна верховая лошадь; когда мы поѣдемъ въ Москву и въ деревню, онъ обязанъ ѣхать вмѣстѣ съ нами. Оба мы обѣщаемся хранить это условіе ненарушимо. Графъ Александръ Головинъ»¹⁾.

Въ 1745 году князь Михаилъ Васильевичъ Голицынъ заключилъ контрактъ съ поручикомъ де-Сerratи, по которому де-Сerratи обязывается обучать дѣтей его сіятельства и господина Ржевскаго по-итальянски, по-французски, по-нѣмецки, по-латыни, исторіи и географіи, обѣщаетъ поручикъ де-Сerratи учить со всякимъ прилежаніемъ и имѣть къ дѣтямъ всякое смотрѣніе надлежащее и въ деревню съ ихъ сіятельствомъ ѣхать обязуется.

Въ 1749 году тотъ же де-Сerratи заключилъ контрактъ съ княземъ Александромъ Александровичемъ Черкасскимъ «дѣтей его сіятельства обучать по-французски, по-итальянски, по-нѣмецки, читать, писать и чисто говорить и исторіи»²⁾.

Взгляды на образованіе Кантемира. Недостатки современнаго воспитанія были велики и на нихъ обращала вниманіе и литература того времени. Такъ, А. Д. Кантемиръ (1709 — 1744) въ своихъ сатирахъ первый поднималъ вопросъ, въ чемъ заключается истинное просвѣщеніе и какова должна быть жизнь людей образованныхъ. Въ своей сатирѣ «Къ уму своему» или «На хулящихъ ученіе», Кантемиръ подъ видомъ нападеній на свой «недозрѣлый» умъ, нападаетъ на разныхъ невѣждъ, столь распространенныхъ въ то время.

Въ сатирѣ выведены: ханжа Критонъ, помѣщикъ Сильванъ, гуляка Лука и щеголь Медоръ. Критонъ нападаетъ на ученіе изъ религіозной ревности, разумѣя подъ религіей единственно обряды; онъ называетъ науку матерью ересей и расколовъ, источникомъ безбожья, разрушительницей древнихъ обычаевъ, ставитъ ей въ вину пытливость, желаніе доискиваться причинъ и слѣдствій, приписываетъ ей успѣхамъ упадокъ прежняго значенія духовенства³⁾.

¹⁾ Прив. у А. И. Кирпичникова. Педагоги прошлаго вѣка. Истор. Вѣст. 1885. Т. XXI.

²⁾ См. тамъ же. Истор. Вѣст. Т. XXI, стран. 435—436.

³⁾ Почти одновременно съ Кантемиромъ Теофанъ Прокоповичъ въ Духов. Реглам. разсуждалъ о заблужденіи многихъ, почитавшихъ науку

Дворянинъ Сильванъ, думающій единственно объ умноженіи доходовъ, порицаетъ науку за то, что она не ведетъ къ богатству, что изъ нея нельзя извлечь непосредственной пользы. Гуляка Лука говоритъ, что ученье губитъ здоровье, расторгаетъ людское содружество, мѣшаетъ пріятности жизни. Щеголь Медоръ, побывавшій въ чужихъ краяхъ, гдѣ заразился страстію къ модамъ, смотритъ на ученыхъ съ презрѣніемъ, предпочитая портного Сенекъ, а парикмахера Виргилю, онъ беспокоится, что много бумаги выходитъ «на письмо, на печать книгъ», пожалуй не хватитъ ему на завивку кудрей. Отъ изображенія невѣждъ сатирикъ переходитъ опять къ бесѣдѣ съ своимъ умомъ: «ты скажешь мнѣ (говоритъ онъ уму своему), что можно не обращать вниманія на слова ханжи, скупца, щеголя и подобныхъ имъ»... «изряденъ, хваленъ твой судъ, — такъ бы то быть должно, да бѣда въ томъ, что въ наше время слова глупцовъ владѣютъ умными людьми, и у наукъ слишкомъ много недруговъ». И сатира вновь обращается къ невѣждамъ, кратко рисуя невѣжду епископа, заботящагося о доходахъ церкви, а не о ученіи паствы, невѣжду судью, не понимающаго дѣлъ, невѣжду воина, едва умѣющаго подписывать свое имя, и уже претендующаго на командованіе полкомъ и т. д.

Представивъ главнымъ противниковъ науки, Кантемиръ, наконецъ, дѣлаетъ общій взглядъ на положеніе науки въ русскомъ обществѣ и находитъ, что она далеко не получила въ немъ настоящаго мѣста и значенія, что на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ слѣдуетъ быть наукѣ, вмѣсто науки господствуетъ невѣжество.

«Златой вѣкъ до нашего не дотянулъ роду;
 Гордость, лѣнь, богатство, мудрость одолѣло,
 Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
 Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
 Судитъ за краснымъ столомъ, смѣло полки водитъ.
 Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
 Изъ всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
 Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружны,
 Какъ страдавши на морѣ корабельной службы.
 Всѣ кричатъ: ни какой плодъ не видимъ съ науки;
 Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки,

виной ересей, а въ проповѣдяхъ своихъ защищаютъ реформу отъ упрековъ въ противорѣчія вѣрѣ и уставамъ церкви.

Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслить искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты,
Тому ужъ и въ самыя молодыя лѣты,
Всякая выша степень, мзда ужъ невелика;
Семи мудрецовъ себя достойнымъ мнить лика».

Сатира VII «О воспитаніи» написана въ формѣ посланія къ князю Н. Ю. Трубецкому. Она составляетъ подражаніе XIV сатирѣ Ювенала. Въ ней Кантемиръ доказываетъ, что отсутствіе воспитанія, или дурное воспитаніе служитъ причиною развитія въ дѣтяхъ дурныхъ наклонностей, страстей и пороковъ, и потому совѣтуетъ обращать на воспитаніе особенное вниманіе и излагаетъ для того нѣкоторыя правила:

«То одно я знаю,
Что если я добрую, лѣнивъ, запускаю
Землю свою — обростетъ худою травою;
Если прилежно вспашу, довольно покрою
Навозомъ песчаную, жирнѣе ужъ станеть,
И довольный плодъ съ нея трудокъ мой достанеть.
Каково бѣ съ природы рукъ сердце намъ ни пало.
Есть, есть время нѣкое, въ коемъ злу не мало
Склонность уйдемъ, буде всю истребить не можемъ.
И утвердиться въ добрѣ доброму поможемъ.
Время то суть первыя младенчества лѣта.
Большу часть всего того, что въ насъ, приписуемъ—
Природѣ, если хотимъ изслѣдовать зрѣло,
Найдемъ воспитанія одного быть дѣло».

Особенно сильное вліяніе на дѣтей имѣютъ примѣры другихъ, или среда, въ которой они воспитываются.

«Часто дѣти были бы честнѣе,
Еслибы и мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали.
Полвѣка во снѣ, въ пирахъ провождаю;
Въ сластяхъ всякихъ по уши себя погружаю;
Однихъ счастливыми я зову лишь обильныхъ.
А однакожъ требую, чтобъ сынъ мой доволенъ
Былъ малымъ, чтобъ смиренъ былъ и собою воленъ,
Зналъ обуздывать похоти, и съ одними znalся
Благонравными, и тѣмъ подражать лишь тщался.

По водѣ тогда мои вотще пишутъ вилы.
 Домашній, показанный часто примѣръ силы
 Будеть важной, и идти станетъ сынъ тропюю,
 Котору протоптану видить предъ собою.

Подвергая осмѣянію и осужденію разныя дурныя стороны жизни, разные недостатки, глупости и пороки, Кантемиръ въ то же время училъ въ своихъ сатирахъ и правильной жизни, указывая идеаль счастья и образецъ нравственной дѣятельности, приводящей къ жизни. Идеаль счастья и жизни нарисованъ имъ въ VI сатирѣ «Объ истинномъ блаженствѣ» и VIII «На безстыдную нахальчивость».

«Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
 Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
 Мыслей»...

Для того же, чтобы находить счастье въ довольствѣ малымъ, надобно во всѣхъ своихъ чувствахъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ соблюдать умѣренность, ни въ чемъ не увлекаться въ крайности, а строго держаться во всемъ «золотой середины». Идеаль, конечно, невысокій.

Проповѣдь. Главную форму въ духовной литературѣ была проповѣдь. Царствованіе Елисаветы, которая отличалась набожностью, часто посѣщала церкви и любила слушать поученія, было самымъ благопріятнымъ временемъ для ея развитія. При дворѣ были особенные и лучшіе проповѣдники, которые постоянно говорили проповѣди. Самыми замѣчательными проповѣдниками были при Петрѣ Великомъ Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ и св. Димитрій Ростовскій, при Елисаветѣ славились: Амвросій Юшкевичъ, Кирилль Флоринскій, Димитрій Сѣменовъ и Гедеонъ Криновскій. Гедеонъ Криновскій (род. 1726, ум. 1763), бывши придворнымъ проповѣдникомъ въ Петербургѣ, съ особенною силою нападалъ въ своихъ проповѣдяхъ на современную распущенность нравовъ. Подобно Кантемиру, корень этой распущенности онъ находилъ въ совершенной небрежности о правильномъ воспитаніи дѣтей. «Многіе нынѣ родители, — говоритъ онъ въ словѣ въ 4 недѣлю великаго поста, — не только дѣтей своихъ отъ праздности, дающей поводъ ко грѣхамъ, также и отъ непотребныхъ забавъ всякихъ не отвращаютъ, но еще и совѣтуютъ имъ то, чтобы цвѣтъ юности ихъ отъ трудовъ не увя-

далъ. А другіе хотя и въ науки отдають ихъ, да въ какія?— въ такія, что стыдно въ семь святомъ мѣстѣ и помянуть о нихъ! А къ познанію Бога истиннаго и къ достойному Того жъ почтенію надлежащаго искусства завести въ нихъ отнюдь не стараются, и не только не стараются, но еще противное сему вкореняють, когда не Евангеліе Христово, не Законъ Божій, но амурныя нѣкія книжицы въ руки ихъ съ самаго младенчества втирають: не правдѣ и благочестію, но ябедамъ и обманамъ учатъ и всякихъ пороковъ въ себѣ самихъ подають образъ! И чего жъ изъ такихъ ожидать дѣтей, кромѣ что волковъ хищныхъ, пардовъ лютыхъ, мсковъ невоздержныхъ, либо другихъ какихъ скотовъ и звѣрей безчеловѣчныхъ? Удивляемся мы, когда того ненасытнаго сребролюбца, того безмѣрнаго тщеславца, того плотиугодника видимъ, а не помышляемъ, что нельзя имъ такимъ и не быть, понеже родители ихъ таковы были, да какіе сами были, такихъ и дѣтей учить старались»¹).

Послѣ проповѣдей между трудами духовныхъ ученыхъ слѣдуетъ упомянуть изданіе такъ наз. Елисаветинской Библии (1759). Въ 1756—57 гг. были пересмотрѣны, исправлены и вновь изданы «Четыи Минеи» св. Димитрія Ростовскаго.

Дидактическое направленіе. Всѣ вѣдомости и журналы въ теченіе первой половины XVIII в. издавались при разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Петербургскія Вѣдомости, которыя въ 1728 г. смѣнили первыя Русскія Вѣдомости, издавались при Академіи Наукъ; при Академіи же Наукъ издавались Ученые Комментаріи Академіи и Ежемѣсячныя сочиненія (акад. Миллеръ); Московскія Вѣдомости начали издаваться съ 1756 г. при Московскомъ Университетѣ, вскорѣ послѣ его открытія (первые редакт. Поповскій и Барсовъ); при Московскомъ же университетѣ издавалось въ 1760 г. «Полезное увеселеніе» (Херасковъ); при Шляхетскомъ корпусѣ въ 1759 г. издавалось «Праздное время, въ пользу употребленное» — первый опытъ чисто литературнаго журнала. Единственное исключеніе изъ этого, какъ журналъ, издававшійся по инициативѣ и на средства частнаго лица, составляетъ «Трудолюбивая Пчела» Сума-

¹) Собраніе разныхъ поуч. словъ. Москва 1760, л. 144—145. У Порфирьева. Ис. р. сл. Ч. II, от. I, стран. 300.

рокова (1759 г.). Редакторами газетъ и журналовъ были лица, принадлежавшія къ тѣмъ учрежденіямъ, отъ которыхъ издавались журналы.

Въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ напечатана была статья «О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи», вызвавшая нападки Ломоносова; академическая канцелярія сдѣлала по поводу ея замѣчаніе Миллеру.

Образцомъ при изданіи журналовъ служили иностранные журналы. Господствующее направленіе въ европейской журналистикѣ XVIII в. было направленіе дидактическое. Возникнувъ въ самомъ началѣ этого вѣка въ Англіи, оно быстро распространилось во всѣхъ литературахъ. Главною цѣлью англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ журналовъ того времени было дѣйствовать на улучшеніе нравовъ, осмѣивая пороки и смѣшныя стороны современнаго общества. Орудіемъ дидактики, средствомъ къ поученію была сатира, и потому основной тонъ въ журналахъ былъ сатирической. Этимъ иностраннымъ журналамъ подражали и всѣ русскіе литературные журналы XVIII в. и во главѣ ихъ Ежемѣсячныя сочиненія Миллера, Трудолюбивая Пчела Сумарокова, Полезное увеселеніе Хераскова. Въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ Миллера помѣщались статьи по русской исторіи, географіи и статистикѣ, популярныя статьи по философіи, астрономіи и естественнымъ наукамъ. Больше всего въ ученomъ отдѣлѣ встрѣчалось разнаго рода разсужденій философскаго, или лучше сказать дидактическаго характера, напр., «Ученія семи мудрецовъ, до исправленія нравовъ чловѣческихъ касающіяся», разсужденія «о самопознаніи, о благополучіи, о зависти», нравоучительныя разсужденія изъ Гольберга, о пользѣ теоретической философіи въ обществѣ, О важности и пользѣ философіи, рѣчь Поповскаго.

Проекты Шувалова. Хотя, какъ мы сказали, потребность къ образованію была еще мало развита, но дворянство считало нужнымъ уже отдавать дѣтей въ науку. Малороссійскіе дворяне учились въ Кіевской академіи; въ Великороссіи, до открытій Московскаго университета, дворянство предпочитало Московскую славяно-греко-латинскую академію. Во время Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны число учащихъ въ ней доходило до

400 и болѣе человекъ, при чемъ въ 1738 г. въ одинъ разъ поступило 158 дворянъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются князья Оболенскіе, Прозоровскіе, Хилковы, Хованскіе, Голицыны, Долгорукіе, Мещерскіе и многіе другіе. Семинаріи того времени не отвѣчали запросамъ образованія, да и приняли они, особенно въ Великороссіи, узко-сословный характеръ.

И. И. Шувалова озабочивало безпомощное положеніе дворянскихъ дѣтей, какъ въ учебномъ, такъ и служебномъ отношеніи. На службѣ требовались знанія, а получать ихъ не откуда было. Въ ноябрѣ 1760 г. Шуваловъ вошелъ въ сенатъ съ представленіемъ о томъ, чтобы не требовать дворянскихъ дѣтей на службу до 18-тилѣтняго возраста, чтобы до тѣхъ поръ они учились, а по выдержаніи экзамена, производились прямо въ офицеры, какъ ученики Кадетскаго корпуса. Онъ первый въ свое время понялъ, что единичныхъ, на перечесть тогда бывшихъ учебныхъ заведеній недостаточно для просвѣщенія обширной Россіи, что образованіе нужно сдѣлать всеѣмъ доступнымъ, всеобщимъ, по крайней мѣрѣ, для дворянства, которое одно тогда имѣло полную возможность учиться.

Съ этою цѣлью И. И. Шуваловъ предложилъ учредить въ большихъ городахъ гимназіи, а въ малыхъ школы грамотности, въ которыхъ можно было бы готовить дѣтей къ гимназіямъ. По окончаніи гимназическаго курса, юноши должны были переходить въ кадетскій корпусъ или въ университетъ, и по окончаніи тамъ образованія, поступать въ военную или гражданскую службу. Шуваловъ полагалъ, что учрежденіе цѣлаго такого ряда учебныхъ заведеній, по тогдашней дешевой жизни во внутреннихъ губерніяхъ, не обойдется слишкомъ дорого, впрочемъ прибавлялъ: «да если бы оное и великаго содержанія стоило, но въ разсужденіи изъ того великой пользы ни за что почестъ должно».

Сенатъ, одобривъ патріотическое усердіе Шувалова, представилъ ему развить его мысль, представивъ подробности устройства и содержанія предполагавшихся имъ гимназій и школъ, и для того уполномочилъ его обратиться ко всеѣмъ учрежденіямъ, которыя могутъ быть полезными въ этомъ дѣлѣ, и въ томъ числѣ къ Академіи Наукъ.

По порученію Сената И. И. Шуваловъ просилъ академикомъ

доставить ему свои соображенія: 1) въ какихъ именно городахъ должны быть учреждены гимназіи и школы и 2) какимъ наукамъ слѣдуетъ въ нихъ обучать.

На первый вопросъ не послѣдовало положительнаго отвѣта: одни извинялись незнаніемъ Россіи, другіе указывали, въ общихъ выраженіяхъ, на обширные портовые и вообще значительные города, въ которыхъ много дворянъ, чиновниковъ и богатыхъ купцовъ, и въ окрестностяхъ коихъ живетъ дворянство, гдѣ слѣдовало бы открыть гимназіи; академикъ Фишеръ назвалъ прямо Казань, но тамъ уже въ то время была учреждена гимназія.

Всѣ академики, за исключеніемъ Котельникова, полагали особые планы преподаванія для учениковъ, предназначавшихся къ высшему образованію, какъ дворяне, и желающихъ быть учеными, и другой курсъ для купеческихъ дѣтей, также различный для низшихъ сословій. Для первыхъ считали необходимымъ изученіе не только латинскаго, но и греческаго языка, для купцовъ англійскаго и голландскаго языковъ, для будущихъ военныхъ нѣкоторыя военныя науки, какъ-то: фортификацію, артиллерію и т. п.

Исходя изъ идеи сословности и находя нужнымъ доставить разнымъ сословіямъ различные пути къ образованію, акад. Фишеръ указывалъ болѣе практическій путь для осуществленія этой мысли, именно учрежденіе особыхъ школъ для разныхъ сословій: для крестьянъ, для купцовъ, отдѣльно для дворянъ.

Курсъ гимназій предлагался весьма разнообразный и многопредметный, въ него включались, на примѣръ, и право естественное, и международное, и политика, а въ такъ назыв. академическихъ гимназіяхъ всѣ вообще юридическія науки, и даже медицина. Но всѣ академики сходились въ томъ, что основаніемъ подготовленія для высшихъ наукъ должны служить *Studia humanitatis*.

Фишеръ и Протасовъ обратили вниманіе и на выборъ учителей: первый указывалъ, что ихъ слѣдуетъ испытывать въ Академіи, дабы дурнымъ преподаваніемъ несвѣдущихъ людей не вселить въ ученикахъ отвращенія къ наукамъ, а другой настаивалъ на томъ, чтобы они были природные русскіе, что

конечно, было бы желательнo, но по тогдашнему состоянію нашего просвѣщенія неисполнимо.

Всѣ эти разсужденія изложены лишь въ общемъ видѣ, а не въ формѣ подробнаго положенія. Остались они безъ результатовъ, заключаетъ гр. Д. А. Толстой¹⁾, вѣроятно за послѣдовавшею вскорѣ кончиною императрицы Елисаветы, имѣвшею послѣдствіемъ удаленіе отъ государственныхъ дѣлъ Шувалова.

Но за нимъ остается несомнѣнная заслуга предъявленія впервые мысли объ образованіи цѣлаго сословія, что въ то время, какъ уже сказано, было однозначительно со всеобщимъ просвѣщеніемъ страны, гдѣ тогда стояли особнякомъ, единицами, и то только въ столицѣ, нѣкоторыя учебныя заведенія, со спеціальнымъ, по большей части, назначеніемъ.

Въ такомъ положеніи застала учебную часть Императрица Екатерина II, къ изложенію дѣятельности которой мы и перейдемъ.

Образованіе женщинъ. Здѣсь скажемъ еще нѣсколько словъ объ образованіи женщинъ въ первую половину XVIII в.

«Въ первой половинѣ XVIII в., говоритъ Пекарскій, даже у небогатыхъ людей было стремленіе воспитывать дѣтей по европейски; но образованіе понимали по своему. Науки стояли на второмъ планѣ, между дѣломъ. Важнѣе считалось знаніе иностранныхъ языковъ, умѣнье говорить и писать на нихъ какъ на собственномъ. Это едва ли было не единственнымъ желаніемъ родителей, готовившихъ дѣтей къ блестящей карьерѣ или въ свѣтъ». При Петрѣ I, въ отношеніи иностранныхъ языковъ, одни и тѣ же требованія предъявлялись къ мужчинамъ и къ женщинамъ, и повидимому съ Петра вошло въ обычай приглашая къ дѣтямъ учителей, обучать иностраннымъ языкамъ дочерей вмѣстѣ съ сыновьями.

Примѣръ конечно шелъ сверху. Рамбурхъ училъ французскому языку и танцамъ царевенъ Анну и Елисавету; онѣ знали и нѣмецкій языкъ. Судя по тому, что рассказывала впослѣдствіи Елисавета Петровна, Петръ одобрялъ обученіе своихъ дочерей. Однажды заставъ ее и царевну Анну за уроками, онъ со вздохомъ сказалъ: «Ахъ, если бъ я въ моей молодости былъ выученъ какъ должно»²⁾.

¹⁾ Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII стол. до 1783 г. ст. 15—20.

²⁾ Соловьевъ Ист. Рос., т. XIV, ст. 113.

Воспитаніе Елисаветы, по словамъ Ещевскаго, было довольно небрежно, но она хорошо знала языки, кромѣ русскаго, французскій, нѣмецкій и шведскій. Говоря о воспитаніи царевенъ, Меньшиковъ признавался, что личности, которымъ ввѣрено было ихъ воспитаніе, были мало образованы, но благодаря большимъ дарованіямъ обѣихъ принцессъ, онѣ сдѣлали такіе успѣхи во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, что говорятъ и пишутъ на нихъ очень хорошо»¹).

Царевна Наталья Алексѣевна, внучка Петра (умершая 14 лѣтъ въ 1728 г.), отличалась, по свидѣтельству испанскаго посла, дюка де-Лирія, превосходнымъ образованіемъ, ловкостью, свободно говорила по-французски и по-нѣмецки. Знаніемъ иностранныхъ языковъ обладали не однѣ царевны, но и знатныя дамы. По свидѣтельству Берхгольца, довольно многіе изъ русскихъ мужчины и женщины, даже средняго круга, говорили по-нѣмецки. Еще въ 1705 г. Меньшиковъ писалъ Арсеньевой, чтобы она принуждала его сестру «непремѣнно учиться, какъ русскому, такъ и нѣмецкому ученію, чтобы даромъ время не пропадало»²).

Хмыровъ, говоря о воспитаніи графини Головкиной, прибавляетъ: «не подлежитъ никакому сомнѣнію, что княжна, какъ и всѣ или почти всѣ тогдашнія аристократки, говорила по-нѣмецки, училась, понимала и можетъ быть говорила по-французски»³).

Графиню Румянцеву Кампредонъ и Берхголецъ хвалили за то, что «она очень образована и по манерамъ совсѣмъ не напоминаетъ русскихъ дамъ». О второй женѣ графа Ягужинскаго, Берхголецъ отзывался какъ объ одной изъ самыхъ пріятныхъ и образованныхъ дамъ въ Россіи, хорошо говорящей по-французски, въ совершенствѣ по-нѣмецки, «искуснѣйшей танцовщицѣ».

И Меньшиковъ въ разговорѣ съ Кампредономъ о воспитаніи принцессъ Анны и Елисаветы, выставляетъ на видъ, что у нихъ «прекрасныя манеры, умѣнье вести разговоръ и держать себя въ обществѣ». Изъ приведенныхъ сужденій о русскихъ жен-

¹) Сб. ист. об. т. LVIII, у Лихачев., ч. I, стран. 49.

²) Соловьевъ. Ист. Рос., т. XVI, стран. 70.

³) М. Д. Хмыровъ. Графиня Е. И. Головкина. Истор. очеркъ по архив. докумен. 1867.

щинахъ видно, что въ образованіи ихъ всего больше цѣнились, какъ иностранцами, такъ и русскими людьми, хорошія манеры, умѣнье танцовать, ловкость въ обращеніи, иностранные языки. Въ аристократическихъ домахъ для обученія манерамъ, а также необходимому ихъ признаку, французскому языку, приглашались иностранцы-гувернеры и гувернантки. Школъ особыхъ для женщинъ не было. Расколъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ поддерживалъ и распространялъ у насъ грамотность въ народѣ. Поэтому и большинство существовавшихъ при Петрѣ въ губерніяхъ частныхъ школъ были раскольничьи. Эти раскольничьи школы да женскіе монастыри были единственными проводниками грамотности среди женскаго населенія простого народа. Что касается высшихъ сословій, то знаніе иностранныхъ языковъ надолго осталось главною, почти единственною цѣлью обученія женщинъ и даже заслонило собою изученіе русскаго языка и всякой другой науки.

Источники и пособіе.

Записки артиллеріи майора М. В. Данилова, написанныя имъ въ 1771 г., изд. П. М. Строевымъ 1842 г. Кирпичниковъ Л. Н. Педагогіи прошлаго вѣка. Истор. Вѣст. 1885 г. № 9. Порфирьевъ И. Исторія русской словесности, 1880, ч. II, отд. I. Лихачева Е. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796). С.-Пб. 1890. Гр. Д. А. Толстой. Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782. С.-Пб. 1883 г. Иконниковъ. Русскіе университеты въ связи съ ходомъ обществ. развитія. Вѣст. Евр. 1876, №№ 9—11.

ГЛАВА XVI.

Императрица Екатерина II Великая, ея значеніе для просвѣщенія Россіи и заботы ея объ образованіи.

Екатерина II. Вѣкъ Елисаветы приготовилъ вѣкъ Екатерины. Этотъ великій вѣкъ, говоритъ проф. Бестужевъ-Рюминъ, оставилъ по себѣ глубокой слѣдъ въ русской исторіи. Вокругъ гениальной, многотумной и многопонимавшей царицы собралась цѣлая плеяда замѣчательныхъ людей — «Екатерининскіе орлы»: тутъ былъ и представитель русской широты въ замыслахъ и русской хандры, полный противорѣчій, гениальный создатель Новороссійскаго края, тутъ былъ и русскій чудо-богатырь Суворовъ,

юродствующій, чтобы имѣть болѣе независимости, и методичный Румянцевъ, и тонкій дипломатъ Безбородко, и безкорыстный, умный, вѣчно недовольный Панинъ; тутъ были и представители зарождающейся новой русской литературы: здѣсь проявлялъ свою необузданную силу Державинъ; здѣсь показывалъ Фонвизинъ зеркало невѣжеству, а Новиковъ затѣвалъ борьбу со скептицизмомъ вѣка и со старыми неисцѣлимыми еще язвами русскаго общества; было и много другихъ. Всѣхъ выслушивала императрица, всѣми старалась пользоваться и всѣхъ старалась направлять. Царствованіе Екатерины было блистательно и извнѣ, и внутри; не напрасно говорилъ Безбородко уже послѣ кончины императрицы: «не знаю, какъ теперь, а при насъ ни одна пушка не могла выстрѣлить въ Европѣ безъ нашего позволенія».

Высокій умъ и мощный характеръ Екатерины II такъ поражали современниковъ, что нѣкоторые изъ нихъ (принцъ де-Линь и Вольтеръ) называли ее: Екатерина Великій (Catherine le Grand). И сама она говорила: «Привычка ли это, или дѣло вкуса, но я могу вести разговоръ только съ мужчинами». При высокомъ природномъ умѣ Екатерина обладала и обширнымъ серьезнымъ образованіемъ¹⁾.

Въ самыхъ молодыхъ годахъ (род. 1729 г., ум. 1796 г.), будучи еще княжной Ангальтъ-Цербтской, она, не удовлетворяясь уроками своихъ учителей, сама начала знакомиться съ лучшими произведеніями французской и итальянской литературы; но особенно серьезно она занялась самообразованіемъ съ того времени, какъ сдѣлалась княжной русской. Съ этого времени, до вступленія на русскій престолъ, въ продолженіе 18 лѣтъ, чтеніе книгъ и выписки изъ нихъ по разнымъ политическимъ, ученымъ и литературнымъ вопросамъ были ея постояннымъ занятіемъ. Въ ея библіотекѣ въ это время находились такія разнообразныя и серьезныя книги, какъ жизнь Генриха IV Перификса, Исторія Германіи Барри, Лѣтописи Тацита, Діалоги Платона (во французскомъ переводѣ), церковная исторія Баронія, словарь Бейля, сочиненія Монтескье и Вольтера. Изъ современныхъ писателей Екатерина прежде всего обратила вниманіе на Монтескье; осо-

¹⁾ Воспитаніе Екатерины II, Я. Грота. Древняя и Новая Россія. 1875 г., т. I.

бенно ее увлекалъ «Духъ законовъ», изъ котораго она очень рано начала дѣлать выписки, вошедшія потомъ въ «Наказъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что слава Екатерины не безъ пятенъ, но въ ея дѣятельности надобно отличать двѣ стороны: человѣческую и государственную, и ошибки ея въ первомъ отношеніи не могутъ заслонять передъ нами незабвенныхъ ея заслугъ въ послѣднемъ, а притомъ Екатерина, и какъ человѣкъ, является, по большей части, мудрою, благою, великою. Какъ ни разнообразны сужденія писателей о нравственномъ достоинствѣ и душевныхъ качествахъ Екатерины, но въ одномъ все согласны — въ признаніи силы ея воли, величія ея ума и многосторонности познаній. «Мало именъ такихъ популярныхъ въ Россіи и столь дорогихъ для нея, — говоритъ Я. К. Гротъ, — какъ имя Екатерины II. Еще недавно сошло въ могилу поколѣніе людей, которые, по крайней мѣрѣ, дѣтми застали ея время; они говорили о ней не иначе, какъ съ глубокимъ умиленіемъ. Довольно большое число извѣстныхъ мемуаровъ и воспоминаній ея современниковъ почти безъ исключенія дышатъ самою горячею къ ней преданностію, какимъ-то поклоненіемъ; ея портреты и бюсты можно видѣть въ каждомъ старинномъ домѣ. Напротивъ того, иностранные отзывы о ней, за весьма малыми исключениями, крайне неблагосклонны. Они представляютъ ее жестокою, безсердечною, въ высшей степеніи неразборчивою въ средствахъ для достиженія цѣли. Иностранцы видятъ Екатерину болѣе въ дѣйствіяхъ ея внѣшней политики, которая дѣйствительно часто была безпощадна и неразборчива въ средствахъ; русскіе, напротивъ того, болѣе всего ощущали вліяніе ея внутренняго управленія, которое рѣзко отличалось отъ прешедствовавшихъ кротостію и было наполнено преобразованіями. Наши предки не могли оставаться нечувствительными и къ той славѣ, которою Екатерина окружила Россію: отечество наше было поставлено этою государынею дѣйствительно на степень первенствующихъ европейскихъ державъ. Законы нравственности ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ послабленія, и мы должны признаться, что Екатерина далеко не безупречна во многихъ отношеніяхъ. Но намъ, русскимъ, невозможно забыть, что если въ области морали и политики Екатерина и подлежитъ упреку, то нельзя

забывать, что рѣдкій государь такъ много сдѣлалъ для величія и славы Россіи, какъ она.

Исторія двора при Петрѣ I, при императрицѣ Аннѣ, при Елисаветѣ изобилуетъ чертами тираніи, жестокости и произвола; всѣ современники Екатерининскаго царствованія удивлялись кротости ея обращенія съ окружающими ее лицами, радовались совершенному устраненію жестокихъ формъ и крутыхъ мѣръ въ отношеніи къ подчиненнымъ. Она руководствовалась въ обращеніи съ людьми правилами челоуѣколюбіи: «Я люблю хвалить и награждать громко, порицать тихо», справедливо замѣтила она однажды въ бесѣдѣ съ Сегюромъ.

Болѣе чѣмъ многія другія высокопоставленныя лица, Екатерина была доступна чувству состраданія. Этимъ же объясняется любезность въ обращеніи Екатерины съ дѣтьми. Воспитанницы института благородныхъ дѣвицъ называли ее «нѣжною и снисходительною матерью», изъ писемъ Екатерины къ княгинѣ Черкасовой (Левшиной), которую она обыкновенно называла «Черномазою Левушкой», видно, какъ она умѣла входить въ положеніе молодыхъ дѣвицъ, давать имъ совѣты, руководить ихъ воспитаніемъ и пр.

Образованіе, данное временемъ Екатерины, было образованіе европейское. Петръ I думалъ о знаніяхъ практически полезныхъ, ему нужны были моряки, инженеры, техники, архитекторы. Екатерина II, дочь просвѣтительнаго вѣка, ученица философъ-энциклопедистовъ, думала о просвѣщеніи обще-челоуѣческомъ, что на языкѣ того времени значило просвѣщеніи французскомъ, и вотъ, несмотря на ужасъ, внушенный французскою революціею, все русское образованное общество заговорило по-французски.

Императрица Екатерина II очень любила литературу и сама была замѣчательною писательницею; писала много и по самымъ разнообразнымъ вопросамъ; писательство было ея любимой стіхіей. Она часто замѣчала въ шутку, что дня не можетъ прожить, не писавши, что не можетъ видѣть пера, особенно вновь очиненнаго, чтобы не обмакнуть его въ чернила и не ощущать того неодолимаго влеченія къ письму, которое она называла «демономъ бумагомаранія» и надъ которымъ сама такъ любила подшучивать.

Извѣстно, что Екатерина II въ развитіи своего литературнаго таланта никому не считала себя столько обязанною, какъ Вольтеру, котораго съ непритворною благодарностію называла своимъ учителемъ. По вступленіи своемъ на престоль она начала съ нимъ переписку сознаниемъ, что до знакомства съ его трудами читала одни пустые романы, но что онъ произвелъ переворотъ во всемъ ея умственномъ мірѣ и заставилъ ее любить серьезное чтеніе. Отсюда ясно, что сочиненія Вольтера сильно повліяли на развитіе Екатерины, и воспоминаніе о томъ сдѣлало его навсегда дорогимъ для нея. Ни о какомъ другомъ писателѣ она не говоритъ съ такою любовію, съ такимъ горячимъ энтузіазмомъ. Въ своемъ ослѣпленіи она не замѣчала его недостатковъ: ни его глумленія надъ всѣмъ, что должно быть свято человѣку, ни его безнравственность и способность на всякую низость изъ жадности къ деньгамъ не могли повредить ему въ ея мнѣніи; до конца его жизни и послѣ она не переставала смотрѣть на него какъ на идеаль писателя и простирала свое уваженіе къ его памяти до какого-то обожанія»¹⁾.

Къ Руссо Екатерина II относилась неблагосклонно. Она не любила его за его политическіе взгляды, а особенно за *Contrat social*, за его сумасбродство и непослѣдовательность, за его враждебныя выходки противъ Россіи и враждебныя отношенія къ Гримму и Вольтеру. «Не люблю я эмилевскаго воспитанія, — писала Екатерина II г-жѣ Бьелке, — въ наше доброе старое время думали иначе, а такъ какъ между нами есть таки удавшіеся люди, то я и держусь этого результата»²⁾. Если, несмотря на то, нѣкоторыя педагогическія правила императрицы совпадали со взглядомъ Руссо, то это надобно приписать тому, что самъ авторъ Эмиля часто слѣдовалъ Локку, у котораго Екатерина II многое заимствовала. Кромѣ того, кое-какія изъ наставленій Руссо были приняты Базедовымъ и другими писателями, впоследствии пріобрѣтшими авторитетъ въ педагогической литературѣ. Извѣстно, что императрица внимательно читала Локка, Монтескье, Монтеня и Дидро. Большая часть статей «Наказа комиссіи для

¹⁾ Я. К. Гротъ. Заботы Екатерины II о народномъ образованіи по ея письмамъ къ Гримму. Сб. отдѣл. рус. яз. и слов. Импер. Акад. Наук. Т. 2-й. С.-Пб. 1880, стран. 13—14.

²⁾ Сб. Ис. Общ., т. XIII, стран. 37.

сочиненія проекта новаго уложенія» принадлежитъ самой императрицѣ: многое заимствовала она изъ сочиненія Монтескье: «О духѣ законовъ» и изъ книги Беккаріи «О преступленіяхъ и наказаніяхъ». Въ «Наказѣ» не трудно отмѣтить вліяніе «просвѣтительныхъ» идей философіи XVIII вѣка. Екатерина II выражаетъ мысль, что «нравы возвышаются просвѣщеніемъ, а не жестокими наказаніями преступленій». Въ ст. 245 «Наказа» сказано: «Хотите ли предупредить преступленія? сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми».

Екатерина II долго находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ Даламберомъ и Дидро. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, въ 1762 г., она предложила Даламберу занять должность воспитателя Вел. Кн. Павла Петровича, и когда онъ отказался отъ этой должности, она писала ему: «Вы рождены, вы призваны содѣйствовать счастью и даже просвѣщенію цѣлой націи; отказываться въ этомъ случаѣ, по моему мнѣнію, значитъ отказываться дѣлать добро, къ которому вы стремитесь. Ваша философія основана на человѣколюбіи; позвольте же вамъ сказать, что она не достигнетъ своей цѣли, если вы отказываетесь служить человечеству, насколько это возможно для васъ». Но, несмотря на отказъ Даламбера, она продолжала съ нимъ сношенія и часто обращалась къ нему за совѣтами по разнымъ вопросамъ. По желанію Екатерины II Дидро написалъ «Plan d'une université pour le gouvernement de Russie, ou d'une éducation publique dans toutes les sciences»; въ этомъ проектѣ принималъ участіе и Гриммъ. Весь проектъ построенъ на германской системѣ народнаго образованія, заключающей въ себѣ три степени училищъ, т.-е. народныхъ школы, среднія учебныя заведенія и университетъ. Извѣстно, что когда лѣтъ черезъ десять дѣйствительно приступлено было къ учрежденію въ Россіи новыхъ училищъ, то этотъ планъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, былъ принятъ во вниманіе. Узнавъ, что Дидро бѣденъ и такъ нуждается въ деньгахъ, что на приданое дочери готовъ продать свою библіотеку, она купила у него эту библіотеку за 15 тыс. ливровъ, оставила ее въ пользованіи Дидро до его смерти и, кромѣ того, еще назначила ему постояннаго жалованья въ годъ по 1000 франковъ, какъ хранителю ея библіотеки, и приказала выдать это жалованье за 50 лѣтъ впередъ. Познакомившись съ со-

чиненіями итальянскаго писателя Беккаріа «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», она хотѣла вызвать его въ Петербургъ на службу и приказывала выдать ему впередъ 1000 червонцевъ, въ случаѣ если бы онъ согласился пріѣхать.

Переписка съ Гриммомъ. Но всего важнѣе для насъ отношенія Екатерина II къ Гримму. Появившіяся въ «Сборникѣ Историческаго Общества» письма Екатерины II къ Гримму¹⁾, «по богатству и разнообразію своего содержанія, еще долго будутъ представлять изслѣдователю обильный матеріалъ для изученія этого времени интереснаго. Всѣ эти письма запечатлѣны особеннымъ характеромъ искренности и откровенности. Мало такихъ сторонъ въ ея жизни, такихъ отношеній и взглядовъ, которыхъ бы они здѣсь не касались. Письма эти блещутъ яркими описаніями, сердечнымъ чувствомъ и мѣткими характеристиками. Едва ли, однако, не всего лучше тѣ часто возвращающіяся мѣста, въ которыхъ Екатерина II съ нѣжною любовію бабушки, съ неподражаемою прелестію и граціею излагаетъ всѣ подробности воспитанія и развитія своихъ внуковъ, особенно старшаго, Александра Павловича».

Письма ея къ Гримму похожи на дневникъ, въ которыхъ авторъ непринужденно отдаетъ своему собесѣднику отчетъ въ переживаемыхъ имъ событіяхъ, впечатлѣніяхъ и занятіяхъ, высказываетъ свои взгляды на лица и дѣла, свои житейскія и политическія правила, свои намѣренія и надежды. Самъ Гриммъ былъ человѣкомъ замѣчательнымъ. Фридрихъ Мельхіоръ Гриммъ, родомъ нѣмецъ, съ переселеніемъ въ Парижъ, въ качествѣ воспитателя сына графа Шэнберга, на 25-лѣтнемъ возрастѣ совершенно перерождается во француза и дѣлается однимъ изъ выдающихся представителей литературы своего новаго отечества. Славу свою создалъ «Литературной корреспонденціей». Она состояла въ замѣткахъ обо всѣхъ текущихъ явленіяхъ французской литературы. Ею интересовались не только мелкіе нѣмецкіе владѣтельные принцы, но Фридрихъ II, шведская королева (мать Густава II), Станиславъ Понятовскій и, наконецъ, сама Екатерина II. Такимъ образомъ Гриммъ можетъ считаться первымъ литературнымъ хроникеромъ XVIII вѣка; дѣло это было

¹⁾ Томъ XXIII. Сборникъ Импер. Рус. Историческаго Общества, изд. Я. К. Гротъ. С.-Пб. 1878.

для него не только почетно, но и прибыльно. Это занятіе продолжалъ онъ почти 40 лѣтъ, т.-е. до 1790 г., когда конецъ тому положила французская революція. Литературныя сужденія Гримма обнаруживаютъ въ немъ много проникательности и вкуса: его приговоры новы, смѣлы и мѣтки. Послѣ этого намъ становится понятнымъ то обаятельное впечатлѣніе, которое Гриммъ произвелъ на Екатерину II, когда, уже будучи извѣстенъ ей по своей «Литературной корреспонденціи», по своимъ связямъ съ энциклопедистами, онъ представился ей въ сентябрѣ 1773 года (пріѣхавъ въ Россію ко дню празднованія совершеннолѣтія наследника престола и вмѣстѣ бракосочетанія его съ принцессой Наталіей Алексѣвной). Вскорѣ послѣ Гримма прибылъ въ Петербургъ и Дидро. Въ это время впервые появились слухи о Пугачевѣ; но это нисколько не дѣйствовало на расположеніе духа Императрицы и на заботы ея о народномъ образованіи, именно въ это время особенно ее занимавшія. Послѣ перваго же разговора съ Гриммомъ, у Екатерины II родилась мысль воспользоваться имъ для дальнѣйшаго развитія просвѣщенія въ Россіи, и ему предложено было взять на себя главное завѣдываніе по учрежденіи и управленіи училищъ. Но Гриммъ, не желая промѣнять своего положенія во Франціи на новыя невѣрныя отношенія при русскомъ дворѣ, рѣшительно отвергъ сдѣланныя ему предложенія. Это, однако, не помѣшало установленію дружественныхъ отношеній между нимъ и Екатериной II Великой, основанныхъ на взаимномъ пониманіи, уваженіи и довѣрїи. Эти отношенія продолжались до самой кончины Государыни и выразились въ обширной перепискѣ, изданной въ 1878 г. Я. К. Гротомъ. Гриммъ сообщалъ императрицѣ все, что было важнаго и интереснаго въ Западной Европѣ. Это даже подало поводъ къ ярвымъ толкамъ: нѣкоторые считали Гримма тайнымъ агентомъ русской императрицы, опаснымъ для Франціи. Но это совершенно невѣрно: роль Гримма — просвѣтительно-литературная, а не политическая. Въ 1774 г. Гриммъ посылалъ императрицѣ педагогическое сочиненіе «*Conversations d'Emilie*» г-жи д'Эпина, которая вслѣдъ затѣмъ писала ему, что не можетъ разстаться съ этимъ сочиненіемъ и прикажетъ перевести его по-русски.

Екатерина II неоднократно обращалась къ нему за разъясненіями и указаніями по народному образованію, хотя и не всегда оставалась довольна его планами и проектами.

Въ 1775 г., въ бытность въ Москвѣ, Екатерина пишетъ письмо Гримму, изъ котораго видно, что ее заботили мысли объ улучшеніи общественнаго воспитанія. «Но послушайте, господа философы, не составляющіе секты: вы были бы премилые и превосходные люди, если бы сдѣлали благодѣяніе и выработали планъ обученія молодыхъ людей отъ азбуки и до университета включительно. Вы скажете мнѣ, что нескромно просить васъ объ этомъ; но мнѣ говорятъ, что надо три разряда училищъ, и я, которая не училась и не была въ Парижѣ, конечно, бѣдна свѣдѣніями и умомъ, и поэтому не знаю, чему слѣдуетъ учиться и гдѣ все это почерпнуть, какъ не у подобныхъ вамъ. Я еще не получила книгу, которую вы послали съ кн. Долгорукимъ (*Conversations d'Emilie*) отъ матери Эмили, но я очень затрудняюсь составить себѣ идею объ университетѣ, о его управленіи гимназіями и школами и т. д. Но пока вы согласитесь или не согласитесь на мою просьбу, я знаю, что сдѣлаю, я стану перелистывать энциклопедію. О навѣрное я вытащу оттуда за уши все, что мнѣ надо и не надо»¹⁾). Императрица постоянно держала Гримма въ извѣстности обо всемъ, что она издавала по законодательству, такъ же какъ и обо всѣхъ письменныхъ и литературныхъ трудахъ, которые постоянно занимали ее и пополняли ее время.

„Наказъ“. На сочиненіяхъ Императрицы Екатерины II, несомнѣнно, отразились ея сношенія съ энциклопедистами и учеными XVIII вѣка. Такъ, въ извѣстномъ «Наказѣ» не мало взято изъ Монтескье и Беккариа. Но выборъ заимствованныхъ статей, расположеніе ихъ, статьи, прибавленныя самою императрицею, свидѣтельствуютъ объ ея взглядахъ.

«Наказъ комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія» составленъ былъ Императрицею въ руководство депутатамъ, собраннымъ ею отъ различныхъ учреждений и сословій (кромя духовнаго и помѣщичьихъ крестьянъ) для сочиненія новыхъ законовъ (въ 1767 г.). Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ «Наказа».

1. Законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлать другъ другу добро, сколько возможно.

2. Полагая сіе, закономъ вѣры предписанное, правило за вкоренившееся или за долженствующее вкорениться въ сердцахъ

¹⁾ Переписка, ст. 19.

цѣлаго народа, не можемъ инаго кромѣ сего сдѣлать положенія, что всякаго честнаго человѣка въ обществѣ желаніе есть или будетъ видѣти свое отечество на самой вышней степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія».

Основными идеями современныхъ законодательствъ и политическихъ сочиненій въ Европѣ были идеи равенства, братства и свободы. Поэтому въ «Наказѣ» Императрица Екатерина II прежде всего опредѣляетъ, въ чемъ должна состоять «свобода» въ государствѣ самодержавномъ и какъ надо понимать равенство между людьми. «Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ (§ 34). Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представить: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ; и ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было; ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть (§ 38). Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственно наслаждается безопасностью: и чтобы люди имѣли сію вольность надлежитъ быть закону такому, чтобы одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялись бы всѣ однихъ законовъ» (§ 39). Въ VI главѣ «о законахъ вообще» опредѣляется назначеніе законовъ и основной ихъ характеръ: «Ничего не должно запрещать законами, кромѣ того, что можетъ быть вредно или каждому особенно, или всему обществу» (§ 41). Всѣ правила о наказаніяхъ отличаются духомъ особенной гуманности.

«Послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ, вмѣсто бича, и пускай самая большая часть наказанія будетъ безчестіе, въ претерпѣніи наказанія заключающееся» (§ 88).

«Наконецъ самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими, есть приведеніе въ совершенство воспитанія». Поэтому воспитанію посвящена отдѣльная глава (XIV).

§ 348. Правила воспитанія суть первыя основанія, приготовляющія ихъ быть гражданами.

§ 351. Всякій обязанъ учить дѣтей своихъ страху Божію, какъ началу всякаго цѣломудрія и вселять въ нихъ всѣ тѣ обязанности, которыя Богъ отъ насъ требуетъ въ десятословіи

своемъ и православная наша восточная греческая вѣра во правилахъ и прочихъ своихъ преданіяхъ.

§ 352. Также впредъ въ нихъ любовь къ отечеству и поводить ихъ имѣть почтеніе къ установленнымъ гражданскимъ законамъ и почитать правительства своего отечества, какъ пекущіяся по волѣ Божіей о благѣ ихъ на земли.

§ 356. «Должно вселять въ юношествомъ страхъ Божій, утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и приучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ, возбуждати въ нихъ охоту ко трудолюбію и чтобъ они страшилися праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія, научати пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей, обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въ ономъ есть полезнаго, отвращать ихъ отъ мотовства, особливо же вкореняти въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ, какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ, однимъ словомъ — всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежать къ доброму воспитанію, которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ». Затѣмъ прибавляется: «Всякій родитель долженъ воздерживаться при дѣтяхъ своихъ не только отъ дѣлъ, но и отъ словъ, клонящихся къ неправосудію и насильству, какъ-то: брани, клятвы, драки, всякой жестокости и тому подобныхъ поступковъ и не позволять и тѣмъ, которые окружаютъ дѣтей его, давать имъ такіе дурные примѣры. Онъ запретить долженъ дѣтямъ и тѣмъ, кои около нихъ ходятъ, чтобъ не лгали, ниже въ шутку, ибо ложь изъ всѣхъ вреднѣйшихъ есть порокъ».

Приказы общественного призрѣнія. Но покаместъ это были одни теоретическія разсужденія, для распространенія образованія въ народѣ еще не было принято болѣе энергичныхъ мѣръ. Первые мѣры были приняты Екатериною II изданіемъ 7 ноября 1775 года «Учрежденія о губерніяхъ», на основаніи котораго въ каждой губерніи учреждался особый «Приказъ общественнаго призрѣнія». На эти приказы, кромѣ устройства благотворительныхъ заведеній и управленія ими, возложены были и за-

боты по учрежденію народныхъ училищъ не только во всѣхъ городахъ, но и въ многочисленныхъ селеніяхъ для всѣхъ, кто пожелаетъ учиться, но безъ всякаго принужденія, предоставляя доброй волѣ родителей посылать своихъ дѣтей въ училище или учить ихъ дома. За обученіе въ училищѣ назначалась весьма умеренная плата, и то только для дѣтей достаточныхъ семействъ. На первый случай въ народныхъ училищахъ положено было обучать: чтенію книгъ церковной и гражданской печати, письму, первымъ ариметическимъ правиламъ, рисованію, катихизису, толкованію десяти заповѣдей. Употребленіе тѣлесныхъ наказаній въ школахъ строго воспрещалось. Приказы общественнаго призрѣнія должны были наблюдать за благоустройствомъ училищныхъ помѣщеній, особенно за чистотою воздуха въ классныхъ комнатахъ, опредѣлять учителей, выдавать имъ жалованье и удалять нерадивыхъ изъ нихъ. Хотя приказы и принялись открывать народныя училища, но дѣло это не пошло, главнымъ образомъ по недостатку средствъ (каждому приказу на всѣ его потребности было ассигновано всего по 15 тыс. руб. ежегодно), по недостатку учебныхъ книгъ, а главнымъ образомъ за отсутствіемъ дѣятельныхъ руководителей и знающихъ подготовленныхъ учителей. Императрица сама хорошо сознавала, что приказы общественнаго призрѣнія мало могутъ двинуть дѣла образованія и старалась изыскать средство для его развитія и успѣха.

Австрійская система образованія. Свиданіе императрицы Екатерины II съ императоромъ Іосифомъ II въ Могилевѣ имѣло рѣшительное значеніе въ этомъ дѣлѣ. Іосифъ II разсказалъ ей о замѣчательно плодотворныхъ результатахъ австрійскихъ народныхъ училищъ послѣ преобразованія ихъ по системѣ Фельбигера, и уже тогда онъ предлагалъ принять за образецъ эту систему для учрежденія народныхъ училищъ въ Россіи. «Скажу, писала она Гримму 25 мая 1780 г. изъ Могилева, что вчера нормальныя школы составляли одинъ изъ предметовъ нашихъ разговоровъ и что, сколько я могу судить по слухамъ, эти нормальныя школы — прекрасное изобрѣтеніе, но намъ нужны будутъ нормальные учителя (Normalschulmeister)».

Нормальныя школы, о которыхъ шла рѣчь, были послѣдствіемъ цѣлаго ряда энергичныхъ мѣръ, принятыхъ австрійской императрицей Маріей Терезіей для преобразованія системы об-

щественнаго воспитанія въ австрійскихъ владѣнiяхъ и составившихъ одну изъ главныхъ заслугъ ея царствованiя. Въ 1774 году былъ изданъ утвержденный ею общій училищный уставъ. Низшую степень учебныхъ заведенiй, по этому уставу, составляли нормальныя школы, имѣвшiя назначенiе служить въ провинцiи образцами для всѣхъ прочихъ училищъ: въ каждой провинцiи полагалась одна нормальная школа для первоначальнаго обученiя городского юношества необходимымъ предметамъ, а также для образованiя учителей другихъ школъ. Въ каждой нормальной школѣ предназначался директоръ съ 4—5 учителями. Уже въ слѣдующiе два года было заведено въ Австрiи множество такихъ школъ. Тогда же комиссiя, подъ предсѣдательствомъ опытнаго и дѣятельнаго педагога Фельбигера составила и издала большое число учебниковъ, книгъ для чтенiя, инструкцiй учителямъ. Такимъ образомъ учебная часть въ Австрiи получила хорошую организацiю. Объ этомъ съ подробностiю разсказалъ Иосифъ II Екатеринѣ II, занятой образовательными задачами и рекомендовалъ ей для исполненiя занимавшихъ ее плановъ своего подданаго, серба Янковича-де-Мирiево, директора училищъ въ Темешварѣ, который передъ тѣмъ участвовалъ въ преобразованiи учебнаго дѣла въ австрійскихъ владѣнiяхъ. Но хотя австрiйская система Фельбигера и очень понравилась Екатеринѣ II, она въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ образованiе народа, не хотѣла дѣйствовать опрочетчиво и рѣшила обратиться за совѣтами къ нѣсколькимъ извѣстнымъ своею ученостiю лицамъ.

«Сообщите мнѣ», пишетъ императрица Гримму отъ 24 iюля 1780 г., «какъ смотритъ баронъ Дальбергъ на австрiйскiя нормальныя училища. Услышавъ о нихъ такъ много хорошаго, я получила всѣ употребляемыя руководства изъ рукъ самого графа Фалькенштейна (Иосифъ II)»¹⁾. «Придетъ очередь и до барона Дальберга», пишетъ она 23-го сентября того же года; «ожидаю его отзыва о нормальныхъ училищахъ. Никогда не испугаютъ меня образованностiю народовъ; но когда будутъ они образованы?»²⁾. «Баронъ Дальбергъ», отвѣчалъ Гриммъ, «не ждалъ моего запроса о вѣнскихъ нормальныхъ школахъ. Какъ только онъ узналъ, что объ этомъ была рѣчь въ Могилевѣ, онъ мнѣ

1) Сборн. Русс. Истор. Общ. Т. 23, ст. 183.

2) Ib., ст. 193.

написаль: «весь мой проект, который я позволилъ себѣ послать божественной *Normalschulmeisterin* (такъ Гриммъ въ шутку называль Екатерину) основанъ на приготовленіи учителей для нормальныхъ школъ (*Normalschulmeister*)». Съ своей стороны Гриммъ прибавиль: «Какъ бы то ни было, это будетъ великое благо, просвѣтится народъ, станетъ разумнѣе; одни глупцы или мерзавцы бояться образованнаго народа; рожденные для власти предпочитаютъ владычествовать надъ людьми, нежели надъ животными. *Was sagt der Graf von Falkenstein dazu?*»¹⁾).

Въ то же время Гриммъ переслалъ императрицѣ записку Шадена, извѣстнаго филолога, ректора Московской гимназіи, по нѣкоторымъ педагогическимъ вопросамъ съ своими замѣчаніями. Сущность этой записки сводилась къ сдѣланному барономъ Дальбергомъ предложенію: устроить учебное заведеніе для приготовленія учителей, и принять въ руководство саганскую, то есть австрійскую методу и употребляемая ею руководства.

Мнѣніе Эпинуса. Австрійская учебная система не выходила изъ головы Екатерины. Желая какъ можно болѣе въ нее вникнуть, она пожелала выслушать мнѣніе о ней многосторонне образованнаго и умнаго академика Эпинуса, извѣстнаго учеными трудами по физикѣ и естествознанію и бывшаго преподавателемъ наслѣдника престола вел. кн. Павла Петровича. Въ качествѣ воспитателя своего сына, императрица имѣла возможность еще ближе узнать Эпинуса, оцѣнить его умъ и познанія и стала неоднократно пользоваться его мнѣніями и совѣтами.

Отвѣчая на запросъ по поводу народнаго образованія, Эпинусъ основывалъ весь успѣхъ дѣла на правильномъ приготовленіи учителей; «для того, чтобы имѣть хорошія школы, прежде всего нужно приготовить для нихъ учителей, которые разумѣли бы чему и какимъ образомъ, по какой методѣ обучать. Откуда же достать огромное число учителей для множества школъ, потребныхъ обширной имперіи? Такъ какъ нѣтъ возможности найти ихъ всѣхъ готовыми, такъ сказать, подъ рукою, то какъ образовать ихъ въ достаточномъ числѣ, въ возможно скорѣйшее время?» Для этого онъ предлагалъ принять австрійскую учебную систему. На основаніи ея, школы для начальнаго

¹⁾ Сборн. Русс. Истор. Общ. Т. 33, ст. 30.

народнаго образованія подраздѣлить на три разряда: 1) начальныя школы, въ которыхъ обучали бы закону Божию, чтенію, письму и первымъ правиламъ ариеметики; 2) главныя школы, коихъ курсъ расширенъ былъ включеніемъ въ него геометріи, механики, архитектуры, естествознанія, географіи, исторіи, сельскаго хозяйства и началъ латинскаго языка и 3) нормальныя школы, или учительскія семинаріи для приготовленія будущихъ учителей. «Сущность австрійскихъ школъ относительно принятой въ нихъ методы преподаванія», разъяснялъ Эпинусъ, «заключается: 1) въ совмѣстномъ занятіи всѣхъ учениковъ и поддержаніи ихъ вниманія; 2) въ облегченіи ученикамъ заучиванія необходимыхъ для нихъ предметовъ и воспособленія ихъ памяти; 3) въ наглядномъ способѣ представленіи имъ, помощію таблицъ, сущности и подраздѣленій тому, чему ихъ учатъ, и 4) въ способѣ обдумыванія и яснаго усвоенія изучаемаго, посредствомъ задаваемыхъ вопросовъ». Что касается учителей, на которыхъ, какъ сказано уже, все основывалось, то Эпинусъ весьма положительно заявилъ, что ни въ какомъ случаѣ, ни въ какую школу не должны быть опредѣляемы иные учителя, какъ только тѣ, которые приготовлены въ учительскихъ семинаріяхъ.

Главныя школы готовятъ также, по означенной выше методѣ, учителей для простонародныхъ школъ; но должно, прежде опредѣленія ихъ въ должность, практически испытывать ихъ въ учительскихъ семинаріяхъ. «Каждая провинція Австріи», продолжаетъ онъ, «имѣетъ въ главномъ своемъ городѣ учительскую семинарію». Эпинусъ находилъ, что курсъ австрійскихъ начальныхъ училищъ вполне соображенъ съ потребностями народа, посему можетъ быть принятъ безъ всякихъ измѣненій и для русскихъ школъ, что учебныя для нихъ руководства хорошо составлены, методы преподаванія основаны на практическомъ опытѣ, и что нельзя было лучше придумать способовъ къ скорѣйшему увеличенію числа школъ, чѣмъ это сдѣлано было въ Австріи. «Конечно, прибавлялъ Эпинусъ, у насъ дѣло это пойдетъ нѣсколько медленнѣе, нежели въ Австріи. Тамъ было то преимущество, что находилось на лицо значительное число учителей, которые знали уже, какъ я выразился выше, чему учить, имъ нужно было только показать, какъ учить, т.-е. объ-

яснить методу преподаванія. Возможно ли будетъ у насъ набрать сразу значительное число учителей столь же подготовленныхъ мнѣ кажется сомнительнымъ. На академическую гимназію нельзя, сколько мнѣ извѣстно, возлагать надеждъ въ этомъ отношеніи. То же самое слышу я и о Московскомъ университетѣ. Остается только Московская Законоспасская Академія, нѣсколько духовныхъ семинарій и кое гдѣ разбросанныя школы; но на сколько достаточны эти вспомогательныя училища—мнѣ не извѣстно. Но какъ бы то ни было, изъ всего этого выходитъ, что у насъ, если будетъ сдѣланъ опытъ такого школьнаго устройства, то въ началѣ онъ пойдетъ нѣсколько медленнѣе, что не значить однако, что онъ былъ бы невозможенъ». Прочность и устойчивость австрійской школьной системы Эпинусъ справедливо видѣлъ въ непремѣнномъ условіи, чтобы учителя приготавлиемы были въ учительскихъ семинаріяхъ, и при преподаваніи въ школахъ неотступно слѣдовали изданнымъ руководствамъ и предписанной методѣ изложенія, не позволяя себѣ никакихъ отъ нихъ отступленій. «Не допускайте только порчи учительскихъ семинарій», говоритъ Эпинусъ, «и тогда не опасны будутъ неисправности и въ другихъ школахъ, ихъ легко можно будетъ устранить»; онъ сравнивалъ учительскія семинаріи съ нормальнымъ вѣсомъ и мѣрою, по которымъ легко открыть всякую фальшь обвѣщиванія и обмѣриванія.

«Я желалъ бы», писалъ Эпинусъ Императрицѣ, «чтобы Ваше Императорское Величество рѣшительно приняли и ввели въ Россію австрійскую учебную систему, безо всякихъ измѣненій, исключая вызываемыхъ мѣстными особенностями страны, и тотчасъ учредили бы три или четыре учительскія семинаріи, которыя всего удобнѣе могли бы быть открыты въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ. Для успѣшности этихъ училищъ и начала столь великаго дѣла народнаго образованія я позволилъ бы совѣтовать вамъ просить Римскаго Императора о присылкѣ учителей, потребныхъ для этихъ трехъ или четырехъ учительскихъ семинарій... Быть можетъ, удастся получить оттуда учителей, исповѣдующихъ православную вѣру (славянскаго происхожденія), ибо и до нихъ дошли уже новыя учебныя учрежденія, и это было бы очень счастливо, потому что русскій народъ не имѣлъ бы предубѣжденія и отвращенія противъ школьнаго устройства,

допускающаго учителей изъ католиковъ. Необходимое число учениковъ думаю, можно набрать изъ разныхъ духовныхъ семинарій и кое-гдѣ существующихъ школъ. Буде Ваше Величество соизволите принять на себя содержаніе этихъ учениковъ, предназначивъ ихъ впоследствии быть учителями, то несомнѣнно черезъ два или три года можно будетъ открыть значительное число городскихъ и сельскихъ училищъ». Эпинусъ находилъ необходимымъ, въ случаѣ принятія его проекта, учредить тотчасъ же высшую учебную комиссію изъ двухъ или трехъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ высокопоставленнаго лица, которая бы приняла въ руководство австрійскую учебную систему, безъ всякихъ измѣненій¹⁾.

Къ своему мнѣнію Эпинусъ прибавилъ нѣсколько практически-педагогическихъ замѣтокъ, имѣвшихъ существенное значеніе при примѣненіи новой учебной системы. Прежде всего онъ настаивалъ на необходимости лучшаго образованія духовенства, которое должно быть руководителемъ народной школы.

Въ Австріи очень многія духовныя лица занимались преподаваніемъ въ начальныхъ училищахъ, входили въ составъ учебныхъ дирекцій и назначались инспекторами какъ городскихъ, такъ и сельскихъ училищъ. То же желательно было бы сдѣлать и въ Россіи, но для этого надо было возвысить умственно и нравственно русское духовенство.

Эпинусъ обращалъ также вниманіе императрицы на частное обученіе въ домахъ, находя, что и тамъ необходимъ нравственный надзоръ. Въ заключеніе Эпинусъ заявлялъ, что учебное преобразование потребуетъ большихъ денежныхъ расходовъ; но утѣшалъ себя переданнымъ ему отзывомъ Императрицы, чтобы онъ «не беспокоился мыслию о чрезмѣрной значительности суммы, которая можетъ понадобится для такого предпріятія».

Императрица послѣ этого окончательно рѣшилась принять австрійскую учебную систему и поручила австрійскому послу графу Кобенцелю сообщить императору австрійскому о своемъ рѣшеніи и передать ему просьбу имѣть для этого человѣка православнаго исповѣданія, хорошо знающаго теоретически и практически австрійскую систему.

¹⁾ Взято у гр. Д. А. Толстого. Городскія училища въ царствованіе Императрицы Екатерины II. С.-Пб. 1886, ст. 9—12.

Иосифъ II прислалъ для этого Янковичъ-де-Миріево, о дѣятельности котораго и учрежденіи комиссіи для завѣдыванія народными училищами скажемъ ниже.

Интересъ къ Базедову. Хотя Екатерина II, какъ мы сказали, и показывала крайнее неблаговоленіе къ «Эмилю» Руссо, но это сочиненіе осталось, конечно, не безъ вліянія на заботливость императрицы о народномъ образованіи. Извѣстно, говоритъ Я. К. Гротъ, какое возбужденіе книга эта вызвала во всей Европѣ, не только въ педагогическомъ мірѣ, но и во всѣхъ кругахъ общества, обнаживъ ложь, тамъ давно господствовавшую и въ воспитаніи и въ жизни. Всего разительнѣе обнаружилось вліяніе «Эмиля», когда въ Германіи явился планъ осуществить на дѣлѣ его воспитательныя мечты и учредить на основаніи ихъ особый институтъ колоссальныхъ размѣровъ, чтобы произвести рѣшительный переворотъ въ домашнемъ и общественномъ образованіи. Человѣкъ, взявшій на себя эту роль, самъ вовсе не отличался нравственнымъ превосходствомъ, но обладалъ удивительною энергіею, смѣлостью и беззащѣнчивой готовностью пользоваться всѣми средствами шарлатанства для достиженія своей цѣли. Таковъ былъ Базедовъ, который, задумавъ основать на новыхъ философскихъ началахъ свой космополитическій Филантропинъ, умѣлъ заинтересовать въ пользу его всю Европу.

Естественно, что преобразовательные планы Базедова и его Филантропинъ должны были сильно заинтересовать императрицу Екатерину II, колебавшуюся въ выборѣ системы народнаго образованія для Россіи. Послѣ втораго пребыванія Гримма въ Петербургѣ, она ему не разъ напоминаетъ его обѣщаніе сообщить ей свои наблюденія надъ Филантропиномъ. Гриммъ долго отмалчивался по этому вопросу и когда, наконецъ, высказался, Екатерина II отвѣчаетъ ему въ маѣ 1784 г. «То, что вы мнѣ пишете о Филантропинѣ, неутѣшительно; я придерживаюсь формы нормальныхъ училищъ, которая начинаетъ пользоваться у насъ очень хорошей репутаціей». Съ тѣхъ поръ Гриммъ, въ своихъ письмахъ къ императрицѣ нерѣдко, называлъ ее въ шутку «Normalschulmeisterin»¹⁾.

¹⁾ Я. К. Гротъ. Заботы Екатерины II о народномъ образованіи, по ея письмамъ къ Гримму. Сборн. отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ. Т. 20. 1380 г., стран. 25—26.

Изученіе Россіи. Но при всемъ уваженіи къ европейскому просвѣщенію и представителямъ его, философамъ-энциклопедистамъ и разнымъ ученымъ и писателямъ, Екатерина всегда помнила, что она русская императрица, призванная для управленія русскимъ царствомъ для блага русскаго народа.

Рядомъ съ изученіемъ Европы и европейской науки у нея шло внимательное изученіе Россіи во всѣхъ ея отношеніяхъ.

Она внимательно занялась изученіемъ русскаго языка и если не изучила его до такой степени, чтобы писать не немъ совершенно правильно, безъ грамматическихъ ошибокъ, то въ этомъ виновата была императрица Елисавета, которая не давала ей много заниматься, говоря, что она и такъ слишкомъ умна. Екатерина II сознавала вполнѣ въ силу своихъ недостаточныхъ свѣдѣній въ русской грамматикѣ, но, несмотря на то, любила писать по-русски, нисколько не стѣсняясь ошибками. «Надѣяться можно, замѣчала она, что наши грѣшныя падежи никому вреда не нанесутъ».

Познакомившись съ русскимъ и славянскимъ языкомъ настолько, чтобы читать книги, она стала знакомиться съ русской исторіей и начала читать лѣтописи; отъ литературы книжной она перешла къ народной словесности и изучала духъ и нравы русскаго народа въ его пословицахъ, пѣсняхъ и сказкахъ. Черезъ Ададурова Екатерина II иногда требовала книги изъ Академіи Наукъ; бібліотекаръ Шумахеръ доставлялъ ей каталоги академической бібліотеки и ея книжнаго магазина. Это изученіе Россіи въ ея прошедшемъ и настоящемъ состояніи было весьма важно для Екатерины.

Оно спасло ее отъ многихъ ошибокъ, въ которыя неизбежно впадаютъ иностранцы въ Россіи и послужило къ тому, что, нѣмка по происхожденію, ученица Вольтера и поклонница энциклопедистовъ, она явилась на престолѣ вполнѣ русской и съумѣла быть русской императрицей. Тотчасъ же по вступленіи на престолъ она подняла знамя русской народности, и твердо держала это знамя до конца жизни. Въ періодъ самаго страстнаго увлеченія философіей энциклопедистовъ она не доходила до такихъ крайностей, чтобы въ пользу ихъ ученія пожертвовать какими-нибудь народными или государственными интересами. Этимъ объясняется то съ перваго взгляда странное явленіе, что въ царствованіе Екатерины II національныя стремленія по-

лучаютъ твердую почву и разумную основу. Лучшие люди сознаютъ необходимость основательно изучить какъ современную жизнь русскаго народа, такъ и его прошлую исторію. Это сознание въ наукѣ выразилось въ ученыхъ путешествіяхъ по разнымъ областямъ Россіи, съ цѣлью всесторонняго ихъ изученія, въ изданіи лѣтописей и другихъ историческихъ памятниковъ, въ сборникахъ произведеній народной словесности; въ учрежденіи отдѣльной россійской Академіи, съ цѣлью составленія полнаго словаря русскаго языка и грамматики, въ литературѣ — во множествѣ литературныхъ произведеній въ народномъ духѣ и съ народнымъ содержаніемъ. Въ этихъ трудахъ народнаго самопознанія принимали участіе, начиная съ самой Екатерины, всѣ ученые и писатели этой эпохи¹⁾.

Екатерина II твердо высказала, что русскій человѣкъ долженъ знать Россію, во всѣхъ ея частяхъ, и, слѣдовательно, національному элементу въ воспитаніи должно быть отведено подобающее мѣсто. Въ ряду предметовъ, могущихъ способствовать познанію Россіи, прежде всего останавливаетъ на себя вниманіе русская исторія, важность которой императрица Екатерина II хорошо оцѣнила. И вотъ въ своей «Инструкціи» Салтыкову Государыня обращаетъ особенное вниманіе на познаніе Россіи и ея исторіи, считая это дѣломъ особенно важнымъ, а все остальное второстепеннымъ. Вотъ какъ онъ объ этомъ говоритъ: «Предписывается отъ одиннадцати лѣтъ до пятнадцати употреблять по нѣскольку часовъ въ день для спознанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ. Сіе знаніе столь важно для ихъ Высочествъ и для самой Имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно».

Съ любовію посвящая свои досуги, говоритъ Н. А. Лавровскій²⁾, на изученіе отечественной исторіи, съ усердіемъ занимаясь составленіемъ извлеченій изъ древнихъ лѣтописей и даже критическою оцѣнкою послѣднихъ, съ радостію встрѣчая и внимательно обсуживая каждое явленіе на необработанномъ тогда полѣ русской исторической литературы, она, безъ сомнѣнія, не замедлила внушить воспитателямъ великихъ князей все значеніе

¹⁾ И. Порфирьевъ. Исторія русской словесности, часть II, отд. II, стран. 14—20.

²⁾ О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой.

и весь интересъ предмета для ихъ питомцевъ. И кто знаетъ просвѣщенную любовь преимущественно одного изъ этихъ питомцевъ (императора Александра I) ко всему русскому вообще и къ русской исторіи въ особенности; кто знаетъ его постоянныя и полныя любви къ Россіи и наукѣ о ней сношенія съ нашимъ историографомъ, его царственное вниманіе къ трудамъ послѣдняго; кто знаетъ, что онъ и въ царскихъ чертогахъ, и на пути, и въ походной палаткѣ наканунѣ страшной битвы углублялся въ чтеніе отечественной исторіи, тотъ пойметъ всю неизмѣримую силу и всѣ благодѣтельныя послѣдствія внушеній императрицы, пойметъ истинный источникъ характера дѣйствій этого питомца среди грозныхъ событій начала нашего вѣка, и вмѣстѣ пойметъ всю силу воспитанія и всю важность науки о воспитаніи».

Вѣра въ величіе и будущность Россіи выразилась и въ слѣдующихъ словахъ Екатерины II (въ письмѣ къ Гриму): «Теперь все замѣняется резонерствомъ»; потомъ, сожалѣя, что нѣтъ болѣе Вольтера, она восклицаетъ: «Настанетъ мелочной вѣкѣ Лагарповъ и компаніи до той поры, пока взойдетъ звѣзда Востока: да, оттуда долженъ возсіять свѣтъ, ибо тамъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, хранится подъ пепломъ духа и силы!»

Источники и пособія.

Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, академика Я. К. Грота. Сборникъ отд. русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ, т. 20, № 1. С-Пб. 1880 г. Письма импер. Екатерины II къ Гримму. Сбор. Имп. Русс. Истор. Общ., т. XXIII. Заботы Екатерины II о народномъ образованіи по ея письмамъ къ Гримму, Я. Грота. Сбор. отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. 20. Лавровскій, Н. А. О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой. Харьковъ. 1856. Порфирьевъ, И. Исторія русской словесности, 1884, ч. II, отд. II. Толстой, Д. А., графъ. Городскія училища въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

ГЛАВА XVII.

Екатерина II какъ воспитательница. Воспитаніе великихъ князей: Павла Петровича, Александра и Константина Павловичей.

Н. И. Панинъ. Еще при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, когда въ 1759 году нужно было выбрать воспитателя для шестилѣтняго великаго князя Павла Петровича, выборъ палъ на Никиту Ивановича Панина (впослѣдствіи графа).

За одиннадцать лѣтъ до этого онъ былъ назначенъ посланникомъ при шведскомъ дворѣ за «кротость нрава и проницательный разумъ», такъ какъ соединеніе этихъ двухъ качествъ необходимо было, чтобъ воспрепятствовать Швеціи разорвать мирный ея союзъ съ Россією. Панинъ умѣлъ приобрести въ Стокгольмѣ такое уваженіе, что, по свидѣтельству современниковъ, каждый шведъ произносилъ съ почтеніемъ его имя. Когда послѣдовала перемѣна политики въ отношеніи къ французскому двору, Панину не было болѣе возможности оставаться на дипломатическомъ поприщѣ, и онъ былъ отозванъ изъ Швеціи. Но Елисавета не любила отнимать дѣятельность у людей, выдававшихся своими способностями и образованностью, и бывший посланникъ въ Швеціи получилъ важное мѣсто воспитателя великаго князя Павла Петровича. Одна краткая біографія Панина¹⁾ говоритъ, что, по приказанію императрицы, онъ изготавилъ планъ для воспитанія ея внука, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «когда наслѣдникъ трона достигаетъ эпохи зрѣлости, въ которую развивается съ быстротою мысли жадное понятіе о достоинствѣ каждаго, очень скоро принимаетъ къ своему сердцу одно полезное, чего отъ природы самый добрый государь, если не былъ руководимъ истиннымъ назначеніемъ, не запечатлѣветъ въ памяти. Онъ не вознесетъ и до доброй славы, если пренебрежетъ свой уставъ, отечество и его благо. Наставникъ особенно долженъ обращать попеченіе на то, чтобы ничего не дѣлали и не говорили передъ питомцемъ своимъ, что могло бы хотя малѣйше повредить или ослабить сердце его къ тихимъ добродѣтелямъ; напротивъ, еще обязанъ наклонять мягкую и юную душу къ добру и честности; обогащать его умъ разительными примѣрами торжества заслугъ и посрамленія людей недостойныхъ. Чтобы возросли въ молодомъ сердцѣ плоды добра, не только надобно отвращать отъ всего дурного, но даже отъ того, что несовмѣстно съ скромностію. Во все продолженіе воспитанія нужно изгнать пышность и все то, что легко портитъ юность. Украшеніями его чертоговъ должна быть доброта и чистота души; время не опоздаетъ привлечь тьму ласкателей. Наставники, пока еще не окончатъ его воспитаніе, обязаны и по закону

¹⁾ Жизнь графа Н. И. Панина. 1766.

и по долгу развивать въ немъ нравственныя мысли и предохранять отъ порочныхъ направленій». Несомнѣнно, что Н. И. Панинъ имѣлъ не малое вліяніе на императрицу Екатерину и, можетъ быть, первый обратилъ ея вниманіе на педагогическіе вопросы. Впослѣдствіи мысль о русскомъ воспитаніи развила она болѣе подробно и опредѣленнѣе, но Панинъ первый сталъ примѣнять его къ дѣлу.

С. А. Порошинъ. Изъ помощниковъ Панина въ дѣлѣ воспитанія рѣзко выдѣлился молодой офицеръ, учитель математики, Семенъ Андреевичъ Порошинъ. Порошинъ, окончивъ курсъ шляхетнаго корпуса, обратилъ вниманіе на знаніе иностранныхъ языковъ и занялся чтеніемъ лучшихъ иностранныхъ книгъ.

Порошинъ, однако, говоритъ С. М. Соловьевъ¹⁾, умѣлъ остаться русскимъ человѣкомъ, горячимъ патріотомъ, имѣвшимъ прежде всего въ виду пользу и славу Россіи. Съ этимъ-то высокимъ значеніемъ образованнаго человѣка и горячаго патріота явился Порошинъ среди людей, призванныхъ участвовать въ воспитаніи наслѣдника престола и, разумѣется, немедленно же обратилъ на себя вниманіе и пріобрѣлъ болѣе другихъ вліяніе надъ ребенкомъ. Главная цѣль Порошина при воспитаніи будущаго государя состояла въ томъ, чтобы внушить ему горячую, безпредѣльную любовь къ Россіи, уваженіе къ русскому народу, знаменитымъ дѣятелямъ его исторіи. При этомъ Порошинъ долженъ былъ бороться съ большими трудностями, часто испытывалъ горькую досаду. Десятилѣтній великій князь постоянно слышалъ вокругъ себя о процвѣтаніи наукъ и искусствъ на Западѣ, слышалъ постоянныя похвалы тамошнему строю вообще, отзывы о тамошнемъ богатствѣ, великолѣпнн, о томъ, какъ Россія отстала отъ Западной Европы во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, при чемъ нѣкоторые позволяли себѣ отзываться о русскомъ и русскихъ даже съ презрѣніемъ. Порошинъ считалъ своею обязанностью уничтожить впечатлѣніе, производимое подобными разговорами на великаго князя. Разумѣется, Петръ Великій съ своею небывалою въ исторіи дѣятельностью, заставившею Западную Европу съ уваженіемъ обратиться къ Россіи, выручалъ Порошина... Но и тутъ

¹⁾ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ врем., т. 26, стран. 238—257, откуда и заимствованы свѣдѣнія о Порошинѣ и его запискахъ.

искушеніе. Времена Петра Великаго были еще въ свѣжей памяти, а между тѣмъ прошло уже царствованіе Елисаветы, отучившее, отъ крови, произведшее посредствомъ литературныхъ вліяній переворотъ въ нравственныхъ понятіяхъ; по мѣрѣ этихъ новыхъ понятій время Петра являлось уже грубымъ и жестокимъ... Порошинъ, не имѣя поддержки въ не существовавшей тогда исторической наукѣ, разумѣется, долженъ былъ обращаться къ общему разсужденію, что всякій человѣкъ, какъ бы великъ ни былъ, имѣетъ недостатки, но уяснить все это для ребенка было весьма трудно.

Порошинъ въ своихъ Запискахъ рассказываетъ, что однажды говорили о нашемъ факторѣ, который въ Ливорнѣ, что его весьма тамъ хорошо принимаютъ. Его высочество спросить изволилъ: кто таковъ этотъ факторъ? На сей русскій вопросъ отвѣтствовалъ тутъ нѣкто, не сказавъ о его имени: *c'est un russe, Monseigneur. Il est pourtant un homme assez entendu*.

«Я желалъ бы, — замѣчаетъ Порошинъ, чтобъ въ уши великаго князя меньше такихъ выраженій входило; въ такомъ бы случаѣ лучше соблюли бы пользу свою. Когда Всевышній образуетъ насъ и сподобитъ увидѣть государя цесаревича въ совершенномъ возрастѣ, тогда, по остротѣ своей, конечно, самъ онъ увидитъ, какіе есть въ нашемъ народѣ недостатки. Но разность тутъ такую я предвижу, что ежели вложена въ него будетъ любовь и горячность къ народу, то, усматривая народныя слабости, будетъ усматривать, какія есть въ немъ достоинства и добродѣтели, и объ отвращеніи тѣхъ слабостей такъ, какъ чадолюбивый отецъ, пещись и стараться будетъ; а что ежели напротивъ того отъ неосторожныхъ рѣчей или ненавистныхъ внушеній получить отвращеніе и презрѣніе къ народу, то будетъ видѣть въ немъ одни только пороки и слабости, не видя его добродѣтелей, пренебрегать, а не исправлять ихъ, гнушаться именовъ россиянина. А отъ сего какія для отечества и для него самого произойти могутъ слѣдствія, всякой подумавъ назадъ кое о чемъ (т.-е. о Петрѣ III) легко разсудить».

Однажды великій князь хвалилъ письменный столъ, сдѣланный русскими ремесленниками, и прибавилъ: «такъ то нынѣ Русь умудрися!» Порошинъ не упустилъ случая сказать, что «нынѣ у насъ много весьма добрыхъ мастеровыхъ людей; что

все это заведеніе его прадѣдушки, государя Петра Великаго; что то, что имъ основано, можно бы довести и до совершенства, еслибъ не пожалѣть трудовъ и размышленія».

Религіозное образованіе наслѣдника было поручено ученому монаху и знаменитому тогда проповѣднику Платону (Левшину), о которомъ подробнѣе скажемъ ниже. Порошинъ отзывается о Платонѣ съ великимъ уваженіемъ. 20-го сентября 1764 года, въ день рожденія великаго князя, Платонъ говорилъ проповѣдь на текстъ: «въ терпѣннн вашемъ стяжите души ваша». Сею проповѣдью, говоритъ Порошинъ, ея величество приведена была въ слезы и многіе изъ слушателей плакали, когда проповѣдникъ на концѣ предлагалъ о терпѣннн ея величества въ понесеннн трудовъ для пользы и безопасности отечества, о успѣхахъ его высочества въ преподаваемыхъ ему наукахъ и о слѣдующей оттуда надеждѣ россійской. Порошинъ записалъ слѣдующій отзывъ Екатерины II о Платонѣ: «Отецъ Платонъ дѣлаеть изъ насъ все, что хочеть; хочеть онъ, чтобы мы плакали, мы плачемъ; хочеть, чтобы мы смѣялись, ты смѣемся».

Относительно чтенія въ Запискахъ Порошина находимъ слѣдующій разговоръ его съ великимъ княземъ: «За чаемъ разговорились мы о сочиненіяхъ г. Монтескье, о которомъ вчерась читали. Спрашивалъ у меня его высочество, какія онъ писалъ книги? О чемъ я доносилъ ему подробно. Потомъ спросить изволилъ: а книгу *Esprit* кто писалъ, и о чемъ она, скажи мнѣ пожалуй хорошенько? Сказывалъ я великому князю о Гельвеціусѣ, сочинителѣ сей книги, и толковалъ, въ чемъ состоитъ его сочиненіе, стараясь, сколько могъ, подать его высочеству не во многихъ, но сильныхъ словахъ настоящее о томъ понятіе. Разговорились мы и вообще о книгахъ. Его Высочество изволилъ сказать: Куды какъ книгъ то много, ежели всѣ взять сколько ни есть ихъ; а все-таки пишутъ да пишутъ. Говорилъ я Его Высочеству, что для того все пишутъ да пишутъ, что много еще есть вещей и дѣлъ совсѣмъ неоткрытыхъ и неизвѣстныхъ, которыя мало-по-малу открываются, и что многія извѣстныя и открытыя требуютъ объясненія и дополненія; что чтеніе человѣку, чѣмъ онъ выше надъ прочими, тѣмъ полезнѣе; но что между множествомъ книгъ весьма много есть дурныхъ и посредственныхъ, для чего надобенъ необходимо выборъ:

первое, чтобъ книги были самыя лучшія; второе, чтобы онѣ съ тѣмъ состояніемъ соотвѣтствовали, въ которомъ упражняющійся въ чтеніи находится; что хотя и говорятъ, что «ремесла за плечыи не носятъ», однако одно другого можетъ быть нужнѣе и необходимѣе; что совсѣмъ тѣмъ есть такія книги, которыя для всякаго состоянія къ просвѣщенію разума необходимы; что въ числѣ такихъ книгъ, почитаю и сочиненія г. Монтескье и *Esprit* Гельвеціусовъ; что такихъ книгъ не такъ много, чтобы въ нихъ очесться было можно». Наслышавшись о Генриадѣ Вольтера, маленькій великій князь заставилъ Порошина принести себѣ эту книгу и слушалъ ее со вниманіемъ ¹⁾.

Порошинъ былъ противъ частыхъ развлеченій великаго князя и отнесся неодобительно, когда ему однажды предложили завеста куртаги (придворные выходы) у наслѣдника; какъ видно, онъ находилъ, что великій князь и безъ того имѣетъ много развлеченій, вредныхъ для серьезныхъ занятій; такъ, въ запискахъ его однажды занесено: «У меня очень дурно учился, такъ что я, брося бумаги, взялъ шляпу и домой уѣхалъ»: Встрѣчаемъ и такія жалобы Порошина на своего воспитанника: «Говорилъ все о штрафахъ, и я бранилъ его за то: съ лучшими намѣреніями въ мірѣ вы заставите ненавидѣть себя, государь». «Очень сталъ вѣтренъ». А ребенокъ жаловался, что ему мало развлеченій, зачѣмъ въ вольный маскарадъ его не водятъ, жилище свое въ горести называлъ монастыремъ Павловскимъ, Никиту Ив. Панина настоятелемъ, а себя вѣчно дежурнымъ монахомъ. Съ другой стороны, завистливые кавалеры указывали Панину, что Порошинъ забралъ себѣ слишкомъ многія вліянія на великаго князя и, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, въ тихомолку завидовали, сплетничали и наговаривали на него. Интрига достигла своей цѣли. Спустя нѣсколько времени встрѣчаемъ въ Запискахъ жалобу Порошина на холодность великаго князя и на придворныя шутки. Въ началѣ 1766 г. Порошинъ вдругъ былъ удаленъ отъ двора великаго князя и получилъ приказаніе отправиться на службу въ Малороссію. Въ письмѣ Фонвизина къ сестрѣ находится приписка: «Порошинъ удаленъ отъ двора за невѣжливость, оказанную имъ дѣвицѣ Шереметевой». Но это,

¹⁾ С. Соловьевъ, т. 26, ст. 244—247.

конечно, только былъ предлогъ для удаленія. Порошинъ обратился съ просьбою о защитѣ къ Григ. Орлову, но Орловъ, несмотря на всю свою силу, не могъ ничего сдѣлать. Панинъ въ то время пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Екатерины II и сумѣлъ выставить Порошина неблагонадежнымъ и непригоднымъ для порученной ему роли.

По дорогѣ къ мѣсту новаго назначенія изъ Москвы, 3-го мая, Порошинъ написалъ еще одно письмо Орлову, гдѣ, между прочимъ, такъ характеризуетъ свою недавнюю дѣятельность: «Съ самаго моего вступленія ко двору Его Императорскаго Высочества обратилъ и посвятилъ я на то всё свои силы, чтобы быть государю великому князю полезнымъ. При Его Высочествѣ служилъ я около четырехъ лѣтъ. Во все сіе время былъ при немъ почти безотлучно. По сему побужденію и спросилъ я самъ для себя должность, чтобъ Государю Великому князю преподавать нужныя для военнаго искусства математическія науки, писалъ для Его Высочества особый курсъ, въ которомъ заключались: ариѳметика, геометрія, начальныя основанія механики и гидравлики, фортификація съ атакою и обороною крѣпостей, артиллерія и правила тактики. Ариѳметику государь великій князь всю почти съ доказательствами у меня окончилъ и въ геометрію сдѣлалъ начало. Кромѣ того приготавливалъ я сочиненіе, названное мною: «Государственный механизмъ». Въ ономъ хотѣлось мнѣ для Его Высочества вывести и показать разныя части, коими движется государство, изъяснить напримѣръ, сколько надобень солдатъ, сколько земледѣлецъ, сколько купецъ и проч. и какою кто долею споспѣшествуетъ всеобщему благоденствію, что не можетъ государство быть никоимъ образомъ благополучно, когда одинъ какой чинъ процвѣтаетъ, а прочіе въ небреженіи. «Вѣдая, что въ дѣтскихъ его Высочества лѣтахъ не всегда пріятно и весело слушать формально предлагаемыя истины и знанія, старался вмѣшивать и доводить до него оныя, сколько смыслилъ, во всѣхъ моихъ повсядневныхъ съ нимъ обращеніяхъ и разговорахъ, иногда такъ, чтобъ и самому Его Высочеству то непріятно было, дабы не навелъ скуки и отвращенія. Въ таковыхъ случаяхъ, кромѣ всякихъ историческихъ свѣдѣній и анекдотовъ, кромѣ многихъ правилъ о красотѣ россійскаго языка, которые нечувствительно тѣшилъ я подавать государю цесаре-

вичу, наблюдалъ, чтобъ въ Его Высочествѣ осталось за законъ и основанія, чтобъ разсматривать и отличать прямыя достоинства, не ослѣпляясь блистательною и часто обманчивою наружностію, чтобъ любить народъ російскій, отдавая потомъ справедливость каждому достойному изъ чужестранныхъ, чтобъ твердо и непоколебимо быть въ глубокомъ почтеніи туды, куды онымъ Его Высочество долженъ. Во всѣхъ таковыхъ своихъ упражненіяхъ то имѣлъ за единственное себѣ ободреніе и утѣшеніе, чтобъ заслужить современемъ высочайшее благоволеніе всемилостивѣйшей и премудрой самодержицы. Теперь истинно не могу удержать слезъ своихъ, что посреди такового тихаго и какъ бы казалось, не непохвального теченія вверженъ въ наилучѣйшее безпокойство, приведенъ подъ гнѣвъ у Ея Императорскаго Величества».

Въ правителѣ Малороссіи, Румянцевѣ, Порошинъ встрѣтилъ человѣка, который съумѣлъ оцѣнить его способности. Въ 1768 году. онъ былъ назначенъ командиромъ Старооскольскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ выступилъ въ походъ противъ турокъ; въ этомъ походѣ Порошинъ заболѣлъ. Когда же пришло извѣстіе, что вторая армія, къ которой принадлежалъ Старооскольскій полкъ, переходитъ подъ начальство Н. И. Панина, то это извѣстіе поразило Порошина какъ громомъ, болѣзнь его ухудшилась и онъ вскорѣ скончался. Свѣдѣнія о Порошинѣ С. М. Соловьевъ заканчиваетъ словами: «исчезъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ русскихъ образовъ второй половины XVIII вѣка; начато было хорошее слово, хорошее дѣло и порвано въ самомъ началѣ»¹⁾.

Несомнѣнно, что Порошинъ былъ выдающимся воспитателемъ, но въ отношеніяхъ своихъ къ Панину былъ ли онъ вполне правъ, этого судить не беремся. Изъ представленныхъ данныхъ видно, что мысль о нравственномъ и національномъ воспитаніи принадлежитъ Н. И. Панину, что эту мысль удачно развила затѣмъ Екатерина II въ рядѣ своихъ педагогическихъ сочиненій, что Порошинъ ее также развилъ и примѣнилъ на практикѣ въ дѣлѣ воспитанія великаго князя; но приписывать все Порошину, какъ дѣлаетъ онъ самъ (и даже:

¹⁾ С. Соловьевъ, т. 26, стран. 258.

С. М. Соловьевъ склоняется въ пользу его), это мы не можемъ, это было бы противно исторической правдѣ. Можно пожалѣть только, что между Панинымъ и Порошинымъ возникли настолько крупныя недоразумѣнія, что педагогическая дѣятельность послѣдняго, такъ хорошо начатая, должна была скоро прекратиться.

Екатерина II какъ воспитательница. Екатерина II мало принимала прямого и непосредственнаго участія въ дѣлѣ воспитанія своего сына великаго князя Павла Петровича, но ко времени рожденія внуковъ, великихъ князей Александра и Константина Павловичей, она успѣла очень полюбить педагогическіе вопросы, оцѣнить всю ихъ важность и значеніе, и естественно было ея желаніе примѣнить свою педагогическую систему къ горячо любимымъ внукамъ.

Вся ея материнская любовь и заботы о нихъ прекрасно выразились въ ея перепискѣ съ Гриммомъ, откуда мы и извлечемъ довольно подробныя свѣдѣнія, какъ шло воспитаніе великихъ князей въ теченіе первыхъ семи лѣтъ, послѣ рожденія великаго князя Александра¹⁾.

Великій князь Александръ Павловичъ родился въ 1778 г.

По поводу рожденія будущаго императора Александра Екатерина говоритъ: «Жаль, что волшебницы вышли изъ моды; онѣ одаряли ребенка, чѣмъ хотѣли; я бы поднесла имъ богатые подарки и шепнула бы имъ на ухо: «сударыни, неиспорченной природы, побольше неиспорченной природы, а опытность додѣлаетъ все остальное»²⁾.

Уже въ этихъ строкахъ замѣтно безсознательное вліяніе вѣка и школы Руссо, стремившейся возвратить челоуѣка къ природѣ.

29 апрѣля 1779 г. родился великій князь Константинъ Павловичъ. Константинъ Павловичъ въ первые годы жизни былъ очень слабъ, и бабушка, восхищаясь старшимъ внукомъ, была недовольна младшимъ. Зато къ маленькому Александру Павловичу бабушка питала нѣжность чрезвычайную. «Ея рассказы о государѣ Александрѣ, — говоритъ г. Гротъ, — это — цѣлый курсъ

¹⁾ Т. XXIII Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ. и Я. К. Гротъ, Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Сборникъ отд. рус. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ. Т. 20. 1880 г.

²⁾ Переп., стран. 72.

педагогике, полный ума, знанія, наблюдательности и горячей материнской любви и заботливости». Здѣсь мы представимъ первые годы его дѣтства до перехода его на руки гр. Салтыкова и Лагарпа.

1779 годъ.

(Великій князь по второму году).

Марта 28-го. «Что касается будущаго вѣнценосца, я намѣрена держаться съ нимъ одного плана: воспитывать его какъ можно проще (*schlecht u. recht*); теперь ухаживаютъ за его тѣломъ, не стѣсня этого тѣла ни швами, ни тепломъ, ни холодомъ и ничѣмъ чопорнымъ. Онъ дѣлаетъ, что хочетъ, но у него отнимаютъ куклу, если онъ съ ней дурно обращается. Зато, такъ какъ онъ всегда веселъ, то и исполняетъ все, что отъ него требуютъ; онъ очень здоровъ, силенъ и крѣпокъ и почти голъ; онъ начинаетъ ходить и говорить. Послѣ семи лѣтъ мы пойдемъ дальше, но я буду очень заботиться, чтобы изъ него не сдѣлали хорошенькой куклы, потому что не люблю ихъ».

Юня 1-го, Петергофъ. «Что касается Александра, оставьте его самому себѣ, зачѣмъ хотите вы, чтобы онъ размышлялъ и зналъ все именно такъ, какъ размышляли и знали до него? Учиться не трудно, но, по моему, нужно, чтобы голова ребенка была развита прежде, чѣмъ станутъ набивать ее хламомъ прошедшаго, и изъ этого хлама надо строго разбирать то, что ему сообщать. Боже мой, чего не сдѣлала природа, того не дастъ никакое ученье, но ученье часто заглушаетъ природную остроту, и нѣтъ ничего хуже, какъ люди, натертые умомъ и знаніемъ, какъ говорила покойная г-жа Жофрень¹⁾».

Юля 5-го. «Мы ежедневно узнаемъ что-нибудь новое, то-есть изъ всякой игрушки дѣлаемъ десять или двѣнадцать, смотря по тому, кто изъ насъ двухъ выкажетъ въ этомъ болѣе геніальности; мы становимся необыкновенно искусны. Что вы объ этомъ думаете? Получимъ ли мы отъ этого раскрытіе головы или безголове? Госпожа Природа создала насъ крѣпкимъ и понятливымъ. Всѣ кричатъ, что бабушка дѣлаетъ чудеса, всѣ требуютъ, чтобы мы продолжали вмѣстѣ играть. Послѣ обѣда

¹⁾ Переп., стран. 147.

мой мальчуганъ приходитъ сколько разъ ему вздумается и проводитъ до трехъ и четырехъ часовъ въ моей комнатѣ. Часто я имъ вовсе не занимаюсь; если онъ соскучится, то уходитъ; но этого никогда не случается».

Юля 14-го. «Теперь отгадайте, чѣмъ я здѣсь забавляюсь. Вы навѣрное того не подозреваете: показываю азбуку г. Александру, который еще не умѣетъ говорить и которому всего только полтора года. Онъ такъ хорошо знаетъ А, которое замѣтилъ на собачкѣ, что отличаетъ его вездѣ, гдѣ ни увидитъ, а теперь мы заняты другими гласными, послѣ чего перейдемъ къ слогамъ. Это забавный мальчуганъ, которому доставляетъ удовольствіе перенимать все, что ни дѣлаю».

1780 годъ.

(По третьему году).

Февраля 2-го. «Это очень странный мальчуганъ; онъ весь состоитъ изъ инстинктовъ. Кто не слѣдитъ за нимъ, тотъ не предполагаетъ въ немъ ни ума, ни изобрѣтательности, а я утверждаю, что въ немъ будетъ очень рѣдкое соединеніе чутья познаній. Онъ въ эту пору болѣе знаетъ, чѣмъ ребенокъ четырехъ, пяти лѣтъ».

Мая 14-го, Псковъ. «Вотъ уже два мѣсяца какъ я, продолжая законодательствовать, начала составлять для забавы и въ пользу г. Александра азбучку изреченій, которая постоитъ за себя. Всѣ видѣвшіе ее отзываются о ней очень хорошо и прибавляютъ, что это полезно не для однихъ дѣтей, но и для взрослыхъ. Сначала ему говорится безъ обиняковъ, что онъ, малютка, родился на свѣтъ голый, какъ ладонь, что всѣ такъ родятся, что по роженію всѣ люди равны, что только познанія производятъ между ними безконечное различіе и потому, нанизывая одно правило за другимъ, какъ бисеръ, мы переходимъ отъ предмета къ предмету. У меня только двѣ цѣли впереди: одна—раскрыть умъ для внѣшнихъ впечатлѣній, другая—возвысить душу, образуя сердце. Моя азбука начинена картинками, но все это наглядно и ведетъ къ цѣли; всѣ, даже папенька и маменька, говорятъ, что это хорошо, очень хорошо».

Сентября 7-го (по возвращеніи изъ путешествія). «Да благословить Господь Александра. Онъ есть и будетъ старшій, вос-

питывается какъ старшій по системѣ старшинства, это кровь и плоть старшаго и старшій дѣлецъ... Да, тутъ есть уже воля и нравъ, теперь уже безпрестанно задаются вопросы: зачѣмъ, отчего, къ чему? Мальчикъ хочетъ все знать основательно, и Богъ вѣсть, чего уже онъ не знаетъ. Онъ даже не любитъ играть съ тѣми, кто знаетъ менѣе его, потому что они не могутъ отвѣчать на наши разспросы; а слово бабушка это наше самое дорогое слово, и ему мы болѣе всего вторимъ. Къ тому же въ насъ есть привѣтливость и насмѣшливая веселость, которая родилась съ нами и просто обворожительна».

Апрѣля 14-го. «Поблагодарите отъ меня премного автора «Разговоровъ Эмилии» (г-жу д'Эпинэ); я употребляю ея методу со старшимъ изъ моихъ внучковъ, и это мнѣ очень удается. Я беру ея книжку на дачу и льщу себя надеждой, что тамъ буду посвободнѣе¹⁾).

1781 годъ.

(По четвертому году).

«Надо еще сообщить вамъ, что оба мальчугана растутъ и развиваются необыкновенно, и моя метода удается съ ними удивительно. Богъ вѣсть, чего, чего не знаетъ старшій; онъ складываетъ изъ буквъ слова, онъ рисуетъ, пишетъ, копаетъ землю, фехтуетъ, ѣздитъ верхомъ, изъ одной дѣлаетъ двадцать игрушекъ, у него удивительное воображеніе и нѣтъ конца его вопросамъ. Намедни онъ хотѣлъ знать, отчего есть люди на свѣтѣ и зачѣмъ самъ онъ явился на свѣтъ или на землю. Я не знаю: но въ складѣ ума этого мальчика есть какая-то особенная глубина, и притомъ онъ чрезвычайно веселъ; потому я очень берегусь, чтобъ ни въ чемъ не напрягать его: онъ дѣлаетъ что хочетъ, ему не позволяютъ только вредить себѣ и другимъ».

Юня 25-го, въ Петербургѣ. «Изъ Александровой азбуки мы извлекли то, что пригодно ко всеобщему употребленію и теперь это — Русская азбука. Этой азбуки въ двѣ недѣли продано здѣсь въ городѣ двадцать тысячъ экземпляровъ, она сдѣлается бабкой — повитухой всѣхъ нашихъ будущихъ головъ»²⁾).

¹⁾ Переп., стран. 201.

²⁾ Стран. 209.

Юля 10-го, въ Петергофѣ. «Что касается до г. Александра, не знаю, будетъ ли онъ поглотитель (glotiton)¹⁾; но его любопытство и любознательность преобладаютъ надъ всѣми другими его вкусами, и въ настоящую минуту онъ проводитъ до часу и двухъ надъ книгами съ картинками, и Богъ знаетъ, съ чѣмъ этотъ ребенокъ не ознакомился. Онъ начинаетъ чинить воскомъ свои игрушки и, на примѣръ, сдѣлаетъ вамъ изъ набалдашника трости фигуру человѣка очень отчетливо, съ головой, руками и ногами. Я видѣла, какъ онъ иногда производилъ и уродливыя вещи, смотря по тому, какая мысль ему взбредетъ на умъ²⁾».

«Какъ полезно, когда каждый молодой человѣкъ въ умѣ своемъ беретъ кого-нибудь за образецъ: въ моей молодости я все хотѣла поступать по идеямъ и писаніямъ Вольтера; ну, а что изъ этого вышло, можете судить сами. Г. Александръ говорить: да, бабушкѣ это понравится, и онъ выдѣлываетъ солдата изъ набалдашника палочки³⁾».

Декабря 11-го, въ Петербургѣ. «Намедни Александръ началъ съ ковра моей комнаты и довель мысль свою по прямой линіи до фигуры земли, такъ что я принуждена была послать за глобусомъ эрмитажной библіотеки. И когда онъ его получилъ, то принялся отчаянно путешествовать по земному шару, и черезъ полчаса, если не ошибаюсь, онъ зналъ почти столько же, сколько покойный г. Вагнеръ пережевывалъ со мною въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Теперь мы за ариметикой и не принимаемъ на вѣру, что дважды два четыре, если мы ихъ сами не сосчитали. Я еще не видала мальчугана, который такъ любилъ бы спрашивать, такъ былъ бы любопытенъ, жаденъ на знанія, какъ этотъ. Онъ очень хорошо понимаетъ по-нѣмецки, знаетъ порядочно по-французски и англійски. Кромѣ того, онъ болтаетъ какъ попугай. Онъ любитъ рассказывать, вести разговоры, а если ему начнутъ рассказывать, онъ весь слухъ и вниманіе. У него прекрасная память, и его не проведешь. При всемъ томъ онъ вполнѣ ребенокъ, и въ немъ нѣтъ ничего преждевременнаго, кромѣ только вниманія⁴⁾».

¹⁾ Императрица передъ тѣмъ называла себя поглотительницею въ области пріобрѣтенія предметовъ искусства.

²⁾ Письм. стран. 214.

³⁾ Стран. 215, у Грота 99.

⁴⁾ Стран. 222—223.

1782 годъ.

(По пятому году).

Марта 4-го. «Вотъ уже полгода какъ сѣверные графъ и графиня путешествуютъ. Когда воротятся, они очень удивятся изумительнымъ успѣхамъ Александра: онъ до того любознателенъ, что няня должна журить его, чтобы заставить оторваться отъ книжки, тогда какъ другихъ дѣтей журятъ за то, что они не берутъ книжки въ руки. Такъ какъ ему всего четыре года и пониманіе его соразмѣрно съ этимъ возрастомъ, то надо было написать для него доступную ему книжку, и эта книжка доставляетъ ему большое наслажденіе. Теперь мы уже печатаемъ ему третью (въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ).

Апрѣля 2-го. «Если бы вы знали, что такое Александръ лавочникъ, Александръ поваръ, Александръ, проходящій самолично разные роды ремесль: онъ красить, оклеиваетъ обоями, растираетъ и составляетъ краски, рубить дрова, чиститъ мебель, исполняетъ должность кучера, конюха, выдѣлываетъ всякія математическія фигуры, учится самоучкой читать, писать, рисовать, считать, приобрѣтаетъ всякаго рода свѣдѣнія откуда и какъ случится и имѣетъ въ тысячу разъ болѣе познаній, чѣмъ всякое дитя тѣхъ же лѣтъ. И эти знанія вовсе не превышаютъ его возраста, потому что они ему не навязываются, а онъ самъ ихъ отыскиваетъ».

Юня 1-го. «Выставляйте сколько угодно имя мое на новомъ изданіи «Разговоровъ Эмилии». Вы видите, какъ много я оттуда нахватала для Александра и Константина.

Сентября 30-го. Я въ восхищеніи, что тетрадки дѣтской библіотеки удостоились вашего вниманія. Правда, что головки г. Александра и компаніи удивительно пополняются и что нѣтъ имени города или страны, котораго при чтеніи Александръ не находилъ бы на своемъ глобусѣ. Онъ его съ большимъ удовольствіемъ ставитъ возлѣ себя, когда читаетъ. А читать онъ такъ любитъ, что по утру, только что откроетъ глаза, также и послѣ обѣда, уже бѣжитъ къ своей книгѣ. Это лѣто онъ часто говорилъ своимъ приставницамъ, вскакивая съ постели: я теперь хочу тотчасъ почитать, а то послѣ мнѣ больше захочется гулять, чѣмъ читать, и если я теперь не читаю, то

день у меня пропадетъ. Замѣтите, что никогда его не заставляли читать или учиться; но самъ онъ смотритъ на это какъ на удовольствіе и на долгъ. Онъ прочелъ свои четыре книжки и перечелъ ихъ по нѣскольку разъ; такое повтореніе онъ любить, и оно его забавляетъ. Кромѣ того, Александръ сама доброты; онъ столько же послушенъ, какъ и внимателенъ и можно сказать, что онъ самъ себя воспитываетъ. Нынче осенью ему пришла охота ѣхать смотрѣть фарфоровую фабрику и арсеналь. Рабочіе и офицеры были озадачены его вопросами, его вниманіемъ и вдобавокъ вѣжливостію: ничто не ускользаетъ отъ этого мальчугана, которому нѣтъ еще пяти лѣтъ; его ребяческія выходки даже очень интересны и въ его мысляхъ есть послѣдовательность, рѣдкая въ дѣтяхъ. Я приписываю это его превосходной организаци, потому что онъ прекрасенъ какъ ангелъ и удивительно строенъ; братъ его будетъ уменъ, но не такъ превосходно сложенъ.

Декабря 10-го. Г. Александръ говоритъ приставщикамъ, когда боится: я боюсь, но я все-таки пойду впередъ. Онъ, какъ мнѣ кажется, отъ природы созданъ быть послѣдовательнымъ и смѣлымъ въ дѣлахъ, которыя будетъ предпринимать: предпріятія же его, я полагаю, не будутъ во вредъ ближнему, потому что у него слезы на глазахъ, когда онъ видитъ или думаетъ, что ближній находится въ бѣдѣ.

Г. Александръ не получалъ никакого кирасирскаго полка. Онъ учится читать и писать, чтобъ получить шарфъ и бляху, которыхъ домогается его честолюбіе. Отъ этого онъ уже два года какъ учится примѣрно. Честолюбіе же Константина пока мѣстъ заключается въ томъ, чтобъ хорошо покушать, подражать своему братцу и быть веселымъ до безумія¹⁾.

1783 г.

(По шестому году.)

Марта 9-го. «Чтобъ писать вамъ, я должна была поневолѣ оторваться отъ второй эпохи Россійской исторіи, составляемой мною для гг. Александра и Константина. А надо сказать, что всѣ читавшіе первую эпоху этой исторіи нашли, что это въ своемъ

¹⁾ Ст. 264—265.

родѣ гениальное твореніе; въ томъ числѣ находятся: князь По-темкинъ, княгиня Дашкова, господинъ фактотумъ (гр. Безбородко) и многіе другіе, которые не легко удовлетворяются...

«А покамѣстъ они (внуки) начали учиться писать, рисовать; учителя Александра говорятъ, что онъ оказываетъ для своего возраста удивительные успѣхи, что другія дѣти бѣгаютъ отъ своихъ учителей, а ему все мало сидѣть съ ними; но они очень аккуратно уходятъ съ урока въ назначенный часъ... Сегодня Александръ пришелъ опять просить у меня книги. Вотъ завзятый чтець! Я ему сунула въ руки книгу для чтенія въ нормальныхъ школахъ, чтобъ поскорѣй отъ него отдѣлаться, и посулила ему первую эпоху Россійской исторіи. Это дитя крѣпкое; оно будетъ очень умно и притомъ такъ весело, и на пятомъ словѣ всегда бабушка, и еслибъ дать ему волю, то онъ давно поселился бы въ моей комнатѣ.

Юня 3-го, въ Царскомъ Селѣ. Только что воротилась изъ саду, гдѣ я оставила гг. Александра и Константина по шею въ ручьѣ, гдѣ они ловятъ рыбу.

Поговоримъ о пріятныхъ вещахъ. Если бы вы видѣли, какъ Александръ копаетъ землю, сѣетъ горохъ, сажаетъ капусту, пашетъ сохой, боронитъ, потомъ весь въ поту идетъ мыться въ ручьѣ, послѣ чего беретъ свою сѣть и съ помощію Константина принимается ловить рыбу! Они отдѣляютъ щукъ отъ окуней, потому что щука, говорятъ они, поѣдаетъ другихъ рыбъ; стало быть, ее надо держать особо. Въ видѣ отдыха, онъ идетъ отыскивать своего учителя письма или рисованія; онъ учится у обоихъ по методѣ нормальныхъ училищъ (*écoles normales*). Все это дѣлается по собственному почину и съ одинакимъ усердіемъ: мы не замѣчаемъ даже, что мы все это дѣлаемъ, потому что насъ ни къ чему не принуждаютъ. За то мы веселы и живы, какъ рыбка. Нѣтъ ни выговоровъ, ни дурного расположенія, ни упрямства, ни слезъ, ни крика. Мы беремъ книгу, чтобъ читать съ тою же охотою, съ какою вскакиваемъ въ лодку, чтобъ грести...

Августа 16-го. Моя компанія увеличилась на этихъ дняхъ барышней, которая въ честь старшаго брата названа Александрой. По правдѣ сказать, я гораздо болѣе люблю мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ. Мои пользуются превосходнымъ здоровьемъ,

бѣгаютъ, прыгаютъ, ловки, проворны, смѣлы, гребутъ на лодочкахъ и сами ими управляютъ по каналамъ, гдѣ не болѣе фута воды, и Богъ знаетъ, чего они не производятъ: читаютъ, пишутъ, рисуютъ, танцуютъ и все съ великой охотой.

1784 г.

(По седьмому году).

Марта 28-го. «Я написала прекрасную инструкцію для воспитанія гг. Александра и Константина, которую пришлю вамъ, какъ скоро буду имѣть порядочный переводъ ея. А покажѣсть высокорожденные господа занимаются изученіемъ столярнаго мастерства подъ руководствомъ г. Мейера, столяра-нѣмца, и большую часть дня пилать, стругаютъ. Вотъ забавное воспитаніе для маленькихъ царей—учиться столярному ремеслу? Но такъ какъ игрушки уже не забавляютъ г. Александра, столярное искусство замѣнило игрушки, наполняетъ наше время и не позволяетъ намъ быть безъ дѣла. Г. Лагарпъ назначается однимъ изъ тѣхъ, кто будетъ состоять при вышеупомянутомъ г. Александрѣ, съ особымъ приказаніемъ говорить съ нимъ по-французски. Другому поручено говорить по-нѣмецки (Гроту), по англійски онъ уже говорить: наконецъ, мы идемъ впередъ понемножку, какъ можемъ. Г. Александръ по всему: по росту, силѣ, разуму, любезности, познаніямъ, гораздо выше своего возраста, по моему изъ него выйдетъ превосходная личность, лишь бы второй (*la secondaterie*) не задерживалъ его успѣховъ. Правда, что способности наши—это широкая рѣка, которую трудно остановить въ ея теченіи. Я боюсь послать вамъ образцы его рисованія, письма, счета, потому что вы бы не повѣрили, чтобъ ребенокъ могъ въ шесть лѣтъ такъ рисовать, писать, считать. Я не говорю объ его скачкахъ и прыжкахъ: все это въ тѣхъ же размѣрахъ и обѣщаетъ мощнаго человѣка».

Этимъ и заканчиваются свѣдѣнія о первыхъ дѣтскихъ годахъ Императора Александра I, почерпнутыя изъ рассказовъ самой бабушки и воспитательницы его.

Въ мартѣ 1785 года Екатерина II извѣстила Гримма: Г.г. Александръ и Константинъ между тѣмъ перешли въ мужскія руки и въ ихъ воспитаніи установлены неизмѣнныя правила; но они

все таки приходятъ прыгать вокругъ меня и тонъ нашъ не измѣнился»¹⁾).

Итоги. Такимъ образомъ благодаря письмамъ Екатерины II къ Гримму у насъ сохранились свѣдѣнія о первыхъ дѣтскихъ годахъ императора Александра I, весьма важныя въ педагогическомъ отношеніи. Мы видимъ изъ нихъ, съ какой любовью и вниманіемъ заботилась Екатерина II о правильномъ воспитаніи своихъ внуковъ; она старалась воспитывать ихъ возможно проще, развивать тѣло, доставляя имъ подходящія физическія упражненія, приучать къ ручному труду. «Если бы вы видѣли, — говоритъ она, — какъ Александръ копаетъ землю, сѣетъ горохъ, сажаетъ капусту, пашетъ сохой, боронитъ, какъ ловитъ рыбу». На седьмомъ году для Александра I былъ приглашенъ столяръ нѣмецъ Мейеръ, съ которымъ онъ большую часть дня пилилъ и стругалъ.

Съ раннихъ лѣтъ Александръ I началъ выказывать недюжинный умъ и чрезвычайную любознательность. Въ то время какъ другія дѣти его возраста тяготеютъ ученіемъ, Александръ I любилъ своихъ учителей, ожидалъ ихъ прихода съ нетерпѣніемъ и готовъ былъ подолгу просиживать за уроками. «Это дитя крѣпкое; оно будетъ очень умно», замѣчаетъ въ 1783 году императрица Екатерина II, когда Александру I пошелъ шестой годъ. На седьмомъ году онъ порядочно говорилъ по-англійски, учился по-французски и по-нѣмецки. Екатерина II въ восторгѣ отъ его тетрадокъ по чистописанію и рисованію и боится, что Гриммъ, увидя ихъ, не повѣритъ, что онѣ принадлежатъ ея семилѣтнему внуку.

Понятно, что воспитаніе, такъ хорошо начатое, должно было получить дальнѣйшее развитіе, и, чтобы оно шло правильно, Екатерина II считала нужнымъ составить для воспитанія великихъ князей особую инструкцію.

Источники и пособія.

С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ т. 26-й, изданіе первое. Москва 1876 г. Письма императрицы Екатерины II къ Гримму. Томъ XXIII Сборника Императ. Русскаго Историч. Общ. (изд. Я. К. Грота). С.-Пб. 1878 г. Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, академика Я. К. Грота. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ двадцатый, № 1. С.-Пб. 1880 г.

¹⁾ Ст. 326.

ГЛАВА XVIII.

Инструкція Салтыкову о воспитаніи великихъ князей.
Руководства и сказки Екатерины II.

Инструкція Салтыкову. Озабочиваясь дальнѣйшимъ воспитаніемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей, Екатерина II подыскивала лицо, способное взять на себя эту важную и отвѣтственную обязанность. Выборъ ея остановился на князѣ Николаѣ Ивановичѣ Салтыковѣ.

«Въ главные приставники надъ воспитаніемъ», говоритъ она въ своей Инструкціи, «искали Мы особу добронравную, поведенія, основаннаго на здоровомъ разсудкѣ и честности, и который съ дѣтьми умѣлъ бы обходиться пріятно и ласково. Увѣрены Мы, что вы, соединяя въ себѣ сіи качества, ревность вашу къ добру и испытанную вашу честность употребите въ служеніи, въ которомъ по великой важности будете руководимы единственно Нами со всѣхъ случаевъ». Въ руководство кн. Салтыкову Екатерина II и написала свою «Инструкцію». Въ «Инструкціи» выразилась какъ общая педагогическая система, образовавшаяся въ Екатеринѣ подъ вліяніемъ сочиненій Монтэня, Локка, Базедова и отчасти даже Руссо, такъ и тѣ начала, которыми она руководилась при составленіи другихъ своихъ педагогическихъ сочиненій. Поэтому «Инструкія» должна быть поставлена во главѣ этихъ сочиненій. Основными положеніями Инструкціи служатъ: нравственное воспитаніе при неуклонномъ стремленіи къ добру, физическое воспитаніе, свобода развитія безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ и самостоятельность образованія, посредствомъ упражненій, ведущихъ къ выработкѣ самодѣятельности. Воспитатель долженъ быть только помощникомъ и руководителемъ воспитанниковъ, облегчающимъ для нихъ эту самодѣятельность.

«Здоровое тѣло и умонаклоненіе къ добру, — говоритъ Екатерина въ своемъ указѣ, предшествующемъ самой — Инструкціи, составляютъ все воспитаніе». Поэтому большинство правилъ и наставленій въ «Инструкціи» касаются: 1) сохраненія и укрѣпленія здоровья воспитанниковъ и 2) ихъ нравственнаго развитія. Для сохраненія и укрѣпленія здоровья предписывается соблю-

дать простоту и умѣренность во всемъ: въ одеждѣ, пищѣ, снѣ, играхъ и пр.; рекомендуется въ покояхъ дважды въ день открывать окна, «чтобъ какъ возможно Ихъ Высочества лѣтомъ и зимою чаще были на вольномъ воздухѣ»; обращается вниманіе на ихъ дѣтскія забавы и веселость нрава. «Веселость нрава Ихъ Высочествъ ни унимать, ни уменьшать не должно; напротивъ того, поощрять ихъ нужно ко всякому движенію и игрѣ, лѣтамъ и полу ихъ сходственнымъ: ибо движеніе даетъ тѣлу и уму силы и здоровье»... «Питая въ дѣтяхъ веселость нрава, надлежитъ отдалять отъ глазъ и ушей ихъ все то противное, какъ-то: печальныя воображенія, или уныніе наводящія разсказы, и всякія малодушія, привлекающія нѣгу, такожде и ласкательства. «Не оставлять Ихъ Высочествъ никогда въ праздности». Буде не играютъ и не учатся, тогда начать съ ними какой ни есть разговоръ, сходственный ихъ лѣтамъ и понятію, чрезъ который получали бы умноженіе знанія. Дѣти любятъ быть упражнены, они же любопытны. Всякое приобрѣтеніе знанія имъ пріятно, когда оное получаютъ безъ принужденія: слѣдовательно, не принуждая, настаивать можно, а принужденно ихъ учить не должно и нездорово.

«Когда дѣти больны, надлежитъ ихъ поваживать преодолѣвать болѣе болѣзни терпѣніемъ, сномъ и воздержаніемъ отъ излишней по обстоятельствамъ или вредной пищи».

Что касается «умонаклоненія къ добру» или нравственнаго воспитанія, то идеаломъ этого воспитанія представляется доброе сердце, тихій нравъ, учтивость въ обхожденіи снисхожденіе ко всѣмъ людямъ.

«Кто отъ природы къ доброму и лучшему стремится, тотъ родился счастливъ. Доброе сердце, нравъ тихій, въ обхожденіи учтивость, привѣтливость и снисхожденіе всѣмъ людямъ нравится; гордость, нахальство, надменность и притворство равно всѣмъ людямъ несносны».

Поэтому рекомендуется при всѣхъ случаяхъ вселять и напоминать Ихъ Высочествамъ правила челоуѣколюбія и благоволенія ко всякой твари и поощрять ихъ къ тому похвалою за тѣ качества, въ людяхъ прибрѣтаемую¹⁾.

¹⁾ Соч. импер. Екатерины II, стран. 209.

Главное достоинство наставленія дѣтей состоятъ должно, говоритъ императрица Екатерина II, въ любви къ ближнему (не дѣлай другому, чего не хочешь, чтобъ тебѣ сдѣлано было), въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благодарномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустого опасенія, боязливости, подозрѣнія невмѣстнаго вездѣ тутъ, гдѣ усмотрится. Требуется, чтобы съ возрастомъ питомцы утвердились въ добродѣтели, чтобъ вкоренялась въ душахъ справедливость, которая состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать законами запрещеннаго; въ любви къ истинѣ, въ щедрости, воздержаніи, умѣ, основанномъ на размысленіи, здоровомъ о вещахъ понятіи и разсужденіи, совокупленномъ съ трудолюбіемъ. Когда дѣти наполнены повиновеніемъ къ верховной власти, почтеніемъ къ родителямъ, довѣренностію къ приставникамъ, совокупленными съ любовію и съ опасеніемъ прогнѣвать ихъ и къ тому соединяють благоволеніе ко всѣмъ людямъ, тогда уже много сдѣлано. Чѣмъ болѣе дѣти укрѣпляются въ добродѣтели, тѣмъ болѣе готовятся къ познанію того, что отродію ихъ прилично»¹⁾.

Поэтому слѣдуетъ запрещать дѣтямъ дѣлать кому либо вредъ, мучить или убивать животныхъ, говорить ложь и обманывать, отдалять отъ воспитанниковъ всякіе разговоры, рассказы и слухи, умаляющіе любовь къ добру и добродѣтели, или умножающіе пороки²⁾.

Такъ какъ «пороки вообще уменьшаютъ смѣлость и храбрость, добродѣтели же умножаютъ твердость духа и укрѣпляютъ разсудокъ, истинную его смѣлость и храбрость. Истинная же смѣлость состоитъ въ томъ, чтобы пребывать въ томъ, что долгъ человѣку предписываетъ».

«Отдалять надлежитъ отъ глазъ и слуха во младенчествѣ и отъ отроковъ въ первые годы все то, что мысли устрашать можетъ, какъ-то: всякія пугалища, душу и умъ утѣсняющія, которыми обыкновенно дѣтей стращаютъ и отъ коихъ дѣлаются они робки, такъ что не могутъ остаться одни, боятся своей

¹⁾ ib., стран. 216.

²⁾ ib., стран. 215.

тѣни, или дрожать въ темнотѣ. Всѣ таковыя пугалища и въ рѣчахъ употреблять не надлежитъ».

Въ наставленіе объ учтивости говорится: «Поваживать дѣтей къ учтивости; учтивость основана на томъ, чтобъ не имѣть худого мнѣнія ни о себѣ, ни о ближнемъ. Поваживать дѣтей, чтобы кланялись тѣмъ, кто имъ кланяется, и чтобы глядѣли на того, кто съ ними говорить; но учтивость не въ однихъ поклонахъ состоитъ, но въ томъ, чтобы рѣчи, взгляды, поступки, движеніе и поведеніе вести потому, съ какими людьми и въ какомъ случаѣ человѣкъ находится».

«Чтобъ ни въ какомъ случаѣ питомцы съ умысломъ не обижали никого, не показывали никому презрѣнія и неучтивости, чтобъ искали пріобрѣтать благоволеніе людей къ себѣ ласковымъ и ловкимъ обхожденіемъ». Учтивость должна выражаться во взглядѣ, голосѣ, словахъ, поступкахъ, движеніи и обращеніи человѣка. «Учтивый человѣкъ есть тотъ, который словами и обхожденіемъ своимъ дѣлаетъ то, что люди имъ довольны, хвалятъ его, а не оуждаютъ». «Поведеніе Ихъ Высочествъ да не будетъ притворное; учтивость же да будетъ аки природная и свойственная»¹⁾.

«Поведеніе много зависитъ отъ того общества, съ которымъ будутъ имѣть обращеніе, и для того надлежитъ быть весьма осторожнымъ въ выборѣ тѣхъ людей, коихъ допускать до общества, или обращенія, или обхожденія съ дѣтьми».

Ихъ Высочество младенчество проводили почти въ женскихъ рукахъ, гдѣ вниманіе ихъ непримѣтно старались обратить на то, чего отъ нихъ требовалось. Выходя изъ младенчества, утвердить въ сердцахъ питомцевъ правила добродѣтели. Приближаясь къ юношеству, показать имъ надлежитъ по малу, исподоволь, свѣтъ, каковъ есть, ограждая сердца ихъ, колико возможно, отъ порочнаго; показать имъ порядокъ, связь, намѣреніе и сообщество въ людяхъ, и вложить тогда въ нихъ тѣ осторожности, кои нужны, чтобъ пороки и порочные не выиграли у питомцевъ неприличную довѣренность²⁾. «Добро зело, чтобъ различали свойства людей и въ какихъ случаяхъ прилично не примѣчать. Кто не имѣетъ ни добродѣтели, ни учтивости, ни поведенія

¹⁾ ib., стр. ан. 221.

²⁾ ib., стр. ан. 222.

добраго, ни знанія людей и вещей, тотъ не будетъ никогда въ людяхъ челоуѣкъ достойнаго почтенія».

Этимъ оканчивается отдѣлъ о воспитаніи, затѣмъ слѣдуетъ наставленіе относительно обученія (касательно знанія и того, что потому отъ дѣтей требуется). Здѣсь говорится:

«Знать обращеніе въ свѣтѣ и обхожденіе, сходственное рожденію Ихъ Высочествъ, и чѣмъ отличиться для нихъ пристойно: вотъ въ чемъ ихъ знаніе быть долженствуетъ».

Кромѣ указаннаго выше, рекомендуется воспитателямъ вложить въ дѣтей любовь къ истинѣ «поощрять въ нихъ охоту перенимать лучшее, любить достойное, почитать заслуживающее почтеніе, вселять въ нихъ стремленіе и прилежаніе, нужное къ полученію успѣховъ и къ преодоленію препятствій, безъ чего счастливо достигнуть ни до чего не можно».

«Ученіе же, или знаніе, да будетъ имъ единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ спознанію естественныхъ ихъ способностей и дабы привыкли къ труду и прилежанію».

«Буде въ дѣтяхъ свобода духа не будетъ угнетаема приставниками, то отъ игры къ ученію приступать они будутъ столь же охотно, какъ къ игрѣ и для того отнюдь Ихъ Высочествъ не принуждать къ ученію, но представлять имъ, что учатся ради себя и для своей пользы. Буде не прилежно пишутъ, читаютъ или иному учатся, тогда отобрать на тотъ часъ перья, чернила, бумагу, книги и прочее; то сами уже просить будутъ, чтобъ возвратили». «Когда учиться будутъ непринужденно, но добровольно, тогда такожде охотно учиться будутъ, какъ играть¹⁾».

Послѣдняя мысль есть главная и, очевидно, заимствованная у современныхъ западно-европейскихъ педагоговъ, которые думали и неоднократно повторяли, что должно учить, играя.

«При всякомъ ученіи не держать дѣтей болѣе получаса сряду и кончить всегда прежде, нежели они станутъ скучать. Къ ученію не принуждать дѣтей и за ученіе не бранить. Буде учатся хорошо своею охотою, тогда похвалить. Дѣтямъ трудно имѣть прилежаніе. Страхомъ научить нельзя; ибо въ душу, стра-

¹⁾ Соч. Екат. II, т. I, стран. 224.

хоть занятую, не болѣе вложить можно ученія, какъ по дрожащей бумагѣ написать¹⁾. Не столько учить дѣтей, колико имъ нужно дать охоту, желаніе и любовь къ знанію, дабы сами искали умножить свое знаніе».

Рекомендуется учить Ихъ Высочествъ по нарочито составленнымъ для нихъ книжицамъ (Россійская азбука, выбранныя Россійскія пословицы и пр.) читать и писать. «Любопытство дѣтей въ знаніи удовольствоваться надобно и для того, выслушивая терпѣливо ихъ вопросы отвѣтствовать имъ ясно, точно и кратко съ тишиною».

«Языки и знанія суть меньшая часть воспитанія Ихъ Высочествъ. Добродѣтели и добронравіе, состоянію и рожденію ихъ приличныя, составлять должны главнѣйшую часть ихъ наставленія. Когда добродѣтели и добронравіе вкоренятся въ душахъ дѣтей, все прочее придетъ ко времени».

«Языкамъ не иначе учить, какъ разговаривая съ ними на тѣхъ языкахъ, но чтобъ притомъ не позабывали своего языка русскаго и для того читать и говорить съ дѣтьми и по-русски, и стараться, чтобъ говорили по-русски хорошо. Къ знанію какаго иностраннаго языка присоединить знаніе какое ни есть полезное на томъ языкѣ, какъ-то напр.: минералогію на латинскомъ, произращеніе на нѣмецкомъ, звѣрей на французскомъ; но немного вдругъ, а одинъ за другимъ безъ принужденія. Чтеніе Евангелія на разныхъ языкахъ, и сличая съ русскимъ, дѣтямъ даетъ довольное знаніе нѣкоторыхъ въ разговорахъ необычныхъ языковъ какъ то, напримѣръ: греческаго, который долженъ почитаться главнѣйшимъ изъ тѣхъ языковъ, кои Ихъ Высочествамъ полезны быть могутъ; ибо посредствомъ его могутъ они пріобрѣсть многое знаніе»²⁾.

«Привлекать любопытство дѣтей къ ученію ласкою, а не принужденіемъ; ученіе ихъ первое: читать, писать, рисовать, ариметикѣ. За симъ (слѣдуютъ): географія, начавъ съ Россіи, астрономія, хронологія, математика. Искусство учителей будетъ состоять въ томъ, чтобъ всякую науку и наученіе облегчить ученикамъ колико возможно. Виршамъ и музыкѣ учить не для чего, тѣмъ

¹⁾ Взято у Лонна.

²⁾ ib., стран. 227.

и другимъ много времени теряется, дабы достигнуть искусства. Запрещается принуждать дѣтей твердить много наизусть. Сіе памяти не подкрѣпляетъ; ибо добрая память отъ добраго сложенія, а не отъ инаго чего происходитъ. Наизусть вытвердить развѣ выбранныя краткія правила изъ писателей, кои служатъ могутъ дѣтямъ для украшенія ума и основаніемъ въ поведеніи. Потомъ слѣдовать можетъ исторія, нравоученіе, правила закона гражданскаго. Къ сему служатъ можетъ наказъ комиссіи уложенія и учрежденія для управленія губерній Россійской Имперіи, законы россійскіе, ибо, не знавъ оныхъ и порядка, коимъ правится Россія, знать не могутъ».

«На каждомъ языкѣ для чтенія избрать книги писанныя лучшія, и изъ нихъ выбрать то, что дѣтямъ читать, или передъ ними читать, то-есть все то, что можетъ умножить въ нихъ знаніе и просвѣщеніе то, которое имъ нужно; напрімѣръ: естественная исторія, математика, художество, какъ снять чертежи, или дѣлать разные опыты... Русское письмо и языкъ надлежитъ стараться, чтобъ знали какъ возможно лучше. Въ то же время могутъ прилежать къ ученію правилъ верховой ѣзды, фехтованія, волтижированія, плавать, бороться, ружьемъ метать, изъ лука стрѣлять и всему тому, что тѣлу придаетъ силу и поворотливость».

«Желательно, чтобъ военной сухопутной и конной, также и морской службы всѣ части отъ нижней службы до верхняго искусства прошли, дабы основательное понятіе о тѣхъ частяхъ получить могли».

«Склонность всякаго человѣка почти влечетъ его къ какому ни есть дѣлу, или ремеслу. Буде Ихъ Высочества окажутъ охоту точить, или къ иному руководѣлію, или ремеслу, то отъ онаго ихъ не отвращать, чрезъ что отъ праздности отвращены будутъ и время займется, питая въ Ихъ Высочествахъ добрую волю, свободу духа, веселость нрава и прилежаніе».

Предписывается отъ одиннадцати лѣтъ до пятнадцати употреблять по нѣскольку часовъ въ день для спознанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ. Сіе знаніе столь важно для ихъ Высочествъ и для самой Имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія занимать должно; прочія знанія, лишь примѣняясь къ одной, представлять надлежитъ, и для того приказать по

временамъ составить таблицы частей, вода Ихъ Высочества отъ части до части.

Карта всей Россіи и особо каждой губерніи съ описаніемъ, каковы присланы отъ генераль-губернаторовъ, къ тому служить могутъ, чтобъ знать слои земли, произрастенія, животныхъ, торги, промыслы и руководѣлія; такъ же рисунки и виды знаменитыхъ мѣстъ, теченіе рѣкъ судоходныхъ съ назначеніемъ береговъ, гдѣ высоки, гдѣ поемны, большія и проселочныя дороги, города и крѣпости и строенія знаменитыя, описаніе народовъ, въ каждой губерніи живущихъ, одежду и нравы ихъ, обычаи, веселія, вѣры, законы и языки». Знанія эти, конечно, обширны и не извѣстно въ какой мѣрѣ и объемѣ они выполнялись при обученіи великихъ князей.

«При исторіи естественной дѣлать опыты и примѣчанія, какія употребленія, ремесла и руководѣлія дѣлать можно изъ произрастеній и естественныхъ производствъ»...

«Исторію російскую имъ знать нужно, и для нихъ сочиняется. Познаніе человѣка еще нужнѣе. А за симъ: законы своей земли и правосудіе, употребленіе доходовъ, военное искусство въ защищеніи и наступленіи, о переходѣ рѣкъ и горъ, собраніе войскъ, ученіе, движеніе, прокормленіе, содержаніе, попеченіе о больныхъ, дряхлыхъ и немощныхъ». Обращается также вниманіе и на военное искусство.

«Чтеніе похвальныхъ дѣлъ въ исторіи отличившихся людей полезно быть можетъ, аки поощреніе къ подражанію; такъ же права и должности правительства, попеченіе о богослуженіи, о наставленіи вообще, о умноженіи знанія, искусства и художествъ, о удобреніи земли и разработываніи оныя, о умноженіи людей, торговли, руководѣлій, ремесла, правосудія, порядка, доходовъ о содержаніи силъ сухопутныхъ и морскихъ, о мирѣ и войнѣ, союзахъ и посольствахъ»¹⁾).

Словомъ, какъ видно, Инструкція касалась всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ государственной и человѣческой жизни.

Не оставила она безъ вниманія и воспитателей, подчиненныхъ генералу Салтыкову. «Качества приставниковъ да будутъ: осторожность, воздержаніе, умѣренность, любовь нѣжная къ дѣтямъ,

¹⁾ Ст. 227—231.

здравый разумъ, учтивость и добрая воля»¹⁾. «Приставникамъ единодушно и единогласно поступать въ разсужденіи дѣтей, сходственно Нашимъ предписаніямъ, чтобъ другъ другу помогали дружелюбно, а не препятствовали въ исполненіи Нашихъ предписаній, и чтобъ каждый изъ нихъ воздерживался отъ зависти, ненависти, нерадѣнія или иного порока общему дѣлу вредъ наносить могущаго; другъ про друга дурно не говорили при дѣтяхъ; но добропорядочно, согласно, любовно и единодушно поступали бы въ отправленіи своего служенія и старались единомышленно поступать по силѣ сего наставленія. Буде же въ комъ противное сему усмотрится, то доложить Намъ, да отдаленъ будетъ отъ дѣтей»²⁾.

«Если приставники будутъ сами наполнены любовію къ ближнему, общимъ благоволеніемъ къ роду человѣческому, доброжелательствомъ ко всѣмъ людямъ, будутъ ласково, снисходительно и учтиво обходиться между собою и со всякимъ, окажутъ добронравіе непрерывное, воздержатся отъ горячности сердца, опасенія, подозрѣнія и боязливости; тогда дѣти, видя добрые примѣры, будутъ несомнѣнно таковыя какъ желается».

«Приставникамъ обходиться съ дѣтьми вообще какъ съ взрослыми людьми; и для того, говоря съ ними, употреблять здравый разумъ и израженія, съ лѣтами воспитанниковъ сходныя и понятію ихъ понятельныя. Содержать въ воспитанникахъ веселость духа и нрава, которая у нихъ есть»³⁾.

«Надлежитъ поощрять въ дѣтяхъ любопытство, и для того приставникамъ вопросы дѣтей выслушивать должно терпѣливо, на вопросы ихъ отвѣтствовать съ точностью, и объяснять имъ то, что желаютъ знать, такъ, чтобъ лѣтамъ и понятію ихъ внятно было»⁴⁾.

Напомянуть дѣтямъ съ ласковостію... «Когда дѣтей унимать, тогда сіе чинить безъ сердца, безъ брани, безъ пристрастія, съ холодною кровію, представлять имъ сущее здоровое разсужденіе, и для того употреблять слова умѣренныя, голосъ тихой и видъ степенной.

¹⁾ Ст. 233.

²⁾ Ib. ст. 233.

³⁾ Ст. 235.

⁴⁾ Ст. 237.

Выговоры чинить дѣтямъ наединѣ и всегда съ степеннымъ видомъ и голосомъ, а хвалить, когда того достойны, при свидѣтеляхъ».

«Что дѣтямъ приказывается или запрещается, то подлежить быть исполнено отъ дѣтей тотчасъ безъ прикословія».

«Твердое поведеніе приставниковъ произведетъ къ дѣтямъ почтеніе къ нимъ».

«Различить весьма нужно: *первое*, гдѣ или когда напоминать то, что отъ нихъ требуется, *второе* когда унимать; *третье*, когда и за что выговоръ чинить прилично».

«Говорить правду, быть благодарнымъ и нрава добраго, есть отъ младенчества основаніе всѣхъ прочихъ добродѣтелей. Всѣ неправды происходятъ отъ порочнаго самолюбія и недовольной любви къ ближнему».

«Обоимъ братьямъ твердить надлежитъ, чтобы каждый изъ нихъ старался превзойти другаго учтивостію, щедростію, справедливостію, снисходительствомъ и иными добродѣтелями; за что послѣдуетъ для нихъ честь и собственное удовольствіе, понеже человекъ никогда не бываетъ доволенъ, какъ тогда, когда онъ самъ собою доволенъ, то есть: когда чувствуетъ, что дѣлалъ то, что долженъ былъ дѣлать»¹⁾.

«Отъ искусства приставниковъ зависитъ, чтобъ дѣти упражнялись съ пользою, ибо дѣти весьма любятъ упражненіе и имъ почти все равно, въ чемъ бы тѣ упражненія ни состояли, лишь бы не столь долго сряду продолжались, чтобъ въ одномъ упражненіи скуку находить могли; ибо нужное и живое сложеніе отроковъ не дозволяетъ имъ имѣть долго прилежанія къ одному предмету».

«Языкамъ учить такъ, чтобъ изъ приставниковъ одинъ говорилъ съ Ихъ Высочествами по нѣмецки, другой по французски, а другіе по руски. Со старшимъ питомцемъ англичанамъ говорить по англійски, а съ младшимъ грекамъ говорить по гречески»²⁾.

«Буде желательно дѣтей отвадить отъ игры, то на то вѣрный способъ есть — принуждать ихъ нѣсколько часовъ сряду ежедневно играть тою игрушкою».

¹⁾ *Иб.* ст. 242.

²⁾ Ст. 246.

Инструкція этимъ заканчивается; дана она 13 марта, 1784 года.

Н. А. Лавровскій подвергнулъ Инструкцію подробному разбору¹⁾. Еще имъ было указано на заимствованія изъ Локка и Монтэня; но въ расположеніи предметовъ и въ содержаніи мыслей можно отмѣтить самостоятельность. Такъ императрица выставила на первый планъ основную черту добродѣтели — истинное Богопознаніе, между тѣмъ какъ у Локка это основаніе добродѣтели обставлено статьями о лжи, обманѣ и благоразуміи. Требованіе справедливости и благоволенія ко всему, одаренному жизнью, находимъ у Локка, хотя въ Инструкціи оно высказано съ большею самостоятельностью и заняло особый отдѣлъ. Взглядъ на значеніе и характеръ обученія въ Инструкціи тотъ же, какъ и въ сочиненіяхъ Монтэня и особенно Локка.

Первое мѣсто въ ряду предметовъ обученія занимаетъ Законъ Божій, на знаніе котораго императрица указываетъ какъ на первую добродѣтель. Не входя въ подробное разсмотрѣніе способа и характера преподаванія, она въ этомъ случаѣ полагается на опытность избраннаго ею законоучителя протоіерея Самбурскаго, въ полной увѣренности, что «онъ несомнѣнно въ сей важной части соразмѣрно дѣтскому понятію поступать будетъ». Составленный для народныхъ школъ катехизисъ она признаетъ весьма полезнымъ для дѣтей руководствомъ. Послѣ Закона Божія въ Инструкціи говорится съ большею, сравнительно съ другими предметами, подробностію о языкахъ, при чемъ русскій языкъ обращаетъ на себя вниманіе императрицы, хотя, по ея предписанію одновременно съ нимъ должно идти обученіе иностраннымъ языкамъ, при чемъ способъ обученія имъ долженъ быть практической, разговорной²⁾.

Инструкція въ статьѣ объ обученіи отличается характеромъ программы, даже бѣглыхъ замѣтокъ, указывающихъ только на самый предметъ, изрѣдка на степень его важности, рѣже на содержаніе и еще рѣже на способъ преподаванія.

Съ особенною любовью, какъ мы уже говорили, Екатерина I останавливается на познаніи Россіи и на изученіи русскаго языка,

1) См. О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой.

2) Слѣдую Монтэню, говоритъ Н. А. Лавровскій, и Локкъ совѣтуетъ учить языку: nicht durch die Regeln der Grammatik, sondern dadurch, dass man sie im Umgang, durch fortgesetzten Gebrauch derselben den Kindern einschwatzt.

и въ этомъ она вполнѣ оригинальна. Изучая иностранные языки, говоритъ она, «надо читать и говорить по-русски и стараться, чтобы говорили по-русски хорошо. Русское письмо и языкъ надлежитъ стараться, чтобы знали какъ возможно лучше». «Предписывается отъ одиннадцати лѣтъ до пятнадцати употреблять по нѣскольку часовъ въ день для спознанія Россіи во всѣхъ частяхъ». Такимъ образомъ познаніе Россіи считается дѣломъ важнымъ и существеннымъ, оно выдвинуто на первый планъ и на него указано какъ на средоточіе занятій великихъ князей, между тѣмъ какъ всѣ остальные предметы признаны второстепенными, преподаваніе которыхъ должно совершаться въ применіи къ главному.

Изъ предложеннаго обзора предметовъ обученія, говоритъ Н. А. Лавровскій, по двумъ отдѣламъ видно, что послѣдній составляетъ лучшую и важнѣйшую заслугу императрицы и украшеніе Инструкціи, какъ по своей самостоятельности, такъ и особенно по направленію. О заимствованіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи по самому существу дѣла: выборъ этихъ предметовъ обученія обнаруживаетъ зрѣлое соображеніе высокаго назначенія воспитанниковъ и проникательную заботливость привести все обученіе въ точное соотвѣтствіе этому назначенію.

Руководства и сказки. Еще въ «Инструкціи»¹⁾ были перечислены тѣ книжки съ педагогическимъ характеромъ, которыя «нарочито» были составлены Екатериной II для Ихъ Высочествъ и были вообще пригодны для дѣтей. Это: 1) Россійская азбука съ гражданскимъ начальнымъ ученіемъ; 2) Китайскія мысли о совѣсти; 3) Сказка о Царевичѣ Хлорѣ; 4) Разговоръ и рассказы; 5) Записки; 6) Выбранныя русскія пословицы; 7) Продолженія начального ученія; 8) Сказка о Царевичѣ Феѳѣ.

По этимъ книжкамъ Ихъ Высочества, какъ сказано въ «Инструкціи», учились читать и писать.

Н. А. Лавровскій, занимавшійся изслѣдованіемъ этихъ педагогическихъ книжекъ, находитъ ихъ составленными цѣлесообразно, отмѣчаетъ постепенность въ распредѣленіи матеріала, соразмѣряемую, хотя болѣе съ внѣшней стороны, съ постепенностію въ развитіи дѣтскихъ понятій и рѣшительное преобладаніе нравоучительнаго, назидательнаго характера.

¹⁾ Соч. Екат. II, стран. 225, т. I.

«Гражданское начальное учение» все состоитъ изъ краткихъ изреченій нравственнаго содержания.

«Выражая также нравственное положеніе, говоритъ Н. А. Лавровскій, облеченное въ сжатую легкую форму, онѣ представляютъ и то преимущество для начальнаго чтенія, что созвучіе, заключающееся въ большей ихъ части, весьма облегчаетъ ихъ усвоенія и сохраненія въ памяти». Изъ числа «Выборныхъ російскихъ пословицъ»¹⁾ Екатерины II, приведемъ нѣкоторыя: «Глупъ со-всѣмъ, кто не знается ни съ кѣмъ». «Деньги много могутъ, а правда царствуетъ». «Кто добро творитъ, тому Богъ отплатитъ». «Кто правды желаетъ, тому Богъ помогаетъ». «Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника». «Не надобенъ и кладъ, когда у мужа съ женою ладъ».

Самыя сказки рѣшительно не заключаютъ въ себѣ ничего, что могло навести на мысль о заимствованіи: такъ живо и наглядно передаютъ онѣ педагогическія убѣжденія Императрицы.

Что касается Гражданскаго начальнаго ученія и его Продолженія, то какъ думаетъ Н. А. Лавровскій, на ихъ общее направление вліяло теченіе, начатое Роховымъ въ Германіи, вызвавшимъ цѣлый рядъ подражателей. *Kinderfreund* Рохова, напечатанный въ Берлинѣ въ 100.000 экземпляровъ, неоднократно потомъ издавался и перепечатывался. «Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Императрица, такъ живо сочувствовавшая успѣхамъ воспитанія и обученія, была совершенно знакома съ книгою Рохова, пользовавшеюся въ то время громкою и всеобщею извѣстностію, а равно и съ подражаніями этой книгѣ. То же направленіе ясно высказалось и въ сочиненіи Базедова — *Elementarwerk*, которымъ, конечно, также пользовалась Екатерина II.

Итоги. Постараемся теперь подвести итогъ сказанному.

И такъ мы видимъ, что со времени Екатерины II начинается новое направленіе въ русской педагогикѣ. Образованная и просвѣщенная Императрица, умѣвшая цѣнить, что было цѣннаго и хорошаго на Западѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ успѣла искренно полюбить Россію и все русское, проникнуться русскимъ духомъ. Рядомъ съ изученіемъ Европы и европейской науки, у нея шло внимательное изученіе Россіи во всѣхъ ея отношеніяхъ. Она вни-

¹⁾ Ихъ всего 126

мательно занялась изученіемъ русскаго языка, литературы, исторіи, географіи и этнографіи, читала лѣтописи, изучала духъ и нравы русскаго народа въ его пословицахъ, пѣсняхъ и сказкахъ. Это изученіе Россіи послужило ей къ тому, что нѣмка по происхожденію, ученица Вольтера и поклонница энциклопедистовъ, она явилась на престолѣ вполнѣ русской и сдѣлала быть до конца жизни русской Императрицей. Этимъ объясняется и то, что при Екатеринѣ II національныя стремленія получаютъ твердую почву и разумную основу. Любя все русское, она хотѣла, чтобы эта любовь перешла въ плоть и въ кровь великихъ князей. Хотя она мало интересовалась воспитаніемъ своего сына великаго князя Павла Петровича, но въ воспитатели его она выбрала Панина и С. Порошина, искреннихъ патріотовъ, имѣвшихъ прежде всего въ виду пользу и славу Россіи. Главная цѣль Порошина, воспитателя будущаго государя, состояла въ томъ, чтобъ внушить ему горячую, безпредѣльную любовь къ Россіи, уваженіе къ русскому народу, къ знаменитымъ дѣятелямъ его исторіи. Какъ достигъ этой цѣли и успѣлъ ли Порошинъ, — это другой вопросъ, который намъ трудно разрѣшить за недостаткомъ точныхъ указаній противоположныхъ вліяній. Но воспитаніе и образованіе своихъ внуковъ: великихъ князей Александра и Константина Павловичей Екатерина II близко уже принимаетъ къ сердцу и въ своей «Инструкціи» твердо высказываетъ, что русскій человѣкъ долженъ знать Россію во всѣхъ ея частяхъ, и слѣдовательно національный элементъ въ воспитаніи долженъ стоять на первомъ планѣ. Въ «Инструкціи» Салтыкову Государыня обращаетъ особенное вниманіе на познаніе Россіи и ея исторію, считая это дѣло самымъ главнымъ, а все остальное второстепеннымъ.

Въ ея перепискѣ съ Гриммомъ высказалась во всей силѣ ея материнская любовь, трогательныя заботы о воспитаніи великихъ князей внуковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и недюжинный педагогическій тактъ. Но не только для личныхъ, семейныхъ дѣлъ педагогика привлекала вниманіе Императрицы, хотя и въ этомъ заслуга ея громадна. Она отводитъ важное мѣсто педагогическимъ вопросамъ среди вопросовъ государственной жизни. Въ теченіе долгихъ лѣтъ она высказывала неуспышныя заботы о пріисканіи лучшихъ мѣръ для образованія народнаго; обращалась за

совѣтами къ д'Аламберу, Дидро, Гримму, Эпинусу; и когда остано-вила свое вниманіе на австрійской системѣ, то приняла ее не сразу, а послѣ продолжительнаго испытанія; понимая важное значеніе женщины въ семьѣ и обществѣ, она обратила серьезное вниманіе на образование и воспитаніе женщинъ (о чемъ скажемъ ниже) и тѣмъ дала начало серьезному женскому образованію.

Въ педагогическихъ своихъ сочиненіяхъ она снова, подобно древне-русскимъ педагогамъ, выдвинула на первый планъ нравственный элементъ, хотя и съ иныхъ точекъ зрѣнія. Этотъ элементъ порой такъ сильно развитъ, что заслоняетъ всѣ остальные. «Главное достоинство наставленія дѣтей состоятъ должно, говоритъ Императрица Екатерина II, въ любви къ ближнему, въ общемъ, благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ». Этимъ нравоучительнымъ характеромъ проникнуты и ея сказки: добродѣтель, въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, въ дѣйствіяхъ человѣческихъ, должна составлять все содержаніе и всю цѣль человѣческой жизни, она одна можетъ даровать истинное и полное счастье, а потому къ ней должно быть направлено и воспитаніе и образованіе.

Со времени Екатерины II Великой нельзя было не интересоваться воспитаніемъ и образованіемъ, ихъ значеніе слишкомъ хорошо и рельефно было сознано.

Источники и пособія:

Сочиненія Императрицы Екатерины II. Т. I. Изд. А. Смирдина. С.-Пб. 1849. Н. А. Лавровскій. О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой. Харьковъ. 1856. Инструкція князю Н. И. Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей. Стр. 199—248.

ГЛАВА XIX.

Образовательные проекты времени Екатерины II Великой.

Время Екатерины II, такъ же какъ и время Петра I, богато образовательными проектами, тѣмъ болѣе, что Екатерина II, интересовавшаяся наилучшими способами просвѣщенія Россіи, нерѣдко сама ихъ вызывала.

Такъ, по поводу австрійской системы образованія, она запрашивала, какъ мы видимъ, мнѣнія Гримма, Дальберга, Эпинуса.

Здѣсь мы остановимся на проектахъ Дильтея, Дидро и училищной комиссіи 1768 года.

Планъ Дильтея. Филиппъ Генрихъ Дильтей (Dilthey) былъ приглашенъ, при основаніи Московскаго Университета, занять въ немъ кафедру исторіи и правовѣдѣнія и въ 1764 году представилъ императрицѣ Екатеринѣ II «Планъ о учрежденіи разныхъ училищъ для распространенія разныхъ наукъ и исправленія нравовъ»¹⁾. Проектъ Дильтея въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, является не вполне законченнымъ. За общимъ заглавіемъ слѣдуетъ подъ рубрикою: «Раздѣленіе I» второе заглавіе, точнѣе исчерпывающее его содержаніе: «О школахъ рабскихъ, какъ о первомъ основаніи добраго воспитанія». Но первый параграфъ относится къ проекту въ цѣломъ, а не къ первому раздѣленію; вотъ онъ: «Дворянство російское справедливо по сіе время о несовершенномъ воспитаніи и наукъ успѣхъ жалобу имѣло, что, съ одной стороны не щадя никакихъ своихъ расходовъ для наученія дѣтей и юношества, въ чемъ Россія предъ прочими государствами великое имѣетъ преимущество, а съ другой стороны, что желаемого по большей части успѣха великіе сіе расходы какъ публичныя, такъ и частныя не имѣютъ, которому неудобствію, чтобы могло быть поправленіе, то должно, во-первыхъ, найти причину, для чего, по учиненіи столь безчисленныхъ расходовъ на воспитаніе и ученіе, ни ожидаемое нравовъ пристоинство, ни желаемая твердость наукъ не соотвѣтствуетъ, по изысканіи чего явно будетъ, что многіе недостатки сего причины находятся, которыя всякому, рассуждающему и дѣло правильно себѣ представляющему, тотчасъ видны, изъ которыхъ: 1) Худой примѣръ дядекъ, къ которому дѣти съ малолѣтства привыкають, какъ корень испорченнаго воспитанія, принять въ разсужденіе должно. 2) Недостатокъ хорошихъ учителей или худо сдѣланное ихъ избраніе. 3) Правленіе училищъ, неученому человѣку порученное, наипаче такимъ учрежденіямъ наноситъ вредъ, ибо какъ тотъ, который все свое время въ чтеніи книгъ употребилъ, не служа нигдѣ, въ должность главнаго полководца вступить не можетъ, такъ и искуснѣйшій въ воинскомъ дѣлѣ полководецъ

¹⁾ Копія этого плана изъ Государственнаго Архива была въ распоряженіи проф. А. И. Кирпичникова, см. «Педагоги прошлаго вѣка». Историческій Вѣстн. 1885 г. № 9.

при ученомъ обществѣ съ пользою правленіе имѣть не въ состояніи. 4) Канцеляріи, напоследокъ, весьма великое причиняють учрежденіямъ препятствіе, ибо науки любятъ свободу и особый свой имѣють порядокъ, который отъ канцелярскихъ постановленій совсѣмъ отличенъ».

Слѣдующіе 11 параграфовъ представляютъ проектъ устава рабскихъ школъ, т.-е. школъ для педагоговъ изъ крѣпостныхъ людей. Дильтей исходитъ изъ справедливой мысли, что юный дворянинъ, испорченный дома дворней, впоследствии для наукъ становится не пригоденъ, и предлагаетъ учредить въ Москвѣ и Петербургѣ учительскія семинаріи, гдѣ воспитывались бы по 100 мальчиковъ, подъ руководствомъ двухъ учителей и третьяго ректора; одинъ изъ учителей долженъ обучать «латинскому и нѣмецкому съ російскимъ», другой «латинскому и французскому, купно съ ариметикою, а ректоръ сего училища долженъ бы обучать исторіи и географіи, а особливо: въ чемъ состоитъ хорошее воспитаніе, какъ дѣти себя вести при одѣваніи, при столѣ и въ обхожденіи съ людьми должны, что и какъ надобно говорить, что Богу, что отечеству, что ближнему отдавать должны, что правила нравовъ или повелѣваютъ, или запрещаютъ».

Курсъ ученія авторъ предполагаетъ пятилѣтній, довольно обстоятельно указываетъ программу и даже иногда учебники. Въ § 6 онъ доказываетъ, что ученые дядьки могли бы быть полезны своимъ помѣщикамъ не только въ воспитаніи дѣтей, но и во многихъ другихъ случаяхъ и убѣждаетъ будущихъ учителей проектируемыхъ имъ школъ не гнушаться воспитаніемъ крѣпостныхъ, «такъ какъ слуги токмо однимъ счастіемъ рожденія отъ нихъ отличены, но безсмертною же душою ровно одарены».

Въ слѣдующихъ §§ Дильтей съ точностью опредѣляетъ, какъ надобно устроить бытъ внутренней такой школы: чѣмъ кормить учениковъ, сколько платить лѣкарю и пр. Въ послѣдующихъ раздѣленіяхъ своего проекта онъ говоритъ уже о среднемъ и низшемъ образованіи самихъ дворянъ.

Подготовившись къ школьному обученію при помощи крѣпостного педагога, дворянинъ долженъ поступать въ тривіальную школу, гдѣ могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ обучаться и дѣти «купече-

скаго и другаго неподлаго состоянія», но благородные отъ прочихъ «должны быть отличены столами для разности ученія благородства учащагося юношества, дабы смѣшеніе благородныхъ съ разночинцами зависти и препятствія не производило».

По выдержанію публичнаго экзамена, дѣти изъ этихъ школъ поступаютъ въ гимназію, съ четырехгодичнымъ курсомъ, гдѣ точно такъ же благородные и разночинцы должны сидѣть за разными столами. Сдавъ отсюда выпускной экзаменъ «ученики назначаются студентами» и поступаютъ въ университетъ.

Дильтей находитъ недостаточнымъ имѣть одинъ Московскій Университетъ для столь обширнаго государства и предлагаетъ учредить еще два: въ Батуриинѣ для Малороссіи и въ Дерптѣ для Ливоніи. Въ университетѣ онъ предполагаетъ четыре факультета: философскій, медицинскій, юридическій и богословскій.

Если проектъ Дильтея во 2-мъ и т. д. «раздѣленіяхъ», говоритъ г. Кирпичниковъ, есть простой сколокъ съ того, что существовало въ Западной Европѣ, то его проектъ устройства рабскихъ школъ представляетъ изъ себя нѣчто очень оригинальное. Признавая крѣпостное право неизбѣжнымъ зломъ, многіе современники Дильтея и ихъ потомки могли бы стать на сторону его проекта. Но проектъ Дильтея не былъ принятъ Императрицею Екатериною II, она въ то время задавалась болѣе широкими планами; можетъ быть самое названіе «рабскихъ школъ» было ей неприятно. Екатерина и ея ближайшіе сотрудники смотрѣли на дѣло воспитанія и образованія гораздо шире, что вскорѣ и выразилось въ «Генеральномъ учрежденіи о воспитаніи» и «Уставѣ шляхетскаго сухопутнаго корпуса» (1766 г.).

Проекты «Училищной комиссіи». Мы знаемъ уже, что Шуваловъ предлагалъ «учредить въ большихъ городахъ гимназіи, въ малыхъ городахъ — школы грамотности, въ которыхъ можно было бы приготовить дѣтей къ гимназіямъ. По окончаніи гимназическаго курса, юноши должны были переходить въ кадетскій корпусъ или въ университетъ и, по окончаніи тамъ образованія, поступать въ гражданскую или военную службу». Извѣстно также, что проектъ Шувалова подвергался обсужденію академиковъ, но за смертію Императрицы Елисаветы и удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ Шувалова дальнѣйшаго развитія не получилъ.

Императрица Екатерина II, созвавъ комиссію для составленія проекта новаго уложенія (1767 г.), предоставила ей также обсужденіе и вопроса объ устройствѣ общественнаго образованія, причемъ, въ видѣ предположенія, указывалось на учрежденіе трехъ родовъ учебныхъ заведеній въ Россіи — низшихъ, среднихъ и высшихъ (верховныхъ училищъ), т.-е. начальныхъ школъ, гимназій и университетовъ. Въ числѣ 18 специальныхъ комиссій, образованныхъ при такъ называемомъ «Большомъ Собраніи», была также и «Комиссія о училищахъ и призрѣніи требующихъ». Въ первый разъ заговорили въ «Большомъ Собраніи» о школьномъ дѣлѣ въ маѣ 1768 года, причемъ депутатъ отъ пахотныхъ солдатъ Нижегородской провинці просилъ открыть для ихъ дѣтей школы. Пензенскій городской депутатъ отвергалъ необходимость подобныхъ школъ, ссылаясь на то, что научившіеся и безъ школъ грамотѣ нѣкоторые изъ пензенскихъ пахотныхъ солдатъ сдѣлались отъ этого только хуже, такъ какъ, выйдя въ приказные, стали брать взятки, а земли свои забросили; названный депутатъ вообще полагалъ, что «земледѣльцу не слѣдуетъ учиться несходственнымъ съ его состояніемъ наукамъ, кромѣ російской грамотѣ, но и то по собственному чьему желанію»... Но вообще «Большое Собраніе» не вдавалось въ подробное обсужденіе вопроса о народномъ образованіи. Гораздо обстоятельнѣе отнеслась къ этому важному дѣлу учрежденная въ маѣ 1768 года учебная или училищная комиссія.

Клингштетъ, Урсинусъ, баронъ Ашъ и Золотницкій были дѣятельными членами комиссії. Въ самомъ началѣ занятій училищной комиссії, были переданы ей изъ дирекціонной комиссії два проекта объ учрежденіи въ Россіи училищъ, а впослѣдствіи поступило еще три записки. Сами члены комиссії занялись составленіемъ проектовъ уставовъ учебныхъ заведеній. Всего было изготовлено четыре проекта: 1) о нижнихъ деревенскихъ училищахъ, 2) о нижнихъ городскихъ училищахъ, 3) о среднихъ училищахъ, 4) проектъ училищъ для иновѣрцевъ.

Мысль объ учрежденіи городскихъ училищъ принадлежала Клингштету; въ дѣлахъ сохранилась написанная имъ по нѣмецки и потомъ переведенная на русскій языкъ записка, въ которой онъ доказываетъ, что однѣхъ гимназій и начальныхъ школъ

недостаточно, что между ними должны быть поставлены срединныя учебныя заведенія, городскія училища (*Trivial Schulen*), которыя приготавлиали бы своихъ учениковъ къ практической жизни, а также и облегчали бы ихъ поступленіе въ гимназіи пріуготовительнымъ обученіемъ. Предположенія объ образованіи инородцевъ составлены были барономъ Ашемъ, Золотницкимъ и Урсинусомъ.

Училищная комиссія, по мысли Урсинуса, предполагала по примѣру прусскихъ начальныхъ школъ, ввести обязательное обученіе для всего мужскаго народонаселенія, но только чтенію, а не письму. Съ этою цѣлью она назначала школу въ каждомъ селѣ, а также и въ большихъ деревняхъ, далеко отстоящихъ отъ села, по такому расчету, чтобы на каждыя 100—250 семей было по одной школѣ, которая могла бы вмѣщать въ себѣ до 30 учащихся; если число семей превышало 500, то должно было устроить двѣ школы.

Постройка училищныхъ домовъ и содержаніе школъ относились на счетъ прихожанъ. Крестьяне обязывались отдавать въ школы своихъ мальчиковъ отъ 8-ми до 12-лѣтняго возраста, которые и оставались бы въ школѣ четыре года, а запоздавшіе началомъ ученія «до выучки». Дѣвочки избавлялись отъ обязательности ученія, и принимались въ школы только по желанію ихъ родителей. Продолжительность учебнаго курса опредѣлялась восьмимѣсячная. Ученіе должно было происходить по особо составленному для того Синодомъ руководству, которое включало бы въ себѣ церковную и гражданскую азбуку, нѣкоторыя молитвы, краткій катихизисъ и изложеніе обязанностей крестьянина.

Надзоръ надъ школами поручался священникамъ, но такъ какъ, по своимъ приходскимъ обязанностямъ, они часто отлучаются изъ своихъ домовъ, то и не обязывались учить; въ учителя же предназначались діаконы, а гдѣ ихъ не было, дьячки; наконецъ, въ случаѣ недостатка церковно-служителей, допускались и свѣтскіе преподаватели. Главное завѣдываніе сельскими школами предоставлялось архіерею, совмѣстно съ губернаторомъ, мѣстное же ими управленіе ввѣрялось дворянамъ, выбраннымъ уѣзднымъ дворянствомъ. Жалованье полагалось священнику за наблюденіе три четверти ржи и 2 рубля денегъ, учителю изъ духовныхъ 4 рубля, а изъ свѣтскихъ 6 рублей въ годъ.

Въ мартѣ 1770 г. проектъ о деревенскихъ школахъ былъ готовъ.

Въ городахъ предлагалось ввести также обязательность учения, усиливъ его тѣмъ, чтобы не только мальчики городскихъ жителей, но и дочери ихъ, начиная съ семи лѣтъ, должны были учиться, съ тою разницею, что для мальчиковъ дѣлались обязательными не только чтеніе, но и письмо, а для дѣвочекъ одно только чтеніе. На каждыя сто семействъ полагалась одна школа; постройка школьныхъ домовъ и содержаніе школъ относились на счетъ городскихъ жителей. Способъ надзора и составъ учителей полагались такіе же, какъ и въ сельскихъ школахъ. Кромѣ этихъ школъ грамотности, для городовъ, въ которыхъ не было ни высшаго, ни средняго учебнаго заведенія, находили необходимымъ учредить ариѳметическія школы. То же двоевластіе управленія, какъ и сельскими школами, полагалось и для городскихъ: онѣ ставились въ зависимость какъ отъ архіерея, такъ и отъ губернатора¹⁾.

Баронъ Ашъ и Золотницкій представили въ комиссію записку, въ которой доказывали, что нужно стремиться къ сближенію инородцевъ съ остальнымъ народонаселеніемъ, и для этого завести для нихъ училища, и въ нихъ преподаваніе особымъ способомъ, соображаясь съ родомъ ихъ жизни и вѣры. Заявленіе это было принято сочувственно комиссіей; она пригласила въ свои засѣданія инородческихъ депутатовъ, интересовалась ихъ вѣрой, обрядами и обычаями и въ концѣ концовъ, положено было устроить особыя училища для осѣдлыхъ инородцевъ, учителями же инородцевъ должны быть исключительно ихъ единоплеменники. Въ іюлѣ 1770 года проекты о нижнихъ училищахъ были представлены въ дирекціонную комиссію.

Единственнымъ типомъ средняго учебнаго заведенія комиссія признала гимназію, и, не находя нужды въ другихъ родахъ среднихъ училищъ, предлагала уничтожить духовныя семинаріи; въ гимназіяхъ должны были учиться какъ свѣтскія лица, такъ и духовныя. Подъ помѣщенія гимназій комиссія думала обратиться большіе монастыри. Мысль эта была довольно общая въ то

¹⁾ Графъ Д. А. Толстой. Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII стол. до 1782, ст. 68—70.

время; ее находимъ напр., въ наставленіи, данномъ Малороссійскою коллегіею — выбранному въ комиссію о составленіи уложенія депутату. Но уничтожая семинаріи, относя образованіе духовенства къ задачамъ гимназіи, комиссія не могла устранить отъ завѣдыванія ими епархіальныхъ архіереевъ, потому не только продолжила и для управленія средними учебными заведеніями то же двоевластіе, принятое ею для низшихъ школъ, но и довела его до такихъ размѣровъ, которые доказывали съ полною очевидностію неисполнимость такого управленія. Именно, губернаторы и епархіальные архіереи назначались совмѣстно главными директорами (т.-е. попечителями) надъ гимназіями, а между тѣмъ въ то время предѣлы епархій не совпадали съ границами губерній. Непосредственныхъ начальниковъ надъ гимназіею или ректоровъ полагалось также два: архимандритъ или игумень, назначаемый синодомъ, и свѣтскій ректоръ, опредѣляемый университетомъ. Учителя также должны были быть духовные и свѣтскіе. Преподаваніе должно было производиться по утвержденнымъ руководствамъ. Предполагавшійся учебный курсъ отличался крайнею многопредметностію: кромѣ общепринятыхъ въ гимназіи наукъ, съ латинскимъ и греческимъ и двумя новѣйшими языками, находимъ въ немъ и еврейскій и англійскій, теоретическую философію, метафизику, механику, геодезію, архитектуру гражданскую и военную, комерцію, политику, юриспруденцію и медицину; при этомъ впрочемъ нѣкоторые изъ предметовъ не считались обязательными.

Гимназіи полагались закрытыми учебными заведеніями, по 120 человѣкъ казенныхъ учениковъ каждая; ученики отпускались изъ гимназіи только на каникулы.

«Очевидно, говоритъ гр. Д. А. Толстой, проектъ средняго учебнаго заведенія былъ самый слабый изъ всѣхъ проектовъ, составленныхъ училищною комиссіею, онъ просто былъ невозможенъ и неисполнимъ. Проектъ этотъ составленъ былъ Золотницкимъ, но его не успѣли представить за закрытіемъ комиссіи. Напротивъ того мысли ея членовъ объ устройствѣ сельскихъ и городскихъ училищъ, также объ образованіи инородцевъ, были такъ здравы, что не только опередили свое время, но и наше. И доселѣ мы не дошли до убѣжденія, что единственно вѣрное средство для всеобщаго образованія народа есть обязательность начальнаго

обучения для всѣхъ»¹⁾. Однако, проекты училищной комиссіи остались неосуществленными.

Академія Наукъ представила въ большое собраніе комиссіи о составленіи уложенія «статьи, содержація въ себѣ то, что сдѣлать надлежитъ прежде учрежденія училищъ». Академія предлагала учредить особое вѣдомство, которое находилось бы въ собственномъ вѣдѣніи Государя, состояло изъ девяти лицъ, изъ коихъ три изъ «знатныхъ просвѣщенныхъ любителей науки», а остальные изъ ученыхъ. Оно должно было завѣдывать всѣми учебными заведеніями низшими, средними и высшими, безъ исключенія, представить общій планъ учрежденія учебныхъ заведеній, и составить для нихъ уставы. Члены этого «правительства» должны были непременно объѣзжать учебныя заведенія и осматривать ихъ. Училищная комиссія не сознавала важности центрального учебнаго управленія, и полагала подчинить училища всеправящему сенату²⁾.

Видимо, что всѣ эти проекты не удовлетворяли Екатерину II.

Проектъ Дидро. Въ бытность Дидро въ Петербургѣ, императрица, въ частыхъ съ нимъ бесѣдахъ, не разъ касалась вопросовъ народнаго образованія и просила его изложить свои мысли о томъ, какъ бы можно было наилучше устроить въ Россіи училища различныхъ степеней.

По возвращеніи въ Парижъ, Дидро исполнилъ порученіе Екатерины II и въ 1775 году прислалъ ей «планъ университета для русскаго правительства, или проектъ народнаго образованія во всѣхъ наукахъ». Университетъ принятъ здѣсь во французскомъ смыслѣ этого слова, то есть какъ совокупность разныхъ учебныхъ заведеній, въ родѣ нашего учебнаго округа. Подъ именемъ университета Дидро разумѣлъ: начальную школу, среднее учебное заведеніе и собственно университетъ.

По его мысли среднее учебное заведеніе должно было состоять изъ восьми классовъ, и первыя пять лѣтъ ученія посвящались бы исключительно наукамъ математическимъ и естественнымъ; ни одна словесная наука не допускалась въ курсы этихъ классовъ. Словесныя науки допускаются Дидро только

¹⁾ Гр. Д. А. Толстой. Взглядъ на учебную часть въ Россіи XVIII стол. ст. 73—74.

²⁾ Гр. Д. А. Толстой, ib. ст. 71.

съ шестого класса, гдѣ онѣ представляются: логикою, критикою и общею грамматикою (*la grammaire générale et raisonnée*). Языки русскій и славянскій отнесены только на седьмой годъ ученія; до тѣхъ поръ русскія дѣти не обязывались знать своего языка. Иностранные языки не полагались вовсе. Наконецъ, только на послѣднемъ, восьмомъ году ученія, и только на одинъ годъ, появляются языки латинскій и греческій вмѣстѣ съ краснорѣчіемъ и поэзію.

Въ дополнительномъ, или второмъ курсѣ, преподавались бы, по проекту Дидро, въ первый годъ, главныя основанія метафизики и религія, съ объясненіемъ двухъ естествъ Спасителя и существованія Божія. Впрочемъ кто знакомъ съ міровоззрѣніемъ Дидро, тотчасъ видитъ, что эти «религіозные предметы вмѣщались въ курсъ только по снисходительности къ Императрицѣ, какъ уступка ея мнѣнію», безъ этого Дидро не внесъ бы ихъ въ свою программу. Въ второмъ классѣ дополнительнаго курса полагались: исторія, географія, политическая экономія и домоводство, или домашнее хозяйство. При преподаваніи исторіи, Дидро проводитъ также своеобразный взглядъ. «Думаю», говоритъ онъ, «что изученіе исторіи нужно начать съ своего отечества, и при томъ такъ, чтобы, при изложеніи какъ отечественной исторіи, такъ и исторіи другихъ народовъ, начинать съ ближайшаго къ намъ времени, нисходя постепенно къ вѣкамъ побасенокъ и міеологіи. Таково мнѣніе Гроціуса». Повидимому, при составленіи плана объ устройствѣ учебныхъ заведеній въ Россіи, Дидро задался мыслью быть какъ можно оригинальнѣе, не походить на другихъ педагоговъ; онъ съ полнымъ правомъ сказалъ о себѣ: «я возстаю противъ системы образованія, освященной опытомъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ націй». Гр. Толстой называетъ Дидро праотцемъ современныхъ ультра-реалистовъ. Явившись противникомъ классическаго образованія, Дидро не допускаетъ, конечно, въ составъ университета и философскаго факультета, основывающагося главнѣйше на языкахъ и литературахъ латинской и греческой, и въ организацію университетовъ включаетъ только три факультета: медицинскій, юридическій и богословскій, но этотъ послѣдній съ извѣстными предосторожностями невѣрующаго энциклопедиста. Получивъ проектъ, Дидро, говоритъ гр. Дм. А. Толстой, императрица писала Гримму,

что займется имъ тогда, когда дойдетъ очередь до учрежденія въ Россіи университетовъ, положила этотъ проектъ въ свой портфель, и никогда его оттуда не вынимала; это самое лучшее употребленіе, которое она могла изъ него сдѣлать». Не можемъ утверждать, чтобы эти слова гр. Д. А. Толстого вполнѣ отвѣчали дѣйствительности. Кажется, кое-что Екатерина II заимствовала изъ проекта Дидро.

Источники и пособія:

Гр. Д. А. Толстой. Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 года. С.-Пб. 1883 г. Идеи о народномъ образованіи въ Екатерининское время. И. Б. Истор. Вѣст. 1884 г. № 3. Кирпичниковъ А. И. Педагоги прошлаго вѣка. Истор. Вѣст. 1885 г. № 9.

ГЛАВА XX.

И. И. Бецкой и его педагогическіе взгляды.

И. И. Бецкой. Главнымъ дѣятелемъ при устройствѣ воспитанія на новыхъ началахъ былъ И. И. Бецкой (Бецкій), который въ исторіи образованія въ Екатерининскую эпоху имѣлъ такое же важное значеніе, какъ Шуваловъ въ Елисаветинское время.

Иванъ Ивановичъ Бецкой (1704—1795), побочный сынъ князя Трубецкого, родился въ Стокгольмѣ и тамъ же получилъ свое первое образованіе.

Отецъ его генераль-маіоръ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой послѣ нарвскаго дѣла попалъ въ плѣнъ къ шведамъ; въ столичномъ Стокгольмскомъ веселомъ обществѣ шведовъ забылъ о своей молодой женѣ, оставленной въ Россіи, и женился на дѣвицѣ баронессѣ Вреде¹⁾. Отъ этого союза и родился И. И. Бецкой 3 февраля 1704 года.

О воспитаніи молодого Бецкого мы ничего не знаемъ. Двѣнадцати лѣтъ мы находимъ его въ Копенгагенѣ, въ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1718 году князь Трубецкой возвратился изъ плѣна, но И. И. Бецкой только черезъ три года (1721 г.) пріѣхалъ къ отцу, хорошо воспитанный и знающій многіе языки и науки.

¹⁾ П. М. Майковъ это извѣстіе считаетъ недостовернымъ.

Петръ Великій опредѣлилъ его въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Отсюда его часто посылали курьеромъ въ разныя иностранныя земли.

Въ 1742 году императрица Елисавета Петровна обратила вниманіе на Бецкого и пожаловала его камергеромъ бригадирскаго чина и состоять при Великой Княжнѣ Екатеринѣ II. Впрочемъ, какъ видно, онъ не несъ никакой особенной службы, и въ 1747 г. благодаря проискамъ канцлера Бестужева совсѣмъ подалъ въ отставку, ссылаясь на разстроенное здоровье. Получивъ съ отставкою чинъ генераль-маіора, онъ отправился за границу и здѣсь на полной свободѣ нашелъ обильную пищу своему наблюдательному уму и изящному вкусу. Здѣсь онъ бывалъ въ разныхъ странахъ, познакомился со многими образованными людьми, восхищался трудолюбивою жизнью Германіи, Франціи и Голландіи, съ особеннымъ интересомъ осматривалъ благотворительныя заведенія, еще не зная, что въ Россіи для него готовится обширное поприще, гдѣ ему пригодятся всѣ эти знанія.

Жизнь простого народа особенно обращала на себя его вниманіе и заставляла вникать въ его нравы и состояніе нравственности обоихъ половъ. Но особенно радовался Бецкой, когда встрѣчалъ въ каждомъ значительномъ городѣ богоугодныя учрежденія и узнавалъ, что жители сами всячески старались содѣйствовать ихъ развитію и процвѣтанію.

Во время своихъ путешествій, онъ побывалъ въ Ангальтъ-Цербтскомъ княжествѣ, гдѣ былъ представленъ принцессѣ, матери великой княгини Екатерины. Умная женщина была очарована бесѣдою Бецкого, и черезъ нѣсколько лѣтъ вспомнила о немъ, когда получила извѣстіе, что дочь ея сдѣлалась самодержавною императрицею. Въ 1758 году Бецкой путешествовалъ по Италіи и потомъ нѣкоторое время жилъ въ Вѣнѣ, гдѣ его застало приглашеніе императора Петра III снова вступить въ службу. Но онъ, перенесъ рядъ потерь близкихъ (отца и сестры), страдалъ душевно и, называя себя старикомъ, не надѣялся на свои силы и не могъ рассчитывать на успѣшное служебное поприще.

Онъ медлилъ возвратиться въ Россію, не зная, что настоящее его поприще, гдѣ онъ прославитъ свое имя, еще и не начи-

налось. Наконецъ, онъ явился въ Петербургъ, и Петръ III тотчасъ же пожаловалъ его чиномъ генераль-поручика. Неизвѣстно, какое назначеніе готовилъ ему Петръ III, но съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II его положеніе быстро опредѣлилось.

Принцесса Ангальтъ-Цербтская писала о немъ своей августѣйшей дочери и указывала на него, какъ на человѣка рѣдкаго, достойнаго стать подлѣ ея трона. Екатерина поняла Бецкого, оцѣнила его изящный вкусъ и ввѣрила его заботамъ канцелярію строеній и садовъ и Академію Художествъ. Въ то же время, сдѣлавъ его своимъ чтецомъ и сблизившись съ его стремленіемъ и взглядами, она угадала, какую сферу дѣятельности слѣдуетъ отдать Бецкому, и куда направить его знанія, опытность и таланты: она ввѣрила ему заботы о народномъ воспитаніи. Бецкой съ жаромъ принялся за это новое дѣло и остановился на смѣлой и поэтической мысли — создать чрезъ воспитаніе идеальное общество. Екатерина II во многомъ ему сочувствовала.

Въ 1763 г. Екатерина II назначила Бецкого президентомъ Академіи Художествъ и директоромъ кадетскаго корпуса и поручила ему устроить при нихъ воспитательныя заведенія, по образцу европейскихъ.

Вслѣдствіе этого Бецкой составилъ извѣстный «Докладъ императрицѣ о воспитаніи юношества обоого пола» и «Проектъ или планъ воспитательнаго дома въ Москвѣ». Въ 1764 г. основано было при Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ общество для благородныхъ дѣвицъ, а въ 1765 г. такое же общество для дѣвицъ мѣщанскаго сословія; при Академіи Художествъ въ 1764 г. учреждено воспитательное училище для мѣщанъ, а въ 1766 г. такое же училище при кадетскомъ корпусѣ. Въ Москвѣ были открыты училища Екатерининское (въ 1764 г.) и Коммерческое (въ 1772 г.) и Воспитательный домъ для приносныхъ дѣтей (въ 1763 г.), такой же домъ былъ открытъ и въ Петербургѣ (1770 г.). Помощникомъ Бецкого при учрежденіи этихъ училищъ былъ проф. Барсовъ, который, между прочимъ, по указанію Бецкого написалъ и упомянутый выше планъ Воспитательнаго дома. Въ этомъ планѣ и особенно въ «Докладѣ о воспитаніи юношества обоого пола» выражены были и всѣ основныя начала и правила воспитанія и образованія во всѣхъ заведенныхъ училищахъ.

Современное Бецкому обществу отнеслось къ его учрежденію Воспитательнаго дома сочувственно. Подтвержденіемъ этого могутъ служить не только щедрія пожертвованія со стороны общества на пользу воспитательныхъ домовъ, но и учрежденіе домовъ призрѣнія въ различныхъ мѣстахъ Имперіи частными лицами.

Нельзя не обратить также вниманіе на то, что по плану Бецкого воспитательный домъ устраивался не только для такъ называемыхъ незаконныхъ дѣтей, но всякій младенецъ, почему либо лишенный заботливаго попеченія родителей, могъ быть принятъ и воспитанъ въ воспитательномъ домѣ.

Педагогическіе взгляды Бецкого. Несомнѣнно, что Бецкой во всѣхъ своихъ педагогическихъ планахъ и предназначеніяхъ находился подъ вліяніемъ западныхъ писателей и педагоговъ, особенно школы филантропистовъ. И послѣ долгихъ размышленій, онъ пришелъ къ мысли перенести воззрѣнія ихъ на русскую почву: составить изъ малолѣтнихъ дѣтей особенный міръ, устранивъ отъ нихъ всякое вліяніе семьи и общества, воспитать ихъ по извѣстнымъ правиламъ, образовать, такъ сказать, новую породу отцовъ и матерей. Важнѣйшее изъ дѣлъ Бецкого было учрежденіе воспитательныхъ домовъ въ Москвѣ и Петербургѣ, въ пользу которыхъ онъ самъ дѣлалъ огромныя пожертвованія. Онъ получалъ за свои труды чины и ордена, а въ 1773 году за пожертвованія получилъ особо для него выбитую золотую медаль съ надписью «за любовь къ отечеству» отъ Сената 20 ноября 1772 года. Бецкой скончался 31 августа 1795 г.

Теорія воспитанія Бецкого была принята Екатериною Великою, и Государыня въ своихъ распоряженіяхъ относительно образованія въ Россіи, такъ и въ своихъ сочиненіяхъ о воспитаніи придерживалась этой теоріи.

Однако система Бецкого, обѣщавшая много въ теоріи, на практикѣ оказалась мало полезною по многимъ причинамъ. «Дѣти, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ оторванныя отъ семействъ, говоритъ А. Вороновъ ¹⁾, не могутъ развитъ въ себѣ святыхъ чувствъ семейной любви къ родителямъ и своимъ кровнымъ роднымъ, дѣлаются холодными, сухими по сердцу. Не сопри-

¹⁾ Федоръ Ивановичъ Янковичъ-де-Миріево. С.-Пб. 1858 г., ст. 339.

касаясь нисколько съ обществомъ, они остаются въ невѣдѣніи всѣхъ общественныхъ условій, а потому приобрѣтаютъ и нерѣдко гибельный для себя взглядъ на свои отношенія къ обществу. Умные и любящіе воспитатели, которыми думалъ замѣнить Бецкой семейство, даже при лучшихъ качествахъ ума и сердца и при полной любви къ дѣтямъ, все же не то, что родители: любовь ихъ, не истекая изъ кровныхъ отношеній, холодна и не способна согрѣвать нѣжныя сердца дѣтей».

Кромѣ того, Бецкой болѣе всего заботился о развитіи нравственнаго человѣка, съ кроткимъ нравомъ и нѣжнымъ сердцемъ, какъ бы забывая, что этому человѣку придется жить въ обществѣ, гдѣ грубость и невѣжество сильно развиты, и что такому человѣку придется вступить въ борьбу съ предрасудками, если не пожелаетъ подчиниться имъ, а для этой-то борьбы воспитаніе Бецкого и не давало необходимыхъ средствъ. Слѣдовательно, въ самомъ коренномъ основаніи система Бецкого оказалась несостоятельною; но зато многія отдѣльныя его положенія весьма симпатичны и могутъ быть введены и теперь въ курсъ педагогики.

О вліяніи женщинъ на общество Бецкой говорить ¹⁾: «Сей нѣжный полъ, обладающій сердцами, имѣя сильное вліяніе на нравы обществъ, можетъ своею добродѣтелью способствовать къ исправленію оныхъ или, въ противномъ случаѣ, ослабляя души, преклонять къ пороку. Сіе доказано быть можетъ цѣлыми народами, торжествовавшими во славу многія столѣтія. Когда мужественныя спартанки, отпуская своихъ ближнихъ сражаться за отечество, говорили имъ, чтобы они со щитомъ или на щитѣ возвращались, тогда спартанцы были непобѣдимы; и едва ли не съ добродѣтелью римлянковъ окончилось геройство римлянъ, обладавшихъ міромъ».

Приведемъ нѣкоторыя важнѣйшія педагогическія положенія Бецкого. Въ «Генеральномъ Учрежденіи о воспитаніи обоого пола юношества» ²⁾ говорится: «Рѣдко великіе Государи о такихъ дѣлахъ крайнее имѣютъ попеченіе, которыхъ плоды медлительны, и которые, чѣмъ большую общають пользу для

¹⁾ Въ Ивѣстіяхъ воспитательнаго дома. 1779 г., ст. 109.

²⁾ Конфирмовано Ея Императорскимъ Величествомъ 1764 года, марта 12-го дня.

переду и потомства, тѣмъ большаго труда и неистощимаго великодушія требуютъ... Преодолѣть суевѣріе вѣковъ, дать народу своему новое воспитаніе и, такъ сказать, новое порожденіе, есть дѣло совокупленное съ невѣроятными трудами, а прямая оныхъ польза остается вся потомству»...

«Съ давняго уже времени имѣеть Россія Академію и разныя училища, и много употреблено иждивенія на посылку Россійскаго юношества для обученія наукамъ и художествамъ; но мало, буде не совсѣмъ ничего, существительныхъ отъ того плодовъ собрано».

«Разбирая прямыя тому причины, не можемъ мы жаловаться на Провидѣніе и малую въ Россійскомъ народѣ къ наукамъ и художествамъ способность; но можно неоспоримо доказать, что къ достиженію того не прямыя токмо пути избраны были, а чего совсѣмъ не доставало, о томъ совсѣмъ и помышляемо не было»...

«Искусство доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаеть еще добраго и прямого гражданина: но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, есть ли кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердце его не вкоренены: а небреженіемъ того, и ежедневными дурными примѣрами привыкаеть онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству и непослушанію. При такомъ недостаткѣ смѣло утвердить можно, что прямого въ наукахъ и художествахъ успѣха, и третьяго чина людей въ государствѣ ожидать, всеу себя и ласкать».

«По сему ясно, что корень всему злу и добру Воспитаніе: достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не иначе можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя».

«Держась сего неоспоримаго правила, единое токмо средство остается, то-есть: произвести сперва способомъ Воспитанія, такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей, которые бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти передали бы паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки.

Великое сіе намѣреніе исполнить, нѣтъ совѣмъ иного способа, какъ завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ по пятому и по шестому году»... Бецкой совѣтуетъ воспитывать такихъ дѣтей до 18—20 лѣтъ. «Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самыя ближнія сродники хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но не иначе какъ въ самомъ училищѣ, и то въ присутствіи ихъ начальниковъ»¹⁾).

«При сихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ первое прилагать должно стараніе, чтобъ вселять въ юношество страхъ Божій утверждать сердце въ похвальныхъ склонностяхъ, и приучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію правиламъ; возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію, и чтобъ страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія; научить пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ, и отвращенію отъ всякихъ продерзостей, обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ, и сколько въ ономъ есть полезнаго; особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ, однимъ словомъ: всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, и которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами, и служить оному украшеніемъ.

Такія и тому подобныя правила, когда посѣются въ сердцахъ воспитываемаго юношества, надѣяться можно тѣмъ лучшій плодъ, произведутъ, что согласоваться будутъ съ младостію и непорочностію ихъ возраста. Просвѣщая при томъ ихъ разумъ науками и художествами по природѣ, полу и склонности каждаго, обучаемы быть должны съ примѣчаніемъ такимъ, что, прежде нежели отрока обучать какому художеству, ремеслу или наукѣ, надлежитъ рассмотреть его склонности и охоту, и выборъ оныхъ оставить ему самому»...

«При томъ весьма еще важное примѣчаніе имѣть должно въ сихъ воспитательныхъ училищахъ, то есть: дабы для юно-

¹⁾ Ст. 7.

шества все то наблюдаемо было, что къ жизни, цѣлости здравія и крѣпости сложенія ихъ служить можетъ, какъ то: въ построенныхъ жилищахъ приводомъ чистаго воздуха, неупотребленіемъ всякаго званія мѣдной посуды¹⁾, такъ же и всякими невинными забавами и играми оное юношество увеселять, и чрезъ то мысли его приводить всегда въ ободреніе, а напротивъ того искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостью и и прискорбіемъ назваться можетъ; и сего правила изъ памяти не выпускать».

«Отъ сихъ первыхъ учрежденій зависитъ все воспитаніе, какое дано будетъ первому отъ оныхъ новой породы происхожденію. Почему собою понятно, какая потребна осторожность и благоразуміе въ выборѣ учителей и учительницъ, а особливо главныхъ надъ воспитательными училищами директоровъ и правителей. Въ послѣднихъ сихъ вся важность и затрудненіе состоитъ: имъ надобно быть всѣмъ извѣстной и доказанной честности и праводушія, а поведеніе ихъ и нравы должны быть напередъ вѣдомы и непорочны; особливо же надлежитъ имъ быть терпѣливымъ, разсмотрительнымъ, твердымъ и правосуднымъ и, однимъ словомъ, таковымъ, чтобы воспитывающаеся юношество любило ихъ и почитало, и во всемъ доброй отъ нихъ примѣръ получало»²⁾.

«Сего ради остается въ дополненіи изъяснить, что все сіе единственно зависитъ отъ особливаго учрежденія и даваемыхъ наставленій, кои надлежитъ сочинить съ великимъ размышленіемъ и осторожностью, дабы все соображено было ясно, внятно и точно, и чтобъ ничего того пропущено не было, что надлежитъ до учителей, учениковъ, до поведенія тѣхъ и другихъ, и до общаго въ сихъ училищахъ наблюдаемаго порядка. Ибо при начинаніи сего, надобно сперва за точное принять правило, или дѣлать, и дѣлать цѣлое и совершенное; или такъ оставить и не начинать»³⁾.

Въ рѣчи, читанной въ Императорской Академіи Художествъ 14 января 1769 года Бецкой проводить мысль, что воспитаніе

¹⁾ Бецкой не разъ возставалъ противъ мѣди. «Употребленіе мѣди и всего, что имя оной имѣеть, исключается безъ изыятія, дабы чрезъ то избѣжать яду (См. Краткое наставленіе С.-Пб. 1766, стран. 19).

²⁾ Ст. 10—11.

³⁾ Ст. 11.

есть даръ «первѣйшій, самый существенный и самый дражайшій» и что самое важное воспитать честнаго человѣка.

Приведемъ отрывокъ изъ нея:

«Высопочтенные Господа Члены! Извѣстно всѣмъ, что воспитаніе есть даръ первѣйшій, самый существенный и самый дражайшій, которымъ человѣкъ обогащенъ быть можетъ, чего для и мы неусыпное стараніе прилагать должны, не оставляя ничего, что служить къ приведенію сего воспитанія въ высочайшую степень совершенства, какой только достигнуть можно; но дабы соотвѣтствовать тѣмъ наиболѣе матернимъ намѣреніямъ Августѣйшей основательницы нашей, которая великодушіемъ своимъ и щедротами, повсюду изливаемыми, насаждаетъ въ юныя сердца питомцамъ истинное и непоколебимое всѣхъ благъ основаніе, словомъ, государи мои, воспитаніе, столь отмѣнное, которое возводитъ существо выше его самого, составляетъ людей въ обществѣ отличныхъ, согражданъ почтенныхъ, подданныхъ Государю вѣрныхъ и сыновъ Отечеству полезныхъ».

«Предпріятое сіе намѣреніе, прямо сказать великое, представляетъ сначала ужасный видъ въ разсужденіе попеченія и прилежности неутомимой, труда безконечнаго, встрѣчающихся препятствъ, иногда непреодолимыхъ; но все сіе исчезаетъ, коль скоро воззримъ на безчисленную пользу, отъ сего истекающую».

Коль лестно видѣть плоды добродѣтели, насажденные въ юныя сердца отъ воспитанія, основаннаго на благоразумныхъ правилахъ! коль, повторяю я, утѣшно смотрѣть на невинныхъ сихъ юношей, преисполненныхъ желанія возвышаться скоропоспѣшными успѣхами въ разныхъ опытахъ своихъ дарованій! Первенствующій же изъ оныхъ есть тотъ: быть честнымъ человѣкомъ. До сего-то драгоценнаго дара, до сего-то предмета стремиться должно, безъ чего всѣ прочія пріобрѣтенія, какого бы званія ни были, суетны и бесполезны¹⁾.

Тѣ же начала проводятся и въ «Планѣ воспитательнаго дома для приносныхъ младенцевъ». «Монархиня чрезъ сіи учрежденія, говоритъ Бецкой въ докладѣ объ учрежденіи этого дома, предпріяла самые пороки перемѣнить въ источникъ добродѣ-

¹⁾ Матеріалы для біографіи И. И. Бецкого. „Журн. Мин. Народн. Просв.“, т. LXXVII. Отд. 5. Ст. 23, 1853 г.

тели и отъ непорядочной жизни заблужденныхъ сердець счастливые и похвальные плоды произвѣсть». Цѣлью воспитательнаго дома было готовить людей, способныхъ служить отечеству дѣлами рукъ своихъ въ различныхъ искусствахъ и ремеслахъ. Тѣхъ же воспитанниковъ, которые отличались особенными дарованіями, переводили для дальнѣйшаго образованія въ университетъ или Академію Художествъ. Бецкой приводилъ ту мысль, что надобно и дѣвочекъ учить тому же, что и мальчиковъ. «За первое предводительство, оказанное намъ, какъ на свѣтъ вышли, за первую помощь, за первое пропитаніе, за первыя наставленія и за первую дружбу, которою въ жизни своей пользуемся, кому должны? Одному женскому полу. Но мы, «человѣки», столь тщеславимся превосходствомъ въ крѣпости силъ своихъ, столь горды, столь упрямы и неправосудны, что въ приобрѣтеніи наставленій, къ просвѣщенію разума потребныхъ, препятствуемъ такому полу, которому мы за все одолжены».

Въ 1766 году Бецкой издалъ «Краткое наставленіе, выбранное изъ лучшихъ авторовъ съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до юношества», здѣсь составитель съ подробностію говоритъ о многихъ вопросахъ физическаго воспитанія дѣтей отъ рожденія до 16 лѣтъ: о кормилицахъ, о одеждѣ дѣтской, о пицѣ, о чувствахъ, о снѣ, о тѣлодвиженіяхъ, о сохраненіи здоровья, о спокойствіи духа, о ученіи, о наказаніи, о чистотѣ и проч.

«Кормилицъ, совѣтуетъ онъ, выбирать, сколько возможно, здоровыхъ, добронравныхъ, безъ притворства веселыхъ, имѣющихъ десны алыя, зубы бѣлыя, чистоплотныхъ, опрятныхъ и проворныхъ; а рыжеволосыя исключаются»¹⁾.

«Первые годы младенцевъ въ разсужденіи нѣжнаго ихъ естественнаго сложенія опасны. Въ сіе время они скорой подвержены смерти, почему и жизнь ихъ можно почитать еще колеблющеюся. Того для надлежитъ имѣть надъ ними присмотръ съ немалую осторожностію. Съ великимъ попеченіемъ охранять младенцовъ отъ стужи при началѣ ихъ жизни»²⁾.

Содержать ихъ, какъ возможно, чисто: сіе весьма нужно»³⁾.

¹⁾ § 3, стран. 2.

²⁾ §§ 10 и 11, ст. 3.

³⁾ Изъ § 13.

Весьма вредно качать ихъ для того, чтобъ засыпить: сей обычай вовсе отрѣшить должно ¹⁾).

Не допускать, чтобъ всякой человекъ цѣловаль младенца)²⁾.

23) Умѣренныя слезы младенцу служатъ лѣкарствомъ и способствуютъ къ умноженію въ немъ бодрости и силы по разсужденію господина Саншеса.

Для малыхъ дѣтей, по отнятіи отъ груди до пяти-шести лѣтъ:

34) Лучшая ихъ пища должна быть хлѣбъ, разная похлебка, молочное и мало мяса; напротивъ того, твердаго, кислаго, такъ же салату, плодовъ и прочаго сему подобнаго дѣтямъ въ малыхъ лѣтахъ не употреблять.

35) Не давать имъ сахару, конфетовъ сахарныхъ и ничего, что сластями называется.

37) Горячаго питья, вина, водки и прочаго дѣтямъ отнюдь не давать.

50) Удалять ихъ отъ обхожденія съ невѣжами и злонравными людьми, и не допускать видѣть неблагоразумные ихъ поступки.

51) Обучать ихъ всему играючи и, сколько возможно, безъ принужденія.

52) Понеже забава, веселость и игра суть главныя средства къ укрѣпленію здоровья; того для не надлежитъ поступать съ дѣтьми сурово, но всему обучать ихъ, какъ сказано, безъ принужденія. Ежели жъ когда и случится дѣлать имъ выговоры, то и въ семъ случаѣ поступать безъ свирѣпства и злобы, дабы большимъ страхомъ не повредить ихъ остроты природной.

Въ возрастѣ отъ пяти до десяти лѣтъ рекомендуется:

58) Приучать помалу дѣтей въ сихъ лѣтахъ къ снесенію стужи, влаги и непостоянной погоды.

64) Умѣренный сонъ, по мнѣнію господина Локка, есть лучшее крѣпительное лѣкарство. Дѣтямъ сего возраста не должно спать, сколько имъ хочется: наипаче наблюдать, чтобы не привыкли они къ сему злоупотребленію отъ лѣности: изъ сего правила выключаются однако слабые и нездоровые.

¹⁾ § 16.

²⁾ § 18.

70) Имѣть великое попеченіе о зубахъ: содержать ихъ чисто, не давать грызть ягодныхъ косточекъ, ничего жесткаго и никакихъ сластей; сверхъ того частое употребленіе зубочистокъ вредно, а булавка всего вредительнѣе; словомъ, что колетъ десну, или портитъ зубъ, употреблять не должно.

73) Великая польза для здоровья, ежели дѣти приучены къ снесенію холода, а нѣга въ молодыхъ лѣтахъ дѣлаетъ ихъ знобкими, бываетъ причиною ихъ лѣности и ослабнѣнія, и препятствуетъ сложенію тѣла быть крѣпкимъ. Не допускать ихъ быть долго тамъ, гдѣ воздухъ не довольно перемѣняется. Отъ пренебреженія сего правила происходитъ много вреда.

76) Безъ необходимой нужды отнюдь дѣтямъ крови не пускать, ни лѣкарствъ для предосторожности не давать.

77) Отъ пяти, шести или еще моложе до осьми и десяти лѣтъ, надлежитъ дѣтямъ прививать воспу.

84) Приводитъ дѣтей къ ученію подобно, какъ въ пріятное и украшенное цвѣтами поле. Тернія въ ономъ находящіяся раздражаютъ природу, а особливо съ начала, а сіе происходитъ единственно отъ неразумія воспитателя.

85) Чтобъ дѣти съ веселіемъ исполняли свою должность, надлежитъ стараться всемѣрно вперить въ нихъ любовь къ ученію такъ, чтобъ оное награжденіемъ себѣ почитали. Сіе единое способствуетъ къ большому просвѣщенію ихъ разума.

86) Неумѣренное ученіе вредно здоровью. Не должно тревожиться, видя умы не скоро зрѣющіе, а желать надобно, чтобъ дѣти имѣли только здоровой разумъ и доброе сердце, о чемъ паче всего прилагать должно стараніе съ самаго ихъ младенчества, такъ же и о томъ, чтобъ они были и крѣпкаго сложенія.

87) Вкусъ къ ученію могутъ дѣти получить скорѣе отъ добраго примѣра и отъ обхожденія съ благоразумными людьми, нежели отъ руководства учителей, развратно живущихъ. Часто случается, что дѣти сверхъ чаянія сами собою пріобрѣтаютъ знанія только отъ того, что видятъ и слышатъ, и что сами то дѣлаютъ, о чемъ размышляютъ и у другихъ спрашиваютъ.

88) Не должно бить дѣтей почти никогда, а паче не слѣдовать въ жестокихъ наказаніяхъ безразсуднымъ и свирѣпымъ школьнымъ учителямъ: не упоминая, что отъ сего приходятъ

дѣти въ посрамленіе и уныніе, вселяются въ нихъ подлость и мысли рабскія, приучаются онѣ лгать, а иногда и къ большимъ обращаются порокамъ. Всякіе побои кромѣ того, что чувствительны по всѣмъ физическимъ правиламъ, безъ сомнѣнія вредны здоровью.

89) Лучшій и надежнѣйшій способъ наказанья, лишать ихъ того, что имъ всего пріятнѣе.

119) Воспитателямъ должно великую имѣть осторожность въ столь важномъ дѣлѣ, каково есть чистоты наблюденіе. Всѣмъ извѣстно, сколь необходимо нужно приучать дѣтей къ оной во всемъ, что около ихъ, и что предъ очами у нихъ бываетъ. Наблюдать сіе должно отъ самыхъ пеленъ, и не забывать сего правила, въ какихъ бы ни были дѣти лѣтахъ, случаяхъ, или обстоятельствахъ; ибо и здоровье ихъ отъ того зависитъ. Благопристойность, учтивство и честь столь неразрывно сопряжены съ сею добродѣтелью (если можно такъ ее назвать), что отъ недостатка чистоты воспитаніе не можетъ быть въ совершенствѣ. Попечители, Правители, Надзиратели или Надзирательницы домовъ, гдѣ воспитываются дѣти, должны употреблять великую строгость и прилѣжаніе въ смотреніи за чистотою вездѣ и во всемъ, какъ въ домахъ имъ повѣренныхъ за дѣтьми, такъ и между собою другъ за другомъ потому, что имъ первымъ надлежитъ примѣры благопристойности показывать собою».

Бани Бецкой весьма рекомендуетъ, считая ихъ для сохраненія и утвержденія здоровья «преполезнымъ лѣкарствомъ».

На устройство училищъ и воспитаніе дѣтей Бецкой употребилъ всѣ свои силы и жертвовалъ своимъ состояніемъ, такъ, что въ обществѣ его и называли «Бецкій воспитатель дѣтскій». «Мы зовемъ его дѣтскимъ магазиномъ», писала о немъ Екатерина II г-жѣ Жоффренъ.

Однако Бецкой многое заимствовалъ изъ Западной Европы. Это подражаніе, а также и пристрастіе Бецкого къ иностранному, не нравилось нѣкоторымъ русскимъ людямъ. Въ запискахъ Порошина приведено грубое замѣчаніе Сумарокова, который называлъ Бецкого и Тауберта дураками за то, что они русскихъ дѣтей учатъ на иностранныхъ языкахъ. Въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ Порошинъ говоритъ: «Никита Ивановичъ (Панинъ) ѣздилъ сего вечера въ воспитательное училище при Академіи

Художествъ: тамъ былъ экзаменъ, или какія-то игрушки мнимаго російскаго Кольберта».

Итоги. Такимъ образомъ мы видимъ, что Бецкой въ своихъ различныхъ планахъ воспитанія проводилъ слѣдующее:

1. Корень всему добру и злу воспитаніе, которое поэтому надо сдѣлать основательнымъ.

2. Во всѣхъ училищахъ надо возбуждать охоту и любовь къ труду и чтобы учащіеся страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія.

3. Прежде чѣмъ обучать какому-либо искусству, ремеслу или наукѣ слѣдуетъ изучить склонность питаемую и выборъ занятія предоставить ему самому.

4. Воспитывать надо съ самыхъ первыхъ лѣтъ, посему съ большой осторожностью надо выбирать воспитательницъ, а затѣмъ учителей и учительницъ.

5. Съ раннихъ лѣтъ надо обращать вниманіе и заботиться о физическомъ воспитаніи и для этого принимать рядъ мѣръ, необходимыхъ для сохраненія здоровья и силъ воспитанниковъ.

6. Для успѣха воспитанія, надо подготовить знающихъ матерей и воспитательницъ, значить настойчиво необходимо образованіе женщинъ.

7. Воспитатель Бецкой хотѣлъ произвести людей, способныхъ служить дѣлами рукъ своихъ, въ различныхъ искусствахъ и ремеслахъ, другими словами приготовить гражданъ, полезныхъ государству.

Источники и пособія:

Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества, конфирмованное Ея Императорскимъ Величествомъ 1764 года марта 12 дня. С.-Пб. 1766 г., ст. 13. Краткое Наставленіе, выбранное изъ лучшихъ авторовъ съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до юношества. С.-Пб. 1766 г., ст. 49. В. Я. Стоюнинъ. Педагогическія сочиненія. С.-Пб. 1892 г. (данныя для біографіи И. И. Бецкого). П. М. Майковъ. Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи, стран. 474+278. С.-Пб. 1904

ГЛАВА XXI.

Шляхетный сухопутный кадетскій корпусъ и другія военныя учебныя заведенія XVIII в.

Шляхетный кадетскій корпусъ. Мысль объ учрежденіи въ Россіи кадетскаго корпуса принадлежитъ одному изъ сподвижниковъ Петра I графу П. И. Ягужинскому, а осуществленіе графу Миниху, по докладу котораго о необходимости учредить заведеніе, которое бы доставляло арміи свѣдущихъ офицеровъ, Императрица Анна указомъ 29 іюля 1731 г., повелѣла основать таковое, подъ названіемъ кадетскаго корпуса, для 150 дворянъ русскихъ и 50 эстляндскихъ и лифляндскихъ. Въ томъ же году 18 ноября состоялся Регламентъ корпуса, по которому кадеты были раздѣлены на двѣ роты, въ каждой по 100 человекъ. Всѣхъ кадетъ въ корпусѣ положено обучать математикѣ, рисованію, артиллеріи, фортификаціи, фехтованію, верховой ѣздѣ и «прочимъ къ воинскому искусству потребнымъ наукамъ» «А понеже, далѣе говорится въ указѣ, — не каждаго человека природа къ одному воинскому склонна, тако-жь и въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе: того ради имѣть при этомъ учителей чужестранныхъ языковъ, исторіи, географіи, юриспруденціи, танцованія, музыки и прочихъ полезныхъ наукъ, дабы, видя природную склонность, по тому-бъ и къ ученію опредѣлять».

Главное начальство надъ корпусомъ было поручено графу Миниху, а директоромъ онаго назначенъ баронъ фонъ-Люберасъ. Для помѣщенія кадетъ Императрица назначила въ С.-Петербургѣ, на Преображенскомъ (нынѣ Васильевскомъ) островѣ, большой каменный домъ, съ садомъ и службами, принадлежавшій нѣкогда Меньшикову.

17-го февраля 1732 г. послѣдовало открытіе корпуса и принято 56 кадетъ. Кадеты жили по шести и семи человекъ въ одной комнатѣ и имѣли позволеніе держать при себѣ, сверхъ казенной прислуги, своихъ крѣпостныхъ или наемныхъ слугъ. Для учебныхъ пособій кадетъ учреждена была Люберасомъ небольшая библіотека, предпочтительно изъ латинскихъ книгъ,

для практическаго ученія артиллеріи присланы были въ корпусъ двѣ пушки, для верховой ѣзды былъ устроенъ большой рейтбанъ. Императрица Анна до самой кончины своей удостоивала вниманіемъ корпусъ и при ея жизни корпусъ далъ государству 357 офицеровъ.

Со вступленіемъ на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны главное начальствованіе надъ корпусомъ поручено было принцу Людвигу Гессенъ-Гомбургскому и корпусъ началъ именоваться Сухопутнымъ кадетскимъ.

При князѣ В. Н. Рѣпинѣ, замѣнившемъ принца Гессенъ-Гомбургскаго съ августа 1745 года, было постановлено, что тѣ изъ кадетъ, кои обучались по склонности юриспруденціи, были освобождаемы отъ занятій другими науками и экзерциціею, и назначались прямо въ гражданскую службу. Въ 1750 году главное начальство надъ корпусомъ было поручено князю Юсупову. Онъ внимательно относился къ ввѣренному ему учебному заведенію, улучшилъ содержаніе кадетъ, ввелъ лучшій порядокъ въ преподаваніи наукъ. При немъ въ 1756 году выпущенные 68 кадетъ отправлены въ Главную Межевую канцелярію для черченія картъ и межеванія земель. Во время же начальствованія Юсупова кадетъ Сумароковъ, прельщенный красотою первоклассныхъ французскихъ трагиковъ, рѣшился писать русскія трагедіи, и первыми опытами восхитилъ своихъ слушателей. Товарищи Сумарокова, находя удовольствіе въ чтеніи его произведеній, занялись въ свободное время декламаціей его стиховъ, а потомъ и представленіемъ комедій. Это занятіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ было любимѣйшимъ для многихъ кадетъ. Сумароковъ удостоился дать представленіе при дворѣ и обратилъ на себя вниманіе Императрицы. Примѣръ Сумарокова нашелъ послѣдователей между кадетами; извѣстные русскіе трагики: Херасковъ, Озеровъ и Крюковской были воспитанники корпуса. Вскорѣ Императрица повелѣла учредить Россійскій театръ и директоромъ его назначила Сумарокова.

Въ 1759 г. Сухопутный кадетскій корпусъ былъ подчиненъ великому князю и наслѣднику Петру Ѳеодоровичу, который часто посѣщалъ корпусъ и выказывалъ о немъ свои заботы.

Вниманіе наслѣдника къ кадетскому корпусу не прекратилось и по восшествіи на престолъ, но не имѣя уже возмож-

ности удѣлять ему много времени, Петръ III назначилъ 14 марта 1762 г. главнымъ директоромъ корпуса П. И. Шувалова.

Въ 1765 году, 7-го марта корпусъ поступилъ въ непосредственное вѣдѣніе самой императрицы Екатерины II; управлять же онымъ повелѣно И. И. Бецкому и Философову. Поступленіе корпуса въ непосредственное вѣдѣніе Императрицы было предвѣстникомъ тѣхъ большихъ милостей и того вниманія, которыми она удостоивала корпусъ до самой своей смерти.

Бецкой съ 10 мая 1766 года уже одинъ управляющій корпусомъ, занялся по Высочайшей волѣ сочиненіемъ для него устава и штатовъ, до окончанія и утвержденія которыхъ Императрица повелѣла учредить при корпусѣ Правленіе. 11-го сентября 1766 г. былъ наконецъ утвержденъ Уставъ. Въ силу сего устава корпусъ, наименованный Императорскимъ Сухопутнымъ Шляхетнымъ корпусомъ, былъ порученъ управленію Совѣта, члены котораго назначались самою Императрицею, и генераль-директору.

Въ новомъ уставѣ Бецкой проводилъ тѣ же идеи, какихъ онъ держался и во всѣхъ, ему подчиненныхъ училищахъ, и состоявшихъ въ томъ, чтобы съ младенческихъ лѣтъ отдѣлить дѣтей отъ грубой среды ихъ семействъ и дать имъ правильное, по его взгляду, воспитаніе, безъ участія родителей.

По плану Бецкого, корпусъ предполагалось раздѣлить на пять возрастовъ, и принимать въ него дѣтей не старѣе шести лѣтъ отъ роду. Въ эти лѣта ребенокъ поступалъ въ первый возрастъ, и чрезъ каждые три года переходилъ въ слѣдующій возрастъ, такъ что каждый ученикъ долженъ былъ пробыть въ корпусѣ пятнадцать лѣтъ. Кадеты перваго возраста подчинены были женскому надзору, а въ четырехъ остальныхъ — воспитателямъ изъ военныхъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ¹⁾.

«Несмотря на всю пользу, принесенную войскамъ учрежденіемъ Шляхетнаго корпуса, говоритъ графъ, Д. А. Толстой²⁾, самая его организація не была правильна. Она грѣшила въ главныхъ своихъ основахъ тѣмъ, что съ самаго начала преслѣдовала

¹⁾ См. А. Висковатовъ. Краткая исторія перваго кадетскаго корпуса. Спб. 1832 года.

²⁾ Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г., ст. 30.

двѣ цѣли: готовить не только военныхъ офицеровъ, но и гражданскихъ чиновниковъ; эта педагогическая ошибка отразилась неблагоприятно на всемъ строѣ этого учебнаго заведенія». Отсюда и многопредметность. Многопредметность была такова, что ученики одолѣть ее не могли, и потому освобождались отъ изученія многихъ наукъ, даже самыхъ необходимыхъ.

Съ Сумароковымъ корпусъ сдѣлался колыбелью русскаго театра; сценическія представленія занимали много кадетъ, отвлекая ихъ отъ изученія наукъ. «Однимъ словомъ, нельзя было устроить болѣе энциклопедическаго учебнаго заведенія, какимъ со временемъ сталъ Шляхетный кадетскій корпусъ. Не военныхъ только людей готовить онъ, но гражданскихъ чиновниковъ, и педагоговъ, и артистовъ, даже актеровъ. Воспитанниковъ его встрѣчали на всѣхъ поприщахъ, во всѣхъ отрасляхъ гражданской жизни». «Понадобились ли межевщики, и въ 1746 г. 38 кадетъ отправлены были для межеванія земель въ Ингерманландію, а въ 1756 г. 68 выпущенныхъ изъ корпуса кадетъ помѣщены въ межевую канцелярію, для черченія картъ и межеванія земель. Нужны ли были дипломатическіе чиновники, и кадеты, по выпускѣ, опредѣлялись въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, для изученія языковъ, не только тѣхъ европейскихъ, которыхъ не преподавали въ корпусѣ, но и восточныхъ. Гражданская служба всѣхъ вѣдомствъ должна была въ немъ же искать своего контингента, и тѣ изъ кадетовъ, которые къ ней готовились, освобождены были отъ занятія другими науками и отъ фронта».

При И. И. Бецкомъ, который былъ только военнымъ по имени, Шляхетный кадетскій корпусъ сдѣлался еще болѣе энциклопедическимъ. Гр. Д. А. Толстой относится неодобрительно къ этому.

Но намъ кажется, что его мнѣніе надо ограничить. Въ настоящее время, при широкомъ развитіи спеціализаціи знаній, возможны и строго спеціальныя учебныя заведенія; но въ то время когда учебныхъ заведеній было мало и когда была крайняя нужда въ образованныхъ людяхъ, чтобы «во всякія потребности выходили люди», такія заведенія, какъ Шляхетный кадетскій корпусъ и Харьковскій коллегіумъ, наиболѣе удовлетворяли назрѣвшимъ потребностямъ и могли встрѣтить сочувствіе обще-

ства только при условіи «энциклопедичности образованія», что они и дѣлали, хотя можетъ быть, и вдавались въ крайность.

По уставу Бецкого, при вступленіи кадета въ 4-й возрастъ, ему предоставлялось избирать воинскую или статскую службу, но не иначе какъ по уважительнымъ причинамъ: по склонности, состоянію здоровья и т. п. Воспитанникамъ двухъ старшихъ возрастовъ дозволялось въ большіе праздники и церемоніальные дни являться по нѣскольку человекъ ко дворцу, въ сопровожденіи директора корпуса, офицеровъ или профессоровъ.

Кадеты, окончившіе курсъ воспитанія, поступали на службу, смотря по ихъ поведенію и успѣхамъ въ наукахъ, прапорщиками, подпоручиками и поручиками. Экзаменъ производился въ присутствіи генераль-директора и одного изъ членовъ совѣта. Лучшіе изъ окончившихъ курсъ награждались медалями.

Въ 1767 году 20 января послѣдовалъ и штатъ корпуса, увеличившій сумму на годовое его содержаніе до 165 тыс. рублей. Императрица Екатерина II любила свой Шляхетный корпусъ, часто посѣщала его и называла его «разсадникомъ великихъ людей Россіи». Въ царствованіе ея въ Шляхетномъ корпусѣ получили воспитаніе болѣе 4000 кадетъ, изъ которыхъ болѣе 3000 окончило курсъ.

Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ «Устава Шляхетнаго кадетскаго корпуса» и изъ «Разсужденій» Бецкого. «Генераль Директоръ долженствуетъ быть человекъ искусный какъ въ воинскихъ дѣлахъ, такъ и въ правилахъ къ гражданскому житію принадлежащихъ. Понеже все непосредственно отъ него зависитъ¹⁾... Во всѣхъ дѣлахъ надлежитъ ему быть разсмотрительну, во мнѣніяхъ безпристрастну, въ рѣшеніи не медлительну, но прежде онаго всякое дѣло разобрать и уважить, а сколь скоро дать повелѣніе, должно исполнено быть съ точностію²⁾).

Поведеніе его и нравы долженствуютъ служить образцомъ всему обществу Корпуса. Какъ главное намѣреніе сего учрежденія въ томъ состоитъ, дабы благородному юношеству доставить наилучшее воспитаніе; долженъ онъ первый къ тому путь

¹⁾ Уставъ. Глава вторая, § 1, стран. 18.

²⁾ ib., § 2, стран. 19.

показать кротостію и благопристойностію, наблюдая оную въ дѣлѣхъ и словахъ¹⁾.

О должности цензора говорится:

«Онъ внушаетъ добродѣтель благородному юношеству, смотритъ со вниманіемъ, какъ воспитываютъ, какъ обучаютъ питомцевъ, какъ себя ведутъ приставники, учителя и всѣ чины къ сему обществу принадлежащія²⁾. Ему всегда имѣть сношеніе, и разсуждать съ опредѣленными къ воспитанію благородныхъ, какъ бы въ нѣжныя ихъ сердца вложить сѣмена истинной добродѣтели, приучить къ благопристойному поведенію и учтивству, словомъ, вселить въ нихъ такія мысли, кои съ правдоушіемъ и человѣколюбіемъ совершенно сходствуютъ, дабы заблаговременно предохранить ихъ отъ примѣровъ къ злонравію влекущихъ³⁾.

«Съ кротостію, учтивствомъ и любовью надлежитъ ему поступать со всѣми, а особливо съ питомцами, стараться приводить и прочихъ къ таковымъ же поступкамъ, дабы всѣ единодушно содѣйствовали самому лучшему воспитанію».

«Благоразуміе долженствуетъ ему во всемъ руководствовать: веселой видъ средствомъ будетъ къ доброму воспитанію, а лишняя важность вредъ причинить⁴⁾.

«Для пользы воспитываемыхъ наблюдать, чтобъ прилежаніе къ наукамъ было умѣренное, воспитатели и всѣ приставники поступали бы согласно съ генеральнымъ нашимъ о воспитаніи Учрежденіемъ и съ физическими примѣчаніями, сочиненными нарочно въ пользу юношеству, въ чемъ вся состоитъ важность⁵⁾.

Въ росписаніи наукъ для пяти возрастовъ воинскаго и гражданскаго званія, указаны:

1. Руководствующія къ познанію прочихъ наукъ: логика, начальныя основанія математики, краснорѣчіе, физика общая и особенная, исторія священная и свѣтская, географія и хронологія, языки употребительные и для наукъ потребные, математика, механика.

¹⁾ § 3, стран. 19.

²⁾ § 1, стран. 21.

³⁾ § 2, стран. 22.

⁴⁾ § 4, стран. 23.

⁵⁾ § 6, стран. 23.

2. Предпочтительно нужны гражданскому званію: 1) нравоученіе, 2) естественное, 3) всенародное, и 4) государственныя права, 5) экономія государственная.

3. Полезныя: генеральная и экспериментальная физика, астрономія, географія вообще, наутика или свѣдѣніе о морскомъ искусствѣ, натуральная исторія, воинское искусство, фортификація и артиллерія, химія.

4. Художества: рисованіе, живопись, гравированіе, изваяніе, дѣланіе статуй, архитектура, музыка, танцованіе, фехтованіе.

Подробнѣ свои взгляды высказалъ Бецкой въ «Разсужденіяхъ, служащихъ руководствомъ къ новому установленію Шляхетнаго кадетскаго корпуса, сколько принадлежитъ до воинской части».

«Крѣпкая Государству подпора и тишины его огражденіе суть солдаты, но армія безъ дисциплины есть тѣло безъ души; а дабы жизненный духъ всегда дѣйствовалъ въ воинствѣ, необходимо надобно учредить училище для наученія повиноваться, то-есть, не прекословить и не пересуждать никогда повелѣній или намѣреній своихъ начальниковъ. Издавна принятое правило останется навсегда неоспоримымъ: *кто умѣетъ повиноваться, тотъ умѣетъ повѣлывать*»¹⁾.

«Всякому понятно, сколь нужно и полезно сіе училище для здѣшной Имперіи. Для того къ приведенію онаго въ надлежащее совершенство ничего пренебрегать не должно.

Все зависитъ отъ избранія Главнаго и подъ нимъ начальствующихъ, также офицеровъ и учителей, ибо извѣстно, что отъ самой юности нашей имѣемъ мы врожденное въ насъ свойство подражанія²⁾. Если бы оное воспитатели наши съ разсужденіемъ наблюдали, то жизнь наша была бы благополучнѣе проводяемой нами обыкновенно. Есть ли начальники, офицеры и учителя съ благоразсужденіемъ поступать, и питомцевъ своихъ наставлять будутъ съ любовію и ласкою; если учить ихъ стануть больше разговорами и разсужденіями, нежели заставлятъ непрерывно сидѣть надъ урокомъ въ принужденномъ и здоровью

¹⁾ Курсивъ подлинника, стран. 2.

²⁾ Дитя есть самый искусной копистъ всѣхъ нашихъ, а паче худыхъ поступковъ. Безъ науки, прилѣжанія и разсудка перенимаетъ и точно повторяетъ все, что видитъ и слышитъ наипаче отъ тѣхъ, кого любить и почитать, и кого чаще видитъ.

ихъ вредительномъ наклоненіи, то юношество великіе окажетъ во всемъ томъ успѣхи, чего только отъ возраста его требовать можно»¹⁾).

Говоря о необходимости хорошихъ начальниковъ и учителей, «Разсужденія» добавляють: «По сему видно, что отъ недостатка въ способныхъ людяхъ все зло происходитъ и подобныя сему училища обыкновенно отъ того только происходятъ въ упадокъ, что недостаетъ искусныхъ управителей и учителей. Все ученіе тогда не токмо никакой не производитъ пользы, но паче ко вреду бываетъ»²⁾).

Главное намѣреніе, съ которымъ упоминаемое здѣсь училище заводить должно, состоитъ въ томъ, чтобъ воспитаніе дворянства основаніемъ было прочимъ его достоинствамъ, чтобъ оно привыкло повиноваться и повелѣвать, а притомъ бы обучалось правиламъ воинскаго искусства и гражданскаго правленія больше отъ употребленія, нежели отъ непрерывнаго упражненія подобнаго школьному ученію.

Монтанъ пишетъ, что истинному для юношества наставленію должно входить ушми подобно, какъ бы въ него вливалось; но потеряны будутъ и труды и время, есть ли непрестанно читать и наизусть учить стануть.

Академія Наукъ и Московскій университетъ весьма различуютъ въ своихъ основаніяхъ отъ того намѣренія, съ какимъ шляхетное сіе училище учреждается. Тамъ ученикамъ должно того достигать, чтобъ они другихъ обучать могли; но кадетамъ напротиву того довольно знать, какимъ образомъ тѣми науками пользоваться, кои наставляютъ и въ воинскихъ дѣлахъ и въ гражданскихъ должностяхъ»³⁾).

«Когда кадеты выйдутъ изъ корпуса, навывкнувъ повиноваться, зная, всѣ подробности и всѣ пространство воинскаго званія, зная, какъ повелѣвать и сохранять ввѣряемую имъ какъ конную, такъ и пѣхотную команду, зная, какъ написать письмо, реляцію и прошеніе на своемъ собственномъ и на иностранномъ языкѣ, зная не токмо общія должности согражданина, но и законы своего отечества, зная, какъ себя вести по пристойности

¹⁾ Стран. 3—4.

²⁾ Стран. 6.

³⁾ Ст. 7.

съ своими начальниками и съ другими людьми, зная твердо географію, политику, мораль, ариѳметику и другія математическія науки: когда получаютъ свѣденіе объ исторіи и охоту къ чтенію книгъ о дѣлахъ славныхъ военныхъ людей, какъ вести приходъ и расходъ для ввѣряемаго полку или корпуса... можно уже такое воспитаніе почесть достаточнымъ, не требуя совершенства въ ихъ знаніяхъ. Симъ образомъ показанъ будетъ каждому свободный путь распространять науки, углубляться въ оныя и исполнять полезныя о насъ намѣренія Ея Императорскаго Величества. Дабы такое дать юношеству воспитаніе надобно, чтобъ дядьки и учителя не токмо въ наукахъ были искусны, но и юношеству бы во всемъ примѣромъ служить могутъ. Подобныя качества рѣдко въ одномъ человѣкѣ случаются, выключая нѣкоторыхъ достигшихъ до совершенныхъ лѣтъ²⁾».

«Есть ли при семъ корпусѣ или воинскомъ училищѣ найдутся подобные учителя, то объ успѣхѣхъ и о благосостояніи онаго сумнѣваться не можно; буде же *по несчастію* такихъ людей не достанетъ, *тщетны будутъ всѣ предписанія и всѣ старанія о произведеіни благонравія и успѣховъ*. Безъ таковыхъ учителей совершенныхъ офицеровъ никогда произвести не можно²⁾».

«Генераломъ Директоромъ должно быть человѣку въ воинскихъ трудахъ состарѣвшемуся, радѣтельному и трудолюбиву, а при томъ челоѣколюбиву, кротку, ласкову и обходительну, но въ важныхъ воинскихъ упражненіяхъ видъ строгости имѣющему (ст. 13).

«Штабъ-офицерамъ быть людямъ имѣющимъ великія достоинства, въ разсужденіи наукъ и нравственныхъ качествъ (ст. 14).

«Надобно вселять въ питомцовъ любовь къ отечеству, а не къ лишнимъ нарядамъ, твердое и непремѣнное желаніе всего, что отечеству полезно быть можетъ (ст. 19).

Въ главѣ (VI) о наукахъ и наставленіяхъ говорится: «Наставленія такъ же, какъ и воспитанія на такой конецъ производить, чтобъ²⁾ здѣлать челоѣка здоровымъ, и способнымъ сносить воинскіе труды, суровость и перемѣну времени, стужу и прочее

¹⁾ Ст. 8—9.

²⁾ Ст. 10.

безъ возчувствованія 2) украсить сердце и разумъ дѣлами и науками потребными гражданскому судьѣ и воину какъ въ мирное, такъ и въ военное время (ст. 22).

Въ главѣ (VII) «о награжденіяхъ» сказано: «Въ семь корпусѣ воспитателямъ старанія и о томъ прилагать должно, какъ питомцовъ своихъ поощрять къ доброму. Похвала, отличіе, отмѣнное уваженіе или предпочтеніе могутъ всегда побуждать юношество къ хорошему поведенію и къ снисканію себѣ преимущества; только бы сіи похвалы такъ производимы были, чтобъ не возбуждали въ другихъ зависти, междуусобной ненависти, и чтобъ наконецъ не были плодомъ сихъ отличностей».

На наказанія проводится новый взглядъ. Въ главѣ VIII сказано: «Въ кадетскомъ корпусѣ должно сочинить особый Уставъ о наказаніяхъ согласно со мнѣніями господина Монтескю (о прямомъ разумѣ законовъ въ 6 книгѣ, въ 12 главѣ изображенными). Не надобно, говорить онъ, для управленія людьми употреблять жестокихъ средствъ, но должно тѣ способы прилагать къ ихъ руководству, кои природа намъ доставила... Послушаемся только законовъ природы; она дала человѣку стыдъ для терзанія его. Послѣдуемъ ей, и здѣлаемъ, чтобъ безчѣстное стыду подверженіе было главнымъ наказаніемъ.

Страшными наказаніями произвестъ добродѣтели не возможно. Она дочь кротости, любви и почитанія къ родителямъ, наставникамъ и къ знаемымъ. Китайскіе писатели примѣтили, что, когда наказанія становились частыми и чрезвычайными, худые поступки умножались. Изъ сего безъ сумнѣнія заключить можно, что есть ли нравы повреждены, наказанія никогда не будутъ полезны, и дѣйствительнымъ къ тому не послужатъ лѣкарствомъ¹⁾.

Не должно никогда кадета бить шпагою или фухтелемъ. Сіе толь вредительное злоупотребленіе происходило прежде. Должно на всегда изтребить оное изъ сего толь знаменитаго училища.

Благородную душу должно воздерживать опасеніемъ пренебреженія или безчестія, а не страхомъ тѣлеснаго и вредительнаго наказанія, напримѣръ, не носить нѣсколько дней мундира, быть

¹⁾ Ст. 31.

отлучену отъ своихъ товарищей во время пищи, ѣсть предъ глазами ихъ только хлѣбъ и воду, или и совсѣмъ не обѣдать, пробывать нѣсколько времени подъ карауломъ, въ классахъ стоя на колѣняхъ учиться. Сіи и подобныя средства конечно достаточны будутъ ко усмиренію юности¹⁾.

«Лишнимъ, кажется для кадетскаго корпуса дѣломъ обучаться латинскому языку, логикѣ, метафизикѣ и прочему. Господинъ Гюммъ въ политическихъ своихъ разсужденіяхъ говоритъ такъ :

«Наибольшій порокъ нынѣшняго воспитанія состоитъ въ томъ, что много употребляется времени на сіи науки, для которыхъ учителя заставляютъ насъ тратить лучшую часть жизни, и препятствуютъ учиться нужнѣйшимъ и обыкновеннымъ познаніямъ²⁾.

«Разсужденія» указываютъ на необходимость изучать науки на русскомъ языкѣ, а не на иностранныхъ.

«Весьма важное примѣчаніе присовокупить остается, а именно, что есть ли кадеты географіи, исторіи и другимъ наукамъ не на своемъ природномъ языкѣ обучаться стануть, то изъ того польза будетъ не велика³⁾.

Въ заключеніе говорится: «Довольно, кажется, изъяснено и доказано, что воспитанію въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ должно быть практическому паче нежели теоретическому: учиться юношеству больше отъ смотренія и слышанія, нежели отъ тверженія уроковъ; что порядокъ шляхетнаго сего училища надобно быть вовсе отличнымъ отъ наблюдаемаго въ школахъ, академіяхъ и университетахъ обыкновенія; что, елико можно, надлежитъ избѣгать всѣхъ излишнихъ праздностей, нарядовъ и всего того, что жизнь изнѣжить и въ ослабленіе привести можетъ, и не слѣдовать въ томъ примѣру большей части молодыхъ людей другихъ государствъ. Сего ради нѣсколько строго въ томъ настою, что завиваніе, пудры, помады, и всѣ не къ стати уборы излишни; что пища долженствуетъ быть простая, но здоровая и достаточная; что надлежитъ больше тѣло пріучать къ трудамъ, нежели принуждать разумъ къ размышленіямъ и

¹⁾ Ст. 33.

²⁾ Ст. 53.

³⁾ Ст. 63.

соображеніямъ; чтобъ блестящая поверхность не была предпочитаема простымъ и правдолюбивымъ нравамъ; но преимущество бы давано было трудамъ, постоянству и доброй вѣрѣ. Тѣмъ въ ненависть приведены будутъ праздность, лицемеріе и ласкательство пріятный токмо видъ имѣющія и часто нынѣ прямому достоинству предпочитаемыя. Происходящее отъ сихъ наружностей зло есть тѣмъ большее, что не токмо многія не нужныя и обходимыя вещи дѣлаются черезъ то нужными и необходимыми, но и украшающіеся сими притворствами люди, довольствуясь быть учтивы и ласковы, не имѣютъ уже въ прочемъ ни истиннаго усердія къ отечеству, ни способности къ полезнымъ дѣламъ, а только самихъ себя любятъ¹⁾.

Такова была теорія. Перечитывая Уставъ и Разсужденія къ нему, мы видимъ что на нихъ сильно отразились взгляды западно-европейскихъ педагоговъ: Руссо, Монтэня, Вегеція и др., увлеченія которыхъ сдѣлались и увлеченіями самого Бецкого. Этого Бецкой и не скрываетъ, за исключеніемъ Руссо, имени котораго онъ ни разу не упоминаетъ. Впрочемъ, для исторіи это только излишняя предосторожность. Современный читатель безъ труда прочтетъ между строкъ, чьему вліянію слѣдуетъ приписать преимущество воспитанія практическаго предъ теоретическимъ, или кто это совѣтуетъ приводить дѣтей къ ученію «подобно какъ въ пріятное и украшенное цвѣтами поле».

Исторія не даетъ намъ точныхъ указаній, какъ примѣнялся новый уставъ Шляхетнаго корпуса и какіе результаты онъ далъ. Извѣстно, что корпуса Артиллерійскій и Инженерный вскорѣ же были реформированы. Императрица Екатерина II перестроила ихъ по образцу народныхъ училищъ.

21 іюня 1784 г. Высочайшимъ указомъ на имя предсѣдателя комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ Завадовскаго предписывается сочинить «учебной части сухопутнаго кадетскаго корпуса надлежащій планъ». Надо думать, что комиссія работала надъ планомъ усиленно, такъ какъ 25 августа, того же года планъ этотъ былъ уже готовъ.

Планъ этотъ, впрочемъ, утвержденъ не былъ и для насъ онъ имѣетъ значеніе исторической справки, какъ шло дѣйстви-

тельно учебное дѣло въ корпусѣ. «Сличая и разсматривая, говорить въ своемъ рапортѣ Завадовскій, полученное изъ корпуса извѣстіе о нынѣшнемъ наукъ въ ономъ состояніи и печатнымъ онаго уставомъ, нашла комиссія, что настоящее онаго исполненіе отстоитъ далеко отъ изображеннаго въ ономъ предписанія, почему принявъ упомянутый уставъ за основаніе, сочинила по оному и объясненіямъ генераль-порутчика графа Дебальмена учебный свой планъ, который при семъ на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества утвержденіе всеподданнѣйше и представляетъ».

Этотъ планъ уже носить болѣе практической характеръ, чѣмъ планъ Бецкова. «Комиссія, говорить рапортъ, предупредѣляя болѣе всего времени на науки математическія, какъ для состоянія военнаго паче всего нужны, расположила гражданскія, уставомъ корпусу предписанныя, но до нынѣ неизвѣстно почему изъ классовъ онаго исключенныя, въ такомъ соразмѣреніи, сколько знать объ нихъ нужно человѣку военному; разсуждая, что преподавать ихъ въ такомъ же пространствѣ, какъ и военныя, было бы дѣлать изъ корпуса другое училище, или заводить при немъ совсѣмъ особенное».

Назначеніе директоромъ корпуса гр. Э. Е. Ангальта въ ноябрѣ 1787 года составляетъ эпоху въ исторіи кадетскаго корпуса. Сохраняя за корпусомъ прежнюю его внутреннюю организацію по уставу 1766 года, графъ Ангальтъ обратилъ преимущественное вниманіе на нравственное воспитаніе кадетъ, въ жизни которыхъ онъ лично принималъ самое близкое участіе; его же просвѣщенной заботливости корпусъ обязанъ многими воспитательными пособіями, а также значительнымъ обогащеніемъ своей библіотеки и другихъ коллекцій учебныхъ предметовъ. «Знаменитый вельможа сей, говорить г. Висковатовъ, совершенно посвятилъ себя воспитанію кадетъ, обходился съ ними какъ отецъ попечительный; наставлялъ ихъ какъ мудрецъ опытный, и умѣлъ дѣйствовать на всѣ ихъ чувства». Корпусъ лишился этого прекраснаго начальника 24 мая 1794 г., за его смертію.

Скажемъ нѣсколько словъ о другихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Еще въ 1735 году принцъ Гессенъ-Гомбургскій учредилъ въ С.-Петербургѣ для 30 дворянскихъ и офицерскихъ дѣтей

чертежную артиллерійскую школу, здѣсь обучали преимущественно математическимъ наукамъ и артиллерійскому искусству, а затѣмъ выпускали учениковъ на службу унтеръ-офицерами въ артиллерію.

Въ 1756 г. главнымъ начальникомъ надъ Инженернымъ Корпусомъ былъ назначенъ графъ П. И. Шуваловъ, первую заботою котораго было возможное улучшеніе, а затѣмъ и совершенное преобразование Инженерной и Артиллерійской школъ. Петръ Ивановичъ Шуваловъ, по выраженію современниковъ, былъ «человѣкъ замысловъ великихъ и предприимчивый». Онъ, найдя наши спеціальныя войска «въ сожалительномъ состояніи», прямо заявилъ, что для приведенія ихъ въ надлежащее положеніе необходимо прежде всего озаботиться «о самомъ основаніи, котораго нѣтъ, а отъ того уже ожидать совершеннаго плода, приготовляя достойныхъ артиллеристовъ и инженеровъ». Руководясь такимъ вѣрнымъ взглядомъ на дѣло, графъ Шуваловъ перевелъ въ 1758 году Петербургскую Артиллерійскую школу на Инженерный дворъ, гдѣ находилась школа Инженерная и соединилъ оба заведенія въ одно подъ своимъ личнымъ управленіемъ.

Во внутреннемъ устройствѣ Артиллерійской и Инженерной школы произведены были существенныя улучшенія: усилены практическія учебныя занятія, введено преподаваніе нѣмецкаго языка, положено начало библиотекъ и музею, устроены типографія и лазаретъ, заведены дневные приказы и періодическіе отчеты объ успѣхахъ cadaго изъ воспитанниковъ и вообще улучшено ихъ содержаніе. Особенное вниманіе графа Шувалова обращено было на улучшеніе способовъ преподаванія въ школѣ наукъ военныхъ и математики, которая, по его выраженію, «есть основаніе всѣмъ наукамъ въ свѣтѣ». Такъ одному изъ учителей школы Козельскому графъ поручилъ составить руководство ариѳметики, которое и было издано въ 1764 г. По артиллеріи были составлены Вельяшевымъ-Волынцевымъ учебныя записки, которыя впослѣдствіи были изданы подъ заглавіемъ: «Артиллерійскія предложенія». СПб. 1767 г. вмѣстѣ съ тѣмъ артиллерію и фортификацію стали преподавать обязательно всѣмъ ученикамъ школы.

Послѣ смерти графа П. И. Шувалова, послѣдовавшей въ 1762 г., начальникомъ школы былъ назначенъ новый генераль-фельд-

цейхмейстеръ Вильбуа, школъ былъ данъ новый уставъ и штаты и заведеніе стало называться «Артиллерійскимъ и Инженернымъ Шляхетнымъ Кадетскимъ Корпусомъ». Съ воцареніемъ Императора Павла, Артиллерійскій и Инженерный Шляхетный Корпусъ поступилъ подъ непосредственное начальство Его Величества.

Источники и пособія:

Уставъ Императорскаго Шляхетнаго Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса, учрежденнаго въ Санктпетербургѣ для воспитанія и обученія благороднаго російскаго юношества. СПб. 1766 г., ст. 82. Разсужденія, служащія руководствомъ къ новому установленію Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, сколько принадлежитъ до воинской части, ст. 74. А. Висковатовъ. Краткая исторія перваго Кадетскаго корпуса. СПб. 1832 г. Графъ Д. А. Толстой. Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г. СПб. 1883 г. Лалаевъ, М. С. Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Главному ихъ Управленію. СПб. 1880 г.

ГЛАВА XXII.

Митрополитъ Платонъ и Московская Академія. „Слово о воспитаніи“.

Митрополитъ Платонъ. Среди лицъ Екатерининскаго времени, размышлявшихъ о правильномъ воспитаніи, выдается, безъ сомнѣнія, митрополитъ московскій Платонъ. Онъ родился въ 1737 году съ с. Чашниковъ, въ 40 верстахъ отъ Москвы, отъ бѣднаго причетника и при крещеніи былъ названъ Петромъ. Учился въ московской славяно-греко-латинской Академіи, гдѣ принялъ фамилію Левшина. Въ теченіе четырехъ лѣтъ Петръ Левшинъ слушалъ богословіе и философію у Геннадія Драницына; но академическая наука не удовлетворила вполнѣ любознательности Левшина, и онъ самостоятельно принялся за изученіе исторіи и географіи, которыя любилъ всю жизнь; много также занимался греческимъ языкомъ.

Пристрастясь къ наукамъ, онъ изыскивалъ разнообразныя способы къ обогащенію себя знаніями. Не имѣя возможности пріобрѣсть даже самыя необходимыя книги, онъ выпрашивалъ ихъ у товарищей для списыванія или для прочтенія. Въ свободное время отъ ученія Левшинъ занимался чтеніемъ книгъ, ученіемъ уроковъ и рѣшеніемъ школьныхъ задачъ. Не смотря

на свою наклонность къ уединенію, Левшинъ былъ веселаго, живого и чистосердечнаго характера, такъ что учителя и ученики его очень любили. Блистательно окончивъ курсъ наукъ въ Московской Академіи въ 1757 году, двадцати лѣтъ отъ роду, онъ тамъ же занялъ мѣсто учителя пѣтики и греческаго языка. Назначенный въ числѣ лучшихъ студентовъ въ Московскій Университетъ для продолженія курса, онъ отказался отъ этой чести, которой добивались многие; отказался и отъ нѣкоторыхъ другихъ предложеній перейти въ свѣтское состояніе, онъ — чувствовалъ въ себѣ сильную склонность къ монашеской жизни. Вскорѣ ему представился случай прославить себя передъ московскимъ народомъ въ званіи духовнаго учителя: на него возложена была обязанность публично по воскреснымъ днямъ толковать катехизисъ. Этими бесѣдами Петръ Левшинъ увлекалъ всѣхъ слушателей, число которыхъ съ каждымъ праздникомъ увеличивалось. Нѣкоторые изъ его слушателей приводили къ кафедрѣ дѣтей своихъ съ тѣмъ, чтобы они слушали и помнили такого учителя. Самъ Гедеонъ Криновскій, увидѣвшій и услышавшій Петра Левшина, столь полюбилъ его, что часто приглашалъ его къ себѣ и о многомъ бесѣдовалъ съ нимъ. Впослѣдствіи м. Платонъ признавался самъ, что во всю свою жизнь онъ не былъ такъ счастливъ, какъ въ это время. Онъ испыталъ, по собственному его сознанию, что «ученіе, дабы было дѣйствительно, не столько зависитъ отъ остроумія и краснорѣчія, сколько отъ чистоты и непорочности сердца учителя» ¹⁾.

Вмѣстѣ съ принятіемъ монашескаго сана съ именемъ Платона, онъ получилъ назначеніе въ префекты Троицкой семинаріи и въ учителя философіи.

При посѣщеніи Троицкой семинаріи, Императрица Екатерина II обратила свое вниманіе на молодаго префекта и спросила Платона: «почему онъ избралъ монашескую жизнь?». «По особой любви къ просвѣщенію» отвѣчалъ онъ. На это Императрица возразила: «да развѣ въ мірской жизни нельзя заботиться о просвѣщеніи?» «Можно, сказалъ ректоръ, но не столь удобно, имѣя жену и дѣтей и разныя суеты мірскія, сколько въ мо-

¹⁾ Смирновъ. Исторія Московской славяно-греко-латинской Академіи, стран. 258.

нашеской жизни, гдѣ человѣкъ по всему свободенъ». Императрица осталась довольна и отвѣтами префекта и успѣхами учащихся и пожаловала ему по тому времени довольно большую денежную награду.

Въ 1763 году Платонъ получилъ высокое назначеніе учителя богословія къ наслѣднику престола Павлу Петровичу и сдѣлался придворнымъ проповѣдникомъ. Онъ во многомъ сочувствовалъ педагогическимъ идеямъ Екатерины II и Бецкого, во многомъ возвышалъ ихъ, давая имъ опору въ строгомъ и чистомъ христіанскомъ ученіи.

Платонъ явился ревностнымъ помощникомъ Панина въ дѣлѣ воспитанія малолѣтняго великаго князя. «По совѣщаніи Панина съ Императрицею, говоритъ г. Терещенко ¹⁾), назначено преподавать богословское ученіе Великому Князю три раза въ недѣлю, а по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, предъ божественною литургіею, читать Евангеліе съ объясненіемъ. Августѣйшій питомецъ, одаренный пылкимъ умомъ, былъ горячъ и нетерпѣливъ; но искусство наставниковъ смягчало его нравъ. Панинъ и Платонъ въ общемъ дѣлѣ воспитанія одинъ другому давали пособіе. Когда юный князь оказывалъ нетерпѣливость, Панинъ останавливалъ его напоминаніемъ понравившейся ему Платоновой проповѣди на текстъ: «въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши».

Примѣняясь къ характеру своего питомца, будущаго Государя, законоучитель уловлялъ всякій случай, какой ему представлялся въ классѣ и внѣ класса, чтобы обратить его въ нравоученіе; изъ обыкновеннаго разговора онъ умѣлъ выводить для великаго князя что-нибудь назидательное, такъ что уроки его превращались въ бесѣды, а бесѣды въ уроки. Сама Императрица Екатерина II любила слушать Платона, и, какъ мы сказали, однажды была тронута его поученіемъ до слезъ и сказала: «отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ, что хочетъ; хочетъ онъ, чтобъ мы плакали и мы плачемъ». Порошинъ былъ весьма высокаго мнѣнія о Платонѣ. Въ 1765 г. Платонъ издалъ въ свѣтъ сочиненное для уроковъ съ наслѣдникомъ Православное ученіе, или сокращенное Христіанское Богословіе.

¹⁾ Биографія графа Н. И. Панина въ «Опытѣ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностр. дѣл. въ Россіи», 1837.

Въ 1775 году Платонъ былъ назначенъ архіепископомъ Московскимъ и по указу Св. Синода сдѣланъ полнымъ директоромъ и протекторомъ Московской Академіи, съ которою сердце его было крѣпко связано воспоминаніями о первой молодости. По собственному его признанію «онъ почелъ долгомъ стараться о приведеніи Академіи въ лучшее совершенство». Здѣсь онъ имѣлъ полную возможность примѣнить педагогическія идеи, о которыхъ разговаривалъ и размышлялъ съ Панинымъ и Бецкимъ.

Еще до вступленія Платона на кафедру московскую, Академія съ любовью приносила имя его, изучала богословскіе его уроки, и нечувствительно воспринимала на себя вліяніе его свѣтлаго ума.

Съ принятіемъ протекторства, Платонъ обнаруживаетъ большую энергію, любовь и заботу о Московской Академіи. Это былъ свой Петръ Могила, говоритъ г. Смирновъ, для Московской Академіи. Безъ воли Платона ничто не было въ ней предприняемо. Съ теплымъ, сердечнымъ участіемъ онъ входилъ въ ея жизнь, съ неусыпнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ученіемъ, поощрялъ и наставниковъ, и учениковъ, опредѣлялъ имъ занятія до мельчайшихъ подробностей. Кругъ наукъ при немъ значительно расширился, введены новые предметы ученія, появились новыя учебныя руководства, духъ схоластики потерялъ силу и уступилъ мѣсто свѣтлому воззрѣнію на предметъ. Платонъ призналъ нужнымъ ввести великорусскій элементъ въ науку и положилъ конецъ вызову ученыхъ изъ Кіева, отстранилъ ихъ системы, до тѣхъ поръ бывшія образцами для московскихъ богослововъ и философовъ, и образовалъ по своей мысли Академію, сообщивъ ей всѣ средства къ пріобрѣтенію новыхъ знаній. Академія, въ первый періодъ именовавшаяся еллинскими школами, во второй — славено-латинскою, при Платонѣ съ достоинствомъ носила названіе славяно-греко-латинской. Важнымъ дѣломъ въ ея усовершенствованіи явилось усиленіе русскаго языка: нѣкоторые уроки начали преподаваться на немъ, онъ былъ введенъ и въ диспуты, чего раньше не дѣлали.

Языкъ греческій, который до Платона преподавался слабо, сталъ процвѣтать при немъ въ Академіи и, конечно, не безъ вліянія Платона было издано распоряженіе въ 1784 году о пре-

имущественномъ изученіи греческаго языка въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Хотя латинскій языкъ и былъ сохраненъ, но не имѣлъ уже преобладающаго значенія; кромѣ того введено было изученіе новыхъ иностранныхъ языковъ: французскаго и нѣмецкаго. Митрополитъ Платонъ усилилъ знаніе и еврейскаго языка. Изъ наукъ въ разное время были введены: герменевтика, церковная и гражданская исторія, физика (преподаваніе которой получило новый характеръ и не имѣло ничего общаго съ прежними комментаріями на физику Аристотеля), исторія философіи, миѳологія и медицина. Платонъ желалъ, чтобы питомцы Академіи получили образованіе многостороннее, и дозволилъ даже, чтобы нѣкоторые изъ воспитанниковъ Академіи посѣщали университетскія лекціи, а по основаніи «Дружескаго ученаго общества» число ихъ возросло значительно.

«Нельзя оставить безъ вниманія, говорить г. Смирновъ¹⁾ заботъ Платона и о нравственномъ образованіи питомцевъ Академіи: хорошо понимая, что одно холодное научное образованіе недостаточно, онъ требовалъ, чтобы сердца юношей были согрѣты любовію къ добродѣтели, чтобы наука шла объ руку съ нравственностью; «наблюдайте сей долгъ предъ Богомъ всепрілежно, писалъ онъ начальству Академіи, чтобы учителя не только учительствомъ, но еще болѣе честнымъ житіемъ юношество наставляли, также и объ ученикахъ, чтобы не только въ наукахъ, но еще болѣе въ добродѣтели преуспѣвали»²⁾. «Наблюдайте», писалъ при другомъ случаѣ Платонъ ректору и префекту, «чтобы болѣе моральными, нежели физическими наказаніями, ученики въ своей должности были приводимы. Ректору и префекту наблюдать, чтобы въ школахъ всегда была сохраняема чистота и опрятность, и чтобы въ нихъ зимою надлежащая теплота была»³⁾. Платонъ первый открылъ для бѣдныхъ учениковъ бурсу, доставилъ имъ всѣ средства безбѣднаго содержанія, поощрялъ учениковъ наградами, наставниковъ — увеличеніемъ жалованья умножилъ учебныя пособія, обратилъ особенное вниманіе на улучшеніе бібліотеки.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ число учащихся съ каж-

1) Исторія Московской Академіи, стран. 260 и предыд. стр.

2) Дѣл. арх. Моск. Сем. пров. годъ 1786, резолюція отъ 24-го марта.

3) Тамъ же, годъ 1783, резол. отъ 24-го апр.

дымъ годомъ увеличивалось: до Платона число ихъ простиралось до 300, при Платонѣ доходило до 1600 человекъ.

Платонъ обратилъ строгое вниманіе на составъ академической библіотеки, завелъ порядокъ выдачи книгъ учащимся, учредилъ должность бібліотекаря, и бібліотеки при немъ обогатились множествомъ книгъ.

Въ 1798 г. издано Св. Синодомъ новое учрежденіе объ академіяхъ, и относительно выбора и обязанностей учителей постановлено, чтобъ «учителей избирать не только искусныхъ въ наукахъ, но испытанныхъ и въ добромъ поведеніи, которые бы, примѣромъ своимъ располагая юношество къ трудамъ въ наукахъ и ко всякому благому дѣлу, старались при всякомъ случаѣ внушать имъ правила благонравія»¹⁾. Побѣги учащихся изъ академіи, столь обыкновенные въ прежнее время, совершенно прекратились при Платонѣ.

Область академическаго управленія при немъ простиралась на 4 семинаріи: перервинскую, савинскую, калужскую и дмитровскую. Академіи было предоставлено право надзора за семинаріями; ежемѣсячно онѣ должны были представлять академическому начальству рапорты о ходѣ ученія.

Богословіе начало преподаваться въ Академіи по системѣ Платона. Его «Христіанское Богословіе» построено уже на новыхъ началахъ, оно отказалось отъ старыхъ схоластическихъ формъ: вопросовъ, тезисовъ, доказательствъ, и представляетъ стройное, удобопонятное для всякаго изложеніе ученія Откровенія. Новостію было и то, что Богословіе Платона было написано на русскомъ языкѣ.

Въ философіи обнаруживается сильнѣе вліяніе Декарта, Бэкона и Вольфа; въ качествѣ учебника философіи начали употребляться книги Баумейстера «*Philosophia definitiva*», но кромѣ того употреблялись и другія пособія. Полный курсъ предметовъ, преподававшихся въ философскомъ классѣ, обозначенъ въ указѣ Св. Синода 1798 года: «въ философскомъ классѣ преподавать краткую исторію философіи, логику, метафизику, нравоученіе, натуральную исторію и физику, напечатанную для нормальныхъ училищъ, доколѣ не будетъ назначена

¹⁾ Пол. соб. зак. Р. Имп., т. XXV, № 18726, пунктъ 19.

пространѣйшая». Въ руководство при преподаваніи «нравоученія» въ 1786 году прислано изъ Св. Синода книга «О должностяхъ челоуѣка и гражданина», извѣстное сочиненіе Пуфендорфа, имѣвшее у насъ нѣсколько переводовъ и изданій. Тогда же прислано было и «Краткое руководство къ физикѣ для употребленія въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи», изд. 1785 г., которое дополнялось руководствомъ Мушенбрека и Эйлера. Относительно нравоученія м. Платонъ говорилъ, что «мораль челоуѣческая слаба и недѣйствительна и должна быть почерпаема изъ Слова Божія въ богословскомъ классѣ».

Относительно метода преподаванія наукъ въ Московской Академіи въ отчетахъ въ 1786 г. читаемъ, что «ученіе во всѣхъ классахъ производимо было по присланному изъ Святѣйшаго Синода указу, въ силу котораго всѣхъ классовъ ученики обучались по новому методу, для народныхъ школъ изданному и духовнымъ училищамъ присвоенному». Подъ этимъ разумѣлся уставъ народныхъ училищъ 1786 года.

Воспитаніе и образованіе учащихся въ Академіи при Платонѣ носило характеръ нравственно-церковный. Если даже обратимъ вниманіе на темы сочиненій, задававшихся учащимся, то всѣ они сводятся къ понятіямъ: Богъ и добродѣтель, молитва и покаяніе, мудрость и суета земныхъ благъ и т. п. Отличное состояніе Московской Академіи при Платонѣ много зависѣло отъ умѣнья его выбирать хорошихъ начальниковъ и преподавателей. Изъ преподавателей ея многіе прославились и своими сочиненіями (Дамаскинъ, Семеновъ-Рудневъ).

М. Платонъ, какъ извѣстно, принималъ близкое участіе въ трудахъ по русской исторіи. Въ 1778 г. послѣдовалъ указъ, чтобы «для пользы общества и къ споспѣшествованію Россійской исторіи» снять копии съ древнихъ рукописныхъ книгъ, подъ наблюденіемъ надежнѣйшихъ людей, приступить къ напечатанію ихъ, съ сохраненіемъ въ точности тѣхъ рисунковъ, какіе находятся въ нихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ справиться въ Троицкой лаврѣ и другихъ монастыряхъ, не найдется ли въ нихъ «достойныхъ примѣчанія лѣтописцевъ, чтобы и оныя напечатать». Исполненіе этого порученія было возложено на митрополита Платона, которому были при этомъ препровождены поступившіе въ Синодъ лѣтописцы и повѣсти, «касающіеся до Россійской исторіи».

Въ 1787 г. Платонъ былъ пожалованъ митрополитомъ московскимъ.

Въ 1812 году онъ умеръ и погребенъ въ Виѳанскомъ монастырѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, что митр. Платонъ былъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ архипастырей русской церкви, близко принимавшихъ къ сердцу интересы школы и русской педагогики. Къ главнѣйшимъ его сочиненіямъ относятся: «Поучительныя слова» въ 16 томахъ, съ 1763 года по 1806 г., Краткая російская исторія 3 ч. (1805 г.) и Записки о собственной жизни.

Слово о воспитаніи. Въ 1765 году Платонъ произнесъ «Слово о воспитаніи¹⁾», въ которомъ онъ развиваетъ мысль, что «воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели». Этимъ положеніемъ слово премыкаетъ къ педагогическимъ воззрѣніямъ Екатерины, изложеннымъ въ «Наказѣ» и «Инструкціи кн. Салтыкову».

Приведемъ изъ него главныя мысли:

«Нѣтъ нужды много думать, о чемъ намъ теперь говорить надобно. Сія Академія художествъ и сіе святаго храма основаніе довольно подаютъ къ словамъ матерію.

Академія назначается, чтобъ быть мѣстомъ добродѣтели; а церковь освящается, чтобъ быть жилищемъ Бога, источника добродѣтели. Тамъ имѣетъ быть предуготовленіе сердець къ принятію всякаго добра, здѣсь Духъ Святой на предуготовленной благой землѣ будетъ сѣять сѣмя божественнаго слова.

Тамъ будутъ подвиги и честныя труды; здѣсь духовное успокоеніе и наслажденіе.

Не должно быть свѣтское училище безъ молитвеннаго храма: ибо суетны бѣ были всѣ наши предпріятія, если бы они не оживляемы были благочестіемъ. Но и сама церковь не малой бы лишилася помощи, ежели бѣ не было мѣстъ къ доброму воспитанію для тѣхъ, коихъ она должна содержать въ нѣдрахъ своихъ».

«Напрасно будетъ увѣщевать она къ любви Божіей того, который не наставленъ». Отсюда необходимость знать, «въ чемъ состоитъ воспитаніе?» «Изъ преждереченнаго уже видѣть можно, что воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели. И потому не состоитъ оно въ нѣжностяхъ тѣлесныхъ, въ увеселеніяхъ

¹⁾ Напеч. въ 4 т. „Поучительныхъ словъ“ М. Платона.

чувственныхъ, въ обученіяхъ, которыя только своею наружностію поражать обыкли, а больше ничего. Не состоитъ воспитаніе въ семь. А состоитъ оно, чтобъ взойти познаніемъ въ самого себя, познать Создателя своего; познать конецъ созданія своего; на семь незыблемомъ утвердясъ основаніи, душу свою такъ приуготовить, чтобъ снискать къ благочестію горячесть, къ Государю вѣрность, къ высшимъ почтеніе, къ нижнимъ снисхожденіе, къ ровнымъ усердіе, къ родителямъ благодарность, къ пріятелямъ искренность, ко всѣмъ любовь: къ должности быть прилежну, въ домостроительствѣ тщательну, въ трудахъ нелѣнностну, къ бѣдности другихъ сожалѣтельну, въ счастіи невозносливу, въ несчастіи не унылу, къ общей пользы ревностну, во всякихъ обхожденіяхъ быть искренну, ласкову, учтиву, снисходительну. Въ семь состоитъ существенная воспитанія сила».

«Но нѣтъ, думаю, столь мало просвѣщеннаго, который бы не зналъ того. А какимъ образомъ сіе производитъ дѣло, въ томъ уже есть больше трудности. Разные къ тому суть способы, разные пути. И сія, думаю, разность и происходящая изъ того трудность причиною есть, что великіе бывають въ воспитаніи непорядки, много развращенія.

Первый и наилучшій, по мнѣнію моему, къ воспитанію способъ есть добрый примѣръ. Онъ есть всегда дѣйствителенъ для всѣхъ, а наипаче для младенческаго возраста. Младенцы еще не имѣють совершеннаго въ разсужденіи употребленія. Они управляются почти чувствами: и потому ежели что видятъ, ежели что слышатъ, тѣмъ поражаются, то крѣпко печатлѣють въ памяти. Сіи укрѣпленные въ младенчествѣ добрыя или худыя воображенія во все почти будущее время служить имъ будутъ во всякихъ дѣлахъ основаніемъ; ибо чѣмъ новый сосудъ будетъ напоенъ, трудно, чтобъ тотъ запахъ онъ потерялъ когда¹⁾. Ежели младенецъ имѣетъ родителей или приставниковъ, которые при всякомъ случаѣ показываютъ живые благочестія знаки: неотмѣнно и младенецъ тѣмъ же напоенъ будетъ благочестія духомъ. Ежели же имѣетъ суевѣрныхъ или къ закону презрительныхъ: нелзя, чтобъ и онъ тѣмъ же не зараженъ былъ порокомъ. Ежели малое дитя во всегдашнемъ домашнемъ

¹⁾ Срав. соотв. мѣсто у Симеона Полоцкаго, Ист. рус. пед. ч. I, стр. 276, строки 4—6 сверху.

обхожденіи видитъ или слышитъ примѣры роскоши или скупости, излишнее къ веселостямъ и другимъ наружностямъ пристрастіе: весьма трудно, чтобъ сія язва слабыхъ младенческихъ чувствъ не коснулася. Не хочешь, чтобъ младенецъ развращенъ былъ? не дѣлай предъ нимъ того, чего въ немъ не хочешь видѣть, но будь предъ нимъ зеркаломъ, въ которомъ бы онъ усмотрѣть могъ, чему ему подражать надобно... «Не презираю я науки, но утверждаю, что онѣ лишаются своей пользы, ежели честностью дѣлать не будутъ препровождаемы... Самая лучшая наука бываетъ дѣломъ, а не однимъ словомъ...

Сія наука есть евангельская, ибо свойственно есть христіанской мудрости, чтобъ не словами, но дѣлами философствовать. Евангеліе учитъ, что царствіе Божіе не въ словеси, но въ силѣ. Оно хочетъ, чтобъ его послѣдователь былъ яко свѣтило въ мірѣ: «Тако да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ (Матѣ. V, 16).

Посему нельзя не признаться, чтобъ сей способъ, то-есть добрый примѣръ, для воспитанія дѣтей не былъ самый наилучшій. Сіе принявъ основаніе, сколько возможно, должно отъ младенца удалять худыя содружества, вредные разговоры, безчинныя книги, соблазнительныя представленія, а вмѣсто того приставлять къ нимъ незазорныхъ пѣстуновъ, добрыхъ учителей, честныхъ приставниковъ, которые бъ не только были ревностны къ пользѣ воспитываемаго, но при томъ бы имѣли и духъ патріотическій... Первѣе всего надлежитъ имъ (дѣтямъ) внушать страхъ Божій: ибо начало премудрости страхъ Господень (Притч. I, 7). Но связавъ уздою страха Божія худыя челоуѣческія хотѣнія, невозбранный чрезъ то отворится ко всякому честному дѣлу путь. Послѣ чего безпрепятственно можно будетъ приводить всякаго къ наукамъ и художествамъ, смотря по состоянію, по способностямъ, по склонностямъ, по лѣтамъ и по другимъ обстоятельствамъ».

«Такъ кто же теперь не видитъ, заключаетъ Платонъ, что ежели младенецъ по изъясненнымъ нами основаніямъ будетъ воспитанъ, несомнительно, можемъ надѣяться, что онъ имѣетъ быть добрый христіанинъ, честный гражданинъ, бережливый домостроитель, вѣрный другъ, надежный сосѣдъ, пріятный то-

варищъ. Всего сего тѣмъ удобнѣе отъ дѣтей надѣяться можемъ, что ихъ и память тверда, и силы свѣжи, и члены проворны, и удобно могутъ въ послушаніе приведены быть».

Источники и пособія:

С. Смирновъ. Исторія Московской Славяно-греко-латинской Академіи. Москва, 1855 г. Снегиревъ, И. М. Жизнь московскаго митрополита Платона. 2 ч. 1856 г. Галаховъ, А. Историко-литературная хрестоматія новаго періода русской словесности. Т. I.

ГЛАВА XXIII.

Австрійская или саганская метода. Комиссія объ учрежденіи училищъ. Ө. И. Янковичъ-де-Мириево. Уставъ народныхъ училищъ 1786 года.

Австрійская метода. Мы уже говорили, что императрица Екатерина II послѣ свиданія съ Іосифомъ II въ Могилевѣ и совѣщанія съ Дальбергомъ и Эпинусомъ рѣшилась принять австрійскую систему образованія. Поэтому здѣсь мы скажемъ о ней нѣсколько словъ.

Система начальнаго народнаго образованія появилась впервые въ Пруссіи, оттуда уже перешла въ Австрію.

Во время своихъ войнъ, Фридрихъ Великій убѣдился въ важномъ значеніи грамотности для унтеръ-офицеровъ, и въ самый разгаръ семилѣтней войны сталъ думать объ устройствѣ начальныхъ школъ и, прежде всего, о приготовленіи для нихъ учителей. Для этого онъ воспользовался учрежденнымъ въ 1747 году въ Берлинѣ реальнымъ училищемъ, при которомъ устроена была учительская семинарія. Въ этой семинаріи извѣстный въ свое время педагогъ Генъ (Hahn) ввелъ особую методу грамотности, состоявшую въ томъ, что на большой деревянной доскѣ писались начальныя буквы каждаго слова, а ученики должны были помнить и сказать каждое слово означенное этою буквою. Эта метода, быстро распространившаяся тогда въ Саксоніи, давно оставлена, но за нею осталось то важное значеніе, что, для успѣшности обученія грамотности, признана была необходимость стройной педагогической системы, обдуманности въ приѣмахъ преподаванія, учрежденія специаль-

ныхъ учительскихъ семинарій, которыя съ тѣхъ поръ и начали возникать въ Германіи: въ 1751 году въ Ганноверѣ, въ 1768 году въ Баденѣ¹⁾).

Въ 1764 году настоятель Августинскаго Саганскаго монастыря, въ Силезіи, Фельбигеръ учредилъ такую же семинарію въ своемъ монастырѣ и ввелъ новую методу обученія, которая быстро распространилась и получила названіе саганской. Австрійскіе учителя ѣздили къ настоятелю Фельбигеру въ Саганъ, иногда даже посылались къ нему для того, чтобы перенять его методу и перенести ее въ австрійскія школы.

Сознаніе важности системы начальнаго образованія, проникнувъ въ общество, стало усвоиваться и правительствомъ, и въ 1766 году императрица Марія Терезія издала «проектъ существеннаго улучшенія престонародныхъ школъ», который, впрочемъ, не получилъ въ то время никакого примѣненія. Только три года спустя началась дѣйствительная дѣятельность по народному образованію. Въ 1769 году епископъ нассаускій Леопольдъ-Эрнстъ представилъ о необходимости для правительства заняться обученіемъ простаго народа, а въ 1770 году Мессмеръ, ректоръ городскихъ училищъ Вѣны, изложилъ свои мысли объ улучшеніи вѣнскихъ школъ; онъ прежде всего предлагалъ отрѣшиться отъ прежняго механическаго способа ученія наизусть, раздѣлить школу на классы, издать руководства для учителей, составить и напечатать учебники, учредить учительскую семинарію и, наконецъ, устроить правительственную учебную комиссію, которая руководила бы всѣмъ учебнымъ дѣломъ. Проектъ Мессмера былъ принятъ и утвержденъ правительствомъ, учреждена была особая учебная комиссія, самъ же Мессмеръ былъ назначенъ въ 1771 г. директоромъ вновь открытой Вѣнской учительской семинаріи. Въ скоромъ времени эта семинарія сдѣлалась учебнымъ центромъ, куда стали посылать преподавателей школъ изъ разныхъ мѣстъ Австріи; во всѣхъ провинціяхъ Австріи стали учреждаться училищныя комиссіи и открываться учительскія семинаріи. Но Мессмеръ оказался довольно слабымъ начальникомъ, и въ семинаріи возникли безпорядки.

¹⁾ Гр. Д. А. Толстой. Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II, стран. 14—15.

Марія Терезія рѣшилась пригласить въ Вѣну самого автора новой учебной системы Фельбигера и обратилась съ просьбою къ королю прусскому, отпустить его изъ Силезіи. Король исполнилъ желаніе императрицы. Въ маѣ 1774 года Фельбигеръ пріѣхалъ въ Вѣну, и назначенъ директоромъ вѣнской учительской семинаріи. Вслѣдъ за этимъ, ему же поручено было составить положеніе о начальномъ народномъ образованіи. Прежде всего Фельбигеръ приступилъ къ составленію учебныхъ руководствъ, нѣкоторыя изъ нихъ написалъ самъ, для другихъ указалъ планъ, по которому они должны быть расположены, потомъ провѣрялъ ихъ и наблюдалъ за печатаніемъ, руководилъ занятіями учителей вѣнскихъ школъ, установилъ порядокъ въ учительской семинаріи. Но самымъ капитальнымъ трудомъ Фельбигера было положеніе о начальномъ образованіи, утвержденное 6 декабря 1774 г. императрицею для учительскихъ семинарій, главныхъ народныхъ и общихъ школъ.

Главныя основанія устава 6 декабря 1774 г. состояли въ слѣдующемъ: во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ есть церкви, должны быть заведены простонародныя школы, въ которыхъ обучаютъ закону Божію, чтенію, письму, четыремъ правиламъ ариѳметики и домохозяйству. По возможности для дѣвочекъ предполагалось открывать отдѣльныя училища. Въ каждой провинціи учреждались училищная комиссія и при ней учительская семинарія или нормальная школа (*Normalschulen*) отъ латинскаго слова «*norma*» т.-е. образецъ или руководство для всѣхъ остальныхъ школъ страны. Въ этой нормальной школѣ приготавливались учителя для начальныхъ училищъ и экзаменовались, уже прежде преподававшіе въ нихъ, учителя.

Въ каждой нормальной школѣ полагалось, кромѣ директора, четыре или пять учителей, въ томъ числѣ законоучитель. Всѣ дѣти отъ 6-ти до 12-лѣтняго возраста обязывались посѣщать школу.

Для разнообразія способовъ преподаванія, по всѣмъ учебнымъ предметамъ изданы были руководства и конспекты (*Tabelle*). Въ основу ихъ положено было правило не обременять память учащихся заучиваніемъ наизусть, но развивать ихъ умъ, объясняя непонятое ими и приучать выражать точно и полно то, что выучили. Отмѣненъ былъ существовавшій до того вре-

мени обычаи учителей заниматься при классном преподаваніи съ нѣкоторыми только учениками, по одиночкѣ, а было введено одновременное занятіе со всѣми учениками класса. Буквенная метода, о которой упоминали выше, была сохранена; она состояла, какъ сказано, въ томъ, что писались на большой доскѣ только начальныя буквы тѣхъ словъ и предложеній, которыя ученикъ долженъ выучить. Табличная метода заключалась въ краткомъ и понятномъ изложеніи всего предмета въ его главныхъ и второстепенныхъ частяхъ. Принята была также т. н. катехизація, т.-е. вопросы изъ изучаемаго и отвѣты на нихъ, тогда какъ прежде учитель читалъ свой предметъ съ кафедры, какъ въ университетѣ, не справляясь, понимали ли его ученики. Воспрещались же всѣ опозоривающія и опасныя для здоровья наказанія¹⁾.

Новая учебная система, при улучшенномъ способѣ преподаванія, требовала и иныхъ, согласованныхъ съ нею руководствъ; на составленіе ихъ и обратилъ особенное вниманіе Фельбигеръ: въ теченіе шести лѣтъ, съ 1774 г. по 1780 г. составлены были имъ самимъ, или же подъ его руководствомъ, и напечатаны около ста учебныхъ книгъ и статей.

Учебники продавались по дешевой цѣнѣ, и четвертая часть изданій раздавались безвозмездно бѣднымъ ученикамъ.

Такимъ образомъ создалась и практически осуществилась въ Австріи новая учебная система.

Ө. И. Янковичъ-де-Миріево. Принявъ австрійскую систему, императрица Екатерина II естественно искала въ Австріи опытнаго педагога, который былъ бы въ состояніи ввести ее въ Россіи, устроить всѣ необходимыя учебныя учрежденія, словомъ — руководить дѣломъ начального народнаго образованія. На такого человѣка указалъ ей еще въ Могилевѣ Іосифъ II; онъ рекомендовалъ ей серба Ө. И. Янковича-де-Миріево, доказавшаго практическую свою опытность по учебному дѣлу въ Темешварскомъ банатѣ, какъ наиболѣе подходящаго для русскихъ школъ не только по родству сербскаго нарѣчія съ русскимъ языкомъ, но и по исповѣдуемой вѣрѣ.

¹⁾ Подробности см. у гр. Д. А. Толстого. Городскія училища въ царствованіи императрицы Екатерины II-й.

Кромѣ того Іосифъ II поторопился доставить императрицѣ напечатанныя для австрійскихъ школъ учебники. Въ сентябрѣ 1782 года Янковичъ-де-Миріево пріѣхалъ въ С.-Петербургъ.

Биографическія свѣдѣнія о Ѳ. И. Янковичѣ-де-Миріево очень скудны.

Извѣстно, что Ѳеодоръ Ивановичъ Янковичъ родился въ 1741 г. близъ Петервардейна. Окончательное образованіе онъ получилъ въ Вѣнскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ юриспруденцію и камеральныя науки, чѣмъ отчасти и объясняется его любовь къ реальнымъ наукамъ, отразившаяся въ его взглядѣ на сущность народнаго образованія.

Въ 1773 году онъ былъ опредѣленъ первымъ учителемъ и директоромъ народныхъ училищъ въ Темешварскомъ банатѣ (часть нижней Венгріи). Педагогическая дѣятельность Янковича обратила на него вниманіе правительства, и императрица Марія Терезія въ 1774 году, въ самый разгаръ учебной реформы въ Австріи, пожаловала, его дворянскимъ достоинствомъ, съ присовокупленіемъ къ его фамиліи названіе де-Миріево. Фамилія Янковичей была одна изъ древнѣйшихъ дворянскихъ, владѣвшихъ селомъ Миріево, близъ Бѣлграда, переселившихся изъ Сербіи въ XV в. въ Венгрію, когда турки овладѣли Сербіей. Исповѣдывали Янковичи православную вѣру, и Ѳ. И. Янковичъ хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ. Послѣднія два преимущества много вліяли на рѣшеніе Екатерины II пригласить его въ русскую службу.

Призванный императрицей Екатериной II, Ѳ. И. Янковичъ-де-Миріево въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ неутомимо трудился на пользу народнаго просвѣщенія въ Россіи. О дѣятельности его скажемъ ниже.

Комиссія объ учрежденіи училищъ. Въ сентябрѣ 1783 г. по волѣ Екатерины II была открыта комиссія объ учрежденіи училищъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора, тайнаго совѣтника Завадовскаго, состоявшая изъ двухъ членовъ: Эпинуса и Пастухова; кромѣ того Ѳ. И. Янковичъ-де-Миріево былъ призванъ принять въ ней участіе.

П. В. Завадовскій, впослѣдствіи графъ и министръ народнаго просвѣщенія (съ 1802 по 1808 г.), былъ однимъ изъ весьма обра-

зованныхъ и даровитыхъ государственныхъ людей времени Екатерины II.

7-го сентября 1782 года послѣдовалъ слѣдующій указъ комиссіи: «По намѣренію нашему учредить въ Имперіи нашей народныя школы, указали мы собрать и перевести потребныя къ тому книги, и сверхъ того, для удобнѣйшаго изъясненія, призвали мы одного изъ трудившихся въ устроеніи таковыхъ народныхъ школъ въ земляхъ владѣнія Его Величества Императора Римскаго, директора сихъ училищъ въ Темесварскомъ уѣздѣ, Ѳедора Янковича, знающаго языкъ россійскій и нашъ православный законъ исповѣдующаго. Соизволяя, чтобы сіе полезное и необходимо нужное заведеніе во всей Имперіи нашей въ наилучшемъ порядкѣ и въ совершенномъ единообразіи учинено было, признали мы за благо учредить особую комиссію, подъ собственнымъ нашимъ вѣдѣніемъ, назначая васъ (Завадовскаго) къ составленію оной, и вслѣдствіе того повелѣваемъ: 1) книги, переведенныя и кои будутъ еще переведены въ пользу сихъ школъ, рассмотреть, и все, что въ нихъ потребуетъ исправленія для соглашенія съ закономъ нашимъ православнымъ и съ состояніемъ гражданскимъ имперіи нашей, распорядить, представляя намъ, прежде изданія оныхъ въ печать, какія перемѣны и для чего сдѣланы, 2) изъ тѣхъ книгъ, кои до вѣры касаются, сообщить оныя преосвященному епископу Новгородскому, требуя его мнѣнія къ поправленію оныхъ, 3) отъ директора Янковича планъ его о школахъ и всѣ представленія и изъясненія принимая, имѣть по онымъ надлежащее разсужденіе, и что положено будетъ, представлять намъ на утвержденіе, 4) заведеніе народныхъ школъ начать съ здѣшней¹⁾ губерніи, и именно съ той самой, которая въ первой части города на иждивеніи нашемъ учреждена, поручена помянутому директору Янковичу, подъ вѣдѣніемъ вашимъ, ее устроить; а дабы вы извѣстны были, коликое число учителей къ такому заведенію можно заимствовать отъ разныхъ мѣстъ, доставлены вамъ будутъ полученные нами списки, по которымъ вы нужное ихъ число истребовать не оставьте, дабы они подъ руководствомъ означеннаго Янковича въ образъ ученія наставлены быть могли»²⁾.

¹⁾ Т.-е. С.-Петербургской.

²⁾ Полн. Соб. Зак. № 15507.

Такимъ образомъ начало учебнаго дѣла въ Россіи соотвѣтствовало плану, который былъ принятъ въ Австріи: назначена была высшая учебная комиссія, на одно лицо (т. е. на Янковича) возложено было составленіе общей учебной системы, и главное вниманіе обращено было на приготовленіе учителей и на составленіе руководствъ.

Комиссія собиралась два раза въ недѣлю въ домѣ Завадовскаго.

Прежде всего положено было учредить въ Петербургѣ главное народное училище; директоромъ его назначень былъ Янковичъ, и ученики истребованы были изъ Александровской семинаріи. Оказались они «искусными довольно въ законѣ Божіемъ, языкѣ латинскомъ и грамматикѣ россійской; что же касается до прочихъ наукъ, положенныхъ къ преподаванію въ училищахъ народныхъ, въ классахъ третьемъ и четвертомъ, то объ оныхъ имѣютъ понятіе весьма малое, а нѣкоторые и вовсе никакого; потому кромѣ классовъ первого и второго (т.-е. низшихъ), да и то только чтенію, письму и катехизису, ничему другому сами обучать не въ состояніи, ибо и въ ариметикѣ не имѣютъ многіе и самыхъ начальныхъ основаній»; пять учениковъ были отосланы назадъ, а 16 приняты.

Въ 1783 году потребованы были 20 человекъ изъ Московской Славено-Греко-Латинской Академіи, но подъ условіемъ, что они хорошаго поведенія, и по 10 человекъ изъ семинарій Смоленской и Казанской. И. И. Шуваловъ прислалъ четырехъ студентовъ московскаго университета, но они оказались негодными.

Составлены были правила для учащихся, но самое утвержденіе учрежденія главнаго народнаго училища послѣдовало только въ 1783 году. Что же касается до учительской семинаріи, то хотя комиссія и имѣла ее въ виду, однако она могла образоваться лишь тогда, когда это училище получить полное развитіе, ибо только окончившіе въ немъ курсъ ученики были въ состояніи продолжать специальное образованіе въ учительской семинаріи.

Въ постановленіи комиссіи отъ 23-го мая 1783 года, между прочимъ, говорилось: «какъ главное училище должно быть мѣрою всѣхъ прочихъ училищъ, то прежде всего сію самую мѣру

опредѣлить нужно, и всѣ части ея надлежащимъ образомъ расположить, дабы оныя въ образецъ другимъ училищамъ служили; ибо всѣ таковы, современемъ будущія въ частяхъ государства училища должны быть одно другому сообразны.

Готовящіеся къ учительскому званію должны, прежде нежели они къ званію своему приступятъ, пройти теченіе всѣхъ наукъ по опредѣленнымъ книгамъ и опредѣленнымъ способамъ ученія, дабы впредь по тому же и такимъ же образомъ могли обучать другихъ».

«При главномъ училищѣ можно видѣть и научиться, сверхъ того, внутреннему порядку политическаго и экономическаго правленія, какъ-то: должностямъ директора, надзирателя, образу сочиненія таблицъ, списковъ, извѣстій и прочаго порядка книгопечатанія и другихъ экономическихъ частей, что все для соблюденія цѣлости, связи и единообразія будущихъ училищъ, учителямъ знать должно; а потому прежде всего быть надобно главному училищу, въ которомъ бы учителя могли на дѣлѣ видѣть все то, что до должностей ихъ касаться можетъ, дабы сообразно тому поступать, какъ при вступленіи своемъ въ должность, такъ и при учрежденіи прочихъ главныхъ училищъ по намѣстничествамъ всея Россійскія имперіи, понеже на таковыхъ искусившихся и расположеніе главнаго училища видѣвшихъ людей можно будетъ всегда надежнѣе положиться при заведеніи новыхъ училищъ».

Комиссія просила содержать въ главномъ народномъ училищѣ до ста человѣкъ, набравъ ихъ изъ семинаристовъ, чтобы не дозволять другимъ вѣдомствамъ переводить ихъ къ себѣ на службу¹⁾.

Докладъ былъ утвержденъ императрицею, на содержаніе училища ассигнована просимая сумма, а для помѣщенія его былъ купленъ особый домъ.

Приготовленіе учителей. Въ этомъ же главномъ народномъ училищѣ началось приготовленіе учителей (съ января 1784 г.). «Изъ ста учениковъ 50 лучшихъ предназначено было готовить на должность учителей въ старшіе классы (3-й и 4-й) главныхъ народныхъ училищъ, которыя должны были находиться

¹⁾ Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1867 г., книга I., смот. стран. 55—60 у гр. Толстого. Город. учил. стран. 40—42.

въ главныхъ губернскихъ городахъ; 25 изъ нихъ приготовлялись въ учителя наукъ математическихъ, и столько же въ преподаватели естественной, всеобщей и русской исторіи, географіи и русской грамматики. Въ 1784 году составленъ былъ уставъ и распредѣленіе часовъ преподаванія въ этомъ училищѣ.

Предметы ученія были тѣ же самыя, которые, по плану Янковича, предполагались для училищъ третьяго разряда (или четырехклассныхъ), но готовившимися къ занятію учительскихъ должностей учебные предметы проходились въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, подъ руководствомъ; кромѣ того, такіе молодые люди должны были учиться методикѣ преподаванія предметовъ. Для преподаванія предметовъ въ низшихъ классахъ были назначены учителями молодые люди, приготовленные Янковичемъ, а для преподаванія наукъ въ высшихъ классахъ были приглашены комиссіей профессора. Воспитанники семинаріи учились вмѣстѣ съ приходящими учениками. Для болѣе яснаго усвоенія семинаристами изучаемыхъ предметовъ, Янковичемъ были введены репетиціи подъ руководствомъ репетиторовъ, избранныхъ самимъ же Янковичемъ изъ отличнѣйшихъ по способностямъ и успѣхамъ семинаристовъ. Подъ руководствомъ репетиторовъ семинаристы ежедневно повторяли лекціи профессоровъ. Для навыка же въ преподаваніи семинаристы давали уроки въ малыхъ народныхъ школахъ, за отсутствіемъ учителя по какой-либо причинѣ. Для практики воспитанниковъ въ иностранныхъ языкахъ и для распространенія ихъ знаній по исторіи, географіи и другихъ наукахъ, по мысли Янковича, выписывались въ семинарію газеты: Гамбургскія и Геттингенскія вѣдомости на нѣмецкомъ языкѣ, Лейпцигскія на латинскомъ, С.-Петербургскія и Московскія на русскомъ языкѣ. Любовь воспитанниковъ семинаріи къ научнымъ занятіямъ выразилась въ предпріятомъ ими съ 1-го апрѣля 1784 г. ежемѣсячномъ изданіи: «Растущій Вертоградъ».

Ближайшій надзоръ за нравственностью и внутреннимъ порядкомъ въ заведеніи былъ возложенъ на смотрителя училища. Вообще же воспитанники должны были «другъ друга почитать и любить, между собою дракъ и ссоръ не заводить, язвительнымъ образомъ не шутить, другъ друга не дразнить и никакъ не обижать, но жить въ согласіи, дружелюбіи, мирѣ и тишинѣ».

Императрица Екатерина II, съ живѣйшимъ интересомъ слѣдившая за успѣхами Главнаго училища съ учительской семинаріей при немъ, 21-го января 1785 г. удостоила училище своимъ посѣщеніемъ.

Въ теченіе своего 18-тилѣтняго существованія учительская семинарія приготовила свыше 400 учителей для народныхъ училищъ. Закрыта была учительская семинарія въ 1801 г., такъ какъ по уставу народныхъ училищъ 1786 г. въ каждомъ главномъ народномъ училищѣ должны были «приготовляться къ должностямъ учительскимъ желающіе быть въ таковыхъ училищахъ учителями» (§ 10). Однако, Янковичъ недолго оставался директоромъ главнаго народнаго училища: въ маѣ 1785 года онъ былъ уволенъ отъ этой должности. Повидимому, онъ съ трудомъ могъ справляться съ буйными своими учениками. Хотя по занятіямъ своимъ въ училищной комиссіи Янковичъ продолжалъ наблюдать за дѣятельностью этого училища, но участіе его въ управленіи имъ уже не было непосредственное, какъ прежде, и важнѣйшее дѣло въ учебномъ преобразованіи — приготовленіе учителей — выпало у него изъ рукъ¹⁾. На его мѣсто былъ назначенъ директоромъ О. П. Козодавлевъ, которому было также поручено и завѣдываніе начальными училищами С.-Петербургской губерніи.

Въ іюлѣ 1786 года послѣдовало отдѣленіе учительской семинаріи отъ главнаго народнаго училища, съ которымъ оно было соединено. Въ ней преподавались тѣ же предметы, что и въ училищѣ, но болѣе подробно и въ особенности болѣе основательно такъ какъ бѣльшая часть ея преподавателей состояла изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ.

Главная задача учительской семинаріи состояла въ сообщеніи воспитанникамъ способовъ преподаванія, или методы обученія, что значительно облегчалось собранными въ ней учебными пособіями, коллекціями, моделями и инструментами. Воспитанники ея практически занимались преподаваніемъ въ петербургскихъ начальныхъ школахъ, замѣняя учителей.

Руководства. Вмѣстѣ съ приготовленіемъ учителей, необходимо было приготовить руководство какъ для нихъ, такъ и для

¹⁾ См. гр. Д. А. Толстой, ст. 45.

учениковъ. И этимъ дѣломъ не только заправлялъ, но и самъ лично, непосредственно занимался Янковичъ. 1 октября 1782 г. постановлено было комиссіею, для руководства учителей первыхъ двухъ классовъ, перевести сочиненіе «*Kern des Methodenbuch's*», по которой впредь можно будетъ приготовляющихся въ учителя нижнихъ школъ наставлять въ способѣ учебномъ и должностяхъ учительскихъ (напечатан. въ 1783 г.). Въ томъ же году Янковичъ составилъ: 1) Россійскій букварь (напечатанъ въ 1782 г.), 2) Руководство къ русскому чистописанію, 3) Сокращенный катихизисъ, для употребленія во второмъ классѣ народныхъ училищъ (одобр. архіер. Гавріиломъ).

Въ 1783 г. изготовлено было «руководство къ ариѳметикѣ, ч. I», а Янковичъ представилъ комиссіи пространный катихизисъ, съ доказательствами изъ Священнаго Писанія; въ это же время поручено было Стритеру написать для училищъ Исторію Россійскаго Государства. Стритеръ принялъ на себя этотъ трудъ и началъ его въ 1783 же году; посылаемые имъ отрывки читались Императрицею. Историческое свое изложеніе Стритеръ довелъ до 1462 г., а такъ какъ онъ писалъ по-нѣмецки, то оно было переведено на русскій языкъ и издано въ 1800—1802 гг. въ трехъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Исторія Россійскаго Государства». Но еще въ 1799 г. появилось сочиненіе: Краткая російская исторія, сочиненная для употребленія въ народныхъ училищахъ¹). Въ 1783 г. Янковичъ написалъ священную исторію, которая была разсмотрѣна и одобрена митр. Новгородскимъ Гавріиломъ.

Въ 1784 г. переведена была геометрія Головинымъ, а въ 1785 г. напечатанъ переводъ физики Эбергарда.

Въ 1786 г. Янковичъ принялъ на себя изданіе картъ и глобусовъ; глобусы впервые появились на русскомъ языкѣ, а въ 1787 г. напечатано Описаніе Россійскаго Государства. Такъ какъ въ 1787 г. въ курсъ учительской семинаріи введенъ былъ греческій языкъ, то велѣно было напечатать Греческій словарь, составленный Б. Филоновымъ для употребленія учащихся.

Въ 1788 г. напечатано было «Всеобщее землеописаніе, ч. 1-я» Гакмана, переведенное Матинскимъ, исправленное и переработанное Янковичемъ. Въ 1794 г. Янковичъ составилъ вторую

¹ Составленіе ея приписывается Т. Кириаку.

часть руководства по географіи. Въ 1792 г. комиссія приказала напечатать сочиненіе Гиляровскаго: «Новое руководство къ физикѣ», а въ 1796 г. сочиненіе Теряева: «Краткое разсужденіе о минералогіи».

Такимъ образомъ Янковичу принадлежатъ: 1) двѣ азбучныя таблицы, одна церковной, а другая гражданской печати, 2) три таблицы для складовъ: а) церковной, б) гражданской печати и в) рукописная, 3) російскій букварь, 4) сокращенный катехизисъ, безъ вопросовъ и съ вопросами, 5) правила для учащихся, 6) руководство къ чистописанію съ прописей, 7) книги о должностяхъ челоуѣка и гражданина, съ вопросами и безъ вопросовъ, 8) пространный катехизисъ, 9) священная исторія, 10) всемірная исторія, 11) зрѣлище вселенныя, содержащая свѣдѣніе о различныхъ предметахъ (съ рисунками), взятое изъ сочиненій Яна Амоса Коменскаго. Большая часть этихъ учебниковъ были разсматриваемы и одобряемы самой Императрицей Екатериной II. Они представляютъ передѣлку или переводъ учебныхъ руководствъ, изданныхъ Фельбигеромъ на нѣмецкомъ языкѣ. То же относится и къ книгѣ: «Руководство для учителей 1-го и 2-го класса народныхъ училищъ», переведенное чиновникомъ комиссіи народныхъ училищъ Ковалевымъ съ нѣмецкаго.

Янковичъ же устраивалъ учебную часть въ Сухопутномъ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, Артиллерійскомъ и Инженерномъ корпусахъ, въ Обществѣ воспитанія благородныхъ дѣвицъ и училищѣ для мѣщанскихъ дѣвицъ. За свои труды въ 1798 г. онъ былъ пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, съ производствомъ, сверхъ получаемаго жалованья, по 2 тыс. руб. въ годъ пенсіи.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ книгъ и пособій, по порученію комиссіи, было составлено разными лицами нѣсколько учебниковъ, которые всѣ были старательно просматриваемы комиссіею, и къ нѣкоторымъ изъ нихъ Янковичъ съ своей стороны присоединилъ предисловія, заключающія въ себѣ наставленія, какъ излагать науку ученикамъ. Слѣдовательно, труды Янковича по изданію учебниковъ остаются безспорно громадными¹⁾.

¹⁾ А. Вороновъ. Федоръ Ивановичъ Янковичъ де-Миріево. С.-Пб. 1858 г., стран. 123.

Такимъ образомъ возникли въ Россіи общеобразовательныя народныя училища волею императрицы Екатерины II при громадномъ участіи въ трудахъ *Θ. И. Янковича де-Миріево*; его же трудами развились они и въ гимназіи, уѣздныя и приходскія училища въ 1803 г.

Изъ трудовъ Янковича необходимо еще упомянуть о сравнительномъ словарѣ всѣхъ языковъ, идея котораго занимала Екатерину II; по ея-то порученію и составленъ былъ Янковичемъ этотъ словарь въ 4 частяхъ, въ немъ сравниваются 279 языковъ: 171 азіатскихъ, 55 европейскихъ, 30 африканскихъ и 23 американскихъ.

Говоря о заслугахъ Янковича по народному образованію, мы должны указать, что онъ первый у насъ началъ готовить народныхъ учителей соотвѣтственно новымъ педагогическимъ и дидактическимъ требованіямъ, устроилъ учебно-воспитательную часть въ Главномъ народномъ училищѣ съ учительской семинаріей при немъ, бывшей въ теченіе 18 лѣтъ единственнымъ разсадникомъ учителей для народныхъ училищъ, составлялъ, переводилъ и непосредственно завѣдывалъ изданіями учебныхъ книгъ и пособій для народныхъ училищъ, ввелъ новую методу преподаванія наукъ въ народныхъ училищахъ, принятую и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ (въ Обществѣ воспитанія благородныхъ дѣвицъ, корпусахъ и въ духовныхъ училищахъ), участвовалъ въ трудахъ комиссіи по составленію Устава народныхъ училищъ, составилъ наказъ содержателямъ частныхъ школъ и пансіоновъ, вошедшій въ общій Уставъ народныхъ училищъ 1786 г., составилъ правила для учащихся въ народныхъ школахъ, вошедшія въ число учебныхъ книгъ для перваго класса малыхъ народныхъ училищъ; въ послѣдствіи по образованіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, онъ участвовалъ въ трудахъ Главнаго Правленія училищъ.

«Изъ рассмотрѣнныхъ учебниковъ», говоритъ *Вороновъ*¹⁾, «священная исторія, краткій катихизисъ и ариѳметика такъ хорошо составлены, что если бы переложить ихъ на нынѣшнее нарѣчіе, они и теперь были бы полезными руководствами въ начальныхъ училищахъ. Русскія географія и исторія, геометрія, физика,

1) См. *Θ. И. Янковичъ де-Миріево*. С.-Пб. 1858 г.

механика, русская и греческая грамматики вполнѣ соответствовали своей цѣли».

Большая часть этихъ учебниковъ была неоднократно перепечатываема. Въ 1783 г. императрица пожаловала на изданіе ихъ 2000 рублей. Цѣна учебникамъ назначена была небольшая, такъ букварь стоилъ 15 коп., правила для учащихся 12 коп. и т. п.

Общій планъ для народныхъ училищъ. Тотчасъ по открытіи комиссіи объ учрежденіи училищъ въ 1782 г. было постановлено составить общій планъ для народныхъ училищъ, который вскорѣ и былъ составленъ. По этому плану, народныя училища раздѣлились на три разряда: малыя, среднія и главныя училища. По этому плану сначала были преобразованы училища въ С.-Петербургской губерніи; при этомъ наплывъ учащихся былъ настолько значителенъ, что въ нѣкоторыхъ училищахъ не могли принять всѣхъ желающихъ. Въ 1785 г. въ Петербургскихъ училищахъ было 1192 ученика.

Въ апрѣлѣ 1786 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе открыть главныя народныя училища въ 25 губерніяхъ; императрица сама назначила эти губерніи. Для этихъ училищъ приготовлено было сто учителей, значить въ каждое назначено по четыре учителя, такъ, «чтобы оними», сказано въ журналѣ комиссіи, «кромѣ языка господственнаго, всѣ прочіе учебные предметы могли быть заняты, не исключая и рисованія, въ коемъ они, равно какъ и въ прочихъ наукахъ, успѣли». Генераль-губернаторамъ этихъ губерній предписано было озаботиться пріисканіемъ домовъ для училищъ: стараясь потомъ отъ сихъ главныхъ училищъ разводить малыя».

На учебный «планъ для народныхъ училищъ» 1782 года слѣдуетъ смотрѣть какъ на учебный опытъ, ограниченный Петербургскою губерніею, въ немъ не было постановленій по административной и экономическимъ частямъ; да и самая учебная часть еще не установилась вполнѣ, опытъ, напимѣръ, показалъ, что такъ называемыхъ среднихъ училищъ вовсе не нужно, они и не были нигдѣ учреждены.

Болѣе подробный уставъ было данъ 5 августа 1786 года. Уставъ начинается слѣдующими словами:

«Воспитаніе юношества было у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ толико уважаемо, что почитали оное единымъ средствомъ

утвердить благо общества гражданскаго: да сіе и неоспоримо, ибо предмѣты воспитанія, заключающіе въ себѣ чистое и разумное понятіе о Творцѣ и Его Святомъ законѣ, и основательныя правила непоколебимой вѣрности къ Государю, и истинной любви къ отечеству и своимъ согражданамъ, суть главныя подпоры общаго государственнаго благосостоянія. Воспитаніе, просвѣщая разумъ человѣка различными другими познаніями, украшаетъ его душу; склоняя же волю къ дѣланію добра, руководствуетъ къ жизни добродѣтельной и напояетъ наконецъ человѣка такими понятіями, которыя ему въ общежитіи необходимо нужны. Изъ сего слѣдуетъ, что сѣмена таковыхъ нужныхъ и полезныхъ знаній сѣять еще должно съ малолѣтства въ сердцахъ отроческихъ, дабы они въ юношескихъ лѣтахъ возрастали, а въ мужескихъ созрѣвши обществу плодъ приносили. Но какъ плоды сіи не иначе размножить можно, какъ распространеніемъ самаго наставленія, то для сего и учреждаются нынѣ такія заведенія, гдѣ на основаніи общихъ предписаній преподавать будетъ оное юношеству на языкѣ природномъ. Таковыя заведенія существовать должны во всѣхъ губерніяхъ и намѣстничествахъ Россійской Имперіи подъ именемъ народныхъ училищъ, кои раздѣляются на главныя и малыя.

Въ каждомъ губернскомъ городѣ быть одному главному народному училищу, состоящему изъ четырехъ разрядовъ или классовъ, въ коихъ обучать юношество слѣдующимъ учебнымъ предмѣтамъ и наукамъ на языкѣ природномъ, а именно¹⁾:

Въ 1-мъ классѣ обучать чтенію, письму, первоначальнымъ основаніямъ христіанскаго закона и добронравію. Начиная съ познанія буквъ, обучать складывать, и потомъ читать Букварь, Правила для учащихся, Сокращенный катехизисъ и Священную исторію. Обучающихся такимъ образомъ чтенію заставлятъ при наступленіи второй половины перваго года писать съ прописей, выговаривать и писать цифры, церковныя и римскія числа и притомъ обучать ихъ первоначальнымъ правиламъ грамматики, содержащимся въ таблицѣ о познаніи буквъ, которая находится въ книгѣ подъ заглавіемъ Руководство учителямъ 1-го и 2-го класса²⁾.

¹⁾ § 1.

²⁾ § 2.

Во второмъ классѣ или разрядѣ, наблюдая тѣ же предмѣты христіанскаго закона и добронравія, начинать читать пространный катехизисъ безъ доказательствъ изъ священнаго писанія, книгу О должностяхъ челоѣка и гражданина и первую часть ариѣметики; повторять священную исторію, продолжать чистописание и ученіе грамматическихъ правилъ, содержащихся въ таблицахъ о правильномъ раздѣленіи складовъ, о чтеніи и о правописаніи, находящихся въ вышеупомянутомъ Руководствѣ учителямъ 1-го и 2-го классовъ. Въ семь разрядѣ начинать также обучать юношество и рисованію¹⁾.

Въ 3-мъ классѣ слѣдуетъ продолжать рисовальное искусство, чтеніе изъясненій Евангелій, повтореніе пространнаго катехизиса съ доказательствами изъ Священнаго писанія, ученіе второй части ариѣметики и первой части всеобщей исторіи, введеніе во всеобщую европейскую географію, а потомъ начинается землеописание Россійскаго государства, и россійская грамматика съ упражненіемъ въ правописаніи²⁾.

Въ 4-мъ разрядѣ повторять россійскую географію, продолжать рисованіе, исторію всеобщую и россійскую грамматику, упражняя при томъ юношество въ письменныхъ въ общежитіи употребительныхъ сочиненіяхъ, какъ-то: въ писмахъ, въ щетахъ, роспискахъ и тому подобномъ. Преподавать Россійскую исторію, географію всеобщую и математическую съ задачами на глобусъ; также основанія геометріи, механики, физики, естественной исторіи и гражданской архитектуры; полагая изъ наукъ математическихъ на первой годъ геометрію и архитектуру; а на второй механику и физику съ продолженіемъ тояжъ архитектуры, при которой чертить и планы³⁾.

«Во всѣхъ главныхъ народныхъ училищахъ кромѣ правилъ языка россійскаго, яко природнаго, должны еще преподаваться основанія латинскаго для желающихъ ученіе свое продолжать въ вышнихъ училищахъ, какъ то гимназіяхъ или университетахъ, а сверхъ того ученіе того иностраннаго языка, какой по сосѣдству каждаго намѣстничества, гдѣ главное училище находится, быть можетъ полезнѣе по употребленію его по общежитіи⁴⁾).

¹⁾ § 4.

²⁾ § 6.

³⁾ § 8.

⁴⁾ § 11.

Книги, по которымъ учить симъ языкамъ, суть слѣдующія: 1) букварь; 2) зрѣлице Вселенныя; 3) грамматика того языка; 4) прописи на иностранныхъ языкахъ, и 5) словарь.

Изъ числа пособій, необходимыхъ для главныхъ народныхъ училищъ указаны: книгохранилище, состоящее изъ разныхъ иностранныхъ и россійскихъ книгъ (§ 15), собраніе естественныхъ вещей, изо всѣхъ трехъ царствъ природы, потребныхъ къ изъясненію и очевидному познанію естественной исторіи, особливо же всѣхъ домашнихъ естественныхъ той губерніи произведеній, въ коей главное народное училище находится (§ 16), собраніе геометрическихъ тѣлъ, математическихъ и физическихъ орудій, чертежей и моделей или образцовъ для изъясненія архитектуры и механики (§ 17).

Въ главномъ народномъ училищѣ положено было: быть шести учителямъ; въ маломъ двумъ учителямъ.

Въ маломъ училищѣ должны были преподаваться тѣ же предмѣты, что и въ 1-мъ и 2-мъ классѣ главнаго народнаго училища, за исключеніемъ иностранныхъ языковъ.

Учителя должны были «стараться всѣми силами, дабы ученики преподаваемые имъ предметы ясно и правильно понимали, чего ради можно имъ сказывать, а иногда и на доскѣ написать нарочно съ ошибками, чтобы чрезъ то узнать, понимаютъ ли они исправно сказанное, примѣчаютъ ли ошибки и умѣютъ ли ихъ поправить (§ 32)». «Всѣ учителя должны во всемъ сообразоваться предписанному способу преподаванія и не употреблять иныхъ книгъ, кромѣ въ Уставѣ семь назначенныхъ (§ 33)». «Наипаче же требуется, чтобъ учителя подавали учащимся своимъ собственнымъ поведеніемъ и поступками примѣры ко благочестію, добронравію, дружелюбію, учтивости и прилѣжанію, избѣгая предъ ними какъ въ словахъ, такъ и на дѣлѣ всего того, что причинить можетъ соблазнъ или подать поводъ къ суевѣрію¹⁾.

«Вообще требуется, чтобъ учителя другъ другу помогали дѣломъ и совѣтомъ, и оказывали предъ учениками должное другъ ко другу уваженіе²⁾.

Учителямъ дозволялось содержать на квартирѣ у себя воспитанниковъ. При чемъ рекомендовалось: «для сохраненія неповре-

¹⁾ § 34, стран. 19.

²⁾ Изъ § 36.

жденнаго юнаго ихъ сердца, которое суевѣріемъ или другимъ какимъ заблужденіемъ и непристойностями легко развратить можно, надлежитъ учителямъ остерегаться и остерегать воспитанниковъ своихъ ото всѣхъ суевѣрныхъ, баснословныхъ и развратныхъ дѣлъ и разговоровъ, бесѣдовать же съ ними, а особливо при столѣ о полезныхъ такихъ предметахъ, которые могутъ расположить сердце ихъ къ добродѣтели, а душу къ благомыслию, чему дѣти и охотно слѣдовать будутъ, если учитель станетъ поступать съ ними тщательно и наблюдать, дабы они ничего развратнаго даже отъ слугъ и служанокъ не видали и не слышали... Не дозволяется учителямъ употреблять воспитанниковъ, ввѣренныхъ имъ отъ родителей единственно для науки и воспитанія, въ постороннее дѣло, домашнюю работу или въ посылки, но паче наблюдать, чтобъ все время пребыванія ихъ на содержаніи обращено было по намѣренію родителей въ пользу воспитанниковъ. Учителямъ препоручается также подавать воспитанникамъ своимъ наставленія во благонравіи и вѣжливости, показывая какъ сидѣть благостройно, ходить, кланяться, просить учтиво и говорить ласково, даже со слугами и служанками¹⁾.

«Директоръ народныхъ училищъ выбирается и опредѣляется генераль-губернаторомъ. Онъ долженъ быть любитель наукъ, порядка и добродѣтели, добротетствующій юношеству и знающій цѣну воспитанія. Онъ засѣдаетъ въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, по дѣламъ до училищъ касающимся²⁾).

«Директору наблюдать, чтобъ учителя, опредѣляющіеся въ народныя училища, знали способъ преподаванія и ученія, особливо же 1-го и 2-го класса³⁾).

«Директоръ долженъ въ губернскомъ городѣ осматривать народныя училища по крайней мѣрѣ каждую недѣлю одинъ разъ, а если время допустить и чаще, по уѣздамъ же каждый годъ по крайней мѣрѣ однажды⁴⁾).

«Въ каждомъ уѣздномъ городѣ избирается попечителемъ народныхъ училищъ одинъ смотритель изъ гражданъ того го-

¹⁾ § 38, ст. 23.

²⁾ § 69, стран., 39—40.

³⁾ § 72.

⁴⁾ § 80.

рода для всегдашняго призору за училищами, въ томъ мѣстѣ находящимися¹⁾).

«Всѣ заведенныя и впредь заводимыя народныя и домашнія училища зависятъ отъ Главнаго Правительства училищъ въ Россійской Имперіи, которое состоитъ непосредственно подъ вѣдѣніемъ Ея Императорскаго Величества и докладываетъ по дѣламъ училищъ Ея Величеству прямо»²⁾).

Таковъ въ главныхъ чертахъ былъ уставъ народныхъ училищъ 1786 года.

При самомъ приступѣ къ учрежденію училищъ встрѣтились существенныя затрудненія въ денежныхъ средствахъ, и такъ какъ они не отпущены изъ казны, то ничего не оставалось болѣе, какъ прибѣгнуть къ частнымъ пожертвованіямъ, весьма непрочному источнику для содержанія учебныхъ заведеній.

Такъ какъ во многихъ губерніяхъ еще не были заведены училища, то послѣ перваго выпуска изъ учительской семинаріи ста учителей, комиссія испросила въ 1786 году разрѣшеніе императрицы выписать изъ духовныхъ семинарій еще сто учениковъ. Но это обстоятельство было причиной тому, что не мало учителей, приготовленныхъ въ учительской семинаріи, не удались; выдающійся порокъ ихъ — пьянство — вынесенъ былъ ими изъ духовныхъ семинарій, гдѣ они прежде воспитывались³⁾).

Учителя народныхъ училищъ, получая незначительное содержаніе, и то не всегда исправно, за неимѣніемъ въ приказѣ денегъ, не рѣдко оставляли свои мѣста, подъ разными предлогами, въ особенности по вымышленной болѣзни, и переходили на другую службу.

Комиссія старалась удержать ихъ въ училищахъ принудительными мѣрами. Но это мало помогло, въ дѣлахъ комиссіи сохранилось не мало примѣровъ произвольнаго оставленія учителями должностей ихъ въ училищѣ и перехода въ другія вѣдомства.

Итоги. По прошествіи болѣе двухъ лѣтъ со времени открытія училищъ въ 25 губерніяхъ, комиссія въ началѣ 1789 года на-

¹⁾ § 86.

²⁾ § 108.

³⁾ Гр. Д. А. Толстой. Городскія училища, стран., 112.

шла своевременнымъ командировать причисленнаго къ ней Козодавлева, для осмотра училищъ, въ слѣдующія десять губерній: Новгородскую, Тверскую, Московскую, Тульскую, Владимірскую, Ярославскую, Вологодскую, Рязанскую и Тамбовскую. Козодавлеву данъ былъ подробный «наказъ» на эту командировку. Козодавлевъ осматривалъ училища съ февраля по августъ, и представилъ отчетъ о ихъ состояніи, а также и нѣкоторыя свои предложенія объ ихъ улучшеніи.

Въ своемъ отчетѣ Козодавлевъ дѣлалъ замѣчаніе, что курсъ главныхъ народныхъ училищъ слишкомъ высокъ для потребностей городского общества, почему немногіе ученики остаются въ высшихъ ихъ классахъ. Осмотръ училищъ Козодавлевымъ былъ единственнымъ, предпринятымъ по порученію комиссіи.

По вычисленію гр. Д. А. Толстого, въ царствованіе императрицы Екатерины II учреждено было 223 учебныхъ заведенія. Съ теченіемъ времени учительская семинарія возвысилась до Педагогическаго Института, а главныя народныя училища возросли до степени гимназій, что дало учебному вѣдомству возможность наполнить учащими и учащимися учрежденные въ началѣ этого столѣтія два университета: Харьковскій и Казанскій а впоследствии и С.-Петербургскій.

Во многихъ училищахъ порядочному ученію и вообще удовлетворительному состоянію училищъ много препятствовали недостатокъ въ учебныхъ книгахъ и пособіяхъ, которыя, хотя и изданы были въ значительномъ числѣ (о чемъ скажемъ ниже), не были приобрѣтаемы за отсутствіемъ средствъ у приказовъ общественнаго призрѣнія.

Источники и пособія.

Главнымъ пособіемъ служило сочиненіе гр. Д. А. Толстого. *Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II.* С.-Пб. 1886 г. Затѣмъ: *Уставъ народнымъ училищамъ въ Россійской Имперіи, уложенный въ царствованіе императрицы Екатерины II.* С.-Пб. 1786 г. Вороновъ А. *Федоръ Ивановичъ Янковичъ-де-Миріево* С.-Пб. 1858 г. Киприановичъ И. *Ф. И. Янковичъ-де-Миріево.* Журн. Гимназія 1891 г.

ГЛАВА XXIV.

Руководство учителямъ народныхъ училищъ.

Руководство учителямъ народныхъ училищъ. Изъ числа разнообразныхъ учебниковъ и пособій, составленныхъ и переведенныхъ благодаря дѣятельности комисіи объ учрежденіи училищъ и въ особенности *Ө. И. Янковича-де-Миріево*, выдается, безъ сомнѣнія, Руководство учителямъ народныхъ училищъ. Руководство это (хотя и переводное) представляетъ первый на русскомъ языкѣ систематическій курсъ педагогики, излагающій основы дидактики и методики, какъ ихъ понимали въ то время. Руководство это составлено по образцу австрійскаго, оно хотя и переведено, но вѣроятно измѣнено *Ө. И. Янковичемъ*, который предварительно собралъ и перевелъ на русскій языкъ разные уставы и инструкціи учителямъ, попечителямъ и визитаторамъ училищъ и представилъ ихъ комисіи.

Полное заглавіе руководства слѣдующее:

Руководство учителямъ перваго и втораго класса народныхъ училищъ Россійской Имперіи, изданное по Высочайшему повелѣнію царствующія Императрицы Екатерины Вторыя. Въ Санкт-петербургѣ 1783 г. (въ нашемъ распоряженіи было второе изданіе 1789 года).

«Въ книгѣ сей содержится, говорится въ предисловіи, все то, что учителю для воспитанія дѣтей, поведенія своего и порядка школьнаго въ городскихъ и деревенскихъ училищахъ знать необходимо нужно. Она раздѣляется на четыре части, изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ учебный способъ, вторая учебные предметы, въ первомъ и второмъ классѣ преподаваемые, третья же званіе, качества и поведеніе самого учителя, а четвертая школьный порядокъ.

Подъ способомъ учебнымъ разумѣется тотъ образъ ученія, по которому учитель учениковъ своихъ обучать долженъ. 1) Способъ сей состоитъ въ нѣкоторыхъ выгодахъ при самомъ наставленіи, которыя здѣсь означены и предписаны: дабы юношество способнѣе, порядочнѣе и основательнѣе было наставляемо: именно же заключается оный въ совокупномъ наставленіи,

совокупномъ чтеніи, изображеніи чрезъ начальныя буквы, въ таблицахъ и вопрошеніи. 2) Подъ совокупнымъ наставленіемъ разумѣется то, чтобы учителя нижнихъ школъ не учили учениковъ одного за другимъ порознь; но показывали всѣмъ тѣмъ вмѣстѣ, кои одно учатъ; чрезъ что будутъ они всѣ внимательны къ тому, что учитель говоритъ, спрашиваетъ или пишетъ¹⁾. Когда одинъ ученикъ спрашивается, и онъ или отвѣтствуетъ, или читаетъ, тогда всѣ прочіе должны читать за нимъ про себя и быть готовы къ отвѣту, какъ скоро ихъ спросятъ, почему учитель долженъ многихъ учениковъ вызывать, и то одному, то другому приказывать продолжать тамъ, гдѣ остановился его товарищъ. Иногда надобно также спросить о чемъ-нибудь одного, спросить о томъ же другого и третьяго (§ 4). Учитель долженъ всѣ слова выговаривать громко, плавно и ясно, глаза обращать всюду, и ходить около всѣхъ учениковъ, дабы видѣть, всѣ ли прилѣжно его слушаютъ, и дѣло свое исполняютъ. 5) Особенно же пособлять долженъ учитель слабымъ ученикамъ, и заставляя ихъ чаще отвѣчать и повторять отвѣты другихъ»²⁾.

Подъ совокупнымъ чтеніемъ разумѣется то, когда дѣти всѣ читаютъ одно вмѣстѣ, либо вслухъ всѣ, либо токмо нѣкоторые, или и одинъ, а другія про себя. Дѣти должны имѣть (при этомъ) одинакія книги, для того, что имъ должно въ одно время одинакіе слоги и одинакія слова выговаривать. Совокупное чтеніе происходитъ должно безъ крика и въ умѣренномъ голосѣ, который можно иногда и перемѣнить, однакоже не выше приличнаго³⁾.

Дѣти упражняются въ чтеніи всѣ, непрестанное вниманіе въ нихъ соблюдается, потому что всякъ изъ нихъ ожидать себя долженъ читать далѣе, или показать погрѣшности того, которой читаетъ. Совокупное чтеніе дѣтей болѣе ободряетъ, и увѣряютъ, что они легко и скоро могутъ многому выучиться. Дѣти научаются разумѣть и почти выучивать наизусть непримѣтнымъ образомъ всѣ тѣ нужныя и полезныя познанія, которыя въ книгахъ для чтенія употребляемыхъ находятся.

¹⁾ Глава I, 1 ст. 2.

²⁾ Пр. 6 ст. 4.

³⁾ Ст. 5 и 6.

«Изображенія чрезъ начальныя буквы состоятъ въ написываніи на черной доскѣ словъ и рѣчей ученія наизусть требующихъ первыми только буквами каждаго слова. Когда съ дѣтьми какая ни есть часть ученія начинается, напр., катехизисъ, писмо или ариметика, то напередъ надобно имъ объяснить, къ чему ученіе предмета сего можетъ быть нужно, а потомъ поступить такъ: сказать имъ изъ того, что написать на доскѣ надобно, словъ 5 или 6, напримѣръ: Вѣрую во единого Бога Отца. Сказанное должно еще повторить, и потомъ написать на доску первыя буквы каждаго слова; напримѣръ: В в е Б О. Но притомъ надобно всегда въ то же самое время то слово выговорить, котораго начальную букву учитель написалъ, и приучить себя къ проворному и ясному писму; дабы какъ скоро выговорено будетъ слово, тотъ же часъ стояла ясно и начальная его буква, причемъ учитель наблюдаетъ также и правила правописанія.

Можно симъ образомъ преподавать юношеству на небольшомъ пространствѣ и немногими буквами многое». При этомъ «дѣти научатся всему, такъ сказать, играючи¹⁾. Что касается таблицы, то она не что иное есть, какъ выписка, или краткое содержаніе какого ни есть сочиненія или книги, въ которомъ всѣ главныя части, отдѣленіе и сихъ раздѣленіе такъ представлены, что все въ надлежащемъ соединеніи легко и удобно видѣть можно. Таблицы должны быть кратки, т. е. онѣ должны содержать въ себѣ только самое существенное и главное. При таблицахъ употребляются римскія и обыкновенныя числа, а иногда и буквы²⁾. Учитель долженъ знать на память совершенно содержаніе той таблицы, которую онъ написать хочетъ; въ противномъ же случаѣ долженъ писать ее по книгѣ или по нарочно къ тому изготовленной запискѣ».

Пользу отъ таблицъ руководство видитъ въ томъ: 1) Содержаніе обширнаго предмѣта можетъ посредствомъ оныхъ представлено быть на весьма маломъ пространствѣ, и въ знатнѣйшихъ своихъ частяхъ обзорно единымъ взглядомъ; 2) порядокъ частей и ихъ соединеніе представляется чувственнымъ образомъ, и потому лучше впечатлѣвается въ разумъ и памяти учениковъ; 3) отъ чувственнаго представленія, предсказыванія учительскаго

¹⁾ Ст. 11.

²⁾ Ст. 12—13.

и общаго повторенія учениковъ замѣчается все тѣмъ удобнѣе» Кромѣ того таблицы привязываютъ учителя къ порядку (п. 5). Относительно вопросовъ говорится: «Вопрошеніе есть, когда учитель учениковъ о какой ни есть вещи спрашиваетъ, для того дабы узнать, поняли ли они ее. Изъ сего слѣдуетъ, что учениковъ спрашивать должно о такой вещи, которую они слышали, читали, или иначе какъ спознали».

Но чтобы вопросы достигали цѣли «учитель долженъ знать дѣло самъ ясно и обстоятельно, и быть въ состояніи слѣдовать вѣрно предписаннымъ ниже сего правиламъ вопрошенія». Онъ не долженъ ограничиваться вопросами, находящимися въ книгѣ и отвѣтами на нихъ учащихъ, но «долженъ стараться и быть въ состояніи дѣлать самъ отъ себя пристойные вопросы, соображаясь особливо со свойствомъ отвѣтовъ»... «Вопросы онъ долженъ располагать съ великимъ благоразуміемъ какъ по предмету ученія, такъ и по способности учениковъ»¹⁾. Вопросы должны быть кратки, опредѣленны, безъ возношеній, полны, составлены изъ словъ извѣстныхъ и изъ словъ взятыхъ въ смыслѣ обыкновенномъ, а не иносказательномъ»²⁾. Ученики на вопросы не должны отвѣчать да или нѣтъ, но полною рѣчью. «Лучше, еслии они отвѣтствуютъ исправно своими словами, нежели тѣми самыми, какія находятся въ книгѣ; ибо изъ того видѣтъ можно, что они дѣло понимаютъ»³⁾.

Учитель долженъ отвѣты судить: для сего долженъ онъ, буде самъ о вещи полнаго понятія не имѣетъ, или памяти своей не довѣряетъ, или опасается быть разсѣянъ, имѣть въ рукѣ учебную книгу, и повѣрять по оной отвѣты ученика. Еслии отвѣты не исправны, то долженъ погрѣшности ихъ различать. Погрѣшности бываютъ либо въ дѣлѣ самомъ (когда ребенокъ ничего не отвѣчаетъ, недостаточно отвѣчаетъ, лишнее говорить и ложно отвѣчаетъ), либо въ словахъ (ошибки въ именахъ, погрѣшности противъ грамматики).

Въ примѣчаніи (на ст. 24) сказано: «что требуетъ объясненія или изтолкованія, то долженъ учитель объяснить и разтолковать. Незнакомое объяснять должно знакомымъ. При объясненіи не

¹⁾ П. 6 ст. 19.

²⁾ П. III ст. 20.

³⁾ Ст. 21.

должно упоминать ничего невѣрнаго, но сказывать только то, что учитель знаетъ точно, избѣгать при томъ всякой пространности и говорить кратко, на объясненное же новыхъ объясненій не дѣлать».

Затѣмъ въ руководствѣ говорится, какъ обучать намъ, гдѣ книгъ недостаетъ, о познаніи буквъ, о складахъ, о употребленіи букваря, о чтеніи порознь и употребленіи предписанныхъ книгъ, о чтеніи печати церковной и рукописи, о письмѣ.

«Учитель долженъ преподавать ученикамъ своимъ изъ руководства къ чистописанію правила о порядочномъ положеніи при письмѣ тѣла, рукъ и о держаніи пера. Но какъ симъ правиламъ послѣдовать, то долженъ онъ, во-первыхъ, показать своимъ примѣромъ; и для сего сѣсть передъ учениками своими за столъ въ надлежащемъ положеніи и показать какъ за письмомъ сидѣть надобно, а потомъ приводить тѣло и руки ученика въ такое же положеніе. Учитель беретъ также перо въ руки и показываетъ, какъ должно его брать, на которомъ пальцѣ должно оно лежать и какъ высоко его держать¹⁾).

О правописаніи говорится: учитель наставлять долженъ въ правописаніи не тѣхъ учениковъ, которые лишь писать начинаютъ, но тѣхъ, кои уже нарочито хорошо пишутъ и изрядно читаютъ²⁾. Учитель долженъ преподавать ученикамъ изъ печатной таблицы правописанія одно правило за другимъ, и за каждымъ правиломъ писать на доскѣ приличныя къ нему слова, въ коихъ бы ученики могли видѣть употребленіе показаннаго имъ правила (ст. 64).

«Учитель долженъ брать для обученія ариѳметикѣ только тѣхъ учениковъ, которые уже довольно хорошо читаютъ и пишутъ, и кои потому въ состояніи писать числа порядочно».

«Учитель долженъ преподавать ученикамъ какъ четыре правила ариѳметики, такъ и другія по частямъ и одно за другимъ, причемъ за всякимъ правиломъ слѣдовать долженъ примѣръ³⁾».

«Учитель долженъ задать сперва небольшіе примѣры, а потомъ побольше, и на каждое правило по нѣскольку, дабы ученики могли пріобрѣсть въ рѣшеніи оныхъ тѣмъ болѣе про-

¹⁾ Глава IV ст. 51.

²⁾ Ст. 64.

³⁾ П. 3. ст. 70.

ворства и способности. Онъ долженъ выбирать наибаче такіе случаи, которые попадаются въ общежитіи, въ хозяйствѣ, въ ремеслахъ, художествахъ, купечествѣ и другихъ частныхъ промыслахъ, въ мѣрѣ, вѣсѣ и монетѣ употребительной».

«Между тѣмъ какъ ученики заданные имъ примѣры дѣлаютъ, долженъ учитель обходить всѣхъ учениковъ и смотрѣть, всѣ ли числа у нихъ такъ поставлены, и ясно ли, прямо ли и въ одинакую величину написаны. Буде же, что найдетъ написано не такъ, то долженъ заставлять поправить¹⁾. Онъ долженъ увѣщевать дѣтей, чтобы всякъ дѣлалъ примѣръ свой про себя и въ тишинѣ, не списывая у другого. Когда ученики рѣшили про себя примѣръ, то учитель не долженъ довольствоваться, когда тѣ, у коихъ искомое вышло справедливо, ему оное покажутъ; но долженъ спрашивать еще о причинѣ, почему найденное справедливо, и какимъ правиломъ численія они оное сыскали, а потомъ посмотрѣть и самъ, какимъ образомъ они оное вывели²⁾.

«Весьма полезно и для большей части учениковъ необходимо, чтобы задавать имъ на объясненныя въ школѣ правила примѣры на домъ, и требовать, чтобы на другой день были оныя на чисто и порядочно сдѣланы; потомъ просматривать ихъ, и находящіяся въ нихъ погрѣшности исправлять или на доскѣ предъ всѣми, или заставлять самого ученика поправлять оныя³⁾.

«Для предупрежденія забвенія долженъ учитель смотрѣть, чтобы каждый ученикъ имѣлъ у себя тетрадку для записыванія задачъ, какъ дѣлаемыхъ въ школѣ, такъ и дома¹⁾.

Въ III части Руководства говорится о званіи, качествахъ и поведеніи учителя. «Учители обязаны по состоянію своему заступать у учениковъ мѣсто родителей, и по тому чѣмъ менѣе сами родители вспомошествоуютъ въ наставленіи дѣтей своихъ, тѣмъ болѣе трудиться долгъ есть учителей (п. 1). Учителя должны, наставляя дѣтей въ законѣ Божіемъ, дѣлать ихъ благочестивыми христіанами и вѣрными сынами церкви, которые бы правила закона Божія не токмо знали на словахъ, но и показы-

¹⁾ Ст. 73.

²⁾ Ib.

³⁾ Ст. 76.

⁴⁾ Ст. 77.

вали бы оныя всегда на дѣлѣ (п. 2). Званіе учителей обязываетъ ихъ также стараться сдѣлать изъ учениковъ своихъ полезныхъ членовъ обществу; и для сего должны они поощрять чаще юношество къ наблюденію должностей общественныхъ, просвѣщать разумъ учениковъ и научать ихъ какъ думать, такъ и поступать разумно, честно и благопристойно; и предписанныя науки преподавать юношеству, такимъ образомъ, какъ надобны имъ оныя бываютъ въ общежитіи¹⁾.

Къ числу добрыхъ качествъ учителя относится: I. Благочестіе. Онъ долженъ то, чему учить вѣра христіанская, не только знать, но и исполнять; Бога любить долженъ онъ всѣмъ сердцемъ, а ближняго, наипаче же дѣтей, какъ самого себя. Всего того, что хотя мало худымъ казаться можетъ, долженъ онъ избѣгать, особливо предъ дѣтьми, для того что дѣти стануть ему подражать, а онъ сдѣлаетъ соблазнъ и поступитъ противъ заповѣди Христовой...

Въ дому своемъ долженъ онъ быть миролюбивъ и порядоченъ, ко всѣмъ дружелюбенъ и услужливъ²⁾.

II. Любовь. «Онъ долженъ поступать со всѣми учениками отечески, т.-е. ласково и любовно... Онъ долженъ имъ дать примѣтить, что ему пріятно, когда они прилежны и въ школу всѣ часто ходятъ, и что онъ ихъ любитъ.

III. Бодрость. Учитель не долженъ быть сонливъ, угрюмъ, или когда хвалить надобно дѣтей, равнодушенъ...»

IV. Терпѣніе. Когда есть у учителя такіе ученики, которые нерадивы, рѣзвы и упрямы и когда при томъ родители ихъ кладутъ на него вину, что дѣти ихъ ни чему не учатся, тогда не долженъ онъ выходить изъ терпѣнія³⁾.

V. Довольствіе. «Кто принимаетъ на себя и самое бѣдное учительское мѣсто, тотъ обязанъ столь же вѣрно должности званія своего исправлять, какъ при самомъ богатомъ, гдѣ другой учитель имѣетъ доходу вдвое, или еще и болѣе⁴⁾.

VI. Прилѣжаніе. Когда учитель и для самонадѣйшей причины небрежетъ школу, или часто приходитъ поздно, или начи-

¹⁾ Ст. 79.

²⁾ Ст. 81.

³⁾ Ст. 83.

⁴⁾ Ст. 83 п. 2.

наеть учить не въ надлежащее время, или вмѣсто того, чтобы учить, исправляетъ домашніе свои дѣла, или какое рукодѣліе, то и дѣти становятся также нерадивы, приходятъ въ школу поздно, не столько стараются учиться, или и совсѣмъ не ходятъ¹⁾.

«Благоразумное поведеніе учителя состоитъ въ томъ, чтобы онъ умѣлъ сдѣлать учениковъ себѣ послушными, и зналъ какъ съ ними безпристрастно и снисходительно поступать въ разсужденіи ихъ различныхъ обстоятельствъ.

Для приобрѣтенія себѣ отъ учениковъ послушанія, долженъ онъ напередъ снискать себѣ отъ нихъ: уваженіе, почтеніе, любовь²⁾, подобострастіе (подобострастіе есть то, когда ученики учителя и любятъ и боятся)»³⁾.

Чтобы быть безпристрастну и снисходительну долженъ учитель по различію учениковъ и поступки свои различно устроить: ученики же различествуютъ въ разсужденіи состоянія, по коему учитель не долженъ дѣлать никакого различія въ прилѣжаніи своемъ и вѣрности между дѣтми бѣдныхъ и богатыхъ родителей, въ разсужденіи пола надобно въ школѣ мальчиковъ отъ дѣвочекъ сажать особо, но тѣхъ и другихъ наставлять съ равнымъ усердіемъ.

Въ разсужденіи способностей къ ученію: а) бываютъ такіа дѣти, которыя все скоро понимаютъ, хорошо помнятъ и выученное употребляютъ умѣютъ, сихъ не долженъ учитель упражнять весьма многими, бесполезными или такими предметами, которые не предписаны; онъ долженъ вперячь въ нихъ то правило, что кому много повѣряется, отъ того много и требуется; и что не довольно того, чтобы много знать; но надобно еще по знанію своему и дѣла свои ко благу другихъ располагать и дарованій своихъ въ бездѣйствіи не оставлять.

б) Бываютъ такіа дѣти, которыя одарены хорошою памятью, но имѣютъ мало разсужденія. Учитель не долженъ упражнять сихъ ученіемъ наизусть, но долженъ учить ихъ мыслить и понимать хорошенько предметы. Онъ долженъ заставлять ихъ пересказывать выученное ихъ собственными словами.

1) Ст. 84.

2) Въ этомъ отдѣлѣ говорится: Паче же всего не долженъ онъ упускать ласковаго уговариванія, которое по часту имѣеть великое дѣйствіе, потому что мы напоминая тѣхъ слѣдуемъ охотно, коихъ любимъ и уважаемъ (ст. 86).

3) Ст. 86.

в) Бываютъ ученики, у которыхъ слабая память. Симъ долженъ онъ какъ можно меньше задавать учить наизусть.

г) Бываютъ тупыя дѣти, которыя мало понимаютъ и помнятъ. Симъ стараться онъ долженъ вперить только самое нужнѣйшее, употреблять всѣ возможныя средства для облегченія имъ ученія, не поступать съ ними сурово, и не отнимать у нихъ строгостію охоты къ ученію¹⁾.

Въ разсужденіи нрава бываютъ разные ученики: учениковъ бодрыхъ и веселыхъ учитель долженъ «строжае выспрашивать и заставлятъ пересказывать выученное со всякою точностію и какъ можно полнѣе и опредѣленнѣе, бодрости же ихъ не долженъ угнѣтать непристойною жестокостію; но стараться употреблять оную въ пользу ученія, у застѣнчивыхъ учениковъ «боязливость и застѣнчивость долженъ разгонять учитель ласкою своею и дружескимъ ободреніемъ» «оказывать къ нимъ терпѣніе и снисхожденіе, и тѣмъ ихъ къ себѣ приласкивать», лѣнливыхъ и сонливыхъ учитель долженъ стараться возбудить отъ дремоты и бездѣйствія умѣренно важнымъ образомъ²⁾.

Что касается упорныхъ, сердитыхъ и ко злобѣ склонныхъ учениковъ, то учитель долженъ стараться злобныя въ нихъ разположенія утушить, и упрямыхъ и сердитыхъ учениковъ не допускать никогда къ достиженію ихъ намѣренія³⁾.

Въ разсужденіи поведенія бываютъ: а) ученики поведенія хорошаго. Сихъ долженъ учитель ободрять къ непремѣнности, и представлять съ умѣренною похвалою другимъ въ примѣръ, при чемъ стараться однако крайне предохранять ихъ отъ тщеславія.

б) Ученики поведенія посредственнаго. Въ ученикахъ, у коихъ къ хорошимъ склонностямъ примѣшаны и худыя, долженъ учитель тщательно выискивать отъ чего худыя происходятъ. Если происходятъ оныя отъ недовольнаго распознаванія добра отъ худа, то долгъ его подать имъ достаточное о томъ понятіе. Но если рождаются оныя отъ разположенія ихъ ко злу, тогда долженъ онъ изобразить имъ живо опасность оныхъ и вредныя послѣдствія; буде же сіе не помогаетъ, то пусть употребить средства во главѣ о школьной строгости предписанныя.

¹⁾ Ст. 90.

²⁾ Ст. 92.

³⁾ Ст. 92.

в) Ученики худого поведенія. Сихъ долженъ учитель стараться всячески исправлять, и употреблять тѣ средства, которыя предписаны для учениковъ посредственнаго поведенія, онъ долженъ увѣщевать, грозить, наказывать и повторенныя наказанія увеличивать; буде же все сіе не пособляетъ, то никто за то винить его не станетъ, когда онъ стараться будетъ исключить ихъ изъ школы, что дѣлать ему должно съ вѣдома начальника своего; ибо паче всего наблюдать должно, чтобы такіе безпутные ученики не развращали другихъ своимъ худымъ примѣромъ¹⁾.

Въ четвертой части Руководства «о школьномъ порядкѣ» находится: наказъ учителямъ нижнихъ школъ, о школьной строгости, о часахъ ученія и о раздѣленіи по онымъ предметовъ ученія, объ осмотрахъ, объ открытыхъ испытаніяхъ.

«Школьные учителя обязаны ни по какимъ другимъ книгамъ не учить, кромѣ отъ начальства предписанныхъ, и никакого другого учебнаго способа не употреблять, кромѣ установленнаго, которой состоитъ: а) въ совокупномъ наставленіи, б) въ совокупномъ чтеніи, в) въ изображеніи чрезъ начальныя буквы, г) въ таблицахъ, д) въ вопрошеніи».

«Школьные учителя обязаны тѣ предметы, кои они юношеству преподавать должны, изучить хорошенько въ главной или большой школѣ, и подвергнуть себя испытанію, дабы заслужить, объ искусствѣ своемъ письменное свидѣтельство²⁾».

«Учители должны предложенія свои при преподаваніи предметовъ дѣлать ясными, вразумительными и порядочными; ученіе же, а особливо для маленькихъ учениковъ легкимъ, приятнымъ и болѣе забавнымъ, нежели тягостнымъ. При всѣхъ ученикахъ, а особливо большихъ, стараться учителя должны болѣе объ образованіи и изошреніи разсудка ихъ, и преклоненіи сердець юношества къ добродѣтели, нежели о наполненіи и упражненіи памяти; начинать всегда съ легкаго и итти потомъ къ трудному (п. 9). Учители должны воздерживаться отъ всякаго неистовства, и поступать при увѣщаніяхъ, предостереганіяхъ и наказаніяхъ, точно по предписанію главы о школьной строгости (п. 11). Всякой учитель обязанъ каждой годъ говѣть вмѣстѣ

¹⁾ Ст. 93—94.

²⁾ Ст. 95—96.

съ учениками своими для добраго примѣра, а именно на страстной недѣлѣ. Всѣ учителя должны ученикамъ своимъ подавать добрые примѣры къ подражанію: они должны быть благочестивы, трудолюбивы, вѣжливы, довольны и миролюбивы, и стараться порученное имъ юношество наставлять къ добронравію болѣе поступками своими, нежели словами¹⁾.

«Дѣтей долженъ онъ (учитель) при вступленіи въ школу принимать ласково, и на поклоны ихъ, къ которымъ онъ ихъ пріучать долженъ, отвѣтствовать; потомъ указывать имъ мѣста, наблюдать порядокъ и тишину и когда время ученія наступитъ, раздать бѣднымъ чрезъ одного изъ учениковъ школьныя книги»²⁾).

«Во время ученія долженъ онъ (учитель) по горницѣ ходить и слушать, какъ дѣти при совокупномъ складываніи и чтеніи слова и слоги выговариваютъ; онъ долженъ также смотрѣть какъ дѣти пишутъ, какъ за письмомъ сидятъ, какъ дѣлаютъ въ численіи задачи и проч.»

Что касается школьной строгости (дисциплины), то «школьная строгость состоитъ въ принятіи потребныхъ мѣръ для соблюденія того, что въ правилахъ для учащихся предписано. Учитель есть тотъ, который мѣры сіи принимать долженъ, и при томъ употребляетъ оныя въ разсужденіи преступающихъ помянутыя правила постепенно».

Къ этимъ мѣрамъ относятся: I. Увѣщанія. «Ласковыя увѣщанія склоняютъ людей почасту къ такимъ вещамъ или дѣламъ, отъ которыхъ они имѣли въ прочемъ великое отвращеніе». II. Предостереганія. III. Угрозы. IV. Наказанія. «Учитель долженъ при наказываніи учениковъ имѣть въ виду единое токмо исправленіе учениковъ, при чемъ долженъ онъ быть правосуденъ». Къ числу наказаній относится: 1) лишеніе пріятныхъ вещей (исключеніе ученика отъ игры во время гулянія и недопущеніе къ другимъ ученическимъ увеселеніямъ), 2) соотвѣтственныя проступку устыженія.

б) Запрещаются же вообще всѣ тѣлесныя наказанія, какого бы рода они ни были, напримѣръ: 1) ремни, палки, плети, линейки и розги, 2) пощечины, толчки, и кулаки, 3) драніе

¹⁾ П. 13 ст. 98.

²⁾ Ст. 99.

за волосы, ставленіе на колѣни и драніе за уши, 4) всѣ по-срамленія и честь трогаящія устыженія, какъ-то: уши ослиныя и названіе скотины, осла и тому подобныя¹⁾.

Руководство вмѣстѣ съ тѣмъ указывало, за что наказывать:

а) Вообще за всѣ умышленныя проступки, въ которыхъ ученики, несмотря на многократныя увѣщанія, предостереганія и угрозы, не исправляются.

б) За особливныя преступленія, а именно: 1) за преступленіе настоящихъ правилъ для учащихся, 2) за обиды соученикамъ и всякіе соблазны, 3) за непочтеніе, упрямство и непослушаніе къ начальникамъ, 4) за дурныя слова и рѣчи, 5) за косненіе во злѣ²⁾.

За слабоуміе же, худую память, недостатки душевныя наказывать не должно.

Часы ученія исключая среду и субботу послѣ обѣда, такъ какъ время отдохновенія, во всю недѣлю положены зимою до обѣда отъ 8 до 11-ти; а лѣтомъ отъ 7-ми до 10 часовъ, послѣ же обѣда зимою отъ 2-го до 5-го, а лѣтомъ отъ 3-го до 6-го часа.

Въ главѣ (4-й) «объ осмотрахъ» говорится: «Осмотры бывають болѣе для свидѣтельства учителей, нежели учениковъ, кои испытываются при томъ только для того, чтобъ изъ успѣховъ ихъ можно было видѣть прилѣжаніе учителей». «При каждомъ учебномъ предметѣ по освидѣтельствуваніи ученическихъ успѣховъ свидѣтельствуется также и образъ учительскаго преподаванія оныхъ».

Относительно открытыхъ испытаній говорится, что «они чинятся для того, дабы обществу дать нѣкоторой отчетъ въ томъ, чему дѣти въ училищахъ обучаются и какъ успѣваютъ; а чрезъ то самое поощрять дѣтей къ прилѣжанію, когда онѣ видѣть будутъ, что онѣ составляютъ предметъ общаго вниманія».

«Всякое открытое испытаніе начинать должно пристойною краткою рѣчью къ собранію, которую, естли нѣтъ къ тому такого способнаго ученика, сочинить долженъ учитель, а звать кто-нибудь изъ дѣтей».

¹⁾ Этимъ запрещеніемъ Руководство вносило значительное улучшеніе въ сферу русской педагогикки и практика еще долго была ниже выраженныхъ здѣсь требованій.

Примѣч. М. Д.

²⁾ Ст. 106—107.

«По освидѣтельствovanіи ученическихъ успѣховъ, читать имена тѣхъ учениковъ, кои прилѣжаніемъ и добропорядочнымъ поведеніемъ себя отъ прочихъ отличили, дабы тѣмъ раченію ихъ и успѣхамъ воздать достойную честь родителей».

Источники и пособія.

Руководство учителямъ перваго и втораго класса народныхъ училищъ Россійской Имперіи. С.-Пб. 1789, изданіе второе.

ГЛАВА XXV.

Учебники и пособія для народныхъ училищъ.

Изъ числа учебниковъ и пособій, изданныхъ комиссіей для народныхъ училищъ, мы разсмотримъ подробнѣе книгу: «О должностяхъ челоѣка и гражданина», а остальные разсмотримъ кратко.

1) *О должностяхъ челоѣка и гражданина*. Книга къ чтенію опредѣленная въ народныхъ городскихъ училищахъ, изданная по Высочайшему повелѣнію царствующія Императрицы Екатерины вторыя. Въ С.-Петербургѣ 1783 (въ нашемъ распоряженіи было одиннадцатое тисненіе¹) 1817 г. ст. 180 in 12⁰).

Изложеніе начинается объясненіемъ понятій о душѣ, памяти, разумѣ, волѣ, т.-е. сокращенною психологіею, трудною для пониманія дѣтей. Затѣмъ дѣлаются опредѣленія разныхъ добродѣтелей: праводушія, любочестія, любовѣдѣнія и пр., и пороковъ: гордости, тщеславія, неучтивости и т. п. Книга вообще трудная для пониманія дѣтей, а между тѣмъ она назначалась для частаго чтенія въ классѣ. Сдѣлаемъ изъ нея выдержки:

1. Всякъ челоѣкъ желаетъ себѣ благополучія, и не довольно того, чтобъ другіе о насъ думали, что мы благополучны, но всякъ хочетъ быть въ самомъ дѣлѣ благополучнымъ, и сего благополучія желаетъ не на короткое время, но навсегда и вѣчно.

2. Во всякомъ званіи можно быть благополучнымъ... Благость Божія ни единаго челоѣка не исключила отъ благополучія: граждане, ремесленники, поселяне, также рабы и наемники могутъ быть благополучными людьми (ст. 1).

¹ Изъ этого видно, что книга имѣла значительное распространеніе въ школахъ.

6. Истинное благополучіе есть въ насъ самихъ. Когда душа наша хороша, отъ безпорядочныхъ желаній свободна, и тѣло наше здорово, тогда человекъ благополученъ; и такъ тѣ люди только на свѣтѣ благополучны, кои состояніемъ своимъ довольны, ибо безъ довольствія, спокойныя совѣсти, благочестія и благо-разумія самый богатый и знатный столько же мало можетъ быть прямо благополученъ, какъ и самаго низкаго состоянія человекъ.

Для пріобрѣтенія же добраго совѣсти, здравія и довольствія обязаны мы: а) напоить душу нашу добродѣтелью, б) пецись надлежащимъ образомъ о тѣлѣ нашемъ, в) исполнять общественныя должности, на которыя мы отъ Бога опредѣлены, г) знать правила хозяйства (ст. 4—5).

На этомъ основаніи и вся книга раздѣляется на четыре части, тракующія объ образованіи души, о попеченіи о тѣлѣ, о добросовѣстномъ исполненіи общественныхъ должностей и о заботѣ объ исправномъ домоводствѣ.

Въ первой части (объ образованіи души) говорится:

2 в. Память, умъ или разумъ, воля, желанія и намѣренія называются душевными силами.

3. Когда сіи душевныя силы частымъ упражненіямъ не изощряются, не руководствуются и добрымъ наставленіемъ не исправляются, тогда воображенія, кои человекъ себя о вещахъ свѣта и благополучія дѣлаетъ, часто ложны и неправильны бывають.

Не научается онъ тогда правильно различать добро отъ зла, почитаетъ то добромъ, чѣмъ желанія и склонности сердца своего успокоить можетъ.

И такъ великое для человека благодѣяніе, когда его научають, какъ правильно мыслить, и потому и какъ правильно поступать (ст. 9—10).

Затѣмъ слѣдуютъ наставленія, какъ управлять душевными силами, раздѣленныя на пять главъ: о добродѣтеляхъ человѣческихъ, о должностяхъ къ Богу, къ ближнему, къ самому себѣ и о томъ, чего долженъ убѣгать добродѣтельный человекъ.

Глава первая говоритъ: 1) О праводушіи, 2) О любочестіи, 3) О спокойствіи духа.

«Дабы намъ спокойными быть помыслимъ, что все, что въ свѣтѣ ни случается, есть добро и когда не каждому особо,

то по крайней мѣрѣ къ общему благосостоянію человѣческаго рода служить. При семъ помышленіи можно быть всегда довольну и веселу, и душу отъ лишней скорби избавлять. Предадимъ себя токмо воли Божіей и станемъ уповать на промыслъ Его».

4. О любовѣдѣніи. «Любовѣдѣніе есть склонность и стараніе, полезное себѣ познаніе приобрѣтать, добрымъ наставленіямъ, примѣрамъ и увѣщаніямъ другихъ охотно послѣдовать.

Надлежитъ намъ стараться должности наши основательно разумѣть, ибо чрезъ то бдительныя причины къ дѣланію ихъ ясно и обстоятельно узнаемъ и ко исполненію ихъ тѣмъ болѣе склонны бываемъ» (ст. 16).

5. О правдивости. «Правдивость есть евойство честнаго человека, которое его заставляетъ никогда не говорить инако, какъ онъ мыслить и знаетъ, и которое его отъ лжи удерживаетъ» (ст. 17).

Въ главѣ второй говорится «О должностяхъ къ Богу». Должности, кои надлежитъ воздавать Богу, предлагаются обстоятельно въ катехизисѣ. Здѣсь токмо скажемъ, что честному человѣку надлежитъ быть благочестиву, и что истинное благочестіе не только въ радѣтельномъ храненіи до службы Божіей касающихся обычаевъ и въ совершенномъ вѣдѣніи закона и онаго должностей, но наипаче въ томъ состоитъ, чтобъ любить Бога всею серцемъ, волю Его исполнять, всегда по ней жить; и сіе для того, что мы отъ Бога на то сотворены» (ст. 17).

Въ главѣ третей изложена «должность къ ближнему».

1. О дружелюбіи. «Единаго токмо поклона, или посѣщенія, когда кто изъ знакомыхъ нашихъ боленъ, а иногда и единаго благопріятнаго взора довольно, чтобъ намъ ближнихъ нашихъ благосклонность и дружелюбіе снискать (ст. 18).

2. О миролюбіи. Миролюбіе въ томъ состоитъ, чтобъ со всякимъ ужиться, и ни съ кѣмъ не ссориться, да и тогда уступать, когда къ тому не обязаны (ст. 19).

3. Объ услужливости. Не должно пренебрегать никакого случая, гдѣ мы ближнимъ нашимъ услужить можемъ.

4. О искренности. Искренность называется склонность и стараніе другимъ, не обинуясь, то сказывать, что имъ полезно, и остерегать отъ того, что имъ вредно (ст. 21).

5. О честности. Честность надобно болѣе дѣлами и сердцемъ, нежели словами и лицомъ показывать.

Въ главѣ четвертой говорится «О должностяхъ къ самому себѣ».

1. О порядкѣ (ст. 25).

2. О трудолюбіи. «Кто всегда въ дѣлѣ упражняется, которое онъ по состоянію своему и по должностямъ званія своего отправлять долженъ, тотъ называется трудолюбивъ. Трудолюбіе есть склонность и стараніе дѣлать то, чѣмъ кто себѣ и своимъ, по обстоятельствамъ состоянія своего, потребное содержаніе честно приобрѣтаетъ, приобрѣтенное же имѣніе праведно сохраняетъ.

Трудъ и работа служатъ не только къ приобрѣтенію нужнаго къ жизни, но къ потребному ума и тѣлесной крѣпости упражненію, слѣдовательно и къ сохраненію здравія. А какъ первое, такъ и второе къ произведенію человѣческаго совершенства способствуетъ, то и должность наша есть трудиться. Работою же или трудомъ называемъ всѣ тѣ упражненія, которыя мы или ради себя, или ради другихъ предпринимаемъ. Въ государствѣ нѣтъ ничего полезнѣе и нужнѣе трудолюбія и прилежанія подданныхъ; ничего же нѣтъ вредительнѣе лѣности или праздности... Лѣнливый и праздный человѣкъ, есть бесполезное бремя земли и гнилой членъ общества (ст. 28).

3. О довольствіи. Довольствіе есть склонность и стараніе правильно приобрѣтеннымъ имѣніемъ довольствоваться. Убогій человѣкъ, который тѣмъ, что имѣетъ, доволенъ, гораздо щастливѣе богатаго, которой всегда болѣе желаетъ, и никогда недоволенъ. Многіе уже сему примѣры въ свѣтѣ бывали, что люди никогда болѣе заботы не имѣли, какъ въ то время, когда имѣніе ихъ умножилось.

Что Господомъ дано, ты тѣмъ и наслаждайся,

Чего же не дано, о томъ не сокрушайся.

На всякой степени пріятная есть часть.

На всякой степени есть также и напасть...

Затѣмъ слѣдуетъ глава 5 о томъ, чего долженъ «убѣгать» добродѣтельный человѣкъ. Между другими пороками здѣсь указаны тщеславіе, грубость, неучтивость и охудженія.

3. Тщеславіе. Тщеславіемъ называется безмѣрное къ чести стремленіе и желаніе болѣе почестей имѣть, нежели надлежитъ, или получить можно... Титла и похвалы суть обыкновенно суета. Разумный не взираетъ на то, каковъ кто титуль носить, но на заслуги токмо смотреть. Когда онъ увидитъ достоинства въ человѣкѣ, титуловъ не имѣющему, то почитаетъ его болѣе всякаго, титула имѣющаго, но недостойно оныя носящаго (ст. 36).

7. Неучтивость. «Надобно всѣмъ людямъ по различію ихъ чина, старости и званія приличное почтеніе оказывать, и ни съ кѣмъ презрительнымъ образомъ не обходиться».

8. Прекословія, презрѣнія, оужденія, осмѣянія, несходительнаго осужденія и клеветанія надо избѣгать.

«Есть такіе люди, кои ни о комъ добраго говорить не могутъ когда токмо о малѣйшей чужой погрѣшности не узнаютъ, то по всюду ее разглашаютъ, смѣются и радуются о томъ, что ближній ихъ погрѣшилъ. Они же часто лгутъ, и многое сами выдумываютъ, таковые люди дѣйствительно сами себѣ вредны; ибо дѣлаютъ, что всякъ ихъ убѣгаетъ, и никто не хочетъ имъ помогать, ниже съ ними обходиться. Никому не пріятно, чтобы кто худо о немъ говорилъ, и всякъ ненавидитъ того, кто его такимъ образомъ или презрительнымъ или еще и несчастливымъ сдѣлалъ...

Никогда не надобно забавлять собраніе рассказами погрѣшностей другихъ людей (ст. 42—43).

11. Не должно говорить о вещахъ, коихъ не разумѣемъ (ст. 45).

Вторая часть говоритъ: о попеченіи о тѣлѣ.

1. Здравіе тѣла растворяетъ душу нашу радостію, и дѣлаетъ обхожденіе наше съ искренними и разумными пріятелями веселымъ, а отправленія должностей званія пріятнымъ.

4. Причины болѣзни, кои мы получаемъ отъ другихъ, суть слѣдующія:

б) Баловство при воспитаніи, когда дѣтямъ даютъ во всемъ волю, потакаютъ ихъ желаніямъ и прихотямъ, а за непослушаніе ихъ и упрямство либо совѣмъ ихъ не наказываютъ, либо наказываютъ, но не въ пору (ст. 50).

в) Зараза отъ другихъ: когда какая ни есть болѣзнь отъ другихъ къ намъ прилипаетъ.

д) Легкомысліе: когда пугаютъ дѣтей чертями, домовыми и прочими ужасающими ихъ небылицами: ибо отъ сего происходятъ также разные опасныя припадки, какъ то родимицы, падучая болѣзнь (ст. 52) и пр.

Большое значеніе въ дѣлѣ сохраненія здоровья придается соблюденію чистоты и опрятности (см. главу II, ст. 71).

«Есть великое множество болѣзней, кои отъ нечистоты тѣла рождаются, и для того надлежитъ, а особливо лѣтомъ, часто мыться, часто свѣжій воздухъ въ горницу впускать и пыль обметать, чтобы дыханіемъ въ себя ее не глотать».

Часть III трактуетъ: «О должностяхъ общественныхъ, на которыя мы отъ Бога опредѣлены».

Глава I. О союзѣ общественномъ вообще.

1. Всякой челоувѣкъ долженъ ближняго своего, то-есть другихъ людей, любить и имъ дѣлать столько добра, сколько онъ по обстоятельствамъ своимъ можетъ, для того, что всякой челоувѣкъ того же самаго отъ другихъ себѣ желаетъ (ст. 72).

2. Глава третья. О союзѣ родителей и дѣтей.

1. Родители, вообще сказать, должны о дѣтяхъ своихъ попеченія имѣть. Пока дѣти малы и не въ состояніи сами себѣ помогать, родители должны ихъ кормить, воспитывать и имъ показывать то, что имъ дѣлать надобно... ¶Сіе попеченіе родителей о дѣтяхъ своихъ должно быть въ ихъ воспитаніи: к) а воспитаніе въ томъ состоитъ, дабы дѣтей всякому добру наставлятъ: л) всему, что по обстоятельствамъ ихъ нужно, а особливо Закону Божію, или самимъ, или чрезъ другихъ обучать; м) добрыя примѣры подавать, рождающееся въ нихъ зло отвращать; н) и когда увѣщанія не пользуютъ, неупустительно наказывать; о) однако не причиняя имъ вреда; п) дабы безмѣрною строгостію не сдѣлать ихъ раздраженными и ожесточенными; р) надлежитъ родителямъ и о томъ стараться, чтобъ дѣтямъ своимъ нѣкое имѣніе собрать и оставить; с) нерадѣніе родителей о всемъ здѣсь упомянутомъ есть тяжкое преступленіе должностей ихъ (ст. 76).

2. Но и дѣти имѣютъ весьма великое обязательство къ родителямъ своимъ: понеже жизнь свою отъ нихъ получили, то и должно имъ быть весьма къ нимъ благодарными. Они обязаны родителей своихъ почитать; у) не токмо словами, но сердцемъ и дѣломъ, и за то получаютъ себѣ благословеніе Божіе.

Затѣмъ говорится (гл. 4) о союзѣ господъ и слугъ.

Въ главѣ пятой говорится о союзѣ гражданскомъ вообще, о званіи и власти государей, объ обязательствахъ подданныхъ вообще, о любви къ отечеству вообще.

1. Между склонностями къ добродѣтели и дѣлами добраго гражданина считается особливо любовь къ отечеству и дѣйствіе оной.

Древніе греки и римляне много способствовали выработкѣ любви къ отечеству воспитаніемъ.

5. Ежели стануть въ наши времена поступать съ юношествомъ такимъ же образомъ, то возбудятъ въ немъ по примѣру древнихъ любовь къ отечеству, и тогда поданные монархическаго государства будутъ то же дѣлать, чему удивляемся мы въ сынахъ отечества древнихъ свободныхъ областей.

Въ статьѣ 2 пар. 5 говорится: «Истинный сынъ отечества долженъ привязанъ быть къ государству, образу правленія, къ начальству и къ законамъ. Любовь къ отечеству состоитъ въ томъ дабы мы почтеніе и благодарность являли къ правительству, чтобы покорялись законамъ, учрежденіямъ и добрымъ нравамъ общества, въ коемъ мы живемъ, чтобы уважали выгоды отечества, употребляли оныя къ общей пользѣ, и по возможности тщилися бы ихъ сдѣлать совершеннѣе, дабы принимали мы участіе во славѣ того общества, коего мы сочленами, и ревностно бы старались о благѣ онаго».

Въ статьѣ 4 «Чѣмъ надлежитъ являть любовь къ отечеству вообще» сказано:

1. Общее благополучіе членовъ государства есть цѣль всякаго правленія. Сіе благополучіе теряютъ подданные, когда не въ надлежащемъ порядкѣ и почтеніи находится правленіе; изъ чего слѣдуетъ, что первая должность сына отечества есть, не говорить и не дѣлать ничего предосудительнаго въ разсужденіи правительства, и потому всякіе возмутительные поступки, какъ-то: роптанія, худыя разсужденія, поносительныя и дерзкія слова противъ государственнаго учрежденія и правленія, суть преступленія противъ отечества, и строгаго наказанія достойны.

2. Законы суть учрежденія, коими опредѣляется, что правительство почитаетъ полезнымъ для благосостоянія государства, и такъ повиновеніе есть вторая должность сына отечества.

Каждый обязанъ повиноваться и въ такомъ случаѣ, когда повиненіе кажется быть тяжко, и когда думается, что закономъ инаковымъ быть бы должноствовало.

Ст. 5. I. «Любовь къ отечеству есть должность каждаго члена государства и каждаго подданнаго. Но находятся случаи, при коихъ каждое состояніе членовъ особеннымъ ему свойственнымъ образомъ любовь сію показывать долженствуетъ». Простой народъ долженъ показывать любовь свою повиновеніемъ и трудолюбіемъ.

«Простые люди оказываютъ себя тогда сынами отечества, когда они не оставаясь при старинныхъ своихъ привычкахъ, стараются перенимать полезное другихъ странъ, сколько возможно, и оное употреблять для блага своего отечества».

Ст. 5, п. 6. «Какъ прилѣжаніе простолюдина показывается особенно въ употребленіи тѣлесныхъ силъ и въ руководѣліяхъ, подобно тому долженствуетъ прилѣжаніе благовоспитанныхъ гражданъ являемо быть добрымъ и охотнымъ употребленіемъ душевныхъ силъ» (сюда относятся писатели, художники).

Любовь къ отечеству являетъ духовенство, когда просвѣщаетъ людей истиннымъ Богопознаніемъ, исправляетъ сердца и волю ихъ закономъ Божиимъ, утверждаетъ ихъ въ добродѣтели и добрыхъ дѣлахъ.

Дворяне, какъ высшее сословіе, наиболѣе другихъ должны являть любовь къ отечеству: имъ предлежать труднѣйшія должности ко исполненію, бодрость и постоянство должны въ нихъ быть несравненно больше и по мѣрѣ важности возлагаемой на нихъ службы. Дѣятельность дворянства должна показываема быть въ труднѣйшихъ обстоятельствахъ, въ величайшихъ опасностяхъ, и даже тамъ, гдѣ соединено лишеніе жизни». «Любовь къ Государю и непоколебимая къ нему вѣрность есть главнѣйшій долгъ дворянина». «Воинъ долженствуетъ любовь къ отечеству являть повиновеніемъ и храбростью, что стоитъ ему несравненно дороже нежели другимъ людямъ».

Въ членѣ V говорится: о наукахъ, художествахъ, промыслахъ и руководѣліяхъ ко взаимному благополучію согражданъ служащихъ.

Ст. 4, п. 8. Всякое званіе, всякое ремесло, всякое художество и всякая наука приносятъ пользу человѣческому обществу; и

для того всякое званіе и всякъ, кто какому званію себя посвятилъ, почтенія достоинъ. Несправедливо было бы нѣчто полезное презирать; все, что истинную пользу приноситъ, важно и почтенія достойно; и потому не должно никакое ремесло и никакой способъ къ честному себя пропитанію презирать. Невозможно всѣмъ въ одномъ званіи быть; и такъ одно званіе, или одно ремесло, да не презираеть другое; ибо всѣ весьма полезны обществу.

Въ части IV говорится «о домоводствѣ» — что есть домоводство, намѣреніе онаго и различіе. Указывается, что знаніе домоводства всякому нужно.

3. Отъ добраго домоводца требуется твердая и добрая воля то дѣлать, и немедля дѣломъ самымъ исполнять, что за доброе призналъ.

5. Въ домѣ невозможно всего одному человѣку дѣлать. Жена, дѣти и служители должны хозяину помогать; а дабы помощь сію получить, то хозяину, какъ главѣ дома, должно все нужное учреждать и смотрѣть исполняются ли его повелѣнія. Каждому изъ подчиненныхъ ему въ домѣ долженъ онъ ясно сказать, что ему дѣлать, а когда кто изъ нихъ погрѣшитъ, то должно съ важностію, а притомъ и съ кротостію исправлять, нужное имъ содержаніе, а наемникамъ обѣщанную плату въ надлежащее время давать, съ домашними своими не жестоко и свирѣпо, но ласково обходиться, и ихъ къ благочестію, безъ котораго всѣ труды наши тщетны и неуспѣшны бывають, привлекать. Паче же всего долженъ начальникъ семейства о воспитаніи дѣтей своихъ стараться, и не о томъ только помышлять, чтобъ ихъ прокормить и сколько силы ихъ допустить къ трудамъ приучать, но долженъ имъ или самъ, или чрезъ другихъ такія наставленія преподавать, изъ которыхъ бы они научились разумѣть и дѣлать, что ко временному и вѣчному благополучію ихъ потребно. Всѣ домашніе, то-есть; хозяйка, дѣти и служители должны главу семейства или хозяина какъ благодѣтеля и попечителя своего любить (ст. 167—168).

«Нужное для всякаго домоводства свойство есть бережливость» (ст. 170).

По Уставу народнымъ училищамъ въ Россійской Имперіи 1786 г. книгу «О должностяхъ человѣка и гражданина» пола-

галось читать во второмъ классѣ (см. § 4, ст. 5), но какъ мы сказали и видимъ изъ приведенныхъ выдержекъ, она составлена была слишкомъ отвлеченно и трудна была для пониманія учащихся.

2. *Правила для учащихся въ народныхъ училищахъ*, изданныя по Высочайшему повелѣнію царствующія императрицы Екатерины вторыя. Въ С.-Петербургѣ 1782 г. Въ этихъ правилахъ заключаются не только указанія на то, какъ ученики должны держать себя въ училищѣ, но и наставленія какъ слѣдуетъ вести себя дома, въ семействѣ.

3. *Краткая Священная исторія Ветхаго и Новаго Завета*. С.-Пб. 1784 г.

4. *Изясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій* для употребленія въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи. С.-Пб. 1784 г.

Цѣль этого изданія видна изъ слѣдующаго: «Какъ Евангелія, которыя читаются въ церквахъ, заключаютъ въ себѣ жизнь Христову и поученіе его, и потому содержать въ себѣ важнѣйшія истины христіанскаго закона, то дѣтей надлежитъ еще съ самыхъ младыхъ лѣтъ руководствовать къ ясному и точному разумѣнію, по крайней мѣрѣ Евангелій воскресныхъ и праздничныхъ, дабы, при слушаніи въ церкви слова Божія, приводили они себѣ на память спасительное правоученіе истинъ евангельскихъ». Для этого найдено полезнымъ дать толкованія, которыя долженъ былъ прочитывать учитель послѣ чтенія соответственнаго мѣста изъ Евангелія; имѣлось вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду, чтобы учитель не вдавался бы самъ въ толкованія, которыя могли быть неправильными.

5. *Сокращенный катехизисъ* для обученія юношества православному закону христіанскому, изданный при учрежденіи народныхъ училищъ въ Россійской имперіи. С.-Пб. 1784 г.

6. *Пространный катехизисъ* для обученія юношества православному закону христіанскому, изданный при учрежденіи народныхъ училищъ въ Россійской имперіи.

Въ обоихъ катехизисахъ подлинныя слова Св. Писанія приведены внизу страницъ, въ самомъ же изложеніи катехизиса этихъ текстовъ вовсе нѣтъ; а въ пространномъ весьма немного; изъ чего видно, что учениковъ не заставляли заучивать ихъ наизусть.

Вообще, краткій катехизисъ, точно такъ же, какъ и священная исторія, составлены примѣнительно къ возрасту учащихся и изложены удобопонятнымъ для нихъ языкомъ. При составленіи катехизисовъ имѣлись въ виду не одни ученики народныхъ училищъ, но и вообще православные люди всѣхъ сословій, потому и находимъ въ нихъ указаніе на господствовавшіе пороки.

7. *Россійскій букварь* для обученія юношества чтенію, изданный при учрежденіи народныхъ училищъ въ Россійской имперіи. С.-Пб. 1782 года.

Начинается печатными церковными буквами, малыми и большими, по порядку. Потомъ слѣдуютъ гражданскія буквы, также въ азбучномъ порядкѣ; затѣмъ рукописныя. Послѣ этого помѣщены слоги, слова, четыре молитвы: послѣ сна, передъ сномъ, передъ обѣдомъ, послѣ обѣда. Затѣмъ: краткое правоученіе, состоящее изъ различныхъ нравственныхъ истинъ, и краткія повѣсти. Приложена табличка чиселъ церковныхъ, гражданскихъ и римскихъ, и таблица умноженія.

8. *Руководство къ чистописанію* для юношества въ народныхъ училищахъ Россійской имперіи. С.-Пб. 1782 г.

Въ этомъ руководствѣ излагаются правила, какъ держать при письмѣ тѣло, руки и перо, и описывается происхожденіе буквъ однѣхъ изъ другихъ. Къ руководству приложены прописи.

9. *Руководство къ ариѳметикѣ* для употребленія въ народныхъ училищахъ Россійской имперіи. С.-Пб. Ч. 1, 1783 г. и ч. 2, 1784 г.

Изложено ясно и толково, на каждое правило даны примѣры.

10. *Краткое землеописаніе Россійскаго юсударства*, изданное для народныхъ училищъ Россійской имперіи. С.-Пб. 1787 г. 174 ст., 4 пред. и 4 огл., 8 съ картами (2-е изд. 1793 г., 3-е изд. 1810 г. (?)).

Роспись Смирдина (1828 г.) приписываетъ эту книгу Забловскому, г. Вороновъ (Историко-стат. обзор. учеб. зав. С.-Петербур. учебн. округа) Гакману.

Въ предисловіи сказано, что читая эту книгу «всякъ увидитъ, что въ ней не токмо связь предметовъ, къ сей наукѣ принадлежащихъ, расположена порядочно, но и польза оныхъ показана ясно». Здѣсь же излагаются правила преподаванія

географiи. Прежде начатiя географiи Россiи надлежитъ пройти съ учениками вступленiе ко всеобщей, дабы изъ того могли они знать общее положенiе всѣхъ земель на земномъ шарѣ. При преподаванiи географiи Россiи имѣтъ непремѣнно поставленную предъ глазами всѣхъ учениковъ большую карту Россiи, раскрашенную черною краскою. Во время самаго преподаванiя учитель долженъ стоять у карты съ однимъ ученикомъ, у котораго должна быть книга и мѣлъ въ рукахъ. По приказанiю учителя, одинъ изъ учениковъ, сидящихъ на скамьѣ, прочитываетъ громко статью изъ книги, а другiе читаютъ тоже про себя. Ученику, стоящему у карты, учитель указываетъ, что и какъ должно проводить или надписывать мѣломъ на черной картѣ, и наблюдаетъ, чтобъ предметы, какъ-то: границы, горы, рѣки и проч., точно на своемъ мѣстѣ мѣломъ проводимы были, и чтобъ всѣ прочiе ученики удобно могли видѣть гдѣ и какъ проводится. По сдѣланномъ начертанiи учитель всѣмъ еще разъ ясно и разумительно объясняетъ и показываетъ, что на картѣ проведено, и указывая на проведенный мѣломъ предметъ спрашиваетъ то одного, то дрѹгого ученика, чтобъ они назвали написанное и обстоятельно своими словами рассказали, что пройдено изъ статьи. Такимъ порядкомъ проходитъ вся книга, причемъ въ слѣдующiй урокъ повторяется пройденное въ предыдущiй. Означенныя въ прежнихъ урокахъ мѣста нужно стараться не стирать. Послѣ прохожденiя всей книги, она проходитъ еще разъ, но уже не по черной, а по обыкновенной напечатанной и раскрашенной картѣ.

При этомъ учитель при объясненiяхъ можетъ прибавлять уже отъ себя полезное и прiятное, собирая оное изъ другой географiи сего государства, изданной пространнѣе также въ пользу народныхъ училищъ ¹⁾.

Самый курсъ составленъ весьма толково и содержитъ всего четыре главы:

I. Разсматриваетъ предѣлы, пространство, моря, сопредѣльныя Россiи, горы, озера, рѣки и водяныя системы. II посвящена разсмотрѣнiю мѣстоположенiя, качества земли и климатовъ Россiи, трехъ царствъ природы, причемъ сообщаются свѣдѣнiя о хлѣбо-

¹⁾ См. слѣдующiй (11) номеръ.

пашествѣ, скотоводствѣ и звѣроловствѣ. III гл. разсматриваетъ племенной составъ населенія и наконецъ число жителей (по свѣдѣніямъ 1782 года 26 мил. душъ, не считая дворянъ, духовныхъ и другихъ). IV глава заключаетъ свѣдѣнія о вѣроисповѣдномъ составѣ населенія, наукахъ, художествахъ и руководѣліяхъ, торговлѣ, государственномъ гербѣ, образѣ правленія и административномъ раздѣленіи. Описанія сдѣланы вообще удовлетворительно; номенклатура же плохо развита.

11. *Пространное Землеописаніе Россійскаго Государства*, изданное въ пользу учащихся. Въ С.-Пб. 1787, in 8° 420 стран.

Въ «Предисловіи» сказано, что отпечатанное недавно краткое землеописаніе Россійскаго Государства есть книга, по которой обучаютъ юношество въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи.

Нынѣ отъ Комиссіи о учрежденіи училищъ издается также и Пространное Землеописаніе Россійскаго Государства, въ которомъ порядокъ тотъ же, каковъ и въ ономъ краткомъ; но предметы описаны гораздо обстоятельнѣе. «Книга сія, говорится далѣе, не токмо можетъ удовлетворить полезному любопытству читателя, желающаго знать нѣсколько подробнѣе внутреннее состояніе Россійской Имперіи; но она послужитъ и учителямъ при преподаваніи ученія сего какъ въ народныхъ, такъ и въ другихъ училищахъ, къ объясненію многихъ предметовъ, о которыхъ въ краткомъ Землеописаніи нельзя было говорить пространно».

Пространная географія состоитъ изъ пяти главъ: глава I: О предѣлахъ Россійскаго Государства, его пространствѣ, моряхъ, горахъ, озерахъ и рѣкахъ; глава II: О качествахъ земли и произведеніяхъ; глава III: Объ обитателяхъ Государства; глава IV: «О внутреннемъ устроеніи Государства и раздѣленіи его на намѣстничества»; глава V: «Описаніе Курильскихъ и Алеутскихъ острововъ».

Этнографія Россіи изложена довольно подробно; но всего интереснѣе въ этомъ руководствѣ — описаніе намѣстничествъ по тремъ полосамъ Имперіи: сѣверной, средней и южной. Въ каждомъ намѣстничествѣ означены его границы, число жителей, описано вкратцѣ его экономическое положеніе: земледѣліе, скотоводство, промыслы жителей, торговля и поименованы всѣ

города, съ краткими свѣдѣніями, а иногда и съ историческими данными, до нихъ относящимися.

12. *Всеобщее землеописаніе*, изданное для народныхъ училищъ Россійской Имперіи. Двѣ части. Первая часть (приписываемая Гакману), заключающая въ себѣ Европу, напечатана въ 1788 г., а вторая съ остальными частями свѣта въ 1795 г. (она была составлена Ѳ. И. Янковичемъ-де-Миріево).

При описаніи cadaго государства сдѣлано сравненіе, во сколько оно менѣ русскихъ владѣній въ Европѣ.

Землеописанію сильно вредитъ обиліе именъ. Такъ, въ описаніи собственно Китая не только исчислены всѣ провинціи, но и многіе города, что при гадательности свѣдѣній является въ учебникѣ уже совершеннымъ балластомъ. Описаніе отдѣльныхъ странъ Африки отличается излишними подробностями.

13. *Атласъ*, изданный къ всеобщему землеописанію, для народныхъ училищъ Россійской имперіи. Часть I. Европа. С.-Пб. 1790 г. (въ 8-ю долю листа).

14. *Шрекова Всемирная исторія*, для обученія юношества. С.-Пб. 1787.

Этотъ томъ составляетъ только первую часть исторіи Шрека. Начинается она доказательствами пользы исторіи, затѣмъ перечисляются историческіе народы, древніе и новые, потомъ дѣлается подробное раздѣленіе исторіи на періоды, наконецъ излагается древняя исторія до Рождества Христова. Руководство это было вовсе недурно для своего времени, но переводъ его весьма плохъ¹⁾.

15. *Всемирная исторія*, изданная для народныхъ училищъ Россійской имперіи. Часть 1 и 2. С.-Пб. 1787 г.

При изложеніи событій историческихъ народовъ, сказано въ предисловіи: «воспомянуты великія дѣла ихъ согражданъ, оказавшихъ истинную любовь къ своему отечеству, и означены богослуженіе, законы, обычаи, нравы, науки, художества, торговля и все то, что возводило или низвергало ихъ благосостояніе».

При преподаваніи исторіи рекомендуется слѣдующее: «Учитель проходитъ исторію сію по ландкартамъ и по таблицѣ, для сего то употребляетъ онъ большія изданныя для народныхъ училищъ географическія карты. При изъясненіи земель пока-

¹⁾ Гр. Д. А. Толстой. Городскія училища, ст. 68.

зываетъ границы, рѣки и мѣста оныхъ, сказывая ученикамъ какія нынѣ страны заключаютъ древнія тѣ мѣста, о которыхъ въ исторіи говорится, и проводитъ на картѣ мѣломъ бывшія переселенія народовъ изъ одной земли въ другую».

При томъ «когда учитель читаетъ исторію сію, долженъ онъ также имѣть большія таблицы, раскрашенныя черною краскою и раздѣленныя по главамъ на колумны, или столбцы. Какъ въ заглавіи сихъ столбцовъ находятся только имена народовъ и государствъ, а на лѣвой сторонѣ таблицъ годы вообще, или тысячныя, или сотые, то, при чтеніи исторіи, учитель заставляетъ учениковъ написывать мѣломъ годы, достопамятныя имена и главныя происшествія въ исторіи означенныя, подъ тотъ вѣкъ и въ ту клѣтку, коея заглавіе показываетъ государство или народъ описываемый, чтобы ученики тѣмъ легче и тверже могли впечатлѣть ихъ въ памяти и обозрѣть однимъ взглядомъ порядокъ и связь происшествій».

«Во время преподаванія долженъ учитель стоять у карты или таблицы съ однимъ ученикомъ, въ рукахъ коего книга и мѣлъ находятся. Онъ велитъ другимъ ученикамъ, сидящимъ на мѣстахъ своихъ, читать одинъ періодъ изъ исторіи попеременно и громко, а прочимъ читать то-же про себя. Прочитавъ статью, учитель изъясняетъ ее и указываетъ ученику, стоящему у таблицы или ландкарты, что написать или провести [должно на оныхъ, а потомъ тотчасъ спрашиваетъ о томъ то одного, то другого ученика, чтобы увидѣть какъ они преподаваемое поняли, и заставляетъ при томъ, чтобъ они своими словами рассказывали порядочно и въ связи то, что они изъ исторіи отъ учителя слышали. Такимъ образомъ продолжаетъ учитель всю исторію, и повторяетъ кратко всегда то, что пройдено въ послѣднемъ урокъ»¹⁾.

«Впрочемъ паче всего долженъ учитель стараться учениковъ своихъ руководить къ тому, чтобъ они понимали, что было главною причиною великихъ переменъ, случившихся въ родѣ человѣческомъ, и какъ истинная любовь и приверженность къ своему отечеству способствовали благосостоянію согражданъ въ древнія и нынѣшнія времена»²⁾.

¹⁾ § 4, стран. 69 у гр. Толстого.

²⁾ См. гр. Д. А. Толстой. Городскія училища, ст. 68—70.

Пособія по географіи. Благодаря г. Л. Весину¹⁾, мы имѣемъ довольно полный обзоръ учебниковъ и пособій по географіи, изданныхъ во второй половинѣ XVIII вѣка. Мы приведемъ изъ нихъ нѣкоторыя.

16. *Политическая географія*, сочиненная въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ для употребленія учащагося въ ономъ корпусѣ шляхетства. Напечатана въ С.-Пб. 1758—72 гг. 948 стран. 8°. Предполагають, что авторомъ этой географіи былъ Сергѣй Наковальнинъ. Трудъ Наковальнина одинъ изъ лучшихъ за прошлое столѣтіе, хотя, можетъ быть, онъ и далеко не удовлетворялъ педагогическимъ требованіямъ; хорошъ онъ собственно по богатству и интересу фактовъ. Его можно причислить къ числу лучшихъ учебныхъ пособій по географіи въ XVIII вѣкѣ.

17) Антона Фридриха *Бюшинга*. *Руководство къ основательному и полезному познанію географическаго и политическаго состоянія Европейскихъ государствъ и республикъ*, переведено съ нѣмецкаго Алексѣемъ Разумовымъ. С.-Пб. 1763, 180 ст. in 8.

Авторъ этого «Руководства», Бюшингъ, въ свое время весьма извѣстный географъ, котораго нѣкоторые именovali даже основателемъ новѣйшей географіи. Бюшингъ возстаеъ противъ допущенія въ географіи одной голой номенклатуры, признаеъ, что рядомъ съ нею нужно изслѣдовать естественное, промышленное и политическое состояніе страны.

18. *Землеописаніе Бюшинга*. 1770—1778 гг. Сочиненіе Бюшинга обнимаетъ нѣсколько томовъ. Кемтцъ говоритъ, что всѣ учебники XVIII вѣка были только выписками изъ этого сочиненія. Описанія Бюшинга отличаются полнотою и обстоятельностью.

19. *Опытъ Россійской Географіи* съ толкованіемъ гербовъ и съ родословіемъ царствующаго дома, собранный изъ разныхъ авторовъ и манускриптовъ Филиппомъ Генрихомъ Дилтеемъ. 1771 г. 435 стран.

Трудъ этотъ изложенъ на двухъ языкахъ: французскомъ и русскомъ.

20. *Географическое методическое описаніе Россійской Имперіи* съ надлежащимъ введеніемъ къ основательному познанію земного шара и Европы вообще для наставленія обучающагося при

¹⁾ Л. Весинъ. Историческій обзоръ учебниковъ общей и русской географіи. С.-Пб. 1876.

Императорскомъ московскомъ университетѣ юншества изъ лучшихъ новѣйшихъ и достовѣрныхъ писателей, собранное трудами Харитона Чеботарева. Въ Москвѣ. 1776 г. 8°. 540 стран.

Изъ предисловія къ «Описанію» видно, что въ основу его положена была сокращенная географія Шатца, но Чеботаревъ внесъ въ «Описаніе» много своего.

21. *Обозрѣніе Россійской Имперіи* въ нынѣшнемъ ея новоустроенномъ состояніи, учиненное флота капитаномъ Сергѣемъ Плещеевымъ. С.-Пб. 1786, 2-е изд. 1787, 3-е изд. 1790, 4-е изд. 1793.

Книга посвящена великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и составлена собственнымъ ея «предписаніемъ». Она распадается на три главные отдѣла: 1. Общее топографическое, физическое и политическое начертаніе Россійской Имперіи. 2. Описаніе намѣстничествъ, съ показаніемъ ихъ положенія и предѣловъ, городовъ, рѣкъ, число жителей, произведеній, промысловъ и пр. 3. Алфавитную роспись. Первый отдѣлъ составленъ весьма удовлетворительно, а гидрографія и этнографія даже и очень хорошо.

22. *Краткое руководство къ обозрѣнію Россійской Имперіи*. Сочинено въ пользу юншества. Москва 1788 г. in 16°, 112 стран.

23. *Зрѣлища свѣта* или Всемирное Землеописаніе. Сочиненіе И. Я. С.-Пб. 1789 г. 98 стран.

Эта географія принадлежитъ довольно извѣстному въ то время лицу — Илиі Яковкину. Она представляетъ очень хорошій учебникъ.

24. *Краткое начертаніе землеописанія* для дѣтей, сочиненное Георгомъ Хр. Раффомъ, а съ нѣмецкаго на Россійскій языкъ переложено Н. Рахмановымъ. С.-Пб. 1790 г. 469 стран.

Это краткое начертаніе, по словамъ Л. Весина¹⁾, представляетъ одну изъ лучшихъ географій, явившихся въ прошломъ столѣтіи. Начало ея напоминаетъ собою современные курсы родиноуѣдѣнія. Сказавъ прежде всего о предметѣ науки, авторъ затѣмъ переходитъ къ описанію близкихъ ученику предметовъ, именно: города, городскихъ жителей, затѣмъ деревни, ея обитателей, далѣе даетъ понятія о горахъ, о долинахъ, ущельѣ, протокахъ, ручьяхъ, рѣкахъ, ключахъ, составѣ горъ, садахъ и

¹⁾ Ст. 63.

лѣсахъ, странахъ свѣта и временахъ года. Авторъ, какъ видно изъ сдѣланнаго перечня, начинаетъ изложеніе своей книги изъ предметовъ, наиболѣе доступныхъ пониманію ученика. Самое изложеніе вполнѣ удобопонятно для учениковъ. Послѣ объясненія того, что такое горы, долины, рѣки и пр. авторъ говоритъ о Европѣ вообще. Тутъ сообщаются свѣдѣнія ландкартѣ, а потомъ общія свѣдѣнія о моряхъ, окружающихъ Европу, европейскихъ государствахъ, главныхъ въ нихъ городахъ и т. п. Затѣмъ уже авторъ приступаетъ къ описанію отдѣльныхъ европейскихъ государствъ, начиная съ Пиринейскаго полуострова. Описанія дѣлаются въ формѣ путешествія; такъ, описавъ Францію, авторъ говоритъ: «Въ городѣ Кале, въ верху въ Сѣверной Франціи садимся мы на корабль, переѣзжаемъ въ богатую и въ свѣтѣ славную Англію. Я думаю, что до оной разстоянія не болѣе будетъ пяти миль, если мы въ мѣстечкѣ Довре сойдемъ на берегъ, тогда увидимъ и Шотландію».

«А въ Ирландію поѣдемъ на корабль при первомъ случаѣ» (ст. 72). Авторъ старается представить, по возможности, полную характеристику каждой страны, при чемъ иногда сообщаются и историческія свѣдѣнія.

25. *Бергманово Естественное Землеописаніе*, сокращенное Готфридомъ Гроссе, а на Россійскій языкъ съ нѣмецкаго переведенное и изданное въ пользу Россійскаго юношества отъ комиссіи объ учрежденіи училищъ. С.-Пб. 1791 г., 8 д., 267 стр., ч. I.

Землеописаніе Бергмана академикъ Кемтцъ называетъ замѣчательнѣйшимъ. Изданіе этой книги какъ показываетъ предисловіе, предпринято для гимназій. Но какъ она вообще для учащихся полезна и особливо служить можетъ учителямъ заведенныхъ уже по городамъ Губернскихъ Главныхъ народныхъ училищъ, въ объясненіе преподаваемыхъ ими наукъ въ верхнихъ классахъ; то комиссія разсудила за благо напечатанія сей книги долѣе не отлагать тѣмъ паче, что оно можетъ быть пріятно, и что на Россійскомъ языкѣ сего рода книгъ, кромѣ Крафтовой физической географіи, вовсе нѣтъ.

26. *Отрокъ Географъ*. Первый курсъ или начальная географія по сокращенію Г. Остервальда. Сочиненная для употребленія Россійскому юношеству *И. Ф. Вегелиномъ*. Москва 1792 г. (эта книга имѣла потомъ нѣсколько изданій). Эта географія одна

изъ самыхъ слабыхъ. Состоить она изъ XVII уроковъ, изложенныхъ на языкахъ: французскомъ и русскомъ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Отвѣты крайне номенклатурнаго характера. Первые уроки посвящены общимъ свѣдѣніямъ.

27. *Краткое руководство къ геометріи*; издано для народныхъ училищъ Россійской имперіи. С.-Пб. 1786 г.

«Изложеніе весьма ясно и понятно; помѣщено много задачъ и приложены чертежи. Руководство это обнимаетъ собою лонгиметрію, планиметрію и стереометрію. Въ предисловіи сказано: Учитель, проходя геометрію по сей книжкѣ, долженъ прочитывать каждый періодъ; потомъ изъяснить оный, тотчасъ спрашивать, какъ они истолкованное поняли, а не подаваться далѣе до тѣхъ поръ, пока большая часть учениковъ не уразумѣли хорошо прочитаннаго. При задачахъ, доказательства требующихъ, надлежитъ сначала истолковать самое предложеніе, потомъ приступить къ доказательству. При чемъ должно напоминать ученикамъ, въ какомъ случаѣ задачу сію въ общежитіи употреблять можно. «Училище снабжено должно быть упоминаемыми въ сей книжкѣ орудіями, какъ-то: астролябію, компасомъ и проч., съ которыми учителю вмѣстѣ съ учениками въ лѣтнее время выходить на поле, и тамъ на дѣлѣ показать рѣшеніе практическихъ задачъ, кои въ классахъ разрѣшены были. Если дойдено будетъ до тѣлъ, то должно сдѣлать ихъ изъ толстой бумаги, показать ученикамъ, и стараться довести ихъ до того, чтобъ они и сами сдѣлали то же; однимъ словомъ, дѣлать все то, что служитъ къ лучшему и легчайшему преподаваемыхъ предметовъ уразумѣнію»¹⁾).

28. *Краткое руководство къ физикѣ*, для употребленія въ народныхъ училищахъ Россійской имперіи. С.-Пб. 1785.

Руководство это изложено весьма толково. Къ нему прибавлена краткая астрономія. Къ книгѣ приложены чертежи. Въ предисловіи сказано: «При преподаваніи сей науки надлежитъ имѣть въ готовности физическіе инструменты, дабы показать ученикамъ ихъ употребленіе, свойства тѣлъ, и явленія изъяснить опытами такъ, какъ они въ самомъ естествѣ оказываются, строеніе міра истолковать посредствомъ художественныхъ машинъ».

¹⁾ Гр. Д. А. Толстой, ст. 70—71.

29. *Начертаніе естественной исторіи*, изданное для народныхъ училищъ Россійской имперіи. С.-Пб. 1786 г. 2 части (въ нашемъ распоряженіи было второе изданіе 1789 г., въ немъ 460 стран.).

Въ предисловіи къ Начертанію говорится: «Нѣтъ почти чело-вѣка, которому бы познаніе вещей естественныхъ не было нужно, полезно, а иногда и необходимо. Мы не говоримъ здѣсь о бременномъ нашемъ составѣ, которой безпрестанно требуетъ помощи отъ Тою же десницею сотворенныхъ былій; но пища и питіе, одѣяніе и прикрытіе, нужды естественныя, по разнымъ свѣта полосамъ различныя, однако всегда первыя, дѣйствующія на насъ еще съ самаго нашего рожденія, уже довольно доказы-ваютъ, сколько надобно свѣдѣніе тѣхъ вещей, коими мы онымъ удовлетворяемъ. Какимъ же образомъ вещи сіи познавать, приоб-ращать, употреблять, тому учить книга сія, Начертаніе Есте-ственной Исторіи, изданная къ употребленію Народныхъ училищъ, заключающая въ себѣ токмо нужнѣйшее, а при томъ по боль-шей части изъ произведеній Россійскихъ. Содержащіяся въ ней предметы расположены по наружному виду такъ, какъ оныя каждому представляются или какъ каждый оныя наиспособнѣе понимать можетъ.

Въ народномъ училищѣ преподающій по сей книгѣ учитель заставляеть, во-первыхъ, того либо другого ученика читать по параграфно; прочетши одинъ параграфъ, толкуеть оный, и рас-толковавъ спрашиваетъ того либо другого ученика, какъ онѣ (sic!) читанное и толкованное понимаютъ. Если большая часть учениковъ отвѣчаютъ хорошо, то заставляеть читать далѣе, какъ выше сказано; въ противномъ же случаѣ толкуеть преж-ній параграфъ снова. При толкованіи параграфа, или лучше сказать, при разсужденіи о какой-либо вещи, учитель показы-ваетъ оную въ самой натурѣ, или по крайней мѣрѣ на картинѣ, почему при каждомъ народномъ училищѣ въ семь классѣ должно стараться имѣть таковыхъ вещей собраніе, которыя въ натурѣ, которыя въ рисункахъ.

Но какъ все сіе еще только касается до одной описанныхъ предмѣтовъ исторіи, а намѣряніе народнаго просвѣщенія со-стоитъ паче въ пользѣ и образѣ употребленія, то учитель не преминеть разсказывать о всѣхъ веществахъ, какъ которыя

куда употребляются; которыя наибаче заслуживаютъ въ разсужденіи заведенія или размноженія ихъ (помня всегда которое гдѣ родится) для частной или общественной пользы особенное вниманіе; которыя годны ко введенію въ употребленіе; которыя къ замѣненію чужестранныхъ. А чтобъ польза сего ученія еще явственнѣе была въ своей подробности, то каждое въ Намѣстничествѣ народное училище наипервѣе да примется за познаніе собственныхъ своихъ произведеній, которыя, слѣдовательно, наипервѣе и должны быть собраны, а познавая сосѣдственныя узнаеть, какъ у себя и чужія заводить, и свои размножать, удобрять и распространять должно» (ст. I—IV).

Къ числу симпатичныхъ сторонъ Начертанія нельзя не отнести стремленія побудить познать собственную флору и фауну. «Каждое народное училище наипервѣе да примется за познаніе собственныхъ своихъ произведеній», но въ изложеніи трудно было говорить «о произведеніяхъ Россійскихъ», безъ сомнѣнія потому, что они мало были изслѣдованы.

При преподаваніи Естественной Исторіи имѣлись въ виду не формальныя цѣли: научить наблюдать и дѣлать выводы изъ наблюденій, не знакомство съ морфологіей и систематикой, а по преимуществу утилитарныя: сообщить побольше свѣдѣній о пользѣ и вредѣ тѣхъ или другихъ минераловъ, растений или животныхъ.

30. *Краткая російская грамматика*, изданная для народныхъ училищъ Россійской имперіи (Сырѣйщикова). С.-Пб. 1787 годъ.

Руководство это содержитъ въ себѣ краткую этимологію, изложенную ясно и снабженную примѣрами.

Въ предисловіи говорится: «Издаваемая нынѣ російская грамматика, коль не сокращенна быть кажется, содержитъ однакожь въ себѣ все нужное, и сверхъ того, при всей краткости, соблюдена въ ней такая ясность, что учащимъ малаго весьма труда будетъ стоять преподавать по ней ученіе и самымъ малолѣтнимъ дѣтямъ, а особливо постуая въ томъ по слѣдующему наставленію. Учитель, прошедъ въ грамматикѣ истолкованіе о имени, заставляеть учениковъ, по одиночкѣ, прінскивать въ какой-либо учебной книгѣ имена существительныя и прочія, показывая какого каждое изъ нихъ рода, котораго склоненія, въ какомъ падежѣ, а прилагательныя въ какой степени уравненія;

при чемъ болѣе всего упражняетъ учениковъ своихъ въ склоненіи, сперва порознь имянь существительныхъ и прилагательныхъ, а по времени соединя ихъ вмѣстѣ и согласуя ихъ въ родѣ. Въ разсужденіи жѣ имянь прилагательныхъ, заставляеть учитель учениковъ приводить ихъ въ разныя степени уравниенія и въ оныхъ склонять. Сіе упражненіе продолжаетъ учитель и по истолкованіи мѣстоименій, приказывая ученикамъ склонять мѣстоименія, соединивъ съ именами существительными и прилагательными... Но еще нужнѣе упражненіе въ спряженіи глаголовъ, почему учитель не токмо на каждое спряженіе, но и на каждый залогъ глаголовъ заставляеть, по одиночкѣ, своихъ учениковъ написать на черной доскѣ, по меньшей мѣрѣ по одному полному примѣру»...

«Въ сочиненіи словъ каждое правило прилежно должно быть изъяснено и снабжено довольнымъ числомъ примѣровъ, по которымъ учащіяся лучше помнитъ будутъ сіи правила, нежели бы учили ихъ наизусть. По окончаніи, такимъ образомъ, всей грамматики, учитель заставляеть учениковъ разбирать взятой періодъ изъ какой-либо учебной книги, грамматическимъ способомъ, показывая всѣ части рѣчи и правила изъ сочиненія словъ, которыми оныя части рѣчи соединены»¹⁾.

31. *Другія грамматики. Реторики и пѣтики.* Мы уже говорили¹⁾, что самымъ распространеннымъ учебникомъ грамматики во второй половинѣ XVIII в. была 1) Россійская грамматика г. Михайла Ломоносова, напечатанная впервые въ 1755 году. Въ XVIII вѣкѣ она выдержала шесть изданій. На основаніи ея было составлено и издано нѣсколько грамматикъ. Такъ какъ Кургановъ²⁾, составляя свою 2) Россійскую универсальную грамматику или всеобщее письмословіе, многое черпалъ изъ грамматики Ломоносова, и Письмовникъ тоже выдержалъ шесть изданій въ XVIII в., то изъ этого видно, что грамматика Ломоносова въ достаточной степени популяризовалась.

Затѣмъ укажемъ вкратцѣ, какія грамматики кромѣ того были еще изданы въ XVIII вѣкѣ.

3) Краткія правила Россійской грамматики, собранныя изъ разныхъ Россійскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юно-

¹⁾ См. гл. XI второй части Истор. русск. пед.

²⁾ См. ниже главу XXXI.

шества въ гимназіяхъ Московскаго Университета А. Барсовымъ, М. 1771 г.; 8^о тоже изд. 4-е М. 1782 г., изд. 5-е 1786 г., изд. 8-е 1797 г.

4) Опытъ новаго Россійскаго правописанія, утвержденный на правилахъ Россійской грамматики и на лучшихъ примѣрахъ Россійскихъ писателей, соч. В. Свѣтова, С.-Пб. 1753 г. 2-е изд. 1787 г.

5) Начальныя основанія Россійской грамматики въ пользу учащагося въ гимназіи при Императорской Академіи наукъ юношества, составленныя Петромъ Соколовымъ. С.-Пб. 1788 г., 2-е изд. 1792 г., 3-е 1797 г.

6) Грамматика, или краткія правила къ обученію Россійскаго языка, съ присовокупленіемъ правилъ Россійской поэзіи. Сочин. Вас. Свѣтова 1790 г. изд. 2-е 1795 г.

7) Грамматика, руководствующая къ познанію словено-россійскаго языка, соч. епископомъ Аполлосомъ. Кіевъ 1794 г.

8) Краткая Россійская грамматика, въ пользу юношества въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ Университетѣ М. 1795 г.

9) Грамматика Россійская, съ греческимъ переводомъ, составленная Мих. Анастасомъ М. 1796 г.

Съ начала восьмидесятихъ годовъ XVIII вѣка въ низшемъ классѣ (информаторіи) духовныхъ училищъ и семинарій явилась немаловажная новость — обученіе гражданской печати. Св. Синодъ, находя необходимымъ, чтобы не только обучающіеся въ семинаріяхъ, но и все духовенство разумѣло читать, сверхъ церковной и гражданской печати, распорядился разослать по епархіямъ гражданскія азбуки. Кромѣ чтенія и письма въ информаторіи (русской школѣ) сообщались ученикамъ нѣкоторыя необходимыя грамматическія свѣдѣнія по краткой Россійской грамматикѣ, изданной для народныхъ училищъ, и правила русскаго правописанія.

Для пониманія того, какъ составлялись реторики и піитики въ XVIII вѣкѣ скажемъ, что образцовымъ руководительнымъ сочиненіемъ въ области эстетики и теоріи словесности въ XVIII в. считалась книга Зульцера «Всеобщая теорія изящныхъ искусствъ». Основное начало художественности, по ученію Зульцера, одно и то же съ нравственнымъ началомъ; поэтому каждое произве-

деніе искусства оцѣняется по степени его нравственнаго характера; только такое произведеніе и можетъ быть признано художественнымъ, которое одинаково сильно и благотворно дѣйствуетъ на чувства, на умъ и на сердце». «Человѣкъ, говоритъ Зюльцеръ, обладаетъ двумя независимыми одна отъ другой силами, на которыхъ зиждется прочность общественнаго союза и народное благо. Эти двѣ силы — разумъ и нравственное чувство.

Разумъ привелъ людей къ образованію общества, далъ имъ законы и просвѣтилъ ихъ науками, но только развитіе нравственнаго чувства дѣлаетъ общественную жизнь дѣйствительнымъ благомъ. Вольное призваніе изящныхъ искусствъ заключается въ томъ, чтобы питать и развивать нравственно искусство, поселяя въ сердца любовь къ добру и ненависть къ злу». Теорія Зюльцера господствовала въ литературѣ, она проникла въ школы, проводилась въ учебникахъ и руководствахъ. Это для насъ совершенно понятно, нравоучительное направленіе, какъ мы объ этомъ еще подробнѣе будемъ говорить впоследствии, составляетъ отличительную черту всѣхъ литературныхъ произведеній второй половины XVIII вѣка. Многіе писатели, во главѣ съ Н. И. Новиковымъ, проводили неуклонно это направленіе и въ книгахъ и въ журналахъ.

Въ частности въ области эпической поэзіи руководствомъ для писателей и преподавателей служилъ «Опытъ эпической поэзіи» Вольтера, переведенный кн. Дашковой. По теоріи лирики достойной вниманія «Разсужденіе о лирической поэзіи, или объ одѣ» Державина¹⁾. Объясняя свойства лирической поэзіи, Державинъ высказываетъ свой взглядъ и на поэзію вообще. Существенною принадлежностью поэзіи онъ считаетъ нравоученіе. «Во всѣхъ народахъ, говоритъ онъ, и во всѣхъ вѣкахъ принято было за правило, которое и по нынѣ между прямо просвѣщенными мужами сохраняется, что совѣтуютъ они въ словесности всякаго рода проповѣдывать благочестіе, или науки нравовъ. Особливо находятъ болѣе къ тому способную лирическую поэзію въ разсужденіи ея краткости и союза съ музыкою, чѣмъ удобнѣе она затверживается въ памяти, и, забавляя, такъ сказать, просвѣ-

¹⁾ Впервые напечат. въ Бесѣдѣ Любителей русскаго слова. Соч. Державина т. VII, стран. 516—611.

щаетъ царства». Такимъ направлениемъ, какъ извѣстно, проникнуты всѣ оды и другія стихотворенія Державина.

Въ XVIII вѣкѣ особенно въ большой модѣ были т. н. похвальные слова. Въ этихъ словахъ, кромѣ военныхъ героевъ и политическихъ дѣятелей, прославляли и героевъ и дѣятелей въ области наукъ и словесности. У насъ, рядомъ съ похвальными словами Димитрію Донскому и Суворову, писались похвальные слова Ломоносову, Сумарокову, Лепехину и др. Теоретическимъ руководствомъ при составленіи подобнаго рода похвальныхъ словъ служилъ между прочимъ «Опытъ о похвальныхъ словахъ» (*Essai sur les éloges*) Томаса, переведенный съ французскаго на русскій языкъ, какъ твореніе въ своемъ родѣ классическое¹⁾.

Подъ влияніемъ указанныхъ сочиненій по теоріи словесности у насъ въ XVIII вѣкѣ составлены были «Руководство къ ораторіи» арх. Екатеринославскаго Амвросія (Серебряникова), Пѣтика 1774 г. Арханг. архіепископа Аполлоса (Байбакова) и Реторика Княжнина, написанныя при преподаваніи словесности въ кадетскомъ корпусѣ.

Проф. Знаменскій говоритъ²⁾: «господствующимъ учебникомъ по пѣтикѣ была книжка Аполлоса Байбакова о стихотвореніи русскійскомъ и латинскомъ съ дополненіями изъ принятыхъ тогда риторикъ. Къ пѣтикѣ присоединилось еще ученіе о классическихъ древностяхъ или частіе о мифахъ, потому что главнымъ источникомъ поэтическаго изобрѣтенія и всѣхъ поэтическихъ красотъ считалась древняя мифологія, которой тогда обильно пользовались въ своихъ произведеніяхъ и не одни семинарскіе пѣты».

Изъ риторикъ на русскомъ языкѣ наиболѣе употребительными были реторики Ломоносова, Рижскаго, Амвросія, (Серебряникова) и затѣмъ Бургія, господствовавшія до конца XVIII вѣка. Что касается исторіи, то исторія, какъ извѣстно въ школахъ XVIII в. имѣла ограниченное распространеніе.

32. *Руководства по исторіи.* Въ Академіи Наукъ, какъ извѣстно, началась первая строго научная разработка русской исторіи — могущественное орудіе національнаго самосознанія.

¹⁾ Сухомлиновъ М. И. Истор. рос. Акад. IV, стран. 147.

²⁾ Духовныя школы въ Россіи, стран. 750.

Миллеръ, Шлецеръ, Стриттеръ, Ломоносовъ и др. несомнѣнно приготовили дорогу Карамзину. Но въ школу исторія проникала мало, не было и подходящихъ руководствъ къ ея преподаванію.

По русской исторіи, въ качествѣ руководства, употреблялась въ школахъ «Древняя російская исторія» Ломоносова, заключающая «краткій російскій лѣтописецъ», дававшій въ себѣ перечень великихъ князей и царей русскихъ отъ Рюрика до Петра I включительно и «Родословіе російскихъ государей», доведенное до послѣдняго времени... «Какъ въ поэзіи главнымъ элементомъ считался элементъ дидактическій, такъ и на исторію смотрѣли, какъ на собраніе поучительныхъ примѣровъ. «Она даетъ, говоритъ Ломоносовъ, государямъ примѣры правленія, подданнымъ повиновенія, воинамъ мужества, судіямъ правосудіе, младымъ старый разумъ, престарѣлымъ сугубую твердость въ совѣтахъ... Когда вымышленныя (поэтическія) повѣствованія производятъ движенія въ сердцахъ человѣческихъ, то правдивая ли исторія побуждать къ похвальнымъ дѣламъ не имѣетъ силы, особливо жъ та, которая изображаетъ дѣла праотцевъ».

Съ открытіемъ дѣятельности комиссіи по устройству народныхъ училищъ введено было въ школы «Краткое руководство къ Російской исторіи», составленное для народныхъ школъ. Иногда исторія всеобщая и русская проходила по Гольбергу. Для всеобщей исторіи пособіемъ служила «Всеобщая исторія» Роллена, а руководствомъ «Всемирная исторія, изданная для народныхъ училищъ»¹⁾, впрочемъ скоро замѣненная исторіей Шрека²⁾.

33. *Зрѣлище вселенныя* на латинскомъ, російскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, изданныя для народныхъ училищъ Російской имперіи. С.-Пб. 1788.

Въ этомъ изданіи помѣщено 80 статей, каждая съ эстампомъ, заключающимъ въ себѣ описаніе вселенной, произрастеній, животныхъ, насѣкомыхъ, рыбъ, понятіе о земледѣліи, скотоводствѣ, пчеловодствѣ, рыбной, птичьей и звѣриной ловлѣ, о садоводствѣ, о разныхъ ремеслахъ и производствахъ, и о различныхъ предметахъ, какъ-то: что такое корабль, бумага, типографія, городъ, воинъ, училище и т. п.

¹⁾ См. главу XXVII, 15. Ист. рус. пед. II, стран. 397.

²⁾ Ib., 14. Ист. рус. пед. ч. II.

Въ каждой статьѣ приведены слова на трехъ языкахъ — русскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ. «Зрѣлище вселенныя» заимствованы изъ извѣстнаго сочиненія Амоса Коменскаго., «*Orbis pictus*», которое долгое время считалось предметомъ подражанія во всѣхъ европейскихъ литературахъ.

34. Кромѣ того Ив. Стритеромъ составлена была Исторія Россійскаго государства, издана была комиссіей краткая грамматика древняго греческаго языка, руководство къ механикѣ, гражданской архитектурѣ, краткое разсужденіе о минералогіи.

Всѣ учебники изданы «по Высочайшему повелѣнію».

Источники и пособія.

О должностяхъ чловѣка и гражданина книга къ чтенію опредѣленная въ народныхъ городскихъ училищахъ 1817 г. 11-е тисненіе. Начертаніе естественной исторіи, изд. для народныхъ училищъ Россійской имперіи, 2 части, второе изданіе 1789.

Главное пособіе: гр. Д. А. Толстой. Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II С.-Пб. 1886. Другія пособія: Списокъ славянскихъ и русскихъ грамматикъ, изданныхъ на славяно-русскихъ языкахъ, наход. въ Лѣтоп. второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 1855 г. П. З на м е н с к і й. Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. Казань 1881 г. — Л. В е с и н ъ. Историческій обзоръ учебниковъ общей и русской географіи, изданныхъ со времени Петра Великаго по 1876 годъ. (1710—1876 гг.) С.-Пб. 1876 г. И. П о р ф и р ѣ в ъ. Исторія русской словесности. Ч. II, отд. II. Казань 1884 г.

ГЛАВА XXVI.

Женское образованіе и воспитаніе при императрицѣ Екатеринѣ II.

Женское воспитаніе временъ Екатерины II. Въ то время какъ въ Россіи были уже хорошо организованныя мужскія высшія и среднія школы, объ образованіи женщинъ никто еще не думалъ; въ церковно-приходскихъ школахъ изрѣдка попадали среди мальчиковъ и дѣвочки; да для образованія дѣвочекъ существовали пансіоны, гдѣ воспитателями были по преимуществу иностранцы.

Императрица Екатерина II, въ бытность еще великою княгинею, обратила серьезное вниманіе на этотъ вопросъ и въ собственноручныхъ замѣткахъ писала: «Учрежденіе С. Сира. Лучшимъ и болѣе удобнымъ средствомъ подражать ему съ пользою

было бы вызвать наставницу классовъ и получить уставы и журналы заведенія непосредственно отъ французскаго двора, такъ какъ дамы св. Людовика обязаны держать ихъ въ тайнѣ. Домъ найти не трудно, такъ же какъ и средства. А чтобы помѣшать невѣждамъ кричать о монахинѣ французкѣ и ея ереси, надо, подъ видомъ частнаго воспитанія, поручить ей сначала одну или двухъ сиротъ, которыя впоследствии могли бы быть наставницами въ заведеніи, и такимъ путемъ, когда изъ года въ годъ приготавливалось бы достаточное число русскихъ наставницъ, можно было бы обходиться безъ помощи французенокъ. Это тѣмъ легче, что въ С. Сирѣ принято за правило поручать болѣе юнымъ пансіонеркамъ обучать другъ друга тому, въ чемъ одна болѣе свѣдуша передъ другою¹⁾.

Какъ пришла ей эта мысль, мы не знаемъ; о существованіи Сен-Сира Екатерина II могла слышать еще, живя въ Германіи, а потомъ изъ рассказовъ Бецкаго, который еще при Елисаветѣ Петровнѣ ѣздилъ за границу и осматривалъ различныя благотворительныя и воспитательныя учрежденія. Неизвѣстно также, были ли доставлены Екатеринѣ II уставы и журналы Сен-Сира. Но беря его за образецъ женскаго учебнаго заведенія, о которомъ она думала еще прежде своего вступленія на престоль, Екатерина II, какъ это обнаружилось впоследствии, ставила дѣло шире: она не ограничивалась цѣлью Сен-Сира давать государству образованныхъ женщинъ, а хотѣла ввести женское образованіе въ общую систему воспитанія русскаго юношества, руководствуясь при этомъ вполне государственною задачею — путемъ гуманнаго и рациональнаго воспитанія и образованія молодого поколѣнія обоого пола, улучшить породу русскихъ «отцовъ и матерей», доставить счастье отдѣльной личности и этимъ поднять благосостояніе всего государства²⁾.

Такое намѣреніе обнаружилось тотчасъ же по вступленіи ея на престоль. По воцареніи, одною изъ первыхъ мыслей Екатерины было учредить во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ «пансіонныя дома» или «воспитательныя академіи», составленіе плана

¹⁾ Сб. рус. ист. об., т. XVII, ст. 82. Замѣтки писаны между 1761—1762 гг. у Лихачевой стран. 99.

²⁾ Лихачева Е. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796 г.) стран. 100.

которыхъ она поручила нѣсколькимъ лицамъ и въ томъ числѣ Теплову, одному изъ образованнѣйшихъ людей того времени.

Представленная Тепловымъ императрицѣ записка¹⁾ о воспитательныхъ академіяхъ несомнѣнно свидѣтельствуеъ о близкомъ знакомствѣ автора съ извѣстными идеями западно-европейскихъ педагоговъ. Тутъ есть и воспитаніе главнымъ образомъ примѣромъ (о чемъ, впрочемъ, настойчиво говорили древне-русскіе педагоги), и пребываніе воспитателей съ дѣтьми, «отеческое» отношеніе къ нимъ, дружескій, пріятный, шуточный разговоръ съ ними. «Самая вышняя обстановка академій должна быть по проекту Теплова, такова, чтобы житье въ нихъ казалось дѣтямъ, не темницей, но мѣстомъ пріятнымъ, ибо бѣдное черезчуръ содержаніе мертвитъ духъ и мысли».

Нѣкоторыя изъ изложенныхъ въ запискѣ Теплова мыслей вошли въ докладъ Бецкого «Генеральное учрежденіе о воспитаніи юношества обоого пола». Но еще раньше Бецкой формулировалъ свои мысли въ «Генеральномъ Планѣ Императорскаго Воспитательнаго Дома и Госпиталѣ», конфирмованномъ Екатериною 26 августа 1763 года. «Безъ сомнѣнія», говоритъ Бецкой, «справедливо оное всего свѣта общее мнѣніе, что добрые или худые нравы каждаго человѣка во всю его жизнь зависятъ отъ перваго его добраго или худого воспитанія»²⁾.

На первомъ мѣстѣ такого воспитанія Бецкой ставитъ гуманность въ обращеніи съ дѣтьми. Такъ какъ все воспитаніе должно было заключаться въ примѣрахъ, какіе они будутъ имѣть передъ собою, то, чтобы не приучить ихъ къ суровости, запрещались въ Воспитательномъ Домѣ побои и вообще всякія тѣлесныя наказанія, даже по отношенію къ служащимъ³⁾.

Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ обнародованія первой части Генеральнаго Плана, Бецкой представилъ императрицѣ извѣстный свой докладъ «Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоого пола юношества», положенный въ основу правительствен-

¹⁾ Мнѣніе о провинціальныхъ школахъ, представленное императрицѣ Екатеринѣ II т. сов. Тепловымъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1844 г., июнь, ст. V), у Лихачевой, стр. 100.

²⁾ Учрежденія и уставы, касающіеся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества обоого пола. 1774 г. Т. I.

³⁾ Генер. пл., гл. 5, § 10.

ной системы воспитанія при Екатеринѣ II, разобранный нами выше¹⁾.

Узаконенныя Генеральнымъ Учрежденіемъ правила воспитанія русскаго юношества, между прочимъ, легли въ основу уставовъ: воспитанія 200 благородныхъ дѣвиць (2 мая 1764 года) и особливаго училища при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ для малолѣтнихъ дѣвушекъ (мѣщанское отд., января 31, 1765 г.); эти же правила должны были быть примѣнены къ основанному раньше училищу мѣщанскихъ дѣвушекъ. Такимъ образомъ, относительно всего, касающагося собственно воспитанія, все русское юношество было подчинено однимъ и тѣмъ же правиламъ. Поэтому во всѣхъ уставахъ встрѣчаются одинаковыя для всѣхъ, часто даже однѣми и тѣми же словами выраженные предписанія относительно воспитанія, согласно главному, 10-му пункту Генеральнаго Учрежденія. Кротость, благопристойность, учтивость, благоразуміе, справедливость, а также непритворная веселость, отсутствіе лишней важности и строгости въ обращеніи съ дѣтьми требуются какъ отъ начальницы воспитательнаго общества благородныхъ дѣвиць и ея помощницъ, такъ и отъ генерал-директора, ценсора, подполковника, вообще всѣхъ военныхъ лицъ, приставленныхъ къ воспитанію кадетъ; въ программы всѣхъ учебныхъ заведеній включены, какъ особый предметъ, «правила благонравія».

Образованіе. Въ программѣ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвиць заключаются: «всѣ правила добраго воспитанія, благонравія, свѣтскаго обхожденія и учтивости» (§ 2). Что касается программы ученія, то въ воспитательномъ обществѣ съ перваго самаго младшаго класса (отъ 6 до 9 лѣтъ), кромѣ русскаго языка, должны были преподаваться и иностранные языки, также ариѳметика; затѣмъ еще рисованіе, танцы, музыка и рукодѣлія. Во 2-мъ возрастѣ (отъ 9 до 12 лѣтъ), кромѣ указанныхъ предметовъ, обучали географіи и исторіи. Въ 3-мъ (отъ 12 до 15 лѣтъ) присоединялось обученіе «словеснымъ наукамъ, къ коимъ принадлежитъ чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ», часть архитектуры и геральдики. Наконецъ, въ 4-мъ (отъ 15 до 18 лѣтъ) полагалось Уставомъ: 1) зна-

¹⁾ Истор. русск. педаг., ч. II. гл. XX.

ніе совершенное закона; 2) всѣ правила добраго воспитанія, благоправія, свѣтскаго обхожденія и учтивости; 3) повтореніе всего прежняго, въ чемъ совершеннаго знанія еще не имѣють и 4) во всѣ части экономіи дѣйствительно вступаютъ по очереди¹⁾.

При обученіи благородныхъ дѣвицъ предписывается соблюдать общія для всѣхъ правила: чтобы учителя и учительницы не заставляли дѣтей много учить наизусть, «чтобы не отягощали незрѣлый умъ излишними понятіями, не принуждали къ ученію съ жестокостію, чтобы оно «въ самомъ началѣ не показывалось имъ горестію и не поселилось бы къ нему отвращеніе», чтобы разбирали «сложеніе ребенка: скоропонятенъ ли онъ или медлителенъ въ понятіяхъ и пр.²⁾. Напротивъ, учительницамъ предписывается «стараніемъ, искусствомъ и трудами нечувствительно достигнуть до того, отъ чего прямо происходитъ, что та или другая въ наукѣ не успѣваетъ». Учительницы должны были наблюдать успѣхи каждой дѣвицы, прилежаніе ихъ или лѣность, и употреблять разные способы для возбужденія въ нихъ вящей къ обученію ревности³⁾. Въ числѣ способовъ обученія наибольшую важность уставъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ придаетъ «приваживанію дѣвицъ къ чтенію книгъ «и возлагаетъ на учительницъ «вперячь въ нихъ охоту къ книгамъ»⁴⁾. Уставъ совѣтуетъ «шаче всего возбуждать въ воспитанницахъ охоту къ чтенію книгъ, какъ для собственнаго увеселенія, такъ и для происходящей отъ того пользы». При воспитательномъ обществѣ полагалось имѣть бібліотеку. Чтеніе историческихъ и правоучительныхъ книгъ включено было въ самую программу ученія благородныхъ дѣвицъ, начиная съ 3-го возраста.

Чтобы воспитанницы Смольнаго монастыря могли быть впоследствии полезными себѣ и обществу, онѣ, начиная съ 4-го т.-е. старшаго возраста, должны были поочередно, по двѣ каждый день, обучать въ двухъ первыхъ классахъ маленькихъ воспитанницъ; это предписывалось какъ для того, чтобы «возбудить

¹⁾ Гл. 1, разд. 2.

²⁾ Гл. 1, § 8, разд. 5.

³⁾ § 10.

⁴⁾ § 5.

въ дѣвицахъ прочихъ трехъ классовъ похвальную ревность», такъ и для заблаговременнаго навыка какъ имъ, будучи матерями, обучать дѣтей своихъ и въ собственномъ своемъ воспитаніи найти себѣ великое вспоможеніе, въ какомъ бы состояніи имъ жить ни случилось¹⁾.

«Стихотворство, геральдика, архитектура, музыка, пѣніе, рисованіе, искусство представлять «нѣкоторыя драматическія сочиненія» должны были способствовать тому, чтобы сдѣлать воспитанницъ пріятными членами общества, котораго онѣ служили бы украшеніемъ. Кромѣ того Уставъ желалъ, чтобы онѣ изучали правила домоводства.

Такъ какъ воспитанницы Смольнаго монастыря, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, предназначались для жизни въ свѣтскомъ обществѣ, то на ихъ свѣтское воспитаніе обращено вниманіе въ Уставѣ. Особенно Уставъ обращалъ вниманіе на развитіе въ нихъ опрятности и учтивости. Рядомъ съ этимъ стоитъ пріученіе воспитанницъ къ «пристойной и благородной скромности въ поведеніи, осанкахъ пріятныхъ, разговорахъ вѣжливыхъ и разумныхъ, въ ласковыхъ поступкахъ». Для этого учительницамъ, въ числѣ другихъ мѣръ, предписывается, какъ только воспитанницы начнутъ понимать и говорить на иностранныхъ языкахъ, по окончаніи классовъ, вступать съ ними въ разговоры, позволяя каждой высказывать и объяснять свои мысли «съ пристойною вольностью», поощрять, чтобы и между собою онѣ разговаривали, причемъ должно было поощряться въ нихъ и остроуміе, ибо «изрядно и къ статѣ сказанное слово будетъ для другихъ наставленіемъ и поощреніемъ къ подражанію» (гл. 2, § 14).

Управленіе. 5-го мая 1764 г. былъ объявленъ именной указъ императрицы Екатерины «О воспитаніи благородныхъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ при Воскресенскомъ монастырѣ». Къ указу былъ приложенъ уставъ и штатъ «сего Воспитательнаго Общества». Воскресенскій монастырь находился за городомъ, на мѣстѣ, гдѣ при шведскомъ владычествѣ было урочище — Смоляной дворъ, почему въ публикѣ вошло въ обычай называть его Смольнымъ монастыремъ. Зданіе монастыря, по плану извѣстнаго Рострелли, было отстроено вчернѣ въ 1759 г. На первые расходы

¹⁾ Гл. 2, § 8.

по устройству новаго учебнаго заведенія было ассигновано 60 тыс. рублей. Когда же въ 1766 г. было открыто и мѣщанское отдѣленіе для воспитуемыхъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ дворянскихъ и мѣщанскихъ дѣвицъ, Государыня повелѣла отпустить 2.500,000 рублей «съ тѣмъ, чтобы оное воспитаніе производимо было получаемыми уже съ той суммы процентами».

Управленіе дѣлами Воспитательнаго Общества по Уставу возлагалось на совѣтъ попечителей «четырехъ знатныхъ особъ, господъ сенаторовъ или другихъ именитыхъ чиновъ», назначаемыхъ самою императрицею. Они обязывались Уставомъ управлять свою должность попеременно, изъ одной чести и любви къ ближнему, засѣдая въ собраніи какъ для совѣта и свидѣтельства дворянства молодыхъ дѣвицъ, такъ и для экономіи. Главнымъ же, почти полновластнымъ лицомъ по управленію, надзору и по всѣмъ распоряженіямъ относительно воспитанія, обученія и хозяйства, поставлена была начальница. Ей же предоставлялось право назначенія и увольненія служащихъ. Но за то начальница должна служить примѣромъ для всѣхъ, она должна быть любимой и почитаемой. Въ помощь начальницѣ опредѣлялась правительница, на особомъ попеченіи которой лежало наблюденіе за надзирательницами и учительницами, а также «крайнее раченіе о чистотѣ и учтивости». Для ближайшаго надзора за воспитанницами полагалось четыре надзирательницы, по одной на каждый классъ. Онѣ должны были постоянно быть при дѣтяхъ, помогать учительницамъ и въ случаѣ надобности замѣнять ихъ. Обученіе воспитанницъ ввѣрялось 12-ти учительницамъ, кромѣ монахинь, которыя должны были обучать лишь грамотѣ самыхъ маленькихъ. Учительницы, также какъ и надзирательницы, должны были быть постоянно съ дѣтьми. Главный пунктъ, упущеніе по которому учительницею, какъ сказано въ Уставѣ¹⁾, прощаемо быть не можетъ, это чистота и учтивость. Учительницамъ предписывалось также «благоразумными и искусно къ слову приведенными разговорами, при всякомъ случаѣ удобнѣе въ мысли молодыхъ дѣвицъ впередъ благодѣланіе и вкоренять оное въ нѣжныя ихъ сердца; а всякій пунктъ наставленія, о чемъ бы ни былъ, довольный способъ къ нравоученію

¹⁾ Гл. 1, разд. 6, § 15.

подать можетъ¹⁾. «На ихъ обязанности лежало также стараніе, чтобы дѣвицы «не привыкали излишне важничать, а потомъ и унылый видъ являть». Учительницы должны были обучать не только иностраннымъ языкамъ, но и всѣмъ предметамъ и только въ крайнемъ случаѣ, ежели въ какихъ наукахъ учительницъ не сыщется, то вмѣсто нихъ опредѣлялись учителя или мастера²⁾. Последнимъ внушалось³⁾, «чтобы они вели себя благопристойно съ дѣвицами со всякою учтивостію, должною ихъ полу и породѣ, такъ что еслибы случилось имъ (что-либо?) и представлять, то въ пристойныхъ, а отнюдь не подлыхъ или грубыхъ изображеніяхъ».

По штату полагалось при Воспитательномъ Обществѣ 12 учительницъ и 17 учителей: 2 — російскаго языка, 3 — иностранныхъ языковъ, 2 — танцмейстера, 3 — рисовальныхъ мастера, 2 — музыки вокальной, 2 — музыки инструментальной, 2 — географіи, исторіи и геральдики, 1 — для показанія нѣкоторыхъ правилъ архитектуры.

Внѣшняя организація брата воспитанницъ была взята изъ Сен-Сира. Такъ же какъ тамъ, онѣ раздѣлялись на четыре возраста, при чемъ каждый отличался отъ другого цвѣтомъ платья. Но Смольный монастырь не былъ копіей Сен-Сира.

Взявъ за образецъ для Воспитательнаго Общества внѣшнюю организацію Сен-Сира, Екатерина создала, какъ Вольтеръ называлъ, Воспитательное Общество «plus que St.-Cyr»⁴⁾.

На первые два года членами Совѣта Воспитательнаго Общества были назначены: И. И. Бецкой и П. И. Панинъ, князь П. Трубецкой и С. Козминъ. Начальницей Воспитательнаго Общества была назначена княжна Анна Сергѣевна Долгорукова, но должность эту исполняла она не долго. Правительницей была опредѣлена съ самаго начала вдова д. ст. сов. де-Лафонтъ, которая, по увольненіи княжны Долгоруковой (1768 г.), исполняла обязанности начальницы до 1773 г. и, утвержденная въ должности, оставалась въ этомъ званіи тридцать лѣтъ.

Повидимому, де-Лафонтъ исполнѣ отвѣчала требованіямъ Екатерины отъ воспитательницы, выраженнымъ ею въ письмѣ

1) Уст. вос. двухсотъ благ. дѣв. Гл. I, разд. 6, § 2.

2) Ib. Гл. I, разд. 6, § 16.

3) Ib. § 18.

4) Oeuvres completes de Voltaire. T. XLII у Лихач.

къ г-жѣ Біельке: «не молода, не католичка, все равно какого званія, но лучше изъ знатныхъ. Особа не титулованная, безъ должности, независимая, будетъ для меня превосходна»¹⁾. По словамъ Ржевской, Лафонъ была кротка, умна, веселая и съ знаніями. Воспитанницы ее любили и были откровенны съ нею, а она, по крайней мѣрѣ такъ было съ Ржевской, если вѣрить ей словамъ — платила имъ тѣмъ же, и даже, вопреки предписанію Устава служащимъ скрывать свои огорченія отъ воспитанницъ, повѣряла нѣкоторымъ изъ нихъ свое горе. Ржевская, вообще скорѣе пристрастная къ Лафонъ, обвиняетъ однако ее въ томъ, что она во всемъ помогала Бецкому, и даже въ вещахъ недостойныхъ, если вѣрить правдивости автора Записокъ. Надзирательницы, такъ же какъ и учительницы, въ первое время все были иностранки: Паржь, Бернаръ, Ботрень, Берже, Буржуа, Нико, Эркенсъ, Дюпанъ и др.

28 іюня 1764 г. начался пріемъ въ Воспитательное Общество, а 7-го августа открылись засѣданія Совѣта. По Уставу дворянство каждой представляемой дѣвицы должно было доказываться «настоящими дипломами и справками изъ герольдіи», также дозволялось принимать и «офицерскихъ дѣтей». Но на первыхъ же порахъ оказалось невозможнымъ строго соблюсти эти предписанія. Желającychъ отдать въ Общество своихъ дѣтей изъ дворянъ явилось мало. Учрежденіе общественнаго учебнаго заведенія для знатныхъ дѣвушекъ не встрѣтило, особенно вначалѣ, сочувствія, а вызвало скорѣе изумленіе, преимущественно въ высшихъ кругахъ общества. Во всѣхъ семействахъ, принадлежавшихъ къ этимъ кругамъ, были гувернантки-иностранки, учившія дѣвушекъ, и это считалось достаточнымъ. Во многихъ семействахъ среднихъ дворянскихъ круговъ, дочерей въ столицахъ отдавали въ пансіоны, содержимыя иностранцами и иностранками; понемногу и въ эти круги стала переходить мода приглашать, или, какъ тогда обыкновенно выражались, нанимать «мадамъ» или «мамзель» къ дочери.

На этихъ иностранцевъ обращалось вниманіе еще при Елисаветѣ въ 1755 г.²⁾ Составъ ихъ даже въ столицахъ былъ та-

¹⁾ Сб. р. и об. Т. X, ст. 47.

²⁾ Указъ, запрещающій обучать и воспитывать русскихъ дѣтей иностранцамъ, предварительно не выдержавшимъ экзамена въ Академіи Наукъ.

ковъ, что французскій посланникъ, только-что тогда прїѣхавшій въ Россію, счелъ нужнымъ обратить на нихъ вниманіе русскаго правительства. По словамъ секретаря французскаго посольства Ла-Мессельера, большинство цѣлыми массами являвшихся въ посольство французовъ и французенокъ, взявшихся въ Россіи за воспитаніе юношества, были «бѣжавшіе изъ Франціи и скрывавшіеся отъ полиціи дезертиры, банкроты, развратники обоого пола», вообще, какъ удачно выразился Ла-Мессельеръ «пѣна Франціи»¹⁾. Эта «пѣна» продолжала свое учительское ремесло и при Екатеринѣ. И. И. Шуваловъ, основатель Московскаго университета, рассказывалъ, что онъ выписалъ для кадетскаго корпуса восемь французовъ-лакеевъ и всѣ они разошлись учителями по домамъ²⁾. Можно себѣ представить какъ трудно было выбрать изъ подобныхъ людей хорошихъ наставниковъ, а въ особенности хорошихъ наставницъ для вновь учреждавшагося Воспитательнаго Общества. Какъ бы то ни было, основаніе этого общества было дѣломъ весьма важнымъ, оно положило впервые начало правильному женскому образованію въ Россіи.

Указомъ 31 января 1765 г. повелѣвалось во всѣхъ губерніяхъ заводить воспитательныя училища, по примѣру Смольнаго монастыря, а при Воскресенскомъ монастырѣ учреждалось отдѣленіе для мѣщанскихъ дѣвушекъ.

Мысль Екатерины II обучать и воспитывать мѣщанскихъ дѣвицъ въ особомъ училищѣ не покажется странною, если вспомнить, что Императрица поставила себѣ задачею перевоспитать весь свой народъ, создать новую породу отцовъ и матерей, а кромѣ того, можетъ быть, была у Императрицы и другая мысль, что мѣщанскія дѣвушки, такъ же какъ и крѣпостныя «будутъ первыми наперстницами дочерей дворянина». Ихъ не обучали географіи и исторіи, не преподавали иностранныхъ языковъ. Всего за время Императрицы Екатерины II получило въ Обществѣ воспитаніе 1316 дѣвицъ, окончило курсъ 850: 440 на благородной половинѣ и 410 на мѣщанской.

Нравственное, свѣтское, а также физическое воспитаніе дѣвицъ должно было завершаться до выхода ихъ изъ Смольнаго монастыря.

¹⁾ Записки Ла-Мессельера о пребываніи въ Россіи съ мая 1757 г. по мартъ 1759 г. (Рус. Арх. 1874 г., тет. 4, ст. 973).

²⁾ Тимковскій. Мое опредѣленіе въ службу.

Физическое воспитаніе. На физическое воспитаніе обращалось большое вниманіе. Воспитанницы должны были гулять въ хорошую погоду въ садахъ, а въ дурную — въ особо для того устроенныхъ мѣстахъ. Въ спальняхъ долженъ былъ провѣтриваться воздухъ; топить печи предписывалось, съ умѣренностью и «по термометру».

Воспитаніе. Уставъ предписывалъ «паче всего стараться все общество содержать въ забавахъ». На изученіе иностранныхъ языковъ обращалось большое вниманіе: воспитанницы должны были на нихъ не только хорошо читать и писать, но и говорить; съ этою цѣлью онѣ должны были заучивать наизусть «краткія исторіи и нравоучительныя рѣчи искусныхъ мужей, дабы время отъ времени пріятнымъ обхожденіемъ, пріобрѣтая больше познанія, въ состояніи были уподобляться или равняться съ тѣми, кои больше уже знаніе въ чемъ-либо имѣютъ»¹⁾).

О первыхъ годахъ внутренней жизни въ Смольномъ монастырѣ сохранился едва ли не единственный источникъ свѣдѣній въ запискахъ, оставленныхъ Ржевскою²⁾. По словамъ Ржевской, основою воспитанія въ Смольномъ въ ея время служило совершенное равенство всѣхъ воспитанницъ. «Это», говоритъ она, «была община сестеръ, подчиненныхъ однимъ общимъ для всѣхъ правиламъ; единственнымъ отличіемъ между воспитанницами служили достоинства и таланты».

О своемъ пребываніи въ Воспитательномъ Обществѣ Ржевская говоритъ, какъ о счастливѣйшемъ времени жизни. Если вѣрить Ржевской, воспитанницы ея времени были очень скромны и благонравны, «о порокахъ мы понятія не имѣли», говоритъ она. О Бецкомъ она отзывается съ большою похвалою.

Императрица Екатерина кротко и милостиво обращалась съ дѣтьми, причемъ, однако, никогда не роняла своего достоинства. Часто навѣщая и бесѣдуя запросто съ воспитанницами, Екатерина II не только знала ихъ почти всѣхъ по именамъ, но и переписывалась съ нѣкоторыми изъ нихъ. Сохранившіяся и напечатанныя въ Рус. Архивѣ³⁾ четыре ея письма къ Левши-

¹⁾ Гл. 1, разд. 6, § 12.

²⁾ Памятныя записки Глафиры Ивановны Ржевской, первой воспитанницы Смольнаго монастыря. Рус. Арх. 1871 г., № 1.

³⁾ 1870 г., кн. 3.

ной (впослѣдствіи княгини Черкасской) ярко рисуютъ отношенія Императрицы къ воспитанницамъ и Смольному.

Въ одномъ изъ писемъ (1772 г.) къ Вольтеру, Екатерина, восхищаясь воспитанницами Смольнаго, высказываетъ свое мнѣніе о нихъ, говоря, что онѣ превзошли все ожиданія, что успѣхи ихъ удивительны; что все находятъ, что онѣ становятся столь же любезными, сколь обогащенными знаніями; полезными для общества, что вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ обладаютъ безукоризненною нравственностью, однако же безъ мелочной строгости монахинь¹⁾. Описывая ихъ воспитаніе, она говоритъ: «Мы ихъ воспитываемъ для того, чтобы онѣ были отрадой семействъ, въ которыя вступятъ; мы не хотимъ сдѣлать ихъ ни жеманными, ни кокетками, но любезными, способными воспитывать собственныхъ дѣтей и вести свой домъ»²⁾.

Мы не знаемъ, какъ достигались эти цѣли. Одно несомнѣнно, что воспитаніе въ Смольномъ было проникнуто гуманными и просвѣтительными цѣлями; однако больше обращалось вниманіе на выработку внѣшности, чѣмъ на просвѣщеніе ума. Большое вниманіе обращалось на то, чтобы научить воспитанницъ держать себя въ свѣтѣ, въ обществѣ. Все вокругъ воспитанницъ должно было помогать этой задачѣ воспитанія. Разговаривали на изящномъ французскомъ языкѣ, не допускавшемъ вульгарныхъ выраженій; учительницы и надзирательницы должны были быть всегда ласковыми, учтивыми, пріятными и благовоспитанными, онѣ должны были быть неотлучно съ воспитанницами и не допускать до разговоровъ съ служанками. Даже отъ швейцара Совѣтъ, въ особо составленной инструкціи, требовалъ «учтивости, пріятности, благопристойности».

Иногда воспитанницамъ разрѣшалось устраивать театральныя представленія, которымъ покровительствовала сама Императрица.

Программы и ученіе. Учрежденная въ 1782 г. комиссія о народныхъ училищахъ прежде всего занялась изслѣдованіемъ состоянія учебной части Воспитательнаго Общества и нашла его неудовлетворительнымъ. Признавъ, что успѣхи воспитанницъ затрудняются тѣмъ, что большая часть наукъ преподается

¹⁾ Сбор. Ист. об., т. XIII, ст. 212. Письмо къ Вольтеру отъ 30 января 1772 г.

²⁾ Письмо отъ 23 марта 1772 г.

на иностранномъ языкѣ, коего дѣвицы довольно къ тому не разумѣютъ, комиссія постановила: 1) всѣ науки преподавать въ Обществѣ, какъ въ народныхъ училищахъ, на російскомъ языкѣ; 2) вмѣсто неспособныхъ учительницъ избрать искуснѣйшихъ учителей, которыхъ освидѣтельствовать директору Янковичу въ ихъ знаніи. Вмѣстѣ съ новою программю, комиссія подробно изложила и способъ преподаванія. Онъ долженъ быть нагляднымъ, имѣть характеръ бесѣды учителя съ воспитанницами, развивать въ нихъ память, вниманіе, разсудокъ и даже волю. Для изощренія первыхъ двухъ способностей рекомендовался «табличный способъ»¹⁾. Кромѣ того, по мнѣнію комиссіи, разсудокъ и воля должны были «исправляться вопрошеніемъ, ибо когда дѣти черезъ вопросы полезныя предметы совершенно поняли, тогда преклоняется къ онымъ руководствомъ искуснаго учителя любовь дѣтей и желаніе достигнуть оныхъ». Для учителей комиссія рекомендовала по субботамъ повтореніе пройденнаго ими въ теченіе недѣли. Для этого всѣ учителя должны были собираться вмѣстѣ и разговаривать съ воспитанницами, каждый о своемъ предметѣ, причемъ былъ даже данъ образецъ такихъ собесѣдованій²⁾.

Всѣ науки: физику, геометрію, архитектуру, воспитанницы должны были читать по таблицамъ, «также какъ и прочія къ чтенію опредѣленныя книги», а учитель тщательно изъяснять все ими читаемое «болѣе видимыми, нежели отвлеченными доказательствами». Въ заключеніе комиссія опредѣлила цѣль, къ которой должно быть направлено воспитаніе дѣвицъ. Первоначальная идея общечеловѣческаго, всесторонняго развитія всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ женщины была сужена и специализована комиссіею въ чисто женскую. «Такъ какъ намѣреніе и конецъ воспитанія дѣвицъ, сказано въ Расположеніи³⁾, состоитъ наипаче въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ добрыми хозяйками, вѣрными супругами и попечительными матерями, то нужно сочинить для того такую книжку, по которой бы онѣ, читая ее подѣ

¹⁾ Разобранный нами въ главѣ XXIII, ст. 317 и въ XXIV, ст. 339 этого сочиненія.

²⁾ См. у Лихачевой, ст. 218.

³⁾ Расположеніе ученія въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ по введенному въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи примѣру (Арх., IV отд. Соб. Его Им. Велич. канц.), у Лихачевой, ст. 219.

присмотромъ надзирательницъ своихъ, наставляемы быть могли: А) въ правилахъ какъ въ супружескомъ состояніи въ разсужденіи мужа поступать; Б) какъ вести себя, какъ матери, въ разсужденіи дѣтей: 1) во время беременности, 2) грудокормленія, 3) во время младенчества дѣтей и ихъ отрочества, когда начнутъ ужъ обучаться и 4) при выборѣ учителей и учительницъ и въ обхожденіи своемъ съ ними; В) въ правилахъ домоводства: 1) общія правила домоводства находятся въ книгѣ о должностяхъ челоуѣка и гражда-нина, 2) домоводство по городамъ въ благородныхъ домахъ, 3) знаніе цѣны вещей, къ домоводству принадлежащихъ, 4) сельское домоводство, 5) садовыя заведенія и 6) веденіе прихода и расхода.

Мы не знаемъ, какое дѣйствіе произвело на Императрицу Екатерину изслѣдованіе комиссіи учебной части Воспитательнаго Общества, которое оказалось въ неудовлетворительномъ состояніи. Можно думать, что это было ей неприятно и усилило ея охлажденіе къ Бецкому.

На другой же годъ послѣ того, какъ введена была комиссіею новая учебная система, составъ опредѣленныхъ въ Обществѣ учителей началъ измѣняться и въ послѣдствіи мѣнялся часто; мѣнялась и самая программа преподаванія.

Но и способъ, предложенный комиссіею, далеко не выполнялся. Объясненіе причинъ этому мы находимъ (со словъ г. Лихачевой) въ «Примѣчаніяхъ» инспектора надъ классами Кириака, представляющихъ кромѣ того единственный источникъ свѣдѣній, чему и какъ учили въ Смольномъ монастырѣ за время съ 1783 г. по 1796 г.

Въ Примѣчаніяхъ къ преподаванію всѣхъ наукъ по таблицамъ, какъ это предписала комиссія, Кириакъ говоритъ, что должно быть оставлено, какъ требующее отъ учителя много времени и затрудняющее малыхъ дѣтей. Относительно «вопрошеній» онъ признаетъ, что они способствуютъ къ исправленію разсудка; «но какъ оными», замѣчаетъ Кириакъ, «исправляется воля, того не разумѣю». Къ субботнимъ повтореніямъ при собраніи всѣхъ учителей онъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Сколь способъ сей полезенъ, легокъ и пріятенъ (слова «Расположенія»), видно изъ того, что онъ презрѣнъ и брошенъ при самомъ началѣ. Здравомыслящія особы тогда же видѣли, что сей способъ собесѣдованія представляетъ больше комическое зрѣлище, чѣмъ учи-

тельскую бесѣду, и опасаясь, чтобы иногда между ревностными учителями не произошла и трагикомическая сцена, тогда же оставили безъ исполненія». Говоря вообще о способѣ, какимъ преподавались науки въ Обществѣ, Кириакъ замѣчаетъ, что «никто изъ учителей не отвергаетъ съ разумомъ сходнаго и прямо полезнаго, каковы суть: вопрошенія, различнымъ образомъ перемѣняемая, всевозможныя изъясненія всѣхъ словъ и вещей, примѣры и грамматическія правила, совокупное чтеніе». Всѣ же малости», прибавляетъ онъ, «не есть ли, такъ сказать смѣю, нелѣпости въ образѣ ученія предписанныя, какъ ничего существеннаго въ себѣ не заключающія и съ самаго начала оставлены безъ всякаго вниманія». О преподаваніи исторіи и географіи Кириакъ говоритъ, что воспитанницы начинаютъ проходить эти науки гораздо сокращеннѣе, чѣмъ предписано комиссіею, но по мѣрѣ успѣховъ и распространенія ихъ понятій, исторія предлагается имъ гораздо пространнѣе, ибо кромѣ «сокращенной всемірной исторіи», изданной въ пользу народныхъ училищъ, имъ читаются, сколько позволяетъ время, на французскомъ языкѣ лучшіе по сей части классическіе писатели. О преподаваніи физики по способу комиссіи, т.-е. по таблицамъ, Кириакъ говоритъ, что она преподается въ Обществѣ, «какъ въ каждомъ другомъ училищѣ, безъ всякаго учебнаго способа. Учитель велитъ изъ книги прочесть какое-нибудь предложеніе, сдѣлаетъ опытъ и велитъ его пересказать воспитанницѣ. Признавая физику одною изъ полезнѣйшихъ наукъ для юношества, Кириакъ считаетъ довольнымъ преподавать ее въ послѣднемъ возрастѣ. Преподаваніе естественныхъ наукъ считаетъ излишнимъ. Геометрію же (не преподававшуюся въ обществѣ) онъ считалъ не только нужною, но необходимою въ воспитаніи юношества, ибо «сія наука, будучи основана на твердыхъ и неизблемыхъ началахъ и сохраняя всегда въ доказательствахъ своихъ непрерывный порядокъ, пріучаетъ умъ къ основательнымъ размышленіямъ и заключеніямъ непогрѣшительнымъ. Она есть самая естественная и самая лучшая логика къ образованію разсудка».

Вообще Кириакъ отнесся отрицательно къ постановленіямъ комиссіи и считаетъ ихъ «произведеніемъ тщеславія».

Результаты. Въ своемъ сочиненіи «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» кн. Щербатовъ говоритъ, что изъ Воспитательнаго

Общества не вышло «ни ученыхъ, ни благонравныхъ дѣвицъ, какъ только поколику природа ихъ симъ снабдила, и воспитаніе ихъ болѣе состояло играть комедіи, нежели сердце, нравы и разумъ исправлять». Сочиненіе это написано около 1788—1789 гг., т.-е. когда было уже пять выпусковъ изъ Смольнаго и прошло пять лѣтъ со времени разоблаченій, сдѣланныхъ комиссіей народныхъ училищъ относительно ученія и воспитанія въ Обществѣ. Однако, провѣрить результаты воспитанія въ Смольномъ за время имп. Екатерины II трудно. Бывшія воспитанницы сами высказывались о немъ мало. На полную правдивость показаній Ржевской нельзя полагаться. По ея словамъ, изъ смольнянокъ вышли прекрасныя супруги; во всѣхъ житейскихъ испытаніяхъ онѣ дѣйствовали прямо, энергично, защищая свои правила. Лишь немногія отступали отъ даннаго имъ хорошаго направленія.

Князь Долгоруковъ былъ два раза женатъ на «монастыркахъ». Въ «Капище моего сердца» онъ отзывается съ большою похвалою о своей первой женѣ, говоритъ, что она «занимала его разумъ, просвѣщала его понятіе, останавливала нерѣдко на скользкомъ пути заблужденій». М. А. Дмитріевъ, лично знавшій княгиню Долгорукову, отзывается о ней, какъ о женщинѣ, обладавшей душевной красотой, кроткой и добродѣтельной, «умирявшей душу своего мужа». Кромѣ того, кн. Долгоруковъ зналъ и другихъ бывшихъ воспитанницъ Смольнаго. О большинствѣ знакомыхъ ему монастыркахъ онъ отзывается какъ о «любезныхъ, добронравныхъ, милыхъ, веселыхъ и хорошихъ дѣвушкахъ». Почти всѣ они отлично говорили по-французски, хорошо танцевали и почти каждая обладала какимъ-либо талантомъ: или знала музыку, или пѣла, или отличалась на театрѣ. Но о нѣкоторыхъ кн. Долгоруковъ говоритъ даже съ благоговѣніемъ и то, что онъ о нихъ рассказываетъ, свидѣтельствуешь, что это дѣйствительно были женщины, выдѣлявшіяся по своимъ нравственнымъ качествамъ изъ общаго уровня современнаго имъ общества. Такимъ образомъ отзывъ кн. Щербатова является слишкомъ рѣзкимъ и его, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ ограничить.

Источники и пособія:

Глава эта написана на основаніи сочиненія Е. Лихачевой: Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796). С.-Пб. 1890 г. и всѣ важнѣйшія данныя приведены изъ этого сочиненія.

ГЛАВА XXVII.

Духовныя школы при императрицѣ Екатеринѣ II
и императорѣ Павлѣ I.

Духовныя школы. Мы уже знаемъ, что «Наказъ» императрицы провозгласилъ, что «правила воспитанія суть первыя основанія, приуготовляющія насъ быть гражданами». Правительство поставило себѣ задачей обновить русское общество нравственно, создавъ посредствомъ воспитанія «новую породу людей». Старыя учебныя заведенія подверглись преобразованію; рядомъ съ ними начали возникать новыя съ широкими образовательными и воспитательными цѣлями.

На духовныя школы Екатерина II обратила свое вниманіе въ первые же годы своего царствованія. Современнымъ состояніемъ духовныхъ школъ императрица была крайне недовольна. Она считала неудовлетворительными всѣ стороны быта семинарій и экономическую, и учебную, и воспитательную. Для поднятія уровня духовнаго просвѣщенія Екатерина II считала необходимымъ поднять благосостояніе и расширить курсы духовныхъ школъ. По инструкціи ея велѣно было въ каждой епархіи завести по одной семинаріи и по два — по три училища и на содержаніе тѣхъ и другихъ составить штаты, при чемъ опредѣлить жалованіе для всѣхъ учителей и сумму на учебныя пособія (библіотеки), вмѣстѣ съ тѣмъ расширить курсъ семинарскаго ученія введеніемъ общеобразовательныхъ предметовъ — математики, исторіи и географіи; ученикамъ рекомендовалось больше заниматься чтеніемъ въ имѣющихся составиться семинарскихъ библіотекахъ. Для преобразованія духовныхъ школъ императрица назначила комиссію изъ трехъ наиболѣе талантливыхъ духовныхъ лицъ: Гавріила, епископа тверскаго, Иннокентія псковскаго и іероманаха Платона Левшина. Составленный ими проектъ не былъ однако осуществленъ на практикѣ; между тѣмъ въ немъ было не мало интереснаго.

Относительно учебно-воспитательной части комиссія руководствовалась, какъ говорить проектъ, предписаніемъ императрицы «чтобы ученіе соединено было съ добрымъ учащимся воспита-

ніемъ». «Чтобы достигнуть сего, говорится далѣе, намъ надобно, чтобы учащіяся дѣти всѣ жили въ одномъ мѣстѣ, на однихъ благоразумныхъ правилахъ, подъ добрымъ и неопускаемымъ при-смотромъ, и всѣмъ для ихъ содержанія потребнымъ были бы снабдѣны». Учебный курсъ для семинарій, по проекту, начался въ 8 лѣтъ. Учителей рекомендовалось принимать въ школы съ строгимъ разборомъ, по надлежащемъ испытаніи ихъ въ знаніи предметовъ, которые они намѣрены преподавать, и удостовѣреніи въ ихъ доброй нравственности. Способъ преподаванія рекомендовался слѣдующій: первая обязанность учителя выслушать урокъ, потомъ толковать правила науки, которой обучаетъ, съ изъясненіемъ примѣровъ на всякую регулу, при чемъ спрашивать учениковъ, всѣ ли поняли; назначать въ низшихъ классахъ переводныя экзерциціи, а въ высшихъ пристойныя сочиненія въ присутствіи учителя, которыя учитель потомъ долженъ разобрать по регуламъ; всякую субботу дѣлать ученикамъ краткое повтореніе тѣхъ правилъ, которыя въ недѣлю толкованы, да и о томъ спросить, чтó читали ученики; при изученіи языковъ наблюдать, чтобы семинаристы говорили на нихъ. Такъ какъ всѣ учителя должныствовали быть вмѣстѣ и воспитателями, то проектъ налагалъ на нихъ обязанность внимательно наблюдать не только за успѣхами, но и за поведеніемъ семинаристовъ, посѣщать послѣднихъ въ жилищахъ, возбуждать ихъ совѣтами къ прилежному храненію учрежденнаго порядка, бывать съ ними въ церкви и во всемъ подавать собою примѣръ¹⁾. Въ праздничное время позволялось семинаристамъ заниматься музыкой и пѣніемъ. Въ педагогическихъ мѣраxъ проекта, касавшихся разныхъ школьныхъ проступковъ, находимъ значительное смягченіе прежней крайне суровой системы наказаній. Проектъ, какъ мы сказали, остался неутвержденнымъ, но многія мысли его не остались безъ приложенія къ практикѣ школьной жизни.

Въ маѣ 1765 г., когда комиссія продолжала составлять свой проектъ, гдѣ намѣчала организацію и московскаго духовнаго университета, императрица объявила Св. Синоду чрезъ оберъ-прокурора Мелиссино указъ о посылкѣ 10 человекъ изъ болѣе талантливыхъ семинаристовъ, дошедшихъ уже до реторики

¹⁾ Знаменскій, ст. 476—478.

въ Англію, «дабы въ университетахъ оксфордскомъ и кембриджскомъ въ пользу государства высшихъ обучатися могли наукъ и восточныхъ языковъ, не выключая и богословія», и съ ними двоихъ инспекторовъ для надзора за ихъ поведеніемъ. Охотниковъ, однако, поѣхать за границу набралось болѣе десяти чело-вѣкъ и ихъ раздѣлили на три группы: однихъ послали въ Оксфордъ, другихъ въ Геттингенъ, а третьихъ въ Лейденъ. Молодые люди, отправленные за границу, вполне оправдали выборъ; заграничные профессора отзывались о нихъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и писали объ ихъ чрезмѣрномъ трудолюбіи и усидчивости. Возращеніе всѣхъ группъ въ Россію послѣдовало въ разное время отъ 1772 г. по 1775 г. Изъ посланныхъ особенно выдѣлился Рудневъ, за свои труды по русской исторіи принятый въ число экстраординарныхъ членовъ королевскаго историческаго института.

Къ 1777 г. относится неудавшаяся попытка создать собственный богословскій факультетъ. Главное назначеніе этого факультета-академіи указывалось въ подготовкѣ наставниковъ для академіи, но императрица нашла этотъ проектъ неподходящимъ и не утвердила его. Зато въ 1788 г., по мысли м. Гавриіла, С.-Петербургская духовная семинарія получила значеніе главной и въ нее должны были присылаться по два лучшихъ воспитанника другихъ семинарій. Курсъ семинаріи сравнительно съ обыкновеннымъ семинарскимъ курсомъ былъ расширенъ введеніемъ въ него математики, механики, физики и естественной исторіи. Но при всемъ томъ она все-таки оставалась только лучшею семинаріею и никогда не достигала до степени высшаго духовнаго учебнаго заведенія ни по своему вліянію на другія духовно-учебныя заведенія, ни по составу своего курса, постоянно имѣвшаго не спеціальнѣй и высшій, а обыкновеннѣй въ семинаріяхъ смѣшанный характеръ¹⁾.

Организація духовныхъ школъ. Въ царствованіе императора Павла I вопросъ объ организаціи духовно-учебныхъ заведеній поднять былъ снова и разрѣшенъ съ нѣскольکو большимъ успѣхомъ. Въ указѣ отъ 18 декабря 1797 г., заявивъ свое особенное вниманіе къ духовному просвѣщенію, государь повелѣлъ: кромѣ

¹⁾ Ист. С.-Пб. акад. 70 § 97.

двухъ прежнихъ академій, открытъ еще двѣ новыя, въ С.-Петербургѣ и Казани вмѣсто существующихъ тамъ семинарій, снабдя ихъ всѣмъ, званію сему соотвѣтствующимъ и для преподаванія наукъ потребнымъ. Другимъ указомъ 11 января 1798 г. велѣно было: потребный для благоустройства академій и семинарій порядокъ учредить, во-первыхъ, въ Невской академій, съ тѣмъ, чтобы, примѣняясь уже къ тому, и въ прочихъ академіяхъ и семинаріяхъ такимъ образомъ ученіе происходило¹⁾. По опредѣленію Св. Синода въ академіяхъ положено было преподавать въ теченіе двухъ лѣтъ полную систему философіи, три года богословіе, сверхъ того высшее краснорѣчіе съ чтеніемъ и разборомъ лучшихъ авторовъ, физику, языки греческій и еврейскій обязательно для всѣхъ, а новые языки: французскій и нѣмецкій для желающихъ. Отношенія къ школѣ какъ родителей такъ и учащихся въ царствованіе императрицы Екатерины II значительно измѣнились. Къ ослабленію прежняго отвращенія отъ школы какъ въ дѣтяхъ духовенства, такъ и въ ихъ родителяхъ не мало, конечно, способствовали значительныя улучшенія въ школьномъ быту и въ учебновоспитательныхъ приемахъ. Нѣкоторыя болѣе благоустроенныя семинаріи отличались множествомъ учащихся, пріѣзжавшихъ даже изъ другихъ епархій. Такъ напр. такимъ благоустройствомъ славились учебныя заведенія московской епархіи при м. Платонѣ. Авторъ исторіи нижегородской семинаріи говоритъ, что вслѣдствіе улучшеній въ ней съ царствованія Екатерины II «перестали уже смотрѣть на нее (семинарію), съ тѣмъ страхомъ, который обнималъ духовныхъ прежде; стали видѣть благіе плоды наукъ; многіе не только изъ духовныхъ, но и изъ мірянъ пришли къ сознанію, что ученье свѣтъ, а неученье тьма»²⁾. Хотя принудительныя мѣры еще практиковались, но гораздо рѣже. О насильственныхъ наборахъ учениковъ въ школу мы не находимъ вовсе извѣстій. Напротивъ, даже вслѣдствіе большаго распространенія духовнаго образованія и умноженія учениковъ въ духовныхъ школахъ епархіальныя начальства стали даже ограничивать пріемъ въ школы учениковъ великовозрастныхъ, которыхъ такъ много было въ прежнее время. Въ началѣ царствованія Екатерины II всѣхъ учившихся въ ду-

1) П. С. З. XXV, № 18273 и 18277.

2) Ист. нижегор. семин., ст. 12.

ховныхъ школахъ считалось до 6000 человѣкъ; въ 1783 г. ихъ было уже 11,329, какъ показано въ указѣ о разборѣ духовенства 1784 г.

По мѣрѣ развитія замкнутости духовнаго сословія, развивалась и замкнутость духовной школы. Поэтому духовныя начальства не любили, когда ученики духовныхъ школъ стремились выходить изъ нихъ въ свѣтскую службу. Между тѣмъ въ царствованіе Екатерины II, когда правительство нуждалось въ людяхъ для наполненія вновь открывшихся вакансій какъ въ гражданской службѣ, такъ и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, вызовы эти участились. Послѣ учрежденія о губерніяхъ (1775 г.) и открытія намѣстничествъ потребовалось громадное число молодыхъ людей для наполненія новыхъ присутственныхъ мѣстъ. И конечно, самыми первыми кандидатами на новыя канцелярскія должности явились воспитанники семинарій и академій. Затѣмъ много воспитанниковъ уходило въ университеты, при Академіи Наукъ, и Московскій. Въ 1780 годахъ, занявшись вопросомъ о народномъ образованіи, правительство почувствовало сильную нужду въ учителяхъ для народныхъ школъ и снова обратилось къ семинаристамъ. Вызовы изъ духовныхъ школъ усилились въ 1788 г., когда повсюду стали открываться многочисленныя малыя народныя школы. Въ то же время множество духовныхъ воспитанниковъ вызывалось и поступало добровольно на издавна любимое ими поприще медицинской науки и службы. Вызовы въ медицинскую службу особенно усилились съ 1786 г., когда послѣдовало преобразование медицинской коллегіи. Въ царствованіе Павла I пошли другіе порядки, и выходъ изъ духовнаго званія былъ сильно стѣсненъ, особенно для поступленія въ гражданскую службу.

Старыя помѣщенія семинарій, какъ извѣстно, отличались тѣсною и бѣдностію. Новыя были гораздо просторнѣе и лучше, но и то многія были далеко не удовлетворительны: тѣснота зданій чувствовалась повсюду, потому что вездѣ было множество учениковъ, желавшихъ жить въ семинарскихъ корпусахъ за извѣстную плату. Въ мемуарахъ и біографіяхъ разныхъ лицъ мы встрѣчаемъ далеко не лестные отзывы о нѣкоторыхъ семинаріяхъ: тѣснота, страшный холодъ и сквозняки зимой въ не-топленныхъ классахъ съ разбитыми окнами и изломанными две-

рами, нечистота, мірады паразитовъ, отъ которыхъ чуть не скребницами приходилось роднымъ на вакаціяхъ очищать своихъ дѣтей—вотъ общія черты всѣхъ подобныхъ описаній¹⁾). Семинаристы по прежнему пробавлялись кондиціями, обращались нерѣдко къ частной благотворительности, и нѣкоторые даже нищенствовали, прибѣгая къ супличнымъ сборамъ, произношенію стиховъ и рацей, пѣнію кантовъ и т. п. Жалованье учителей, особенно въ низшихъ школахъ, оставалось ничтожнымъ. Архіереи очень хорошо сознавали всю скудость учительскаго содержанія, желали бы ей помочь, но не имѣли на то достаточныхъ средствъ. Немудрено, что званіе учителя мало привлекало къ себѣ талантливыхъ, и даже просто способныхъ людей. Нужна была значительная доля самоотверженія, чтобы принять на себя это званіе! Митрополитъ Платонъ, не желавшій никакихъ существенныхъ реформъ въ принятыхъ порядкахъ учебно-воспитательной стороны духовныхъ школъ, съ своей стороны только и настаивалъ на увеличеніи ихъ матеріальныхъ средствъ для лучшаго содержанія воспитанниковъ и вознагражденія учителей. Архіереи «бились съ учителями, не всегда лучшихъ найти могли», а между тѣмъ, съ расширеніемъ учебнаго курса духовныхъ школъ, явилась настоятельная надобность въ хорошихъ учителяхъ. Мы видѣли уже, что въ 1765 г. Св. Синодъ командировалъ даже нѣсколько молодыхъ людей за границу для приготовленія къ учительскому званію, для той же цѣли проектировалось въ Москвѣ устройство богословскаго факультета. Самъ митрополитъ Платонъ, утверждавшій, что не духовные у свѣтскихъ, а, напротивъ, свѣтскіе у духовныхъ должны учиться, охотно допускалъ, чтобы его студенты «собирали плодъ познаній и съ цвѣтовъ свѣтской учености» въ Московскомъ университетѣ и филологической семинаріи Дружескаго общества, и этимъ путемъ успѣлъ приготовить довольное число хорошихъ наставниковъ какъ для своей Московской академіи, такъ и для Троицкой семинаріи, особенно по классамъ новыхъ языковъ.

Гуманная струя. Внѣшняя сторона школьнаго воспитанія оставалась почти неизмѣнною во всемъ духовно-учебномъ въ-домствѣ; повсюду оставался тотъ же личный составъ школьной

¹⁾ См. Знаменскій, ст. 644.

инспекціи,—префекты, инспекторы, сеньоры, эфоры, цензоры и т. п., повсюду также поддерживался замкнутый строй училищныхъ общежитій, наконецъ оставались даже и прежнія дисциплинарныя правила, но видимо, что въ школы проникла новая струя. Въ эти старыя формы новыя инструкціи старались вдохнуть совершенно новый духъ, указать на главную цѣль воспитанія — гуманное развитіе воспитанниковъ. Поэтому ясно, что потребовалось смягчить всѣ школьныя отношенія и нравы. Ученическія общежитія не должны были уже походить на старыя бурсы «образомъ монастыря» съ «стужительнымъ и заключенію плѣнническому подобнымъ житьемъ», а должны были организоваться на подобіе большихъ семействъ, въ которыхъ учителя и надзиратели занимали бы мѣсто отцовъ и основывали свое значеніе между учениками не на страхъ суровыхъ и юридическихъ каръ, а на началахъ любви и своего нравственнаго авторитета. «Учитель обязанъ, гласить одна инструкція, по состоянію своему заступить у учениковъ мѣсто родителей и потому, чѣмъ менѣе сами родители вспомошествовать въ наставленіи дѣтей своихъ, тѣмъ болѣе трудиться есть долгъ учительскій». Отъ того онъ долженъ «поступать со всѣми учениками отечески, т.-е. ласково и любовно». «Принявъ на себя чувства и поступки чадолюбиваго отца, учитель долженъ быть ласковъ, не долженъ быть никогда угрюмымъ, сердитымъ и вспыльчивымъ. Паче же всего не долженъ онъ опускать ласковаго уговариванія, которое по часту имѣетъ великое дѣйствіе, что напоминанію тѣхъ охотно слѣдуемъ, коихъ любимъ и уважаемъ».

Относительно поведенія учениковъ школьныя инструкціи уже не ограничивались одними дисциплинарными требованіями порядка и сословнаго приличія, а старались держаться въ своихъ предписаніяхъ на точкѣ зрѣнія общечеловѣческой морали и общепринятыхъ правилъ внѣшняго благоповеденія. Въ школьныхъ инструкціяхъ говорилось уже не столько о смиреніи учениковъ, сколько о чести и благородствѣ. Одна инструкція Платона прямо предписывала «стараться вперять въ учениковъ благородное честолюбіе, которымъ бы они, яко пружиною, были управляемы въ поступкахъ¹⁾».

1) Ист. троиц. сем. 152 прим.

Такое возбужденіе въ духовныхъ воспитанникахъ сознанія своего собственнаго достоинства было весьма важно въ тогдашнее время и въ сословныхъ видахъ, и въ видахъ крайней необходимости поднять духовенство изъ его униженія въ обществѣ. Чтобы съ самаго дѣтства приучить будущаго пастыря церкви къ сановитости и благородству въ мысляхъ и поступкахъ, училищные педагоги должны были удерживать ихъ отъ всѣхъ грубыхъ пороковъ, занятій, увеселеній и рѣчей, свойственныхъ необразованнымъ и «подлымъ» людямъ, а «подавать имъ матеріи къ разговорамъ и другому упражненію приличныя ихъ состоянію и благородныя», наблюдать, чтобы съ высшими себя и съ равными, своими товарищами, они держали себя тоже благородно и вѣжливо, удалялись отъ неблагопристойныхъ собраній и знакомствъ съ низкими и дурными людьми, стараясь заводить знакомство только между людьми благородными и честными, сохраняли благородную благопристойность въ самыхъ играхъ и тому подобное. Замѣчательно правило одной изъ Платоновскихъ инструкцій о сближеніи учениковъ съ учителями, требовавшее, чтобы «господа учителя разговоры между собою серьезные и забавные имѣли по часту при ученикахъ, а особливо въ часы общихъ гуляній, отъ чего могутъ сіи послѣдніе научиться лучшему между людьми обхожденію и пристойной смѣлости», а также освободиться отъ своей «дикости»¹⁾. Съ тою же цѣлію начальства поощряли знакомства семинаристовъ съ благородными свѣтскими людьми, для чего, между прочимъ, служило введеніе въ семинарскіе курсы изученія французскаго языка, который господствовалъ тогда въ образованномъ обществѣ, и занятія благородными искусствами, преимущественно пѣніемъ и музыкой.

Наказанія, дотолѣ бывшія въ семинаріяхъ, значительно смягчаются. Инструкція Платона предписывала исправлять учениковъ «болѣе моральнымъ образомъ», «усмирять по разсужденію постыженіемъ» и обращеніемъ къ ихъ «благородному честолюбію» и вообще вести дѣло воспитанія такъ, чтобы они исполняли свои обязанности «не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть». Поэтому на первомъ планѣ въ дѣлѣ воспитанія поставлялись обыкновенно увѣщанія, которыя, по опредѣленію владимірской инструкціи,

¹⁾ Въ инструкц. Платона; также инструкц. Тихона воронежскаго въ т. I его сочиненій. Педаг. Вѣст. т. III, отд. 3, ст. 23; у Знаменскаго, ст. 713.

«суть дружественныя предостереженія учениковъ», напоминающія «наблюденіе ихъ должности, если они оную преступили или хотятъ преступить». Правила этой замѣчательной инструкціи подробно указываютъ, какъ учитель долженъ вліять на учениковъ съ разными характерами и въ разныхъ душевныхъ ихъ состояніяхъ. Къ наказаніямъ дозволялось приступать уже послѣ истощенія увѣщательныхъ попытокъ къ исправленію ученика и употреблять ихъ съ осторожностію. Само собою понятно, что не всегда практика школьной педагогики была на уровнѣ предъявляемыхъ требованій и нерѣдко грѣшила старымъ духомъ командирства и суровой дисциплины; но важно было уже то, что этотъ духъ былъ осужденъ въ высшихъ сферахъ и новыя педагогическія идеи были приняты дѣятелями, занимавшими высшіе іерархическіе и ученые посты. Перемѣна въ школьныхъ отношеніяхъ прежде всего замѣтно повліяла на положеніе самихъ учителей. Сами власти стали смотрѣть на званіе учителя съ большимъ уваженіемъ. Лучшимъ примѣромъ такихъ новыхъ отношеній начальствъ къ школьнымъ учителямъ были сами архіереи. Въ Исторіи троицкой семинаріи разсказывается, что митрополитъ Платонъ часто запросто прогуливался съ учителями и воспитанниками семинаріи въ своей любимой рошѣ на Корбухѣ, ведя съ ними ученыя бесѣды и испытывая ихъ таланты. Въ обществѣ «своихъ платониковъ» онъ отдыхалъ душою, вполне увѣренный, что они сумѣютъ оцѣнить его заботы о дѣтяхъ, ввѣренныхъ ихъ надзору и наставленію, и въ точности выполнять все его распоряженія. Изъ писемъ Платона къ нѣкоторымъ изъ нихъ видимъ, какъ просто и любвеобиленъ былъ митрополитъ въ бесѣдахъ съ ними, любя ихъ какъ «любезныхъ братьевъ». Такими же близкими, отеческими отношеніями къ семинарской братіи по мѣстнымъ преданіямъ извѣстны многіе другіе владыки: Симонъ Лаговъ, Дамаскинъ нижегородскій, Тихонъ св. воронежскій, Меодій тульскій, Иеронимъ и Ксенофонтъ владимірскіе и другіе. «У хлѣбосольнаго и радушнаго архипастыря, разсказывается о Ксенофонтѣ въ Исторіи владимірской семинаріи, во время торжественныхъ празднествъ, преподаватели семинаріи были первые гости». Преосв. Симонъ Лаговъ почти живмя жилъ въ своей семинаріи, зналъ порядокъ всехъ классовыхъ занятій, какой гдѣ заданъ урокъ, каждодневно просматривалъ все нотаты и про-

вѣрялъ ихъ отмѣтки, самъ спрашивалъ по нѣскольку учениковъ, приче́мъ хорошихъ старался поощрить разными подарками, раздавая имъ книги, деньги, одежду или предоставляя имъ церковныя мѣста; ему извѣстны были все́ подробности жизни и все́ нужды какъ учениковъ, такъ и учителей; учениковъ онъ все́хъ до одного зналъ по именамъ и фамиліямъ¹⁾. Посмотрите, какою гуманностью проникнута его инструкция (1771 г.). Управлявшему костромской семинаріей Красовскому онъ предписывалъ: «Учителямъ, ежели бы когда случай того востребовалъ, выговоры дѣлать, но только не индѣ гдѣ, развѣ въ своей комнатѣ или у того же учителя, сперва единому, потомъ неисправляющемуся и при другихъ товарищахъ, какъ приличествуетъ ученымъ людямъ съ обѣихъ сторонъ, а о важнѣйшихъ (винахъ) докладывать его преосвященству». Прошло еще очень немного времени, какъ учителя могли подвергаться даже сѣченію розгами, но какая громадная разница въ ихъ положеніи успѣла выразиться въ этомъ новомъ внушеніи о томъ, чтобы выговоръ даже дѣлать наединѣ, чтобы не оскорбить ихъ и не подорвать ихъ педагогическаго авторитета!

Учебная часть. Обращаясь къ учебной части семинарій, мы видимъ, что курсы ихъ значительно расширены, введены новые предметы и усовершенствованы методы преподаванія.

Самый низшій классъ семинарій была информаторія или русская школа. Здѣсь обучали читать и писать, главнымъ образомъ при помощи часослова и псалтыря. За информаторіей слѣдовали, какъ и въ прежнее время, латинскіе классы и русское обученіе все́мъ оставлялось вплоть до піитики и реторики, когда ученики начинали учиться сочинять. Пренебреженіе русскимъ языкомъ доходило до того, что нѣкоторые ученики, дойдя до высшихъ классовъ, разучивались даже читать по-русски. Въ латинскихъ классахъ изученію латинскаго языка придавали такое же большое значеніе, какъ и прежде. Помимо многочисленныхъ письменныхъ и устныхъ упражненій, шло упражненіе въ разговорахъ. Семинарскія инструкции только и внушали учителямъ, чтобы они, какъ можно больше, старались практиковать учениковъ подобными разговорами. Не удивительно, что при такой

¹⁾ Педаг. Вѣст. VII, отд. 3, ст. 4—5.

настойчивости въ обученіи латинскому языку, ученики доходили до изумительной свободы въ его употребленіи. У лучшихъ учениковъ онъ дѣлался чѣмъ-то въ родѣ природнаго, такъ что они, кажется, и мыслили даже по латынѣ¹⁾.

Въ царствованіе, однако, Императрицы Екатерины II начинается усиленіе русскаго языка во всѣхъ классахъ семинарій: вводится, напр., русская реторика и піитика совмѣстно съ латинской. При изученіи уроковъ по философіи и богословію вошло во всеобщее употребленіе переводить ихъ непременно на русскій языкъ. Часть ученическихъ упражненій въ высшихъ классахъ тоже писалась на русскомъ языкѣ. Въ 1765 г. вышла въ свѣтъ первая русская система богословія митрополита Платона и вскорѣ стала понемногу вводиться въ качествѣ руководства во всѣ академіи и семинаріи.

Характеръ семинарской піитики почти вовсе не измѣнился противъ прежняго. Это была по старому *ars versus pangendi*, трактовавшая исключительно объ однихъ формахъ и внѣшнихъ красотахъ піитической рѣчи. Главное вниманіе попрежнему обращалось на стихосложеніе латинское; изъ русскихъ поэтовъ, достойными подражанія, считались Ломоносовъ и Сумароковъ, но ими занимались менѣе, чѣмъ латинскими. Господствующимъ учебникомъ по піитикѣ была книжка Аполлоса Байбакова о стихотвореніи російскомъ и латинскомъ съ дополненіями изъ принятыхъ тогда реторикъ. Реторика, какъ и піитика, считалась важнымъ предметомъ и имѣла уже также печатныя руководства. Таковы были латинскія реторики Бургія, Гейнекція, Воссія и русскія Ломоносова, Рижскаго и Амвросія Серебреникова; господствующими изъ нихъ до конца XVIII столѣтія были Бургій и Ломоносовъ. Преподаваніе реторики носило болѣе практической характеръ. «Пусть помнитъ господинъ учитель, внушалъ Платонъ въ 1766 г., что учениковъ должно занимать больше практикою, нежели теоріею». «Объясненія, писалъ онъ въ одной троицкой инструкціи 1802 г., надлежитъ непрестанными примѣрами утверждать не только учителю въ школѣ при толкованіи, но и ученикамъ задавать, чтобъ они сочиняли по-латынѣ и по-русски періоды, хріи и большія рѣчи по правиламъ, и на всякой тропѣ

¹⁾ У Знамен., ст. 740.

и на всякую фигуру имѣли бы особые образцы». «Нельзя не упомянуть, говорить проф. Знаменскій¹⁾, объ употреблявшейся тогда въ риторикѣ и пѣтикѣ весьма важной отрасли словеснаго обученія, которая въ наше время, къ сожалѣнію, совершенно оставлена безъ вниманія; мы разумѣемъ обученіе правильному ораторскому чтенію или, какъ оно называлось въ старыхъ семинаріяхъ, перорации, пронунціаціи. Съ цѣлю этого обученія риторическіе и пѣтическіе учителя постоянно заставляли учениковъ читать вслухъ съ классной кафедры, причемъ слѣдили за произношеніемъ каждаго слова, пріучали ихъ къ вѣрнымъ грамматическимъ и логическимъ удареніямъ рѣчи, поправляли невѣрности въ интонаціи и даже учили приличному употребленію жестовъ». Не мудрено, что наши старыя духовно-учебныя заведенія выпускали столько извѣстныхъ своимъ прекраснымъ произношеніемъ ораторовъ!

Философскій курсъ, какъ и реторическій, длился два года. Философское движеніе второй половины XVIII вѣка заставило духовныя власти обратить особенное вниманіе на усовершенствованіе и обновленіе философскаго преподаванія въ семинаріяхъ. Разрушительной силѣ модной французской философіи въ духовныхъ школахъ старались противопоставить новыя системы солидной нѣмецкой философіи, между которыми особымъ вниманіемъ у нашихъ преподавателей философіи пользовались системы Лейбнице-Вольфіанской философіи, казавшейся наиболѣе благоприятной для философскаго обоснованія религіозныхъ истинъ. Система одного изъ умѣреннѣйшихъ и многостороннѣйшихъ представителей этой философіи Баумейстера «*Elementa Philosophiae recentioris*» сдѣлалась общимъ учебникомъ для всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній еще съ 1760 годовъ; а въ 1780 годахъ была переведена уже на русскій языкъ. Ученымъ духовенствомъ она цѣнилась весьма высоко.

Богословскій курсъ продолжался обыкновенно два года, но, принимая во вниманіе важность его для духовнаго образованія и по разнымъ практическимъ соображеніямъ, нѣкоторые архіереи растягивали его на 3 и даже 4 года. Въ богословскомъ классѣ изучали Св. Писаніе и св. отцовъ церкви. Въ преподаваніи са-

¹⁾ Ст. 753.

мого богословія система Теофана Прокоповича получила господство во всѣхъ семинаріяхъ, ею руководствовались почти всѣ авторы письменныхъ и печатныхъ семинарскихъ руководствъ. Освобожденію богословской науки отъ схоластики всего болѣе способствовало постепенное введеніе въ ея преподаваніе русскаго языка и особенно изданіе на немъ въ печати самихъ богословскихъ системъ. Можно положительно сказать, утверждаетъ г. Знаменскій¹⁾, что эта разработка богословія на отечественномъ языкѣ была въ одинаковой мѣрѣ полезна какъ для публики, въ первый разъ знакомя ея съ богословской наукой, такъ и для самихъ русскихъ богослововъ, способствуя развитію ихъ богословскаго языка и самой богословской науки. Отсюда понятно то громадное впечатлѣніе, какое получилось въ кругу ученаго русскаго духовенства появленіемъ на русскомъ языкѣ первой богословской системы Платона.

Диспуты попрежнему процвѣтали въ семинаріяхъ: они были частныя и публичныя, послѣднія отличались нерѣдко большою пышностію.

Въ семинаріяхъ къ числу обязательныхъ предметовъ относилось изученіе языковъ греческаго и еврейскаго. Еврейскій языкъ не процвѣталъ, но въ греческомъ языкѣ лучшіе ученики доходили до высокой степени знанія, такъ что могли свободно писать на немъ свои упражненія и въ прозѣ, и въ стихахъ. По языкознанію весьма важною новостію въ описываемое время было введеніе въ духовно-учебныя заведенія изученія новыхъ языковъ, нѣмецкаго и французскаго, чрезъ которые духовная школа получала возможность входить въ общеніе не съ одною отжившею мудростію народовъ древнихъ, но и съ мудростію народовъ новыхъ и чрезъ то подниматься понемногу на современный уровень образованія²⁾.

Изъ записокъ Мартынова видно, что студенты главной с.-петербургской семинаріи извлекали и другую еще пользу изъ знанія новыхъ языковъ, переводя съ нихъ на русскій языкъ разныя статьи изъ журналовъ. Къ сожалѣнію, математика, исторія и географія находились долго въ пренебреженіи въ духовныхъ заведеніяхъ. Математическое образованіе долго не шло далѣе ариѳ-

¹⁾ Ст. 763.

²⁾ Стран. 771.

метики, и только послѣ 1786 г. начала вводиться геометрія. Географію учили воспитанники класса грамматическаго, преимущественно синтаксисы, исторія же составляла принадлежность класса реторическаго и по мѣстамъ еще философскаго. Уроковъ назначалось по два въ недѣлю какъ для географіи, такъ и для исторіи. Преподавались онѣ плохо, для географіи не было почти никакихъ пособій и ее приходилось преподавать чуть не на пальцахъ. Кромѣ этихъ предметовъ, какъ случайные, вводились и другіе въ семинарскій курсъ, напр., архитектура и живопись, а въ концѣ XVIII в. введено было въ курсъ семинарій сельское хозяйство и медицина.

Въ своихъ инструкціяхъ школамъ, архіереи начинаютъ обращать большое вниманіе на методъ, подъ которымъ разумѣли и преподавательскіе приемы и вмѣстѣ порядокъ, въ какомъ преимущественно шло преподаваніе разныхъ наукъ и ихъ частныхъ отдѣловъ, и требовали отъ учителей, чтобы они въ своихъ программахъ и отчетахъ все это обозначали съ точностію. Съ 1786 г. въ духовныя школы вводится методъ школъ народныхъ (саганскій).

Въ основаніи своемъ этотъ методъ, конечно, имѣлъ не мало хорошихъ сторонъ, только нуждался для своего удачнаго примѣненія въ хорошихъ учителяхъ. Можно было смѣяться надъ мелочностью нормальнаго метода, надъ его чрезмѣрной регламентаціей, но нельзя было не цѣнить тѣхъ несомнѣнныхъ достоинствъ, какіе онѣ имѣлъ. Благодаря главнымъ образомъ этому методу въ духовныхъ школахъ стало развиваться преподаваніе наукъ на русскомъ языкѣ и преподаваніе самаго языка, не смотря на сильное сопротивленіе поклонниковъ латыни.

Изъ сказаннаго видно, что духовная школа во второй половинѣ XVIII в. имѣла уже несомнѣнныя достоинства, что педагогическіе приемы ея стояли въ уровень съ современными педагогическими требованіями и что нѣкоторые порядки ея заслуживаютъ полнаго вниманія и въ настоящее время.

Источники и пособія:

Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Сочиненіе П. Знаменскаго. Казань. 1881 г.

ГЛАВА XXVIII.

Харьковскій коллегіумъ, какъ учебно-воспитательное заведеніе.

Харьковскій коллегіумъ. Харьковскій коллегіумъ, существующій нынѣ подъ скромнымъ названіемъ харьковской духовной семинаріи, принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ заведеній XVIII вѣка.

Благодаря разнымъ благоприятнымъ обстоятельствамъ онъ сдѣлался образцовымъ училищемъ на югѣ Россіи, первымъ послѣ Кіевской академіи, и во многомъ превзошелъ старѣйшую себя черниговскую семинарію, которая раньше того называлась коллегіумомъ. Уже въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія харьковскій коллегіумъ, какъ учебное заведеніе, составлялъ гордость не только такъ-называемой Слободской Украины, но и всей Россіи. Онъ назывался даже харьковскою академіею или чаще Тихоріанскою академіею (по имени ея основателя преосв. Епифанія Тихорскаго).

Харьковскій коллегіумъ, по словамъ статьи Молодика 1844 г.¹⁾, «воспиталъ многихъ государственныхъ мужей: архіереевъ, губернаторовъ, отличнѣйшихъ врачей и даже отличныхъ воиновъ, ибо дворянство училось въ немъ совмѣстно съ духовенствомъ». Около 1740 г. харьковскій коллегіумъ въ учебномъ отношеніи стоялъ уже такъ высоко, что началъ даже снабжать южно-русскія семинаріи учителями и притомъ въ такомъ количествѣ, что успѣшно могъ конкурировать въ этомъ съ кіевскою академіею²⁾.

Основаніе харьковскаго коллегіума стоитъ въ связи съ распоряженіемъ Петра Великаго объ открытіи духовныхъ школъ при архіерейскихъ домахъ. Послѣ состоявшагося 16 сентября 1821 г. Духовнаго Регламента, требовавшаго учрежденія въ каждой епархіи духовныхъ школъ, бѣлгородскій епископъ Епифаній Тихорскій основалъ въ своей епархіи, въ г. Бѣлгородѣ, при Николаевскомъ монастырѣ семинарію, вмѣсто существовавшей

¹⁾ Украинскій литературн. сборникъ, издаваемый въ Харьковѣ И. Бецимъ.

²⁾ Ворон. Епарх. Вѣдом. 1867 г. № 8, 9, 11, 14, 1868 г. № 7.

въ этомъ городѣ съ 1716 г. цыфирной школы. Но не въ Бѣлгородѣ, однако, суждено было утвердиться этому учебному заведенію. Черезъ четыре года, т.-е. въ 1726 г. стараніемъ главнокомандующаго на Украинѣ, генераль-фельдмаршала, князя М. М. Голицына, хотѣвшаго вмѣстѣ съ дѣтьми духовенства дать возможность образованія и дѣтямъ другихъ украинскихъ сословій, семинарія эта была переведена въ Харьковъ, первоначально получила здѣсь названіе славяно-греко-латинскихъ школъ, но съ 1734 г. по своему всесословному характеру стала называться харьковскимъ коллегіумомъ. Стараніемъ преосв. Епифанія и князя М. М. Голицына въ Харьковѣ былъ пріобрѣтенъ каменный двухэтажный домъ.

Со времени открытія харьковскаго училища и до самой своей смерти князь М. М. Голицынъ не переставалъ заботиться объ этомъ училищѣ. [И прежде всего старался обезпечить новооткрытое училище и съ этою цѣлью пожертвовалъ въ пользу его на вѣчныя времена доставшіяся ему во владѣніе «поданническое село Замоскій куть и слободу Песочки или Пески съ хуторами», находившуюся верстахъ въ 50 отъ Харькова. Вслѣдъ за княземъ многія другія лица какъ свѣтскія, такъ и духовныя, охотно жертвовали для этого заведенія земли, дома и разныя другія хозяйственныя угодыя. Преосв. Епифаній пожертвовалъ въ пользу его купленную имъ деревню Гуки. Князь Голицынъ, желая оградить новоустроенное училище и пожертвованныя въ его пользу имѣнія отъ обидъ и налоговъ, издалъ предписаніе: «которыя маестности, подлежащія до коллегіума, состоятъ въ полку харьковскомъ, тѣхъ маестностей обывателемъ обидъ и налогъ, ктобъ какого званія ни былъ, не показывать»¹⁾. Наконецъ, благодаря князю Голицыну, преосв. Епифаній, для утвержденія правъ и преимуществъ вновь устроеннаго училища, выхлопоталъ въ 1731 году именную Высочайшую грамоту, гдѣ сказано, что «Харьковскій училищный Покровскій монастырь и въ немъ школы и въ нихъ свободное ученіе утверждаемъ... а учить всякаго народа и званія дѣтей православныхъ, не только пѣтикѣ, реторикѣ, но и философіи и богословіи, славено-греческимъ и латинскимъ языки, также стараться, чтобъ

¹⁾ Коллегіумскіе акты на имѣніе.

такія науки вводити на собственномъ російскомъ языкѣ, и преподавать ученія съ усерднымъ тщаніемъ, ревностію и радѣніемъ, отнюдь не отлучаясь ни въ чемъ св. восточныя церкви исповѣданія»¹⁾).

Хорошія матеріальныя средства, въ связи съ высокою степенью образованія большей части архіереевъ Бѣлгородской епархіи (къ которой принадлежитъ Харьковъ) естественно не могло отразиться благопріятнымъ образомъ на положеніе учебнаго дѣла въ коллегіумѣ. Уже при преосвященномъ Епифаніи изъ коллегіума отправлено было за границу въ Германію нѣсколько молодыхъ людей для приготовленія ихъ къ учительскому званію въ коллегіумѣ. Для преподаванія въ коллегіумѣ иностранныхъ языковъ Епифаній (18 янв. 1729 г.) испрашивалъ у св. Синода позволенія прискивать способныхъ къ тому людей, хотя бы и свѣтскіе были. Нѣсколько позже, при преосв. Петрѣ Смѣличѣ (изъ сербовъ) кругъ преподаванія коллегіума расширенъ былъ введеніемъ въ него математики и геометріи, а также языковъ французскаго и нѣмецкаго, для преподаванія которыхъ вызваны и особые учителя изъ-за границы, а также выписаны необходимыя для преподаванія книги и инструменты. Въ это время коллегіумъ, какъ учебное заведеніе, стоялъ уже высоко и составлялъ гордость не только края, но и всей Россіи. Когда въ 1739 г. арх. Петръ Смѣличъ, по причинѣ свирѣпствовавшей въ Харьковѣ холерной эпидеміи, перевелъ коллегіумъ въ свою архіерейскую слободу Грайвороны и хотѣлъ-было оставить его тамъ навсегда по минованіи эпидеміи, то св. Синодъ писалъ ему, что «такowymъ знатнымъ училищамъ въ селѣхъ быть весьма неприлично, а наипаче отъ внѣшнихъ странъ имѣть быть не безъ зазрѣнія». Введеніе же въ кругъ преподаванія коллегіума математики и новыхъ языковъ составляетъ выдающуюся особенность харьковскаго коллегіума, такъ какъ въ духовныхъ семинаріяхъ новые языки начали преподаваться въ концѣ XVIII в., а математика вовсе не преподавалась до 1808 года, т.-е. до времени преобразования духовныхъ школъ.

¹⁾ И приписалъ къ коллегіуму три пустыни: Озерянскую, Аркадѣвскую и Чугуевскую. Кромѣ того въ пользу коллегіума были предоставлены доходы отъ Каплуновской иконы Богоматери, наиболѣе чтимой тогда въ Бѣлгородской епархіи. Такимъ обиліемъ источниковъ содержанія коллегіумъ рѣзко выдѣлялся изъ ряда другихъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи архіереевъ, школъ, которыя всѣ содержались почти исключительно на одинъ хлѣбный сборъ.

Открытое при такихъ благоприятныхъ условіяхъ заведеніе вскорѣ начало наполняться учениками, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ слояхъ тогдашняго слободско-украинскаго общества замѣтно было сильное стремленію къ просвѣщенію.

На требованіе верховнаго совѣта свѣдѣній отъ св. Синода о школахъ, преосв. Епифаній доносилъ св. Синоду, что въ его заведеніи въ 1727 году состояло 420 человекъ, изъ нихъ въ фило-софіи 23, а въ риторикѣ 31».

Въ 1765 году, по ходатайству сенаторовъ Шаховскаго, Олсуфьева и Панина, въ виду болѣе и болѣе умножавшагося въ коллегіумѣ числа учениковъ изъ дворянскихъ дѣтей, Императрица Екатерина II въ инструкціи, данной губернатору Слободско-Украинской губерніи, опредѣлила: «къ преподаваемымъ нынѣ въ Харьковскомъ коллегіумѣ наукамъ прибавить классъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, геометріи и рисо-ванія, а особенно инженерства, артиллеріи и геодезіи, на что и сумма до трехъ тысячъ рублей изъ неокладныхъ доходовъ опредѣляется и у кого тотъ коллегіумъ въ вѣдомствѣ состоитъ, съ тѣмъ губернской канцеляріи о лучшемъ возстановленіи и рас-пространеніи наукъ, учиня сношеніе, употребить общее стараніе». Классы, дѣйствительно, были открыты въ коллегіумѣ въ 1768 г. и хотя учреждены были преимущественно для дворянскихъ дѣтей, но посѣщать ихъ могли и дѣти духовенства, учившіяся въ кол-легіумѣ. Изъ росписанія, составленнаго въ 1769 г. по предписанію преосв. Самуила, видно, что кромѣ обычныхъ въ духовныхъ школахъ классовъ — языковъ латинскаго и греческаго, поэзіи, реторики и философіи, для коллегіумистовъ существовали еще классы — языковъ французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, ари-метики, геометріи, архитектуры, живописи, рисованія, исторіи и географіи. Черезъ учрежденіе этихъ прибавочныхъ классовъ въ учебную жизнь коллегіума, очевидно, вносилась уже обильная струя реальныхъ знаній. Одни предметы такого характера вводи-лись вновь, другіе постановлены прочнѣе.

Особенно возвысилось и оживилось преподаваніе иностранныхъ языковъ.

Вмѣстѣ съ подъемомъ языковъ иностранныхъ возвышенъ въ своемъ значеніи и языкъ русскій. Русскій языкъ, какъ мы уже говорили, въ тогдашнихъ духовныхъ школахъ стоялъ на второмъ планѣ, ему предпочитали языкъ латинскій.

Въ харьковскомъ коллегіумѣ между тѣмъ, уже по учебной программѣ преосв. Самуила — 1769 г., классъ російской грамматики назначается прежде класса грамматики латинской. При томъ же Самуилѣ учреждена была даже особая кафедра російской элоквенціи и поэзи и въ видахъ лучшаго замѣщенія ея двое студентовъ коллегіума тогда же были отправлены въ Московскій университетъ для слушанія лекцій по этому предмету съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи, быть имъ преподавателями въ коллегіумѣ. Диспуты богословскіе, должны были отправляться уже не на латинскомъ только языкѣ, какъ было прежде въ коллегіумѣ и какъ дѣлалось это даже и много послѣ во многихъ семинаріяхъ, а на латинскомъ и русскомъ языкахъ попеременно; диспуты же философскіе — исключительно на російскомъ языкѣ. Учащимся въ богословіи предписывалось «проповѣди, по крайней мѣрѣ три въ годъ, сочинить самымъ чистымъ штилемъ російскимъ».

Въ интересахъ русскаго языка, самому французу Аммону поставлено было въ обязанность переводить съ учениками французскія книги на російскій языкъ «съ точнымъ наблюденіемъ онаго красоть, въ чемъ, если оный учитель, какъ человекъкъ иностранный, недостаточенъ, можетъ вспомошествовать г. директоръ».

Учрежденіе въ Харьковѣ главнаго народнаго училища способствовало расширенію программы харьковскаго коллегіума.

Въ 1795 г. преосв. Теофистъ предписалъ преподавать въ коллегіумѣ физику и естественную исторію, именно по примѣру главнаго народнаго училища, объясняя, что стыдно было бы въ коллегіумѣ не обучать тому, чему обучаютъ въ народныхъ училищахъ. Такимъ образомъ въ составѣ учебнаго курса коллегіума реальный элементъ, постепенно возрастая, уравнивалъ собою элементъ формальный — классическій, преобладавшій въ другихъ школахъ того времени — архіерейскихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ коллегіумъ рано понялъ и оцѣнилъ значеніе греческаго языка. И потому въ то время, когда въ другихъ духовныхъ школахъ исключительно почти господствовалъ языкъ латинскій, здѣсь въ коллегіумѣ рано обращено было вниманіе на солидное преподаваніе и греческаго языка; уже съ 40-хъ годовъ XVIII столѣтія въ учебныхъ программахъ коллегіума мы видимъ и этотъ языкъ, причемъ преподавателями его являются лица, специально къ тому приготовленныя, между прочимъ и

изъ природныхъ грековъ. По распоряженію преосв. Θεоктиста (въ 1787 г.) въ коллегіумѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ служилась обѣдня на греческомъ языкѣ, причемъ пѣли на греческомъ же языкѣ воспитанники коллегіума. Для спеціальнаго же изученія греческаго, а преимущественно ново-греческаго разговорнаго языка, коллегіумъ обыкновенно отправлялъ молодыхъ людей, назначавшихся къ преподаванію этого предмета, въ Нѣжинъ, гдѣ, какъ извѣстно, была греческая колонія, имѣвшая здѣсь и свою греческую школу.

Въ 1797 г. въ одѣ, поднесенной преосв. Θεоктистомъ Императору Павлу I отъ лица учащагося юношества Бѣлгородской епархіи — юные питомцы наукъ такъ изображали на своемъ вѣтревомъ языкѣ составъ преподававшагося имъ въ школѣ ученія:

Здѣсь изъясняются нынѣ тайны Божества,
 Познаніе причинъ, наука естества;
 Межъ риторствомъ простымъ и риторствомъ церковнымъ,
 Здѣсь учать составлять рѣчь родомъ стихотворнымъ;
 Здѣсь учать разумѣть, что мусикіи тонъ,
 Здѣсь учать и тому, чему училъ Ньютонъ;
 Здѣсь учать, что добро и что отъ зла навѣта.
 Внушаютъ здѣсь и то, что было въ прежни лѣта;
 Здѣсь зримъ на картѣи изображенъ міръ весь,
 Здѣсь учать и тому, въ чемъ славенъ Апеллесъ;
 И изъясняются языки здѣсь: славянскій,
 Латинскій, греческій, французскій и германскій».

То-есть въ переводѣ на болѣе простой языкъ, здѣсь преподавались тогда: богословіе, философія, естественная исторія, физика, реторика, пиитика, математика, иѳика, исторія, географія, музыка, рисованіе, наконецъ языки: русскій, латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій.

Къ этимъ предметамъ уже въ началѣ XIX в. присоединены были еще сельское хозяйство и медицина, чѣмъ и заканчивался кругъ предметовъ, преподававшихся въ коллегіумѣ.

Сельское хозяйство и медицина введены были на общемъ основаніи для всѣхъ семинарій; коллегіумъ выдѣлился только особенною заботливостью о наилучшемъ устройствѣ преподаванія этихъ предметовъ, особенно медицины, для изученія которой было исходатайствовано разрѣшеніе слушать коллегіумистамъ высшихъ классовъ нѣкоторыя лекціи по медицинѣ въ университетѣ.

Что касается способовъ и направленія преподаванія, говоритъ проф. Лебедевъ, въ уцѣлѣвшемъ архивѣ колегіума, къ сожалѣнію, нѣтъ достаточно матеріала для характеристики этой стороны учебнаго дѣла въ колегіумѣ. Нельзя не отмѣтить, однако, слѣдующей черты: предметы преподавались болѣе практически, чѣмъ теоретически; преподаваніе должно было развивать умъ, не обременяя памяти, и система зубренія, повидимому, была совсѣмъ не въ чести въ колегіумѣ.

«Отрокамъ и юношамъ — излишнія правила, какъ слабому желудку — излишняя пища» — вотъ педагогическое правило колегіума, формулированное такъ преосв. Θεоктистомъ въ наставленіи преподавателямъ колегіума¹⁾. Это правило въ особенности имѣлось въ виду при обученіи малолѣтнихъ латинскому языку.

«Въ сей школѣ (латинской грамматики), говорится въ учебной инструкціи преосв. Самуила, учениковъ, какъ малолѣтнихъ дѣтей, не мучить изуствомъ изученіемъ правилъ и изыатій и у нихъ чрезъ то склонности къ ученію, съ самаго начала и обыкновенно навсегда, не отбивать; но всемѣрно стараться познаніе правилъ вперять въ нихъ посредствомъ употребленія и упражненія въ оныхъ; не меньше изъ опыта, какъ и изъ разсужденія нашихъ силъ ясно, что ребенокъ, хотя все правила изъ какой-нибудь самой большой и лучшей грамматики наизусть выучить, однако изъ того ни малѣйшей помощи къ разумнѣю и письму имѣть не можетъ, если не приученъ будетъ оныя въ дѣйство употреблять — въ чужихъ и своихъ собственныхъ сочиненіяхъ». Въ высшихъ классахъ особое значеніе придавалось упражненіямъ въ сочиненіяхъ. Эти упражненія считались «яко первый предметъ ученія для пользы и славы церкви святой». О нихъ учителя должны были подавать въ правленіе колегіума отчеты съ представленіемъ и самыхъ работъ, непременно ими же самими прочитанныхъ и исправленныхъ. Сочиненія являлись, такимъ образомъ, высшимъ мѣриломъ степени развитія учениковъ, свидѣтельствомъ ихъ умственной зрѣлости.

Значеніе колегіума. Слободская Украина (съ 1835 г. Харьковская губернія), просвѣтительнымъ центромъ которой до основанія въ Харьковѣ университета былъ харьковскій колегіумъ,

¹⁾ Въ письмѣ на имя ректора отъ 20 сент. 1789 г.

населилась въ XVII в. днѣпровскими казаками или черкасами и другими выходцами изъ западной Малороссіи, въ новыхъ мѣстахъ поселенія искавшими спасенія отъ тогдашнихъ латинопольскихъ смуть. Стремленіе къ просвѣщенію въ мѣстномъ слободско-украинскомъ населеніи замѣтно было съ самыхъ давнихъ поръ. И это нужно сказать не только о высшемъ классѣ общества, но и о низшихъ. Во главѣ народнаго образованія стояло духовенство, которое любовь къ просвѣщенію вынесло изъ-за Днѣпра, гдѣ просвѣщеніе ему было необходимо для борьбы съ иезуитскою пропагандою. Но въ этой борьбѣ, какъ извѣстно, принимали дѣятельное участіе и міряне, создавая при церквахъ братства, школы, типографіи; эту склонность къ просвѣщенію они перенесли изъ своей родины въ Слободскую Украину. Здѣсь они немедленно завели при церквахъ народныя или, точнѣе говоря, всесловныя школы; при ахтырской Николаевской церкви такая школа существовала уже въ 1675 году¹⁾. Дѣти духовенства составляли, конечно, въ этихъ школахъ довольно видный контингентъ учащихся. Научившись здѣсь церковно-славянской и русской грамотѣ и пѣнію, одни изъ нихъ опредѣлялись въ причетники къ церквамъ, а потомъ и во священники, другіе же въ учителя-дьяки; такъ выработался оригинальный типъ мандрованнаго дьяка-учителя. Кромѣ дѣтей духовенства въ этихъ школахъ обучались дѣти казаковъ и крестьянъ, составлявшія преобладающее большинство среди учащихся. Если среди нисшихъ слоевъ мѣстнаго общества существовало такое стремленіе къ образованію, то еще въ большей степени оно должно было быть присуще лицамъ привилегированнаго сословія — харьковскаго шляхетства, которыя самыми условіями своего существованія были поставлены въ необходимость ознакомиться съ наукой; въ качествѣ правящаго класса, они должны были усвоить хотя бы начатки школьнаго образованія для службы. А нѣкоторые изъ представителей стараго харьковскаго дворянства ясно сознавали пользу ученія. Выразителемъ такого стремленія къ просвѣщенію, замѣчаемаго во всѣхъ слояхъ слободско-украинскаго общества, явился князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, управлявшій тогда Украиной, и преосв. Епифаній Тихорскій. Изъ жалованной гра-

¹⁾ Истор. статист. опис. Харьк. епар., отд. III, ст. 23 изд. 1857 г.

моты Императрицы Анны Іоанновны отъ 16 марта 1731 г., исходатайствованной преосв. Епифаніемъ, видно, что коллегіумъ заведенъ былъ въ Харьковѣ въ надеждѣ лучшаго священства и къ защищенію «Россійской церкви», но въ то же время отъ него «не токмо священству, но и отечеству Россійскому по милости Божіей не малый плодъ происходилъ». Общее назначеніе коллегіума, какъ гласила эта грамота, было «учить всякаго народа и званія дѣтей православныхъ». Число учащихъ въ коллегіумѣ вообще было весьма значительно, уже въ 1727 г., какъ видно изъ донесеній преосв. Епифанія св. Синоду было 420 учащихъ; впослѣдствіи число учащихъ въ коллегіумѣ доходило до 700 и выше. Главный контингентъ давали дѣти духовенства, но и свѣтскихъ было не мало, притомъ не только дворянскихъ дѣтей, но и дѣтей купцовъ, мѣщанъ, казаковъ, крестьянъ. Разночинцы эти, впрочемъ, рѣдко кончали полный курсъ коллегіума и очень рано покидали его для практической дѣятельности и службы. Дѣти духовенства воспитывались, главнымъ образомъ, въ надежду священства; но это однако же не мѣшало и имъ, подобно свѣтскимъ ихъ сотоварищамъ, при случаѣ выходить на службу по гражданскому вѣдомству. Особенно много вышло ихъ на эту службу при Екатеринѣ II послѣ учрежденія губерній и открытія намѣстничествъ. Новоучрежденные присутственныя мѣста въ намѣстничествѣ Харьковскомъ, а частію и сосѣднихъ были бы рѣшительно безпомощны безъ коллегіумистовъ. Кромѣ того воспитанники коллегіума нерѣдко поступали въ другія учебныя заведенія. Этотъ выходъ въ разныя учебныя заведенія былъ для коллегіумистовъ весьма широкъ. Медицинскія школы, народныя училища, практическая школа земледѣлія и хозяйства, университеты постоянно получали отъ коллегіума значительный контингентъ.

Медицинскія школы въ теченіе всего XVIII в. держались почти исключительно воспитанниками духовныхъ школъ, которыхъ обыкновенно, по мѣрѣ надобности, нарочито вызывали въ опредѣленномъ числѣ для медицинскаго ученія. Харьковскій коллегіумъ сравнительно позже сталъ высылать своихъ воспитанниковъ въ медицинскую науку, но зато давалъ ихъ щедрѣе и съ большимъ благожеланіемъ.

Дѣло въ томъ, что спархіяльное начальство особенно было

недовольно на то, что духовные воспитанники школъ выходили изъ нихъ на гражданскую службу. Непріятность епархіальнаго начальства вполне раздѣлялъ и самъ св. Синодъ, всегда употреблявшій всѣ мѣры къ тому, чтобы удержать учениковъ духовныхъ школъ отъ выхода въ свѣтское званіе; ученики эти нужны были для занятія церковныхъ должностей. Въ 1787 г. уволено было изъ коллегіума въ медико-хирургическую науку 28 человекъ, въ 1793 г. 19 человекъ.

Въ восьмидесятихъ годахъ XVIII в. правительство, обративъ вниманіе на народное образованіе, почувствовало большую нужду въ народныхъ учителяхъ и для удовлетворенія этой нужды обратилось къ помощи тѣхъ же нашихъ духовныхъ школъ. Въ числѣ другихъ школъ и харьковскій коллегіумъ оказалъ въ этомъ случаѣ правительству свою услугу. Съ 1786 г. харьковскій коллегіумъ выдѣлялъ изъ своихъ учениковъ въ народныя училища отъ 5 до 10 человекъ. Значительное число воспитанниковъ харьковскаго коллегіума уходило въ университеты, въ Московскій, а впоследствии въ Харьковскій, какъ по собственному желанію, такъ и по особымъ вызовамъ.

Содержаніе и управленіе коллегіумомъ. На общемъ основаніи Духовнаго Регламента о средствахъ содержанія архіерейскихъ школъ, харьковскій коллегіумъ прежде всего пользовался такъ называемымъ хлѣбнымъ сборомъ съ монастырскихъ и церковныхъ земель бѣлгородской епархіи, съ первыхъ двадцатой, а со вторыхъ тридцатой доли всякаго приплоднаго по умолоту хлѣба; впоследствии хлѣбный сборъ былъ замѣненъ денежнымъ и достигалъ тысячи рублей и болѣе. Кромѣ всякихъ сборовъ и замѣнившихъ ихъ штатныхъ окладовъ отъ казны — этихъ общихъ для всѣхъ архіерейскихъ школъ источниковъ содержанія, у харьковскаго коллегіума были свои частныя, мѣстные источники. Сюда, конечно, прежде всего слѣдуетъ отнести щедрія пожертвованія кн. Голицына, и преосв. Епифанія, отъ которыхъ получался большой доходъ, что сразу выдѣлило харьковскій коллегіумъ среди другихъ архіерейскихъ школъ. Въ 1787 году коллегіумъ лишился своихъ имуществъ, которыя, какъ приписанныя къ Покровскому монастырю, во время секуляризаціи церковныхъ имуществъ въ Малороссіи, отошли въ казенное вѣдомство.

Вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ, коллегіумъ

мало-по-малу начать сходить со степени высшаго учебнаго заведенія на степень обыкновенной семинаріи. Самое имя коллегіума, громкое для современниковъ, чрезъ это являлось какъ то не подходящимъ для школы, ставшей среднимъ учебнымъ заведеніемъ. Вотъ почему преосв. Теофистъ рѣшился даже замѣнить названіе Харьковского коллегіума обыкновеннымъ названіемъ семинаріи (1790 г.). Даже значительное для того времени пожертвованіе 35 тыс. князьями Голицыными не могло возвратить коллегіуму прежняго благосостоянія.

Наставники коллегіума не всѣ пользовались одинаковымъ содержаніемъ: учителя высшихъ классовъ богословія, философіи и реторики получали большое, чѣмъ всѣ остальные, да и здѣсь была своя градація. Учителя иностранцы получали больше, чѣмъ русскіе. Всѣ преподаватели коллегіума, кромѣ семейныхъ, имѣли помѣщенія въ коллегіумскихъ зданіяхъ. Иногда преподаватели коллегіума жилали на такъ наз. кондиціяхъ, при томъ не только въ вакаціонное время, но и въ учебное. Содержаніе учениковъ Харьковского коллегіума производилось изъ этихъ же мѣстныхъ источниковъ. Въ виду расширенія образованія многихъ учениковъ коллегіумъ содержалъ на свой счетъ интернаты. Впослѣдствіи, вслѣдствіе усиленія стремленія къ образованію, коллегіумъ не могъ содержать всѣхъ желающихъ и многіе изъ его воспитанниковъ жили на квартирахъ. Такъ какъ многіе изъ нихъ были весьма бѣдны, то должны были сами, какъ умѣли и могли, восполнять свое скудное содержаніе, какое они получали отъ своихъ родителей. Самымъ обычнымъ средствомъ содержанія въ рукахъ бѣдныхъ воспитанниковъ было такъ наз. репетиторство. Одни изъ такихъ учениковъ опредѣлялись въ репетиторы къ достаточнѣйшимъ своимъ сверстникамъ; другіе давали уроки въ частныхъ домахъ разныхъ городскихъ обывателей, дворянъ, священнослужителей и др. Репетиторами были преимущественно ученики старшихъ классовъ коллегіума, студенты богословія и философіи, хотя болѣе способные ученики допускались къ репетиторству и съ низшихъ классовъ. Многіе изъ приходящихъ учениковъ высшихъ классовъ коллегіума получали отъ снисходительнаго къ ихъ бѣдности начальства дозволеніе брать уроки даже въ отъѣздъ изъ города въ домахъ помѣщиковъ, купцовъ, мѣщанъ, духовенства и пр. и по полугоду, даже больше, не являлись

въ коллегіумъ, живя на такъ наз. кондиціяхъ. Обыкновенно лица, желавшія имѣть домашняго учителя, обращались съ просьбою къ архіерею дать имъ знающаго коллегіумиста. Архіерей (по словамъ Т. И. Селиванова) выберетъ, бывало, коллегіумиста и послѣдній съ одной книгою «письмовникомъ Курганова», этою полнѣйшею энциклопедіею того времени, ѣдетъ учить и имъ очень довольны ¹⁾. Помѣщики не всегда добросовѣстно относились къ посланнымъ къ нимъ учителямъ. По словамъ Павловскаго, нѣкоторыхъ изъ коллегіумистовъ помѣщики записывали за собою въ крестьяне. Нѣкоторые такъ и не освободились и остались крѣпостными за помѣщиками, у которыхъ учили дѣтей или были послѣ прикащиками ²⁾.

Должность ректора Харьковскаго коллегіума въ прошломъ столѣтіи принадлежала лицамъ монашествующимъ, такъ что для ученыхъ лицъ изъ бѣлаго духовенства префектура была уже послѣднею ступенью служебной карьеры, да и то только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Первымъ ректоромъ былъ Платонъ Малиновскій (1726—1729 г.); изъ выдающихся ректоровъ слѣдуетъ упомянуть Лаврентія Кордета (1770—1775 г.) и особенно протоіерея Андрея Прокоповича (1801—1822 г.) Прокоповичъ, обладая прекраснымъ даромъ слова, умѣлъ сообщать на кафедрѣ самыя высокія истины ясно, просто и отчетливо. Въ Харьковскомъ обществѣ онъ пользовался большимъ уваженіемъ. Заслуги протоіерея Прокоповича цѣнились высоко. Онъ неоднократно получалъ награды, по тому времени весьма рѣдкія среди духовенства.

Изъ префекторовъ выдается Михайлъ Шванскій, священникъ, а потомъ протоіерей Харьковскаго Успенскаго собора, съ 1778 по 1790 г. Онъ оставилъ среди учениковъ память не только умнаго и способнаго наставника, но вмѣстѣ любимаго и уважаемаго начальника.

«Превосходное учебное заведеніе былъ Харьковскій коллегіумъ», говоритъ сенат. Лубяновскій. «Въ мое время управлялъ имъ префектъ Шванскій, мужъ равно почтенный по жизни и учености. Былъ онъ особенно счастливъ въ выборѣ учителей; они имѣли рѣдкій даръ развивать въ молодыхъ людяхъ здравый смыслъ и внушать имъ охоту, страсть къ наукѣ, не умирающую,

¹⁾ Отеч. Записки 1864 г., ст. 273.

²⁾ Ib., ст. 273—274.

когда возбудится. Съ такимъ домашнимъ учителемъ и вышедши изъ школы чему не научишься». Харьковскій коллегіумъ сверхъ того славился своимъ книжнымъ богатствомъ, благодаря поступленію въ его бібліотеку книгъ Стефана Яворскаго и богатымъ пожертвованіямъ Голицыныхъ, Епифанія Тихорскаго и Петра Смѣлича.

Онъ весьма дорожилъ также хорошими и образованными преподавателями. Нерѣдко лучшіе воспитанники коллегіума отправлялись въ за-граничные университеты для приготовления къ преподавательской дѣятельности. Такъ, преосв. Епифаній послалъ для этой цѣли нѣсколько коллегіумистовъ въ Германію. Въ 1770 г. преосв. Самуиль отправилъ двухъ студентовъ богословія «на собственный коштъ въ Германію въ знатнѣйшіе университеты, дабы они въ пользу государства высшихъ наукъ и языковъ могли обучаться». Въ числѣ преподавателей коллегіума былъ извѣстный философъ Гр. С. Сковорода¹⁾.

Источники и пособія.

Лебедевъ А. С. Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украины до учрежденія въ Харьковѣ Университета. Москва 1886 г. Стеллецкій Н. Харьковскій коллегіумъ до преобразования его въ 1817 г. Журн. „Вѣра и Разумъ“ 1895, №№ 12, 14, 16, 17, 18, 19, 20 Д. И. Багалъй. Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Харьковъ. 1889 г.

ГЛАВА XXIX.

Московскій университетъ при Императрицѣ Екатеринѣ II. Дѣятельность Шадена и Шварца.

Московскій университетъ. Московскій университетъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II является уже государственнымъ учрежденіемъ, глубоко пустившимъ корни свои въ жизнь народа и отвѣчающимъ новымъ запросамъ. Ему предоставлена была возможность увеличить число учащихся, а въ 1767 году въ немъ введено было преподаваніе наукъ на русскомъ языкѣ, вмѣсто латинскаго.

¹⁾ О немъ ниже, см. здѣсь главу XXXII.

Что Московскій университетъ пользовался сочувствіемъ, видно изъ того, какіе обширные планы имѣла Императрица о распространеніи просвѣщенія по всей Россіи. Она намѣревалась основать университеты въ Екатеринославѣ, Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ и учредить въ губернскихъ городахъ гимназіи. Сумма, назначенная для университетовъ, простиралась до 568687 рублей. Мысль Екатерины была исполнена Императоромъ Александромъ I, но въ другихъ мѣстахъ..

Съ учрежденіемъ комиссіи для народныхъ училищъ, Московскій университетъ вмѣстѣ съ Академіей Наукъ былъ привлеченъ въ помощь комиссіи при ея важныхъ занятіяхъ. Указъ 4-го марта 1784 года говоритъ: «Комиссія объ установленіи въ государствѣ народныхъ училищъ, по дѣламъ ей ввѣреннымъ на пользу и просвѣщеніе народное, имѣя надобность въ ученыхъ людяхъ, ни отъ кого въ томъ лучшаго пособія заимствовать не можетъ какъ отъ нашихъ здѣшней Академіи Наукъ и Московскаго университета». Поэтому профессеры и адъюнкты университета могли быть призываемы въ комиссію съ сохраненіемъ должностей своихъ и жалованья при университетѣ. Когда указомъ 29-го января 1786 года повелѣно было комиссіи сочинить планъ для учрежденія университетовъ и гимназій въ разныхъ концахъ Россіи, Московскій университетъ долженъ былъ оказать комиссіи «всемѣрное пособіе», когда она того потребуеть.

Правительствующій Сенатъ въ 1777 г. предложилъ Московскому университету вопросъ: можетъ ли онъ экзаменованными и достойными учителями наполнить всѣ мѣста, имѣющія въ нихъ нужду, равно удовольствоваться и отдаленныхъ отъ Москвы жителей, желающихъ имѣть таковыхъ для обученія дѣтей своихъ? Университетъ отвѣчалъ, что не имѣя свѣдѣній ни о мѣстахъ, ни о семействахъ, нуждающихся въ учителяхъ, онъ требуемаго извѣстія представить Сенату не можетъ. Тогда сенатскимъ указомъ отъ 30-го октября 1777 г. повелѣно было, чтобы университетъ доставилъ свѣдѣнія Сенату о томъ, сколько со времени учрежденія университета до нынѣ вышло въ учителя студентовъ и впредь постоянно давалъ бы знать Сенату, сколько ихъ когда выпущено будетъ и съ какими аттестатами. Но въ учителя шли немногіе изъ университета, находя для себя болѣе выгодныя мѣста. Кромѣ того, иностранное воспитаніе брало повсюду въ Рос-

си перевѣсь надъ отечественнымъ. Во всѣхъ городахъ заводимы были пансіоны заѣзжими иностранцами. Въ частные дома приглашали по преимуществу иностранцевъ. Указъ отъ 5 мая 1757 г. оставался безъ исполненія. Многіе иностранные учителя въ Москвѣ и близкихъ къ ней городахъ содержали отъ себя пансіоны и школы, а иные жили въ частныхъ домахъ и обучали юношество, не имѣя ни откуда на то свидѣтельствъ. Университетъ не разъ напоминалъ объ указѣ 1757 г., но на экзаменъ являлись немногіе.

Въ 1785 г. повелѣно было всѣ пансіоны и школы въ Москвѣ осмотрѣть особой комиссіею, которая должна была состоять изъ членовъ Приказа Общественнаго Призрѣнія и двухъ профессоровъ Московскаго университета, при чемъ комиссіею должна была, при осмотрѣ школъ, наблюдать, чтобы для ученія употреблялись преимущественно книги, изданныя комиссіею для народныхъ училищъ, чтобы учителя были испытаны въ знаніяхъ, способностяхъ, нравѣ и образѣ мыслей.

Наравнѣ съ Академіею Наукъ, университетъ, посредствомъ своихъ вѣдомостей, былъ назначенъ издателемъ всѣхъ тѣхъ Высочайшихъ постановленій, которыя должно было объявлять во всенародное извѣстіе.

Во время Екатерины окончательно былъ образованъ медицинскій факультетъ и дано ему право давать степень доктора медицины (1791 г.). 17-го февраля 1771 г. т. е. и опекунъ воспитательнаго дома И. И. Мелиссино вступилъ въ должность куратора Московскаго университета. Назначеніе его было принято съ радостію, такъ какъ онъ въ бытность еще директоромъ заботился много о нуждахъ университета. Въ публичной конференціи Мелиссино произнесъ весьма одушевленную рѣчь на латинскомъ языкѣ, въ которой сначала выразилъ благодарность за пріемъ, оказанный ему членами университета и призывалъ профессоровъ соединить съ нимъ свои силы въ заботахъ о просвѣщеніи. «Во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ и малое растетъ согласіемъ, сказалъ онъ, несогласіемъ же и большое разрушается. Лѣтописи всѣхъ вѣковъ свидѣтели, что въ мірѣ наукъ и слова такъ всегда бывало. Истребите же всякую частную ненависть, погасите малѣйшую искру раздора, отриньте всякое притворство къ собственной выгодѣ направленное, удалите нерадѣніе и малодушіе, вредныя успѣху наукъ, украсьте ваше званіе ученіемъ и нравами:

предходите учащимся примѣромъ, ищите высшей награды за весь вашъ трудъ въ разумномъ сознаніи совѣсти, устраните всякую недовѣрчивость: ибо въ общинѣ наукъ тотъ рѣдко вкушаетъ плодъ отъ своего званія, кто ступаетъ по горячимъ угольямъ, прикрытымъ коварнымъ пепломъ. Помогите мнѣ вашею доброю волею, вашими совѣтами, вашею любовью къ наукамъ и благу Отечества».

Однимъ изъ первыхъ шаговъ дѣятельности новаго куратора было изданіе «Способа ученія, приготовляющаго къ университету». Онъ былъ напечатанъ (1771 г.) отъ имени конференціи на языкахъ: русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ. Въ главѣ правилъ сказано: «Никто, не имѣющій воспитанія самъ, другихъ воспитывать не можетъ: отсюда важность нравственнаго характера въ наставникѣ, какъ образцѣ для учениковъ своихъ». Главное вниманіе обращено на изученіе языковъ иностранныхъ, древнихъ и новыхъ, и предложены подробно правила словеснаго образованія, начиная съ яснаго произношенія буквъ азбуки до чтенія и толкованія писателей какъ на этихъ языкахъ, такъ и на языкѣ отечественномъ. Замѣчательны правила, предписывающія стараться ученіемъ не истребить охоты къ ученію, при переводахъ съ иностранныхъ языковъ на русскій указывать на сходства и различія между языкомъ природнымъ и иностраннымъ. Исторія названа наставницею жизни, философіею, приноровленною ко всѣмъ ея случаямъ: потому учителю исторіи вмѣнено въ обязанность дать преподаванію нравоучительный характеръ; методъ предложенъ хронологическій въ связи съ синхронистическимъ; предписано, чтобы ученикъ все пересказывалъ своими словами, а не затверживалъ наизусть; даны въ пособія исторіи географія древняя, средняя и новая съ введеніемъ въ сферу, генеалогія государей и геральдика. Въ преподаваніи математики требуется способъ раціональный, съ доказательствами. Университетъ могъ уже обнародовать такой «Способъ ученія» для всѣхъ наукъ, потому что всѣ руководства и учебныя пособія, оригинальныя или большею частію переводныя, даже грамматики важнѣйшихъ языковъ иностранныхъ и образцы для чтенія и переводовъ, были имъ уже изданы. Онъ предлагаетъ учителямъ свои учебники, а кромѣ того даетъ обѣщаніе издать и другія, или «напечатанныя исправить, а особливо выбранныя мѣста изъ самыхъ лучшихъ писателей

упомянутыхъ языковъ, для употребленія въ классахъ». При обнародованіи этого способа ученія имѣлось въ виду, какъ видно изъ заключительныхъ словъ, дѣйствовать на домашнее воспитаніе, чтобы учащіеся дома были наставляемы одинако съ учениками гимназій. Чтобы эта цѣль достигалась болѣе, Университетъ въ іюнѣ мѣсяцѣ назначалъ особые дни, въ которые содержатели частныхъ пансіоновъ обязаны были непременно приводить учениковъ своихъ въ гимназію для испытанія вмѣстѣ съ ея учениками, и предлагалъ родителямъ присылать на эти экзамены дѣтей съ домашними ихъ наставниками, для провѣрки ихъ знаній, оставляя впрочемъ исполненіе этой мѣры на волю родителей¹⁾.

Меллисино приступилъ немедленно къ исполненію своей любимой мечты, основанію литературнаго и ученаго общества при университетѣ. Еще будучи директоромъ, онъ соединялъ у себя въ домѣ профессоровъ и литераторовъ для чтенія ихъ произведеній.

Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (7 іюня) 1771 года было напечатано Объявленіе Любителямъ Россійскаго языка, въ которомъ сказано, что Императорскій Московскій университетъ «вознамѣрился для исправленія и обогащенія руссійскаго языка, чрезъ изданіе полезныхъ, а особливо къ наставленію юношества потребныхъ сочиненій и переводовъ, стихами и прозою, учредить въ Москвѣ Вольное Россійское Собраніе».

Исправленіе и совершеніе Россійскаго языка показано было какъ особый предметъ собранія. Кромѣ членовъ университета, многія знатныя особы и любители словесности изъявили желаніе участвовать въ собраніи, и оно было открыто 2-го августа 1771 г. Проф. Барсовъ былъ безсмѣннымъ секретаремъ Вольнаго Россійскаго Собранія и двигалъ его литературную дѣятельность.

Оно собирало лѣтописи и историческіе памятники и издавало періодически «Опытъ трудовъ Вольн. Рос. Собранія (6 ч.); въ 1783 г. Вольное Рос. Собраніе прекратило свое существованіе, уступивъ мѣсто Россійской Академіи. Въ 1779 г. при университетѣ появляется «Ученое дружеское общество», прославившееся дѣятельностью Новикова и вліяніемъ своимъ на Карамзина; а въ 1789 г. возникаетъ «Общество любителей учености».

¹⁾ Москов. Вѣд., 1771 г., № 46; у Шевырева, Исторія Москов. Унив., ст. 181.

Скажемъ нѣсколько словъ о преподаваніи наукъ. Съ 1765—66 гг. въ университетѣ началъ курсъ философіи бывшій московскій студентъ Аничковъ. Онъ излагалъ логику и метафизику, придерживаясь Вольфа, по Винклеру и Баумейстеру.

Съ 1771 г. по 1796 г. Шаденъ читалъ практическую философію и этику, при чемъ видно, что онъ уже былъ знакомъ съ Кантомъ, которымъ отчасти и руководствовался. О немъ подробнѣе скажемъ ниже.

Съ 1783 г. въ университетѣ преподавалась всеобщая исторія (Вигантъ) по Шлецеру и Мейзелю, тогда же произошло отдѣленіе преподаванія философіи отъ математики.

Брянцевъ, воспитанникъ московскаго университета, преподававшій философію съ 1787 г., уже не удовлетворялся ученіемъ Вольфа; въ своихъ лекціяхъ онъ руководствовался переведенными имъ самимъ курсами Снеля, послѣдователя Канта и Матерна Рейса¹⁾.

Въ томъ же году вступилъ на кафедру философіи и другой ученикъ Московскаго университета, Синьковский. Онъ читалъ пять лѣтъ и, какъ видно по его переводу, пользовался сочиненіемъ Баумейстера (Нравоучительная философія).

Вообще можно сказать, что въ 70—80 гг. XVIII вѣка Московскій университетъ во многомъ походилъ на германскіе университеты, со всѣми ихъ недостатками, и съ тою же отдаленностью преподаванія отъ жизни, но съ бѣльшею близостью къ правильно организованной школѣ, какъ по характеру преподаванія, такъ и по своему устройству. При всемъ томъ университета уже коснулся духъ новой научной критики. Становится замѣтнымъ въ университетѣ вліяніе Глазговской школы и отчасти Геттингена. Первое принесли съ собою два молодыхъ студента, отправленные въ Англію Шуваловымъ — Третьяковъ и Десницкій. Тамъ они слушали лекціи юридическія, математическія и медицинскія и получили степень доктора. Глазговскій университетъ блисталъ тогда именами Блэкстона, Юма, Фергюссона, Адама Смита, которые оказали несомнѣнно большое вліяніе на русскихъ студентовъ. На нихъ вполнѣ отразилась историческая метода Блэкстона. Они внесли впервые въ русскую юриспру-

¹⁾ Біограф. Словар. проф. Москов. Унив. I, II.

денцію историко-прагматическій элементъ; это видно и на изслѣдованіяхъ Третьякова.

Онъ не удовлетворялся одною догматикою римскаго права — любимымъ тогда предметомъ изученія и преподаванія, а постоянно обращался къ исторіи, въ которой старался найти основаніе системѣ¹⁾.

Вліяніе Геттингена, говоритъ проф. Иконниковъ, обнаружилось въ знаменательномъ, но вмѣстѣ и печальномъ, дѣлѣ профессора Мелльмана.

Юг. Мелльманъ, ректоръ академической гимназіи въ Москвѣ и экстраординарный профессоръ древней словесности, вызванъ былъ по рекомендаціи извѣстнаго филолога Гейне, въ 1786 г. замѣнивъ собою Маттеи. Въ университетѣ онъ сталъ преподавать съ 1792—93 гг. Онъ считался знатокомъ своего предмета, а во время пребыванія въ Россіи филологически изучалъ и русскій языкъ²⁾.

Вотъ какъ отзывается о его преподаваніи одинъ изъ его слушателей: «Мелльманъ — любимый, говорили, ученикъ Канта — былъ нашимъ профессоромъ эстетики. Мужчина лѣтъ подь сорокъ, всегда одинъ, словно въ кельѣ, всегда погруженный въ размышленія, онъ слылъ въ литературномъ кружкѣ безстрастнымъ отшельникомъ отъ міра, влюбленнымъ въ критику, дочь философіи Канта, былъ онъ съ отличными способностями и съ даромъ слова — Цицеронъ въ латинской словесности. Познакомивъ насъ съ Горациемъ, Вергилиемъ, Лукреціемъ, Цицерономъ, Тацитомъ, онъ удачно развивалъ ихъ нравственныя и политическія мысли, превозносилъ ихъ умъ, присвоивая имъ иногда, казалось намъ, и такія идеи, о которыхъ тѣ господа и не думали и не гадали. Представлялось намъ также, что онъ не всегда и высказывалъ намъ все то, что было у него на сердцѣ. Неожиданно онъ пересталъ являться на лекціи»³⁾.

Это случилось въ началѣ 1795 г. Незадолго до того онъ былъ у московскаго митрополита Платона и имѣлъ съ нимъ бесѣду объ отношеніи философіи къ религіи, при чемъ высказался, что религія должна основываться на разсудкѣ и фило-

¹⁾ Шевыревъ. Исторія Моск. Унив., стр. 137—140. Словарь, II, 505—507.

²⁾ Біогр. слов. проф., II, 46.

³⁾ Воспом. Лубяновскаго, «Русс. Ар.» 1872, 113.

софіи. «Я, напротивъ, — прибавляетъ м. Платонъ, — не отвергая разсудка, утверждалъ, что единственно надлежитъ утверждаться на словѣ Божіемъ».

Но Мелльманъ, хотя не казался совсѣмъ отвергающимъ слово Божіе, однако не иначе, какъ если оно сходно съ разсудкомъ и философіей, при чемъ утверждалъ, что просвѣщеніе въ нравоученіи можно болѣе почерпнуть изъ языческихъ писателей, нежели изъ церковныхъ учителей. М. Платонъ только сдѣлалъ ему наставленіе¹⁾; но бывшій вскорѣ послѣ того у Платона профессоръ Чеботаревъ вмѣстѣ съ Шаденомъ принялся усердно за дѣло противъ Мелльмана, поднявъ на ноги университетскую корпорацію и обоихъ кураторовъ (Мелиссино и Хераскова). Мелльманъ былъ исключенъ изъ университета и высланъ изъ Москвы²⁾.

Дѣло Мелльмана возникло уже во время перемѣны воззрѣній императрицы Екатерины II на западно-европейскія идеи. Спустя годъ были упразднены частныя типографіи, ограниченъ ввозъ иностранныхъ книгъ и учреждена цензура.

28 іюня 1778 г. императрица Екатерина II пожаловала перваго учредителя Московскаго университета И. И. Шувалова въ оберъ-камергеры, а кураторомъ университета назначила М. М. Хераскова. Мелиссино, сохранивъ званіе куратора, получилъ позволеніе ѣхать за границу.

Первымъ дѣломъ Мелиссино было учрежденіе Вольнаго Россійскаго Собранія, первымъ дѣломъ Хераскова было учрежденіе Вольнаго Пансіона при университетѣ (1779 г.). О немъ мы скажемъ ниже.

Затѣмъ Херасковъ заключилъ контрактъ съ Н. И. Новиковымъ, по которому университетская типографія перешла на десять лѣтъ въ арендное его содержаніе. Этотъ переходъ типографіи въ завѣдываніе Новикова принадлежитъ къ числу важныхъ событій исторіи просвѣщенія Россіи. Одаренный необыкновеннымъ духомъ предпримчивости, одушевленный пламенною любовью къ русскому просвѣщенію, Н. И. Новиковъ употребилъ все состояніе на такое дѣло, которое принесло ему только одни убытки. Онъ возвысилъ средства типографіи вы-

1) Показанія м. Платона. Чт. М. О. И. и др. 1861, IV, смѣсь 199—290.

2) Подроб. у проф. Иконникова. Русскіе университеты В. Е. 1876 г.

писалъ изъ-за границы хорошіе иностранныя шрифты и улучшилъ русскій; оживилъ изданіе Московскихъ Вѣдомостей хорошими приложеніями, завелъ другія три типографіи, нѣсколько книжныхъ лавокъ въ Москвѣ и другихъ городахъ, учредилъ съ разрѣшенія правительства типографскую компанію; соединилъ около себя лучшую университетскую молодежь, призвавъ ее къ умственной дѣятельности; способствовалъ переводу хорошихъ книгъ богословскаго, философскаго и нравственнаго содержанія.

Затѣмъ важнымъ дѣломъ Хераскова было учрежденіе педагогической семинаріи при университетской гимназіи для лучшаго образованія учителей. Она была открыта въ 1779 г. и завѣдываніе ею было поручено Шварцу.

Шадень. Первоначальный видъ гимназіямъ Московскаго университета былъ данъ Шадемомъ, затѣмъ онѣ были реформированы Шварцомъ. Поэтому дѣятельность того и другого заслуживаетъ нашего вниманія.

Иоганнъ Маттіасъ Шадень, докторъ философіи и ординарный профессоръ нравственной философіи, родился въ г. Пресбургѣ (въ Венгріи). Шадень воспитывался въ Тюбингенѣ, гдѣ особенно изучалъ философію Лейбница и Вольфа. Здѣсь онъ получилъ степень доктора философіи; въ 1756 г. призванъ въ Московскій университетъ для занятія мѣста ректора обѣихъ гимназій.

Въ Москвѣ уже онъ составилъ для гимназій учебникъ реторики (по Фоссію). Изъ самаго происхожденія реторики онъ выводитъ, что «всякая реторика безъ чтенія лучшихъ писателей и частыхъ упражненій въ сочиненіи безплодна, что наставникъ долженъ болѣе удѣлять времени на чтеніе и объясненіе писателей, на упражненіе въ сочиненіяхъ нежели на теоретическія правила». Самую реторику онъ раздѣляетъ на: теоретическую и практическую. Цѣль первой научить человѣка излагать мысли ясно и изящно, цѣль второй слѣдить за чистотой слога.

Свои лекціи Шадень читалъ очень хорошо. «Сей ученый мужъ», говоритъ о немъ Фонвизинъ, «имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны».

Въ «посланіи къ И. П. Тургеневу» Муравьева есть стихъ о Шаденѣ:

«И Шадень истину являетъ безъ покрова».

Изъ словъ Тимковскаго можно заключить, что лекціи Шадена отличались живымъ, яснымъ изложеніемъ, чуждымъ педантическаго однообразія и крайне строгаго догматизма. Съ большою благодарностью вспоминаетъ о Шаденѣ и Карамзинъ. Все это свидѣтельствуесть о его значительномъ педагогическомъ вліяніи. Шаденъ не оставилъ намъ другихъ сочиненій, кромѣ рѣчей, но въ нихъ вполне выражается взглядъ его на науку, государство и воспитаніе. Въ основныхъ мысляхъ рѣчей Шадена мы найдемъ во многихъ случаяхъ сходство съ положеніями Геллертовой правоучительной философіи.

Въ рѣчи «О правѣ обладателя въ разсужденіи воспитанія и просвѣщенія науками и художествами подданныхъ» Шаденъ говоритъ: «Самое высшее право Самодержца въ распространеніи между подданными наукъ и художествъ. Одно изъ сильнѣйшихъ средствъ въ рукахъ Самодержавія есть чувство чести, устремляющее насъ къ познанію». И далѣе: «Училища оныя университетами и гимназіями называются, попеченію которыхъ ввѣряется научить всему тому, что споспѣшествуетъ къ сопряженію всего и соединенію въ цѣлость. И такъ, неотмѣнно должны быть они свѣтилами государствамъ; и дѣйствительно будутъ свѣтилами, когда учащихъ содержать, и по достоинству содержать будутъ, честностью и добронравіемъ одаренныхъ, любовію къ истинѣ и отечеству, любовію къ Государю пылающихъ, отъ немаловажнаго упражненія искусныхъ, опытами просвѣщенныхъ, существенность и свойство монархіи свѣдущихъ и наконецъ истинную честь хранящихъ»... «Ученость уподобляться должна солнцу. Какъ оно все озаряетъ, все творитъ плодоноснымъ, оживляетъ, по свойству каждаго тѣла, природою дарованнаго и ободряетъ: равномерно такъ просвѣщеніе и науки должны своими лучами всѣхъ пронизать, всѣхъ возбуждать сердца въ высоту, и прохладать всѣхъ увеселеніемъ, по мѣрѣ званія каждаго, въ какое предназначилъ Зиждитель, а отъ празднаго умозрѣнія возможно ли сего уповать? не ожидайте».

Въ рѣчи «О правѣ родителей въ воспитаніи дѣтей» (1773 г.) Шаденъ указываетъ на значеніе семейства въ обществѣ и на задачу въ немъ родителей—на воспитаніе дѣтей; сознаетъ необходимость для каждаго государства *имѣть свою систему вос-*

татнія¹⁾, тѣсно связанную съ его общественными потребностями; проходитъ всѣ періоды воспитанія по возрастамъ, побуждаетъ матерей къ кормленію младенцевъ; нападаетъ на Руссо, отдаляющаго своего Эмиля отъ общества; превосходно излагаетъ обязанности наставника и учителя, грозно преслѣдуетъ предразсудки русскихъ дворянъ, ищущихъ воспитателей для дѣтей своихъ по рынкамъ, между портными и парикмахерами, выставляетъ необходимость школъ, призываетъ родителей содѣйствовать ихъ совершенствованію, и наконецъ все заключаетъ обращеніемъ къ религіи, безъ которой нѣтъ успѣха въ воспитаніи²⁾).

Авторъ этой рѣчи, замѣчаетъ г. Шевыревъ, вполне обнаружилъ свое право на то, чтобы сдѣлаться достойнымъ воспитателемъ Карамзина³⁾.

Шварцъ И. Г. Иванъ Григорьевичъ Шварцъ (Johann Georg Schwarz), ординарный профессоръ философіи Московскаго университета, инспекторъ педагогической семинаріи, прибылъ въ Россію въ іюнѣ 1776 г.

Рѣшившись посвятить себя педагогической дѣятельности, Шварцъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Россію приступилъ къ изученію русскаго языка и литературы. Мысль его, стремившаяся всегда къ насажденію и распространенію образованія, остановилась съ особенною любовью на изданіяхъ Н. И. Новикова: въ немъ видѣлъ Шварцъ «особенную ревность къ просвѣщенію и горячую любовь къ отечеству». Безпристрастный иностранецъ созналъ въ литературной дѣятельности Новикова живую сторону, благородную, рѣзко опредѣлившуюся цѣль, качества, такъ выгодно отличающія ее отъ другихъ произведеній того времени. Шварцъ, по пріѣздѣ въ Москву, познакомился съ Новиковымъ. Эта связь превратилась скоро въ самую искреннюю дружбу, основанную на безкорыстномъ служеніи одной цѣли. Шварца изумила та желѣзная энергія, съ которою Новиковъ вступилъ на поприще, «гдѣ слѣдовало рисковать всѣмъ, надѣяться немногаго». Онъ призывалъ всѣ свои силы на помощь усиліямъ Новикова, самъ работалъ день и ночь. Цѣлью всѣхъ стремленій Новикова было распространить образованіе въ Россіи во всѣхъ сословіяхъ.

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ С. Шевыревъ. Исторія Московскаго Университета, 198 ст.

³⁾ Ib.

Изданіе журналовъ, переводы полезныхъ иностранныхъ книгъ самаго разнообразнаго содержанія вели Новикова къ цѣли. У Шварца былъ довольно многочисленный классъ слушателей; онъ старался воспламенить ихъ къ работѣ, образовать изъ нихъ переводчиковъ.

Шварцъ съ радостью вспоминаетъ въ своей запискѣ, главномъ матеріалѣ для его біографіи, объ этомъ глубокомъ сочувствіи Московскаго общества къ его педагогическимъ правиламъ. «Все это, говоритъ онъ, исполнило меня райскими ощущеніями, я сгоралъ желаніемъ выразить благодарность свою народу, столь жаждущему науки. Я приходилъ въ негодованіе, видя, что недостойные, своекорыстные иностранцы обманываютъ многихъ благородныхъ отцовъ и матерей, которые горячо желаютъ дѣтямъ добра, но не имѣютъ настолько образованія, чтобы знать, какъ слѣдуетъ приняться за дѣло. Поэтому я рѣшился устроить общество, которое устранило бы это зло, т.-е.: 1) по возможности распространяло бы въ публикѣ правила воспитанія, 2) поддержало бы типографское предпріятіе Новикова переводомъ и изданіемъ полезныхъ книгъ и 3) старалось бы привлекать въ Россію иностранцевъ, которые были бы способны давать воспитаніе, или, что еще лучше, воспитывать на свой счетъ учителей изъ русскихъ». Званіе профессора привело Шварца въ связь со многими семействами, такъ что онъ имѣлъ случай ежедневно проповѣдывать о пользѣ своихъ проектовъ. При всемъ томъ долго его старанія оставались безуспѣшными.

13-го сентября 1779 года, при вступленіи въ должность профессора нѣмецкаго языка, Шварцъ говорилъ въ университетѣ рѣчь: «О способахъ ученія языкамъ». Учители языковъ должны непременно проникнуть въ науки, которыя неразрывною съ языкомъ связаны цѣпью. Такую обширность познаній Шварцъ признаетъ за древними грамматиками, но онъ не находитъ ея у новыхъ ученыхъ. Причину этого явленія Шварцъ видитъ въ способѣ новѣйшаго ученія. Онъ возстаетъ противъ тѣхъ, которые стараются отвлеченныя, непонятныя безъ логики и метафизики, правила языка «впечатлѣть насиліемъ въ память съ тѣмъ же неразумніемъ, каковы они были, а послѣ опытами и многократнымъ чтеніемъ сдѣлать оныя понятными».

Изъ этого не слѣдуетъ, впрочемъ, чтобы Шварцъ былъ поклонникомъ чисто-практическаго метода изученія языковъ; по

его мнѣнію, истинный къ тому путь состоитъ въ примиреніи этихъ крайностей. «Первымъ основаніемъ, говоритъ онъ, полагаю предположенныя мною мнѣнія о происхожденіи языковъ и оныя стараются соединить съ умословіемъ и душесловіемъ». Анализъ Шварцъ называетъ самою важною частію въ обученіи языковъ, объясняющею все другія. Обсуждая общепринятія въ то время приемы изученія ея, онъ предлагаетъ болѣе разумный способъ. «Не можно ли, говоритъ онъ, тогда понятнымъ сдѣлать различіе словъ, означающихъ либо существо и свойство, либо отношенія, либо дѣйствіе обоихъ, когда имъ показываютъ сначала происхождение и пребываніе въ ихъ душѣ тѣхъ мыслей и понятій, которыя только оными словами означаются? Для этого не нужно вступать въ невѣрные догадки метафизиковъ, достаточно показать въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ различія недѣлимыхъ, ихъ необходимыя или случайныя качества и т. п.». Эту основную идею своего метода изученія языковъ Шварцъ заимствовалъ изъ сочиненія Плюша¹⁾, наставленія котораго въ другой рѣчи онъ рекомендуетъ преподавателемъ языковъ. Онъ рекомендуетъ ее, испытавъ на опытѣ. При этомъ Шварцъ совѣтуетъ преподавателямъ стараться показать питомцамъ отличіе истиннаго смысла реченій отъ аллегорическаго; ибо здѣсь источникъ нашихъ заблужденій, сектъ и разныхъ толковъ и мнѣній. Шварцъ прибавляетъ, что предлагаемая имъ метода первоначальнаго изученія языка приготовить юношей «слѣдовать быстрому паренію учителей краснорѣчія». Такимъ образомъ Шварцъ при гимназическомъ преподаваніи всегда имѣлъ въ виду интересы университета.

Осуждая педантизмъ, Шварцъ учитъ непринужденности: «не должно принуждать къ рабскому подражанію великимъ сочинителямъ, но писать по собственному своему природному сложенію и способности для избѣжанія аффектаціи въ слогѣ». «Непринужденность даетъ слогу вкусъ, по которому хорошія и избранныя мысли выражаются чистыми, изрядными и учтивыми словами; но сей вкусъ не состоитъ въ глубокомысленномъ и и продолжительномъ чтеніи, въ рассказываніи невѣроятныхъ вещей и вмѣшиваніи иностранныхъ словъ, но въ разумной и

¹⁾ Pluche M. La mecanique des langues et l'art de les enseigner.

острой живости въ мысляхъ, изреченіяхъ и слогѣ, сходствующей во всѣхъ частяхъ съ благопристойностью». Какъ на образцы вкуса въ слогѣ, Шварцъ указываетъ на сочиненія Фонтенеля, письма и комедіи Геллерта, различныя ежемѣсячныя и еже-недѣльныя нѣмецкія изданія.

Это стремленіе къ простотѣ и непринужденности языка, кажется, вызвано было въ Шварцѣ практическимъ взглядомъ на литературу: для него дорога была мысль, знанія, которыя черезъ литературу должны были проникнуть въ массу, а они доступны большинству и скорѣе распространяются, когда одѣты въ легкую, непринужденную, всѣмъ понятную форму. Въ этомъ убѣжденіи Шварцъ встрѣтился съ Новиковымъ, сатирическія изданія котораго задолго до знакомства со Шварцемъ осуществили на практикѣ то, чего онъ требовалъ въ теоріи. Живость и непринужденность языка въ нашихъ сатирическихъ изданіяхъ XVIII вѣка, такъ рѣзко отличавшая ихъ отъ остальной литературы, не мало содѣйствовала успѣху и вліянію ихъ на читателей; почти въ этихъ только журналахъ сохранился разговорный русскій языкъ послѣдней половины XVIII в.

Вступивши въ должность профессора нѣмецкаго языка, Шварцъ тотчасъ получилъ отъ конференціи университета порученіе озаботиться доставленіемъ нужныхъ учебниковъ и указать недостатки, которые онъ замѣтилъ въ методѣ преподаванія. Шварцъ съ жаромъ взялся за это дѣло и представлялъ конференціи различные проекты, которые касались частію хода преподаванія, частію указывали на недостатки въ преподавателяхъ и предлагали средства къ отклоненію неудобствъ. Проекты осыпаны были одобреніями, не знали только, кому поручить исполненіе ихъ, потому что чувствовали недостатокъ въ деньгахъ для покрытія издержекъ. Шварцъ не только вызвался принять на себя все дѣло, но при помощи нѣкоторыхъ своихъ друзей рѣшился доставить и средства для нужныхъ расходовъ. Самъ пожертвовалъ 5 т. р., П. Демидовъ 20 т. р. Такимъ образомъ 13 ноября 1779 г. основана была педагогическая семинарія, и Шварцъ назначенъ былъ инспекторомъ ея. Студентамъ педагогической семинаріи онъ объяснялъ методу ученія и обученія, или какъ учиться самимъ и какъ учить другихъ, и былъ, стало быть, у насъ первымъ преподавателемъ педагогіи, повторялъ со студен-

тами публичныя лекціи; съ ними же проходилъ онъ Зульцерово краткое понятіе обо всѣхъ наукахъ¹⁾.

За свои труды Шварцъ въ 1870 г. былъ возведенъ въ ординарные профессоры философіи. Въ 1781 г. путешествовалъ за границу, чтобы ознакомиться съ преподаваніемъ и обученіемъ въ нѣмецкихъ школахъ. По возвращеніи изъ-за границы въ началѣ 1782 г. предпринялъ новые труды: въ Вѣдомостяхъ было объявлено объ открытіи при Московскомъ университетѣ филологической семинаріи «для преложенія лучшихъ авторовъ и правоучительныхъ сочиненій на російскій языкъ».

Учредивъ переводческую семинарію, Шварцъ твердою рукою поддержалъ дѣло Новикова. Вселяя въ слушателей своихъ сочувствіе къ переводамъ, онъ доставлялъ Новикову усердныхъ сотрудниковъ, въ то же время вполне проникнутыхъ его ученіемъ. 13 марта 1781 г. Шварцъ учредилъ собранія университетскихъ воспитанниковъ; здѣсь они читали и обсуждали свои литературные опыты. Ихъ труды печатались въ журналахъ, издаваемыхъ Новиковымъ: Московскомъ ежемѣсячномъ изданіи (1781), Вечерней Зарѣ (1782), Покоящемся Трудолюбцѣ (1784). Глубоко-религіозный характеръ этихъ изданій несомнѣнный слѣдъ вліянія Шварца. Благодаря Шварцу, изученіе нѣмецкаго языка въ Москвѣ получило прочное основаніе и широкое распространеніе. Онъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ извѣстный Вольке, работавшій въ это время въ Петербургѣ. Шварцу же мы обязаны преимущественно сближеніемъ нашей литературы съ нѣмецкою. Связавши дѣятельность свою съ предпріятіемъ Новикова, стоя во главѣ переводческой семинаріи, передавая многочисленнымъ слушателямъ идеи свои въ университетѣ и въ частныхъ лекціяхъ, Шварцъ могъ распространить у насъ знакомство съ нѣмецкою литературой въ противодѣйствіе съ французскою. Вліяніе Шварца въ этомъ случаѣ было тѣмъ сильнѣе на русскую литературу, что въ числѣ слушателей его было много людей, впоследствии занявшихъ важныя мѣста въ литературѣ и наукѣ. Въ первое время жизни своей

¹⁾ Шварцъ имѣлъ необыкновенный даръ привлекать къ себѣ сочувствіе своихъ слушателей и учениковъ. Онъ не ограничивался чтеніемъ лекцій, а вступалъ съ студентами въ личныя сношенія, бесѣдовалъ съ ними, давалъ имъ книги и умѣлъ вносить въ сухія отношенія, обыкновенно существовавшія между профессоромъ и слушателемъ, сердечность и теплоту.

въ Россіи Шварцъ заботился о распространеніи въ публикѣ началъ педагогическихъ, съ возвращеніемъ изъ-за границы — о распространеніи религіознаго направленія. Молодежь, такъ или иначе примыкавшая къ Новикову, была въ восторгѣ отъ лекцій Шварца. Къ ней принадлежалъ и Карамзинъ, который слушалъ его лекціи о Богопознаніи и высококомъ назначеніи человѣка. Однако, эти-то лекціи и дали поводъ къ преслѣдованію Шварца.

Съ 3 сентября по 31 декабря 1782 г. Шварцъ читалъ у себя по воскресеньямъ лекціи о трехъ познаніяхъ: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ. Изъ этихъ лекцій (числомъ 17), дошедшихъ въ рукописи, видно, какое высокое преимущество даетъ Шварцъ религіи передъ наукою. Въ продолженіе всего курса учить онъ стремится къ свѣту, къ добру, къ внутреннему человѣку, къ Божеству, и отрекаться отъ тьмы, зла, внѣшности, діавола—однимъ словомъ, искать небснаго и покидать земное. Шварцъ не отрицаетъ значеніе науки. «Я не отвергаю совершенно наукъ, преподаваемыхъ человѣками; онѣ суть также дары, происходящіе отъ Бога. Но я отвергаю только совершеннѣйшую на нихъ надежду и забвеніе черезъ то, что человѣкъ умствованіемъ и надеждою на свои силы отвращается отъ Бога и подвергаетъ себя проклятію¹⁾».

«Проходя исторію жизни человѣческой, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, можно примѣтить, что преподаваемые науки безъ христіанства, во зло и смертный ядъ обращаются». Одна Библия истинный источникъ всѣхъ человѣческихъ познаній въ себѣ заключаетъ; въ оной сокрыто великое таинство творенія, дѣйствія праотцевъ нашихъ, паденіе, проклятіе, искупленіе, спасеніе и будущее состояніе человѣческаго существа (лекція 7). Богъ по милосердію своему показываетъ человѣку въ Библии самое покойное и вѣрное расположеніе вѣчнаго дома: въ ней начертанъ весь планъ къ устроенію будущей жизни. Не камни тѣльные потребны человѣку для вѣчнаго жилища, но вѣра и любовь къ Богу, любовь къ ближнему и умерщвленіе плоти (лекц. 12). Въ своихъ лекціяхъ (13 и 14) Шварцъ касается значенія воспитанія:

¹⁾ Сравн. мнѣніе объ этомъ предметѣ Максима Грека. Истор. русс. пед., ч. I, стран. 78.

«Истинная пружина человѣческихъ дѣйствій есть стремленіе къ расширенію совершенствъ своихъ; философъ исполняетъ вѣдая то, а невѣжда исполняетъ не вѣдая того, яко слѣпецъ. Суть такіе, которые остаются при исправленіи одной только организаци, а далѣе способности свои не расширяютъ; сему злу причиною бываетъ худое воспитаніе. Младенецъ, хотя и имѣеть уже въ себѣ сѣмена совершенства, но ежели поведенъ будетъ ложнымъ путемъ, ежели память его отягчаетъ ненужными и бесполезными знаніями, ежели воображеніе его приучать къ однѣмъ бездѣлкамъ и ко внѣшнимъ украшеніямъ тѣла, то сѣмена совершенства будутъ подавлены терніемъ и никогда не произведутъ желаемого плода». Отсюда выводитъ Шварцъ необходимость старательнаго воспитанія женщинъ, которыя бываютъ душою цѣлаго государства¹⁾.

«Такъ какъ мысли, по словамъ Шварца, суть источникъ всѣхъ совершенствъ и несовершенствъ нашихъ, то для приведенія ихъ помощію воображенія въ порядокъ и гармонію нужно, кажется, молодыхъ людей упражнять въ словесныхъ наукахъ, въ музыкѣ, живописи и занимать ихъ гармонією природы, которая, красотами своими привлекая чувства человѣческія, дѣлаеть ихъ нѣжнѣйшими и удобнѣйшими къ чистой любви, и, приводя въ пріятное восхищеніе, заставляеть примѣчать дѣйствія природы, приводитъ ихъ въ удивленіе порядку оной, возвышаеть ихъ мысли до источника природы и, наконецъ, воспламеняеть въ нихъ чистую любовь къ Богу».

Таковы главнѣйшія положенія Шварца. Изъ нихъ ясенъ образъ мыслей Шварца и понятно его вліяніе на молодыхъ людей. Онъ старался раскрыть передъ ними внутренняго человѣка и вызвать въ каждомъ изъ нихъ стремленіе къ совершенствованію. Слабѣйшую сторону ученія Шварца составлялъ его мистицизмъ и чрезмѣрное увлеченіе ученіемъ Бема.

Шварцъ скончался, по выходѣ въ отставку, 17 февраля 1784 г. въ деревнѣ, не далеко отъ Москвы. На смерть Шварца была написана ода, по свидѣтельству которой онъ благословлялъ наступленіе смертнаго часа, говоря: «Скоро узнаю

¹⁾ На важности воспитанія женщинъ въ XIX вѣкѣ настаивалъ особенно Н. И. Пироговъ.

я Бога, освобожусь отъ страданій, скоро узнаю я полный свѣтъ»¹⁾.

Источники и пособія.

С. Шевыревъ. Исторія Императорскаго Московскаго Университета (1755—1855) Москва 1855. В. Иконниковъ. Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія. «Вѣст. Евр.». 1876. №№ 9—11. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета. Москва. 1855 г. М. Н. Лонгиновъ. Новиковъ и московскіе мартинисты. Москва. 1867 г.

ГЛАВА XXX.

Московскій благородный пансіонъ и дѣятельность А. А. Прокоповича-Антонскаго. Рѣчь его „О Воспитаніи“.

Московскій благородный пансіонъ. Мы уже говорили, что М. М. Хераскову принадлежитъ мысль объ открытіи вольнаго пансіона при университетѣ. Объявленіе о немъ впервые было напечатано въ декабрѣ 1778 года²⁾. Въ началѣ университетское начальство хотѣло открыть пансіонъ на 12 человѣкъ, съ платою за полное содержаніе 120 рублей, но такъ какъ нашлось очень много лицъ, желавшихъ отдать своихъ дѣтей въ пансіонъ, то число пансіонеровъ было увеличено до 50 человѣкъ и плата повышена до 150 рублей. Главнымъ начальникомъ пансіона считался директоръ университета. Въ объявленіи 1783 года заведеніе называется дворянскимъ воспитательнымъ училищемъ или Вольнымъ Благороднымъ Пансіономъ. Онъ былъ помѣщенъ въ особенномъ нарочно купленномъ домѣ.

Инспекторомъ пансіона былъ назначенъ Геймъ. Задачей вольнаго пансіона было поставлено: 1) научить дѣтей или просвѣтить ихъ разумъ полезными знаніями, 2) вкоренить въ сердца ихъ благодѣяніе, 3) сохранить ихъ здоровье.

Жизнь пансіона скоро тѣсно сроднилась съ жизнью университета. Ученики пансіона, вмѣстѣ съ учениками гимназіи присутствовали на актахъ университета.

¹⁾ Данныя о Шаденѣ и Шварцѣ взяты изъ Біографическаго Словаря моск. професс. (см. источники и пособія).

²⁾ См. «Московскія Вѣдомости», 1778 г. № 100 и 1779 г. № 2.

Акты и экзамены пансіона прилежно были посѣщаемы кураторами Мелиссино и Херасковымъ, и знатными московскими дворянами. Въ 1791 году инспекторомъ пансіона былъ назначенъ А. А. Прокоповичъ-Антонскій, съ 1787 г. преподававшій въ немъ естественную исторію. Онъ-то и далъ новое устройство пансіону, сдѣлавшее его столь славнымъ и знаменитымъ, и немедленно началъ заботиться о составленіи и изданіи новыхъ учебныхъ книгъ и руководствъ.

Изъ него вышло немало извѣстныхъ дѣятелей Россіи, въ томъ числѣ и выдающійся поэтъ В. А. Жуковскій.

Лѣта для поступленія въ пансіонъ положены были отъ 9 до 14. Воспитанники размѣщались въ пансіонѣ по комнатамъ не только по возрасту (меньшіе, маленькіе, средніе и большіе), но и по успѣхамъ (отличныхъ и полу-отличныхъ). Всѣ отдѣленія и комнаты были поручены особымъ комнатнымъ надзирателямъ.

Они должны были быть неотлучно при дѣтяхъ въ свободное время отъ ученія и въ часы приготовленія и повторенія уроковъ, слѣдить за ихъ занятіями, играми, поступками и обращеніемъ между собою, наблюдать за чистотою, умѣренной теплотою и освѣженіемъ покоевъ воздухомъ, за своевременною явкою дѣтей въ классы и въ столовую къ обѣду, ужину и т. д., за здоровьемъ ихъ и опрятностью въ одеждѣ. Воспитанники вставали въ пять часовъ, въ семь часовъ шли на утреннюю молитву и затѣмъ пили чай, отъ 8 до 12 ч. были классы, въ 12 обѣдъ. Послѣ обѣда — рекреція.

Зимою воспитанники играли въ воланы, учились музыкѣ или читали книги, полученныя изъ библіотеки пансіона. Въ лѣтнее время, разсыпавшись по обширному двору, бѣгали, боролись, играли въ кегли, свайку, чехарду, въ лапту, въ мячи, или учились военнымъ движеніямъ, выстроиваясь повзводно, маршируя въ ногу и дѣлая разные приемы деревянными ружьями. Отъ двухъ до шести снова занятія. Въ шесть — полдникъ, отъ 7—8 повтореніе уроковъ, въ 8 ужинъ. Послѣ ужина вечерняя молитва и духовное чтеніе. Въ 9 часовъ всѣ должны итти спать.

Въ лѣтнее вакаціонное время воспитанники въ сопровожденіи своихъ надзирателей ходили за городъ гулять. Зимою же устраивали концерты, балы и театральныя представленія, на которыя приглашались родители и родственники воспитанниковъ.

Въ вакаціонное время, съ 1-го іюля по 15-е августа, занятія ограничивались чистописаніемъ, рисованіемъ, живописью, музыкой, танцами, фехтованіемъ, верховой ѣздой и практикой въ иностранныхъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, италіанскомъ и англійскомъ. Для того чтобы воспитанники усовершенствовались въ правильномъ произношеніи и связномъ разговорѣ, изъ восьми комнатныхъ надзирателей постоянно назначались два для упражненій въ иностранныхъ языкахъ. Желающіе могли упражняться въ разговорахъ на латинскомъ и греческомъ языкѣ.

Въ концѣ вакацій воспитанники выступали въ лагерь на двѣ, три недѣли, въ рощу близъ Всесвятскаго села. Въ лагерь оставные унтеръ-офицеры обучали дѣтей военнымъ упражненіямъ. Тутъ были свои взводы, роты, батальоны и полкъ, которые управлялись своими же штабъ и оберъ-офицерами, повышаемыми изъ чина въ чинъ по успѣхамъ и способностямъ. Караулы, дежурство, обходы исполнялись во всей точности. Такимъ образомъ воспитанники пансіона отъ обязанности рядового до генерала узнавали военную службу. Тутъ взрослые воспитанники получали настоящія ружья и иногда стрѣляли въ цѣль.

Также практически готовили ихъ къ гражданской службѣ. Въ этомъ отношеніи преподавателя Горюшкинъ и Сандуновъ умѣли привлечь вниманіе и интересъ учащихся. «Россійское практическое законоискусство», говоритъ Сушковъ, «поглощало все ихъ вниманіе. Имъ весело было проходить, какъ бы въ дѣйствительной службѣ, всѣ степени и чины въ коллегіальномъ порядкѣ, отъ писца до предсѣдателя. И тотъ и другой приносили гражданскія и уголовныя дѣла изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ и распредѣляли, такъ сказать, роли между своими учениками. Одинъ истецъ, другой отвѣтчикъ, тѣ свидѣтели, тѣ писцы, повытчики, протоколисты, секретари, члены, стряпчіе, прокуроры и т. д. Дѣйствующія лица въ этихъ судопроизводныхъ драмахъ были проникнуты своими ролями, усердно нападали, защищались, судили, углублялись въ свои обязанности, ревностно вели дѣло, рядили—и впослѣдствіи, конечно, многіе изъ нихъ не одинъ разъ поблагодарили мысленно своихъ учителей за пріобрѣтенныя свѣдѣнія, какъ бы играючи. Сколько выгоды, добавляетъ Сушковъ, при вступленіи въ должность секретаря, члена, предсѣдателя какой-нибудь палаты, войти

въ нее не ученикомъ, а уже довольно знающимъ канцелярскіе обряды, порядокъ производства, ходъ дѣлъ всякаго рода и коренныя законоположенія.

Домашніе же театры, балы, концерты, чтеніе лучшихъ произведеній на преподаваемыхъ языкахъ, занятіе литературою, рѣчи, стихотворенія и разговоры воспитанниковъ на торжественныхъ актахъ, при стеченіи родителей, ученыхъ, духовныхъ особъ и гражданскихъ сановниковъ—все это вмѣстѣ должно было обраовать воспитанниковъ для свѣтской и общественной жизни. Тѣлесныя упражненія, борьба, бѣганье, коньки, снѣжки, мячи, свайки, кегли, фехтованье, верховая ѣзда, походы въ лагерь и военныя движенія достаточно приучали къ физическимъ упражненіямъ и трудамъ.

Отсутствіе всякой роскоши въ помѣщеніи, въ одеждѣ, въ пицѣ, исполненіе лагерныхъ обязанностей въ полуденной зной и въ прохладную ночь, все это располагало воспитанниковъ къ умѣренности и къ перенесенію лишеній.

Въ отношеніи религіозныхъ обязанностей, воспитанниковъ приучали творить утреннія и вечернія молитвы, посѣщать церковь, пѣть на клиросѣ, соблюдать посты, слушать внимательно св. Евангеліе, читать дѣянія и посланія апостоловъ.

Предметы преподаванія въ пансіонѣ были весьма разнообразны, тутъ были Законъ Божій, логика и нравственность, математика, опытная физика и естественная исторія, географія, русская и всеобщая исторія, право естественное и римское, уголовное судопроизводство, практическое російское законовѣдѣніе, русскій языкъ и словесность; изъ иностранныхъ языковъ преподавались: латинскій, французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій. Кромѣ того воспитанниковъ обучали музыкѣ, рисованію, живописи, танцамъ, фехтованію, верховой ѣздѣ и ружейнымъ приемамъ. Словомъ, въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, какъ въ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ и Харьковскомъ коллегіумѣ образованіе было вполне энциклопедическимъ. Но такъ какъ многіе изъ предметовъ пансіонскаго курса усвоить было трудно, то при преподаваніи въ пансіонѣ держались принципа — сообразоваться съ способностями воспитанника. Поэтому одни изъ воспитанниковъ предпочтительно занимались математикой, другіе занимались естественной исторіей, третьи словесностью, четвертые — правомъ и т. д.

При чемъ обращали особенное вниманіе и въ году и на экзаменахъ на предметы, избранные воспитанникомъ по призванію или по личному выбору. Такимъ образомъ воспитанники, достигая среднихъ и высшихъ классовъ по однимъ отдѣламъ ученія, по другимъ оставались иногда въ нижнихъ. Было много патріархальнаго въ пансіонскомъ воспитаніи. Хорошо зато, что многое было основано на взаимности и довѣрїи. Вездѣ и во всемъ чувствовалась сильная рука А. А. Прокоповича-Антонскаго.

Исправительныя мѣры хотя и практиковались, но о тѣлесныхъ наказаніяхъ не было и помину. Прокоповичъ-Антонскій пользовался большимъ уваженіемъ и авторитетомъ въ пансіонѣ и среди служащихъ, и среди воспитанниковъ: дѣти столь же боялись огорчить Антона Антоновича, сколько уважали его совѣты, гордились его похвалою и дорожили каждымъ словомъ его.

Даже: кто-нибудь изъ нихъ скажетъ «идеть!.. прошелъ черезъ дворъ! ходитъ по классамъ!» замѣчаетъ Сушковъ: «и всякій говоръ умолкаетъ и глубокая тишина водворяется въ пансіонѣ. Позже онъ признавался многимъ изъ прежнихъ воспитанниковъ своихъ, что иногда, при нездоровьѣ или по особымъ занятіямъ, не имѣя возможности показываться дѣтямъ, онъ отсылалъ свою шинель въ прихожую — и дѣти, увидя шинель, думаютъ, что онъ въ той или другой комнатѣ, и ужь тутъ нечего заботиться объ удержаніи порядка ни учителямъ, ни надзирателямъ: его ждуть — и этого довольно!»

Дѣятельность такого лица какъ Прокоповичъ-Антонскій заслуживаетъ того, чтобы съ нею подробнѣе ознакомиться.

А. А. Прокоповичъ-Антонскій. Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій родился въ Прилукскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи: онъ былъ сыномъ небогатыхъ дворянъ. Годъ рожденія его съ точностью неизвѣстенъ. Въ 1773 г. онъ поступилъ въ Кіевскую Академію и «учился въ ней разнымъ языкамъ и наукамъ», какъ сказано въ его послужномъ спискѣ. Въ 1782 г. онъ перешелъ изъ Академіи въ Московскій университетъ, гдѣ воспитывался на счетъ Дружескаго Ученаго Общества.

Въ 1774 г. сдѣланъ бакалавромъ учительской семинаріи, въ 1787 г. опредѣленъ секретаремъ по дѣламъ университета при кураторѣ Мелиссино. Въ томъ же году назначенъ препода-

давателемъ натуральной исторіи въ Благородный пансіонъ, каковую и преподавалъ здѣсь 15 лѣтъ. Въ 1788 г. получилъ званіе адъюнкта и преподавалъ въ университетѣ энциклопедію и натуральную исторію; въ 1790 г. получилъ званіе экстраординарнаго профессора; а съ 1791 года назначенъ Инспекторомъ Университетскаго Благороднаго пансіона. Въ 1794 г. получилъ званіе ординарнаго профессора. Съ 1818 г. по 1826 г. былъ ректоромъ Московскаго университета и переименованъ въ Директоры Университетскаго пансіона. Съ 1791 года А. А. Прокоповичъ-Антонскій не щадилъ трудовъ и усилій, чтобы поставить Благородный пансіонъ возможно лучше. Средствами пансіонъ похвалиться не могъ, но ихъ замѣняла твердая воля, дружелюбіе со всѣми, готовность каждому оказать услуги и уваженіе общественное, какимъ въ большой степени пользовался А. А. Прокоповичъ-Антонскій. Въ отношеніи научной дѣятельности Антонскій хорошо понималъ, что ученые должны болѣе и болѣе сближаться между собою, что разьединеніе ихъ вредно для науки и ослабляетъ ея вліяніе на общество, что совмѣстная работа людей науки на виду у всѣхъ возбуждаетъ уваженіе къ университету въ разныхъ слояхъ общества и возбуждаетъ соревнованіе въ молодыхъ людяхъ. И вотъ уже черезъ два года послѣ своего вступленія въ университетъ, въ 1784 г. онъ является предсѣдателемъ въ собраніи университетскихъ питомцевъ. Въ 1789 г. учреждается общество русскихъ ученыхъ при университетѣ, и Антонскій пишетъ для него уставъ и назначается въ секретари. «Поддержать челоуѣка даровитаго, говорить его біографъ¹⁾, сохранить его на мѣстѣ для науки — онъ вмѣнялъ себѣ не только въ честь, но въ строгую обязанность. Выставить впередъ дарованіе, дать ему ходъ, украсить имъ университетъ — это было также его дѣло».

Общество Любителей русской словесности имѣло свои публичныя засѣданія въ залѣ Университетскаго пансіона. Это было придумано не безъ цѣли. Собраніе ученыхъ и литераторовъ, и чтенія ихъ произведеній дѣйствовали нравственно и эстетически на питомцевъ пансіона и возбуждали ихъ къ литературной дѣятельности. Художники-чтецы давали воспитанникамъ

¹⁾ См. Біографическій словарь профессоровъ гг. преподавателей Императорскаго Московскаго университета. Ч. I. 1855 г.

уроки хорошаго чтенія и произношенія, а такой педагогъ, какъ Антонскій, зналъ на что надо обратить вниманія учащихся.

Умъ Антонскаго былъ умъ практической, любившій живое, реальное дѣло. Волю онъ имѣлъ твердую, непреклонную, которую онъ прежде всего упражнялъ на самомъ себѣ и на своей собственной жизни. Духъ общительности, внесенный имъ, можетъ быть изъ кievской бурсы, но развитой особенно въ университетѣ, во время неутомимаго Новикова, во многомъ способствовалъ приобрѣтенію вліянія на окружающихъ и воспитанниковъ. Это былъ человѣкъ уравновѣшенный и къ нему можно примѣнить девизъ одного изъ семи греческихъ мудрецовъ: «μηδέν ἄγαν, ничего лишняго» — онъ зналъ всему мѣру въ жизни.

Въ Антонскомъ, по словамъ его біографа, какъ педагогъ, былъ одинъ талантъ, рѣдкій, который не всякому дается: это даръ проицанія, даръ умѣнья отгадывать способности. Можно соединить въ себѣ и ученость глубокую и разнообразную, и возвышенныя силы ума, и обширныя познанія въ педагогикѣ, но безъ этого дара Божія не успѣешь на томъ трудномъ поприщѣ, которое проходилъ Антонскій. Дарованіе открывалъ онъ сразу, тотчасъ же давалъ ему ходъ и ставилъ на видъ. Антонскій понималъ, что училище цвѣтеть и славится дарованіями и трудолюбіемъ учениковъ и потому даровитымъ и трудолюбивымъ у него всегда были готовы и первыя мѣста, и первыя награды. Время оправдало и даръ проицанія, и труды воспитателя. Не многія училища имѣютъ такую исторію, какъ Университетскій Благородный пансіонъ.

Намъ также важна литературно-педагогическая дѣятельность А. А. Прокоповича-Антонскаго. Онъ издавалъ «Чтенія для сердца и разума», учебныя пособія, въ числѣ 20, для воспитанниковъ Благороднаго пансіона, читалъ рѣчи; изъ нихъ достойна вниманія: «О началѣ и успѣхахъ наукъ» и особенно прекрасная рѣчь: «О Воспитаніи», произнесенная имъ на актѣ Московскаго университета, въ томъ самомъ 1798 году, въ іюль мѣсяцѣ когда воспитанникъ его, Жуковскій, въ концѣ того же года, первый, получилъ золотую медаль съ похвальнымъ листомъ. Въ словѣ: «О началѣ и успѣхахъ наукъ, въ особенности Естественной Исторіи». Прокоповичъ-Антонскій между прочимъ го-

ворить: «Проистекающая отъ Естественной Исторіи польза многочисленна и многообразна. Углубляющійся въ отвлеченныхъ истинахъ метафизикъ, безъ познанія существъ природы, ихъ строенія и стройности, не силенъ будетъ составить правильныхъ умозаключеній ни о самыхъ существующихъ вещахъ въ мірѣ ни о связи ихъ, ни о взаимномъ между ними отношеніи.

Въ сей единой книгѣ, для всѣхъ краснорѣчивой, можно читать строенія существъ, стеченіе ихъ, различіе, отношеніе и взаимное соотвѣтствованіе ихъ частей. Въ сей книгѣ, какъ въ зеркалѣ, усмотрѣть можно, коль стройно и согласно произведенія природы расположены въ порядкѣ, родахъ, видахъ и послѣднихъ ихъ раздѣленіяхъ. Физикъ, при помощи Естественной Исторіи, возможетъ открыть въ натурѣ многочисленныя и важныя явленія съ бѣльшимъ основаніемъ проникнуть силы, дѣйствія и причины существъ; химикъ почерпнетъ изъ нея матеріалы, составляющіе большую часть его произведеній и способствующие ему во всѣхъ работахъ; художникъ и земледѣлецъ, искусившіеся въ познаніи природы, умножать и исправлять орудія, служащія въ работахъ ихъ и споспѣшествующія многочисленнымъ выгодамъ въ обществѣ. Чрезъ нее получаютъ люди понятія о тѣхъ вещахъ, которыя составляютъ нашу пищу и врачество, и которыя служатъ для строенія жилищъ нашихъ, для одежды и украшенія. Познаніе природы ведетъ неложными шагами къ познанію самого Верховнаго Существа, первоначальной вины всѣхъ существъ»¹⁾).

«О Воспитаніи». Безъ сомнѣнія, самую важную въ педагогическомъ отношеніи является рѣчь А. А. Прокоповича-Антонскаго «О воспитаніи», гдѣ вкратцѣ затронуты важнѣйшіе педагогическіе вопросы, разрѣшеніемъ которыхъ занимается и текущая педагогическая литература. Изъ нея же можно видѣть, какъ ясны и тверды были убѣжденія Антонскаго въ дѣлѣ воспитанія, какъ искренни были заботы его о дѣтяхъ всѣхъ слоевъ народа, и какою любовью онъ самъ былъ проникнутъ къ просвѣщенію. Сдѣлаемъ изъ нея довольно большія выдержки²⁾).

«Никто не родится въ свѣтъ ни счастливымъ, ни добродѣ-

¹⁾ Биограф. словарь, стран., 16—17.

²⁾ Рѣчь эта напечатана цѣликомъ у Н. В. Сушкова. Московскій Благородный пансіонъ. 1858 г., стран. 91—113.

тельнымъ, ни просвѣщеннымъ. Природа, производя человѣка, даетъ ему только жизнь и силу дѣйствія, а образовать его предоставляетъ времени и опытамъ. Большіе или малые успѣхи ума въ человѣкѣ зависятъ отъ различныхъ случаевъ жизни, болѣе или менѣе ему благоприятныхъ. Необыкновенныя и общія, худыя и добрыя свойства его зависятъ отъ первыхъ производимыхъ въ немъ впечатлѣній, отъ первыхъ внушаемыхъ ему чувствованій и понятій — отъ воспитанія».

«Сколь спасительны плоды прямо добраго воспитанія, столь пагубны слѣдствія небреженія о немъ? Не отсюда ли пороки и злодѣянія?.. Возврати всю силу и важность воспитанію, сдѣлай его какъ бы священнымъ нѣкимъ сосудомъ и тогда не нужно будетъ ни столько врачей, ни столько блюстителей законовъ; нравственныя гарпіи исчезнутъ, и добродѣтель воцарится.

Судьба цѣлыхъ народовъ наиболѣе зависитъ отъ воспитанія молодыхъ людей. Дѣти должны нѣкогда составлять общество и быть его членами. Они утверждаютъ благосостояніе его, если съ юности напоены добродѣтелью и любовью къ отечеству; разрушаютъ порядокъ его и тишину, если отравлены развратомъ. Какъ бы славно и могущественно ни казалось государство, но если утвержденіемъ ему не служить доброе воспитаніе, то падаетъ оно, и блескъ славы его исчезнетъ. Для блага общества столько же нужно воспитаніе, сколько попеченіе о юныхъ растеніяхъ нужно для поддержанія, распространенія и украшенія сада.

И если всегда доброе воспитаніе необходимо, то особливо въ нынѣшнія времена, когда роскошь повсюду влечетъ за собою распутство и болѣзни, суемудріе разстраиваетъ всѣхъ умы и сердца, а жадность къ корысти потушаетъ гласъ совѣсти и вѣры.

Воспитаніе есть физическое и моральное. Предметъ его — образованіе тѣлесныхъ и душевныхъ способностей человѣка. Тѣло дѣлаетъ оно крѣпкимъ и стройнымъ, умъ — просвѣщеннымъ и основательнымъ, а сердце вооружаетъ противу язвы пороковъ. Оно даетъ человѣку новую жизнь, давая ему возможное совершенство.

Между дикими и просвѣщенными народами равно дорого цѣнится, равно почитается лучшимъ сокровищемъ крѣпкое и

стройное сложеніе тѣла. Съ самымъ крѣпкимъ строеніемъ тѣла становятся часто уродами отъ небреженія, съ самымъ слабымъ дѣлаются нерѣдко крѣпкими и стройными, если нѣжная рука матери приложить объ нихъ возможное стараніе.

Здоровье, крѣпость и красота составляютъ то, что мы называемъ хорошимъ сложеніемъ... Не нѣгою и праздностью, не пышностью и роскошью пріобрѣтаются такія сокровища; не въ пиршествахъ и непозволненныхъ забавахъ, не въ угожденіи чувствамъ и пресыщеніи искать должно крѣпости силъ, но въ дѣятельности, воздержаніи, въ простотѣ жизни и умѣренности... Величайшій порокъ въ воспитаніи, особливо между знатными, излишнее пресыщеніе и раннее лѣченіе дѣтей“.

«Между всѣми средствами, служащими къ укрѣпленію нашему, къ сохраненію здоровья, къ предупрежденію болѣзней, нѣтъ надежнѣе дѣятельности, движенія и вообще физическихъ упражненій. Не только освѣжаютъ они тѣло, не только даютъ намъ новыя силы и бодрость, но еще предохраняютъ насъ отъ праздности, дѣлающей многихъ бесполезными, а часто и вредными для общества... Надлежитъ, сколь можно, ранѣе пріучать дѣтей къ перемѣнамъ внѣшняго воздуха и вообще къ простотѣ жизни».

«Красота лица есть даръ природы. Здравіе живить ее, болѣзни помрачаютъ. Есть средства, кои придаютъ ей больше блеску; есть упражненія, кои увеличиваютъ стройность тѣла.

Но нельзя не признать, что какъ красота, такъ и безобразіе физическое весьма много зависятъ отъ красоты и безобразія нравственнаго. Лицо есть зеркало души. Только красота души можетъ доставить истинную красоту, стройность и даже самую крѣпость тѣлу. Но чѣмъ пріобрѣтаются неоцѣненные сіи нравственныя сокровища? Просвѣщеніемъ ума и образованіемъ сердца, нравственнымъ воспитаніемъ».

Умъ есть главнѣйшее преимущество человѣка, есть драгоценнѣйшее его сокровище. «Какъ тѣло наше, такъ равно и умъ требуетъ своей пищи. Сила, бодрость и, если позволено такъ сказать, масса ихъ обоихъ зависятъ отъ качества и количества сей пищи».

«Первымъ правиломъ воспитатель долженъ поставить себя то, чтобы заблаговременно изслѣдовать способности воспитан-

ника, смотрѣнію его ввѣреннаго, и, сообразно силамъ и дарованіямъ молодого человѣка, размѣрять труды объ немъ и старанія».

«Исторія знаменитыхъ людей свидѣтельствуешь, что многіе изъ нихъ, долго почитавшись ни къ чему неспособными, вдругъ отъ одного счастливаго случая, возблистали дарованіями своими, и имя ихъ содѣлалось бессмертнымъ.

Сталь не прежде даетъ искры, какъ по прикосновеніи къ ней кремня. Внутренняя склонность всегда готова раскрыться въ насъ: надобно токмо удачно тронуть ее. Узнавши способности ума, надлежитъ употреблять средства, споспѣшествующія развертыванію ихъ и направленію къ доброй и спасительной цѣли. Достигнуть сего можно постепенно». Прокоповичъ-Антонскій не согласенъ съ методомъ Базедова, который желалъ учить всему играя. «Нѣтъ сомнѣнія, что строгій порядокъ, столь пріятный для зрѣлыхъ умовъ, тяготитъ дѣтей; душевныя способности, равно какъ и органы тѣла, требуютъ отдохновенія; но облегчить трудъ и отвратить скуку можно, перемѣшивая упражненія — важныя съ пріятными, полезныя съ занимательными».

«Душа, по мнѣнію извѣстнаго въ ученое свѣтѣ Бакона, имѣетъ три главныя способности: память, разумокъ и воображеніе.

Изощреніе памяти доставляетъ лучшее богатство уму; нужно токмо умѣть изощрить ее. Скороспѣшное обогащеніе заглушаетъ ее, слишкомъ сильное — подавляетъ».

«Посредствомъ памяти дѣлаемся мы обладателями всѣхъ странъ, всѣхъ вѣковъ. Труды многочисленныхъ народовъ становятся собственнымъ нашимъ удѣломъ. Но какъ нельзя имѣть ни физической, ни моральной возможности научиться всему, что до насъ открыто, то въ семъ случаѣ необходимо нуженъ благоразумный выборъ. И счастливъ тотъ, кто имѣетъ опытнаго наставника! Подъ его руководствомъ, озаряемый свѣтильникомъ здраваго его разума, пересмотритъ онъ тѣ, вѣками сооруженныя, хранилища, гдѣ умъ человѣческой собралъ безчисленныя, разнообразныя свои сокровища, и возьметъ для себя то только, что есть въ нихъ лучшее, достовѣрнѣйшее. Кругъ понятій его распространится, душа взойдетъ на высшую степень совершенства, мысли сдѣлаются благороднѣе, сердце обрѣ-

теть для себя пріятную пищу. Воспитатели и наставники! помыслите, какое сильное вліяніе имѣють на умъ, сердце, нравы, характеръ, на самое счастье и несчастье дѣтей первыя получаемаыя ими впечатлѣнія, первыя понятія, первые уроки, и вы найдете, что нѣтъ ничего пагубнѣе, какъ позволить имъ читать безъ разбору всякую, попадающуюся въ руки, книгу или говорить при нихъ все, что ни вздумается! Сколько отъ одного сего погибло дарованій и сколько сердець развратилось!

Важнѣйшая польза, какую доставляетъ намъ память, состоитъ въ изученіи языковъ. Чѣмъ мы имъ не обязаны? Они обогащаютъ насъ многими высокими, тонкими, прекрасными мыслями, кои въ переводахъ или обезображиваются, или совсѣмъ пропадаютъ; они дѣлаютъ насъ гражданами всего міра, способствуютъ распространенію торговли, знакомятъ насъ съ отдаленнѣйшими народами, и приводятъ въ состояніе судить о совершенствѣ и недостаткахъ ихъ установленій, обычаевъ, правленія, политики, наукъ, художествъ. Знаніе древнихъ языковъ пріобрѣтается чтеніемъ и переводомъ; для сего должны быть избираемы лучшіе классическіе писатели, они понятнѣе и сверхъ того служатъ къ образованію нашего вкуса. Живымъ языкамъ вѣрнѣйшіе учителя — навыкъ и употребленіе.

Несмотря на мнимую важность предписаній Руссовыхъ, ученія языковъ не должно откладывать до зрѣлыхъ лѣтъ. Органы дѣтей гибки; они скорѣе и удобнѣе взрослыхъ могутъ пріобъкнуть къ правильному произношенію. Эпоха ума ихъ не та еще, чтобы мыслить, а больше, чтобы учиться, изощрять и обогащать память. Преимущественно должно заниматься отечественнымъ языкомъ и употреблять всѣ старанія и средства для достиженія въ немъ правильнаго, твердаго, основательнаго знанія. Оставлятъ въ небреженіи такой языкъ, которымъ писаны всѣ отечественные законы, всѣ гражданскія постановленія, къ общественному благосостоянію относящіяся, который должно употреблять при всѣхъ дѣлахъ, при всѣхъ встрѣчающихся нуждахъ; оставлять въ небреженіи такой языкъ есть крайне грубое, непростительное заблужденіе. Ошибаются также и тѣ, кои думаютъ, что изученіе природнаго своего языка не великаго труда стоитъ. Знать его основательно, знать со всѣми тонкостями, чувствовать всю силу его, красоту, важность; умѣть

говорить и писать на немъ красно, сильно и выразительно по приличію матеріи, времени и мѣста: все это составляетъ трудъ, едва преодолимый».

«Разсудокъ есть важнѣйшая способность ума. Что здоровье для тѣла, то разсудокъ для души. Всѣ погрѣшности въ дѣлахъ, всѣ заблужденія и предразсудки происходятъ большею частью отъ ложнаго сужденія, коего причиною или страсти, или недостатокъ правильныхъ понятій, или неумѣнье соединять ихъ».

«Какія знанія болѣе споспѣшествуютъ просвѣщенію и укрѣпленію разсудка? Вопросъ сей сколько необходимъ по великому числу наукъ, изъ которыхъ многія бесполезны, столько по многообразію состояній неудоборѣшимъ. Всѣ знанія въ основаніи своемъ соединены неразрывнымъ союзомъ. Невозможно достигнуть совершенства ни въ одной наукѣ, не имѣя по крайней мѣрѣ общаго понятія о большей ихъ части».

«Умъ молодыхъ людей преимущественно должно обогащать тѣми знаніями, кои большее имѣютъ отношеніе къ будущему ихъ отношенію, къ будущему ихъ состоянію».

«Не зная того, чтѣ до насъ дѣлалось въ свѣтѣ, говоритъ Цицеронъ—значитъ всегда быть младенцемъ... Воспитатель оставитъ ли его (юношу) въ грубомъ незнаніи предшествовавшихъ ему великихъ приключеній, неоднократно преобразовавшихъ видъ вселенной и примѣнявшихъ жребій человѣчества? Нѣтъ, онъ смѣлою рукою откроетъ надъ нимъ завѣсу исторіи и представитъ глазамъ его величественное, поразительное зрѣлище. Съ удивленіемъ увидитъ тутъ юный житель земли, какъ міръ сей огромный, великолѣпный, возсталъ изъ ничтожества, какъ явился первосозданный человѣкъ, вѣнецъ и краса поднебеснаго творенія; какъ возросталъ и распространялся родъ человѣческій; какъ составлялись селенія, грады, области; какъ возникали, процвѣтали и упали царства; какъ науки рождались, достигали совершенства и разливали животворный свѣтъ свой. Чего не сдѣлаетъ тутъ искусный менторъ? Какими чувствами напитаетъ онъ жаждущее сердце своего питомца? Какими мыслями обогатитъ раскрывающійся умъ его? А примѣры оныхъ великихъ, бессмертныхъ мужей, которые прославили древность, и нынѣ еще приводятъ свѣтъ въ изумленье—примѣры Леонидовъ, Эпаминондовъ, Аристидовъ, примѣры Сципіоновъ, Катоновъ и Регуловъ—если

только умѣть ихъ представить — какимъ пламенемъ возпалить они благородную душу юнаго питомца и къ какимъ подвигамъ его приготовить? Неизъянима польза отъ исторіи! Благоразумный наставникъ все употребить въ свою выгоду; онъ дастъ почувствовать воспитаннику своему, какъ страсти человѣческія ухищрялись и коварствовали во все времена, во всехъ странахъ, у всехъ племенъ; какъ низпровергали онѣ троны и начальство, премѣняли судьбу народовъ». «Далѣе — онъ познакомить его съ обычаями, обрядами, установленіями, съ образомъ правленія и политикою древнихъ, по крайней мѣрѣ, знатнѣйшихъ народовъ; покажетъ преимущества ихъ и недостатки». «Такъ будетъ поступать мудрый наставникъ при обозрѣніи пространной области исторіи; и при каждомъ шагѣ, при каждомъ новомъ встрѣчающемся предметѣ постарается наклонять юнаго питомца своего къ спасительной цѣли, къ той цѣли, чтобы сдѣлать его просвѣщеннымъ, основательнымъ, добрымъ, сострадательнымъ и готовымъ на службу отечества, чтобы сдѣлать прямымъ человѣкомъ».

«Наука, доставляющая столь великія, многоразличныя выгоды, — наука, не менѣе укрѣпляющая разсудокъ, какъ и обогащающая память, едва-ли не первая заслуживаетъ мѣсто при воспитаніи; но за нею поставилъ бы я преимущественно тѣ знанія, кои болѣе основываются на наблюденіи и опытахъ — физическія и математическія. Польза ихъ ощутительна. Безъ нихъ не знали бы мы даже, что такое міръ сей, въ которомъ мы живемъ, сіи растѣнія и животныя, кои служатъ намъ въ пищу, и что такое мы сами въ отношеніи къ тѣлесному своему составу. Безъ нихъ не умѣли бы ни нивы удобрить, ни поля разграничить, ни построить дому. Безъ нихъ не знали бы мы ни компаса, ни насосовъ, ни громового отвода, ни многихъ другихъ весьма полезныхъ орудій, — словомъ, безъ нихъ лишены бы мы были тысячи выгодъ и пріятностей въ жизни, не могли бы даже удовлетворить необходимымъ своимъ нуждамъ, и нерѣдко подвергались бы неизбѣжнымъ опасностямъ. Между физическими науками исторія натуры для дѣтей гораздо полезнѣе, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Ясность понятій зависитъ отъ яснаго представленія различій, отличающихъ одно понятіе отъ другого. Молодые люди то скорѣе понимаютъ, что ближе къ чувствамъ

и болѣе дѣйствуетъ на воображеніе. Въ естественной исторіи, по методу новѣйшихъ натуралистовъ, изъясняются отличительныя и непремѣняемыя знаки, отличающіе роды и виды и опредѣляющіе каждое нераздѣльное. Дѣти, учась приводить въ порядокъ существа и разбирая примѣты ихъ, нечувствительно получаютъ навыкъ приводить и самыя понятія свои въ нѣкоторый порядокъ, и чрезъ то доставляютъ имъ большую степень ясности и опредѣленности. Сверхъ того сія наука въ самой себѣ заключаетъ упражненіе весьма пріятное, полезное и приличное юношеству; она изощряетъ чувства, доставляетъ многія познанія, которыя служатъ основою для искусствъ и большей части наукъ; надлежитъ токмо, чтобъ охота заниматься познаніемъ природы не превратилась въ страсть къ пустымъ рѣдкостямъ и бесполезнымъ мелочамъ.

Древніе, понимая важность математическихъ наукъ, истощали все поощренія, награды и почести къ распространенію успѣховъ ихъ во всехъ состояніяхъ гражданъ. «Въ математическихъ наукахъ находится ключъ ко многимъ другимъ познаніямъ. Онѣ открываютъ вѣрный и надежный путь къ опытной физикѣ; онѣ руководствуютъ безопасно въ лабиринтъ умозрительной философіи; онѣ поддерживаютъ полетъ нашъ къ величественнымъ областямъ Ураніи. Существенная же и неощѣненная польза сихъ наукъ для молодыхъ людей заключается въ томъ, что онѣ, пріучая ихъ не довольствоваться простыми вѣроятностями и правдоподобіями и заставляя во всемъ искать достаточныхъ и убѣдительныхъ причинъ, укрѣпляютъ разумъ и дѣлаютъ его основательнымъ». «Кругъ наукъ безпредѣленъ; какія для кого полезнѣе, нужнѣе—трудно сказать утвердительно. Выборъ въ семь предоставляется благоразумію воспитателя, который долженъ смотрѣть на сложеніе, характеръ и способности своего питомца, а болѣе на то званіе, къ которому порода, или другія отношенія его назначаютъ.

Сколько науки вообще въ воспитаніи необходимы къ изощренію ума и укрѣпленія разсудка, столько изящныя искусства нужны къ успокоенію его и облегченію. Онѣ не требуютъ, какъ первыя, зрѣлыхъ лѣтъ; имъ гораздо ранѣе можно учиться. Не надлежитъ только имѣть пустого желанія заниматься вдругъ многими и съ отличнымъ успѣхомъ.

Между изящными искусствами, музыка заслуживаетъ предпочтительное мѣсто. Всѣ народы съ образованнымъ вкусомъ и чувствами не могли не плѣняться ею.

«Есть много искусствъ, кои, кажется, забыты и коихъ однакожь не принадлежало бы оставлять при воспитаніи. Таково искусство хорошо читать и хорошо произносить. Оно послужило бы равнымъ украшеніемъ и тому, и другому полу; но его не такъ легко приобрѣсти, какъ многіе думаютъ. Чтобы тономъ голоса изобразить различныя положенія души и сердца, изобразить игру страстей и вообще, чтобы дать жизнь тому, что читаешь — для сего надобно имѣть самому душу и сердце, надобно имѣть тонкое чувство и образованный умъ; но навыкъ и ученіе едва-ли тутъ не дѣйствительнѣе всего? Хорошій органъ есть неоцѣненный даръ природы, коего нельзя достать отъ человѣческихъ силъ; но недостатки его можно поправить усиленіемъ. Искусный мастеръ искусно можетъ играть и на дурномъ инструментѣ. Есть многія также механическія упражненія, кои могутъ быть полезны въ воспитаніи. Однѣ послужили бы къ оживленію и гибкости тѣла; другія къ облегченію душевныхъ силъ, нныя къ доставленію выгодностей жизни».

«На разсудокъ, познаніе, искусства, на самое счастье и несчастіе весьма много дѣйствуетъ въ человѣкѣ сила воображенія». «При всякой таковой важности и силѣ воображенія, способность сію въ воспитаніи пренебрегаютъ и совсѣмъ почти не стараются обогащать ее и направлять къ надлежащей цѣли». «Наставникамъ при воспитаніи дѣтей предназначены два весьма важные предмета: первый, чтобы какъ можно болѣе распространять въ нихъ кругъ истинныхъ понятій; второй, чтобы отвращать отъ нихъ всѣ вредныя впечатлѣнія, столь быстро дѣйствующія въ молодости и остающіяся потомъ цѣлую жизнь». «Сколько правильное и очищенное воображеніе доставляетъ выгодъ и удовольствій, столько необузданное и развращенное причиняетъ вреда человѣку; оно пресмыкается въ тинѣ роскоши и сладострастія; въ то время, когда должно бы устремляться ко всему высокому, изящному, благородному и направлять пареніе свое ко храму славы и добродѣтели».

«Воспитаніе... оно далеко отъ высокой, предназначенной ему цѣли. Наставники и попечители забываютъ, что питомцы ихъ

не только разумъ имѣютъ, но и сердце, что одною рукою дѣлая ученія исчисленія, другою должны они отирать слезы несчастныхъ».

«Ахъ, время, время почувствовать, что просвѣщеніе безъ чистой нравственности и утонченіе ума безъ образованія сердца есть злѣйшая язва, истребляющая благоденствіе не единыхъ семействъ, но и цѣлыхъ народовъ!» «Многіе отцы приставляютъ къ дѣтямъ своимъ толпу учителей для обученія ихъ разнымъ языкамъ и для изощренія разсудка, а не ищутъ ни одного такого, который бы изъяснилъ имъ первую и важнѣйшую науку—быть добрымъ, честнымъ, сострадательнымъ, быть человѣкомъ»¹⁾).

«Въ воспитаніи сердца, въ удаленіи его отъ пороковъ и прилѣпленіи къ добродѣтели, примѣръ — лучшій и дѣйствительнѣйшій наставникъ. Дѣти любопытны и переимчивы. На все смотрятъ они съ примѣчаніемъ, и всему стараются подражать. При такомъ счастливомъ природномъ расположеніи, чего не могутъ сдѣлать родители, которыхъ они чрезмѣрно любятъ и почитаютъ, на которыхъ смотрятъ, какъ на единственный образецъ, достойный ихъ подражанія, которыхъ всякое движеніе, всякій шагъ, всякое слово, и, можно сказать, всякое мановеніе родитъ въ нихъ новыя понятія, новыя чувства, новыя впечатлѣнія? Счастливы, счастливы дѣти, коимъ Провидѣніе даровало благомыслящаго отца, добродѣтельную мать.

Но зло развѣ менѣе сообщительно, нежели добро? Чего жъ можно ожидать отъ дѣтей, если они въ юности окружены будутъ дурными и порочными людьми? Сердце ихъ будетъ открыто для разврата. Язва нравственнаго поврежденія заразительна. Одинъ проступокъ побуждаетъ къ новымъ погрѣшностямъ; одинъ порокъ влечетъ за собою тысячу другихъ. Пагубно для дѣтей дурное сообщество!

Древніе мудрецы величайшую славу поставляли въ томъ, чтобъ не нанести удара ближнему безъ вины. Христіанство призываетъ насъ къ вящшей славѣ, къ вящему торжеству.

Его законы повелѣваютъ не только не дѣлать другимъ обиды, но любить всѣхъ, любить самыхъ враговъ своихъ и благосло-

¹⁾ Эти мысли впоследствии, въ XIX вѣкѣ, прекрасно были развиты Н. И. Пироговымъ въ его извѣстныхъ «Вопросахъ жизни».

влять клянущихъ. Вотъ основаніе, на которомъ должно утверждаться все нравственное ученіе, преподаваемое дѣтямъ. Вотъ сосредоточіе, къ которому должны стремиться все труды, все усилія при воспитаніи. Чего не сдѣлаеть благомыслящій наставникъ, чтобы напоить юное сердце воспитанника своего любовью къ человѣчеству, любовью къ самымъ врагамъ своимъ, чтобы внушить ему: не токмо не дѣлай другому, чего себѣ не желаешь, но и снисходи слабостямъ ближняго!»

«Не довольно того, чтобы дѣти были признательны за оказываемыя имъ одолженія; надобно чтобы они сами любили одождать, любили дѣлать добро. Но чѣмъ можно внушить имъ сію священную добродѣтель, сію любовь къ благотворенію? Чѣмъ можно настроить юныя сердца ихъ къ сладкимъ впечатлѣніямъ чувствительности и состраданія? — Самыя краснорѣчивыя, самыя убѣдительныя наставленія дѣтямъ останутся тщетны и недѣйствительны, если мы сами при нихъ не докажемъ того на дѣлѣ. Тверди сколько хочешь воспитаннику своему: помогай бѣднымъ, облегчай участь несчастныхъ, но если онъ увидитъ, что нищій, просившій у дверей твоихъ куска хлѣба или горестная вдова, прибѣгавшая подъ отеческій покровъ твой, отойдетъ отъ тебя съ неосушенными слезами, то къ чему послужать слова твои? Примѣръ во всякомъ случаѣ производитъ на дѣтей весьма сильное дѣйствіе, но здѣсь вліяніе его гораздо ощутительнѣе. Мудрый воспитатель есть въ одно время и прямой другъ несчастныхъ; онъ не словами только, но дѣломъ будетъ поучать питомца своего благотворительности. Онъ не удовольствуется тѣмъ, чтобы описывать ему, какъ бѣдствуетъ человѣчество, онъ поведетъ его въ хижину нищаго, поведетъ въ самыя тѣ мѣста, гдѣ плачь и скорбь водворяются, гдѣ присѣдять томныя печали, гдѣ болѣзни изнуряютъ несчастныхъ. Тутъ растрогается сердце юноши и слезы состраданія оросятъ лицо его».

«При внушеніи дѣтямъ благодарности, соболѣзнованія и благотворительности, не должно забывать и другихъ добродѣтелей». «Надобно, чтобы онъ (т.-е. воспитанникъ) былъ правдивъ, честенъ, твердъ въ предпріятіяхъ, рѣшителенъ, неустрашимъ, безкорыстенъ, чтобы умѣлъ исполнять данное слово и хранить тайну».

«Мудрости! добродѣтели!.. Но что онѣ, если религія не озаритъ ихъ, религія, освящающая все наши дѣла, желанія, мысли;

религія, преобразующая, обновляющая челоѣка, возносящая его надъ всѣмъ браннымъ, ничтожнымъ, и отверзающая предъ нимъ врата неба!»

«Дни благоденствія народовъ были вмѣстѣ и днями торжества религіи».

«Родители и наставники! самый первый, самый главный предметъ вашъ—впечатлѣвать въ умы и сердца дѣтей святаго истины религіи, религіи, болѣе всего способствующей добрымъ нравамъ, истинному просвѣщенію.

Въ воспитаніи нравственномъ и физическомъ, къ преодолѣнію встрѣчающихся трудностей, къ возбужденію въ дѣтяхъ любви къ добру, прилежности и соревнованія, обыкновенными средствами употребляютъ награды и наказанія; но сколько требуется при семъ благоразумія, осмотрительности! Опытъ показываетъ, что сіи поощренія, вмѣсто желаемыхъ дѣйствій, часто производятъ совсѣмъ противныя; вмѣсто охоты къ трудамъ, возбуждаютъ отвращеніе и скуку. Надлежитъ имѣть великую осторожность, чтобы не ожесточать никогда юныхъ сердецъ продолжительнымъ и грубымъ наказаніемъ, не убивать духа дѣтей униженіемъ, не раздражать естественной пылкости ихъ неумѣренною строгостію, и не разстраивать здоровья излишними принужденіями. Всякое тѣлесное наказаніе должно бы истреблено быть въ благородномъ воспитаніи. Оно внушаетъ робость, подавляетъ бодрость и унижаетъ душу. Страхъ наказанія столь сильно впечатлѣвается въ воображеніи дѣтей, что остается въ нихъ навсегда и простираетъ пагубныя свои вліянія нерѣдко на цѣлую жизнь, ко вреду ума и здоровья.

Но оставлять дѣтей совершенно на произволъ природы, по правиламъ Руссо, вредно. Ежедневные опыты подтверждаютъ, что уста строгости необходима. Жалка участь сына ненаказаннаго. Отецъ и необузданный сынъ равно постраждутъ¹⁾. Необходимо нужно дѣтей поощрять къ трудамъ, воспламенять въ нихъ любовь къ добру и искоренять наклонность ко злу. Не вспыльчивостію, не строгими наказаніями и жестокостію покоряють волю ихъ законамъ добродѣтели, возбуждаютъ въ нихъ благородное желаніе и охоту отличиться; но твердостію, хладнокро-

¹⁾ Мысль, которую такъ дѣятельно проводили древне-русскіе сборники.

віемъ, терпѣніемъ, собственнымъ примѣромъ, точнымъ наблюденіемъ безпристрастія, вниманіемъ къ заслугамъ и предпочтеніемъ достоинствъ.

Въ самыхъ попеченіяхъ о дѣтяхъ, въ самыхъ наградахъ, особливо вещественныхъ, надобно имѣть великую осторожность, чтобы не дѣлать ихъ слишкомъ часто и не во-время».

«Главныя сіи правила воспитанія необходимы для дѣтей обо-его пола. Здоровье, просвѣщеніе ума и доброе сердце не менѣе нужно какъ тому, такъ и другому».

«Полезьа общественная требовала бы совершенно перемѣнить физическое и нравственное воспитаніе женщинъ». «Женщины, имѣя отъ природы столько прекрасныхъ способностей, имѣя долгъ быть первыми образовательницами ума, памяти и воображенія дѣтей, первыми наставницами ихъ въ добродѣтели, имѣя долгъ пещись о семейственномъ устройствѣ, быть отрадою мужу, украшеніемъ бесѣдъ, должны необходимо съ самыхъ юныхъ лѣтъ обогащать умъ знаніями, а сердце — добрыми нравами».

«Весьма желательно, чтобы всѣ, руководящія дѣтей, дѣлали свои наблюденія и опыты надъ свойствами души ихъ и надъ движеніями сердца, и примѣчали бы самое сложеніе ихъ тѣла съ такою же точностью, съ какою астрономы наблюдаютъ небесныя явленія. Можетъ быть, изъ такихъ частныхъ замѣчаній не трудно было бы сдѣлать лучшую и вѣрнѣйшую систему воспитанія¹⁾».

Далѣе Прокоповичъ-Антонскій разбираетъ разницу между частнымъ и общественнымъ воспитаніемъ, и считаетъ однимъ изъ важныхъ задачъ общественнаго воспитанія «при наставленіи юношества разбирать характеръ и дарованія учащихся и примѣняться къ религіи, народнымъ нравамъ и образу правленія».

Въ заключеніе мы можемъ сказать, что XVIII вѣкъ достойно заканчивается превосходною рѣчью «О Воспитаніи», Прокоповича-Антонскаго; въ ней, равно какъ и въ педагогическихъ сочиненіяхъ Н. И. Новикова, намѣчены всѣ важнѣйшіе педагогическіе вопросы, которые пришлось только расширять и углублять XIX вѣку.

¹⁾ Эти мысли можно считать началомъ для работъ позднѣйшихъ педагоговъ по психологіи дѣтства, физическому воспитанію и пр. *Примѣчаніе М. Д.*

Источники и пособія:

Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета. Часть I. Москва, 1885. С. Шевыревъ. Исторія Императорскаго Московскаго университета (1755—1855). Москва, 1855 г. Н. В. Сушковъ. Московскій Университетскій Благородный пансіонъ и воспитанники Московскаго Университета, гимназій его и университетскаго Благороднаго пансіона и дружескаго общества. Изд. испр. Москва, 1858 г.

ГЛАВА XXXI.

Н. Г. Кургановъ и его Письмовникъ.

Н. Г. Кургановъ. Николай Гавриловичъ Кургановъ родился въ Москвѣ въ 1725 г. (Берхъ) или въ 1726 г. (Колбасинъ), онъ былъ сынъ унтеръ-офицера; воспитаніе получилъ въ школѣ навигаціонныхъ наукъ, основанной Петромъ I въ Москвѣ, въ 1701 году. Эта школа, какъ мы знаемъ, долгое время была излюбленнымъ дѣтищемъ преобразователя Россіи, первой и самой важной изъ всѣхъ специальныхъ школъ, въ которыхъ онъ подготавливалъ себѣ сотрудниковъ. Намъ извѣстно, что въ ней учили Фарварсонъ и три англійскихъ профессора. Послѣ открытія Морской Академіи въ С.-Петербургѣ и съ отъѣздомъ Фарварсона, школой въ Сухаревой башнѣ завѣдывалъ Магницкій, у котораго Кургановъ и учился математическимъ наукамъ.

Въ 1741 г. Кургановъ поступилъ въ Морскую Академію и черезъ два года преподавалъ уже астрономію въ гардемаринскихъ классахъ и «обучалъ дѣтей въ нѣсколькихъ знатныхъ домахъ» (Берхъ). Въ 1744 г. Кургановъ уже ученикъ «большой астрономіи», кромѣ содержанія (5 руб. въ мѣсяць) получалъ жалованье (2 руб. въ мѣсяць) за свои педагогическіе труды въ стѣнахъ Академіи. Черезъ два года онъ снова повышается въ должности, его дѣлаютъ ученымъ подмастерьемъ математическихъ и навигаціонныхъ наукъ, съ жалованьемъ 180 руб. въ годъ; такимъ образомъ онъ изъ ученика старшаго класса превращается въ штатнаго преподавателя, хотя и низшаго разряда, нѣчто въ родѣ лаборанта или адъюнкта. Кургановъ въ то время былъ полезнымъ дѣятелемъ уже не въ одной Морской Академіи: въ томъ же 1746 г. онъ, вмѣстѣ съ адъюнктомъ Академіи наукъ Красильниковымъ, ѣздилъ въ командировку

опредѣлять берега Балтійскаго моря; а въ 1750—1752 г. съ проф. Гришовымъ на о. Эзель. Когда въ 1752 г. Морская Академія была преобразована въ Морской Корпусъ Кургановъ, въ немъ былъ «написанъ» въ той же должности ученаго подмастерья. Хотя въ то время трудно было человѣку незнатнаго происхожденія пробиваться педагогикой въ офицерскіе чины, но Кургановъ, благодаря своей энергіи, уже въ 1756 г. получилъ чинъ подпоручика, а въ 1760 г. поручика.

Въ 1757 г. онъ издалъ составленную имъ «Универсальную ариѳметику», книгу, которой предстояла долгая жизнь и большое распространеніе: она была принята въ Морскомъ Корпусѣ и, безъ сомнѣнія, въ другихъ школахъ, гдѣ проходила математика въ такомъ объемѣ: она вытѣснила ариѳметику Магницкаго.

Въ предисловіи къ Ариѳметикѣ¹⁾ Кургановъ говоритъ: «Ежели разсудить о намѣреніи, съ какимъ должно обучаться ариѳметикѣ (коя учитъ изобрѣтать сокровенныя свойства чиселъ и употреблять выведенныя изъ оныхъ свойствъ слѣдствія въ пользу), то правила счисленія, случающіяся въ общежитіи, заслуживаютъ больше уваженія, нежели содержащіяся въ ней къ прочимъ наукамъ основанія, расположенныя математическимъ способомъ, каковы суть Евклидовы элементы, потому что начинающему учиться младому отроку ариѳметикѣ, по слабости разума больше пользы принести можетъ употребленіе такихъ книгъ, въ коихъ есть одни правила, изъясненныя примѣрами и утвержденныя повѣреніемъ. Не нужно присовокуплять ко всякой задачѣ обширное доказательство; а довольно того, ежели самое рѣшеніе истолковано такъ, что можно видѣть истину всякаго дѣйствія; ибо долгое изъясненіе причиняетъ юношеству скуку и отвращеніе, дѣлаетъ ученіе труднымъ и продолжительнымъ, потому что молодые люди, читая или слушая такое толкованіе, всего онаго понять и памятовать не могутъ». «Также никакая ариѳметика не можетъ быть полезна юношеству безъ предводительства. Ибо часто случается, что они, обучивъ всѣ правила ариѳметики, едва могутъ рѣшить простѣйшіе примѣры, и выуча много при-

¹⁾ Въ нашемъ распоряженіи была «Ариѳметика или Числовникъ, содержащій въ себѣ всѣ правила цифрнаго вычисленія, случающагося въ общежитіи, въ пользу всякаго учащагося, воинскаго, статскаго и купческаго юношества». Изданіе третье, поправленное и умноженное проф. Николаемъ Кургановымъ въ С.-Пб. 1776 г. ст. 227.

мѣровъ не знаютъ сказать до котораго они принадлежатъ правила. Причиною того незрѣлое по малолѣтству ихъ разсужденіе, и то, ежели они не учатся примѣрамъ, состоящимъ въ именныхъ числахъ. Того ради учащемуся юношеству должно прилежно вникать въ дѣйствительное употребленіе, и усиливать привычкою свое разсужденіе, дабы знать, какое правило и въ какихъ случаяхъ употреблять».

Авторъ говоритъ, что учащійся по его ариѳметикѣ легко будетъ въ состояніи рѣшить всевозможныя ариѳметическія задачи, «потому что, прибавляетъ онъ, я наблюдалъ не упустить ни одного правила употребительнаго въ общежитіи и не сомнѣваюсь, чтобъ могъ сыскаться какой случай къ ариѳметикѣ надлежащій, коего бы по предписаннымъ здѣсь правиламъ рѣшить не можно было».

«Ариѳметика, дѣлаетъ опредѣленіе Кургановъ (отъ греческаго слова *Ἀριθμός* — число), есть наука о числахъ, учащая изобрѣтать свойства чиселъ, и подаетъ правила, способныя къ рѣшенію разныхъ случающихся вычисленій, или учить, какъ по извѣстнымъ числамъ находить неизвѣстныя».

Въ 1764 г. Кургановъ издалъ переведенное имъ «Новое сочиненіе о навигаціи» Бугера, а въ 1765 г. «Генеральную Геометрію», пожалованъ чиномъ капитана и произведенъ въ учителя.

1769-й годъ имѣлъ большое значеніе въ научно-литературной и педагогической дѣятельности Курганова. Онъ издалъ «Грамматику російскую универсальную», превратившуюся впослѣдствіи въ «Письмовникъ» и перевелъ съ французскаго «Элементы геометріи по Евклиду», которые вскорѣ были приняты въ качествѣ учебника и вообще съ этого времени учебныя руководства Курганова получаютъ большое распространеніе. Въ 1770 г. онъ перевелъ книгу Саверьени «О счисленіи ходу корабля» и Гариса «О часахъ для счисленія времени на морѣ». За календарь «съ астрономическими и эфемеридными табелями» получилъ въ награду сто рублией.

Въ 1771 г., когда зданіе Морского Корпуса сгорѣло и онъ былъ переведенъ въ Кронштадтъ, Кургановъ былъ назначенъ исправлять должность инспектора классовъ, но черезъ четыре года (1775 г.) былъ отставленъ отъ этой должности. Во время инспекторства онъ перевелъ съ французскаго «О точности мор-

ского пути» и «Наука морская». Въ 1774 г. ему выданъ былъ патентъ отъ Академіи Наукъ на званіе профессора. Въ 1777 г. онъ напечаталъ книгу «О наукѣ военной». Въ 1784 г. былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры. Въ 1790 г. напечаталъ «Полноненіе къ Бугеровой наукѣ мореплаванія» и занялся 4-мъ изданіемъ «Письмовника». Въ 1791 г. произведенъ въ подполковники, а въ слѣдующемъ 1792 г., когда Морскому Корпусу былъ подаренъ Ораніенбаумскій дворецъ и всѣмъ служащимъ увеличены оклады, Николай Кургановъ былъ сдѣланъ инспекторомъ, въ каковой должности оставался до самой смерти. Въ 1796 г., отпечатавъ 6-е изданіе своего «Письмовника», онъ умеръ, 70 лѣтъ отроду.

Письмовникъ. Въ 1769 г. Кургановъ издаетъ: «Россійскую универсальную грамматику или всеобщее письмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку съ семью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно забавныхъ вещей». Эта книга впослѣдствіи получила краткое названіе Письмовника.

На оборотѣ заглавнаго листа помѣщенъ рядъ изреченій мудрецовъ о значеніи грамматики. Книга начинается съ «Приношенія читателю» подписаннаго инициалами Н. К.¹⁾

Грамматика, говоритъ Кургановъ, есть знаніе, какъ говорить и писать правильно, то-есть по свойству и лучшему употребленію языка».

Граматику Кургановъ излагаетъ очень ясно и съ большимъ педагогическимъ тактомъ, хотя и не приспособляетъ вполне къ пониманію дѣтей. Авторъ ея рѣзко отличаетъ славянскій языкъ и формы его отъ русскихъ, пользуется параллелями изъ малорусскаго, цитируетъ распространенныя въ то время книги и журналы, вообще популяризуетъ грамматику Ломоносова.

Второе и самое важное, болѣе всего способствовавшее успѣху Письмовника, присовокупленіе называется «Краткія замысловатыя повѣсти» (въ 1-мъ изданіи числомъ 321, въ 4-мъ 353, въ 11-мъ 342).

Кургановъ самъ заявляетъ, что онѣ почти всѣ переведены съ иностраннаго, такъ что большой оригинальности искать

¹⁾ Этого «Приношенія» и Предисловія нѣтъ въ 4-мъ изданіи, которыми мы пользовались, но они есть въ 11-мъ, откуда мы заимствуемъ нѣкоторыя мысли. По словамъ г. Кирпичникова, они есть въ первомъ изданіи.

въ нихъ нельзя. Нѣкоторыя изъ замысловатыхъ повѣстей отличаются порядочнымъ неприличіемъ и можно удивляться только Курганову, зачѣмъ онъ ихъ помѣстилъ; нѣкоторые анекдоты мало понятны, вѣроятно вслѣдствіе дурного перевода; за то во многихъ другихъ французское остроуміе очень коротко и сильно передано порусски. «Многіе изъ заимствованныхъ съ иностраннаго анекдотовъ, говоритъ проф. Кирпичниковъ, до появленія «Письмовника» Курганова имѣли многовѣковую жизнь; иные пришли въ Европу изъ далекой Индіи, пережили въ латинскихъ сборникахъ, французскихъ фэблѣ и нѣмецкихъ швенкахъ средніе вѣка, попадались въ фэцеціяхъ эпохи Возрожденія и не одинъ разъ совершали путешествія изъ народа въ литературу и обратно. Несомнѣнно, что Кургановъ пользовался книгой *Roger Bontemps en belle humeur*¹⁾. Значительное большинство «повѣстей» подверглось со стороны Курганова передѣлкѣ и, надо отдать ему честь, очень удачной: онъ обыкновенно выпускаетъ болтовню и ненужныя подробности, выдвигаетъ впередъ основной мотивъ и сильными русскими выраженіямъ придаетъ анекдоту энергію и до нѣкоторой степени національный характеръ²⁾. Имена, мало извѣстныя русской публикѣ, Кургановъ обыкновенно замѣняетъ указаніемъ на занятіе или свойство человѣка (забавный бѣднякъ, рюмачъ, неублюдокъ, шляхтичъ, нѣкоторый шутникъ), старается придать анекдотамъ фривольнымъ болѣе цензурности, а главное понимаетъ, что сила анекдота въ его сжатости.

Въ 1790 г. въ 4-мъ изданіи «Письмовника» коллекція замысловатыхъ повѣстей была значительно пополнена и приняла тотъ составъ, въ которомъ она существовала болѣе сорока лѣтъ.

Приведемъ нѣкоторыя изъ «Краткихъ замысловатыхъ повѣстей Курганова» (по 4-му изданію).

38. Нѣкоего иноземца зѣло трудно болящаго превеликимъ чирьемъ, слуга видя обралъ пожитки или бауль съ поношенымъ перюкомъ и поклонясь оставилъ онаго только съ обезьяной, коя, примѣтя поступку слуги, нашла за печью худую шляпенку, и по выходѣ вора ея надѣла и подошедъ къ болящему отдала

¹⁾ См. Кирпич. Былыя знаменитости. Истор. Вѣст. 1887 г. № 9, ст. 489—490.

²⁾ *Ив.*, ст. 491.

ему такой же поклонъ, что онъ увидя сильно захохоталъ и отъ сего прорвался чирей, и тѣмъ выздоровѣлъ¹⁾.

72. Къ забавному бѣдняку пришли ночью воры; тогда онъ нимало не осердясь сказалъ имъ: не знаю, что вы можете, братцы, найти здѣсь въ такое время, гдѣ я и днемъ самъ почти ничего не нахожу.

101. Матроса, идущаго на корабль, отправляющійся въ Шпицбергенъ, спросилъ философъ: постой, братецъ, скажи мнѣ гдѣ твой отецъ умеръ? Въ потопленіи корабля. А дѣдъ? Потонулъ же, ловя рыбу въ бурную погоду. А прадѣдъ? Также пропалъ съ кораблемъ. Какъ же ты смѣешь вдаваться морю, вѣдая что всѣ твои предки тамъ погибли, это признакъ безразсудной отваги? Г. мудрецъ, отвѣчалъ матросъ, какъ то ни есть, однако и я имѣю немалые причины; пожалуй скажите, какъ ваши предки представились? Весьма блаженно на своихъ ложахъ. Ахъ! для чего же вы не боитесь ложиться на вашу постелю?²⁾

141. Нѣкто посмѣялся чужеземцу, что у нихъ за моремъ нѣтъ хорошихъ язычныхъ учителей. Тотъ ему доказалъ: по тому что у васъ наши перухмахеры, кучеры и цирюльники часто бываютъ почетными учителями (очень злая насмѣшка надъ пристрастіемъ русскихъ къ иностранному).

143. Сократъ совѣтовалъ молодымъ людямъ смотрѣться въ зеркало для того, что ежели они пригожи, то опасались бы то дѣлать, что несходно съ ихъ красотою, а когда они дурны, то бы старались наградить тѣлесные недостатки лучшею добродѣтелью и разумомъ. Чего ради, должно имъ держаться Юности честнаго зеркала, т.-е. ученіе честнаго житія («книжка на русск.» замѣчаетъ Кургановъ).

За краткими повѣстями слѣдуютъ различныя шутки (статьи 281—282), разномысленныя предложенія, достопамятныя рѣчи, о женщинахъ и о бракѣ (ст. 283).

Присовокупленіе III заключаетъ древнія Апоѳегмы и Епиктетово нравоученіе. Кургановъ самъ завлечетъ, что эти апоѳегмы

¹⁾ Курганова можно признать родоначальникомъ всѣхъ позднѣйшихъ составителей хрестоматій для чтенія. Такъ напр. этотъ анекдотъ вошелъ во многія изъ нихъ. См. напр. I. Паульсонъ. Книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Москва 1891 г. § 221. Чудный врачъ, ст. 137.

²⁾ Этотъ рассказъ нерѣдко приводится въ нашихъ нынѣшнихъ хрестоматіяхъ.

взяты изъ раньше (1711 г.) изданной книги, о которой мы уже говорили.

Эпиктитово нравоученіе взято «изъ Белегардова Французскаго перевода».

У Курганова приведено 27 правилъ Эпиктита. Правило 26 говоритъ: «смерть, изгнаніе, и что за пребольшее почитается несчастіе, повседневно имѣй предъ глазами, а паче всего смерть. Такимъ образомъ никогда ни о какомъ подломъ дѣлѣ помышлять и ничего жадно желать не будешь».

Далѣе слѣдуетъ разсужденіе Сенекино о четырехъ главныхъ добродѣтеляхъ: Благоразуміи, Мужествѣ, Воздержаніи и Правосудіи.

Потомъ идетъ перечень человѣческихъ знаній (ст. 331—338). «Мы должны знать три вещи: 1) самого себя, 2) Бога создателя и 3) тварь, созданную для человѣка».

Присовокупленіе IV заключаетъ въ себѣ разные учебные разговоры:

Кое что Кургановъ бралъ изъ печатнаго матеріала (не подписывая фамиліи авторовъ), но больше заимствовалъ изъ рукописныхъ сборниковъ и, вѣроятно, изъ своей весьма хорошей памяти, а кое что, повидимому, есть плодъ его собственнаго вдохновенія; кромѣ того Кургановъ далъ много стихотворныхъ переводовъ.

Въ «Сборѣ» Курганова есть нѣсколько пѣсенъ или вѣрнѣе романсовъ XVIII в., вовсе не народныхъ по своему содержанию, но ународившихся, благодаря громадной популярности Письмовника¹⁾.

Въ рукописныхъ пѣсенникахъ, которые, говоритъ г. Кирпичниковъ, до сихъ поръ въ ходу въ глухой провинціи на заводахъ, въ казармахъ и даже въ уѣздныхъ и духовныхъ училищахъ, часто попадаетъ хоровая пѣсня:

Бѣсъ проклятый дѣла намъ затѣялъ,
Страсть картежну въ сердца наши всѣялъ.
Дайте намъ карты: здѣсь олухи есть! и т. д.

Она обязана своей популярностью «Письмовнику»²⁾.

¹⁾ Кирпичниковъ, ст. 495—496.

²⁾ См. 4-е изд., ст. 45, стран. 93 или 11-е изд., ст. 44, стран. 93.

Здѣсь есть и солдатская пѣсня съ похвалою водкѣ:

Забавныхъ мыслей не покинуть, пока горѣлки есть глотокъ

Россійскихъ та солдатъ отрада, въ трудахъ забава элементъ:

Кто ищетъ ласкова въ нихъ взгляда, давай имъ водку за презентъ (ст. 69).

Такъ разнообразно и порой даже странно содержаніе Письмовника!

Присовокупленіе VI содержитъ обстоятельное изъясненіе порядка знаній человѣческихъ или всеобщій чертежъ наукъ и художествъ.

Философія, по Курганову, раздѣляется на умственную (теоретическую) и дѣятельную или нравоучительную (практическую): 1-я предлагаетъ правила больше нужныя къ просвѣщенію разума, нежели къ исполненію дѣлъ нашихъ, 2-я учить средствамъ, коими дѣла и нравы наши управляются.

Главные способности человѣка суть разумъ и воля; разумъ, который надлежитъ управлять къ истинѣ; воля, которую надобно покорить добродѣтели. Одна есть цѣль Логики, другая Нравоченія (138).

Наука преподавать, говорить Кургановъ, раздѣляется на науку орудія рѣчи и на науку качества рѣчи. Наука орудія рѣчи называется Грамматика, наука качествъ рѣчи Риторика (ст. 141).

Затѣмъ идетъ статья объ истинной добродѣтели (142—144). «Однѣ христіанскія добродѣтели не имѣютъ въ себѣ никакого порока. Однако тѣ, кои дѣлаютъ добрыя дѣла только для того, что почитаютъ сіе за должность, а въ добродѣтели упражняются единственно для добродѣтели, могутъ называться людьми добрыми. Можно почитать и тѣхъ за добрыхъ людей, кои отличаютъ себя отъ другихъ добродѣтелью, для пріобрѣтенія единой простой славы и имени, не льстяся суетной честью» (ст. 143). «Въ свѣтской, а болѣе въ церковной исторіи много находится такихъ кои за исповѣданіе истины, вольность и жизнь свою въ жертву отдали» (ib).

Далѣе Кургановъ излагаетъ Науку о Естествѣ (ст. 144—151), говоритъ объ употребленіи наукъ (ст. 151—158), признаки о будущихъ погодахъ (ст. 158—161), приводитъ размышленія о Физикѣ (ст. 162—174), при чемъ популяризуеть мысли Ломоносова

о соотношеніи Правды и Вѣры (ст. 165) и о томъ, что Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги: первая видимый сей міръ, вторая—Священное писаніе (ст. 166). Въ заключеніе статьи приводится стансъ о значеніи философіи

«Все Философіи ты долженъ человѣкъ,
Безъ ней бы навсегда плѣненъ ты былъ страстями,
Невѣдомъ бы въ чемъ свой провести ты долженъ вѣкъ,
И къ щастію притти какими могъ путями.

Затѣмъ идутъ «Нравоучительныя размышленія, взятая изъ сочиненія канцлера Графа Оксенстирна», гдѣ между прочимъ говорится «Доброе воспитаніе юношества есть надежнѣйшій залогъ государственнаго благосостоянія; ученіе не можетъ изъ глупаго человѣка сдѣлать разумнаго, оно требуетъ нѣкоторой естественной способности, какъ бы какого основанія, на которомъ бы оно могло назидать; а безъ оной не можетъ оно ничего, кромѣ что сдѣлать глупость смѣха достойнѣйшею» (пр. 5 ст. 177). Затѣмъ идетъ рудометъ нѣмецкой (ст. 190), о состояніи Академической бібліотеки и Кунсткамеры, знатныя изобрѣтенія съ нѣкотораго времени въ Европѣ учиненныя, хронологія. При совокупленіи VII заключаетъ словарь разноязычный или толкованіе еврейскихъ, греческихъ, латинскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и прочихъ иноземскихъ, употребляемыхъ въ Русскомъ языкѣ, и нѣкоторыхъ славянскихъ словъ (ст. 216—276). Въ заключеніе находимъ прибавокъ: О Религіи или Вѣрѣ (ст. 276—283).

Таково содержаніе и составъ этой удивительной книги, полной контрастовъ; она положительно поражаетъ и подавляетъ читателя своимъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ.

Вкусъ къ легкому чтенію, появившійся въ столь значительной степени въ русскомъ обществѣ 80-хъ годовъ XVIII в., до времени появленія «Письмовника» былъ развитъ еще слабо, судя по количеству выходившихъ книгъ этого рода.

«Извѣстно,» говоритъ г. Кирпичниковъ, «какъ въ обществѣ малограмотномъ смотрятъ на книгу: книга только поучительная—скучна и имѣетъ опредѣленный, не широкій кругъ читателей книга только забавная—не внушаетъ уваженія, на нее какъ то совѣстно тратить и деньги и время. Книга Курганова понравилась именно тѣмъ, что, заключая въ себѣ массу полезныхъ

свѣдѣній для людей самыхъ разнообразныхъ специальностей будучи необходимой книгой для человѣка, стремящагося къ литературному образованію, она въ то же время доставляла и развлеченіе своими «замысловатыми повѣстями», стиходѣйствами и пр. Она такимъ образомъ расчищала дорогу серьезнымъ и поучительнымъ книгамъ съ одной стороны, съ другой — доказывала воочію людямъ, которые смотрѣли на чтеніе, какъ на тяжелый трудъ, что чтеніе можетъ доставлять удовольствіе, и подготавливала почву для всякихъ «Сопутниковъ и Собѣдниковъ веселыхъ людей», «Увеселеній женскаго пола» и пр. Замысловатя повѣсти и стихотворства списывались въ особыя тетрадки и распространялись между людьми, которые Письмовника въ цѣломъ видѣ въ глаза не видали, усваивались, какъ было выше указано, даже людьми безграмотными, проникали въ народъ, а въ то же время универсальная грамматика и статьи по риторикѣ и пѣтикѣ служили учебникомъ въ школахъ¹⁾; по словамъ одного изъ младшихъ современниковъ, дѣловая часть «Письмовника» для такого употребленія часто вырывалась и переплеталась отдѣльно. Можетъ ли какая-нибудь другая книга XVIII вѣка, справедливо замѣчаетъ г. Кирпичниковъ, имѣть притязаніе на большую популяриность!²⁾

Скажемъ нѣсколько словъ о послѣдующихъ изданіяхъ «Письмовника».

Первое изданіе, вѣроятно, по обычаю того времени, небольшое, расходилось восемь лѣтъ. Второе вышло въ 1777 г. подъ заглавіемъ: «Книга Письмовникъ», а въ ней наука російскаго языка съ семью присовокупленіями; въ немъ мало перемѣнъ. Въ самомъ концѣ сдѣланъ прибавокъ о религіи, который оканчивается указаніемъ полезныхъ книгъ, въ немъ говоритъ Кургановъ: «а изъ свѣтскихъ книгъ первую нравоучительною книгою почитаю божественныя узаконенія о воспитаніи и образованіи російскаго юношества, изданныя въ двухъ томахъ въ С.-Петербургѣ въ 1774 году» (въ 4-мъ изд. на ст. 283). Въ 1788 г. появилось третье изданіе, безъ согласія автора, о чемъ онъ сдѣлалъ заявленіе въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.

¹⁾ Харьковскіе коллегіумисты, отправляясь на кондиціи, запасались нѣредко только однимъ Письмовникомъ Курганова, который былъ для нихъ справочной книгой по всемъ отраслямъ знанія. Прим. М. Д.

²⁾ Ист. Вѣст. № 9, 1887 г. стран. 500—501.

4-е изданіе, вышедшее въ 1790 г., подверглось сравнительно большимъ перемѣнамъ и дополненіямъ, его полное заглавіе впоследствии не измѣнялось. 5-е и 6-е изд., вышедшія при жизни Курганова, ничего новаго не заключаютъ. Всего насчитываютъ одиннадцать изданій «Письмовника» (Геннади), а нѣкоторые и болѣе.

Источники и пособія.

Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку російскаго языка со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезнотабавнаго вещесловія. Четвертое изданіе вновь выправленное, приумноженное и раздѣленное въ двѣ части профессоромъ и кавалеромъ Николаемъ Кургановымъ. С.-Пб. 1790 г. Изъ бібліотеки Нѣжинскаго историко-филологическаго института кн. Безбородко. Письмовникъ Н. Курганова. 11-е изд. Москва 1837 г. Изъ бібліотеки М. Д. Ариематика или Числовникъ. Изд. 3-е 1776 г. Изъ библи. Пуб. и Рум. муз. въ Москвѣ. Пособіемъ служила статья: А. Кирпичникова, Былыя знаменитости русской литературы: Кургановъ и его «Письмовникъ» Истор. Вѣст. № 9. 1887.

ГЛАВА XXXII.

Г. С. Сковорода, странствующій философъ и педагогъ.

Г. С. Сковорода. Къ числу замѣчательныхъ людей XVIII в. относится и Г. С. Сковорода. Какъ первый русскій философъ и оригинальный «народный» учитель, въ широкомъ смыслѣ слова, онъ заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія.

«Въ Сковородѣ», говоритъ Г. П. Данилевскій, «олицетворилось умственное пробужденіе украинскаго общества конца XVIII столѣтія. Сковорода былъ сыномъ того времени на Украинѣ, которое создало рядъ школъ, гимназій, университетъ».

Григорій Саввичъ Сковорода родился въ с. Чернухахъ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи отъ родителей простаго званія—отецъ его былъ казакъ, мать-казачка—въ 1722 году. Григорій Сковорода, уже на седьмомъ году, получилъ склонность къ богочтенію, отличался дарованіемъ въ музыкѣ и охотою къ ученію. Въ церковь ходилъ охотно, становился на клиросѣ и принималъ участіе въ пѣніи. Любимою пѣснею его былъ стихъ Іоанна Дамаскина: «Образу златому на полѣ Деиру служиму, тріе твои отроцы не брегоса безбожнаго веленія». «По охотѣ его къ ученію, отецъ отдалъ его въ кievское училище, славив-

шееса тогда науками. Григорій скоро превзошелъ сверстниковъ своихъ успѣхами и похвалами. Самуиль Миславскій, человекъ остраго ума и рѣдкихъ способностей, впослѣдствіи митрополитъ кievскій, былъ тогда соученикомъ его и во всемъ оставался ниже его. Тутъ молодой Сковорода занялся ревностно еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ языками, упражняясь притомъ въ краснорѣчїи, философіи, математикѣ и др. наукахъ. Дарованія Сковороды къ музыкѣ и отмѣнно прїятный голосъ подали случай быть ему выбраннымъ ко двору въ пѣвческую музыку, куда и отправленъ при вступленіи на престолъ императрицы Елисаветы. Но онъ не долго находился тамъ; вскорѣ мы видимъ его снова въ Кievской Академіи. Однако, кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кievѣ, показался ему недостаточнымъ. Жажда знанія влекла его за границу, гдѣ онъ надѣялся закончить образованіе. По приглашенію одного русскаго вельможи (Вишневецкаго), Сковорода отправился съ нимъ въ Венгрію, побывавъ въ Вѣнѣ, Офенѣ, Пресбургѣ».

Такъ говоритъ ученикъ его Ковалинскій; другой биографъ Сковороды Гесъ-де-Кальве¹⁾ увѣряетъ, что районъ его путешествій былъ гораздо шире: «что онъ пѣшкомъ, съ посохомъ въ рукахъ, обошелъ всю Германію, Италію и Польшу, посѣтилъ лучшіе университеты и съ жадностію слушалъ знаменитыхъ тогдашнихъ профессоровъ и въ особенности Канта». «Онъ замѣтилъ», прибавляетъ Гесъ-де-Кальве, «что не у насъ только, но и вездѣ, богатому поклоняются, а бѣднаго презираютъ; видѣлъ, какъ глупость предпочитаютъ разуму, какъ шутовъ награждаютъ, а заслуга питается подаваніемъ; какъ развратъ нѣжится на мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ». Гесъ-де-Кальве здѣсь нѣсколько фантазируетъ, но легко могло быть, что это отступленіе отъ рѣчи строгаго историка навѣяно ему разказами самого Сковороды.

Наконецъ, обогатившись познаніями, Сковорода порѣшилъ возвратиться на родину. Возвратясь изъ чужихъ краевъ, наполненный ученостію, свѣдѣніями, знаніями, но съ пустымъ карманомъ, Сковорода проживалъ у своихъ прїятелей и знакомыхъ. Вскорѣ однако онъ принялъ скромное мѣсто учителя пи-

¹⁾ Украинскій Вѣстникъ. 1817 г. ч. VI.

тики въ Переяславской семинаріи. Сковорода, имѣя уже обширныя по тогдашнему времени познанія, написалъ для училища «Руководство о поэзи», но книга эта не понравилась мѣстному епископу, который и приказалъ Сковородѣ преподавать предметъ по старому. Сковорода, однако, отвѣчалъ, что разсужденіе его и руководство, написанное имъ, есть правильное и основанное на природѣ этого искусства. А въ заключеніе прибавилъ: *Alia res sceptrum, alia plectrum*, т.-е. иное дѣло пастырскій жезлъ, а иное пастушья свирѣль. За такую продерзость Сковорода былъ удаленъ отъ переяславскаго училища. «Сей былъ первый опытъ твердости его духа» говоритъ Ковалинскій.

«Послѣ этого поступилъ онъ домашнимъ учителемъ къ богатому помѣщику Стефану Тамарѣ и принялся за воспитаніе его сына, старался воздѣлывать сердце воспитанника своего и, разсматривая природныя склонности его, помогать только природѣ въ ращеніи направленіемъ легкимъ, нѣжнымъ, нечувствительнымъ, а не безвременно обременять разумъ его науками, и воспитанникъ привязался къ нему внутреннею любовію». Однако, черезъ годъ, за одно грубое выраженіе, ему отказали отъ мѣста, по настоянію жены Тамары. Сковорода снова остался безъ занятій. Съ однимъ своимъ знакомымъ съѣздивъ въ Москву, а по возвращеніи въ Переяславль вновь получилъ приглашеніе отъ Тамары. Суровый старикъ обласкалъ его дружески, просилъ быть сыну его другомъ и руководствовать его въ наукахъ. Поселившись въ деревнѣ Тамары, онъ въ свободное время уходилъ въ поля, сады, рощи и здѣсь предавался размышленію. Такимъ образомъ въ это время начала обнаруживаться у него склонность къ любомудрію».

«Все время бытности его у Тамары, замѣчаетъ Ковалинскій¹⁾, проходило въ обученіи сына его словеснымъ наукамъ и языку, а себя благочестію и самодовольству». Когда воспитанникъ его поступилъ въ учебное заведеніе, Сковорода вскорѣ получилъ должность учителя поэзи въ Харьковскомъ училищѣ (1759 г.).

«Отличный образъ мыслей, ученія, жизни, скоро обратилъ къ нему вниманіе всего общества тамошняго. Онъ одѣвался пристойно, но просто; пищу имѣлъ состоящую изъ зелій, плодовъ

1) Седьмой томъ Харьк. Ис.-фил. Об. ст. 9.

и молочныхъ приправъ, мясо и рыбъ не вкушалъ не по суевѣрiю, но по внутреннему своему расположенiю; для сна отдѣлялъ отъ времени не болѣе четырехъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ, воздержанъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотенъ, гдѣ не принужденъ говорить, изъ всего выводящiй нравоученiе, почтителенъ ко всякому состоянiю людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ немущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожество безъ суевѣрiя, ученость безъ киченiя, обхожденiе безъ лести»¹⁾.

Прошелъ годъ учительства, и мѣстный епископъ, желая удержать Сковороду при училищѣ, предложилъ ему принять монашество. Но это предложенiе не понравилось Сковородѣ настолько, что онъ тотчасъ оставилъ службу и отправился къ одному своему прiятелю въ деревню Старицу, близъ Бѣлгорода. Старица — было мѣсто, изобильное лѣсами, водоточами, удолями, благопрiятствующими глубокому уединенiю. Сковорода, поселясь тамъ, ушелъ въ самого себя, «прилежалъ къ познанiю себя и упражнялся въ сочиненiяхъ, къ сему относящихся». Слухъ о необыкновенной жизни его и назидательномъ собесѣдованiи привлекъ многихъ искателей знакомства съ нимъ. Одинъ изъ его знакомыхъ поручилъ ему, во время поѣздки въ Харьковъ, посѣтить училище и навѣстить своего племянника. «Сковорода, прiѣхавъ въ Харьковъ, дѣйствительно посѣтилъ училище, познакомился съ этимъ молодымъ человѣкомъ и, какъ говорить «Житiе», «посмотря на него, возлюбилъ его и возлюбилъ до самой смерти». Этотъ молодой человѣкъ и былъ М. И. Ковалинскiй. Епископъ Тоасафъ, узнавъ о прiѣздѣ Сковороды, снова пожелалъ привлечь его въ Харьковское училище и предложилъ ему дружески должность учителя, какую хочетъ. Сковорода радъ былъ предложенiю епископа и взялъ для преподаванiя классъ синтаксическiй. Кромѣ того началъ обучать греческому языку. Съ этого времени начинается тѣсная дружба

¹⁾ «Житiе Григорiя Сковороды», ст. 9—10.

между Сковородой и Ковалинскимъ. «Григорій, говоритъ біографъ часто началъ посѣщать его и, по склонности молодого человѣка, занимать его музыкою и чтеніемъ книгъ, служившихъ поводомъ къ разговорамъ и нравоученію, открывъ въ молодомъ человѣкѣ сердце, каковаго желалъ, и способности природныя, каковыя любилъ, обратилъ вниманіе свое на удобреніе разума его и духа». Ковалинскій сталъ жадно вслушиваться въ слова своего учителя. «Всѣ книгочіе наставники его, да и весь свѣтъ словомъ и дѣломъ внушали ему, что счастье человѣческое состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть всего много, много чего ѣсть, много чего пить, много, во что одѣваться и въ утѣхахъ праздно веселиться. Сковорода одинъ началъ говорить ему: чтобъ быть истинно счастливымъ, то все оное не нужно, что ограниченіе желаній, отверженіе излишествъ, обузданіе прихотствующей воли, трудолюбіе, исправленіе должности, въ которую промысль Божій поставилъ кого, не за страхъ, а за совѣсть суть пути къ счастью. Сковорода говорилъ сіе и жилъ тако». «Сковорода училъ, что всѣ состоянія суть добры и Богъ, раздѣляя члены общества, никого не обидѣлъ; проклятіе же Онъ налагаетъ точію на сыновъ противленія, которые, не внявъ себѣ и не послѣдуя званію природы, вступаютъ въ состояніе по страстямъ, по обманчивымъ видамъ, по прихотямъ. Сковорода училъ, что совершенство человѣка состоитъ въ дѣланіи истинной пользы ближнему, и что царствіе Божіе есть въ силѣ, или въ дѣлѣ. Ученикъ вмѣстѣ съ нимъ проходилъ любимыхъ древнихъ авторовъ: Плутарха, Филона іудейнина, Цицерона, Оригена, Діонисія Ареопагитскаго и др. новые писатели шли съ ними рядомъ. Главное же они прилежали къ изученію Библіи, такъ какъ сила, содержаніе и конецъ учебнаго ихъ упражненія было сердце, т.-е. основаніе блаженной жизни». «Предпринявъ перевоспитать его и желая больше и больше дать ему впечатлѣній истины, писывалъ онъ къ нему письма почти ежедневно, чтобы отвѣтами на нихъ вкратцѣ приучить его мыслить, разсуждать, изъясняться справедливо, точно, прилично».

Сковорода часто проводилъ въ бесѣдахъ мысль, что счастье человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ, узнавъ собственную въ себѣ способность, по оной употребить себя въ жизни. Такъ многіе богословы были бы, можетъ быть, лучшими стряпчими по дѣ-

ламъ, многіе ученые — разносчиками, многіе судьи — пахарями, военачальники — пастухами, монахи — цѣловальниками и проч. Такое правдивое, но для многихъ неприятное, объясненіе навлекло вскорѣ на Сковороду неприятности.

«Занимаясь много другомъ своимъ, возводя умъ выше обыкновенныхъ познаній, навѣдывался онъ искоренить въ немъ предубѣжденія, напечатлѣнныя отъ невѣждъ и бабьихъ басней. Примѣтя, что страхъ смерти и боязнь мертвыхъ обладали мучительнымъ воображеніемъ его, предлагалъ онъ ему важныя чтенія, разрушающія сіе ужасное мнѣніе». Не довольствуясь бесѣдою о семъ, приглашалъ онъ друга своего въ лѣтнее время прогуливаться поздно вечеромъ за городъ и нечувствительно доводилъ его до кладбища городского. Тутъ между могилъ разговаривалъ о безразсудной страшливости людской. Иногда пѣлъ тамъ что-либо приличное благодуществу, иногда же, удаляясь въ близъ лежащую рощу, игралъ на флейтраверѣ якобы для того, чтобъ издали ему пріятнѣе было слушать музыку, и такимъ образомъ мало-по-малу способствовалъ освобожденію его отъ пустыхъ страховъ».

Въ 1764 г. Сковорода съ Ковалинскимъ поѣхали въ Кіевъ. «По пріѣздѣ туда, говоритъ Ковалинскій, при обзорѣни древностей тамошнихъ, Сковорода былъ ему истолкователемъ исторіи мѣста, нравовъ и древнихъ обычаевъ и побудителемъ къ подражанію духовнаго благочестія почивающихъ тамо усопшихъ святыхъ, но не жизни живаго монашества. Нѣкоторые изъ соучениковъ Сковороды, изъ знакомыхъ и родственниковъ, бывшихъ монахами въ Печерской лаврѣ, неотступно просили Сковороду принять монашество. Но Сковорода сурово отвергъ это предложеніе, говоря: блаженъ, кто святость сердца, т.-е. счастье свое не сокрылъ въ ризѣ, но въ волѣ Господней!» Недолго пробывъ въ Кіевѣ, Сковорода съ Ковалинскимъ возвратились въ Харьковъ. Любимымъ занятіемъ, въ видѣ отдыха, для Сковороды была музыка. Онъ сочинилъ духовные концерты, положи нѣкоторые псалмы на музыку, такъ же и стихи, пѣваемые во время литургіи. Кромѣ церковныхъ, онъ сочинилъ многія пѣсни въ стихахъ и самъ игралъ пріятно и со вкусомъ на скрипкѣ, флейтраверѣ, бандорѣ и гусяхъ.

Въ 1766 г. по повелѣнію Императрицы Екатерины II, по хо-

датайству мѣстнаго губернатора Щербинина, въ Харьковскомъ коллегіумѣ прибавлены были нѣкоторыя науки подъ именемъ «прибавочныхъ классовъ». Между прочимъ назначено было преподавать благородному юношеству правила благонравія. Начальство для этого избрало Сковороду, которому тогда было уже сорокъ четыре года. Этимъ назначеніемъ Сковорода такъ остался доволенъ, что даже отказался брать положенное жалованье, указывая на то, что удовольствіе отъ преподаванія этого близкаго его сердцу предмета замѣнитъ всякую награду. Въ руководство юношеству онъ написалъ: «Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи».

Вступительную проповѣдь въ курсъ лекцій онъ началъ словами: «Весь міръ спитъ, да еще не такъ спитъ, какъ о праведникѣ сказано: «еще падетъ, не разбѣется». Спитъ, глубоко протянувшись, будто ушпыленъ объ нея. А наставники, пасущиіи Израіля, не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ: «спи, не бойся, мѣсто хорошее, чего опасаться?»¹⁾ Продеримо-жь о мертвая тѣнь, глаза наши и заобыкшее къ плотской тмѣ око наше принаравливаймо, возводя потихоньку въ гору смотрѣть на Израіля, на истиннаго челоуѣка, минуя плоти покрывало²⁾).

Царствіе Божіе внутри насъ. Счастье въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь же въ законѣ Вѣчнаго. Что было бы тогда, есть ли бы счастье, пренужнѣйшее и любезнѣйшее для всѣхъ, зависѣло отъ мѣста, отъ времени, отъ плоти и крови? Скажу яснѣе: что было бы тогда, есть ли бы счастье заключилъ Богъ въ Америкѣ или въ Канарскихъ островахъ, или въ Азіатскомъ Іерусалимѣ, или въ царскихъ чертогахъ, или въ Соломоновскомъ вѣкѣ, или въ богатствахъ, или въ пустынѣ, или въ чинѣ, или въ наукахъ, или въ здравіи? Тогда бы и счастье наше и мы съ нимъ были бѣдны. Кто бы могъ добраться къ тѣмъ мѣстамъ? Какъ можно родиться всѣмъ въ одномъ коемъ то времени? Какъ же и помѣститься въ одномъ чинѣ и статьѣ? Не ищи счастья за моремъ. Ищи только нужнаго, оно одно только и благое и легкое, а прочее все трудъ и болѣзнь. Что же есть оное едино? Богъ. Не далече оно, близъ есть, въ сердцѣ и

¹⁾ Ст. 175. Сбор. Хар. Ист.-фил. Об., т. 7.

²⁾ Ib. ст. 177.

въ душѣ твоей»¹⁾. Далѣе Сковорода говоритъ о Богѣ, о Вѣрѣ вселенской, о промыслѣ общемъ, о промыслѣ особенномъ для человѣка, о десясословіи, о истинной вѣрѣ, о томъ, что благочестіе и церемонія — рознь, Законъ Божій и преданіе рознь, о страстяхъ или грѣхахъ, о любви или чистосердечіи. «Главнѣйшая страсть, по Сковородѣ, есть зависть, мать прочихъ страстей и беззаконій. Противится сей безднѣ чистосердечіе. Оно есть спокойное въ душѣ дыханіе и вѣяніе Святого Духа»²⁾.

Сочиненіе сіе (Начальная дверь), говоритъ біографъ Сковороды, содержало въ себѣ простыя истины, краткія коренныя познанія должностей, относительныхъ до общежитія, но нашлись люди, которые заподозрили Сковороду въ чистотѣ намѣреній, епископъ потребовалъ книжку для разсмотрѣнія, нашель нѣкоторыя неясности и сомнѣнія въ рѣчахъ и сдѣлалъ Сковородѣ приличное внушеніе. Сковорода, по своему обычаю, не заставилъ повторять выговора, собралъ свои пожитки и оставилъ, теперъ уже навсегда, Харьковскій collegіумъ. Можемъ мимоходомъ упомянуть здѣсь, что въ числѣ друзей Сковороды былъ учитель реторики Харьковскаго collegіума Двигубскій, впоследствии бывшій профессоромъ Московскаго университета³⁾.

По оставленіи collegіума, началась въ собственномъ смыслѣ, скитальческая жизнь Сковороды на Украинѣ, продолжавшаяся до самой смерти. Переходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, онъ, гдѣ останавливался, живалъ уединенно, гдѣ-нибудь на хуторѣ или на пасѣкѣ. Въ юношахъ украинскаго дворянства онъ возбуждалъ любовь къ просвѣщенію, равно какъ, являясь среди простого народа, пробуждалъ въ немъ любовь къ добру. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ всего болѣе заботился о лучшей, болѣе совершенной жизни человѣка, стараясь въ каждомъ пробудить сознаніе.

По выходѣ изъ collegіума, Сковорода поселился на пасѣкѣ въ помѣстьи Земборскихъ, близъ Харькова. Здѣсь написалъ онъ сочиненіе: «Наркизъ или о томъ: познай себя» вслѣдъ за тѣмъ тутъ же написалъ разсужденіе: «Книга Асханъ о познаніи себя». Узнавая себя, человѣкъ, по мысли Сковороды,

¹⁾ Ib. ст. 184.

²⁾ Ib. ст. 192.

³⁾ Рус. Арх. 1872 г. ст. 107.

увидитъ достоинство безсмертной души своей и ничтожество всего земнаго и скоропреходящаго. Всѣ мысли и желанія наши должны быть постоянно обращены къ небу и вѣчности.

«Лжемудрое высокоуміе», говоритъ Ковалинскій, «не въ силахъ будучи вредить ему злословіемъ, употребило другое орудіе, клевету. Оно разглашало, что Сковорода осуждаетъ употребленіе мяса и вина и самъ чуждается ихъ и такимъ образомъ принадлежитъ къ Манихейской ереси. Эта клевета побудила Сковороду съѣздить въ Харьковъ и найти «въ одномъ собраніи приличный случай къ объясненію своихъ правилъ».

Въ 1770 г. Сковорода, вмѣстѣ съ своими знакомыми Соціальскими, ѣздилъ въ Кіевъ и три мѣсяца прожилъ у родственника своего Іустина, бывшаго начальникомъ Китаевской пустыни. Однажды, вдругъ онъ «примѣтилъ въ себѣ внутреннее движеніе духа, непонятное, побуждающее его изъ Кіева ѣхать въ Харьковъ». Іустинъ удерживалъ его, но Сковорода не согласился. Приѣхавъ въ Ахтырку, черезъ двѣ недѣли онъ узналъ, что въ Кіевѣ открылась моровая язва.

И добрая, и худая слава распространилась о Сковородѣ во всей Украинѣ, Малороссіи и др. Многіе хулили его, нѣкоторые хвалили, всѣ хотѣли видѣть его, немногіе, однако, знали его таковымъ, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности внутренно.

Опредѣленнаго мѣста жительства онъ не имѣлъ, а по разнымъ обстоятельствамъ жила у многихъ.

«Въ крайней бѣдности переходилъ Сковорода по Украинѣ», говоритъ Гесъ-де-Кальве¹⁾, «изъ одного дома въ другой, училъ дѣтей примѣрамъ непорочной жизни и зрѣлымъ наставленіямъ. Одежду его составляла сѣрая свита; пищу — самое грубое кушанье. Къ женскому полу не имѣлъ склонности; всякую неприятность сносилъ съ великимъ равнодушіемъ. Проживши нѣсколько времени въ одномъ домѣ, гдѣ всегда ночевалъ въ саду подъ кустарникомъ, а зимой въ конюшнѣ, бралъ онъ свою еврейскую Библию, въ карманъ флейту и пускался далѣе. Никто, во всякое время года, не видалъ его иначе, какъ пѣшимъ». Г. Срезневскій говоритъ о его характерѣ: «Уваженіе къ Сковородѣ простиралось до того, что почитали за особенное благо-

¹⁾ Укр. Вѣст. 1817 г., ст. 112—115.

словеніе Божіе дому тому, въ которомъ онъ поселился хоть на нѣсколько дней. Онъ могъ бы составить себѣ подарками большое состояніе. Но что ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда отказывался, говоря: «дайте не имущему» и самъ довольствовался только сѣрой свитой. Эта сѣрая свита, чоботы (сапоги) про запасъ и нѣсколько свитковъ сочиненій — вотъ въ чемъ состояло все его имущество. Задумавши странствовать или переселиться въ другой домъ, онъ складывалъ въ мѣшокъ эту жалкую свою худобу (имущество) и, перекинувши его черезъ плечо, отправлялся въ путь съ двумя неразлучными: палкой журавлемъ и флейтой¹⁾.

Являясь наставникомъ всѣхъ классовъ мѣстнаго общества, Сковорода особенно любилъ наставлять простой народъ, и его нравственное вліяніе на простолюдиновъ было весьма благодѣтельно.

«Страсть его, говоритъ сенаторъ Лубяновскій²⁾, лично видѣвшій Сковороду, была жить въ крестьянскомъ кругу; любилъ онъ переходить изъ слободы въ слободу, изъ села въ село, изъ хутора въ хуторъ; вездѣ и всѣми былъ встрѣчаемъ и провожаемъ до «обаченья» съ любовью; у всѣхъ онъ былъ свой. Жители тѣхъ особенно слободъ и хуторовъ, гдѣ онъ чаще и болѣе оставался, любили его, какъ родного. Онъ отдавалъ имъ все, что имѣлъ: не золото и серебро, а добрые совѣты, увѣщанія, наставленія, дружескіе попреки за несогласія, неправду, нетрезвость, недобросовѣтность, мнился такимъ образомъ приносить ближнему службу и утѣшался не въ одномъ мѣстѣ не находить уже ни прежнихъ, противныхъ чистотѣ нравовъ, обычаевъ, ни раздора, ни суевѣрія; утѣшался, что трудъ страннической жизни не совѣмъ былъ бесплоденъ. Простонародность была для Сковороды, казацкаго сына, съ одной стороны, естественнымъ проявленіемъ его симпатій, а съ другой — сознательнымъ принципомъ. Онъ страстно любилъ прекрасную природу Малороссіи, ея языкъ, пѣсни, обычаи. «Знаніе не должно узить своего изліянія на однихъ жрецовъ науки, которые жрутъ и пресыщаются, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, но должно переходить на весь народъ, войти въ народъ и водвориться

¹⁾ «Утренняя Звѣзда» 1834 г., кн. I, ст. 75.

²⁾ Русскій Архивъ, 1872 г., ст. 106—107.

въ сердцѣ и душѣ всѣхъ тѣхъ, кои имѣють правду осязать: и я человѣкъ, и мнѣ, что человѣческое, то нечуждо». Что онъ разумѣлъ подъ словомъ народъ, ясно изъ всей его жизни: не ограничиваясь ни мѣстомъ, ни временемъ, онъ, по оставленіи коллегіума, училъ всюду, гдѣ могъ, въ «хатахъ», на распутияхъ, на торжищахъ, у кладбища, на папертяхъ церковныхъ, на праздникахъ, когда, по его острому слову, «скачетъ пьяная воля» и во дни страды, когда при бездождіи потъ поливаетъ землю. Да и въ дошедшихъ до насъ своихъ сочиненіяхъ Сковорода называетъ свое ученіе «простонародною тканкою и плеткою», а себя—другомъ поселянъ, чужимъ для тѣхъ ученыхъ, которые столь горды, что не хотятъ и говорить съ простолюдиномъ и онъ гордится именемъ народнаго учителя, высоко ставитъ его, презирая кривые толки и насмѣшки.

Барская умность, пишетъ Сковорода, будто простой народъ есть черный, кажется мнѣ смѣшною, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвой матери рождаютъ живыхъ дѣтей? И какъ изъ утробы чернаго народа «вылонились» бѣлые господа?

Сковорода такимъ образомъ представлялъ изъ себя живой протестъ противъ развивавшагося крѣпостнаго права и униженія поселянъ въ несправедливомъ и обидномъ названіи ихъ «чернымъ народомъ».

Вращаясь преимущественно въ средѣ простолюдья, Сковорода старался изучить его природу, его волю, языкъ и обычаи, ибо, по его мысли, «учитель, — не учитель а только служитель природы».

За отсутствіемъ въ то время въ Слободской Украинѣ науки и литературы, къ Сковородѣ стремились всѣ тогдашніе умы и сердца. О немъ писали въ письмахъ другъ къ другу, толковали, спорили, разбирали его, любили или ненавидѣли, хвалили или порицали, а главное, всѣ имъ интересовались, и двери всѣхъ были для него раскрыты настежь. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать «странствующимъ университетомъ и академіей тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ». Даже самый фактъ открытіе Университета въ Харьковѣ въ 1803 г., спустя десять лѣтъ послѣ смерти Сковороды, приписывается (Стеллецкій;

Ефименко, А. Я.) не столько стараніямъ Каразина, сколько обя- тельной личности Сковороды и той неустанной проповѣди, которую онъ велъ десятки лѣтъ. Первые изъ подписав- шихся дворянъ на огромную, даже по нынѣшнему времени, сумму 618,000 рублей для основанія университета были всѣ или ученики, или друзья, или короткіе знакомые Сковороды¹⁾. А это говорить само за себя.

Сковорода, полюбя Тевяшова, воронежскаго помѣщика, жилъ у него въ деревнѣ и тутъ же написалъ сочиненіе «Икона Алки- вадская»; живаль и у другихъ помѣщиковъ, у Захоржевскаго, Щербинина, Ковалевскаго, въ монастыряхъ: старо-харьковскомъ, святогорскомъ и др. Вездѣ, гдѣ жилъ, избираль всегда уеди- ненный уголь, жилъ просто, одинъ безъ услуги.

«Харьковъ, говорить его житіе, любилъ онъ и часто посѣ- щаль его; новый тамошній начальникъ, услыша объ немъ, желаль видѣть его. Сковорода пришелъ къ нему и на вопросъ: г. Сковорода! о чемъ учить Библия? — отвѣчалъ: «О человѣ- ческомъ сердцѣ; поваренныя ваши книги учать, какъ удоволь- ствовать желудокъ, псовыя, какъ звѣрей давить, модныя, какъ наряжаться; Библия учить, какъ облагораживать человѣческое сердце». «Нѣкто изъ ученыхъ спросилъ его тутъ же: что есть философія?» — «Главная цѣль жизни человѣческой, отвѣчалъ Сковорода; глава дѣль человѣческихъ есть духъ его, мысли, сердце. Всякъ имѣеть цѣль въ жизни; но не всякъ главную цѣль, т.-е. не всякъ занимается главою жизни. Иной занимается чревомъ жизни, т.-е. всѣ дѣла свои направляетъ, чтобы дать жизнь чреву; иной очамъ, иной волосамъ, иной ногамъ и другимъ членамъ тѣла, иной же одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вещамъ; философія или любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣль своихъ на тотъ конецъ, чтобъ дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего. Когда духъ въ чело-

¹⁾ По этому поводу издатель трудовъ Сковороды, проф. Д. И. Багалъи, справедливо замѣчаетъ: «Всегда слѣдуетъ *suum cuique tribuere*. Зачѣмъ гово- рить: или Каразинъ, или Сковорода, когда въ дѣйствительности дѣйствоваль и тотъ, и другой. Г. П. Данилевскій, давшій намъ біографіи обоихъ этихъ дѣятелей, воздаеть должное и тому, и другому: онъ признаеть важныя заслуги въ дѣлѣ основанія Харьковскаго Университета и за В. Н. Каразинимъ и за Г. С. Сковородой: этого послѣдній подготовилъ почву, а первый воздѣй- ствоваль уже непосредственно на мѣстную среду. Такой точки зрѣнія держится и проф. Багалъи. (См. его предисловіе ст. LVI. Сбор. Ис.-фил. Об. т. 7.)

вѣкъ весель, мысли спокойны, сердце мирно, — то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сіе есть философія»¹).

На склонѣ лѣтъ, послѣ долгой (19-лѣтней) разлуки, сошелся опять Скворорода съ своимъ другомъ, М. И. Ковалинскимъ. Онъ пріѣхалъ къ нему въ село Хотетово, въ двадцати-пяти верстахъ отъ Орла. Скворорода привезъ къ нему сочиненія свои, которыя они ежедневно читали и много толковали; говорили и о масонахъ, въ то время волновавшихъ русское общество. «Я не знаю мартинистовъ», сказалъ Скворорода; «ни разума, ни ученія; ежели они особничаютъ въ правилахъ и обрядахъ, чтобы казаться мудрыми, то я не хочу знать ихъ; если же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, чтобы быть полезными гражданами общества, то я почитаю ихъ, но ради сего не для чего бы имъ особничествовать. Любовь къ ближнему не имѣть никакой секты: на ней весь законъ и пророки висятъ. Сверхъ того нехорошо, что эта секта «ласкательствуетъ соблазнительно суетности человѣческой, похотоугодіямъ, гордости, зависти, любостяжанію; даетъ въ мысляхъ перевѣсъ тлѣнности, въ сердцѣ поводъ къ саддукейству». Этотъ отзывъ Скворороды о масонахъ для насъ имѣетъ большое значеніе, въ виду того, что съ внѣшней стороны его ученіе какъ будто похоже на масонское, и даже были попытки въ ученой литературѣ сблизить ихъ; но при внимательномъ изслѣдованіи окажется, какъ мы увидимъ, что они во многомъ глубоко расходятся.

Иногда разговоръ его съ другомъ касался смерти. Страхъ смерти, говорилъ Скворорода, нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости. Противъ этого заблаговременно надо вооружиться, но не умствованіями, а мирнымъ расположеніемъ воли своей къ волѣ Творца и добрыми дѣлами. «Другъ мой! говаривалъ онъ: величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро. Любовь добродѣтели подобна свѣту огня; зажги огонь, тотчасъ свѣтъ осіяетъ глаза твои; возлюби, возчувствуй охоту къ добродѣтели, тотчасъ сердце твое освѣтится веселіемъ»²).

Уже въ Хотетово видно было, что здоровье Скворороды, вслѣдствіе старости и долговременныхъ странствій, значительно

¹) См. житіе Григорія Скворороды, состав. М. И. Ковалинскимъ, ст. 30, ред. Д. И. Багалѣя.

²) Житіе, ст. 37.

пошатнулось, но онъ непремѣнно хотѣлъ отправиться въ любимую Украину, чтобы умереть тамъ. Ковалинскій долго не пускалъ его, наконецъ, уступая настойчивымъ просьбамъ Сковороды, рѣшился отпустить его. Сковорода, прощаясь и обнимая друга, сказалъ: «Прости! можетъ быть больше я не увижу тебя. Помни всегда во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, что мы часто говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время».

По пути заѣхалъ Сковорода въ Курскъ къ тамошнему архимандриту Амвросію, а затѣмъ въ слободу Ивановку къ давнишнему своему знакомому, помѣщику Ковалевскому. Здѣсь онъ прожилъ около мѣсяца, но видно было, что медленно угасалъ. 29 октября 1794 г., рано утромъ, онъ скончался. На могилѣ его сдѣлана была, по его желанію, надпись: «Миръ ловилъ меня, но не поймалъ».

Философія Сковороды. Нельзя не согласиться съ проф. Багалѣмъ, что Сковорода мимо украинскихъ коллегіумовъ въ Харьковѣ и Кіевѣ, былъ любимѣйшій, ходячій коллегіумъ. То, что теперь молодежь выноситъ изъ университетовъ, жажду познаній и жажду добра и дѣла, пользы и чести, — все это выносилось тогда изъ бесѣдъ странника и чудака, украинскаго философа Сковороды. Но тайна огромнаго вліянія Сковороды на современниковъ объясняется именно тѣмъ, что въ немъ гармонически сочеталось слово и дѣло, проповѣдь и жизнь. Сковорода, при всей строгости своей жизни, все-таки не былъ аскетомъ. Соответственно этому и философія его не была философіей самоотреченія и скорби, но философія самодовольства и счастья. Его сравнивали съ Ломоносовымъ, но это сравненіе не вѣрно. Ближе къ истинѣ были тѣ изъ современниковъ, которые называли Сковороду русскимъ Сократомъ; ибо онъ и самъ избралъ въ образецъ своей дѣятельности Сократа. И дѣйствительно, Сковорода, какъ «первый русскій философъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова»¹⁾, во многомъ напоминаетъ собою отца греческой философіи Сократа²⁾.

¹⁾ Я. Колубовскій. Ибервегъ-Гейнце. Исторія новой философіи. Прил. ст. 532.

²⁾ «Задумавши вызвать русское національное самосознаніе, онъ избираетъ своимъ руководителемъ Сократа». Проф. А. Ф. Зеленогорскій. Философія Г. С. Сковороды. Вопр. фил. и псих. 1894 г. май, ст. 206.

Не найдя ни дома, ни за границею, ни въ жизни, ни въ философіи своего времени нравственнаго идеала, котораго искалъ Сковорода обратился къ древности. Онъ взялъ къ себѣ въ руководители Сократа, всю жизнь свою посвятившаго на то, чтобы будить въ отечественникахъ высшія нравственныя чувства и стремленія. Сковорода самъ о себѣ говорить, что онъ «восхотѣлъ быть Сократомъ на Руси».

Подобно Сократу, Сковорода положилъ въ основаніе своей философіи изреченіе «познай самого себя» и на эту тему написалъ цѣлый рядъ діалоговъ и бесѣдъ. Самопознаніе есть задача всей философіи вообще, философія каждаго народа есть выраженіе его самосознанія, объективное сознаніе его идеаловъ. Въ эпоху сомнѣнія и разрушенія, когда твердая почва уходитъ изъ подъ ногъ, съ особою силою чувствуется потребность въ безусловномъ, достовѣрномъ и положительномъ знаніи; въ это то время особенно важно найтись, собрать себя и познать себя до глубины: нужно понять смыслъ и цѣль своей жизни и дѣятельности, разобрать, что мы знаемъ и чего не знаемъ, что намъ нужно знать и дѣлать, что мы можемъ и чего не можемъ, чему намъ вѣрить, чему служить, чѣмъ и какъ жить? Въ древнегреческой жизни, въ періодъ процвѣтанія софистики, когда все составляло предметъ сомнѣнія и критики, какъ нельзя болѣе кстати явился Сократъ, который углубилъ сознаніе человѣческое и призвалъ его къ познанію вѣковаго, истиннаго, безусловнаго.

Въ XVIII в. въ З. Европѣ и въ Россіи повторились времена софистики: съ одной стороны философы-энциклопедисты разливали повсюду ядъ сомнѣнія и критики, подрывая вѣру въ старые идеалы, не давая ничего прочнаго и положительнаго; съ другой стороны мистики-масоны звали въ какія-то невѣдомыя области, поселяя въ душѣ человѣческой рядъ сомнѣній и колебаній; въ это время какъ нельзя болѣе кстати въ русскомъ обществѣ является русскій Сократъ Сковорода для того, чтобы призвать его къ безусловному и вѣковому, показать ему, въ чемъ заключается истинное человѣческое счастье и истинное благо. Сковорода, какъ и Сократъ, былъ не только философомъ, но и учителемъ и религіознымъ проповѣдникомъ, стремившимся произвести нравственную реформу. Сковорода, какъ и Сократъ,

былъ доступенъ, со всѣми публично бесѣдоваль, но не со всѣми одинаково, открываясь вполнѣ лишь немногимъ.

По Сократу истиннаго знанія нельзя ни взять, ни сдѣлать, его можно только родить въ себѣ. Отъ такого знанія зависитъ добродѣтель, отъ ложнаго же знанія вытекають заблужденія и пороки. Добродѣтель воспитывается въ людяхъ, какъ и знаніе, ученіемъ и упражненіемъ. Мудрость есть высшее благо. Въ постоянномъ самоиспытаніи, при неусыпномъ вниманіи къ себѣ, онъ находилъ на каждомъ шагу въ великомъ и маломъ столь очевидные слѣды Божественнаго Промысла, что сомнѣніе казалось ему невозможнымъ. Жизнь духа представлялась ему непрестаннымъ общеніемъ съ Божествомъ. Къ этому стремился и Сковорода. Задумавши вызвать русское національное самосознаніе, Сковорода избираетъ своимъ руководителемъ Сократа. «Куда мы слѣпы, говоритъ онъ, въ томъ, что нужно намъ есть. Въ Руси многіе хотятъ быть Платонами, Аристотелями, Зенонами, Эпикурами, а о томъ не рассуждаютъ, что Академія, Лицей и Портикъ произошли изъ науки Сократовой, какъ изъ яичнаго желтка цыпленокъ вывертывается. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, дотолѣ не быть ни своему Платону, ни другому философу!»

Поэтому Сковорода «замыслилъ умомъ и пожелалъ волею быть Сократомъ въ Руси». Сковорода чувствуетъ, что настало время народженія философіи въ Россіи. «Она уже треплется во чревѣ матери своей, но только Анна слышитъ, какъ выгрался младенецъ во чревѣ Маріиномъ». Въ томъ раздвоеніи, которое онъ замѣчаетъ среди русскаго общества, Сковорода видитъ знаменіе времени, т.-е. близость появленія философіи въ Россіи.

Почти полжизни своей посвятилъ Сковорода на просвѣтельную дѣятельность, на борьбу съ невѣжествомъ и суевѣріемъ. «Нѣтъ смертоноснѣе для общества язвы, говоритъ онъ, какъ суевѣріе, листовіе лицемѣрамъ, маска мошенникамъ, стѣнь тунеядцамъ, стрѣкало и поджога дѣтоумнымъ».

Прежде всего Сковорода ведетъ борьбу противъ бездушной обрядности и внѣшности въ области религіи и нравственности. «Обрядъ безъ силы Божіей — пустошь», говоритъ онъ (предисловіе къ Харьковскимъ баснямъ). Въ сочиненіи «Брань Архи-

стратига Михаила съ Сатанюю» Сковорода рѣзко высказывается противъ лицемѣровъ: «Они, говоритъ онъ, мартышки истинныя святости».

«Истина безначальна» — вотъ основное мировоззрѣніе Сковороды¹⁾.

Въ частности Сковорода протестуетъ и противъ узкаго пониманія православія и христіанства. Истина, по его воззрѣнію, открывалась Богомъ не однимъ іудеямъ и христіанамъ, но и язычникамъ, равно какъ добрая нравственность не есть лишь принадлежность однихъ христіанъ; въ древнемъ языческомъ мірѣ нерѣдко процвѣтала высокая нравственность.

Сковорода много заимствовалъ также у Платона. «Дѣйствительно, говоритъ проф. О. А. Зеленогорскій²⁾, при чтеніи сочиненій Сковороды не разъ убѣждаешься въ томъ, что онъ непосредственно знакомъ былъ съ сочиненіями Платона и находился подъ сильныхъ вліяніемъ ихъ въ своей умозрительной философіи. Напримѣръ, опредѣленіе философіи составлено въ духѣ Платона, который ставилъ философію высшею и главною цѣлью жизни человѣка и высшее благо его — въ зависимости отъ достиженія этой цѣли. Опредѣленіе души, ея природы и жизни тоже заимствовано у Платона, какъ объ этомъ говорится въ діалогахъ «Федонъ», «Федръ», «Тимей» и др. «Душа есть *perpetuum mobile*, движимость непрерывная», говоритъ Сковорода въ духѣ Платона³⁾. Изреченіе «познай самого себя» истолковывается Сковородою также въ смыслѣ Платона и его философіи, т.-е. познай свою высшую природу, духъ, разумъ. Сковорода въ «Диалогѣ или разглаголѣ о древнемъ мірѣ» старается наглядно представить и выяснить теорію идей Платона. Есть мѣста у Сковороды, кои весьма напоминаютъ стоическую умозрительную философію. Кое-что несомнѣнно онъ позаимствовалъ и у Филона Александрійскаго, котораго Ковалинскій ставитъ въ числѣ «любимѣйшихъ авторовъ Сковороды»⁴⁾. Филонъ занимается тол-

¹⁾ См. Разговоръ, называемый Алфавитъ и Букварь міра.

²⁾ Философія Г. С. Сковороды «Вѣстн. Филос. и Психол.», май, 1894 г., ст. 222.

³⁾ Разговоръ о душевномъ мірѣ.

⁴⁾ Напомнимъ читателямъ сущность философіи этого мыслителя. Система Филона Александрійскаго (живш. между 30 и 50 г. по Р. Х.) представляетъ соединеніе греческой философіи, преимущественно платонизма, съ іудейскимъ богословіемъ. Исходнымъ пунктомъ системы Филона составляетъ идея Боже-

кованіемъ Библіи, то же дѣлаеть Сковорода. Филонъ ищетъ въ Библіи аллегорическаго смысла, Сковорода — то же самое Филонъ усматриваетъ въ Библіи зародышъ истины и всякаго знанія: также смотритъ на Библію и Сковорода. Филонъ платонизируетъ (*πλατωνίζει*), Сковорода также особенно симпатизируетъ философіи Платона.

Ученіе Сковороды о Богѣ, существующемъ внѣ міра, единомъ и нераздѣльномъ по существу, свободно по волѣ и хотѣнью творящемъ міръ, находится также у Филона. Въ самомъ толкованіи идей Платона, Сковорода руководится, повидимому, Филономъ же, потому что слишкомъ настаиваетъ на томъ, что вещи суть только отобразы, отпечатки идей, тѣнь идей.

Но Сковорода сверхъ того христіанскій мыслитель. Онъ высоко ставитъ ученіе Христа — Евангеліе, любитъ его и понимаетъ, а потому ученіе его шире и глубже. «Но кто насъ выведетъ изъ преисподняго рова? — спрашивалъ онъ. Кто возведетъ на гору Господню? Гдѣ ты, свѣте нашъ Христе Іисусе? Ты одинъ говориши истину въ сердцѣ твоёмъ¹⁾. Слово твое истина есть. Евангеліе твое есть зажженный фонарь, а ты въ немъ Самъ свѣтомъ. Вотъ единственное средство къ избѣжанію обмана и тмы незнанія²⁾».

Библію Сковорода вездѣ и всегда высоко ставитъ и къ числу заслугъ его должна быть отнесена попытка самостоятельно, философски освѣтить Библію. Онъ вездѣ, гдѣ только приходится говорить о Библіи, произноситъ ей самыя щедрія похвалы.

«Священное писаніе есть райская пища и врачество моихъ мыслей³⁾».

ства. Онъ имѣетъ столь высокое представленіе о возвышенности Бога надъ всѣмъ конечнымъ, что, по его мнѣнію, его величію не соотвѣтствуетъ ни одно понятіе, ни одно имя; Богъ является для него совершеннѣе, чѣмъ всякое совершенство, лучше, чѣмъ благо; съ другой стороны, Богъ долѣнъ искони заключать въ себѣ всякое бытіе и всякое совершенство, ибо лишь отъ него они могутъ притекать къ конечному. При составленіи понятія о матеріи, Филонъ слѣдуетъ Платону, нерѣдко называя ее *μή οὐ*. Наивозможное отрѣшеніе отъ чувственности — главное требованіе этики Филона. (См. Целлеръ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Перев. подъ ред. М. Каринскаго. С.-Пб. 1886 г., стран. 271—275).

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ Наркиссъ. Разговоръ 7-й о истинномъ человѣкѣ или о воскресеніи, ст. 30.

³⁾ Ib., ст. 4.

«Знай, что библія есть вдова горлица, ревнующая и воздыхающая въ пустынѣ о единомъ ономъ мужѣ: Богъ любви есть»¹).

«Бѣдняче! досе-ли не знаешь, что царскій врачевный домъ есть святѣйшая Библія. Тамъ аптека, тамъ больница горная и ангели, а внутрь тебѣ самъ архіаторъ. Въ семь одномъ домѣ можешь сыскать врачевство для искорененія сердца твоего ядовитыхъ и мучительныхъ непріятелей»²). Скворода называетъ Библію матерью³). Библія говоритъ о себѣ: «Я состою съ тѣхъ же словъ и рѣчей, что вы (свѣцкія книги), да и съ гораздо худшихъ и варварскихъ. Но въ невкусныхъ рѣчи моей водахъ, какъ въ зеркалѣ, боголѣпно сіяетъ невидимое, но пресвѣтлѣйшее око Божіе, безъ котораго вся вапа польза пуста, а краса мертва»⁴).

Любовь Сквороды къ Библіи такъ велика, что онъ злоупотребляетъ нерѣдко библейскими текстами и порой черезчуръ даже уснащаетъ ими рѣчь; по этому поводу справедливо говоритъ одинъ изъ его собесѣдниковъ, Аванасій «Ты толь загустилъ рѣчь твою библейнымъ лоскутьемъ, что нельзя разумѣть». На это Скворода, словами Лонгина, отвѣчаетъ: «Признаю мою горячую страсть. Правда, что изъ самыхъ младенческихъ лѣтъ тайная сила и маніе влечетъ меня къ нравоучительнымъ книгамъ и я ихъ паче всѣхъ люблю: они врачуютъ и веселятъ мое сердце, а Библію началъ читать около тридцати лѣтъ рожденія моего, но сія прекраснѣйшая для меня книга надъ всѣми моими полюбовницами верхъ одержала, утоливъ мою долговременную алчбу и жажду хлѣбомъ и водою, сладчайшей меда и сота Божіей правды и истины, и чувствую особливую мою къ ней природу»⁵).

Для насъ важно, что Скворода не послѣдовалъ за рационалистами XVIII вѣка. Проф. Н. О. Сумцовъ находитъ много общаго въ дѣятельности Сквороды съ дѣятельностью масоновъ. Дѣйствительно, между нимъ и масонами находятся общія точки соприкосновенія, въ видѣ особаго расположенія къ ветхозавѣтнымъ книгамъ, мистическаго ихъ толкованія, равнодушія къ догматической сторонѣ христіанства, строго аскетическаго образа жизни

¹) Врата Господня, ст. 79.

²) Разговоръ, называемый Алфавитъ или Букварь мира, ст. 116.

³) Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ, ст. 110—111.

⁴) Басни Харьковскія, б. 22, ст. 164.

⁵) Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ, ст. 110—111.

и стремленіе ученіемъ о нравственности и личною нравственною жизнью поднять нравственный уровень общества, въ чемъ Сковорода сходилъ съ лучшими русскими масонами Новиковымъ, Лопухинымъ и въ особенности съ Гамалѣй. Но, какъ мы сказали, Сковорода глубже и шире масоновъ, его ученіе тверже, такъ какъ болѣе построено на философскихъ и христіанскихъ основаніяхъ.

Для философа Сковороды вѣра имѣетъ большое значеніе. «Печись прежде всего уразумѣть, что значить вѣра. Нѣтъ нужнѣе ея. Но знай, что нигдѣ ее не найдешь, если не выроешь искры ея прежде внутрь себе»¹). «Вѣра есть извѣщеніе невидимыхъ». «Она есть око прозорливое, сердце чистое, уста отверстыя. Она едина видитъ свѣтъ, во тьмѣ стихійной свѣтящейся, любить и благовѣститъ Его (нетлѣннаго человѣка — Христа Иисуса)». «Едина токмо вѣра видитъ чуднаго онаго человѣка, коего тѣнь всѣ мы есмь»²).

Практическая философія Сковороды находится съ самой тѣсной связи съ умозрительной — для истинно счастливой жизни нужно знаніе и мудрость. Нельзя не поставить въ большую заслугу Сковородѣ, что онъ выступилъ проповѣдникомъ идеи національности, въ то время, какъ на Западѣ господствовала идея космополитизма. Стоя на національной точкѣ зрѣнія, Сковорода понялъ, что и русская философія, подобно западнымъ, можетъ возникнуть, развиться и укрѣпиться, только опираясь на великихъ мыслителей древности: Сократа, Платона, Аристотеля и др. Это, справедливо замѣчаетъ проф. Багалѣй, служить яркимъ свидѣтельствомъ независимости и самостоятельности его ума³).

Педагогическіе взгляды. Но безъ сомнѣнія, для насъ особенно важными являются педагогическіе взгляды Сковороды. Къ сожалѣнію, такъ какъ только часть его трудовъ издана, то мы и не имѣемъ возможности дать о нихъ полный отчетъ.

Въ «разговорѣ, называемомъ Алфавитъ или Букварь мира», Сковорода совѣтуетъ учителю долго учиться и подавать примѣръ своей собственной жизнью:

¹) Разговоръ, называемый Алфавитъ или Букварь мира, ст. 138.

²) Діалогъ или разглаголь о древнемъ мірѣ.

³) 7 т. Сбор. Харьков. Истор. фил. общ.

«Долго самъ учишь, если хочешь учить другихъ. Во всѣхъ наукахъ и художествахъ плодомъ есть правильная практика. А ты, проповѣдуя слово истины Божія, утверждай оное непорочнаго житія чудесами. Нельзя построить словомъ, если тое-жь самое разорять дѣломъ. Сіе значить давать правила для корабельнаго строенія, а дѣлать телѣгу. Безъ святости житія корабельнымъ мастеромъ, можетъ быть, можно сдѣлаться, но проповѣдникомъ никакъ нельзя, развѣ мартышкою его» (ст. 138—139).

Въ «Притчѣ нареченной Еродій» бесѣдуетъ обезьяна съ птенцомъ Еродьевымъ о воспитаніи. Въ посвятельномъ письмѣ къ С. Н. Дятлову Сковорода объясняетъ такъ слово Еродій; это греческое слово и значить боголюбный: птица эта (аистъ) въ Священномъ Писаніи является символомъ благодарности, прозорливости и челоуѣколюбія; она кормитъ и носитъ родителей, особенности престарѣлыхъ и гнѣздится на высокихъ мѣстахъ. Ты самъ отецъ, говоритъ Сковорода Дятлову, и воспитываешь своихъ дѣтей. Я-же твой другъ принесъ плетенку сію. «Всѣй въ нихъ зерно сіе сиде: яко живетъ средѣ васъ нѣчтось дивное, чудное, странное и преславное, имущее явитися во свое ему время. Ничимъ же бездна сія, сердце ваше уловляется, токмо сама собою и тогда то въ немъ сіяетъ вѣчная радости весна». И дѣйствительно, здѣсь Сковорода возстаетъ противъ бездушной, формальной системы воспитанія, представителемъ которой является обезьяна и проводитъ мысль (словами Еродія) о необходимости внутренняго воспитанія и образованія (сердца) и развитія природныхъ способностей. Обезьяна (Пишекъ) удивляется, почему Еродій не получилъ блестящаго воспитанія. «О мой Боже! Вездѣ цвѣтутъ славныя училища, въ коихъ всеязычныи обучаютъ попугаи. Для чего онъ (родитель) васъ не отдавалъ?» Еродій на это отвѣчаетъ, что «онъ (отецъ) самъ великій къ сему охотникъ, а мать ему во всемъ послѣдуетъ. Онъ славословитъ, яко двѣ суть главныя родительскія должности сіи: благо родить и благо научить. Буде же отецъ извиняется скудостію времени, прощается тогда, когда обрящетъ лучшее дѣло. Но ничто же лучше есть благаго воспитанія; ни чинъ, ни богатство, ни фамилія, ни милость вельможъ, развѣ благае рожденіе. Оно едино есть лучше всего и сего яко сѣмя щастію и зерно воспитанію» (ст. 230).

Далѣ онъ замѣчаетъ: «Рожденнаго на добро не трудно научить на добро, хотъ научить, хотъ навичить, хотъ извичить. Хотъ ученый, хотъ звычайный, хотъ привычный есть тоже. Отъ природы, яко матери, легесенько спѣеть наука собою. Сія есть всеродная и истинная учительница и единая. Сокола вскорѣ научишь лѣтатъ, но не черепаху. Орла во мгновеніе навичишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Еленя легко исправишь на Кавказныя горы, привлечешъ пить безъ труда изъ чистѣйшихъ нагорныхъ водотечей, но не вельблюда и не вепря. Аще всяческая строить премудрая и блаженная натура, тогда какъ не едина она и исцѣляетъ и научаетъ? Всякое дѣло спѣеть, аще она путеводствуетъ. Не мѣшай только ей, а если можешь, отвращай препятствія и будьто дорогу ей очищай; во-истину сама она чисто и удачно совершить. Клубокъ самъ собою поточится изъ горы: отними только ему препятствующій претыканія камень. Не учи его катиться, а только помогай. Яблони не учить родить яблока: уже сама натура ее научила. Огради только ее отъ свиней, отрѣжь волчцы, очисти гусень, отвори устремляющуюся на корень ея урыну и протчай. Учитель и врачъ — нѣсть врачъ и учитель, а только служитель природы, единственныя и истинныя и врачевницы и учительницы. Буде кто чего хочетъ научиться, къ сему подобаетъ ему родитися. Ни чтоже отъ человѣкъ, отъ Бога же вся возможна суть... Воспитаніе же истекаетъ отъ природы, вливающія въ сердце сѣмя благія воли, да по малу-малу, безъ препятствій возросши, самовольно и доброхотно дѣлаемъ все тое, еже свято и угодно есть предъ Богомъ и человѣки. Коликое идолопоклонство восписывать человѣческимъ наукамъ и человѣческимъ языкамъ восприносить и воспричитать воспитанію? Кая полза ангельскій языкъ безъ добрыя мысли? Кій плодъ тонкая наука безъ сердца благаго?... Природа благая есть всему начало и безъ нея ничто же бысть, еже бысть благо. Вторая же икона Божія намъ есть мати наша. Сего ради главнымъ Божиимъ дарованіемъ одаренъ чрезъ родителей моихъ: все протчее человѣческое; чинъ, богатства, науки и всѣ вѣтроносныя ихъ блонды и пукли съ кудрями вмѣняю во хвостъ, безъ коего голова и живетъ и чтится, и веселится, но не хвостъ безъ головы» (ст. 222—223). Далѣ Еродій говоритъ, что «благая природа и врода есть благое

сердце, сердце же благое есть тоже, что приснотекущій источникъ, точащій чистыя вѣчно струи, знай, мысли» (ст. 223). Затѣмъ онъ совѣтуетъ учиться «единныя благодарности». «Знай, что всѣ прочія науки суть рабыни сея царицы. Благодарность есть твердь и здравіе сердца, приѣмлющаго все во благо и укрѣпляющагося. Плоды блаженныя жизни суть радость, веселіе и удовольствіе; корень же ихъ и древо благо листовное есть тишина сердечная, а кореню зерномъ благодарность. Она есть духъ чистый, тихій, благодушный, благовонный, весна и ведро свѣтлаго смысла» (ст. 224). «Изъ неблагодарности же (рождается) уныніе, тоска и жажда, изъ жажды зависть, изъ зависти — лезть, хищеніе, татьба, кровопролитіе и вся беззаконій бездна... Симъ образомъ живетъ весь мырь» (ст. 226). Сыне! храни сердце твое. Разжевавъ скажите такъ: сыне! отвори очи твои отъ суетъ мырскихъ, перестань примѣчать враки его; обрати сердечное око твое во твое же сердце» (231).

Итакъ въ основѣ Еродіеваго воспитанія лежатъ три обязанности: 1) благо родить, 2) сохранить птенцамъ здоровье, 3) научить благодарности.

Въ притчѣ «Убогіи Жайворонокъ» ведется разговоръ о спокойствіи; бесѣдуютъ тетервакъ и убогіи жаворонокъ. Тетервакъ, налетѣвъ на ловчую сѣть, началъ съ жадностью поѣдать зерно и развивать свою теорію о необходимости богатства въ жизни и хорошаго положенія въ обществѣ, хотя и безъ внутренней добродѣтели. Къ сему вскорѣ присоединилась цѣлая компанія тетервей и они устроили себѣ настоящій пиръ въ чужомъ добрѣ. Пролетавшій мимо жаворонокъ получилъ приглашеніе раздѣлить съ ними ихъ трапезу, но отказался, на томъ основаніи, что онъ боится чужаго добра, а на обратномъ пути узналъ, что всѣ тетерваки, за исключеніемъ перваго и его племянника, погибли, хотя и эти послѣдніе были сильно помяты и едва спаслись. Жаворонокъ вернулся къ своему отцу Алаудѣ, который посылалъ его звать гостей на устроенный имъ пиръ. Пиръ этотъ былъ очень скромный и благочестивъ. «Алауда, во слухъ многихъ мужей, юношъ и отроковъ научалъ сына такъ: сыне мой едиnorodный! приклони ухо твое. Услыши гласъ отца твоего и спасешия отъ сѣти, якоже серна отъ ловцовъ. Сыне! да болитъ тебѣ ближняго бѣда? Источникъ рѣкамъ и морямъ есть

главою. Бездна же сердечная есть глава и источникъ всѣмъ дѣламъ и всему міру. Ты же, сыне мой, читая книгу видимаго и злаго сего міра, возводи сердечное твое око во всякомъ дѣлѣ на самую главу дѣла, на самое сердце его, на самый источникъ его, тогда, узнавъ начало и сѣмя его, будешь правъ судія всякому дѣлу, видя главу дѣла и самую исту, истина же избавитъ тя отъ всякія напасти» (ст. 243).

При трапезѣ у Алауды не было критики, осуждающей чуждую жизнь и проникающей въ тайные закоулки людскихъ беззаконій (что такъ часто дѣлается). Бесѣда была о дружбѣ, о чистотѣ и спокойствіи сердечномъ, о истинномъ блаженствѣ, о твердой надеждѣ, улаждающей всѣ житейскія горести» (ст. 245).

У Сквороды есть превосходное мѣсто о народномъ воспитаніи¹).

Учителю надлежитъ быть вездѣсущимъ въ народѣ: ибо «изводъ» образованія долженъ быть изъ народа, народный; долгъ же учителя познать необходимость, мѣру, примѣръ и свойство «исты» образованія и сочетать себя съ народомъ, т.-е. изводъ съ истою или форму съ идеей. Какое идолопоклонство восписывать выписаннымъ мудрецамъ и наемнымъ учителямъ изъ нѣмцевъ и французовъ силу восприносить и воспричитать чуждому воспитанію! Самое воспитаніе скрывается въ природѣ каждаго народа, какъ огонь и свѣтъ невидимо скрываются въ кремешкѣ. Приставъ же губку либо трутъ, не пожалѣй руки и ударъ кресаломъ и выкрасишь огонь у себя дома, и не будешь ходить по сосѣднимъ хатамъ съ «трепетицею» кланяться и просить займи мнѣ огня! Учителю подобаетъ быть изъ среды народа русскаго, а не нѣмцу и не французу. Не чуждому воспитанію должно быть привиту къ русскому человѣку, а своему родному. Нужно его умѣть силой найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ образомъ его обратить въ нашу же жизнь». «Всякій долженъ узнать свой народъ и въ народѣ себя. Русь ли ты? будь ею: вѣрь православно, служи царицѣ право, люби братію «нравно». Все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ своей мѣрѣ, и все

¹) Къ сожалѣнію, оно не издано теперь, и мы съ точностію не знаемъ, изъ какого діалога оно взято. Не изъ «Симфоніи ли о народѣ»? Прив. у Хиждеу въ біографіи Сквороды. «Телескопъ». 1835, XXVI.

прекрасно, что чисто природно, т.-е. не поддѣлано, не подмѣшано, но по своему роду».

Русь не русская представляется Сковородѣ диковинкой, «какъ если бы родился человѣкъ съ рыбимъ хвостомъ и головою».

Источники и пособія.

Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалъемъ. Юбилейное изданіе (1794—1894 г.). 7-й томъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Харьковъ. 1894 г. Г. П. Данилевскій, Украинская Старина. Харьковъ. 1862 г. Э. А. Зеленогорскій. Философія Г. С. Сковороды. Въ журн. «Вопросы философіи и психологіи», №№ 3 и 4, 1894 г. Н. Стелецкій. Странствующій украинскій философъ Г. С. Сковорода. Труды Кіев. Дух. Акад. №№ 7—8, 1894 г.

ГЛАВА XXXIII.

Н. И. Новиковъ, его просвѣдительная и литературно-педагогическая дѣятельность. Московскіе масоны.

Н. И. Новиковъ. Николай Ивановичъ Новиковъ, извѣстный дѣятель русской литературы и просвѣщенія, родился 27 апрѣля 1744 г. въ селѣ Тихвинскомъ-Авдотинѣ, Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи. Отецъ его служилъ въ морскомъ вѣдомствѣ и былъ человѣкомъ довольно состоятельнымъ. Несмотря, однако, на это, первоначальное образованіе Николая Ивановича было самое скудное. Есть извѣстіе, что въ дѣтствѣ учился онъ только у деревенскаго дьячка. Очень вѣроятно, что тутъ должно разумѣть только первоначальные уроки грамоты, которые онъ бралъ, живя съ родителями въ подмосковной деревнѣ. Первоначальное воспитаніе Новикова, вѣроятно, было сходно съ тѣмъ, которое получилъ Фонвизинъ, свидѣтельствовавшій о набожности своихъ родителей, о посѣщеніи имъ съ малолѣтства церковныхъ службъ, о чтеніи священныхъ книгъ, о толкованіяхъ на нихъ своего отца и пр.¹⁾ Это направленіе Новиковъ сохранилъ въ теченіе всей своей жизни. Когда въ 1755 г. учрежденъ былъ въ Москвѣ университетъ, съ двумя гимназіями при немъ, то родители Новикова вскорѣ отдали его въ дворянскую гимназію, такъ

¹⁾ Соч. Фонвизина, изд. Смирд., ст. 488.

какъ имя его въ 1758 г. значится въ спискѣ учениковъ, достойныхъ награды, и три года находилось въ росписи гимназистовъ, записанныхъ во французскомъ классѣ. Изъ гимназій Новиковъ не вынесъ знанія языковъ. Это не удивительно, если вспомнить рассказы Фонвизина о гимназическомъ учени. Однако, несмотря на это, Фонвизинъ признается, что университету онъ обязанъ «вкусомъ къ словеснымъ наукамъ»¹⁾. Несомнѣнно, что вліяніе университета на его питомцевъ было благотворное, несмотря на неудовлетворительную постановку учебнаго дѣла въ гимназій. Очень вѣроятно, что недолгое пребываніе въ немъ оставило доброе сѣмя и въ Новиковѣ. Въ 1760 г. мы находимъ фамилію Новикова, въ числѣ исключенныхъ «за лѣность и нехожденіе въ классы». И такъ шестнадцати лѣтъ Новиковъ выбылъ изъ университета. Въ январѣ 1762 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ для поступленія въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ. Шесть мѣсяцевъ проходилъ онъ въ чинѣ солдата школу гвардейской службы. Съ восшествіемъ на престолъ императрицы Екатерины II, Новиковъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Можно полагать, замѣчаетъ М. Н. Лонгиновъ, что Новиковъ старался вознаградить потерянное время и сталъ заниматься чтеніемъ и ученіемъ, пользуясь свободнымъ временемъ, въ которомъ не могло быть у него недостатка при легкой гвардейской службѣ временъ Екатерины II. По крайней мѣрѣ, онъ выдался изъ ряда своихъ сверстниковъ въ 1767 г., когда въ Москву были отправлены молодые гвардейцы, для занятій письмоводствомъ въ знаменитой комиссіи депутатовъ для составленія проекта новаго уложенія, то въ числѣ ихъ былъ Новиковъ. Онъ составлялъ дневныя записки по отдѣленію «о среднемъ родѣ людей» и кромѣ того велъ журналы Общаго Собранія Депутатовъ, которые и читалъ при докладахъ императрицѣ, узнавшей его тогда лично. Въ 1768 г. Новиковъ, произведенный въ прапорщики, получилъ отставку съ чиномъ поручика, и служба его кончилась навсегда. Дальнѣйшая дѣятельность его при всѣхъ ея разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ посвящена исключительно дѣлу русскаго просвѣщенія. Она сама собою распадается на два главные періода. Первый, который можно назвать

¹⁾ Соч. Фонвизина, ст. 490.

петербургскимъ, представляетъ Новикова сначала живымъ, отзывчивымъ журналистомъ, карающимъ смѣшныя и гнусныя стороны современнаго ему общества, а потомъ усерднымъ собирателемъ матеріаловъ для Исторіи Россіи и ея литературы; періодъ этотъ оканчивается 1779 г.

Съ 1779 г. начинается періодъ московскій. Тутъ Н. И. Новиковъ, выработавшій окончательно свои убѣжденія и характеръ, является лицомъ уже вполнѣ самостоятельнымъ, проводящимъ въ жизнь свое ученіе и распространяющимъ въ Россіи просвѣщеніе.

Сатирическіе журналы 1769—1774 гг. находили обильную пищу для осмѣянія человѣческихъ слабостей и пороковъ, имѣя дѣло съ русскимъ обществомъ, которое представляло тогда картину самую пеструю и разнообразную. Въ немъ сталкивались лицомъ къ лицу и шли нерѣдко рядомъ самыя противоположныя крайности. Рядомъ съ поклоненіемъ самымъ дурнымъ сторонамъ и формамъ устарѣлыхъ нравовъ, встрѣчалось безусловное увлеченіе всѣмъ новымъ, какъ бы ни было оно пошло или нелѣпо. Суевѣріе и ханжество жили богу о богу съ дешевымъ и циничнымъ атеизмомъ и т. п. Осмѣяніе всѣхъ этихъ уродливыхъ явленій составляло главную задачу тогдашней сатирической журналистики, въ которой принимала участіе сама императрица Екатерина II. И среди тогдашнихъ сатирическихъ журналовъ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто занимаютъ журналы Новикова: «Трутень», «Живописецъ» и «Кошелекъ». Въ числѣ важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ, выступающихъ на страницахъ этихъ журналовъ, мы находимъ также вопросъ о воспитаніи.

Подъ сатирической формой слышится глубокое негодованіе противъ соотечественниковъ, такъ рабски слѣдовавшихъ даже въ дѣлѣ воспитанія всему иностранному и такъ наивно-довѣрчиво ввѣрившихъ судьбу своихъ дѣтей въ руки иностранцевъ-гувернеровъ. Это негодованіе ясно слышится, напр., въ «Вѣдомостяхъ изъ Кронштадта». Говоря, что на дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ Бордо корабль, привезшій 24 французовъ, сатирикъ восклицаетъ: «Любезные сограждане, спѣшите нанимать сихъ чужестранцевъ для воспитанія вашихъ дѣтей! поручайте немедленно будущую подпору государства симъ побродягамъ

и думайте, что вы исполнили долгъ родительскій, когда наняли въ учителя французовъ, не узнавъ прежде ни знанія ихъ, ни поведенія»¹⁾).

Первымъ журналомъ Новикова былъ «Трутенъ», выходившій въ 1769 и 1770 гг. Этотъ журналъ свидѣтельствуетъ о необыкновенной способности Новикова быть журналистомъ, то есть посредствомъ живого, ловкаго выбора статей и направленія ихъ, сообщать изданію единство и интересъ, приспособляя его вполне къ потребностямъ времени. Двѣ опредѣленные ясныя идеи проходятъ сквозь все содержаніе Трутня; во имя ихъ сатирикъ обличаетъ современную ему дѣйствительность. Во множествѣ большихъ статей и мелкихъ замѣтокъ «Трутенъ» высказываетъ ту мысль, что мы, отказавшись отъ всего прошлаго нашей жизни, отъ нравовъ и обычаевъ предковъ, сдѣлавшись слѣпыми подражателями всему французскому, вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли и добродѣтели нашихъ предковъ, въ большинствѣ случаевъ промѣняли наше старое родное добро на новое чужое зло, какъ промѣниваемъ «разныя домашнія наши бездѣлицы, какъ-то: пеньку, желѣзо, юфть, сало, свѣчи, полотно и проч. на нужные намъ товары: шпаги французскія разныхъ сортовъ, табакерки черепаховыя, бумажныя, сургучныя; кружевы, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякія такъ называемыя галантерейныя вещи»²⁾. Въ старину думали (говорить сатирикъ), что для украшенія разума науками надлежитъ цѣлый жить вѣкъ, то-есть посвятить себя наукамъ, отстать отъ всѣхъ должностей въ обществѣ, вѣкъ учиться и быть полезнымъ проповѣдываніемъ добродѣтели согражданамъ своимъ, а наконецъ и самому себѣ въ тягость; изъ чего сдѣлали пословицу: «Вѣкъ живи и вѣкъ учись». Но молодые наши дворяне, увидя ясно невѣжество предковъ своихъ, изъ сего заблужденія вышли, и изъ стараго правила сдѣлали новое: «недѣлю учися и вѣкъ живи». Явилась новая наука, называемая «украсить голову по французски». Вообще главной причиною паденія нравовъ Новиковъ считаетъ дурное воспитаніе русскаго юношества, — воспитаніе, получаемое отъ проходимцевъ французовъ-гувернеровъ. «Какою

¹⁾ Трутенъ. Н. И. Новиковъ 1769—1770 гг. Изд. Ефремова. С.-Пб. 1865 г., ст. 100—101.

²⁾ Трутенъ. Изд. 3-е (Ефремовъ). С.-Пб. 1865, ст. 38.

благодарностью должны мы французамъ (писатьъ въ Трутнѣ щеголиха); они насъ просвѣщаютъ». «Мы и съ хлѣбомъ и съ деньгами нашими безъ французовъ были бы дураки. Они еще дьошево продаютъ о насъ свои попеченія»..... «По смерти батюшкиной приѣхала въ Москву и увидѣла, что я была совершенная дура, я не умѣла ни танцевать, ни одѣваться и совсѣмъ не знала, что такое мода. Вотъ до какой глупости отцы, подобные моему, дѣтей своихъ доводятъ!» Но изъ всего тона разсказа видно, что Новиковъ отдаетъ предпочтеніе воспитанію деревенскому, даже обошедшемся безъ образованія, и что онъ смѣется надъ моднымъ французскимъ воспитаніемъ.

«Живописецъ», второй журналъ Новикова, сталъ выходить черезъ два года послѣ прекращенія «Трутня». Онъ посвященъ былъ автору комедіи «О время!», т. е. императрицѣ Екатеринѣ II¹⁾. Посвященіе это весьма замѣчательно. Новиковъ приноситъ автору комедіи благодарность за первую пьесу, написанную въ русскихъ нравахъ и изображающую рѣзкими чертами пороки соотечественниковъ. Онъ убѣждаетъ автора продолжать писать для исправленія нравовъ и для доказательства, что «дарованная умамъ россійскимъ вольность употребляется въ пользу отечества». Затѣмъ онъ прибавляетъ, что примѣръ автора комедіи «О время!» побудилъ и его къ подражанію, причемъ онъ особенно желаетъ, чтобы журналъ его хотя нѣсколько ему уподобился.

Что касается собственно педагогическихъ статей въ первыхъ журналахъ Новикова, то онѣ невелики по объему и не высказываютъ подробныхъ, ясно выработанныхъ, педагогическихъ воззрѣній. Но это и понятно, такъ какъ Новиковъ очень рано выступилъ на поприще общественной дѣятельности, когда ему было всего 25 лѣтъ, и тогда слѣдовательно такихъ определенныхъ воззрѣній и не могло быть, ибо, говоря его же словами, сказанными гораздо позже: «воспитаніе — тонкая наука, требующая для своего усвоенія чтенія, опыта, размышленія». Такія свои педагогическія воззрѣнія Новиковъ, умудренный опытомъ и знаніемъ, выразилъ значительно позже въ цѣломъ рядѣ серьезныхъ статей по педагогикѣ, или имъ самимъ написанныхъ, или помѣщенныхъ имъ въ своихъ журналахъ.

1) Напечатанной эту пьесу въ 1772 г.

Въ «Живописцѣ» Новиковъ уже нападаетъ на недостатки стариннаго воспитанія и показываетъ результаты плохого ученія. Такъ въ статьѣ «Слѣдствія худого воспитанія» авторъ говоритъ, что родители его «всегда другъ друга не только всякими бранными словами, какія вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались или бы людей на конюшнѣ плетьюми не сѣкли. Я, будучи въ домѣ ихъ воспитанъ и имѣя вседневно на глазахъ таковыя поступки моихъ родителей, чрезмѣрную возымѣлъ къ нимъ склонность и положилъ за правило себѣ во всемъ онымъ послѣдовать». Авторъ говоритъ, что ничему не хотѣлъ учиться и слѣдствіемъ дурнаго воспитанія было то, что за безнравственное поведеніе отецъ выгналъ его изъ дому и лишилъ наслѣдства. Отсутствіе средствъ для существованія заставило его не брезгать никакими средствами, пока наконецъ «несносныя бѣдствія и оставшаяся еще искра стыда и совѣсти» начали исправлять его поступки, и онъ въ военной службѣ нашелъ честный трудъ и нравственное успокоеніе. «Отцы и матери!», восклицаетъ сатирикъ послѣ этого разсказа, «казнитея симъ примѣромъ: воспитывайте дѣтей своихъ со тщаніемъ, есть ли не хотите послѣ быть ими презираемы»¹⁾).

Въ другомъ мѣстѣ²⁾ мы находимъ: «Я былъ вчерась въ гостяхъ у Дремова, тамъ нашелъ многихъ изъ его сосѣдей. Большую часть времени препроводили мы въ разговорахъ, особливо разсуждали многіе очень хорошо о худомъ воспитаніи дѣтей; и я утверждалъ, что ежели у кого дѣти худы, такъ тѣ должны жаловаться на самихъ себя, потому что или нерачиво ихъ воспитали, или слѣпою любовью къ дѣтямъ сами ихъ избаловали... Пуще всего полюбилися мнѣ дѣти Дремова: какъ они хорошо воспитаны! Къ родителямъ почтительны, къ старшимъ и знатнѣйшимъ себѣ учтивы, къ равнымъ ласковы, къ бѣднымънисходительны и милостивы; въ разговорахъ ихъ видно просвѣщенное науками разсужденіе; и они такъ умѣли всемъ угодить и усладить бесѣду, что все гости, смотря на нихъ, не могли довольно нарадоваться; а я и теперь еще отъ того въ восхи-

¹⁾ Живописецъ, ст. 109—113; прив. у Е. Трифильева. Н. И. Новиковъ, какъ педагогъ, ст. 7—8.

²⁾ Ib., ст. 63—64.

щени! О, когда бы Богъ благословилъ меня воспитать также и моего сына; какое бы въ старости чувствовалъ я утѣшеніе!»

Въ «Живописецѣ» Новиковъ прославляетъ Екатерину II за учрежденіе «собранія старающагося о переводѣ иностранныхъ книгъ на російскій языкъ». Это «собраніе» учреждено было при Академіи Наукъ. Живописецъ, подобно Трутню, думалъ, что нравственный упадокъ русскаго общества есть слѣдствіе нашего слѣплого увлеченія всѣмъ иностраннымъ. Онъ объявлялъ, что въ Петербургѣ и въ Москвѣ укоренилась болѣзнь, называемая «слѣпое пристрастіе ко всѣмъ иностранцамъ», онъ указывалъ на отвращеніе «Російскихъ господчиковъ къ чтенію Русскихъ книгъ» потому только, что онѣ русскія, и остроумно совѣтовалъ печатать ихъ «Французскими литерами». Но Живописецъ уже иначе относится къ Франціи, чѣмъ Трутень, онъ указываетъ и на ея хорошія стороны (хорошо отзывается, напр., о Вольтерѣ). Живописецъ уже находилъ, что не мѣшаетъ намъ брать изъ чужихъ земель ихъ добродѣтели, науки, художества; онъ и хвалитъ Вольтера какъ представителя французской мысли и образованности. Живописецъ указываетъ также на добрые нравы нашихъ предковъ и на остатки этихъ нравовъ по деревнямъ; но такихъ указаній въ немъ гораздо меньше, чѣмъ въ Трутнѣ, и они не такъ рѣшительны и опредѣленны. Сдержанный въ похвалахъ старинѣ, Живописецъ самыми мрачными красками изображаетъ грубые пороки деревенскихъ дворянъ: глубочайшее невѣжество, суевѣріе, ханжество, жадность, дикій произволь, казнокрадство и взяточничество. Не щадитъ Живописецъ пороковъ и другихъ сословій. Очевидно, горячее увлеченіе издателя Трутня нашими старинными народными нравами въ значительной степени охладѣло въ то время, когда онъ издавалъ Живописецъ. Издатель этого послѣдняго журнала болѣе благоговѣетъ передъ образованностью, которую мы можемъ заимствовать съ Запада. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что Живописецъ вполне разочарованъ въ высотѣ духовныхъ началъ нашей народности; онъ указываетъ только, что эти начала не развиты еще, что ихъ глушитъ невѣжество. Подобно Трутню, Живописецъ сильно и горячо ратовалъ противъ крѣпостнаго права. Съ большою достовѣрностью можно предположить, что статьи Живо-

писца о крестьянахъ нравились самой императрицѣ Екатериной II¹⁾).

Живописецъ 1773 года совершенно не похожъ на Живописца 1772 г.; мѣсто живой сатиры на современные нравы заняли въ немъ различныя серьезные статьи, часто переводныя, съ отвлеченнымъ содержаніемъ. Очевидно, въ убѣжденіяхъ Новикова произошла нѣкоторая перемѣна. Вторая часть Живописца довольно вѣрно отражаетъ состояніе духа Новикова. Новиковъ успѣлъ охладѣть къ стариннымъ русскимъ нравамъ, не нравились ему и западныя новшества, и вотъ онъ пришелъ къ нѣкоторому разочарованію. Въ Живописцѣ 1773 г. Новиковъ очень опредѣленно отрекается отъ «философій» мудрецовъ вѣка, отъ ученія энциклопедистовъ. вмѣсто сатиры на современные нравы русскаго общества, въ Живописцѣ 1773 г. являются отвлеченныя указанія на пороки человѣка вообще. Мрачная картина пороковъ человѣчества приводитъ журналъ къ мистическимъ стремленіямъ удалиться прочь отъ грязной жизни земного міра, приводитъ къ увѣренности въ ничтожествѣ и этой жизни, и человѣческой личности, къ презрѣнію и той, и другой. Но нельзя сказать, что прежній идеалъ совсѣмъ исчезъ изъ души Новикова: напротивъ того въ Живописцѣ 1773 г. мы замѣчаемъ, что усилилось сочувствіе издателя къ деревенской жизни, къ ея простотѣ и мирной дѣятельности. Здѣсь же мы находимъ, что нѣкто Любомудровъ извѣщаетъ издателя, прося «дать знать объ этомъ всѣмъ мыслящимъ Россіянамъ» объ учрежденіи «Общества, старающагося о напечатаніи книгъ». Издатель въ отвѣтъ выражаетъ полное сочувствіе свое къ обществу, такъ и мысли Любомудрова, что книгопечатаніе есть величайшее изобрѣтеніе, которое будитъ человѣческую мысль и «соблюдаетъ наилучшимъ образомъ всѣ истины, доставляетъ наибольшему количеству народа объ оныхъ свѣдѣніе, чрезъ то очищаетъ общества отъ заблужденій и предразсудковъ всегда вредныхъ».

«Но по моему мнѣнію, государь мой, прибавляетъ Новиковъ, не довольно сего, чтобы только печатать книги, а надобно имѣть попеченіе о продажѣ напечатанныхъ книгъ»; въ столицахъ русскія книги идутъ туго, а въ провинціяхъ ихъ не могутъ до-

¹⁾ См. А. Незеленовъ. Н. И. Новиковъ, ст. 190.

стать, — нужно создать книжную торговлю въ провинціяхъ. При этомъ Новиковъ высказываетъ двѣ замѣчательныя идеи: «О распространеніи сей торговли не Государю, но частнымъ людямъ помышлять должно» и «науки любятъ свободу, и тамъ болѣе распространяются, гдѣ свободнѣе мыслятъ». Въ Живописцѣ же находится отвѣтъ Новикова генераль-маіору Щербинину, «находящемуся со властію Губернатора въ Слободской губерніи», отвѣтъ на предложеніе участвовать въ учрежденіи типографіи при Харьковскихъ училищахъ. Въ ней Новиковъ высказываетъ свой взглядъ на значеніе типографій: «народное просвѣщеніе, говоритъ онъ, приобрѣтается посредствомъ заведенія училищъ; однако всегда оно какъ изъ источника почерпается изъ книгъ помощію типографіи въ свѣтъ издаваемыхъ». вмѣстѣ съ тѣмъ статья эта свидѣтельствуетъ о томъ, что Новиковъ въ это время былъ близокъ къ Императрицѣ, что онъ былъ въ это время *силой*, къ которому обращались даже высокопоставленныя лица.

И такъ уже въ 1773 г. Новиковъ выражаетъ свои завѣтныя намѣренія, и въ немъ высказывается будущій типографщикъ, издатель и книгопродавецъ. Въ 1774 г. начался третій сатирическій журналъ Новикова «Кошелекъ». По сатирѣ своей, по художественности, «Кошелекъ» значительно слабѣе не только «Живописца», но и «Трутня»; однако, уступая во многомъ своимъ предшественникамъ, Кошелекъ замѣчателенъ по строгой и рѣзкой опредѣленности своего направленія. Съ благоговѣйнымъ уваженіемъ относится Новиковъ въ своемъ новомъ изданіи къ русской старинѣ. Онъ говоритъ, что праотцевъ нашихъ украшали «великія добродѣтели», которыя онъ сравниваетъ съ «истинными драгоценными жемчугами», какъ великаго счастья, желаетъ издатель Кошелекка своимъ читателямъ «пользоваться древними Россійскими добродѣтелями»¹⁾. «Предки наши во сто разъ были добродѣтельнѣе насъ, и земля наша не носила на себѣ исчадій, не имѣющихъ склонности къ добродѣянню и не любящихъ своего Отечества»²⁾. «Древніе русскіе нравы были чисты, и если бы можно было теперь возвратитъ ихъ, тогда бы можно было поставить ихъ образцемъ человѣку»³⁾.

¹⁾ См. Кошелекъ, сатир. жур. Новикова, 1774 г. Изд. А. Аванасьева, стр. 7—8, 9—10, 11.

²⁾ *Ив.*, ст. 24.

³⁾ *Ив.*, ст. 52—54.

Слѣды древнихъ нашихъ доблестей Новиковъ видитъ и въ современной ему русской дѣятельности: добродѣтели предковъ нашихъ, говоритъ онъ, «нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ еще и нынѣ осіявають»¹⁾. Эти доблести и добродѣтели Новиковъ не считаетъ явленіемъ случайнымъ, онъ признаетъ ихъ свойствами нашего народнаго характера. Идея народности была для Новикова совершенно ясна, онъ хорошо понималъ и существенныя свойства нашего народнаго характера. Русскій, напр., спокойно владѣетъ собою, говоритъ благоразумно и здраво и оставливаетъ неосновательные порывы своего собесѣдника²⁾. «Русскіе люди въ разсужденіи науки и художествъ (говорить честный и безпристрастный Нѣмецъ) столькожъ имѣютъ остроты, разума и проицанія, сколько и Французы, но гораздо болѣе имѣютъ твердости, терпѣнія и прилежанія». Изъ этого и другихъ мѣстъ въ Кошелекѣ видно, что Новиковъ считаетъ нашъ народный характеръ высшимъ, чѣмъ характеры другихъ народовъ. Но въ то же время Новиковъ видитъ, что наша довѣрчивость, граничащая съ легковѣріемъ, есть добродѣтель весьма сомнительная: она приводитъ насъ къ самымъ печальнымъ результатамъ, — къ слѣпому увлеченію всѣмъ французскимъ, къ рабскому преклоненію предъ нимъ. Такимъ образомъ у Кошелека есть цѣль и спеціальная — осмѣяніе галломаніи, которая доходила тогда у многихъ русскихъ до послѣднихъ предѣловъ безразсудства.

Пользуясь ею, множество французовъ стало являться въ Россію и промышлять обманами всякаго рода. Невѣжды дѣлались воспитателями юношества въ богатыхъ домахъ, или развращали и обирали легковѣрную молодежь, начинавшую жить и жаждавшую наслажденій. Кошелекъ существовалъ недолго и въ сентябрѣ 1774 г. прекратилъ свое существованіе. Съ «Кошелекомъ» прекратился и весь рядъ тогдашнихъ сатирическихъ журналовъ. Но Новиковъ во время изданія журналовъ успѣлъ самъ себѣ уяснить свои задачи: онъ готовъ на труды типографщика, издателя и книгопродавца и хочетъ направить ихъ на пользу просвѣщенія, созданія добрыхъ нравовъ и уваженія къ доблестямъ родной старины.

¹⁾ Тамъ же, ст. 8.

²⁾ См. «Разговоръ между Россіяниномъ и Французомъ».

Дѣятельность Новикова въ Петербургѣ въ семидесятихъ годахъ не ограничилась изданіемъ сатирическихъ журналовъ. Если эти листки свидѣтельствуютъ о его патріотизмѣ и стремленіяхъ къ нравственнымъ задачамъ, то другіе его труды доказываютъ, что онъ и на дѣлѣ старался заявить свое усердіе къ отечественному просвѣщенію.

Первымъ по времени трудомъ такого рода былъ «Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ». Книга эта вышла въ 1772 г., и было указано, что для своего «Опыта» авторъ заимствовалъ изъ «печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извлеченій и словесныхъ преданій». Это доказываетъ, какъ заботился Новиковъ о дѣлѣ, чрезвычайно трудномъ при тогдашней его новости: о собраніи матеріаловъ для исторіи Русскаго просвѣщенія. Словарь Новикова заключаетъ извѣстіе о писателяхъ свѣтскихъ и духовныхъ. Въ словарѣ, какъ и въ своихъ сатирическихъ журналахъ, Новиковъ выражаетъ ту мысль, что только образованіе возвышаетъ человѣка, за покровительство наукъ и литературѣ словарь прославляетъ Императрицу Екатерину II. Ко всѣмъ почти писателямъ Новиковъ относится съ полнымъ сочувствіемъ за ихъ образованіе и труды. Словарь Новикова положилъ начало тогда еще вовсе не существовавшей исторіи русской литературы. Новиковъ благоговѣлъ передъ Петромъ I, какъ просвѣтителемъ Россіи: уважая старинные русскіе нравы, Новиковъ въ тоже время хорошо сознавалъ, что въ старину чуждались науки, и это было, конечно, большимъ недостаткомъ.

Къ 1773 г. относится начало чрезвычайно важнаго предпріятія: Новиковъ приступилъ къ изданію памятниковъ, относящихся къ изученію Россіи. Онъ началъ изданіемъ «Древней Россійской Идрографіи», но безъ сомнѣнія самое выдающееся—это «Древняя Россійская Вивліюника». Цѣлью изданія этой Вивліюники, было, какъ говоритъ Новиковъ въ предисловіи къ читателю, «начертаніе нравовъ и обычаевъ нашихъ предковъ, чтобы мы познали великость духа ихъ, украшеннаго простотою»... «Полезно знать нравы, обычаи и обряды древнихъ чужеземныхъ народовъ; но гораздо полезнѣе имѣть свѣдѣніе о своихъ прародителяхъ; похвально любить и отдавать справедливость достоинствамъ иностранныхъ; но стыдно презирать своихъ сооте-

чественниковъ, а еще паче и гнушаться оными». Съ самаго начала изданія Вивліюэики Новиковъ успѣлъ пріобрѣсть ему благосклонное покровительство Екатерины II, и Козницкій, по ея приказанію, сообщалъ Новикову для напечатанія въ Вивліюэикѣ рѣдкіе документы и рукописи, а въ октябрѣ 1773 г. Императрица приказала знаменитому ученому, Г. Ф. Миллеру, сообщать Новикову копіи съ разныхъ актовъ Архива, который онъ разбиралъ въ то время въ Москвѣ, что Миллеръ и сталъ исполнять съ большимъ удовольствіемъ и вообще сдѣлался усерднымъ вкладчикомъ Вивліюэики. Екатерина II много содѣйствовала полезному предпріятію Новикова и значительными денежными средствами.

«Кощунами» называетъ Новиковъ людей, «ненавидящихъ свое отечество» и «пересмѣхающихъ и презирающихъ самыя добродѣтели предковъ нашихъ». Чувство патриотизма и увлеченіе стариной сливается въ издателѣ Вивліюэики съ стремленіемъ изучить по историческимъ памятникамъ нравы и обычаи этой старины. Приходится отмѣтить, что Вивліюэика имѣла мало успѣха; но большого успѣха она не могла имѣть по полной неприготовленности общества къ такому серьезному чтенію; надо удивляться скорѣе, что она имѣла хоть какой либо успѣхъ— и этому, безъ сомнѣнія, способствовало уже очень извѣстное тогда имя издателя и умѣнье повести дѣло. Не смущаясь неудачами, Новиковъ достигъ того, что пробудилъ въ обществѣ интересъ къ родной исторической старинѣ и несомнѣнно подготовилъ читателей для будущей Исторіи своего ученика Карамзина. Въ 1775 г. по выходѣ десятой части, изданіе Вивліюэики прекратилось.

Въ 1777 г. онъ выпустилъ первую часть «Повѣствователя древностей россійскихъ, или собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ къ пользѣ Исторіи и Географіи Россійскихъ».

Въ томъ же году онъ издавалъ ежедневное періодическое изданіе «Санктпетербургскія ученыя вѣдомости». Это была попытка еще новаго рода, посвященная уже не сатирѣ на нравы и не обнаруживанію историческихъ документовъ о Россіи, но собственно литературѣ и критикѣ, которая тоже была тогда рѣдкостію. И въ этомъ отношеніи честь почина остается за Новиковымъ.

Уже въ первомъ періодѣ дѣятельности Новикова опредѣляются главныя черты его дѣятельности: сознаніе недостатковъ своей родины, горячая любовь къ ней, неуклонное стремленіе къ просвѣщенію и желаніе осуществить ихъ трудами типографскими, издательскими и литературными.

Душевное состояніе Новикова въ 1775 г. было самое тяжелое и безотрадное: старая вѣра исчезла, а новой не являлось. «Находясь на распутіи между вольтеріанствомъ и религіей, говорилъ впоследствии объ этомъ времени самъ Новиковъ, я не имѣлъ точки опоры, или краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе»¹⁾. И вотъ въ то время онъ, по его собственнымъ словамъ, неожиданно попалъ въ масонство.

Весьма возможно, что Новиковъ, наслышавшись о томъ, что въ масонствѣ существуютъ возвышенныя цѣли и уваженіе къ религіозному чувству, вступилъ въ орденъ, надѣясь найти въ немъ опору своимъ религіознымъ стремленіямъ. Выслушавши друзей своихъ, Новиковъ согласился вступить въ ихъ общество (въ масонство англійское) не иначе какъ подъ слѣдующими условіями: не давать никакой присяги, быть посвященнымъ прямо въ третью степень (мастера) и имѣть право выйти изъ братства, если онъ найдетъ въ немъ что-либо противное совѣсти. На такихъ исключительныхъ условіяхъ былъ принятъ въ 1775 г. въ масоны Новиковъ, уже громко заявившій о себѣ въ публикѣ своими изданіями. Но Новиковъ остался въ масонствѣ, значить не нашелъ въ орденѣ чего-либо, противнаго совѣсти, какъ объяснить это?

Въ это время масонскія собранія происходили публично и не возбуждали никакихъ подозрѣній. Новиковъ нерѣдко посѣщалъ разныя ложи, и это обратилось у него въ привычку. Любознательность его была раздражена таинственностью ученія, которое манило его къ себѣ возвышенностію своихъ цѣлей, о которыхъ говорили такъ много, и онъ искренно и энергически предался занятіямъ въ этой новой для него сферѣ. Вольтеріанство не прибѣгало къ тайнѣ, оно слишкомъ было хорошо извѣстно Новикову и, конечно, не могло удовлетворить его. Другое дѣло масонство: за нелѣпой дикой внѣшностію Новикову чудилось въ немъ присутствіе чего-то добраго, истин-

¹⁾ У Лонгинова, стран. 99.

наго. Съ самаго начала вступленія своего въ братство Новиковъ уже почувствовалъ недовольство той системой, въ которую онъ попалъ; онъ сталъ искать масонства иного, «истиннаго», и ему показалось, что онъ нашелъ его у Рейхеля. Проповѣдь «нравственности и самопознанія» примирила Новикова съ масонствомъ и удержала его въ орденѣ; Новиковъ не зналъ, да и не могъ знать, что сущность орденскаго ученія вовсе не въ этомъ¹⁾. И такъ съ 1775 г. для Новикова началось служеніе новой идеѣ. Но пока онъ не отыскалъ еще вполне правды въ этой идеѣ, онъ не могъ явиться въ литературныхъ изданіяхъ своихъ ея проповѣдникомъ. Онъ сталъ проводить ее только съ 1777 г. въ новомъ журналѣ своемъ «Утренній Свѣтъ». И вообще съ этого года совершенно ясно видно новое направленіе въ издательской дѣятельности Новикова. Въ этомъ году, кромѣ «Утренняго Свѣта», Новиковъ начинаетъ издавать «Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости». Эти изданія Новикова рѣзко отличались отъ предыдущихъ: они не говорятъ объ особенностяхъ нашего народнаго характера и въ нихъ нѣтъ сатиры; они проникнуты направленіемъ отвлеченнымъ; въ нихъ видно увлеченіе Новикова западно-европейскою мыслью: вмѣсто стремленія къ національнымъ задачамъ въ нихъ высказывается стремленіе къ образованности вообще и къ выясненію отвлеченнаго общечеловѣческаго идеала²⁾.

«Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости» есть журналъ ученой и литературной критики. Онѣ имѣютъ главною цѣлью, какъ заявлено въ предисловіи къ первому номеру, сблизить нашъ ученый міръ, нашу науку и литературу съ ученымъ міромъ Запада; но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ поставляютъ цѣлью ободреніе и прославленіе отечественныхъ писателей, желаніе создать ученую и литературную критику и исторію русской словесности.

«Ученыхъ Вѣдомостей» всего вышло 22 номера. По большей части статьи «Ученыхъ Вѣдомостей» суть обстоятельныя библиографическія описанія книгъ, съ подробнымъ указаніемъ ихъ содержанія, различныхъ изданій и т. п. При всякомъ удобномъ случаѣ «Ученыя Вѣдомости» высказываютъ свои научные и литературные взгляды, при чемъ съ особымъ интере-

¹⁾ О чемъ говорить такъ настойчиво современная литература.

Прим. М. Д. 16 марта 1910 г.

²⁾ Незеленовъ. Н. И. Новиковъ, ст. 425.

сомъ онѣ относятся къ русской исторіи. Занятія исторіей ставили онѣ очень высоко и считали долгомъ своимъ прославлять нашихъ историковъ, въ нихъ же мы находимъ весьма дѣльный историческій очеркъ трудовъ по русской исторіи, начиная съ Байера и Татищева; въ занятіяхъ русской исторіей Вѣдомости видѣли подвигъ патріотизма.

Съ сентября 1777 г. сталъ выходить «Утренній Свѣтъ». Это, вѣроятно, и было причиною прекращенія «Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостей». «Утренній Свѣтъ» принято считать журналомъ мистическимъ и масонскимъ; но въ дѣйствительности тѣ взгляды, которые старался проводить журналъ, могли безразлично принадлежать и масону, и не масону. «Оставимъ искуснымъ врачамъ (говорится въ Предувѣдомленіи) имѣть попеченіе о пользованіи ихъ тѣлесныхъ болѣзней; но души и духъ ихъ да будутъ единственными предметами нашими; имъ то врачеваніе, укрѣпленіе и т. п. предлагать станемъ». Показать величіе человѣческой личности — вотъ къ чему будетъ стремиться журналъ, ибо человѣкъ есть «истинное средоточіе сей сотворенной земли и всѣхъ вещей», нѣтъ «ничего прензящнѣе, величественнѣе и благороднѣе человѣка и его отъ источника благъ происходящихъ свойствъ». Современные философы, энциклопедисты, по мнѣнію «Утренняго Свѣта», своими идеями унижаютъ человѣческую личность, и журналъ ставитъ цѣлью противодѣйствовать ихъ ученіямъ, онъ хочетъ возвести читателей къ Солнцу правды. Свою возвышенную идею журналъ хочетъ выразить и въ возвышенныхъ формахъ, «такъ какъ человѣкъ очень важенъ, то и должны мы важности сего дѣла соразмѣрныя писанія употреблять и важно о такихъ свойствахъ вѣщати». «Все пространство поля высокаго, средняго и общаго нравоученія, говорится въ другомъ мѣстѣ, открыто нашему предприятому труду».

Чуждая національныхъ стремленій, общечеловѣческая идея, положенная въ основу «Утренняго Свѣта», выразилась и въ выборѣ матеріала для журнала: въ немъ есть сочиненія оригинальныя, но ихъ гораздо менѣе, чѣмъ переводовъ изъ всевозможныхъ европейскихъ литературъ.

Согласно обѣщанію «Предувѣдомленія», «Утренній Свѣтъ» проводитъ мысль о величіи человѣка. Высшее знаніе есть само-

познаніе: познай себя самого, говорятъ многія статьи журнала. Природа человѣка совершенна и достойна высочайшаго почитанія. Человѣкъ счастливъ и въ оковахъ, если «добродѣтеленъ» и «искусенъ въ знаніяхъ», душу заковать нельзя. Но особенно высокъ человѣкъ нравственнымъ долгомъ: исполненіе этого долга приближаетъ его къ высочайшему примѣру совершенства — уподобляетъ нашему Небесному Отцу¹⁾. Человѣкъ — цѣль мірозданія, но для его величія мало быть цѣлью, онъ долженъ быть и средствомъ, т.-е. долженъ способствовать благу всего окружающаго его, въ этомъ наше «сообразованіе» съ Богомъ.

Отвлеченный идеализмъ играетъ въ «Утреннемъ Свѣтѣ» большую роль и ему посвящено много статей. Съ точки зрѣнія этого идеализма земной міръ представляется переходящею мечтою; временная жизнь наша въ этомъ мірѣ полна несчастій. Жизнь дѣлаетъ душу рабою праха; смерть даетъ ей крылья. Поэтому мы напрасно боимся смерти: смерть лучше и легче жизни; не только смерть прекрасна, но прекрасно и все то, что въ жизни напоминаетъ смерть. Когда душа освободится отъ тѣла, она будетъ созерцать истину и жить внутри себя самой, въ этомъ и заключается блаженство человѣка. «Утренній Свѣтъ» постоянно указывалъ на тщету земнаго богатства и величія, титуловъ, власти, сословныхъ предразсудковъ и родовой гордости. Заботьтесь о нравственномъ совершенствѣ, а богатство, знатность — все это ничто, говоритъ «Проповѣдь о высокомъ достоинствѣ и превосходствѣ человѣческой души»²⁾. Слава наша идетъ не отъ предковъ, а отъ нашихъ собственныхъ добрыхъ дѣлъ. Въ «Разсужденіи» говорится, что государи должны людей поощрять къ преуспѣянію въ наукахъ, вывѣдывать склонности подданныхъ и пороки ихъ больше предупрежденіемъ, нежели наказаніемъ прекращать: вкоренять любовь къ добродѣтели³⁾. Но рядомъ съ самымъ крайнимъ идеализмомъ, проповѣдующимъ отрицаніе науки и искусства, земной жизни, природы и свѣта въ ней, въ «Утреннемъ Свѣтѣ» есть и статьи, выхваляющія природу и призывающія человѣка на ея лоно изъ области от-

¹⁾ «Утр. Свѣтъ», ч. IX. О благодѣянїяхъ. Подробности см. у Невеленова. Н. И. Новиковъ, стран. 238—239.

²⁾ См. «Утр. Свѣтъ», ч. VIII.

³⁾ Ib. ч. VIII, стран. 231—332.

влеченнаго идеализма. Можетъ быть въ появленіи ихъ сказалось чувство правды и мѣры, жившее постоянно въ душѣ Новикова.

Въ этихъ статьяхъ есть мысль о томъ, что близость съ природою дѣлаетъ насъ нравственнѣе. Деревенское воспитаніе выше городского: оно чуждо лжи, въ немъ больше простоты, правды, естественности¹⁾. Природа не только учитъ насъ добродѣтели, она учитъ насъ и вѣрѣ: «созерцай сей видимый міръ, сниди въ самого себя, и ты найдешь довольно причинъ вѣрить въ творящаго повседневно чудеса предъ очами твоими»²⁾. Идеи русской народности въ «Утреннемъ Свѣтѣ» нѣтъ, и въ этомъ его существенный недостатокъ.

Несомнѣнно, что центръ тяжести «Утренняго Свѣта» лежитъ въ его правоучительныхъ статьяхъ. Видно, что правоученіе было потребностью времени, оно нравилось многимъ: отсюда существованіе множества правоучительныхъ сочиненій (о чемъ подробнѣе ниже). Фонвизинъ утверждаетъ, что его «Недоросль» имѣлъ успѣхъ главнымъ образомъ благодаря правоучительнымъ разсужденіемъ Стародума³⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ «Утренній Свѣтъ» ведетъ борьбу съ вольтеріанствомъ, онъ борется съ развратомъ вѣры и упадкомъ вѣры. Представителями паденія вѣры и нравственности и главными дѣятелями въ этомъ несчастіи, «Утренній Свѣтъ» считаетъ такъ-называемыхъ философовъ XVIII вѣка.

Журналъ старался подорвать сущность ученія энциклопедистовъ и много статей посвятилъ на доказательство безсмертія души. Человѣкъ созданъ для будущей жизни; онъ не можетъ исчезнуть, ибо силы души его не вполнѣ проявляются здѣсь, стѣсненные земными обстоятельствами — тѣломъ, жизнью, воспитаніемъ⁴⁾. Если нѣтъ безсмертія, нѣтъ и добродѣтели. Масонство и вообще мрачный мистицизмъ въ «Утреннемъ Свѣтѣ» есть, но они далеко не составляютъ сущности журнала; они въ немъ вполнѣ второстепенныя явленія.

Не масонство, а серьезную мысль противопоставилъ жур-

1) «Утр. Свѣтъ», ч. IV. Мисса и бабочка.

2) Ib. ч. VII. Чудеса, творимыя Господомъ повседневно.

3) См. сочин. Фонвизина: «Другъ честныхъ людей».

4) Утр. Свѣтъ, ч. VIII. Проповѣдь изъ Цолликофера.

наль ученію вольтеріанства. Сквозь всѣ три года журнала проходитъ рядъ серьезныхъ философскихъ статей. Въ нихъ выражается уваженіе къ мысли и уму. «Обоготвореніе разума — нехорошо, говорится въ «Юнговыхъ нощахъ», но если вѣра — добродѣтель, то такую дѣлается она посредствомъ разума; разумъ — корень, вѣра — цвѣтъ».

Журналъ напечаталъ рядъ философскихъ статей и біографій знаменитыхъ мыслителей древности. Въ связи съ философскими статьями „Утренняго Свѣта“ стоятъ его научныя статьи, въ которыхъ журналъ съ уваженіемъ относится къ наукѣ, знанію. «Наука даетъ человѣку счастье: искусный въ разныхъ знаніяхъ счастливъ и въ оковахъ¹⁾, въ занятіяхъ естественными науками (въ писаніяхъ Бюффона и Линнея) можно найти счастье²⁾. Наука была въ журналахъ Новикова и раньше: въ Опытѣ Историческаго Словаря, въ изданіяхъ памятниковъ, въ С.-Пб. Ученыхъ Вѣдомостяхъ, но то была наука чисто практическая; въ «Утреннемъ Свѣтѣ» она явилась уже съ философскимъ характеромъ.

Въ этомъ журналѣ Новиковъ нашель и далъ русскому обществу то, чего не могъ найти въ русской жизни, чего ей несомнѣнно недоставало и что ей было нужно. Процессъ обрѣтенія философіи и науки совершился медленно и постепенно, безсознательно для самого Новикова, т.-е. совершился органически. «Утренній Свѣтъ» обѣщаль въ началѣ только нравоучительныя статьи съ идеалистическимъ направленіемъ, въ концѣ изданія явились философско-научныя сочиненія. Жизненность, органичность процесса ручается за его серьезное значеніе для русской жизни³⁾.

Масонство повліяло на Новикова не только своимъ идеализмомъ, но и проповѣдью помощи ближнимъ. «Утренній Свѣтъ» началъ издаваться съ благотворительною цѣлью, именно въ пользу основываемыхъ въ Петербургѣ первоначальныхъ училищъ для бѣдныхъ и сиротствующихъ дѣтей. Легко замѣтить, что въ выборѣ предмета благотворительности и въ способѣ исполненія задуманнаго дѣла, Новиковъ далеко вышелъ за пре-

¹⁾ Утр. Свѣтъ, ч. II. Разсужденія на новый годъ.

²⁾ Утр. Свѣтъ, ч. IX. Ученіе природы, ст. 236—238.

³⁾ Невеленовъ. Н. И. Новиковъ, ст. 262.

дѣлы масонскихъ понятій о добромъ дѣлѣ. Благотворительность масоновъ обыкновенно ограничивалась умѣренными денежными пожертвованіями братьевъ въ концѣ засѣданія ложи, да отвлеченными поученіями о необходимости помогать бѣднымъ. Издатели «Утренняго Свѣта» задумали привлечь къ поддержанію своихъ училищъ все русское общество, всѣхъ желающихъ масоновъ и не масоновъ, безъ всякаго различія. Призывъ къ благому дѣлу не остался безъ отвѣта: училища поддерживались не только на счетъ издателей и сотрудниковъ «Утренняго Свѣта», не получавшихъ платы за свой трудъ, но и довольно многочисленными и щедрыми пожертвованіями частныхъ лицъ. Все повидимому обѣщало дѣлу блестящій успѣхъ; изъ двухъ петербургскихъ училищъ, какъ изъ зерна, могла явиться цѣлая сѣть школъ по всей Россіи. Но этому не пришлось сбыться. Императрица не любила масонства, и начиная съ «Утренняго Свѣта», никакихъ слѣдовъ покровительства ея Новикову и его предпріятіямъ не находимъ.

Согласно съ педагогическими взглядами «Утренняго Свѣта»¹⁾ въ «Объявленіи» объ открытіи Екатерининскаго училища, объ ученіи говорится какъ о таковомъ же важномъ дѣлѣ, каково и воспитаніе.

«Дѣти будутъ обучаться», говорится въ объявленіи, «Россійскому чтенію и письму, самократчайшимъ и ближайшимъ способомъ», а затѣмъ, когда понятіе позволить — первымъ основаніямъ Христіанскаго закона съ толкованіемъ «кратчайшимъ и нужнѣйшимъ правиламъ Россійской грамматики, также и ариѳметики. Притомъ будетъ приложено попеченіе и о нравахъ сихъ дѣтей, и чтобы не отвращались отъ ученія, а заохочивались къ дальнѣйшему продолженію онаго». Издатели Утренняго Свѣта принимали мѣры не оставлять безъ призрѣнія дѣтей, принятыхъ на все содержаніе общества и по окончаніи ими ученія доставлять имъ такія или иныя занятія. Такимъ образомъ училища Утренняго Свѣта можно считать началомъ тѣхъ знаменитыхъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учреждений въ Москвѣ, которыя прославили имя Новикова и его друзей и заставили сочувственно отнестись къ масонству нѣкоторыхъ изслѣдовате-

¹⁾ О нихъ ниже, см. главу XXXV. Педагог. ст. въ журн. втор. пол. XVIII в.

лей этого направленія умовъ XVIII вѣка. Хотя едва-ли масонство играло большую роль въ этихъ учрежденіяхъ; многое принадлежитъ свѣтлой личности самого Н. И. Новикова.

Въ 1779 г. Новиковъ переселяется въ Москву и съ этого времени наступаетъ новый блестящій періодъ его дѣятельности. Куратору Московскаго университета Хераскову обязано русское просвѣщеніе тѣмъ что на его пользу сталъ дѣйствовать въ обширнѣйшихъ размѣрахъ Новиковъ. Херасковъ, вступивъ въ управленіе университетомъ, нашелъ типографію его въ жалкомъ видѣ, книжная лавка и совсѣмъ шла плохо, Московскія Вѣдомости расходились въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. А между тѣмъ всѣ эти статьи, при умѣнны вести дѣло, могли приносить большой доходъ университету и быть полезными въ высшей степени дѣлу просвѣщенія. Въ такихъ обстоятельствахъ сошелся Херасковъ съ Новиковымъ, пріѣхавши на время въ Петербургъ, въ концѣ 1778 г. Хераскову хорошо была извѣстна издательская дѣятельность Новикова и планы по этой части, напечатанные имъ въ «Живописцѣ». Херасковъ предложилъ Новикову снять университетскую типографію въ аренду, вмѣстѣ съ книжною лавкою и изданіемъ «Вѣдомостей». Новикову, чувствовавшему непреодолимое призваніе къ дѣятельности такого рода, не могло не понравиться такое предложеніе. Онъ взвѣсилъ всѣ вѣроятія успѣха, предложилъ свои условія и согласился на предложеніе. И. И. Шуваловъ утвердилъ контрактъ съ Новиковымъ. Переѣхавши въ Москву, въ концѣ апрѣля 1779 г., Новиковъ поселился въ самомъ зданіи, гдѣ находилась университетская типографія, чтобы удобнѣе слѣдить за дѣломъ. Онъ постарался улучшить типографію, выписалъ новые шрифты, расширилъ заказы. «Характеръ издательской дѣятельности Новикова въ Москвѣ опредѣлялся напередъ самъ собою. Онъ не могъ, конечно, не печатать книгъ свѣтскаго и беллетристическаго содержанія, безъ которыхъ не поддержались бы его предпріятія. Но главная цѣль его состояла въ заботахъ о томъ, чтобы распространять просвѣщеніе. Поэтому онъ сталъ издавать въ небываломъ до того количествѣ книги учебныя и ученыя. Изъ нихъ же большая часть согласовалась съ понятіями его о просвѣщеніи, которое онъ разумѣлъ не иначе, какъ основаннымъ на религіозно-нравственныхъ началахъ, преимущественно

въ духѣ мистическомъ и съ болѣе или менѣе теософическими воззрѣніями разныхъ оттѣнковъ»¹⁾. Въ Москвѣ Новиковъ продолжалъ нѣкоторое время (1780 г.) изданіе «Утренняго Свѣта».

Новиковъ и прежде имѣлъ въ Москвѣ знакомыхъ, по приѣздѣ туда онъ расширялъ кругъ своихъ знакомыхъ, особенно черезъ Хераскова, и нашелъ тамъ стремленія, сходныя съ своими. Новые друзья Новикова были масоны и ревнители просвѣщенія въ его духѣ. Онъ особенно сошелся съ князьями Трубецкими, которые были въ родствѣ со всею знатью. Дома князей Трубецкихъ отличались богатствомъ и гостепріимствомъ, туда собирались люди свѣтскіе и ученые, литераторы, художники, путешественники и проводили время въ оживленныхъ бесѣдахъ и просвѣщенныхъ забавахъ²⁾.

Но вскорѣ Новиковъ встрѣтилъ человѣка, который принадлежалъ къ совершенно иному и скромному кругу, но которому было суждено приобрести сильное вліяніе и на него, и на его друзей и содѣйствовать наиболѣе къ тому, чтобы дать ихъ жизни новую пищу и оставить глубокій слѣдъ въ исторіи просвѣщенія Россіи. «Однажды, такъ рассказывалъ самъ потомъ Новиковъ, пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался всю жизнь до самой его смерти неразлучнымъ³⁾. «Нѣмчикъ» этотъ былъ Иванъ Григорьевичъ Шварцъ. Въ 1779 г., какъ мы говорили, Шварцъ много содѣйствовалъ учрежденію при университетѣ «учительской» или «Педагогической Семинаріи».

Въ 1780 г. Новиковъ успѣлъ довести до возможно лучшей степени университетскую типографію, и къ концу ея она не уступала уже, по отзывамъ Шварца, первымъ заведеніямъ этого рода въ Европѣ⁴⁾.

Новиковъ напечаталъ въ ней тогда же литературныя руководства, доказывающія заботы его и Шварца о первоначальномъ обученіи; какъ, напр., «Нѣмецкую азбуку» и «Букварь Россійско-церковный, съ гражданскими литерами» и издалъ нѣкоторыя нравоучительныя сочиненія. Содержаніе Московскихъ Вѣдомостей сдѣлалось съ этого времени гораздо живѣе и разнообраз-

1) М. Н. Лонгиновъ. Новиковъ и моск. март., ст. 123.

2) Биограф. словарь проф. и преп. Москов. унив., ч. 2, ст. 448.

3) Сборн. студ. Имп. С.-Пет. ун. Вып. I, ст. 323.

4) Шевыревъ. Исторія Имп. Моск. унив., ст. 208.

нѣе. Кажется, въ этомъ же году Новиковъ основалъ при своемъ книжномъ магазинѣ бібліотеку для чтенія, первую существовавшую въ Москвѣ¹⁾). Шварцъ много содѣйствовалъ Новикову въ его предпріятіяхъ, давалъ ему полезныя совѣты, указывалъ книги для изданія, знакомилъ съ нимъ переводчиковъ, исправлялъ ихъ труды.

Въ 1781 г. у Новикова печатались латинскіе буквари и другіе учебники, а также «Общій способъ ученія, для каждаго состоянія свободныхъ людей нужный». Прекративши изданіе Утренняго Свѣта, Новиковъ издавалъ въ 1781 г. новый журналъ «Московское ежемѣсячное изданіе». Въ этомъ же году по мысли Шварца открылось при университетѣ «Собраніе университетскихъ питомцевъ», возникло «Дружеское ученое общество», получившее прочную организацію и хорошія матеріальныя средства, благодаря участію П. А. Татищева. Успѣхамъ Новикова и Шварца, конечно, много способствовали ихъ масонскія связи.

Въ 1782 г. Новиковъ сближается съ извѣстнымъ масономъ И. В. Лопухинымъ. Лопухинъ нападалъ на недостатки школьнаго ученія, гдѣ твердятъ: «люби Бога и ближняго», но не воспитываютъ природы человѣка такъ, чтобы она была способна исполнять эту священную заповѣдь. Лопухинъ и его друзья ревностно старались примѣнить высказанную мысль къ практикѣ въ дѣлѣ педагогики, просвѣщенія и филантропіи, для чего они имѣли орудія въ университетѣ, гдѣ имѣли большой вѣсъ черезъ Хераскова, Шварца и другихъ профессоровъ и въ «Дружескомъ ученомъ обществѣ», находившемся въ полномъ ихъ распоряженіи. Основанія, руководившія занятіями Новикова, Лопухина и ихъ друзей, совершенно согласны съ принятыми Сень-Мартеномъ, книга котораго «О заблужденіяхъ и истинѣ», была у нихъ въ особенномъ уваженіи. Оттого-то и ихъ стали называть ошибочно, какъ и за границей, мартинистами. Практически дѣятельность московскаго масонства сосредоточилась въ устроенномъ и направляемомъ «Дружескомъ ученомъ обществѣ», въ которомъ приняли участіе разныя филантропы. Оно учредило, какъ мы видѣли, въ 1779 г. Педагогическую семинарію, а въ 1781 г. «Собраніе университетскихъ питомцевъ» по планамъ, составленнымъ Швар-

цемъ. Въ то же время Новиковъ устраивалъ, улучшалъ и распространялъ университетскую типографію, гдѣ печатались во множествѣ книги духовно-нравственнаго содержанія, развивалъ торговлю книгами въ обширныхъ размѣрахъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ и способствовалъ тѣмъ распространенію религіознаго и человѣколюбиваго духа, одушевлявшаго мартинистовъ. Этимъ духомъ проникалось молодое поколѣніе чрезъ преподаваніе въ университетѣ, пансіонѣ, гимназіи и семинаріи¹⁾. Дружеское общество», вступившее тогда въ самую блистательную эпоху своего существованія нашло средство осуществить новое предпріятіе. Оно учредило при университетѣ «переводческую или филологическую семинарію», гдѣ должны были содержаться на счетъ «Дружескаго общества» молодые люди для изученія иностранныхъ языковъ.

Въ 1782 г. Новиковъ издавалъ повременное изданіе «Вечерняя заря» и «Городская и деревенская бібліотека или забавы и удовольствія для разума и сердца». Въ началѣ 1783 г. мартинистамъ представилась возможность чрезвычайно распространить издательскую и книгопродавческую дѣятельность, которой главнымъ двигателемъ былъ Новиковъ. 15 января 1783 г. былъ изданъ указъ о «вольныхъ типографіяхъ». На основаніи этого акта, всякому дано было право заводить типографіи и печатать въ нихъ книги подъ надзоромъ полицейской цензуры. Вслѣдствіе этого событія, имѣвшаго важное вліяніе въ исторіи русскаго просвѣщенія, открылось много частныхъ типографій.

Указъ этотъ былъ чрезвычайно благоприятенъ и для «Дружескаго общества» и оно немедленно имъ воспользовалось. Оно учредило двѣ вольныхъ типографіи, на имя своихъ членовъ Новикова и Лопухина. Примѣръ типографской дѣятельности, данной Новиковымъ, вызвалъ подражаніе не только въ столицахъ, но и въ провинціяхъ. Въ концѣ XVIII вѣка стали открываться типографіи по городамъ и даже селамъ²⁾.

Съ 1783 г. Новиковъ сталъ издавать подписчикамъ «Московскихъ Вѣдомостей» при каждомъ ихъ номерѣ по листку отдѣльныхъ «Прибавленій» въ которыхъ помѣщались разныя статьи литературнаго содержанія, извѣстія, и особенно статьи

¹⁾ Лонгиновъ. Новиковъ и моск. март., ст. 180.

²⁾ См. у Лонгинова, ст. 206.

педагогическія. Эти статьи педагогическаго характера такъ важны, что мы имъ по преимуществу посвящаемъ отдѣльную главу¹⁾. Прибавленія эти издавались въ теченіе двухъ лѣтъ. И въ книжной торговлѣ Новиковъ далъ своимъ примѣромъ сильное движеніе: книжныя лавки начали заводиться не только въ уѣздныхъ городахъ, но даже нѣкоторыхъ селахъ.

Послѣ смерти Шварца, послѣдовавшей въ 1784 г., Новиковъ былъ назначенъ (изъ Берлина) управляющимъ московскимъ розенкрейцерствомъ. Шварцъ не оставилъ никакого состоянія своему семейству, но «Общество мартинистовъ» озаботилось воспитаніемъ его дѣтей. Имъ и вдовѣ его назначена была, по предложенію Новикова, пенсія, а Татищевъ подарилъ имъ капиталъ въ 28 тыс. руб.

Вскорѣ главные изъ мартинистовъ приступили къ исполненію важнаго предпріятія, внушеннаго имъ, вѣроятно, льготами указа о вольныхъ типографіяхъ и задуманнаго, конечно, не безъ участія Шварца, не дожившаго до осуществленія этой мысли.

Сильнѣйшимъ орудіемъ распространенія просвѣтительныхъ и педагогическихъ идей и залогомъ ихъ успѣховъ было печатаніе и распространеніе книгъ, въ духѣ, ими руководившемъ. Для этого у нихъ существовали университетская типографія, арендуемая Новиковымъ, и двѣ вольныхъ типографіи Новикова и Лошухина, не говоря о тайной. «Съ развитіемъ дѣятельности «Общества», говоритъ г. Лонгиновъ²⁾, не могло не быть признано полезнымъ организовать точнымъ и правильнымъ образомъ издательскую и типографскую отрасль мартинисткой дѣятельности. Создать для нея прочный центръ, независимый отъ постороннихъ вліяній или отъ случайностей, могущихъ ожидать то или другое частное лицо, было дѣломъ очевидно весьма желательнымъ. Указъ о вольныхъ типографіяхъ 1783 г. далъ возможность осуществить эту мысль, посредствомъ заключенія между нѣсколькими избранными формальнаго контракта, по которому пайщики вносили суммы, назначаемыя для учрежденія обширной типографіи, для покупки книгъ и рукописей, для изданія и т. п., а вмѣстѣ съ тѣмъ и устанавливали правила для упра-

¹⁾ См. ниже главу XXXV, педагогическія статьи въ журналахъ второй половины XVIII в. Ч. II, Ист. рус. пед.

²⁾ Новиковъ и моск. март. ст. 217.

вленія этимъ підприєміемъ и пр. На такихъ основаніяхъ учредилась въ Москвѣ, въ 1784 г. «Типографическая Компанія». Компанія эта состояла, кромѣ Новикова, изъ четырнадцати членовъ, между которыми были И. В. Лопухинъ, князя Трубецкіе, князь П. Енгалычевъ, С. И. Гамалѣя, И. П. Тургеневъ, всѣ розенкрейцеры (за исключеніемъ 2). Такимъ образомъ главныя силы мартинистовъ сосредоточивались въ «Компаніи», и передъ нею «Общество» мало-по-малу ступшевывается и незамѣтно исчезаетъ. Первымъ дѣломъ «Компаніи» было заведеніе новой обширной типографіи, гдѣ печаталось очень много книгъ духовнаго и нравственнаго содержанія. Душею всего підприємія былъ Н. И. Новиковъ. Можно сказать, что ни до него, ни послѣ него, ни одинъ человекъ въ Россіи не находился во главѣ подобнаго дѣла, и притомъ такихъ размѣровъ.

Въ 1784 г. Новиковъ началъ изданіе періодическаго сборника «Покоящійся трудолюбець», въ которомъ отведено было довольно мѣста статьямъ нравоучительнымъ и педагогическимъ.

Съ 1784 г. Новиковъ сталъ издавать при «Московскихъ Вѣдомостяхъ», вмѣсто прежнихъ прибавленій, новое приложение подъ заглавіемъ: «Дѣтское чтеніе для сердца и разума». Оно выходило по 1789 г. подъ редакціей А. А. Петрова. Дѣятельное участіе въ немъ принималъ Карамзинъ, помѣстивъ въ немъ нѣкоторыя изъ первыхъ своихъ произведеній, по большей части переводы. Очевидно, Прибавленія къ «Моск. Вѣд.» 1783 и 1784 гг. заинтересовали публику своими педагогическими статьями и навели Новикова на мысль приспособить Прибавленія преимущественно для воспитателей и юныхъ читателей. Руководясь такими соображеніями, Новиковъ при объявленіи подписки на «Московскія Вѣдомости» 1785 г. между прочимъ говорилъ, что «благоразумные родители и всѣ старающіеся о воспитаніи дѣтей признаются, что между нѣкоторыми неудобствами въ воспитаніи, одно изъ главныхъ въ нашемъ отечествѣ есть то, что дѣтямъ читать нечего. Они должны бывають такія читать книги, которыя либо совсѣмъ для нихъ непонятны, либо доставляютъ имъ такія свѣдѣнія, которыя имъ имѣть еще рано: того ради намѣрены мы опредѣлить Прибавленія къ «Вѣдомостямъ» для дѣтскаго чтенія, и помѣщать въ нихъ Историческія, до Натуральной Исторіи касающіяся, моральныя и разныя другія піесы, которыя

писаны будучи соразмѣрнымъ дѣтскому понятію слогомъ, доставляли бы малолѣтнимъ читателямъ полезное и крупно-пріятное упражненіе».

Содержаніе первыхъ восьми частей «Дѣтскаго Чтенія» весьма разнообразно и занимательно для дѣтскаго чтенія, но послѣдующія части (9—15), состоящія исключительно изъ большихъ переводныхъ повѣстей Карамзина, переходившихъ иногда изъ одной части въ другую, едва ли могли интересовать юныхъ читателей. Въ первомъ номерѣ «Дѣтскаго Чтенія» приведенъ, вмѣсто эпиграфа, текстъ изъ притчей Соломона. «Начало Премудрости страхъ Господень». Номеръ начинается обращеніемъ къ Благородному Россійскому юношеству въ слѣдующихъ словахъ: «Любезныя дѣти! Можетъ быть многимъ изъ васъ удивительно покажется изданіе особливаго для васъ журнала; и такъ, чтобы вы не удивлялись, хотимъ мы увѣдомить васъ въ немногихъ словахъ о причинѣ, намѣреніи и содержаніи сихъ листовъ. 1) Причина, побудившая насъ къ изданію ихъ, есть та, что доселѣ на отечественномъ нашемъ языкѣ не было ничего, что бы служило собственно для дѣтскаго чтенія; почему дѣти, учащіяся по-французски и по-нѣмецки, должны бы довольствоваться чтеніемъ французскихъ и нѣмецкихъ книгъ; а которыя по недостатку, или по другимъ обстоятельствамъ, не знали сихъ языковъ, тѣ либо совсѣмъ ничего не читали, либо обременяемы были чтеніемъ не соразмѣрнымъ ни ихъ развивающемуся еще понятію, ни памяти ихъ. Мы не только не хулимъ чтенія хорошихъ книгъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, но еще и совѣтуемъ, особливо же на послѣднемъ, который нынѣ весьма обогащенъ писаніями всякаго рода и для всякаго возраста. Однако, несправедливо оставлять и собственный свой языкъ, или еще и презирать его. Всякому, кто любитъ свое Отечество, весьма прискорбно видѣть многихъ изъ васъ, которыя лучше знаютъ по-французски, нежели по-русски, и которыя вмѣсто того, чтобы, какъ говорится, съ матернимъ млекоомъ всасывать въ себя любовь къ Отечеству, всасываютъ, питаютъ, возвращаютъ и укореняютъ въ себѣ разныя предубѣжденія противъ всего, что токмо отечественнымъ называется. 2) Намѣреніе наше есть то, чтобы молодымъ охотникамъ до чтенія доставить упражненіе на природномъ нашемъ языкѣ, подражая

въ томъ лучшимъ нѣмецкимъ сочиненіямъ, сколько силы наши позволятъ. Мы надѣемся, что друзья дѣтей послѣдуютъ нашему примѣру, и отъ времени до времени будутъ доставлять вамъ маленькія книжки, соразмѣрныя вашимъ силамъ и понятію, и что въ короткое время будете вы имѣть на своемъ языкѣ полное и достаточное для вашего возраста чтеніе.

3) Содержаніе сего журнала будетъ хотя различное, но нужное и соразмѣрное вашему возрасту, вашимъ силамъ и вашему развивающемуся еще понятію. Во-первыхъ, будемъ мы помѣщать въ немъ моральныя, или правоучительныя піэсы, то есть такія, изъ которыхъ вы можете научиться должностямъ вашимъ къ Богу, общему нашему Отцу, который насъ любитъ и отъ котораго получаемъ мы все доброе, что мы имѣемъ, должностямъ къ Государю, родителямъ и наставникамъ вашимъ, чрезъ которыхъ Богъ благодѣянія Свои на насъ изливаетъ; должностямъ вашимъ ко всемъ людямъ и къ самимъ себѣ. Чтеніе такихъ піесъ послужитъ къ рожденію во младыхъ сердцахъ вашихъ такихъ чувствованій, безъ которыхъ человекъ въ жизни благополученъ и доволенъ быть не можетъ. Онѣ помогутъ вамъ нѣкогда дѣлаться угодными вашему Творцу и добрыми гражданами вашего отечества. Во-вторыхъ, для обогащенія ума вашего, журналъ вашъ будетъ содержать въ себѣ піэсы изъ физики, натуральной исторіи, географіи и нѣкоторыхъ другихъ наукъ, которыя будутъ доставлять вамъ свѣдѣніе о разныхъ вещахъ, кои знать вамъ нужно. И такъ, главнымъ предметомъ сихъ листовъ будетъ польза ваша; но при томъ постараемся мы дѣлать ихъ вамъ пріятными, для того, чтобы вы полюбили свою пользу»¹⁾.

«Дѣтское Чтеніе» имѣло большой успѣхъ въ публикѣ, такъ что, начиная съ 1799 г. и кончая 1819 г., всѣ части журнала неоднократно перепечатывались то во Владимірѣ, то въ Москвѣ (въ двухъ типографіяхъ) и даже въ Орлѣ; но довольно странно, что на всѣхъ перепечатанныхъ частяхъ выставлено второе изданіе.

Здѣсь же скажемъ нѣсколько словъ и о другихъ журналахъ, издававшихся Новиковымъ съ 1781 г. по 1785 г.

¹⁾ См. А. Н. Неустроева Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г. С.-Пб. 1874 г., ст. 372—373.

Въ прекрасно написанномъ «Предисловіи» къ Московскому Изданію (1781 г.) говорится, что цѣль этого журнала — борьба съ энциклопедистами. Новиковъ требуетъ въ этомъ изданіи отъ занимающагося какими бы то ни было науками философскаго взгляда на міръ, философской общей идеи, руководящей частными, специальными занятіями. Съ другой стороны изданіе имѣло цѣлью знакомить читателей съ масонскими таинственными знаніями.

Главнѣйшими изъ всѣхъ наукъ Московское Изданіе считало философію и исторію. «Безъ исторіи и философіи ни одинъ ученый обойтись не можетъ, говорится въ «Наставленіи отца сыну»¹⁾.

Московское Изданіе доказываетъ, что женщина можетъ и должна получать такое же образованіе, какъ и мужчина. Помощь бѣднымъ — дѣло, такъ близкое сердцу Новикова, интересовало и Московское Изданіе.

Непосредственно за Московскимъ Изданіемъ послѣдовала «Вечерняя Заря» (1782). Новый журналъ представилъ цѣлый рядъ психологическихъ статей, тѣсно связанныхъ между собою внутренней связью одного, проводимаго чрезъ всѣ ихъ, убѣжденія. Интересъ новиковскихъ изданій къ философіи опредѣлился теперь въ интересъ къ психологін — это объясняется мнѣніемъ Новикова, высказаннымъ еще въ Москов. Изданіи, что главнѣйшее знаніе наше есть знаніе себя самого. На мысль о томъ, что самопознаніе выше всего, по всей вѣроятности, навело Новикова масонство, благоговѣвшее передъ мыслью древности: познай самого себя; но должно замѣтить, что въ психологическихъ статьяхъ «Вечерней Зари» нѣтъ совершенно ничего масонскаго.

Превосходство духа надъ тѣломъ журналъ старается между прочимъ показать въ прекрасномъ «Разсужденіи о истинномъ человѣческомъ благѣ». «Истинное наше благо должно быть вѣчно, говоритъ онъ, — и потому оно находится въ области духа, а не тѣла. Просвѣщеніе и добродѣтель — истинные источники нашего удовольствія; а средства, которыми они снискиваются, разумъ и воля, причемъ разумъ долженъ царствовать надъ волей, иначе

¹⁾ Моск. изд. ч. II, ст. 278, см. слѣдующую главу XXXIV Ист. русск. педаг., ч. II.

она можетъ подчиниться различнымъ страстямъ. Такимъ путемъ можетъ быть счастливъ всякій; но кто руководствуется наукою и закономъ (т.-е. живетъ въ образованномъ обществѣ), для того путь къ благу короче». Изъ этихъ разсужденій мы видимъ, какъ высоко ставитъ «Вечерняя Заря» разумъ и науку. Это еще виднѣе изъ другого сочиненія о счастіи¹⁾. Причинами удовольствій здѣсь считаются: познанія, разсужденіе, непрерывное преуспѣяніе въ познаніяхъ, дѣятельность, вниманіе къ состоянію другихъ и сила вліянія на другихъ, красота во внѣшнемъ мірѣ. Отсюда выводъ: человѣкъ можетъ быть блаженъ, приводя въ «лучшее совершенство» свои умственные и нравственные силы. Совокупность психологическихъ статей «Вечерней Зари» представляетъ нѣчто въ родѣ цѣлаго курса психологіи.

Почти всѣ философскія статьи «Вечерней Зари» по духу своему служатъ опроверженіемъ философіи энциклопедистовъ. Но вездѣ проводится твердо, что мысль и вѣра не должны и не могутъ противорѣчить другъ другу: вѣра дополняетъ изысканіе ума, умъ поддерживаетъ своими доводами вѣру. Въ этихъ взглядахъ «Вечерней Зари» справедливо видитъ г. Незеленовъ²⁾ «зародыши той философіи, которая такъ цѣлостно развилась въ новѣйшее время въ сочиненіяхъ Кирѣевского и Хомякова».

И въ «Покоящемся Трудолюбцѣ» (1784 г.) первое мѣсто принадлежитъ отдѣлу статей философскихъ, нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ психологіи. Здѣсь уже довольно много говорится о роли и значеніи чувства. Но не психологическія статьи «Покоящагося Трудолюбца» даютъ тонъ направленію журнала. Особенность мысли его выражается въ скептицизмѣ. Этотъ скептицизмъ видимъ мы съ одной стороны въ разсужденіяхъ объ ограниченности силъ человѣческаго ума, съ другой стороны — въ блистательномъ разрушеніи всякаго рода предразсудковъ и суевѣрій.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ послѣднихъ своихъ журналахъ Новиковъ — ни западникъ, ни поклонникъ древней Руси, — онъ выработалъ инныя начала. Но въ этихъ началахъ онъ остался русскимъ человѣкомъ, въ нихъ онъ выразилъ со-

¹⁾ «Вечерняя Заря», ч. I, ст. 15—51.

²⁾ Новиковъ, Н. И., ст. 307.

кровенную сущность нашего народного характера. «Въ основѣ всей нашей мысли и всей нашей народной силы» лежитъ «высокое начало единства», противоположное «мысленному и бытовому раздвоенію западной Европы», говоритъ Хомяковъ. Въ идеяхъ послѣдняго періода журнальной дѣятельности Новикова мы и видимъ это начало «единства», — единство мысли и вѣры, ума, совѣсти и чувства, философіи и сатиры, науки и общественной жизни, воспитанія и образованія¹⁾. «И такъ не представителемъ масонства должно считать Новикова, а представителемъ совсѣмъ иной идеи, отличной отъ масонства, точно также какъ и отъ вольтеріанства, идеи, пришедшей смѣнить въ нашей жизни то и другое. Эта идея не осталась безъ вліянія на убѣжденія и жизнь молодого поколѣнія, воспитаннаго Новиковымъ²⁾».

Съ 1785 г. начинаются преслѣдованія мартинистовъ.

Московскій главнокомандующій, графъ Брюсъ, получилъ отъ императрицы указъ отъ 7-го октября и отъ того числа пришелъ другой указъ ея къ архіепископу Московскому Платону. Она предписывала имъ назначить свѣтскихъ и духовныхъ ревизоровъ для подробнаго образованія всѣхъ частныхъ школъ и училищъ въ Москвѣ. Хотя тутъ не было еще ни слова сказано о мартинистахъ, но предписаніе указовъ о томъ, чтобы при преподаваніи Закона Божія не были допускаемы «суевѣріе, развращеніе и обманъ», очевидно проистекало изъ подозрѣнія въ томъ, что мартинисты распространяли свое ученіе и при воспитаніи юношества. Этого, однако на дѣлѣ не оказалось, напротивъ того открылось, что законъ Божій въ московскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ преподавался по большей части крайне небрежно, или даже вовсе не входилъ въ курсъ ученія, противъ чего и не были приняты мѣры.

Затѣмъ 23 декабря 1785 г. были посланы Брюсу и арх. Платону новые указы.

Императрица писала графу Брюсу, что въ типографіи Новикова печатаются «многія странныя книги», почему она приказывала, чтобы московскій губернскій прокуроръ составилъ имъ роспись, которою должно отправить къ Платону, имѣющему испытать Новикова въ Законѣ Божіемъ, рассмотреть эти книги

¹⁾ Незеленовъ. Н. И. Новиковъ, ст. 416.

²⁾ Ib. 417.

и о послѣдующемъ донести Государынѣ и Синоду. Брюсу же предписывалось назначить цензоровъ, совмѣстно съ Платономъ, для разсмотрѣнія книгъ, печатавшихся у Новикова и въ другихъ вольныхъ типографіяхъ и для того, чтобы не появлялись книги, въ которыхъ заключаются «колобродства, нелѣпныя умствования и расколь». Арх. Платону предписывалось призвать къ себѣ Новикова, испытать его въ законѣ Божіемъ и освидѣтельствовать изданныя имъ книги, чтобы узнать и донести Государынѣ и Синоду «не скрывается-ли въ нихъ умствованій, не сходныхъ, съ простыми и чистыми правилами вѣры православной и гражданской должности».

Было опечатано 461 изданій, продававшихся въ книжной лавкѣ Новикова, и отправлено по экземпляру на разсмотрѣніе Платону. Разсмотрѣніе ихъ кончилось въ мартѣ 1786 г. По этому дѣлу арх. Платонъ писалъ Государынѣ. Онъ говорилъ, что испыталъ Новикова въ догматахъ вѣры и сдѣлалъ о немъ слѣдующій мужественный отзывъ: «Какъ предъ Престоломъ Божіимъ, такъ и престоломъ твоимъ, Всемилостивѣйшая Государыня Императрица, я одолеваю по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всещедрого Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою, Всемилостивѣйшая Государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковыя, каковы Новиковъ».

Перейдя затѣмъ къ разсмотрѣннымъ книгамъ, Платонъ раздѣлилъ ихъ на три категоріи: 1) книги собственно литературныя, которыя желательно распространить для образованія публики, особенно при бѣдности нашей литературы; 2) книги мистическія, которыхъ архіепископъ «не понимаетъ», и потому не берется судить о нихъ, и 3) книги зловредныя, развращающія нравы и подрывающія религіозныя, «гнусныя и юродивыя порожденія энциклопедистовъ», которыя «слѣдуетъ исторгать, какъ пагубныя плевелы».

Замѣчательно, что «плевелы» и не подверглись опалѣ, не они возбуждали подозрѣнія: были же запрещены книги второй категоріи (всего шесть).

Наступившій 1787 г. принесъ Россіи великое бѣдствіе, въ видѣ страшнаго неурожая и голода: листья, сѣно и мохъ дѣлались пищею людей. Въ эту тяжкую годину масоны собирались нерѣдко для того, чтобы изыскать средство помогать несчастнымъ,

собирать подаянія и распоряжаться раздачею пособій. Въ одномъ изъ такихъ собраній Новиковъ произнесъ горячую и убѣдительную рѣчь. Рѣчь эта произвела такое громадное впечатлѣніе на молодого богача Г. М. Походяшина, что онъ тутъ же въ собраніи всталъ, подошелъ къ Новикову и тихо на ухо сказали, что онъ жертвуетъ на помощь несчастнымъ значительную долю своего состоянія и проситъ его распорядиться деньгами по своему усмотрѣнію. Съ этой минуты Походяшинъ сдѣлался ревностнымъ участникомъ въ предпріятіяхъ Новикова и его друзей, къ чему давали средства его богатства. Новиковъ, получивши пожертвованія Походяшина, предпринялъ неслыханное благотворительное дѣло. Онъ скупалъ хлѣбъ и производилъ раздачу его бѣднымъ въ Москвѣ и въ подмосковномъ селѣ своемъ Авдотьинѣ, приводя публику въ изумленіе такими размѣрами благотворительности. Недоброжелатели его видѣли въ этомъ опасность, полагая, что цѣль Новикова состоитъ въ привлеченіи къ себѣ низшихъ классов¹⁾. Иные подозрѣвали даже масоновъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій.

Примѣръ Новикова и «Типографической Компаніи» чрезвычайно оживилъ типографскую дѣятельность въ Россіи. Казенныя и частныя типографіи размножились и улучшались.

Къ 1787 г. относится начало попытокъ сближенія между Новиковымъ, его друзьями и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, заинтересовавшимся дѣятельностью масоновъ. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, императрица вскорѣ задумала исполнить мѣру, которая должна была прекратить совершенно литературную дѣятельность масоновъ. Она издала указъ, запрещающій продажу всѣхъ книгъ, «до святости касающихся, кои не въ синодальной типографіи напечатаны». Въ Москвѣ, на основаніи этого указа, были обысканы всѣ книжныя лавки и опечатано множество книгъ. Вѣроятно, многія изъ нихъ были сожжены. — Послѣ этого указа Новикову и «Типографической Компаніи» становилось трудно работать.

1-го марта 1789 г. кончился срокъ аренды Новиковымъ университетской типографіи, она въ аренду къ нему болѣе не поступила и въ № 34 Моск. Вѣдом. 1789 г. Новиковъ простился съ публикой.

¹⁾ Лонгиновъ. Новиковъ и моск. март., ст. 279.

Весною 1791 г. императрица рѣшила положить конецъ подозрительной дѣятельности масоновъ и дала указъ кн. Прозоровскому о слѣдствіи надъ ними. 24 апрѣля 1792 г. Новиковъ былъ арестованъ и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. «Типографская Компанія» еще раньше прекратила свое существованіе. Нѣкоторыхъ изъ главныхъ масоновъ выслали изъ Москвы. Послѣ смерти императрицы Екатерины II съ восшествіемъ на престолъ Павла I улучшилось положеніе масоновъ и розенкрейцеровъ. Многіе изъ нихъ получили важныя должности при дворѣ, другіе осыпаны милостями.

Павель I немедленно приказалъ выпустить Новикова изъ крѣпости и разрѣшилъ ему пользоваться полною свободою. И. В. Лопухинъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ и пожалованъ сенаторомъ. Князь Н. И. Трубецкой былъ также пожалованъ сенаторомъ.

Затѣмъ состоялся указъ о возвращеніи Новикову всего его имѣнія, отобраннаго въ казну. Новикову было приказано явиться лично къ Императору Павлу I, который осыпалъ его милостивыми словами и обѣщаніями. Со времени освобожденія (1796) своего и по самую кончину свою (1818 г.), Новиковъ почти безвыѣздно прожилъ въ подмосковномъ селѣ своемъ Тихвинскомъ-Авдотьинѣ. Онъ жилъ очень скромно, лѣчилъ крестьянъ, читалъ душевспасительныя книги и много писалъ, но записки не сохранились. 31-го іюля 1818 года онъ скончался на семьдесятъ пятомъ году отъ рожденія.

Источники и пособія:

Главными пособіями служили Новиковъ и Московскіе мартинисты. Изслѣдованіе М. Н. Лонгинова. Москва 1867 г. и Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг. Изслѣдованіе А. Незеленова. С.-Пб. 1875 г. Кромѣ того: Евгенийъ Трифилевъ. Николай Ивановичъ Новиковъ, какъ педагогъ. Харьковъ, 1896 г.

ГЛАВА XXXIV.

Нравоучительныя книги второй половины XVIII вѣка.

Разсмотрѣніе многочисленныхъ нравоучительныхъ книгъ, явившихся въ русскомъ обществѣ во второй половинѣ XVIII вѣка, приводитъ насъ къ тому заключенію, что потребность въ нраво-

ученіи была довольно сильна въ это время. Одно только обстоятельство можетъ насъ не удовлетворять. Нравоучительный элементъ, такъ сильно выраженный въ древней Руси, могъ бы быть хорошимъ фундаментомъ для созданія собственныхъ системъ морали и положить начало оригинальнымъ нравоучительнымъ сочиненіямъ. Однако, ничего подобнаго не случилось въ XVIII вѣкѣ. Увлеченіе Западной Европой заслонило самобытныя теченія русской мысли и на время совсѣмъ ихъ подавило. вмѣсто самостоятельныхъ системъ морали, мы видимъ цѣлый рядъ нравоучительныхъ сочиненій, переведенныхъ съ иностраннаго. Однако, оставлять ихъ безъ вниманія мы не можемъ. Они свидѣтельствуютъ о живомъ интересѣ къ нравоучительнымъ вопросамъ и показываютъ, на что направлена была русская мысль при разрѣшеніи этихъ насущныхъ вопросовъ. Говорить о резонерствѣ XVIII в. и считать это явленіе пустой затѣей праздныхъ умовъ, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые изслѣдователи, мы не имѣемъ никакого права. Даже болѣе, это явленіе мы считаемъ весьма серьезнымъ и заслуживающимъ гораздо большаго вниманія, чѣмъ какое ему удѣлялось до сихъ поръ. Это стремленіе къ нравственнымъ вопросамъ, эти многочисленныя нравоучительныя книги, появившіяся въ значительномъ числѣ во второй половинѣ XVIII вѣка свидѣтельствуютъ о назрѣвшихъ духовныхъ нуждахъ, о серьезныхъ запросахъ русской жизни и мысли; они готовятъ почву для самостоятельныхъ построеній системъ морали и педагогики. Съ этими взглядами и приступаемъ мы къ обзору болѣе распространенныхъ нравоучительныхъ книгъ переводнаго характера, вращавшихся во второй половинѣ XVIII вѣка.

1) *Наука щастливымъ быть*, переведена съ нѣмецкаго на російскій языкъ Сергѣемъ Волчковымъ въ СПб. при Академіи наукъ 1759 г. 5 нenum. и 352 стран.

Авторъ «Науки» преподаетъ читателямъ наставленія въ житейской мудрости, исчисляя добрыя качества, по его мнѣнію, необходимыя для достиженія счастья, при чемъ указываетъ на пороки, которыхъ нужно избѣгать, примѣшивая къ разсужденію различныя анекдоты.

На стран. 2 печат. изд. «О ученіи» говорится: «Тебѣ жъ не пристойно, какъ грамматикѣ учащимся школьникамъ, надѣ орфо-

графією или произношеніемъ одного слова цѣлой часть спороваться: да больше разума, словъ и силы дѣла смотрѣть надлежитъ, а къ пустымъ литерами отнюдь ввязаться не надобно. Что намъ до того дѣла, сколько на Геркулесовой дубинѣ сучковъ было? Всякому довольно, чтобъ себя знать (у Губерти разсмотрѣно подь № 91). Переводъ С. Волчкова имѣлъ нѣсколько изданій: 1775, 1794 и 1803 гг. Насколько эта интересная книга нравилась русской публикѣ, видно изъ того, что многочисленныя ея рукописныя списки вращались въ значительномъ количествѣ въ обществѣ и сохранились и до настоящаго времени во многихъ старинныхъ библіотекахъ. Мы пользовались превосходнымъ спискомъ, находящимся въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ въ Москвѣ (подь № 677). Рукопись имѣетъ 230 стран. in quarto. Отсюда и приведемъ рядъ выдержекъ.

Разд. I. О ученіи. «Мало такихъ примѣровъ видало, чтобы умной и прилежной молодой человѣкъ не в добродѣтеляхъ и в нещастіи жизнь свою провождалъ». «Никогда своего разума фантастическими спорами и школьными забабонами не затмѣняй (sic!)»

«Честной и умной человѣкъ устремить свои мысли на нужныя и полезныя дѣла: искусному и основательному ученому мужу бесполезными подробностями и ни къ чему годными спорами самого себя мучить, а другихъ утруждать весьма не прилично» (ст. 3). «Дѣйствительная наука есть истинное сокровище благороднаго человѣка, а скромность ключъ отъ нея, она всякому ученію свѣтъ подаетъ, такъ какъ золотыхъ дѣлъ мастера не граненымъ алмазомъ рѣжутъ твердые предметы, такъ и довольно ученіе изошряетъ умъ и не малаго труда потребно на забвеніе тому, чему насъ неправильно учили». «Та наука лутче всѣхъ, которая человѣка болше тому учить, какъ ему быть добрымъ, нежели ученымъ» (ст. 3 об.).

«Читай со вниманіемъ великую книгу природы, она лутче всѣхъ библіотекъ на свѣтѣ и у всякаго человѣка передъ глазами лежитъ: хотя такихъ и очень мало, которую бы оную читали и разумѣли. Что болше книгъ, то болше безпокойства. Великія библіотеки другова плода не приносятъ, только что разумъ человѣческой съ праваго пути збиваютъ» (ст. 5).

«Старайся чтобы тебѣ хорошимъ, а ежели возможно, то потщясь лутчимъ челоуѣкомъ быть, то средство великодушному праву пристойно» (ст. 5 об.).

«Полезное изобрѣтеніе мікроскопа и тѣлескопа, не малаго удивленія достойно для того, что древнія ничего о томъ не знали, чего ради нашедшимъ такія диковинныя вещи людемъ всякое благодареніе отдать должно» (ст. 7).

«Ничего на свѣтѣ лутче, честнѣе и святѣе вѣры нѣтъ, а кто способъ ссоры и несогласій за оную начинаетъ, тотъ вѣру ругаетъ» (ст. 8 об.).

«Ревность пристала простому челоуѣку, а знатной персонѣ красота, умѣренность; гнѣвъ свой обуздавай скромностію и терпѣніемъ, страсти воздерживай разумомъ, темноту прегрѣшеній просвѣщай свѣтомъ истины. А раздѣленіе соединиай любовію» (ст. 10).

«Знаешь (sic) ли что истинная философія в двухъ словахъ состоитъ, а в какихъ: помни смерть» (ст. 11).

«Ежели вѣчность любишь, то времени своего напрасно не тѣрай, но сколько возможно, употребляй его на доброе» (ст. 11 об.).

«Отъ наймалѣйшаго искушенія берегись. Самая крѣпчай добродѣтель подобно великому и крѣпкому городу, которой редко без того осажденъ бываетъ, чтобъ непріятель напоследокъ явною силою или лестію сея крѣпости не взялъ» (ст. 13).

«Старайся, дабы ты во первыхъ никогда без дѣла не былъ. Потомъ смотри начатымъ дѣламъ своимъ конца. Знай и смотри себя, вся твоя жизнь состоитъ в разсужденіи о самомъ себѣ» (ст. 14 об.).

Разд. 4. «О обхожденіи». «Обхожденіе съ добрыми людами лутче всякой академіи» (ст. 19 об.). «З болшими господами вишенъ не ѣшь, они тебѣ тотъ часъ оглоданныя вяшенныя косточки в глаза бросаютъ» (ст. 21 об.).

«Хорошее говори, а лутчее дѣлай, будь таковъ, какимъ кажешся, а самымъ дѣломъ то оказывай, что люди в тебѣ видятъ» (ib). «Никакихъ странныхъ видовъ себѣ не притворяй, а хитрыхъ и ученыхъ словъ на произнесеніе какова либо развращеннаго вранья или безумства никогда не употребляй» (ст. 26).

Разд. 5. О разговорахъ. «Понеже рѣчь нашего языка — состояніе челоуѣческихъ мыслей значить, того ради ей с мыслію

всгдашнѣе (sic) согласіе имѣть надлежитъ, а не такъ какъ разстроенной скрыпить, реветъ» (ст. 28).

«В речахъ не очини щедро свою науку раздавай, ибо симъ образомъ всю казну своего ученія скоро изтощишь, всегда что нибудь в запасѣ имѣи съ чѣмъ бы тебѣ на завтрѣ показаться было» (ст. 30).

Скромной языкъ, веселое лице и тайныя мысли являютъ мудраго и осторожнаго человѣка» (ст. 32).

Разд. 6. «О молчаніи». «Молчаливость почитается за ключъ разума и за сокровище премудрости» (ст. 34 об.).

«Много слушать, а мало говорить героичная и великая добродѣтель» (ст. 38).

Разд. 8. О тщеславіи и самохвальствѣ. «Между учеными тотъ премудрой человѣкъ, которой думаетъ, что онъ меньше всѣхъ знаетъ» (ст. 47).

Разд. 9. О ругательствѣ. «Правило изрядное и весьма тебѣ полезно будетъ, ежели ты станешь про злого человѣка добро говорить, а добраго никогда порицать не будешь» (ст. 55).

Разд. 10. «О нравѣ и склонности». «Мудрой человѣкъ великой владѣтель, а область его вся в немъ, разумъ въ человѣкѣ царь, которой вѣнецъ и скипетръ имѣетъ, ему всѣ человѣческія желанія и склонности, такъ какъ поданныя царю, повинуютца» (ст. 61). «Мудрой человѣкъ всѣ его пристрастіи разуму покоряетъ» (ст. 63).

«Между всѣми страстями некоторая такъ не жестока и не бѣшена какъ гнѣвъ» (ст. 64).

«Сіе есть знакъ великаго и высокаго разума, когда человѣкъ знаетъ или по крайнѣй мѣрѣ тому учится, какъ бы ему свои природныя недостатки и худыя склонности упредить и исправить; они почитаются за душевную немочь» (ст. 67 об.).

Разд. 11. «О безчестіи и мнѣніи». «Кто прощаетъ, тотъ всему свѣту оказываетъ, что онъ непріятелей своихъ не боится» (ст. 73).

Разд. 12. О добродѣтели. «Храбраго, великодушнаго человѣка дѣло то, чтобы страсти свои воздерживать, грѣху противится, а добродѣтели всегда желать» (ст. 81). «Добродѣтель ничего кромѣ себя одной не требуетъ, она человѣка въ жизни великимъ творить, а по смерти прославляетъ» (ib). «Добродѣтель не отъ природы дается, но трудами и искусствомъ получается,

а добродѣтельную быть великая мудрость» (ст. 86 об.). «Старайся чтоб искренность была балласть, а добродѣтель грузъ корабля души твоей» (ст. 87 об.).

Разд. 17. «О наукѣ счастливымъ быть». «Ежели ты щастливо жить хочешь, такъ исправь свою мысль разумомъ, отложи затвердѣлое мнѣніе и живи по натурѣ» (ст. 121 об.). «Спокойство душевное и здравіе тѣлесное суть совершенныя благополучія в жизни человѣческой». «Истинное благополучіе не в великой силѣ, власти, ни в великомъ богатствѣ состоитъ, но толь воздержанія страстей и еще от того зависятъ, дабы ты все разумно и справедливо дѣлалъ» (ст. 121 об.).

Разд. 21. О супружествѣ. «Ежели у тебя дѣти есть, такъ побольше ихъ научи, сходному с твоимъ чиномъ художеству или свободнымъ наукамъ, а поменьше богатства имъ оставляй, ремесло и наука человѣка не только питаетъ, но и в люди выводитъ, а богатство молодыхъ не только портитъ, но и вовсе губитъ. Кто дѣтей своихъ въ добромъ воспитаніи взроститъ, тотъ имъ великое богатство оставитъ» (ст. 150).

2. *Политическія и нравоучительныя басни Пильпая*, философа индейскаго, съ франц. перев. Борисомъ Волковымъ. С.-Пб. 1762. 280 стран. in 16°.

Пильпай, браминъ индейской, говоритъ переводчикъ въ предисловіи, даетъ въ своихъ басняхъ, аллегорическимъ образомъ, государямъ наставленіе, какъ управлять своими подданными. Несмотря на нѣкоторые недостатки, «Пильпай достоинъ не малой чести за свое сочиненіе, потому что ни въ какихъ почти басняхъ не можно найти столько политики, нравоученія и съ пріятностью смѣшенной важности, какъ въ Пильпаевыхъ, есть ли только къ чтенію оныхъ употреблено будетъ надлежащее вниманіе. Сія послѣднія причины побудили перевести оныя и на Россійской языкъ, дабы юношество нечувствительно научить добронравію, ибо молодой и незрѣлой еще разумъ больше склонности оказываетъ къ чтенію такихъ забавныхъ сочиненій, нежели важныхъ, преисполненныхъ философскими разсужденіями». Приведемъ нѣкоторые примѣры: Басня XV. О царѣ, которой изъ тиранна здѣлался кроткимъ и правосуднымъ государемъ учить, что тотъ, кто желаетъ добра своему ближнему во всемъ успѣхъ имѣетъ. Басня XVI. О вѣронѣ, лисицѣ и змѣѣ, что раз-

умъ побѣждаетъ силу. Басня XXI. О скорпіонѣ и черепахѣ, что скверные люди никогда не перемѣняютъ своего природнаго свойства. Басня XXX. О садовникѣ и медвѣдѣ¹⁾ учить, что дружба съ глупыми весьма опасна. Басня XL. О добродѣтельной женѣ и безстыдномъ слугѣ научаетъ, что обманщики и ласкатели получаютъ должное возмездіе и т. д.

3. *Басни нравоучительныя* съ изъясненіями Господина барона *Гольберга*. Перевелъ Денисъ Фонфизинъ. 2-е изд. 1765 г.²⁾

Въ книгѣ 225 басенъ съ разнообразнымъ нравоучительнымъ содержаніемъ.

Такъ, напр., въ баснѣ (2) «Крестьянинъ и Собака» проводится та мысль, что «всякія благодѣянія весьма худо награждаются», въ баснѣ (7) «Козель философъ» говоритъ, что есть люди, которые ученость и философію поставляютъ во внѣшности, подобно тому какъ козель видѣлъ ее въ длинной бородѣ. Отсюда и нравоученіе: *Barbam video, sed philosophum non video*. Басня (13) «О козлѣ» учить, что тотъ, который первѣе всѣхъ принимаетъ моды, и тотъ, который (упорно) держится старины — оба равно дураки. Басня (21) «Осель судьбою» учить, что «честность есть знатнѣйшее свойство судьбы, однако одной ею не можно сдѣлать ничего, а надлежитъ, чтобы съ оной соединенъ былъ разумъ». Басня (25) «Обезьяна нравоучителямъ» показываетъ, что нѣтъ смѣшнѣе того видѣть, какъ пьяница трезвости научаетъ. Басня (33) «Олень и Кошка» говоритъ, что «путь къ добродѣтели хотя и весьма многія имѣетъ затрудненія, однако оныхъ страшиться не должно; ибо иначе не можно быть добродѣтельнымъ, какъ презирать всѣ вредныя слѣдствія зависти». Въ баснѣ (68) «Утки и тюлень» доказывается, что въ свѣтѣ есть еще такіе, которые пренебрегаютъ то, что почитать должно, а почитаютъ то, что должно пренебрегать». Басня (124) «Свинья и хамелеонъ» учить, что нѣтъ въ свѣтѣ ничего безчестнѣе, какъ быть непостояннымъ и перемѣнять нравъ свой такъ, какъ хамелеонъ перемѣняетъ кожу. Басня (144) «О кошкѣ, хвастающей своимъ дворянствомъ», учить, что знатность есть одна химера, и она безъ добродѣтели не заслуживаетъ почтенія и т. д.

¹⁾ Очевидно, что басня И. А. Крылова «Пустынникъ и Медвѣдъ» есть только передѣлка этой басни.

²⁾ Мы пользовались перепечаткой этого изданія. Первое полное собраніе сочиненій Д. И. Фонвизина, 1761—1792. М. 1888.

4. *Геройская добродѣтель и жизнь Сифа*, царя Египетскаго, изъ таинственныхъ свидѣтельствъ древняго Египта взятая. Перевелъ Денисъ Фонвизинъ. Напечатано въ типографіи Имп. Москов. Универ. ч. I, въ 1762, ч. II, въ 1763, ч. III, въ 1764 г., ч. IV, въ 1768 г.

Сіе сочиненіе, раздѣленное на десять книгъ, говоритъ переводчикъ, въ разсужденіи исправленія нравовъ есть весьма полезно. Египетскій Сифъ представленъ здѣсь героемъ, почерпшимъ премудрость отъ нравоученія, чрезъ которое онъ, будучи еще въ цвѣтущей юности, въ состояніи уже былъ дѣлать другимъ наставленія. Потомъ, пришедъ въ совершенныя лѣта и находясь, по случаю, въ долговременномъ плѣнѣ, употребилъ сіе время въ изысканіи неизвѣстныхъ странъ, коихъ освободилъ отъ ужасныхъ суевѣрій. Затѣмъ впоследствии посвятилъ геройство благополучію общества». «Что же надлежитъ до моего перевода, то я главное имѣлъ стараніе не отступить по возможности отъ автора и изображать всѣ его мысли, которыми онъ старается сдѣлать полезное нравоученіе».

5. *Истинной Христіянинъ* и честной человѣкъ то есть соединеніе должностей христіянскихъ съ должностями житія гражданскаго. Издалъ сію книгу французской Аббать *Белмардъ* въ 1697 г., а на російской языкъ перевелъ Сергѣй Волчковъ въ 1743 г. 2-е изд., бывшее въ нашемъ распоряженіи, напечатано въ 1770 г.; въ немъ 368 ст. Первое изданіе описано у Губерти подъ № 107.

Въ книгѣ объясняются свойства Божіи и обязанности человѣка къ Богу, а затѣмъ идутъ разсужденія объ общественной жизни человѣка, о страстяхъ, добродѣтеляхъ и смерти.

«Добродѣтели, говорится, здѣсь безъ трудовъ и безъ препятствъ достигнуть невозможно» (ст. 343). «Кто добродѣтельнымъ быть хочетъ, тому ничего кромѣ добраго произволенія не надобно (ст. 344), ибо все зависитъ отъ добраго и твердаго намѣренія. «Добродѣтель надъ сердцами человѣческими великую власть, а надъ нравами удивительную силу имѣетъ» (ст. 347).

«Главная должность истиннаго Христіянина и честнаго человѣка состоитъ въ благотвореніи нищимъ и требующимъ у него помощи во время власти и силы его» (ст. 351).

6. Епиктита стоическаго *Энхиридѳонъ* и *Апофегмы* и Кевита Фивейскаго *Картина* или изображеніе житія человѣческаго.

Переведено съ греч. языка колеж. ассес. Григ. Полѣтикою. Изд. 2-е при Имп. Ак. Н. 1767 г. ст. in 12 (Переводъ посвящ. Ив. Ив. Шувалову).

Въ «предувѣдомленіи къ читателю» о стойкахъ говорится, что «въ древности были они наилучшимъ примѣромъ великодушія, справедливости, скромности и прочихъ добродѣтелей, которыя человѣка великимъ дѣлають. И сіе то было, что не только самихъ ихъ доводило до такого постоянства и несмущенія духа; но у непріятелей ихъ привело въ толь отмѣнное почтеніе». Переводчикъ объясняетъ далѣе причину, почему онъ перевелъ Енхиридіонъ и Картину.

«Польза и слава Россійскаго народа давно уже требуютъ, чтобы мы за таковыя переводы принялись. Не симъ ли средствомъ многіе въ Европѣ народы возстановили и распространили науки и знанія, обогатили и въ толикую красоту привели природныя свой языки, вывели грубость и невѣжество, и напослѣдокъ заслужили имя людей просвѣщенныхъ и обхожденіе знающихъ? Не то же ли дѣйствіе имѣеть въ людяхъ чтеніе разумныхъ наставленій и нравоченій древнихъ писателей, что баснословная Орфеева Лира въ безсловесныхъ животныхъ? Не оно ли укрощаетъ ихъ нравы, просвѣщаетъ разумъ и сердце человѣковъ, ежели позволено такъ сказать человѣческимъ дѣлаеть?» При переводѣ переводчикъ держался подлинника, наблюдая стараніе не только о словахъ, но и мысляхъ. Слѣдуетъ: житіе Епиктитова ст. 1—54, Епиктитовъ Енхиридіонъ ст. 55—134.

«Человѣка въ приобрѣтеніи мудрости успѣвающаго, знаки суть слѣдующіе: никого не осуждать, никого не хвалить, никого ни въ чемъ не обвинять, ни на кого не жаловаться, никогда о себѣ не говорить какъ о человѣкѣ, имѣющемъ гораздо лучшія передъ другими качества и знанія (ст. 125).

Епиктитовы Апофѣегмы ст. 135—177. О добродѣтели здѣсь сказано: «Умъ придерживающійся добродѣтели подобенъ неоскудѣваемому источнику, который имѣеть въ себѣ чистую, сладкую, вкусную, здоровую, ко всему полезную, довольную, невредительную и неиспорченную воду (ст. 136).

«Добродѣтель одна вольностію, а пороки неволею назваться могутъ» (ст. 148).

«Узовъ духа никто разрѣшить не можетъ кромѣ добродѣтели, снисканной чрезъ ученіе, великодушнѣе и воздержное житіе» (ст. 149). «Чего себѣ не желаешь, другому не твори» (ст. 150).

Кевита Оивейскаго Картина ст. 178—230. Здѣсь также говорится «Путь къ добродѣтели чрезъ воздержаніе и терпѣливость».

7. *Человѣкъ довольный*, научающій хорошо жить. При чемъ самыя лучшія правила изъ нравственной философіи представляются въ различныхъ примѣрахъ историческихъ, могущихъ служить ко укрощенію нашихъ страстей, любленіи добродѣтели и отвращенію отъ пороковъ. Перевелъ съ французскаго языка Оома Халчинскій С.-Пб. 1769 ст. 289.

Здѣсь говорится: «Быть премудрымъ прежде времени великое есть щастіе, однако вся сила состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть различать премудрость, а поелику нѣтъ иной премудрости, кромѣ Христіанской, то премудрому прилично есть жить по христіански» (ст. 13).

«Единственное средство къ пріобрѣтенію совершеннаго благополучія нашего въ свѣтѣ семъ есть размышлять всегда о пріобрѣтеніи блаженства будущаго вѣка» (ст. 15).

«Все христіанское нравоученіе и политика состоятъ въ томъ, чтобъ имѣть Бога во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ за предмѣтъ (sic!), дабы можно было видѣть во всемъ успѣхъ благополучный, а если правило сіе не будемъ почитать нашимъ, то сдѣлаемся мы недостойными сожалѣнія, ибо сія наша погрѣшность будетъ самопроизволна» (ст. 115).

«Поелику все благополучіе жизни сея состоитъ во благополучной смерти, то всѣ помышленія, всѣ слова и всѣ дѣйствія наши не должны имѣть инаго предмѣта, кромѣ того, чтобъ *хорошо жить, дабы хорошо умереть*» (ст. 276).

8. *Опытъ нравоучительной философіи*, показывающей истинныя къ спокойствію человѣческому средства, сочиненной Господиномъ *де-Мопертюи*. Съ французскаго языка перев. Петръ Нечаевъ. С.-Пб. 1777, ст. 77.

Сочинитель книжицы сея, рекомендуетъ переводчикъ, Господинъ де-Мопертюи какъ важностью мыслей, такъ и полезными наставленіями особливую заслуживаетъ похвалу. Что доказываетъ сіе его сочиненіе, которое служить можетъ всякому до-

вольнымъ руководствомъ *находитъ въ самомъ себѣ спокойствіе и удовольствіе*, и чрезъ то достигать истиннаго благополучія (ст. I).

Книга говоритъ: что есть щастіе и нещастіе (гл. I), о томъ, что въ нынѣшней жизни число золъ превосходитъ число благъ (гл. II), приводитъ размышленіе о свойствѣ удовольствій и скуки (гл. III), о средствахъ, какъ состояніе наше сдѣлать лучшимъ (гл. IV), о системѣ стоиковъ (гл. V), о средствахъ Христіанскимъ ученіемъ предлагаемыхъ, какъ быть щастливымъ (гл. VI), о благочестіи (гл. VII).

«Два только есть средства, говоритъ де-Мопертюи, къ достиженію того, чтобъ состояніе наше сдѣлать лучшимъ: одно состоитъ въ умноженіи числа благъ, а другое въ уменьшеніи числа золъ».

Съ уваженіемъ авторъ относится къ Императору Марку Аврелію: «онъ одаренъ будучи всѣми въ его время бывшими знаніями, уважаетъ только тѣ, кои научаютъ управлять сердцемъ. Все его упражненіе состояло только въ познаніи чело-вѣка» (ст. 39). Но вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ высокимъ нравоученіемъ де-Мопертюи считаетъ Христіанское. «Содержаніе стоической системы: думай только о себѣ, и всѣмъ жертвуй своему покою. А Христіанское нравоученіе содержится въ сихъ двухъ заповѣдяхъ: Люби Бога отъ всего твоего сердца; люби другихъ, какъ себя самого» (ст. 54).

9. *Душа добродѣтели*, или правила нравоученія въ пользу и наученіе юношества изъ древнихъ и новѣйшихъ мудрецовъ выбранныя и на Россійскій языкъ переведенныя поручикомъ Алексѣемъ Артемьевымъ. Изд. 2-е 1782 ст. 74 in 8. Вся книжка состоитъ изъ 34 уроковъ, въ которыхъ между прочимъ говорится:

«Надлежитъ весьма стараться, чтобъ дѣти съ самыхъ молодыхъ лѣтъ воспитаны были въ добронравіи: ибо такимъ образомъ они будучи воспитаны, безъ сомнѣнія, могутъ быть и самими себѣ, ближнему и Богу любезны (ст. 8).

«Старайся, о юноше! въ молодыхъ твоихъ лѣтахъ снискать добродѣтель» (ib.).

«Добродѣтель есть самая величайшая, первая и превосходнѣйшая изъ всѣхъ наукъ наука» (ст. 9).

«Человѣколюбіе наибаче возвынаеть человѣческую природу, и честь нѣкотораго божественнаго свойства человѣку сообщаетъ (ст. 9). «Старайся всячески быть полезнымъ ближнему» (ст. 10). «Нравоучительныя правила должны въ сердце каждаго человѣка впечатлѣны быть глубоко (ст. 12)». «Добродѣтельному человѣку надлежитъ быть таковымъ на самомъ дѣлѣ, а не на словахъ» (ст. 19). «Безразсудный отецъ, или наставникъ тщетно уповаеть вперить въ сына или учениковъ любовь къ добродѣтели, ежели самъ въ порокахъ упражняется: ибо дѣти или ученики прежде всего перенимають родительскіе или учительскіе поступки» (ст. 31).

Въ урокѣ 11 говорится: «Не надлежитъ юношество утрудять изученіемъ единыхъ только словъ и болтаніемъ какого языка; но чтобъ нѣжное ихъ сердце наполняемо было спасательными для человѣка правилами, страхомъ Божиимъ и любленіемъ самого себя и ближняго и въ семъ то истинная ихъ наука состоитъ, истинное воспитаніе, непоколебимое и истинное ихъ щастіе» (ст. 33).

«Мудролюбіе есть начало и источникъ всѣхъ добротъ; отъ него всѣ прочія добродѣтели проистекають» (ст. 35).

«Великій духъ всегда стремится къ великому» (ст. 56).

«Главная человѣческая должность есть исправлять духъ и управлять своими склонностями» (ур. 31 ст. 64)

10. *Юанна Масона. А. М. Познаніе самаго себя*, въ которомъ Естество и польза сея важныя науки, равно и средства къ достиженію оныя показаны; съ присовокупленіемъ примѣчаній о естествѣ человѣческомъ. Съ Аглинскаго на нѣмецкій перевелъ М. І. Б. Р., а на Россійской І. Т. Въ Москвѣ, въ Университетской типогр. у Н. Новикова. 1783 ч. I, ст. 188 ч. II, ст. 52 ч. III, ст. 88.

Переводчикъ этой книги І. Т. говоритъ: «Книга сія можетъ служить свѣтиломъ, помощію котораго можно проникать въ сокровеннѣйшіе сгибы и тѣснѣйшіе углы неисповѣдимаго человѣческаго сердца и видѣть тамо, какъ слабости наши отъ глазъ нашихъ укрываются... Книга сія есть путеводительница къ вертограду добродѣтели» (см. приношеніе).

«Познавши себя, говоритъ авторъ, мы познаемъ начало и конецъ всего творенія». «Не возможно, по моему мнѣнію, быть

истиннымъ естества испытателемъ, не испытавъ прежде самого себя, не исправившись, не будучи добродѣтельнымъ. Познаніе самаго себя пролагаетъ путь къ познанію природы, а невѣдѣніе о самомъ себѣ облакаетъ густымъ мракомъ все насъ окружающее». «Не можно о томъ сказать, что знаетъ онъ себя, ежели онъ точно не вѣдаетъ своихъ дарованій и способностей; ежели онъ не знаетъ на какой конецъ онъ ихъ получилъ, и какимъ образомъ наилучше возвысить ихъ и употребить къ тому намѣренію» (ст. 59).

«Познаніе самого себя есть основаніе, на коемъ созидать можно господствованіе надъ самимъ собою» (ч. II, гл. I).

Вопросъ о познаніи самого себя былъ любимой темой лицъ XVIII в. съ мистическимъ направленіемъ. Масоны о немъ часто толковали. Поэтому нечего удивляться, что и въ литературу проникло нѣсколько книгъ, пытавшихся разъяснить его. Такихъ сочиненій немало встрѣчалось и въ рукописяхъ. Приведемъ для характеристики мнѣній вѣка выдержки еще изъ одного изъ нихъ, имѣющагося въ нашемъ распоряженіи.

11. *Познаніе самого себя*, В. И. I. Откровенное показаніе испытанія и познанія самого себя, учиненное нѣкоторымъ врачомъ, ищущимъ царствія Божія и принадлежащимъ къ соборной христіанской религіи, въ которомъ предложено о различіи трехъ начатковъ: о четырехъ комскіяхъ (комплексіяхъ), изъ которыхъ составленъ человѣкъ; о паденіи, о погубленіи и возобновленіи образа Божія въ человѣкѣ; о любви и о прочемъ. Съ присокупленіемъ нѣкоторыхъ теософскихъ, химическихъ примѣчаній; также нѣкоторыхъ правилъ, служащихъ руководствомъ къ исправленію человѣческому и житію его, почерпнутыхъ изъ опыта и для общей пользы ближняго преданныхъ тисненію. Печатано въ 1702 г. Переведено¹⁾ 1792 г. (рукопись).

«Всякое безуміе, безпокойство, слабость и немощь ума, разума и воли происходитъ отъ низпаденія человѣческаго, изъ чистой любви къ Богу въ любовь ко твари» (гл. I), въ разсѣваніи изъ единства во множество; ибо человѣкъ, разсѣваясь во многоразличности, не только не любитъ Бога и не творитъ святой его воли, но во всемъ думаетъ болѣе о себѣ и ищетъ

¹⁾ Съ нѣмецкаго, какъ видно изъ примѣчаній въ IX главѣ, гдѣ толкуется нѣмецкое слово *annemlichkeit*.

болѣе себя нежели Бога, чтить ложныхъ боговъ, покланяется и служить имъ; старается и сердцемъ своимъ, помышляетъ единственно о собственной чести, о собственномъ удовольствіи, о собственной пользѣ... Изъ сей-то развращенной собственной любви, какъ изъ горчайшаго родника, всѣ пороки, грѣхи и немощи тѣлесныя и душевныя истекають, яко источники и рѣки, или яко гнилыя вѣтви и плоды произрастають отъ злаго древа.

2. А дабы избавиться отъ сего безумія, безпокойства, растлѣнія и пр. «нѣтъ другого средства, кромѣ возвращенія чрезъ Христа къ Богу, отъ множества и многообразности къ единству, т.-е. совершенно предаться въ Божию, святую и единую благую волю, отвергнуться самого себя, отрещися отъ похотей и увеселенія». 3. «Къ сему же невозможно достигнуть безъ чистыя и единственной любви къ Богу, въ нашемъ Спасителѣ и ходатаѣ Иисусѣ Христѣ, который для сего и человѣкомъ учинилъ въ глубочайшемъ смиреніи и уничтоженіи, принявъ зракъ рабій, да примиритъ насъ паки съ Отцемъ, и тако очистилъ намъ путь къ небу»...

Далѣе въ главѣ II говорится о трехъ начаткахъ или принципахъ, изъ которыхъ составленъ человѣкъ. Указывается, что человѣкъ весь составленъ изъ трехъ начатковъ или частей; человѣкъ стихійный, звѣздный и божественный состоитъ изъ тѣла, души и духа. Стихійно-звѣздный человѣкъ состоитъ изъ четырехъ комплексій: холерической, сангвинической, меланхолической и флегматической (гл. III). Вообще авторъ видимо придаетъ большое значеніе ученію о темпераментахъ долго на нихъ останавливается и говоритъ:

«Ибо главнѣйшую причину прилѣпленія къ вещамъ и отращенія отъ оныхъ должно искать въ сходствѣ или несходствѣ ихъ съ темпераментами, или въ комплексіѣ, которая составляетъ или искать вещи, или убѣгать ея (гл. III). Потому-то холерикъ стремится наипаче къ вещамъ высокимъ мира сего, къ чести и знаменитости, желаетъ надъ всѣмъ господствовать и предъ всѣми превозноситься: ибо въ немъ господствуетъ вышній изъ всѣхъ стихійный огонь, масло, сѣра. Сангвиникъ жаждетъ гнилой воды сладострастія, плотянь и алчетъ плоти» и т. д.

«А въ комъ искра божественныя любви паки воспламеняется и возбуждается, тотъ человѣкъ стремится къ Богу, яко къ своему центру и жилищу» (гл. III).

«Желающій прямо знать свой темпераментъ, долженъ точнѣ себя испытать въ томъ, къ чему онъ большую склонность въ себѣ находить, о чемъ онъ наиболѣе мыслить, чего наиболѣе желаетъ и къ чему стремится».

«Ежели кто хочетъ другихъ познавать, то нѣтъ иного правительнаго средства, кромѣ познанія во-первыхъ себя самого. *Познаніе себя есть ключъ ко всякой Премудрости и знанію.* И такъ кто себя точнѣ и лучше знаетъ, тѣмъ удобнѣ и лучше можетъ познавать и другихъ». «Но кромѣ того для познанія другихъ нужно принимать во уваженіе различное людей воспитаніе и приобрѣтенныя привычки» (гл. VI, § 2). «А кто началъ уже и истину познавать и добро любить, тотъ долженъ весьма того остерегаться, чтобъ не допускать владычествовать въ себѣ желанію, вначалѣ часто рождающемуся все исправлять и реформировать: дабы слѣдуя сему желанію не впасть въ охуленіе, которымъ великій вредъ причинить можно самому себѣ, воспрепятствуя успѣхамъ своимъ въ растлѣніи духовномъ».

Кто хочетъ жить добродѣтельною жизнью, тому достаточно одного правила. «Правило же сіе состоитъ въ томъ: все, что не истекаетъ изъ чистоты любви къ Богу, или въ чемъ хотя малое нѣчто примѣшано, или въ чемъ хотя мало изыскуется собственныя чести, собственнаго увеселенія или услажденія и собственныя пользы, и гдѣ не изыскуется Богъ или гдѣ не помышляется о немъ, о немъ единственно: все то есть нечисто и скверно, и потому не можетъ быть угодно Богу» (гл. VI, § 22).

«Есть разныя степени добра, но христіанинъ долженъ всегда стремиться къ совершенному добру, естли онъ хочетъ достигнуть до совершеннаго блаженства и соединенія съ Богомъ» (гл. VI, § 23).

Въ главѣ VIII о свойствахъ и знакахъ чистыя любви къ Богу и къ небесной премудрости находимъ цѣлый панегирикъ любви, подобно какъ въ древне-русскихъ сборникахъ¹⁾. «Любовь чело-вѣколюбива, дружественна, кротка, сноситъ каждаго, терпѣлива

¹⁾ См. Ист. рус. педаг., ч. I, гл. XII. Измарагдъ, стран. 112.

ко ближнему, ей вредъ наносящему, хотя и ницеть она усердно, но безъ гнѣва и огорченія, воздерживать (sic!) злаго отъ злобы его; она сносить и терпитъ каждаго, даже злого, не оправдывая однакожь злобы его» (§ 4).

«Любовь благонравна, честна, благопристойна, трезва, наставительна, умѣренна, цѣломудренна, великодушна, трудолюбива, добра, храбра, смѣла и неустрашима, неуныла, но и не дерзновенна до безумія (§ 6). «Чистая любовь къ Богу и истинная премудрость неразлучны и сопряжены другъ съ другомъ неразрывно, и поелику растетъ любовь, потолику растетъ и истинная Премудрость».

12. *Зритель міра и дѣяній человѣческихъ*. Перевелъ съ аглинскаго Лука Сичкаревъ. С.-Пб. 1784 г., стран. 346 in 8° 1).

«Предлагаемыя въ книгѣ сей разсужденія, — говоритъ въ предисловіи переводчикъ, — выбраны изъ самыхъ лучшихъ англійскихъ писателей, каковы были: Адиссонъ, Тилочсонъ, Женсенъ, Свифтъ, Стиль и проч. Они писали о нѣкоторыхъ нравоучительныхъ истинахъ. Но разсужденія свои объ оныхъ сообщали они совсѣмъ отмѣннымъ образомъ, нежели каковымъ предлагаютъ обыкновенно увѣщанія свои многіе скучные нравоучители. Они представляя ихъ въ восхитительныхъ повѣствованіяхъ и чувствительныхъ для сердца изображеніяхъ, издавали оныя въ наилучшихъ своего времени сочиненіяхъ, каковы суть: Аглинскій зритель, Опекунь, Свѣтъ, Дворянское училище, Созерцатель дѣяній человѣческихъ и проч.»

Въ книгѣ говорится о благополучной жизни (ст. 11—20), о препровожденіи и употребленіи времени (ст. 45—53), о почитаніи себя щастливымъ, или несчастнымъ (ст. 75—82), о силѣ воспитанія и привычки (104—112), о истинѣ и чистосердечіи, о силѣ человѣческихъ пристрастій и проч.

Въ статьѣ «О благополучной жизни» сказано: «прямое мое богатство — добродѣтель, полезныя науки и художества», очень хороша повѣсть «О препровожденіи и употребленіи времени».

Въ статьѣ «О почитаніи себя щастливымъ или несчастнымъ» говорится: «Веселой и безпорочной нравъ есть первая къ щастію степень, и есть дарованіе изливаемое на насъ отъ Творца, при

1) Изъ библіютеки Нѣжинскаго Историко-филолог. Инст. кн. Безбородко.

самомъ рожденіи; и приобретаемое иногда чрезъ обращеніе съ такими людьми, которыхъ Богъ онымъ благословилъ, а иначе чрезъ ученіе и здравое о всѣхъ вещахъ разсужденіе» (ст. 75).

Въ статьѣ «Сила воспитанія и привычки» (ст. 104—112) сказано: «Простая, однако весьма справедливая, пословица, что привычка есть другая природа. Многими опытами извѣдано, что она въ состояніи дать человѣку совсѣмъ другія склонности, нежели съ которыми онъ родился».

«Духъ нечувствительно клонится къ тѣмъ вещамъ, къ которымъ привыкъ, и волю нашу весьма рѣдко можно совратить съ того пути, по которому она долго ходить обыкла». Приводится съ похвалою мнѣніе Пифагора, который говорилъ своимъ ученикамъ: «избери какой-нибудь родъ жизни, а пріятнымъ тебѣ оной сдѣлаетъ привычка (ст. 108).

«Всѣ великія дѣла и художества, на которыя мы съ удивленіемъ и восторгомъзираемъ, должны славою и преимуществомъ своимъ постоянному и твердому въ предпріятіи оныхъ пребыванію» (ib).

«Если хочешь жить въ свѣтѣ щастливо и спокойно, наблюдай воздержность; она есть мать здравія, добродѣтели, изобилія и всего того, что можетъ насъ сдѣлать щастливыми какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни» (ст. 156).

Къ книгѣ приложены: Разныя правоучительныя стихотворенія изъ самыхъ лучшихъ Россійскихъ писателей (ст. 302—335).

На ст. 318 находимъ:

Не славою героевъ,
 Не шумомъ страшныхъ боевъ,
 Не златомъ, не чинами,
 Не лестью, не красами
 Сердца вы заражайте,
 О! смертныя челоуѣки!
 Сократу подражайте
 И Честность умножайте.

Далѣе слѣдуютъ: «Полезныя истины и примѣчанія достойныя мнѣнія.

«Трудъ есть чистѣйшій источникъ, говорится здѣсь, всѣхъ благъ и твердое основаніе всѣхъ добродѣтелей: оной укрѣп-

ляетъ тѣло, сохраняетъ здравіе, продолжаетъ жизнь и споспѣшествуетъ пріятному теченію времени. Праздность же, напротивъ того, производитъ нѣгу, скуку и болѣзнь» (ст. 339).

«Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги, въ одной показалъ свое величество, въ другой свою волю. Первая, видимый сей міръ имъ созданный, дабы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность онаго, призналъ Божіе всемогущество по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга, есть Священное Писаніе, въ которомъ открыта безконечная благость Божія и показанъ путь къ нашему спасенію»¹⁾ (ст. 343).

13. *Книга цвѣтъ добродѣтелей и терніе пороковъ*. Переводъ съ греческаго. Въ Москвѣ въ Унив. тип. у Новикова. 1785 г., 148 ст., in 8°.

Тутъ находятся статьи: о любви, о радости, о милости, о разумѣ, о правдѣ, о вѣрности, о истинѣ, о постоянствѣ, о смиреніи, умѣренности и пр.

«Любовь, доброе хотѣніе, радость и дружество почитаются за одно», «вѣдай всячески, что первая причина любви бываетъ познаніе того, что любить хочешь». «Сіе познаніе вещи вкореняется въ памяти, потомъ въ сердцѣ и принуждаетъ, чтобы оно прилѣпилось къ той вещи, которую познало и желало». «Сія-то добродѣтель любви и корень и главное всѣхъ добродѣтелей основаніе» (ст. 2)²⁾.

Авторъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, пользуется часто разнообразными выдержками изъ писателей древности и св. отцовъ и разными сравненіями. «Можно уподобить истину цыплетамъ рябчика; ибо рябчикъ крадетъ яйца у сосѣдки своей и высидиваетъ, и когда высидитъ цыплятъ, природа наставляетъ ихъ, что познаютъ матку свою истинную и за нею ходятъ: тако есть истина, которая на послѣди познавается» (ст. 107).

«Великодушіе подобно соколу, ибо онъ лучше-бъ и скорѣе себя попустилъ голодомъ умереть, нежели-бъ сталъ согнившее мясо ѣсть, и не любитъ ловить, кромѣ жирныхъ птицъ» (ст. 117).

«И можешь уподобить тщеславіе павлину, которой столько величается, что во весь день охоту имѣетъ распускать хвостъ свой и окружаться, дабы его хвалили» (ст. 119). «Непостоянство

¹⁾ Изъ Ломоносова. См. Ист. рус. пед., ч. II, ст. 141.

²⁾ Это самое говорили и древне-русскіе сборники.

подобно ластовицѣ, которая пасется, перелетывая съ одного мѣста на другое» (ст. 124). «Оная чистота подобно горлицѣ, которая не забываетъ товарища своего» (ст. 139).

14. *Книга премудрости и добродѣтели*, или состояніе чело-вѣческой жизни. Индѣйское правоученіе. Съ Аглинскаго на нѣмецкой, а съ нѣмецкаго на російской языкъ переведенная В. П. Часть I. Москва въ Унив. тип. у Новикова. 1786 г.

«Вкусъ къ нравственнымъ сочиненіямъ, говоритъ переводчикъ, укореняющійся вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ въ любезномъ Отецествѣ нашемъ, побудилъ меня, благосклонный читатель, перевести книгу сію на Російскій языкъ; а плѣнительность восточнаго стилия придавала мнѣ тѣмъ болѣе охоты къ предпріятному труду. Сколь трогателенъ восточный стиль для сего довольно кажется вникнуть токмо въ книги Священнаго Писанія, гдѣ сила, огонь, премудрость, простота, откровеніе, таинство, высокость, красота блистають повсюду въ такомъ восхитительномъ видѣ, что углубляясь въ оныя, челоувѣкъ преисполняется Богоговѣніемъ, и воскресляется духомъ къ величеству и славѣ Божіей» (ст. 5). Далѣе онъ говоритъ: «Увидѣвъ нечаянно книгу подъ заглавіемъ: Экономія челоувѣческой жизни, а потомъ и другую Китайской Философъ называемую, и узнавъ, что подлинникъ оныхъ есть первая часть переводимой мною книги, я охладѣлъ было въ трудъ моемъ, къ чему не мало способствовало и то, что услышалъ о сей же первой части, что она помѣщена въ «Полезномъ Увеселеніи» подъ названіемъ Индѣйскаго Философа. Разсудивъ однакоже, что перевожу три части и что три раза печатанное на нашемъ языкѣ и много разъ на другихъ, заслуживаетъ конечно вниманія, сталъ я продолжать трудъ свой» ст. 6). Книга эта приписывается нѣкоему ученому брамину.

«Весьма подозрѣвають, впрочемъ, не Аглинское ли оно сочиненіе, и не самого ли гр. Чистерфильда, который въ Англии почитается не послѣднимъ писателемъ, чего не хочу ни утверждать, не отрицать, а скажу только, что то легко статься можетъ» (ст. 13). Такъ какъ первая часть этой книги вращалась и отдѣльно, то мы и рассмотримъ ее ниже¹⁾ по имѣющейся

¹⁾ См. слѣдующую книгу подъ цифрою 15.

у насъ рукописи. Во II части разсматривается душа человѣческая, ея начало и свойства, науки и ученость и пр.»

«Мыслить, разумѣть, заключать, желать все сіе не именуя душою, то однѣ ея дѣйствія, но не существо» (ст. 18).

«Помышляй безпрестанно о ея (т.-е. душѣ) величествѣ; не забывай, сколь великой даръ тебѣ ввѣренъ» (ст. 11).

«Изслѣдованіе дѣлъ Творца своего есть благороднѣйшее упражненіе человѣческаго духа» (71).

15. *Индѣйской философіи* или Наука жить щастливо въ обществѣ. Рукопись XVIII вѣка, изъ библіотеки И. Н. Михайловскаго. Въ ней 55 листовъ. Въ предисловіи переводчика здѣсь говорится: «родители желающіи благополучія дѣтямъ вашимъ и нещадящіе ничево что можетъ дѣлать ихъ сколько возможно совершенными гражданами и въ которымъ поручено воспитаніе отъ юности, въ которымъ самимъ состояніемъ вашимъ обязаны учреждать нравы и управлять поступку (sic!) ихъ, приводить къ добру и отвращать отъ зла, вамъ приношу я въ даръ сіе драгоцѣнное изданіе. Разсмотрите ученіе премудрости, которымъ оно наполнено, и узнавши тотчасъ коль полезно и нужно оно вамъ быть можетъ заключите вы изъ того, что книгопродавецъ, сообщающій вамъ сіе сокровище достоинъ всей вашей благодарности». Въ предувѣдомленіи говорится, что книга эта по порученію Китайскаго императора была отыскана въ архивахъ великаго Ламы Тибетскаго и авторомъ ея считается то Конфуцій, то Лао-Кингъ, то, наконецъ, браминъ Дандамись. Въ книгѣ говорится: о разсмотрѣніи себя самого, о смиреномудріи, о трудолюбіи, ревнованіи, благоразуміи, твердости и постоянствѣ, о страстяхъ, объ отцѣ, о разумномъ и о невѣжѣ, о добродѣяніи и человѣколюбіи и пр.

«Первая степень къ премудрости состоитъ въ томъ, чтобъ знать твое невѣдѣніе» (л. 13).

«Старайся получить славу въ ремѣслѣ твоемъ, каков(о) бы оно ни было; не терпи, чтобъ упредилъ тебя кто в пути добродѣтели, однако не завидуй достоинству ближняго, но умножай дарованіи свои» (отд. IV).

«Бѣдствія, несчастія, заботы, труды и несправедливости суть участь каждаго смертнаго въ большей или меньшей степени: и такъ надобно тебѣ, о чадо бѣдности! стараться заблаго-

временно вооружить разумъ твой бодростію и терпѣніемъ» (отд. VI).

Въ наставленіи отцу говорится:

«Прилѣжи заблаговременно о наставленіи его (сына) и воспитывай разумъ его правилами истины» (л. 36 об.).

«Не упускай изъ глазъ твоихъ склонностей его; приводи его въ совершенство въ юности, и потерпи чтобъ какая либо злая привычка возрастала съ лѣтами его». «Научи его покорности, онъ будетъ благословлять тебя; научи его благочинію, онъ не будетъ имѣть причины краснеть ни о чемъ» (л. 37).

«Научи его быть умѣреннымъ. Не забудь здѣлать его справедливымъ и праводушнымъ. Одари его наукою, да будетъ полѣзна жизнь его; научи его вѣрѣ, да блаженна будетъ кончина его» (л. 37).

Въ ч. V, отд. I. О разумномъ и о невѣже (sic!) говорится: «Разумной украшаетъ, обогащаетъ разумъ свой. Приращеніе наукъ составляетъ веселіе его, и дѣлая ихъ обществу полѣзными, вѣнчается честію. Однако онъ увѣренъ, что первая и на полѣзнейшая наука есть снисканіе добродѣтели» (40 л. об.).

«Будь справедливъ и безпристрастенъ въ поступкѣ твоей съ людьми, и поступаай съ ними такъ, какъ бы ты хотѣлъ, чтобы поступали они съ тобой» (л. 48).

«Блаженъ человекъ, хранящій въ сердцѣ своемъ корень добродѣянія! плодъ имѣющей произойти отъ онаго будетъ чело-вѣколюбіе и любовь къ ближнему» (л. 49).

16. *О естественномъ нравоученіи*. Сочиненія Г. Неккера. Перевелъ съ французскаго М. К. Москва. Въ Универ. типогр. у В. Околокова. 1789. 171 стран. in 9° 1).

Въ главѣ 4 дѣлается опредѣленіе: что есть нравоученіе? «Оно есть познаніе способовъ, которыя могутъ доставить намъ такую власть и силу надъ нашими способностями, чтобы мы могли дѣлать изъ нихъ какъ можно лучшее употребленіе; оно есть знаніе навыковъ, способныхъ къ усовершенствованію, къ приведенію насъ въ непремѣняемое щастливое состояніе» (ст. 11).

Ни одной пріятной забавы отречься не надобно; но чтобы не сдѣлаться ея рабомъ, никогда не должно вдаваться въ нее до чрезмѣрности» (ст. 15—16).

¹⁾ Изъ бібліотеки М. Д.

Въ главѣ 6. «О правоученіи въ разсужденіи чувствованія» говорится о любви, о дружбѣ, о патриотизмѣ и о религіи. «Любовь, безъ сомнѣнія, сначала бываетъ только физическою нуждою; но сколь удобно дѣлается она и сердечною нуждою! Сей переходъ столь легокъ, столь естественъ, столь необходимъ, что не можно искать индѣ начала общественности» (ст. 28). «Любовь! безъ тебя человѣкъ, бродя и по нынѣ еще въ лѣсахъ, не позналъ ни щастія, ни добродѣтели» (ст. 29). «Сія то божественная прелесть единить его (человѣка) внутреннѣйшимъ образомъ съ предметомъ его нѣжности, которая дѣлаетъ изъ него другаго его, и притомъ такого другаго его, котораго онъ предпочитаетъ и себѣ самому... Такимъ то образомъ уничтожаетъ оно (сіе чувствованіе) то пагубнѣйшее всякаго нравственнаго чувства начало, то холодное ячество (Egoisme), ту любовь къ самому себѣ, которая походитъ на ненависть, стѣсняетъ душу» (ст. 31). «Одна только кажется мнѣ, возвышенная любовію душа можетъ сдѣлаться способною ко всѣмъ тѣмъ нѣжнымъ преимуществамъ, которыя производятъ дружество и которыя она одна вдыхаетъ» (ст. 33).

«Любить себя въ другихъ, это-то поистиннѣ отличаетъ нравственнаго человѣка отъ человѣка дикаго, или уединеннаго. Сіе божественное таинство человѣческаго естества одинъ Богъ могъ намъ открыть и сей Богъ есть любовь» (ст. 34).

«Для всякаго человѣка, имѣющаго отечество, нѣтъ другаго правоученія, кромѣ совершеннаго преданія себя законамъ отечества; онъ существуетъ не для себя; цѣлость его и щастіе зависитъ отъ сохраненія и благосостоянія его земли; онъ все, что ни имѣетъ, имѣетъ отъ отечества» (ст. 65).

Въ нравственности Неккеръ придаетъ большое значеніе обществу, въ противоположность Руссо. «Мнѣніе окружающихъ насъ составляетъ существенную часть нашего существованія; оно умножаетъ или уменьшаетъ существеннѣйшимъ образомъ наши силы, или возможность дѣлать добро или зло, и чаятельно величайшая обида, какую только можетъ чувствовать въ обществѣ, есть не почитать оное за Ангела хранителя щастіе его и безопасности» (ст. 74). «Сохранять власть надъ самимъ собою это та есть безъ сомнѣнія великая для человѣка наука, которая весьма трудна, ежели стануть учиться ей слишкомъ поздно, но которая впрочемъ есть самая существенная» (ст. 76).

Въ главѣ 29 дѣлается такое опредѣленіе характера: «Характеръ въ человѣкѣ есть то, что явно и преимущественно происходитъ отъ естественнаго или поддѣланнаго соединенія его способностей, воли, склонностей, вкусовъ и навыковъ; это есть, такъ сказать, жизненное начало всего его нравственнаго существованія» (ст. 152).

17. *Опытъ о благополучіи* или философскія разсужденія. Г. деБособра О благѣ и злѣ человѣческія жизни. Переведенъ съ французскаго. Въ С.-Пб. при Академіи Наукъ 1791 г. 186 ст. in 8° 1).

«Ежели бы на семь свѣтѣ имѣлось болѣе добродѣтели, то бы мы были щастливѣе»... «человѣкъ, который стыдится своихъ пороковъ, учинилъ первый поступъ къ добродѣтели» (ст. 79). «Любовь къ славѣ, ежели она сопровождается любовію къ людямъ, есть весьма сильное побужденіе къ добродѣтели» (ст. 122). «Просвѣщеніе ума и дарованія суть такія выгоды, приобрѣтеніе коихъ, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, отъ насъ самихъ зависить; наипаче философія, сей драгоценный даръ совершеннѣйшаго Существа, сія наука, которая Бога, міръ и человѣка имѣетъ своею мѣтою, которая не довольствуясь тѣмъ, что чувства наши усматриваютъ, но подозрѣвая еще нѣчто далѣе сихъ предѣловъ, ищетъ того, что природа сокрыла отъ очей нашихъ, что изторгаетъ насъ изъ мрака, что изстребляетъ наши предразсужденія и одолеваетъ наши страсти, что ведетъ насъ къ просвѣщенію, къ истинѣ и добродѣтели, Философія, говорю я, опредѣлена для всѣхъ людей» (ст. 149).

«Философія возвышаетъ души наши» (ст. 150).

«Одна изъ существенныхъ выгодъ щастія и безъ сомнѣнія первая, есть удовольствіе благотворить» (ст. 154).

«Будь добродѣтеленъ, и все будетъ благо, но имѣй бодрость явиться таковымъ посреди тѣхъ порочныхъ людей, кои добродѣтель осмѣиваютъ. Колико людей, страстями не обуреваемыхъ, кои престають быть добродѣтельными, боясь презрѣнія, кое бы они должествовали поставлять себѣ за честь!» (ст. 160).

«Тотъ, кто ищетъ въ добродѣтели и въ просвѣщеніи ума того благополучія, коего всѣ люди желаютъ, есть истинно благо-

1) Изъ бібліотеки М. Д.

полученъ: тотъ, кто полагаетъ, что онъ имѣеть нужду въ другихъ вещахъ, ищетъ господъ и теряетъ свою вольность» (ст. 162). «Добродѣтель есть сокровище, отъ перемѣнъ жизни предохраненное, оно есть благо для всѣхъ временъ и для всѣхъ чело-вѣкъ»... «заботы безпокойствія, ненависти, угрызенія, всѣ сіи страсти, кои возмущаютъ нашъ покой, убѣгаютъ челоуѣка добродѣтельнаго» (ст. 165).

«Будучи господиномъ надъ самимъ собою управлять и вла-дычествуетъ онъ надъ своими страстями» (ст. 166).

«Ежели бы посемъ спросили меня, что такое есть истинное благо; то бы я отвѣтствовалъ, что оно есть ясное и точное вѣденіе нашихъ должностей. Ясное вѣденіе имѣеть всегда вліяніе на дѣянія наши, и ежели случается, что мы вѣдаемъ наши должности не исполняя оныя; то сіе происходитъ отъ того, что мы оныя не ясно вѣдаемъ, что мы на оныя ни какого вниманія не обращаемъ». «Тотъ, кто вѣдаетъ свои должности такъ, какъ челоуѣку должно оныя вѣдать, исполняетъ оныя всегда» (ст. 169). «Собери всѣ чести, богатства, сыщи все преходящія жизнь блага, дабы возложить оныя на главу единого челоуѣка, ежели ты не дашь ему добродѣтели, то ты сотворишь изъ него самого несчастнѣйшаго челоуѣка» (ст. 170).

«Живи такъ, яко бы ты былъ безпрестанно назираемъ; увѣрь себя, что ни единая мысль души твоя не есть дѣйствительна, что всѣ онѣ имѣють вліяніе на твое благополучіе, обращай часто взоры твои на твои должности и на твои дѣла; сравнивай челоуѣка такого, каковъ бы онъ долженъ быть, съ челоуѣкомъ такимъ, каковъ онъ дѣйствительно есть» (ст. 175).

18. *Основанія всеобщаго нравоученія* или картина должностей челоуѣка, разсматриваемаго во всѣхъ его отношеніяхъ. Сочиненіе г. *Бертранда*, члена многихъ Европейскихъ Академій. Съ французскаго перевелъ Илья Грѣшинцевъ. Москва, въ Унив. тип. 1796, ст. 278 in 8.

Здѣсь, между прочимъ, говорится о томъ, что нравоученіе есть доказательное знаніе (ст. 61), нравоученіе есть самое удобное знаніе къ постиженію и полезнѣйшее къ исполненію (ст. 67), о пользѣ нравственной науки (ст. 74), о должностяхъ челоуѣка вообще (гл. II), о должностяхъ гражданина (гл. III), о должностяхъ народовъ (гл. IV). Это довольно полная система нравоученія.

19. *О веселости нравственной и физической*, имѣющей вліяніе на всѣ состоянія человѣческой жизни. Творенія *Г. Каракіоли*. Перев. съ иностр. Ив. Михайловъ. Москва, въ Унив. тип. 1797 г., ст. 240 in 8°.

Глава XV этого сочиненія трактуетъ, что «нынѣшнее воспитаніе много вредитъ веселости». Есть лучшее и правильнѣйшее средство воспитанія. Оно состоитъ въ показаніи гнѣва, безъ ощущенія онаго; въ частомъ поднятіи руки къ наказанію, но въ рѣдкомъ опущеніи (ст. 177).

«Мы неспособны бываемъ ни къ трудолюбію, ни къ должностямъ общественнымъ, ни къ упражненіямъ вѣры, есть ли печаль нами владѣетъ; посему необходимо нужно воспитывать дѣтей любезно и ласково»¹⁾.

Остальныхъ нравоучительныхъ книгъ XVIII в. мы приведемъ только заглавія:

20. Сенека. Духъ или изрядныя нравоучительныя разсужденія сего великаго философа. Перев. В. Золотницкій. Москва. Тип. Унив. 1765. in 16°.

21. Вивеса Людовика. Путеводитель къ премудрости. Перев. съ лат. Семень Гамалѣй, С.-Пб. 1768.

22. Теофрастъ. О свойствѣ нравовъ человѣческихъ. Перев. съ лат. С.-Пб. Тип. Ак. Наукъ. 1772.

23. Марка Катона. Нравоучительныя правила, мужа въ добродѣтеляхъ славнаго. Перев. съ лат. С.-Пб. 1773.

24. Мудрець Китайскій или наука жить благополучно въ обществѣ, состоящая въ наиполезнѣйшихъ нравоучительныхъ наставленіяхъ, сочиненная древнимъ восточнымъ Браминоу, съ дополненіемъ разсужденій о Христіанскомъ законѣ Европейскаго мудреца, изд. Василій Рубанъ. С.-Пб. 1773 г. Тоже, второе изд. С.-Пб. 1777 г. 3-е изд. С.-Пб. 1785 г. (о ней сказано при разборѣ книги премудрости и добродѣтели № 12).

25. Боноя кардинала Іоанна. Христіанская философія или руководство къ небесамъ, содержащее въ себѣ лучшія изъ Священнаго Писанія, Святыхъ Отцевъ и древнихъ философовъ, нравоученія. Перев. съ лат. Андрей Байбаковъ (а послѣ архимандритъ Аполлосъ). Москва, въ Унив. тип. 1774 г.

26. Нравоученія. Перев. съ нѣм. М. Протопоповъ. 2 ч. 1775—1777.

27. Торжество благодаренія. 2 части. 1781 г.

28. Опытъ о свойствѣ, нравахъ и разумѣ женщинъ. 1781.

29. О блаженствѣ, изъ твореній Ж. Ж. Руссо. 1881.

30. Діонтра или Зерцало мірозрительное. 1781 г.

31. Чувствованіе христіанина. 1781.

32. Христіанская школа. Изд. 2-е. 1782.

33. Кабинетъ любомудрія, въ которомъ точно изясняется общее всѣхъ древнихъ язгческихъ любомудрецовъ понятіе о богѣ, о добродѣтели и порокахъ и о средствахъ, прямо ведущихъ человѣка къ истинному благополучію и проч. Перев. съ еллино-греч. и лат. Михайла Цвѣтихинъ. 1782 г.

¹⁾ Какъ разъ противно Домострою, который запрещалъ даже смѣяться съ дѣтьми.

34. Давыдовскій, Лав. Разсужденія о истинномъ [человѣческомъ] благѣ, выведенное и доказанное изъ самой человѣческой природы. Москва, въ Унив. тип. 1782.
35. Увѣщаніе къ христіанской жизни препровожденію. 1782 г.
36. Правила христіанской жизни. 1783 г.
37. Наука благополучно умирать. 1783 г.
38. Лактанція Фирміана. Божественныхъ наставленій 7 книгъ. 2 части. 1783 г.
39. Гарвоода. Радостныя мысли о блаженствѣ и благополучной [жизни]. 1783 г.
40. Рѣчь о пользѣ правоученія. 1783 г.
41. Священная сатира на суету міра. 1783 г.
42. Правоученіе христіанское. 1783 г.
43. Похвала Сократу. 1783. г.
44. Іоанна Злагоуста бесѣды избранныя. 2 ч. 1784 г.
45. Иліотропіонъ или созерцаніе воли человѣческой съ волею Божеской. 2 ч. 1784 г.
46. Тихона епископа Воронежскаго. Краткія правоучительныя слова С.-Пб. 1784.
47. Августина Блаженнаго. Святыя и душеспасительныя размышленія. 1784 г.
48. Размышленія христіанскія и душеполезныя увѣщанія. 1784 г.
49. Христіанинъ размышляющій, разглагольствующій и кающійся 1784 г.
50. Щитъ противъ боязни смерти или утѣшеніе всякаго православнаго христіанина. 1784 г.
51. Путеводитель къ истинному человѣческому счастью. 3 части. 1784 г.
52. Путешествіе добродѣтели. Изд. 2-е. 1784 г.
53. Путешествіе таинственное въ островъ добродѣтели. 1784 г.
54. Драгоценная меду капля. 1784 г.
55. Опытъ подвига въ благочестіи. 1784 г.
56. О заблужденіяхъ и истинѣ. 1785 г.
57. Истина религіи. 2 ч. 1785 г.
58. Христіанское ученіе. 1785 г.
59. Повѣствованія правоучительныя изъ Библейскихъ дѣяній для дѣтей. Издалъ Іаковъ Феддерзенъ. Перев. съ нѣм. Петръ Калязинъ. С.-Пб. Тип. Ак. Наукъ. 1785 г.
60. Драгоценная книжка о внутренней духовной гордости. 1785 г.
61. Начальныя основанія дѣятельнаго христіанства. 1785—1786.
62. Начертаніе всеобщаго правоученія. 1786 г.
63. Избранная бібліотека для христіанскаго чтенія. 2 ч. 1786 г.
64. Бытіе разумное или нравственное возрѣвіе на достоинство жизни. Перев. съ франц. 1787 г.
65. Мармонтель. Правоучительныя сказки. 2 ч. 1787 г.
66. О источникахъ нравственнаго ученія, гдѣ доказывается, что всѣ должности человѣка основаны на природѣ и что сама природа ведетъ насъ ко всѣмъ должностямъ вѣры. Перев. съ франц. С. П. У. Москва. Унив. тип. 1788 г.
67. Собраніе правоучительныхъ, краткихъ и замысловатыхъ рѣчей въ 3 частяхъ, въ которыхъ помѣщены также различныя вопросы и отвѣты жизни и поступки, пословицы и разговоры древнихъ философовъ, знатныхъ государей и другихъ знаменитыхъ мужей. Москва. 1788 г.
68. Цвѣтникъ или собраніе разсужденій о такихъ предметахъ, отъ коихъ зависитъ спокойствіе и благополучіе жизни, и коими занимались самые знаменитые вѣка нашего писатели: Адиссонъ, Свифтъ, Мерсье и др. 1788 г. in 12.
69. Каракціоли Обращеніе съ самимъ собою. 1788 г.

70. Нравоучительныя письма для образованія сердца изъ сочиненій г. Душа. 2 ч. 1788 г.
71. *Нравоучительная философія*. Соч. Христіана *Бавмейстера*. Перев. съ лат. Иванъ Исаевъ. С.-Пб. Тип. Мор. кад. кор. 1783 г.
72. Нравоучительная философія, содержащая естественное право, этику, политику, экономію и другія вещи, для знанія нужныя и полезныя. Перев. съ лат. Дмитрій Синьковскій. Москва. Компан. тип. 1788 г.
73. Хривофиль или путь къ благочестію и открытіе человѣческихъ заблужденій въ свисканіи онаго. Перев. съ нѣм. Андрей Наумовъ. Москва, въ тип. А. А. 1789 г.
74. Стези Благодравія, или нравоучительныя разсужденія, собранныя изъ разныхъ авторовъ. Перев. съ лат. Е. Введенскій. Москва, 1791 г.
75. Совершенство человѣческаго благополучія. Перев. съ лат. Калуга. 1793 г.
76. Опытъ древней китайцовъ философіи, о ихъ нравоученіи и правленіи. 1794 г.
77. Меморскаго Михайла. Зеркало, въ которое всякому человѣку смотрѣться должно, или должности человѣческія. 1794 г.
78. М. Муравьевъ. Опыты исторіи, письменъ и нравоученія. 1796 г.
79. Геллерта. Истинное и ложное счастье. 1799 г.
80. Лафатера. Нравоучительныя наставленія слугамъ, съ присовокупленіемъ добрыхъ совѣтовъ о воспитаніи дѣтей и средство къ преуспѣянію въ добрѣ, издалъ А. Вицманъ. 1799 г.

Источники и пособія.

Книги XVIII в. изъ библиотекъ Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ въ Москвѣ, Нѣжинскаго Истор.-Фил. Института и М. Д. Пособіемъ служили: Логиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты (роспись книгамъ, печатаннымъ въ университетской типографіи у поручика Новикова, въ типографіи Лопухина и въ типографіи компаніи типографической, ст. 019—033).

ГЛАВА XXXV.

Педагогическія статьи въ журналахъ и сборникахъ второй половины XVIII вѣка.

Спеціальныхъ педагогическихъ журналовъ, трактовавшихъ вопросы дидактики, методики, педагогической психологіи, теоріи воспитанія и т. п., не издавалось въ XVIII в., но въ обще-литературныхъ журналахъ попадаются нерѣдко педагогическія статьи. Это мы уже отмѣтили отчасти, говоря о литературно-педагогической дѣятельности Н. И. Новикова. Обстоятельное ихъ изслѣдованіе могло бы быть благодарной темой для нашихъ ученыхъ. Здѣсь мы остановимся на нѣкоторыхъ важнѣйшихъ статьяхъ, изъ которыхъ самыя лучшія, не безъ основанія, приписываются самому Новикову и напечатаны были въ Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ 1783 г.

1. *Ежемесячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія.*
Т. I, 1755 г. «Правила воспитанія дѣтей». Пер. О. П., ст. 414 (май).

Т. IV, 1756 г. Письмо къ непостоянному сыну, пребывающему въ чужихъ краяхъ и учащемуся въ университетѣ. Сочиненіе Н(артова) ст. 483 (ноябрь).

О пользѣ упражненія въ благородныхъ художествахъ и въ наукахъ для приведенія умныя силы въ порядокъ. Переводъ С. П(орошинъ) ст. 503 (декабрь).

Т. V, 1757 г. Письмо о порядкахъ въ обученіи наукъ, С. П(орошина) ст. 126.

Т. VI, 1757 г. О воспитаніи дѣтей у Лакедемонянъ. Пер. Вас. Лебедева, ст. 228 (сентябрь).

Т. VII, 1758 г. О избираніи учителей къ дѣтямъ на домъ. Пер. съ нѣм. Якова Измайлова, ст. 138 (февраль).

Ів. О воспитаніи дѣтей у аѳинянъ, ст. 445 (май).

Т. VIII, 1758 г. О воспитаніи дѣтей у римлянъ, ст. 43 (июль).

Т. X, 1759 г. О воспитаніи дѣтей, ст. 232 (сентябрь).

Т. XI, 1760 г. О вредѣ, который происходитъ отъ того, когда дѣтей вдругъ много принуждаютъ учиться. Пер. съ нѣм. Якова Измайлова (генварь).

Т. XIII, 1761 г. О великой обширности ученія. Пер. съ нѣмецкаго, ст. 83.

Т. XVIII, 1763 г. О дѣтскомъ воспитаніи древнихъ персовъ изъ Ксенофоновой Киропедіи ст. 157.

2. *Праздное время съ пользу употребленное. 1759—1760 г.*

Ч. I, 1759 г. Разсужденія о ученіи ст. 77 (февраль). Правила для учащагося 169 (мартъ).

Ч. II, 1759 г. Размышленіе женщины о воспитаніи дочерей. Пер. съ нѣм. ст. 233.

Ч. III, 1760 г. Письмо о наставленіи юношества. Пер. съ нѣм., ст. 302.

О худомъ воспитаніи большихъ сыновей дворянъ, живущихъ въ деревнѣ съ примѣромъ хорошаго воспитанія сына Евдокса и дочери Леонтины. Пер. съ франц. Н. П., ст. 371.

3. *Полезное съ пріятнымъ 1769 г.* О воспитаніи, ст. 1. Премущественныя дарованія женщинъ, для воспитанія дѣтей ст. 22. (XXXV).

4. *Живописецъ 1772 г.* Письмо о пользѣ наукъ и о воспитаніи въ оныхъ юношества, писанное покойнымъ проф. Поповскими къ Ив. Ив. Шувалову, при заведеніи Московскаго университета 1756 (въ стихахъ), ст. 57.

5. *Утренній Свѣтъ. 1777—1780 и.*

Въ статьѣ «Путешествіе добродѣтели» (ч. III, іюнь) говорится, что наилучшее упражненіе для юношества — чтеніе «превосходныхъ твореній древнихъ», затѣмъ изученіе природы, занятіе законами и чтеніе историческихъ рукописей. Это, очевидно, то, къ чему наиболѣе тяготѣлъ Новиковъ. Авторъ статьи, однако, высказывается противъ изученія древнихъ языковъ и метафизическихъ наукъ (гл. 16 и 29).

Въ «Паскалевыхъ мнѣніяхъ» (гл. 23) говорится объ обязанности родителей воспитывать своихъ дѣтей; никакія отговорки не могутъ имѣть тутъ смысла: Римляне имѣли не менѣе насъ дѣла, а занимались воспитаніемъ (ч. VII, ноябрь, 1779 г.).

Въ статьѣ «Природа и искусство» дается совѣтъ обучать бѣдныхъ дѣтей ремеслу. Здѣсь же говорится о преимуществѣ простаго деревенскаго воспитанія надъ городскою изнѣженностью (ч. VII, ст. 87—89).

О воспитаніи говорятъ два письма проф. Федера и совѣтника Кампе другъ къ другу. Федеръ утверждаетъ, что должно въ дѣтяхъ развивать честолюбіе. Кампе возражаетъ на это, что честолюбіе, пожалуй, можетъ быть допущено въ воспитаніи какъ средство, но не какъ цѣль, и что гораздо лучше вмѣсто него прямо развивать въ дѣтяхъ самолюбіе и симпатію, ибо честолюбіе можетъ обратиться въ желаніе быть обожаемымъ или въ славолубіе. Затѣмъ онъ развиваетъ ту мысль, что одними словами дѣйствовать на дѣтей нельзя: должно, чтобы они сами многое испытали. Относительно взаимнаго отношенія воспитанія и ученія Утренній Свѣтъ высказался въ драмѣ «Награжденіе добродѣтели»¹⁾, гдѣ отдается дань уваженія наукамъ и высказывается несогласіе съ мыслью, что воспитаніе выше образованія. Въ IV, 1778, находимъ «Письмо пріятеля, что ученіе лучше богатства».

6. *Академическія Извѣстія 1779 г.* Письмо отъ г-на И. къ его

¹⁾ Ч. VIII.

пріятельницѣ, которая сообщила ему планъ воспитанія дѣтей своихъ (февраль, ст. 161).

Тоже 1780 г. «О средствахъ къ учиненію общенародныхъ училищъ полезнѣйшими для городской жизни». Соч. корол. министра Зедлица (т. VI).

7. *Московское Изданіе 1781 г.*

«Наставленіе отца сыну, котораго онъ отправляетъ въ Академію». Совѣты отца здѣсь разумны и дѣльны: онъ говоритъ сыну, что учиться надо не изъ практическихъ расчетовъ, а для исправленія разума и сердца; учись, говоритъ онъ, самостоятельно, иначе «хотя вѣчно слушать коллегіи будешь, никогда однакожь на пути наукъ не успѣешь». «Забавляй себя музыкой, рисованьемъ, живописью, природой», «нимѣй очи и ухо для красоть природы». Замѣчательныя отношенія статьи къ классицизму: отецъ совѣтуетъ сыну изучать древнихъ писателей, ибо они—источники и образцы въ исторіи и философіи; но онъ предостерегаетъ его отъ неумѣреннаго увлеченія древностью: «знаю, говоритъ онъ, что почтеніе къ древнимъ простирають далѣе надлежащихъ предѣловъ, что боготворять сочиненія ихъ, для униженія писателей новыхъ, что многіе читають ихъ изъ тщеславія, педантизма, сладострастія, доходятъ до презрѣнія языка своихъ писателей, до непризнанія истиннымъ и хорошимъ всего новаго» (ч. II. ст. 289—294)¹

Письмо Епихарма къ дочери своей Евхаріи, часть III, ст. 172—187.

8. *Вечерняя Заря 1781 г.*

«Разсужденіе о познаніи самого себя» (ч. II, 241—251) говоритъ, что это познаніе учитъ насъ о нашемъ началѣ, нашихъ способностяхъ, должностяхъ, правахъ и цѣли, и въ то же время способствуетъ намъ къ снисканію счастія, показывая, что не должно поступать безразсудно, и что силы наши ограничены.

«О понятіяхъ и источникѣ оныхъ», ч. III, ст. 313—319.

9. *«Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ» 1783 г.*

Первое мѣсто среди педагогическихъ статей XVIII вѣка, безъ сомнѣнія, принадлежитъ превосходному сочиненію «О воспитаніи и наставленіи дѣтей для распространенія общеплез-

¹ У Неземова. Ник. Ив. Новиковъ, ст. 283.

ныхъ знаній и всеобщаго благополучія»¹⁾ Г. Незеленовъ въ своемъ изслѣдованіи о Новиковѣ, не безъ большого основанія, приписываетъ его самому Н. И. Новикову. Дѣйствительно судя по необыкновенной ясности и логичности мыслей и языка, сочиненіе это напоминаетъ его предисловія къ прежнимъ изданіямъ, затѣмъ въ авторѣ обнаруживается большое знаніе русскаго общества и несомнѣнную зрѣлость мысли. Авторъ сочиненія «О воспитаніи и наставленіи дѣтей» пользовался въ своемъ трудѣ, какъ онъ самъ говоритъ, лучшими произведеніями иностранныхъ писателей, впрочемъ, онъ упоминаетъ не всѣхъ, а только Локка, Цукерта, Винслова и Фогеля.

Въ виду важности этого сочиненія мы приведемъ изъ него значительныя выдержки²⁾.

№ 2 Прибавленій. Прежде всего говорится о важности воспитанія. «Съ самыми лучшими законами, съ самою религіею, при самомъ цвѣтущемъ состояніи наукъ и художествъ, Государство имѣло бы весьма худыхъ членовъ, естлибъ правительство пренебрегло сей единой предметъ, на которомъ утверждается все въ каждомъ государствѣ». «Изящнѣйшіе законы благочинія мало могутъ дѣйствовать, естли честность, искренность, любовь къ порядку, умѣренность, и подлинная любовь къ отечеству суть, чуждыя гражданамъ добродѣтели. Все зависитъ отъ того, чтобъ всякой образованъ былъ къ добродѣтелямъ состоянія своего и званія... И такъ процвѣтаніе государства, благополучіе народа зависитъ неотмѣнно отъ доброты нравовъ, а доброта нравовъ неотмѣнно отъ воспитанія... *Единое воспитаніе есть подлинной творецъ добрыхъ нравовъ*³⁾; чрезъ него вкусъ добродѣтели, привычка къ порядку, чувствованіе изряднаго чрезъ него отечественный духъ, благородная (на истинѣ и знаніи основанная) народная гордость, презрѣніе слабости и всего прикрашеннаго и маловажнаго, любовь къ простотѣ и

1) См. №№ 2, 6, 12, 15, 18, 24, 80, 81, 82, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94.

2) Мы пользовались Прибавленіями къ Московскимъ Вѣдомостямъ 1783 г. изъ бібліотеки Императорскаго Московскаго Университета, благодаря любезности г. Д. Д. Языкова, которому тутъ же приносимъ свою признательность; въ бібліотеки Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ въ Москвѣ, въ Кіевѣ, Харьковѣ и Нѣжинѣ ихъ нѣтъ, несмотря на наши поиски, такъ что, несомнѣнно, они представляютъ бібліографическую рѣдкость.

3) Курсивъ нашъ. М. Д.

къ натурѣ, со всеми другими челоуѣкодружественными и гражданскими добродѣтелями должны овладѣть сердцами гражданъ; чрезъ него мужчины и женщины должны образованы быть сходственно съ ихъ поломъ, а всякой особенной классъ государства тѣмъ, чѣмъ быть ему надлежитъ» (ст. 5). Авторъ обѣщаетъ великія выгоды отъ воспитанія: «Все прочее сдѣлается удобнымъ, когда воспитаніе достигнетъ возможной степени своего совершенства; законы успѣваютъ тогда сами собою; *религія*, въ величествѣ своемъ исполнена простоты, пребываетъ тѣмъ, чѣмъ вѣчно бы ей быть надлежало, то есть *душею всякой добродѣтели* и твердымъ успокоительнымъ предметомъ духа, науки дѣлаются неисчерпаемыми, источниками дѣйствительныхъ выгодъ для государства, художества украшаютъ жизнь, даютъ благородство чувствію, становятся ободрительными средствами добродѣтели, всякой отдѣлъ гражданъ пребываетъ вѣренъ своему опредѣленію и всеобщее трудолюбіе, подкрѣпляемое умѣренностью и добрымъ домостроительствомъ, доставляетъ и самому многочисленному народу безопасность отъ недостатка и довольствіе своимъ состояніемъ» (ст. 6).

«Дѣтей нерѣдко заботятся снабдить знаніями, а первое, великое, толь много въ себѣ заключающее дѣло воспитанія, то есть образованіе сердца, пренебрегается; когда вмѣсто того, чтобъ приучить разумъ ихъ правильному размышленію и вести къ познанію истины и добра, наполняютъ головы ихъ вѣтромъ, и вмѣсто того, чтобъ очистить волю ихъ и направить склонности къ добру, благородству и величеству, дѣлаютъ сердце ихъ чувствительнымъ только къ малостямъ или совсѣмъ къ глуности и пороку» (ст. 7).

«Воспитаніе есть весьма запутанное, трудное дѣло. Оно есть особенная тонкая наука, предполагающая себѣ многія знанія и въ исполненіи требующая много наблюдательности духа, вниманія и просвѣщеннаго практическаго разсудка» (ст. 7). Ей нельзя научиться ведя жизнь растенія или бабочки: для нея нужно чтеніе, опытъ, размышленіе.

№ 6. «Не слѣдуетъ задаваться посторонними и спеціальными цѣлями при воспитаніи (напр. сдѣлать ученаго)», ибо «главный предметъ воспитанія, какъ мы уже указали, есть тотъ, чтобъ образовать дѣтей счастливыми людьми и полезными гражданами» (ст. 21).

«При семь опытъ и человѣческая натура напоминають намъ, что здоровье крѣпкое сложеніе тѣла весьма споспѣшествуютъ нашему удовольствію, и что въ молодости лежитъ основаніе какъ здравія и крѣпости, такъ и слабости и болѣзней тѣла. И такъ оказывается теперь первая главная часть воспитанія, то есть попеченіе о тѣлѣ, или должность родителей стараться о томъ, чтобъ дѣти ихъ имѣли здоровое и крѣпкое сложеніе тѣла. Сію часть воспитанія называютъ ученые физическимъ воспитаніемъ, а первая есть она потому, что образованіе тѣла и тогда уже нужно, когда иное образованіе не имѣетъ еще мѣста» (ст. 7?). Никакой человѣкъ не можетъ быть ни довольнымъ и счастливымъ, ни добрымъ гражданиномъ, еслили сердце его волнуется безпорядочными пожеланіями, доводящими его либо до пороковъ, либо до дурачествъ, еслили благополучіе ближняго возбуждаетъ въ немъ зависть, или корыстолюбіе заставляеть его домогаться чужаго имѣнія, или сладострастіе обезсиливаетъ его тѣло, или честолюбіе и ненависть лишаютъ его душевнаго покоя, безъ котораго не можно никакакого имѣть удовольствія, или наконецъ еслили сердце его столь скудно чувствованіями религіи, что помышленіе о смерти ввергаетъ его въ уныніе безъ всякой надежды; а все сіе зависитъ отъ образованія сердца въ юности. Изъ сего слѣдуетъ вторая главная часть воспитанія, имѣющая предметомъ образованіе сердца и называемая учеными нравственнымъ воспитаніемъ (ст. 22). Наконецъ, третья главная часть воспитанія, имѣющая предметомъ просвѣщеніе или образованіе разума. Каждая изъ сихъ трехъ частей имѣетъ особенныя свои правила, положенія и дѣйствія, безъ которыхъ не можетъ она хорошо быть исполнена (ст. 23).

№ 9. Говорится о силѣ примѣра родителей; «Не нужно, чтобъ родители всегда упражнялись въ трудахъ, или большую часть дня посвящали своимъ дѣтямъ. Но непременно нужно, чтобъ всѣ родители подавали дѣтямъ своимъ примѣръ полезнаго упражненія, и никогда не были бы образцомъ проспанія своея жизни или проведеніе ее въ бездѣлкахъ и чтобъ они хотя одинъ часъ въ день содѣйствовали воспитанію своихъ дѣдей приличнымъ сему предмету съ ними разговоромъ. И такъ, еслили сынъ знаетъ, что отецъ его по нѣсколько часовъ въ день занимается въ кабинетѣ своимъ важнымъ чтеніемъ или письмомъ, либо чемъ

нибудь инымъ, а дочь, равнымъ образомъ, видитъ мать свою упражняющуюся въ домостроительствѣ, пристойномъ руководѣніи, или тому подобномъ: то сего уже довольно для отвращенія худова примѣра у такихъ родителей, которые содержатъ для дѣтей гофмейстеровъ и гофмейстеринъ (ст. 34). Во вторыхъ, внутреннее учрежденіе домостроительства тогда бываетъ препятствіемъ воспитанію, когда оно не подаетъ примѣра извѣстныхъ гражданскихъ или общественныхъ добродѣтелей, къ которымъ собственно дѣтей воспитывать надлежитъ». Авторъ придаетъ громадное значеніе въ воспитаніи порядку и чистотѣ: «Порядокъ есть душа всѣхъ дѣлъ, облегчитель всѣхъ трудностей, споспѣшествователь разнымъ удобствамъ и пріятному жизни наслажденію, и охранитель нашъ отъ много различныхъ досадъ. А чистота (во всей своей окружности) утончаетъ вообще чувствованіе, возвышаетъ красоту тѣла, споспѣшствуетъ здоровью, и дѣлаетъ человѣка пріятнымъ въ обществахъ» (ст. 35). И такъ порядокъ и чистота суть два свойства, къ которымъ собственно дѣтей воспитывать надлежитъ. Сии свойства принадлежать также къ обыкновеннѣйшимъ ежедневнымъ дѣламъ, и потому всякое домостроительство ежедневно показываетъ либо образецъ ихъ, либо противность» (ст. 35).

№ 12. Внушается родителямъ не жалѣть денегъ на книги и учебныя пособія, говорится также о вредѣ плохихъ гофмейстеровъ (ст. 45—47).

№ 15. «Родитель, знающій истинную пользу свою при выборѣ гофмейстера не иначе долженъ пещись о слѣдующемъ и стараться, сколько возможно извѣдать: 1) правильно ли и чисто онъ разсуждаетъ; 2) имѣетъ ли онъ столько гибкости и уклонности въ своемъ характерѣ, чтобъ поступать съ дѣтьми сообразно лѣтамъ ихъ (безъ ребячества въ себѣ самомъ); 3) добронравный ли онъ человѣкъ по крайней мѣрѣ вообще; 4) имѣетъ ли онъ ясное и основательное (а не глубокое и пространное) знаніе тѣхъ языковъ и наукъ, которымъ обучать долженъ; 5) можетъ ли разговоръ его на тѣхъ языкахъ быть по крайней мѣрѣ сносенъ, то-есть, не быть преткновеніемъ и препятствіемъ для дѣтей; 6) можетъ ли наружное поведеніе его служить образцомъ дѣтямъ» (ст. 59). Вотъ главныя свойства добраго гофмейстера.

«Недостатки гофмейстеровъ происходятъ отъ того, во пер-

выхъ, что учащееся юношество не имѣеть случая посѣщать хорошіе дома, и въ оныхъ образоваться къ гофмейстерскому состоянію. Во вторыхъ, что самое гофмейстерское состояніе, если не призираемо, то по крайней мѣрѣ не столько уважаемо, сколько оно заслуживаетъ, и сколько должно быть уважаемо, если надлежитъ произойти достойнымъ гофмейстерамъ изъ собственной націи». «Юношество наше можетъ учиться всѣмъ языкамъ и всѣмъ наукамъ нужнымъ гофмейстеру: для сего въ обонхъ столичныхъ городахъ здѣшнихъ презрядныя находятся заведенія. Но во всѣхъ училищахъ, семинаріяхъ и университетахъ не можетъ молодой человѣкъ научиться тому поведенію, которое для гофмейстера нужнѣе еще языковъ и наукъ. Сіе можетъ онъ приобрести, имѣя случай часто видѣть и посѣщать общества благовоспитанныхъ людей; ибо одинъ только свѣтъ и обхожденіе вообще образуютъ человѣка, и особенно должны образовать того, кому другихъ образовать надлежитъ» (ст. 58).

№ 18. Отд. I. «*О тѣлесномъ или физическомъ воспитаніи*». «Въ разсужденіи пици младенца, матернее молоко должно предпочтено быть всякому другому, если особливья какія нибудь обстоятельства не дѣлають исключенія изъ сего всеобщаго правила. Молоко въ грудяхъ матери есть столь явное повелѣніе природы кормить онымъ младенца, что не можно его не познать и удобно усмотрѣть, что тѣ соки изъ которыхъ произросло дитя, и впредь должны ему быть самою пристойнѣйшею и здоровѣйшею пищею, доколѣ соки сіи сами здоровы» (ст. 71).

№ 28 (продолженіе о физическомъ воспитаніи). «Всѣ предписанія наши объ оной (т.-е. пицѣ) вмѣстѣ взятыя клонятся къ тому, чтобы приучать дѣтей къ самой простой и натуральной пицѣ и питью. И такъ на семь всеобщемъ и первомъ правилѣ должна основываться вся діета дѣтей и молодыхъ людей. Родители тогда только исполняютъ совершенно свою должность, когда послѣдуютъ сему правилу во всемъ его пространствѣ, а дѣти получаютъ ту выгоду, что тѣло ихъ будетъ здорово и крѣпко, что научатся они рано любить и сохранять умѣренность и воздержность, а чрезъ то сохранять себя отъ опасныхъ тѣлу и духу вредоносныхъ пороковъ» (ст. 109).

Здѣсь же излагаются «нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся до одежды и до движенія и покоя ихъ и нѣкоторыя другія».

Указывается, напр., на вредъ для дѣтскаго организма узкаго платья (ст. 116).

№ 34 (продолженіе о физическомъ воспитаніи). «Отъ пятого до двѣнадцатаго года надлежитъ допускать дѣтей играть мячемъ, и другими подобными сей играми, которыя дѣлають руки и ноги весьма гибкими, даютъ хорошее образованіе тѣлу, приучають зрѣніе къ скорому и справедливому чувствованію, и наконецъ доставляютъ всему тѣлу полезное движеніе, естли не употребляемы бывають чрезъ мѣру, то есть, ежели не продолжаются даже до усталости и ослаблѣнія» (ст. 135).

Авторъ допускаетъ даже борьбу, но только въ присутствіи родителей и учителей: «Всѣ сіи и подобныя игры и тѣлесныя упражненія должны производимы быть на вольномъ воздухѣ, для того, что сіе не только возвышаетъ и умножаетъ пользу ихъ для тѣла, но развеселяетъ духъ и чрезъ то кладетъ основаніе тихихъ страстей» (ст. 134).

Къ танцамъ авторъ относится весьма благосклонно: «Танцованіе есть безспорно одно изъ прекраснѣйшихъ, благороднѣйшихъ и самыхъ лучшихъ упражненій», «духъ и тѣло очищаются, укрѣпляются и увеселяются симъ упражненіемъ». «Но всѣ сіи выгоды производятъ только отъ тихаго танцованія, какъ-то отъ менуета, польскаго танца и отъ нѣкоторыхъ русскихъ танцовъ» (ст. 134).

Отдѣломъ о физическомъ воспитаніи временно прерывается статья «О воспитаніи и наставленіи дѣтей». Съ № 40 Прибавленій начинается печатаніе переводнаго педагог. сочин. «О воспитаніи», авторъ котораго нѣмецъ съ весьма хорошими педагогическими взглядами¹⁾. Мы объ этой статьѣ скажемъ ниже. Видимо, что взгляды его имѣли вліяніе и на дальнѣйшіе взгляды русскаго автора (Новикова). Свою статью онъ возобновилъ съ № 82.

№ 82. *О нравственномъ воспитаніи дѣтей.*

«Воспитаніе состоитъ наипаче въ томъ, чтобъ стараться образовать разумъ и сердце дитяти, чрезъ то самолучшимъ образомъ приводить его къ добродѣтели, религіи и Христіанству» (ст. 322).

Объ образованіи разума. «Образовать разумъ, или духъ дѣтей называется вперять въ нихъ справедливыя представленія о вещахъ и приучать ихъ къ такому образу мыслей и разсужденія,

1) Быть можетъ авторомъ его былъ И. Г. Шварцъ.

которой соразмѣренъ истинѣ, и посредствомъ котораго могли бы онѣ быть мудрыми» (ст. 322).

«На пути, по которому достигаютъ онѣ (дѣти) до познанія истины, нуженъ имъ благоразумный и опытный вождь, который бы не только остерегалъ ихъ отъ всѣхъ разпутій и въ случаѣ совращенія возвращалъ, но и научалъ бы ихъ избѣгать всѣхъ окольныхъ дорогъ и лабиринтовъ и стремиться прямо къ своей цѣли. Разумъ ихъ долженъ быть не только упражняемъ и обогащаемъ разными познаніями, но и такъ упражняемъ, чтобъ онѣ мало по малу приобрѣтали способность изслѣдовать и разбирать то, что онѣ знать желаютъ, удобно отличать истинное отъ ложнаго, и при сихъ изслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ слѣдовать всегда надежнѣйшимъ правиламъ и по кратчайшему итти пути. Но сіе дѣлается не столько посредствомъ наученія ихъ симъ правиламъ размысленія и впечатлѣнія оныхъ въ память ихъ, какъ наипаче посредствомъ того, когда при всѣхъ случаяхъ учатъ ихъ примѣчать, справедливо ли или несправедливо онѣ мыслили и разсуждали, и для чего то дѣлали, также когда общее съ ними и соразмѣрно ихъ возрасту думаютъ, разсуждаютъ, изслѣдуютъ, сомнѣваются или рѣшаютъ» (ст. 323).

«Это всеобщее предписаніе сдѣлается болѣе понятнымъ, когда станутъ наблюдать слѣдующія правила.

Первое правило есть сіе: «Не погашайте любопытство дѣтей вашихъ или питомцевъ».

Второе правило есть сіе: «упражняйте дѣтей вашихъ или воспитанниковъ въ употребленіи чувствъ, научайте ихъ чувствовать справедливо. Впечатлѣнія, дѣлаемые въ насъ внѣшними вещами, посредствомъ нашихъ чувствъ, и представленія, произходящія отъ того въ душѣ нашей, суть якобы матеріалы, которые духъ нашъ обрабатываетъ, и на которыхъ основываются наконецъ всѣ познанія и науки человѣческія. Чѣмъ многообразнѣе, справедливѣе и полнѣе сіи представленія, тѣмъ болѣе можетъ духъ упражняться въ размысленіи, и тѣмъ удобнѣе и безопаснѣе можетъ онѣ подниматься къ высочайшимъ и всеобщимъ познаніямъ. Но какъ мы чувственныя вещи гораздо лучше научаемся знать по впечатлѣніямъ, дѣлаемымъ въ насъ ихъ присутствіемъ, нежели по описаніямъ, какія дѣлаютъ намъ о нихъ словами, то не заставляйте дѣтей вашихъ изъ книгъ или по

изуственному наставленію учиться тому, что онѣ сами могутъ видѣть, слышать и чувствовать, но показывайте имъ то дѣйствительно, какъ скоро и какъ часто будете находить къ сему случаю. Такъ, давайте имъ видѣть и примѣчать красоты природы, чудеса царства растений и животныхъ, многоразличныя воздушныя явленія, великолѣпіе усѣяннаго звѣздами неба и помогайте имъ мало по малу различать и приводить въ порядокъ множество темныхъ представлений, тѣснящихся со всѣхъ сторонъ въ ихъ души. Но давайте имъ видѣть все сіе собственными глазами и чувствовать свойственнымъ имъ образомъ, и не ослабляйте получаемыхъ ими отъ того впечатлѣній неблагоприятными и издалека занятыми изъясненіями» (ст. 324). «При томъ упражняйте ихъ всегда во внимательности. *Внимательность есть мать всякаго основательнаго познанія*¹⁾. Приучайте ихъ не переходить слишкомъ скоро отъ одной вещи къ другой, всякую вещь разсматривать со многихъ, и есть ли возможно, со всѣхъ сторонъ, смотрѣть не только на цѣлое, но и на особенныя части его» (ib.).

№ 83. «Третіе правило: Остерегайтесь подавать дѣтямъ ложныя или не довольно точно опредѣленныя понятія о какой-либо вещи, сколько бы ни была она маловажна. Гораздо лучше не знать имъ совсѣмъ многихъ вещей, нежели несправедливо оныя себѣ представлять» (ст. 325).

«Четвертое правило: Не учите дѣтей ничему такому, чего онѣ по возрасту своему, или по недостатку другихъ предполагаемыхъ при томъ познаній разумѣть не могутъ» (ст. 326).

Съ симъ предписаніемъ соединяется пятое, не менѣе важное: «Старайтесь не только умножить и разпространить ихъ познаніе, но и сдѣлать его основательнымъ и вѣрнымъ» (ст. 327).

«Научайте ихъ смотрѣть на все съ практической стороны, и при всѣхъ способныхъ случаяхъ производить то въ дѣйство. Преимущественно жъ и безпрестанно старайтесь научить ихъ судить право о цѣнѣ вещей. Сіе есть истинная мудрость, которая гораздо дороже всѣхъ наукъ вообще и которую никогда не можно вперить въ человѣкѣ слишкомъ рано, еслии надлежитъ ей быть путеводительницею въ его жизни. И такъ научайте дѣтей вашихъ примѣчать великое различіе между внѣш-

¹⁾ Курсивъ нашъ. М. Д.

ними, преходящими, бранными благами и преимуществами, между тѣми, которыя собственно намъ принадлежатъ и которая мы навсегда сохраняемъ. Научайте ихъ здравіе и крѣпость тѣла цѣнить выше богатства и красоты, похвалу совѣсти выше почета и похвалы людской, а добродѣтель и праводѣтельность выше богатства, чести, здравія и жизни» (ст. 328).

№ 84. «Остерегайте дѣтей отъ скоропостижности въ заключеніи, и пользуйтесь всѣми случаями посредствомъ наблюденій доводить ихъ до осторожности и точности въ ихъ заключеніяхъ и разсужденіяхъ» ст. 329).

II. Образованіе сердца вообще. «Сіе образованіе по большей части въ томъ только состоитъ, чтобъ научить его: всѣ справедливыя понятія и разсужденія, ему доставленныя, или къ достиженію которыхъ помоществуему ему было, употреблять при всемъ томъ, что касается до нравственнаго его поведенія, такъ и другихъ людей благополучія» (ст. 331).

Первое правило: «Старайтесь узнать ихъ сложеніе и располагать поступки свои по свойству онаго. Особенно старайтесь изтребить первыя злыя движенія и похотѣнія» (ст. 332).

№ 85. «Во-вторыхъ приучайте дѣтей дѣйствовать по усмотрѣніямъ и причинамъ, а не по слѣпымъ побужденіямъ или по одному своему мыслію: не довольствуйтесь симъ, но научайте ихъ дѣйствовать по добрымъ, самолучшимъ и благороднѣйшимъ причинамъ и съ чистыми и благодѣтельными намѣреніями». Въ объясненіи этого правила говорится: «Тотъ только добродѣтеленъ, кто имѣетъ независимую отъ сужденій и мнѣній людскихъ и всегда дѣйственную склонность ко всему тому, что справедливо и добро, и тотъ только можетъ быть щастливъ, кто умѣетъ довольствоваться невинностію своего сердца и одобреніемъ совѣсти» (ст. 334). «Къ сей добродѣтели и къ сему щастію старайтесь вести дѣтей или учениковъ вашихъ, о вы, занимающіеся образованіемъ ихъ сердца!»

Четвертое: «Дабы сдѣлать имъ сіе понятнѣе, то научайте ихъ примѣчать слѣдствія ихъ дѣлъ или поступковъ».

Пятое: «Старайтесь сдѣлать должность для нихъ удовольствіемъ. Приучайте ихъ соединять въ представленіяхъ своихъ должность и удовольствіе [столь тѣсно, какъ натура оныя соединила» (ст. 335).

Шестое: «Для облегченія имъ всего сего доводите ихъ заблаговременно до испытанія самихъ себя, которое есть изрядное средство къ тому, чтобъ всегда дѣлаться благоразумнѣе и добродѣтельнѣе». Для этого рекомендуется въ дружеской бесѣдѣ выспрашивать: «какъ препроводилъ я сей день, сію недѣлю? Успѣлъ ли я въ сіе время въ какомъ-нибудь художествѣ, наукѣ или искусствѣ столько, сколько успѣть могъ? Не сдѣлалъ ли кому зла? и пр.» (№ 86, ст. 337).

«Разсматривая симъ образомъ свое и ихъ поведеніе, поучайте ихъ мудрости и добродѣтели».

Седьмое: «Научайте ихъ также пользоваться симъ образомъ и поведеніемъ другихъ людей». «Представляйте имъ образцами для подражанія отличившихся отъ другихъ своею праводѣтельностью, скромностію, человѣколюбіемъ, и научайте ихъ, сколько почтенія и любви заслуживаютъ они тѣмъ у всякаго» (ст. 338).

Осьмое: «Также употребляйте къ сему Исторію. Исторія должна насъ дѣлать благоразумнѣйшими и лучшими; изъ нея должны мы поучаться знать себя и другихъ людей, когда надлежитъ ей дѣйствительно быть для насъ полезною».

№ 87. «*О образованіи сердца особенно къ добродѣтели*». Къ прежнимъ правиламъ присоединяются еще особенныя.

Первое: «Приучайте ихъ (т.-е. дѣтей) съ первыхъ лѣтъ къ повиненію и уступчивости. Вливайте въ дѣтей вашихъ владычествующую любовь къ истинѣ, праводѣтельности и чистосердечію» (ст. 341).

«Берегитесь научать ихъ притворству, лжи и ласкательству» (ib).

«Старайтесь охранять дѣтей своихъ отъ многорѣчія и болтливости» (ст. 342).

«Сколько возможно заблаговременно приучайте ихъ къ трудолюбію, порядку и прилежанію въ ихъ дѣлѣ» (ст. 343).

«Съ величайшимъ раченіемъ наставляйте дѣтей въ смиреніи и скромности» (ib).

№ 88. «Упражняйте ихъ паче при всѣхъ случаяхъ въ примирности и великодушіи». «Старайтесь вливать въ нихъ искреннюю любовь и благоволеніе ко всѣмъ человѣкамъ, безъ различія состоянія, религіи, народа или внѣшняго щастія». «Научайте ихъ почитать братьями всѣхъ человѣковъ, низкихъ и знатныхъ, бѣд-

ныхъ и богатыхъ. Не позволяйте имъ говорить о черни, подломъ народѣ, сопровождаая рѣчи сіи презрительнымъ видомъ и ужимками» (ст. 345).

«Чтобы въ дѣтяхъ развилось чувство сожалѣнія и готовность помогать бѣднымъ — не удаляйте ихъ, говорить авторъ, отъ «трогающихъ» явленій изъ ложнаго опасенія оскорбить ихъ нѣжный вкусъ» (ст. 346).

«Научайте ихъ отреченію самихъ себя и одержанію владычества надъ чувственными своими похотями» (ст. 347). «Наконецъ, научайте ихъ терпѣнію въ страданіи, бодрости и постоянству въ нещастіи, смѣлости и неустрашимости во всякихъ обстоятельствахъ. Сіи свойства и добродѣтели въ нынѣшнемъ состояніи нашемъ необходимо намъ нужны» (ст. 347).

Въ №№ 89, 90 и 91 мы находимъ «Образованіе сердца къ Религіи и Христіанству», гдѣ авторъ выражаетъ недовольство современнымъ обученіемъ вѣрѣ и Священному Писанію. «У насъ, говорить онъ, заставляютъ дѣтей учить наизусть трудныя и невразумительныя молитвы, потомъ краткую или пространную систему религіи и много непонятныхъ мѣстъ изъ Священнаго Писанія! приэтомъ стараются представить имъ зависимость и подчиненность человѣка въ отношеніи къ Богу, внушать имъ боязнь Бога. Такимъ путемъ дѣти дѣлаются или суевѣрами, или лицемѣрами, или невѣрующими». И авторъ предлагаетъ для этого свои правила. Первое правило: «Вливайте въ дѣтей своихъ или учениковъ съ первыхъ лѣтъ благое предразсужденіе о важности и истинѣ «Религіи и Христіанства» (ст. 351). И тутъ же прибавляетъ: «не хотимъ мы чрезъ сіе сказать, что дѣти должны только по предразсужденіямъ бояться Бога и быть Христіанами. Нѣтъ, они сами должны изслѣдовать Религію и Христіанство и доводами утвердиться въ вѣрѣ своей, когда достигнуть до совершеннаго употребленія своего разума».

Второе правило: «Научайте ихъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ признавать религію за самолучшее и надежнѣйшее средство быть добродѣтельнымъ и благополучнымъ, и дѣлайте сіе не столько доводами, сколько собственнымъ своимъ примѣромъ» (ст. 352).

Затѣмъ вы не должны, — говорить авторъ, — начинать «наставленіе, даемое вами дѣтямъ своимъ въ Религіи, самыми

труднѣйшими и высочайшими ея таинствами»; увидѣвъ много непонятнаго, ребенокъ можетъ придти только къ сомнѣніямъ и невѣрію, или по крайней мѣрѣ къ равнодушію въ дѣлѣ вѣры. Показывайте ему порядокъ, искусство и мудрость въ красотахъ природы; говорите ему о Богѣ, какъ о любящемъ отцѣ, указывайте на образъ Иисуса Христа, какъ на примѣръ совершенства, и учите его, что мы должны въ состояніи и званіи нашемъ доказать такую же праводѣтельность и вѣрность, какую доказалъ Спаситель нашъ въ исполненіи порученнаго Ему дѣла». «По этому пути доводите ихъ до ученія о безсмертіи души и о будущей жизни. Послѣ, когда ребенокъ научится видѣть бездонныя глубины въ себѣ, узнаеть, какъ непроницаемъ иногда мракъ, которымъ закрыта природа, тогда не будетъ онъ пораженъ, что въ Религіи, и особливо въ божественномъ откровеніи, много темнаго, чего мы не можемъ совершенно понять» (№ 90, ст. 354—356).

Сочиненіе «О воспитаніи и наставленіи дѣтей» оканчивается отдѣломъ: «Всеобщія правила», въ которыхъ резюмируется все предъидущее (см. №№ 91, 92, 93 и 94). Здѣсь говорится: «помышляйте часто, какъ суть тѣ творенія, которыхъ воспитаніемъ образованіемъ вы занимаетесь. Человѣкъ стоитъ на лѣстницѣ существъ между звѣремъ и Ангеломъ. Не долженъ онъ ни унижаться быть до перваго, ни возвышаемъ до другого» (ст. 360).

«Человѣкъ есть существо, котораго разсудокъ не изстреблять чувственныя побужденія и желанія долженъ, но только обладать и управлять ими. Учите дѣтей не изнѣживать тѣло свое, но также и не мучить его безъ нужды. Научайте ихъ почитать его, яко существенную часть человѣка, но не признавать никогда за важнѣйшую часть. Допускайте ихъ съ веселымъ духомъ наслаждаться красотами натуры, пріятностями общественной жизни, удовольствіемъ умѣреннаго движенія и свободы, и всѣми невинными радостями безпечнаго возраста, не трудитесь тщетно изстребить натуральныя ихъ желанія, удовольствія, похвалы, чести, спокойствія и свободы, а старайтесь только благоразумно оныя умѣрить, и мало-по-малу устремить на достоинѣйшіе роды удовольствія, похвалы, чести, покоя и вольности. Собственными ихъ и чужими опытами поучайте ихъ отличать видъ отъ истины и соединять настоящее съ будущимъ» (ст. 361).

«Слѣдуйте въ воспитаніи дѣтей своихъ нѣкоторому плану, или нѣкоторымъ созрѣлымъ разсужденіемъ принятымъ положеніямъ и правиламъ и сколько возможно никогда въ оныхъ не отступайте». «Будьте постоянны и неутомимы въ произведеніи своего плана и не отстраняйтесь отъ него ни трудностями, ни худымъ успѣхомъ: иное сѣмя кажется заглушимъ, а между тѣмъ оно еще можетъ дать ростокъ; юные годы назначены для посѣва, а не для жатвы». «Дабы не лишиться бодрости, представляйте себѣ часто многоразличныя и великія выгоды, которыя сами вы можете почерпнуть изъ разумнаго и христіанскаго воспитанія дѣтей, въ разсужденіи моральнаго вашего характера или нравственнаго совершенства»; человѣкъ «живетъ во всегдашнемъ воспитаніи». Размышляйте, что, развивая дѣтей своихъ, вы служите человѣчеству» (№№ 92, 93, ст. 363—368).

Мы сдѣлали довольно большія выдержки изъ сочиненія «О воспитаніи и наставленіи дѣтей», но оно вполне заслуживаетъ того: это можно сказать, лучшее изъ педагогическихъ сочиненій XVIII вѣка. Читатели видятъ въ немъ, несомнѣнно, высоту нравственныхъ воззрѣній автора, силу и трезвость мысли, уваженіе къ человѣческому достоинству дѣтской природы, довѣріе къ уму, нравственному чувству и волѣ ребенка. «Трудно найти другое сочиненіе, — замѣчаетъ по поводу его г. Незеленовъ¹⁾, въ которомъ бы глубокое содержаніе было изложено въ такомъ удивительно логическомъ, строго систематическомъ порядкѣ. Отдѣльныя мысли, положенія, правила сочиненія отличаются замѣчательною ясностью и простотою, и вмѣстѣ практичностью и цѣлесообразностію». Желая сдѣлать свое сочиненіе общедоступнымъ, авторъ ко всякому правилу присоединяетъ много примѣровъ, доводящихъ дѣло до совершенной ясности. «И систематичностью, соединенною съ отсутствіемъ многословія въ изложеніи и ясностью и немногосложностью своихъ правилъ, и своею основною идеей это русское сочиненіе далеко превосходитъ знаменитое сочиненіе Локка о воспитаніи».

Въ немъ есть, если хотите, одинъ недостатокъ: оно слишкомъ много говоритъ объ общечеловѣческомъ воспитаніи и очень мало говоритъ о воспитаніи національномъ. Въ этомъ отношеніи,

¹⁾ Н. И. Новиковъ, ст. 335.

видимо, авторъ находится подъ вліяніемъ нѣмецкихъ педагоговъ, что довольно странно, если авторомъ, какъ есть основаніе думать, былъ Н. И. Новиковъ. Вѣдь кромѣ того, что Новиковъ былъ большимъ поклонникомъ родной старины, къ тому времени, когда писалось сочиненіе, онъ успѣлъ уже выработать ясно опредѣленные взгляды и оцѣнить, что было хорошаго въ русской жизни. О сохраненіи и развитіи этого хорошаго ему и слѣдовало позаботиться и указать, чему можетъ способствовать національное воспитаніе, построенное на правильныхъ началахъ.

Мы уже говорили, что сочиненіе «О воспитаніи и наставленіи дѣтей» было прервано печатаніемъ въ 34 № Прибавленій и съ № 40 по № 74 включительно печатался переводъ нѣмецкой статьи. Нѣкоторыя мысли изъ нея очень можетъ быть вліяли и на русскаго автора (Новикова), съ № 80 возобновившаго свое сочиненіе. Приведемъ выдержки изъ этой переводной статьи, озаглавленной «О воспитаніи» (нѣкоего германскаго автора).

«Первое правило воспитанія есть: старайтесь о сохраненіи здоровья дѣтей вашихъ и о томъ, чтобъ приобрѣтали они тѣлесную крѣпость, способность и добрый навыкъ. Здоровье есть одно изъ важнѣйшихъ благъ человѣческихъ» (ст. 153). «Приучайте ихъ къ простой пищѣ и заставляйте пить холодную воду съ сухарями» (ст. 154). «Старайтесь вперить въ младенцевъ внимательность» (№ 43, ст. 165).

Авторъ совѣтуетъ отъ 7-ми до 8-ми-лѣтняго возраста не учить дѣтей иностраннымъ языкамъ, а учить только своему родному: «Иначе нельзя достигнуть точности въ словѣ, а слѣдовательно и въ мысли». Онъ съ сожалѣніемъ говоритъ объ излишнемъ пристрастіи нѣмцевъ къ французскому языку: «изъ столичныхъ городовъ Германіи, гдѣ знатная госпожа стыдится между нѣмцами говорить по-нѣмецки, разпространяется сія зараза и во всѣ провинціи. Въ провинціальномъ городѣ нѣтъ почти ни ни одной проповѣднической или прикащичьей дочери, которая бы не почитала за важное преимущество знать дюжину французскихъ словъ и проболтать по-французски комплиментъ. Какъ скоро бѣдныя твари сіи достанутъ себѣ *Grammaire des Dames*, то можно при-

1) Быть можетъ И. Г. Шварца.

мѣтитъ, что вселяется въ нихъ совсѣмъ другой духъ: онѣ становятся столь суетны и притворны, что всякій честный Нѣмецъ получаетъ отъ нихъ отвращеніе. О образованіи здраваго разсудка, о чтеніи разумной и полезной нѣмецкой книги... думаютъ столь же мало, какъ о многихъ другихъ полезныхъ упражненіяхъ и работахъ, либо и совсѣмъ не думаютъ. О, Нѣмцы! величайшій вашъ національный порокъ былъ и нынѣ еще есть тотъ, что вы стараетесь подражать, не знаете и не чувствуете собственнаго вашего достоинства» (№ 46, ст. 179). «Мы оставляемъ читателямъ, дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ свое примѣчаніе редакція Прибавленій, судить о томъ, можно ли сказать то о нашей націи, что сочинитель въ семь параграфѣ говоритъ о своей. Думаемъ, что если есть какая-нибудь между оными въ разсужденіе сего разность, то по крайней мѣрѣ не весьма великая». Нѣмецкій авторъ признаетъ полезнымъ изученіе латинскаго языка съ 11-ти или 12-ти-лѣтняго возраста; но онъ находитъ, что учить дѣтей говорить и писать по-латыни бесполезно и даже вредно: «Не можно удивляться тому, говоритъ онъ, что Греки писали съ столь неподражаемою и непостижимою истиною, силою, достоинствомъ и цвѣтущею красотою; ибо они говорили, разсуждали и писали на отечественномъ своемъ языкѣ» (ст. 180).

«Безнравственно говорить дѣтямъ: учись — чтобы имѣть кусокъ хлѣба, или побуждать ихъ къ ученію игрою, либо возбужденіемъ честолюбія. Если само ученіе не интересуется дѣтей, значитъ оно преждевременно» (№ 66).

«Особенно должны дѣти пріучаться покорять и уничтожать свои желанія, потому что требуетъ сего будущій порядокъ и расположеніе ихъ жизни» (ст. 195). «Съ величайшимъ раченіемъ оберегайте дѣтей отъ примѣчанія и познанія злыхъ и непріязненныхъ помысловъ, страстей и дѣйствій».

«Естьли хотите вы, чтобъ дѣти ваши дѣлали, что доброе, то дѣлайте оное сами, сколько вамъ возможно, или по крайней мѣрѣ говорите о томъ съ почтеніемъ, похвалою и удивленіемъ, и заставляйте всѣхъ обращающихся съ ними говорить тоже» (ст. 205). «Всеобщее опредѣленіе человѣка — радостное чувствованіе своего бытія; потому дѣлайте дѣтей чувствительными къ радостямъ; говорите имъ, что блага въ жизни больше, чѣмъ зла, ибо счастье не зависитъ отъ состоянія человѣка и рода

его жизни: оно въ его душѣ» (№ 70). «Отстраняйте отъ дѣтей все, что непонятно для здороваго чувства, сюда относится «большая часть опредѣленныхъ для дѣтскаго возраста книгъ», состоящихъ изъ пріятныхъ «исторіекъ» и «трогательныхъ анекдотовъ о чрезвычайно добрыхъ дѣлахъ» (№ 72, ст. 283).

«Особенно старайтесь собственнымъ и другихъ людей примѣромъ возбуждать въ сердцахъ дѣтскихъ благородныя чувствованія и мысли благосклонности и человѣколюбія» (ст. 206). «Узнавайте дѣтей своихъ, и судите о нихъ справедливо и безпристрастно» (ст. 217, № 56).

«Вкореняйте въ нихъ любовь къ отечеству и довольствіе правительствомъ» (ст. 282). «Дѣляйте ихъ внимательными къ многоразличнымъ выгодамъ гражданскаго общества, къ необходимости правленія и начальства, къ обязанностямъ подданныхъ повиноваться онымъ, исполнять законы и платить публичныя подати для всеобщаго блага. Приучайте ихъ къ совѣтности въ разсужденіи подданическихъ должностей собственнымъ своимъ примѣромъ» (№ 72, ст. 281).

«Облагораживайте и умножайте радости и удовольствія дѣтей, возвышайте и укрѣпляютъ мудрость ихъ и добродѣтель познаніемъ о Богѣ» (ст. 283). Самолучшее и надежнѣйшее средство сдѣлать дѣтей благочестивыми и богобоязливими есть то, чтобъ вы сами служили имъ въ семь примѣромъ» (ст. 289). «Старайтесь, чтобъ введены были разумныя и благонамѣренныя учебныя книги, ибо по онымъ образуется духъ учителя и ученика» (ст. 290). «Пребывайте во всемъ образованіи человѣковъ вѣрны натурѣ, и слѣдуйте ея назначеніямъ»¹⁾.

10. *Прибавленія къ Московскимъ ведомостямъ 1784 г.*²⁾ для гофмейстеровъ», которое рисуетъ идеаль воспитателя, выдѣляя его изъ ряда простыхъ смертныхъ. Примѣчанія редакціи къ сочиненію сводятъ воспитателя съ этого ложнаго пьедестала и требуютъ отъ него обыкновенныхъ человѣческихъ свойствъ и добродѣтелей.

«Въ видѣ и поступкахъ воспитателя важность и ласка должны быть смѣшаны. Характеръ его долженъ всегда быть себѣ ро-

¹⁾ Статья «О воспитаніи» была напечатана въ №№ 40, 43, 46, 50, 53, 56, 59, 63, 66, 70, 72 и 74 Прибавленій къ Моск. Вѣд. 1783 г.

²⁾ Изъ бібліотеки Публич. и Рум. муз. въ Москвѣ А 194/1.

вень. Ничто столько ему не непристойно, какъ представлять шута» (ст. 209). «Онъ не долженъ даже никогда смѣяться»¹⁾.

«Самонадежнѣйшій способъ къ приобрѣтенію себѣ почтенія есть тотъ, чтобъ важно стараться заслужить оное. Кто хочетъ долго казаться честнымъ человѣкомъ, тому надлежитъ быть дѣйствительно таковымъ» (ст. 209). «Должно наблюдать точной порядокъ въ малостяхъ... Малость всегда предшествуетъ и по сему образуеъ чрезъ безпрестанное упражненіе привычку того или другого рода» (ст. 210). «Но сія точность не должна превращаться въ педантическое своемысліе, въ несправедливую строгость и угрюмость. Принявъ въ надзираніе и малости, безспорно надлежитъ ихъ наблюдать; но если онѣ дѣйствительно суть малости, то лучше брать ихъ не блискомъ много. Пространное владѣніе труднѣе сохранить, нежели небольшое (ib.).

«Гофмейстеръ долженъ воздерживаться отъ гнѣва» (ст. 211). «Ласкающая нѣжность при возпитаніи столь же негодна, какъ и угрюмость. Обое добра не производять» (212). «Человѣколюбіе долженствуетъ глубоко вкорененно быть въ сердцѣ Гофмейстера и разпространяться по всему его характеру» (ст. 213). «Искусство молчать есть одно изъ самыхъ нужнѣйшихъ и полезнѣйшихъ свойствъ Гофмейстера».

Въ № 78 находится «Письмо о домашнихъ учителяхъ», гдѣ говорится объ обязанностяхъ этихъ учителей. Домашній учитель обязанъ не пропускать уроковъ, за которые взялся, ибо въ противномъ случаѣ дитя приучается къ безпорядку, лѣни, неприготовленію уроковъ; у него являються желанія, чтобы учитель не приходилъ, огорченіе, когда онъ приходитъ. Съ другой стороны, «Письмо» обращаетъ вниманіе на право учителей быть матеріально обезпеченными въ жизни, говорить о необходимости этого права и для нихъ и для пользы самого общества.

Статья «О раннемъ началѣ ученія дѣтей» (№ 54) говоритъ: Ученіе для дѣтей должно быть игрою; надлежитъ ихъ просить, прельщать похвалою; иногда должно допускать ихъ думать, что онѣ знаютъ уже нѣчто и радоваться тому. Также надлежитъ ободрять въ нихъ охоту къ ученію подарками, любимыми въ семъ возрастѣ (ст. 432). Авторъ, ссылаясь на примѣръ Ликурга, Ксено-

¹⁾ Сіе въ основаніи, безъ сомнѣнія, справедливо, замѣчаетъ редакція, хотя и кажется, будто слишкомъ выражено.

фонта, на «мудрѣйшихъ законодателей всѣхъ временъ», отдаеть предпочтеніе «публичному» воспитанію предъ «приватнымъ». Онъ указываетъ на важность соревнованія дѣтей и на ту опытность, которую приобрѣтають дѣти въ школѣ. «Дѣти, дома воспитываемыя, могутъ быть незлобивы и нелукавы какъ голуби; но быть мудрыми, какъ змѣи, научаетъ ихъ обхожденіе съ сверстниками своими... Изъ него научаются онѣ нѣкоторымъ правиламъ благо-разумія, за которыя въ большемъ свѣтѣ заплатили бы онѣ весьма дорого» (ст. 440). Вообще вся статья «О раннемъ началѣ ученія дѣтей» направлена на опроверженіе мысли, будто лучше учиться въ зрѣломъ возрастѣ, а не въ дѣтствѣ.

Въ №№ 51 и 52 находится «Разсужденіе о нѣкоторыхъ способахъ возбуждать любопытство въ юншествахъ». «Учитель, говоритъ оно, коему ввѣряется для наученія дитя съ таковымъ расположеніемъ духа (т.-е. съ большей любознательностью) долженъ къ тому только устремлять свое попеченіе, чтобы обращать врожденную его склонность на достойные предметы, которые бы разуму не бесплодное давали упражненіе, и не мало были бы питательны для сердца» (ст. 405).

«А посему спрашивается: какъ же надлежитъ возбуждать сію склонность? Суть нѣкоторыя вещи, имѣющія въ себѣ нѣчто привлекательное для всѣхъ людей безъ изыатія, такъ что онѣ соединены будучи съ подлежащимъ изученію, сдѣлали бы оное удобопонятнѣйшимъ. Особливо же человекѣ охотно устремляютъ вниманіе свое на такія вещи, съ изученіемъ которыхъ очевидная совокуплена польза, либо которыя доставляютъ преимущественное удовольствіе. Посему тотъ учитель лучше всѣхъ можетъ возбудить и соблюсти любопытство своего питомца, который въ состояніи учить его такимъ вещамъ, кои онъ непосредственно употреблять можетъ, или съ коими связано много пріятнаго» (ст. 407).

«При семъ надлежитъ воспитателямъ ихъ, якобы вмѣстѣ съ ними работать, при дѣланіи такихъ вещей разсказывать имъ о дѣйствительной пользѣ и подлинномъ употребленіи оныхъ, и учить ихъ разбирать особенныя ихъ части и знать имена. Выгоды, могущія произойти изъ сего для распространенія дѣтскихъ знаній, по мнѣнію моему, суть явны. При томъ не только возбуждается ихъ любопытство, но также умножается число ихъ понятій и знаніе наименованій, и доставляется имъ нѣкоторое

свѣдѣніе о способахъ и предметахъ, о главныхъ пользахъ и постороннихъ выгодахъ (ст. 411). Но еще болѣе общее вспомога-тельное средство къ возбужденію и соблюденію любопытства произтекаетъ изъ склонности дѣтей заниматься вещами, удоволь-ствіе имъ приносящими. Сіе средство выхваляется почти во всѣхъ до воспитанія касающихся сочиненіяхъ и выгоды его пространно объяснены» (ст. 411).

«При наставленіи дѣтей по слѣдамъ природы идущій учитель изъ пространнаго царства творенія и произведеній человѣческихъ, образованныхъ прилѣжаніемъ и искусствомъ будетъ выбирать тѣ предметы, которые ученикъ его разумѣть и понимать можетъ» (ст. 413). «Онъ (учитель) лучше будетъ давать ему переводить нѣсколько изъ натуральной исторіи, или тому подобнаго, нежели мучить его такъ называемыми полезными и пріятными діалогиз-мами, не дающими пищу ни разуму, ни сердцу, и вперяющими въ ученика омерзеніе къ тому языку, которому онъ учится» (ст. 414).

Въ статьѣ «О сократическомъ способѣ ученія» авторъ гово-ритъ, что «еще въ древности заботились о воспитаніи, и еще Плу-тархъ написалъ книгу о воспитаніи, основанную на психо-логическихъ положеніяхъ. Въ средніе вѣка о воспитаніи мало заботились, но при Лудовикѣ XIV произошла перемѣна во вкусѣ. Съ того времени Французы издали понынѣ еще отличающіеся сочиненія о воспитательномъ искусствѣ, которыя подали первый поводъ къ возбужденію въ Германцахъ дѣйственности и фило-софическаго духа, съ какимъ стараются они исправлять и раз-пространять воспитаніе. Сочиненіямъ Роллена, Фенелона, Гос-пожи де-Бомонтъ, и нѣкоторыхъ другихъ между Французами, и сочиненіемъ Локка и Фордиче между Англичанами обязаны Гер-манцы возбужденію въ нихъ ревнованью основательно на-учиться воспитательному искусству, извлекать нѣкоторыя пра-вила изъ опытовъ, свойствъ человѣческой души и наукъ, дабы наконецъ составить такую науку, которая наставляла бы Педа-гога, какъ долженъ образовать душу дитяти, находящіяся въ ней способности развивать, обогащать ее понятіями и зна-ніями, образовывать сердце къ добродѣтели, и ежегодно приближать его къ тому опредѣленію въ свѣтѣ, котораго надлежитъ ему достигнуть въ юношествѣ, мужескихъ лѣтахъ и старости. Они

имѣють уже нынѣ довольно матеріаловъ для сея науки, которую можно назвать Педагогикою, дабы однимъ словомъ означить воспитаніе и ученіе; однако, важнѣйшія ихъ сочиненія такого рода не содержатъ еще въ себѣ совершенной теоріи и полной системы, но должны служить почитаемы быть отрывками, подающими поводъ ожидать такой важной науки. Есть-ли современники Базедова, Миллера, Резевица, Федера, Брауна, Фелбигера и Рохова, особливожь учителя юношества, будутъ читать сочиненія сихъ достойныхъ мужей, *съ философическимъ остроуміемъ, изслѣдовать ихъ, извлекать изъ нихъ доброе, дѣлать собственные опыты¹⁾*, испытывать совѣты другихъ, наблюдать дѣтей и юношей, изъ опытовъ и наблюденій выводить правила, и все сіе будутъ дѣлать обще, не побуждаемы будучи участнымъ духомъ или привязанностію къ собственнымъ мнѣніямъ; есть-ли потомки будутъ продолжать работу и пользоваться познаніемъ своихъ предковъ, исправлять и дополнять оныя: то свѣтъ пріобрѣтеть науку, которая во всякомъ разсужденіи будетъ заслуживать имя Педагогики. Одну изъ важнѣйшихъ частей сея науки составило бы точнѣйшее показаніе, какъ надлежитъ разнолагать ученіе по различію наукъ и знаній, кои должно доставлять юношеству по различію учащихся, ихъ способностей, склонностей и будущаго ихъ опредѣленія. Сія часть Педагогики научала бы насъ образу ученія, употребленію наблюденій и выводимыхъ изъ нихъ правилъ. Она предначертала бы намъ, какъ на ландкартѣ, путь, по которому должно итти при наставленіи юношества, дабы могли мы по оному достигать нашихъ предметовъ. Сія важная часть Педагогики, по справедливости съ нею различаемая, и означаемая именемъ Методики, нынѣ не есть еще то, чѣмъ быть долженствуетъ. Вѣроятно, что мы и никогда не будемъ имѣть всеобщей Методики, ибо всякой при воспитаніи и наставленіи идетъ своимъ путемъ и часто изъ упрямства не хочетъ пользоваться совѣтомъ благоразумныхъ мужей, на коихъ знаніе въ семъ дѣлѣ полагаться можно, да и самые преобразователи училищныхъ и воспитательныхъ учрежденій имѣють свои правила, по которымъ разнолагаютъ свои методы, и всякой изъ нихъ разсматриваетъ дѣло съ особливою стороны, отъ сегожь

¹⁾ Курсивъ нашъ. М. Д.

необходимо должна произойти разность въ способѣ ученія. По сей причинѣ имѣемъ мы толикое множество различныхъ методовъ, получившихъ названіе либо отъ разныхъ намѣреній при возпитаніи, либо отъ образа доставленія дитяти, или юношѣ познаній, либо наконецъ отъ славныхъ мужей, изобрѣтшихъ оныя, или имъ слѣдовавшихъ. Кто не знаетъ имянъ Аналитическаго, Синтетическаго, Табелларическаго, Ероматическаго и Литтеральнаго методовъ? Кому неизвѣстны методы Коменія, Базедова и многихъ другихъ великихъ мужей, столько же заслуживающіе особое названіе, какъ и методъ Сократа, сего великаго знатока человѣческой души и практическаго учителя?» (ст. 447). «Сколь ни велики преимущества и достоинства многихъ изъ помянутыхъ методовъ; однако всякой учитель юношества долженъ о нихъ размышлять, испытывать ихъ и извлекать изъ нихъ самое лучшее. Ни одинъ изъ сихъ способовъ не сохранялся столь долго въ почтеніи у знатоковъ сего дѣла, какъ извѣстный методъ Сократовъ. Къ преимуществамъ просвѣщеннаго нашего вѣка принадлежитъ и то, что въ немъ начали изслѣдовать и обрабатывать сей методъ, основанной на Психологическихъ опытахъ и правилахъ» (№ 54 ст. 445—448). «Характеръ Сократова метода (который нужно отличать отъ Сократики) состоитъ по мнѣнію нашему въ слѣдующихъ двухъ главныхъ пунктахъ: во-первыхъ старался Сократъ узнать природу души вообще и нераздѣльное свойство способностей учениковъ своихъ особенно, дабы не всѣхъ ихъ вести по утвержденному единожды методу, но чтобъ ученіе послѣднее благоразумно разпоряжать и перемѣнять по различію его съ первою. Отъ сего происходилъ тотъ мудрой и благоразумной его поступокъ, что онъ сколько возможно отрицался отъ воспріятія на себя учительскаго вида и тона, и принималъ видъ соученика, или по крайней мѣрѣ такого человѣка, которой самъ еще ищетъ истину и хочетъ изслѣдовать ее обще съ учениками своими. Также существенной признакъ Сократова способа ученія есть тотъ, что онъ мудрыми вопросами мало по малу развивалъ спящія въ душѣ темныя понятія, входящія посредствомъ чувствъ въ душу дитяти при самомъ его вступленіи въ сей свѣтъ, и такъ сказать помогаль въ родахъ разуму учениковъ своихъ, спрашивая дотолѣ, пока плодъ разума выходилъ на свѣтъ. Сократъ старался сими

мудрыми вопросами возбудить, развить, укрѣпить и направить здравой человѣческой разумъ, которымъ одарены благодѣтельно отъ природы всѣ человѣки, хотя нѣкоторые въ небольшомъ только количествѣ» (ст. 451).

«(Учитель) также долженъ онъ умѣть дѣйственныя и дѣйствующія силы души всегда столь мудро направлять и устремлять, чтобъ она понятія сіи всегда между собою сравнивала, примѣчала ихъ сходство и разность, отдѣляла, выводила и слагала изъ нихъ новыя понятія» (ст. 452).

«Сократъ старался паче удерживать ихъ (юношей) отъ всякаго хвастовства, высокомерія и пустого многознанія» (ст. 454).

«Онъ никогда не принуждалъ къ своему ученію, но старался только возбуждать въ людяхъ вниманіе. Тогда уже имѣлъ онъ то щастіе, что они вездѣ за нимъ слѣдовали, дабы изъ его разговоровъ научиться правиламъ благоразумія и нравственнаго поведенія. Онъ старался разпространять между человѣками общепользныя знанія, которыя имѣли ближайшее или видимѣйшее вліяніе на благополучіе человѣческой жизни и на благо гражданскаго общества» (ст. 455).

«Онъ былъ весьма чистосердеченъ къ ученикамъ своимъ, и не позволялъ себѣ никакого притворства въ словахъ и дѣлахъ ко вреду другихъ, онъ былъ свободенъ отъ всякаго лукавства и коварства» (ст. 461).

Авторъ сочиненія «О эстетическомъ воспитаніи»¹⁾ требуетъ многосторонняго образованія для человѣка. При обученіи бывають иногда крайности, говоритъ онъ, напр., съ побѣдою въ новѣйшее время философіи надъ предрасудками иные стали учить юношество только философіи. Это ошибки: истинно образованный человѣкъ долженъ *знать важнѣйшее изъ всѣхъ наукъ*²⁾, ибо всѣ онѣ связаны. Онъ долженъ ознакомиться и съ эстетикой, ибо искусства служатъ великимъ украшеніемъ ученому человѣку и могутъ быть полезны «въ особенныхъ случаяхъ». Статья начинается съ доказательствъ возможности существованія эстетики и пользы ея: «Предписанія Логики и Морали не суть потому бесполезны, что сами собою никого разумнымъ и добродѣтельнымъ сдѣлать не могутъ... Такъ и эстетика не можетъ дать вкуса;

¹⁾ № 59. Эта статья можетъ быть оригинальна.

²⁾ Курсивъ нашъ.

но эти три науки способствуют развитію и правильному ходу ума, нравственности и вкуса». «Многіе думаютъ, что вкусъ со-всѣмъ не можетъ на правилахъ основываться. Но примѣры всѣхъ временъ и націй довольно доказываютъ, что находятся по крайней мѣрѣ нѣкоторыя всеобщія правила красоты, въ которыхъ всѣ народы во всякое время были согласны (ст. 466). Эстетика далека отъ совершенства и даже отъ полноты: ей извѣстны теперь только правила краснорѣчія и отчасти живописи. Кромѣ краснорѣчія не мѣшало бы обучаться и другимъ изящнымъ искусствамъ; но этого нельзя требовать отъ всѣхъ: для разныхъ искусствъ нужны особыя способности, особыя учителя. Краснорѣчію же должны учиться всѣ. «Всякій ученый долженъ столько разумѣть правила краснорѣчія чтобъ онъ могъ мысли свои порядочно, ясно и основательно предлагать и искусно выражать (ст. 470). Поэтому молодыхъ людей слѣдуетъ учить Эстетикѣ и Стихотворству. «Кромѣ Эстетики, Краснорѣчія и Стихотворства, не нужно болѣе ничего помещать въ такую книгу, въ которой должны содержаться начальныя основанія изящныхъ наукъ для молодыхъ людей» (ст. 474).

Авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ правила обученія эстетики, краснорѣчію и стихотворству. «При семъ должно употреблять двойкой способъ ученія. Во-первыхъ, надлежитъ, взявъ хорошіе образцы какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, изъяснять въ нихъ темное, показывать связь и порядокъ мыслей, всякія красоты, особливоже красоты выраженія, присовокупляя къ тому всегда правило, почти такимъ же образомъ, какъ сталъ бы изъяснять Латинскаго писателя хорошій учитель, разумѣющій болѣе, нежели одинъ только языкъ. Симъ образомъ ученикъ не только получить чувствованіе прекраснаго, но пріобрѣтетъ также довольное число правилъ, кои, извлечены будучи изъ примѣровъ, покажутся ему ясными удобными и пристойными и по сей же причинѣ глубже впечатлѣваются въ его разумъ (ст. 476). Мимоходомъ упомянемъ мы, что симъ же образомъ можно пригото-виться къ Философіи. Къ сему могутъ быть употребляемы тѣже самыя сочиненія, которыя опредѣлены были для предупрежденія вкуса; и оба дѣла можно предпринимать вмѣстѣ.

Надлежитъ показывать не только порядокъ мыслей, но также ихъ истинну и изправность, изслѣдовать понятія, мнѣнія и заклю-

ченія того писателя, и чрезъ то доставлять ученику способность также мыслить, которая впредь послужитъ ему великимъ облегченіемъ въ Логикѣ и прочихъ частяхъ Философіи (ст. 477).

Наконецъ, надлежитъ употребить и собственныя упражненія въ прозаическихъ сочиненіяхъ. Доколѣ онѣ не приемятся, дотолѣ самолучшія правила и примѣры бывають недостаточны. Начинать ихъ должно весьма рано, отчасти для того, чтобъ научиться чрезъ собственныя погрѣбности. Сначала учитель долженъ задавать ученикамъ своимъ для выработанія самая легкія сочиненія, которыя всякой, имѣющей общій человѣческой разсудокъ, написать можетъ» (ст. 481).

Въ статьѣ «Наставленіе отъ отца дочерямъ»¹⁾ высказываетъ взглядъ на женщинъ и на то, какъ онѣ должны вести себя. «Я не почитаю васъ домашними работницами, говоритъ авторъ, или невольницами страстей нашихъ; но признаю равными намъ и нашими сопутницами, опредѣленными ко вліянію въ сердца наши нѣжныхъ чувствованій, къ утонченію нашихъ нравовъ и, какъ говоритъ Томсонъ, къ украшенію нашихъ добродѣтелей, къ одушевленію щастія человѣческой жизни и къ услажденію трудностей оной». «Одно изъ главныхъ украшеній женскаго характера есть скромность, прелестная стыдливость, удаляющаяся отъ глазъ публики и не могущая снести и самой взоръ удивленія, не покраснѣвшись» (ст. 611).

«Дѣвица, переставши краснѣть, теряетъ самую сильнѣйшую прелесть красоты. Стыдливость есть доказательство чрезвычайной чувствительности, которая въ нашемъ полѣ почитается слабостію и можетъ быть вредна, какъ то я самъ часто чувствовалъ; но вамъ служить она привозходною прелестью (ст. 612). Въ обхожденіи съ мужчинами, даже и съ самыми знатными сохраняйте скромную важность (ст. 613). Храните ненарушимое почтеніе къ истинѣ... Ложь есть подлой и презрѣнной пороку» (ст. 617).

11. *Покоящійся Трудолюбецъ*, періодическое изданіе 1784 (I и II ч.) и 1785 г. (III и IV ч.).

Журналъ этотъ въ различнаго рода произведеніяхъ старался показать своимъ читателямъ важность воспитанія и образованія. Такъ въ статьѣ: «Разсужденіе о безпорядкахъ, производимыхъ

¹⁾ См. № 77.

страстями въ человѣкѣ» въ числѣ средствъ противъ страстей въ умѣ указывается на обращеніе мысли человѣка къ его собственному воспитанію, чтобы тамъ подмѣтить слѣды своихъ предразсудковъ: предразсудки часто зарождаются при воспитаніи (ч. III, ст. 28—30).

У насъ во всякомъ состояніи, говоритъ одинъ анекдотъ, много бесполезныхъ людей вслѣдствіе дурного воспитанія, вслѣдствіе того, что родители по простотѣ, высокомѣрью, торопливости и неразумію часто опредѣляютъ дѣтямъ состояніе лишь только тѣ родятся, *не сообразуясь со способностями ихъ души и свойствами сердца, равно какъ и съ пользою государства. А между тѣмъ воспитаніе есть источникъ благополучія и несчастія народовъ*¹⁾. Въ великихъ душахъ, не получившихъ хорошаго воспитанія, говоритъ Платонъ въ одномъ «Нравоучительномъ размышленіи» (ч. I, ст. 91—95), родятся чрезмѣрные пороки, подобно тому, какъ плодородная нива, не засѣянная хлѣбомъ, производитъ терніе, волчцы и куколь». Выдающихся педагогическихъ статей въ Покоящемся Трудолюбцѣ немного, можно указать только на двѣ. Прекрасное сочиненіе «Опытъ краткаго для дѣтей ученія о душѣ»²⁾ есть примѣръ примѣненія на дѣлѣ сократическаго метода обученія: послѣ многихъ настоятельныхъ просьбъ дѣтей отецъ объясняетъ имъ въ бесѣдѣ, при посредствѣ вопросовъ, сравненій, сопоставленій и т. д., что такое душа, ея простоту, или несложность, ея силу представлять, знаніе ея о своихъ представленіяхъ. Другое сочиненіе есть собственно философское, это — «О причинѣ заблужденій или смѣшеніи понятій», но въ немъ встрѣчается нѣсколько дѣльныхъ педагогическихъ замѣчаній. «При воспитаніи, говорится тамъ, надо обращать большое вниманіе на то, чтобы дѣти не смѣшивали понятій; напр., надо избѣгать соединенія въ ихъ умѣ понятія о веществѣ съ понятіемъ всѣхъ прочихъ существъ, ибо иначе имъ трудно будетъ имѣть представленіе о духовномъ существѣ. Ученикъ часто ненавидитъ книги вслѣдствіе только того, что онѣ смѣшиваются въ его представленіяхъ съ наказаніемъ» (ч. IV, ст. 111—117). Остальныя педагогическія статьи журнала суть нравоучительныя сочиненія, или въ формѣ отвле-

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ Ч. I, ст. 157—170.

ченныхъ разсужденій, или въ формѣ разсказовъ о различныхъ добродѣтельныхъ дѣтяхъ¹⁾).

Можно согласиться съ г. Незеленовымъ, что педагогическія статьи Прибавленій къ Московскимъ Вѣдомостямъ и Покоящагося Трудолюбца касаются всѣхъ существенныхъ вопросовъ педагогики. Вопреки господствовавшимъ мнѣніямъ вѣка, онѣ устанавливаютъ истинный взглядъ на взаимныя отношенія образованія и воспитанія, онѣ признаютъ равноправность и тѣсную взаимную связь того и другого. «Воспитаніе сердца и воли, говорятъ онѣ, должно основываться на развитіи мышленія и обогащеніи ума знаніями. Отрицаютъ тѣлесныя наказанія и безграничность авторитета родителей и воспитателей, ставя намѣсто авторитетъ истины и добра. Относительно содержанія образованія статьи не считаютъ возможнымъ дѣлать это послѣднее на классическое и реальное; находя необходимымъ дѣйствовать на всѣ душевныя силы ребенка, онѣ полагаютъ, что его надо учить наукамъ и искусствамъ, древнимъ языкамъ и естествовѣдѣнію». — «Общественное воспитаніе онѣ предпочитаютъ домашнему, ибо оно, по ихъ мнѣнію, лучше приготовляетъ человѣка къ жизни. Статьи говорятъ и о методахъ ученія, рекомендуя особенно методъ сократическій. Наконецъ, онѣ поднимаютъ голосъ за учителей и воспитателей, требуя уваженія отъ общества къ нимъ и лучшаго матеріальнаго обезпеченія ихъ жизни. Предъ умственной силой и нравственнымъ благородствомъ этихъ идей, замѣчаетъ г. Незеленовъ, умолкаетъ всякое слово похвалы¹⁾).

12. *Утренніе Часы*. Еженедѣльное изд. 1788 г. Спб.

Въ статьѣ «О пользѣ и необходимости нравственной науки»²⁾ говорится: «Познавать самого себя, научиться своимъ должностямъ и умѣть исполнять оныя есть изъ всѣхъ наукъ самонужнѣйшая и полезнѣйшая! Таково есть Нравоученіе, которое, будучи наукою нашихъ нравовъ, правиломъ нашихъ дѣяній и искусствомъ быть добродѣтельными, тѣмъ несравненно для насъ полезнѣе, чѣмъ опутительнѣе намъ принадлежитъ и тѣмъ къ изученію себя должно привлекать насъ болѣе, чѣмъ необходимѣе видимъ мы себя обязанными знать оное» (ст. 33).

¹⁾ Подроб. см. у Незеленова. Н. И. Новиковъ, ст. 415—416.

²⁾ № отъ 4 мая.

Въ статьѣ «Совѣты отъ отца сыну» (ст. 85) говорится: «Посвящай, мой сынъ, юныя твои лѣта на обученіе наукамъ, онѣ составляютъ въ теченіи твоей жизни неизчерпаемый источникъ; онѣ утверждаютъ сердце, исправляютъ разумъ и ведутъ человѣка къ его должностямъ. Ими достигаютъ къ почестямъ и знатности; онѣ упокоиваютъ и увеселяютъ въ благополучіи; а въ несчастіяхъ бывають нашимъ утѣшеніемъ (ст. 85). «Старайся украшать твой разумъ всякаго рода знаніями». «Невѣжество есть ядовитый источникъ, изъ котораго истекаетъ всякое зло, оскорбляющее все-ленную; слѣпое суевѣріе, безбожіе и праздность» (ст. 86).

Есть тутъ статья и «О воспитаніи»³⁾. «Безъ всякаго сомнѣнія можно сказать, что хорошее воспитаніе есть наиблизательнѣйшій даръ и богатѣйшее наслѣдство, каковое родители могутъ оставить своимъ дѣтямъ». «Воспитаніе едино токмо удобно придать благородное стремленіе человѣческому разуму и вознести его далѣе того тѣснаго предѣла, въ которомъ онъ естественно заключаться долженъ. Воспитаніе нами руководствуетъ и очищаетъ предъ нами путь, по коему мы должны шествовать для достиженія до той блаженной цѣли, которую добродѣтель являетъ намъ въ наипрелестнѣйшемъ видѣ» (ст. 162). «Ничего нѣтъ важнѣе для отца, какъ дать дѣтямъ своимъ сіе драгоцннѣйшее воспитаніе. Онъ всегда долженъ помнить, что: сынъ хорошо воспитанный будетъ утѣхою его старости и услажденіемъ души его; а худо воспитанный причинитъ ему стыдъ и посрамленіе (ib.).

Статья рекомендуетъ обратить вниманіе на выборъ хорошихъ учителей и вооружается противъ родительской строгости: «Могутъ ли быть хорошо воспитаны дѣти, которыя всегда дрожать и трепещутъ предъ отцемъ своимъ?» (ст. 168).

13. *С.-Петербургскій журналъ*, издав. И. Пнинымъ. 1798 г.

Въ немъ находимъ весьма интересныя статьи о воспитаніи, изъ которыхъ приведемъ подробныя выдержки.

Ч. I. *О воспитаніи*. Воспитаніе вообще есть наука, какимъ способомъ образовать, научать дѣтей такъ, чтобы они учинились полезными и пріятными для семейства своего, для отечества, и были бы въ состояніи доставить и для самихъ себя благополучіе.

¹⁾ Утр. Часы; нед. XI, 29 іюня 1788.

Легче, говоритъ Теогнисъ, дать жизнь, нежели добрую душу. Вотъ что воспитаніе должно постановить себѣ правиломъ. Все доказываетъ намъ, что человѣкъ при рожденіи своемъ не расположенъ ни къ добру, ни къ злу, но что приноситъ только способность къ воспріятію тѣхъ нуждъ, коихъ онъ самъ собою удовлетворить не въ состояніи, страстей болѣе или менѣе стремительныхъ, смотря какъ тѣлосложеніе и свойство его расположено отъ природы. Воспитать дитя значитъ употребить его естественное расположеніе, его свойство, его чувствительность, нужды, страсти на его усовершенствованіе или на учиненіе его таковымъ, каковымъ быть ему желаешь, сіе значитъ показать ему, что ему любить и чего убѣгать должно, и снабдить его всѣми тѣми средствами, которыми онъ можетъ или пріобрѣсти желаемое или избѣгнуть того, что ему ненавистно кажется; сіе есть возбудить желанія его къ извѣстнымъ предметамъ и отъ другихъ воздержать. Страсти удачно направляемыя, то есть, полезно и для него и для прочихъ устремленныя, сопровождаютъ къ добродѣтели; но оставленныя буйству оныхъ, или худо направляемыя учиняютъ его порочнымъ и злымъ (ст. 56). Обманываются тѣ, которые полагаютъ, что воспитаніе во всякомъ человѣкѣ произвести можетъ все, чего желаешь: воспитаніе распространяетъ только полученныя отъ природы способности; оно тогда только съ успѣхомъ сѣять можетъ, когда землю такимъ образомъ естество пріуготовило, что можетъ она соотвѣтствовать тѣмъ попеченіямъ, которыя для нея употреблены будутъ (ст. 58). Самое начальное воспитаніе сперва занимается образованіемъ, возвращеніемъ, укрѣпленіемъ тѣла, научаетъ какъ должно въ пользу себѣ обращать члены, учреждать надобности, воздерживать волненіе страстей, естли оныя противны его благосостоянію (ст. 58).

Сіе первоначальное воспитаніе предопредѣляетъ въ воспитывающемся тѣ существенныя способности, которыя производятъ вліяніе на все продолженіе жизни. Но родители не обращаютъ довольно вниманія своего на сію первѣйшую часть воспитанія, они поручаютъ дѣтей попеченію кормилицъ, потомъ смотрительницъ, исполняющихъ умы воспитанниковъ своихъ страхами, ложными понятіями, пороками и глупостями, какими они сами заражены и изъ ихъ рукъ вышедшихъ дѣтей увидишь привыкшихъ ко лжи, обманамъ, къ малодушію, обжорству и нѣгѣ.

Самыя первыя минуты жизни бывають пренебрежены, но заслуживають, чтобы подумано было объ нихъ съ лучшимъ вниманіемъ; они всегда почти опредѣляютъ человѣческой нравъ (ст. 59).

Непостоянство жизни человѣческой заставляетъ богатыхъ принять непремѣннымъ закономъ, дабы они дѣтей своихъ не къ роскоши, тщеславію, нерадѣнію и безпечности приучали, но чтобы заблаговременно упражненіями и трудами укрѣпляли ихъ тѣло, предваряли разумъ противъ нечаянныхъ пораженій рока (ст. 60).

Выходя изъ подъ начала слугъ и надзирательницъ дитя передается въ руки наставника, по часту ни мало не имѣющаго тѣхъ качествъ, которыя бы споспѣшествовать могли къ образованію разума и сердца его воспитанника; но когда счастливой случай представить и такового, имѣющаго хотя бы и самыя рѣдкія качества, однако тщетно будетъ онъ сообщать оныя ученику непослушному и издавна развращенному (ст. 67). Но большею частью родители и вовсе не стараются обрѣсти просвѣщенныхъ наставниковъ; ибо достоинства другихъ для нихъ чужды или бывають предметомъ ихъ презрѣнія. Благородный ничѣмъ болѣе не занимается, какъ своею породой, богатый уважаетъ только единое свое богатство; и оба они то только представляютъ себѣ, что какъ можетъ бѣдной ученой удостоиться вниманія такихъ людей, каковы они суть. Тотъ, коего назначали они попечителемъ къ дѣтямъ своимъ, не иначе видится имъ, какъ наемникъ, какъ слуга, единое отъ нихъ уничиженія заслуживающій.

Несмысленный (отецъ) презирающій раченіе о сынѣ своемъ, не понимаетъ, что отъ него зависѣтъ можетъ какъ счастье, такъ и честь всего семейства. Ты препоручилъ сына твоего рабу для воспитанія, говорилъ древній мудрецъ отцу богатому и скупому: хорошо дѣлаешь, ибо вмѣсто одного ты будешь имѣть двухъ рабовъ (ст. 69). И такъ, когда мужское воспитаніе почти повсемѣстно пренебрежено, то воспитаніе женщинъ, долженствующихъ быть супругами, матерями, кажется совершенно забыто. Музыка, танцованіе, шитье — вотъ обыкновенно почти вся наука, преподаваемая младымъ дѣвѣцамъ, долженствующимъ нѣкогда управлять семьями (ст. 70). Вмѣсто того, чтобы обратить сердца ихъ къ добродѣтели, вмѣсто того, чтобы заставить ихъ познать долж-

ности, которыя имъ нѣкогда исполнять должно, вмѣсто того, чтобы украсить разумъ познаніями, удобными освободить ихъ отъ скуки, въ продолженіи ихъ жизни болѣе, нежели мушницъ обременяющей (ст. 71); воспитаніе ихъ кажется печется о томъ только, чтобы дать имъ совершенное понятіе о нарядахъ, тщеславіи, о модахъ, о собраніяхъ, балахъ и театрахъ, не думая вовсе о внутреннихъ украшеніяхъ разума (ст. 71).

Сіе очевидно, что жалостное воспитаніе женщинамъ преподаваемое, производитъ ихъ слабости, неосторожность, легкомысліе и безпорядки въ обществѣ (ст. 73).

Поль прелестнѣйшій, поль созданный для распространенія сладости и удовольствія въ жизни, да не отвратится просвѣщать разумъ свой: ибо нужныя познанія не повредятъ ихъ пріятностей. Да потщится болѣе всего приготовить сердце свое, природою ко всѣмъ гражданскимъ добродѣтелямъ расположенное. Да будетъ сіе единственное средство, которымъ онѣ повсегда будутъ правиться (ст. 74).

Если сіи разсужденія довольно доказательны о слабости частнаго воспитанія; то сколько сказать можно въ пользу воспитанія общественнаго, и сколь оно дѣйствительно предпочтительнѣе перваго, не взирая на неизбѣжныя несовершенства его сопровождающія (ст. 81).

С.-Пб. журн. 1798 г. Февраль. Согласно Монтескію необходимо нужно, чтобы во всякомъ Государствѣ воспитаніе юношества было соглашено и совмѣщено съ природою, съ предначертаніемъ и съ правилами правительства.

Авторъ считаетъ изъ правленій наилучшимъ монархическое. Но добавляетъ: «Какое бы правленіе ни было, надобно признаться, что если желать, чтобы оно было прочно и непоколебимо, то необходимо потребно, чтобы оно сообразовалось свойству и духу народа» (ст. 158).

По автору «всѣ препріятія, дѣянія и происшествія въ исторіи, зрѣнію нашему представляющіяся, всѣ многоразличные обычаи, постановленія, какъ гражданскихъ, такъ и духовныхъ разныя системы Государственныя и касающіяся до нравовъ, самое состояніе Государствъ, ихъ начало, ихъ узаконеніе, ихъ величество, колеблемость и самое рузрушеніе должно приписать естеству и силѣ воспитанія (ст. 160—161). «Оно (воспитаніе)

произращает нравы, учреждаетъ могущество, должную дѣятельность, благополучіе народа (ст. 162).

Когда народное спокойствіе утверждается на благонравіи воспитаніемъ внушаемымъ, тогда основаніе его будетъ прочно и неизблемо; но если воспитаніе не образуетъ юношества, тогда безъ сомнѣнія развращены нравы (ст. 163).

У древнихъ общественное воспитаніе было одинаково для всякаго члена общества. Въ нынѣшнія времена не возможно, чтобы всякій разрядъ общества воспитываемъ былъ одинаковымъ образомъ (ст. 164).

По автору «воспитаніе общественное есть единое только средство къ возстановленію всего того, что относится къ истинному просвѣщенію, къ возстановленію въ совершенствѣ всѣхъ выгодъ, всѣхъ добродѣтелей, каковыя общество имѣть должно. Тамъ люди познають, въ чемъ состоитъ сіе общество и какія суть его обязательства, чего въ частности многихъ воспитаній пріобрѣсти не можно. Тутъ изтребится причина общественнаго разслабленія, отъ несогласія и раздѣленія произтекающая. Привычка отъ самаго дѣтства жить вмѣстѣ, въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ побудительныя причины къ раздѣленію рѣдки, скоры и удобопреходящи, укрѣпить общее соединеніе, пріобучить гражданъ взирать другъ на друга какъ на части одного тѣла, какъ на дѣтей одного отца, какъ на членовъ одного семейства» (ст. 175). «Дѣти, пріучась чувствовать нужду въ равныхъ себѣ, во взаимныхъ забавахъ лѣтамъ ихъ свойственныхъ, онѣ привыкнутъ быть внимательными и благодарными» (ст. 175). «Онѣ научатся подвергать волю свою волѣ другихъ, быть кроткими, прилѣжными, чувствительными, благодѣтельными» (ст. 176).

О воспитаніи военномъ относительно благороднаго юношества (68).

Человѣкъ военной политики отличенъ, поелику тѣмъ же исправитъ должности, кои его состояніе ему опредѣлило. Нужно, чтобы воспитаніе поставило непремѣннымъ долгомъ научить дѣтей повиновенію, яко первой добродѣтели военной. Чтобы воспитывающіеся въ разсужденіи искусства военнаго имѣли сіе главнымъ правиломъ, что кто умѣетъ повиноваться, тотъ умѣетъ повелѣвать. — Сіе воспитаніе должно внушить имъ твердость и величіе душевное, пріучить ихъ отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ взи-

рать на смерть съ безстрашіемъ, и чтобы возвратить въ нихъ сію великодушную добродѣтель, должно посвятить въ разумѣ ихъ чувство чести, любовь къ отечеству, желаніе пріобрѣсти уваженіе отъ согражданъ своихъ, страхъ потерять оное чрезъ поведеніе презираемое или нерадивое (ст. 70).

Воспитаніе должно пріучить воспитанника, какъ обходиться съ великими и малыми, съ богатыми и бѣдными, съ друзьями и непріятелями; отвратить ихъ отъ праздности яко начала всякаго зла и пороковъ; пріучать къ опрятности, чистотѣ, умѣренности и поведенію въ общежитіи, необходимо къ справедливости. Словомъ, пріучить, чтобы они обходилися съ другими такимъ образомъ какъ бы съ собою желали, и не дѣлали бы того, чего себѣ не хотятъ (ст. 71).

«И такъ потщимся поселить въ юные разумы истинное просвѣщеніе, сердце и разумъ подвигнуть къ добродѣтели и всѣ душевныя способности возбудить къ патріотизму и любви ко славѣ (ст. 73).

О главномъ попечителѣ и наставникахъ (ст. 73). Отъ попечителя требуется знаніе своей должности, испытанная честность, правосудіе, безкорыстность, добрые нравы и приверженность къ благу общему. Подъ руководствомъ таковыхъ только попечителей явятся тѣ достойные наставники, которые будутъ въ себѣ заключать всѣ его способности, всѣ нужныя качества, удобныя для образованія юношества (ст. 74).

Они то сдѣлають воспитаніе не обманчивымъ, прочнымъ и непоколебимымъ (ст. 76).

Мы видимъ, что при самыхъ лучшихъ учрежденіяхъ воспитанія, когда нѣтъ хорошихъ наставниковъ, ожидаемаго успѣха не послѣдуетъ (ст. 80). Хорошіе же наставники, имѣя твердое и безпристрастное поведеніе, могутъ заставить воспитанниковъ своихъ себѣ послѣдовать (ст. 89).

Лѣта вступленія въ училище. Въ воспитаніи и въ правоученіи, понятія наши суть ничто иное, какъ дѣйствіе новыхъ. Естьли наставники сообщать питомцамъ своимъ познанія истинныя, и естьли сіи познанія соглашены съ опытомъ, то воспитанники получаютъ понятія здоровыя и въ привычкахъ пріятныя утвержденія (ст. 152).

«Въ правоученіи разсужденіе и привычка научають насъ

здраво и поспѣшно судить и быстрымъ мгновеніемъ ока обнимать красоту и безобразіе дѣяній человѣка (ст. 155).

«Сии разсужденія равно какъ и прежде предложенныя заставляютъ насъ возчувствовать всю важность добраго воспитанія; оно единое можетъ образовать существа разумныя, силою новыхъ добродѣтелей удобнѣе сдѣлать собственное свое счастье и споспѣшествовать благополучію другихъ. Мнѣнія, желанія, страсти, пользы, понятія о добрѣ и злѣ, о чести и безчестіи, о пороцѣ и добродѣтели мы приобретаемъ сперва воспитаніемъ, потомъ утвержденіемъ оныхъ обхожденій (ст. 157).

Дѣти должны вступать въ училище отъ пяти до семилѣтняго возраста.

О примѣрахъ. Попечитель воспитанія долженъ тщательно смотрѣть за поведеніемъ наставниковъ, примѣчать, исполнять по предписанію, и наставлять ихъ въ случаѣ, когда примѣчена будетъ въ томъ нужда (ст. 89).

Главный попечитель долженъ заботиться о равенствѣ среди воспитанниковъ и учтивствѣ (ст. 92—93).

Для воспитанниковъ рекомендуется чтеніе романовъ. Великій человѣкъ, который есть герой оныхъ, долженъ быть всегда взятъ изъ состоянія тѣхъ, для коихъ назначено чтеніе оныхъ (ст. 99). Къ романамъ можно присоединить трагедіи (ст. 103).

О награжденіи¹⁾. Любовь къ отличности опредѣлитъ качество наградъ въ семь начертаніи, и поелику оныя могутъ быть вещественныя или награды мнѣнія, мы употребимъ только послѣднія, да симъ приучимъ дѣтей ничего не желать болѣе какъ славы. Мы увѣнчаемъ главу напр. лавровымъ вѣнкомъ, но не дадимъ ему (воспитаннику) лучшей противъ прочихъ одѣжды: ибо таковой родъ отличности можетъ возбудить въ нихъ чувство тщеславія; не опредѣлимъ также лучшихъ яствъ, чтобы не произвести склонность къ обжорству (ст. 78).

Общія правила на коихъ должно быть основано ученіе воспитанія дѣтей сего опредѣленія (часть 4-я, окт. 1798).

Говоря объ упражненіи памяти, авторъ добавляетъ: «великое множество примѣровъ показываютъ, что люди обременяя память

¹⁾ С.-Пб. журн., августъ 1798 г.

не токмо не приобрѣтали ни силы, ни остроты ея, но паче симъ ее ослабляли. Мы ограничимъ (ст. 100) себя въ разсужденіи приращенія и сохраненія силы сей способности, тремя только правилами: 1-е никогда не употреблять въ зло ея способности, заставляя тщетныя дѣлать усилія, 2-е облегчать связь между понятіями такъ, чтобы одно возбуждало непосредственно другое, 3-е возобновлять часто слѣды понятій, которыя безъ сего совершенно могутъ изгладиться (ст. 100).

Заканчивается сочиненіе статей: «О обрядахъ всеобщаго выпуска и какимъ образомъ полженъ быть оной учрежденъ».

Статья эта впослѣдствіи была издана отдѣльной книгою, подъ заглавіемъ: «*Опытъ военнаго воспитанія относительно благороднаго юношества*, начертанный по распоряженію знаменитаго Италіанскаго законоискусника *Филанжера*, писавшаго о наукѣ законодательства, дополненный краткими разсужденіями и нужными примѣчаніями къ предмету воспитанія касающимся А. Б.» (Бестужевымъ). Въ С.-Пб. 1803, 160 стр.

Этимъ мы закончимъ обзорѣніе важнѣйшихъ педагогическихъ статей журналовъ XVIII в. Мы далеки отъ мысли, что обзорѣніе наше отличается полнотою; напротивъ того, мы думаемъ, что оно нуждается въ значительныхъ дополненіяхъ. Это одна изъ задачъ будущаго. Мы старались, насколько могли, проложить путь къ освѣщенію вопроса, котораго до сихъ поръ такъ мало касались наши изслѣдователи и ученые.

Источники и пособія:

Журналы второй половины XVIII в. изъ бібліотеки Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ и Историческаго Музея въ Москвѣ. Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 годовъ бібліографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неустроевымъ. С.-Пб. 1874 г. Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг. Изслѣдованіе А. Незеленова. С.-Пб. 1875 г.

ГЛАВА XXXVI.

Педагогическія книги второй половины XVIII вѣка.

Сказанное въ XXXIV главѣ относительно книгъ нравоучительныхъ относится въ такой же мѣрѣ и къ книгамъ педагогическимъ. Самостоятельныхъ попытокъ построения педагогическихъ

системъ было немного въ русской литературѣ XVIII в. (Новиковъ, отчасти Прокоповичъ-Антонскій), зато довольно много было педагогическихъ книгъ, переведенныхъ съ иностраннаго. Среди нихъ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто принадлежитъ Локку, а затѣмъ Фенелону. Мы съ большимъ вниманіемъ перечитали эти книги, желая знать: какія изъ педагогическихъ идей были наиболѣе распространены во второй половинѣ XVIII вѣка. Цѣня же болѣе всего самобытные взгляды, мы особенное вниманіе удѣляли предисловіямъ переводчиковъ, такъ какъ въ нихъ до нѣкоторой степени отражались ихъ взгляды, и то, ради чего они предпринимали переводъ той или другой книги.

1. *О воспитаніи дѣтей* Господина Локка. Переведено съ французскаго на російскій языкъ Императ. Москов. Универ. профессоромъ Николаемъ Поповскимъ, 1759 г. 2 части.

Извѣстное педагогическое сочиненіе, имѣвшее такой большой успѣхъ въ З. Европѣ и вліявшее не разъ и на русскихъ педагоговъ; мы уже говорили, что сама Императрица Екатерина II многое заимствовала у Локка. Переводъ этого сочиненія сдѣланъ проф. Поповскимъ и сдѣланъ такъ хорошо, что о немъ Новиковъ отозвался въ такихъ словахъ: «Также перевелъ (Поповскій) прозою книгу о воспитаніи дѣтей, состоящую въ двухъ частяхъ, славнаго Локка: сей переводъ по мнѣнію знающихъ людей едва не превосходить ли и подлинникъ»¹⁾.

Намъ слѣдуетъ отмѣтить тѣ важнѣйшія идеи, которыя проводилъ Локкъ. Для этого возьмемъ II часть «О воспитаніи дѣтей»²⁾. «Мнѣ кажется все то, чего честный человѣкъ, имѣющій нѣкоторое попеченіе о воспитаніи своего сына, желать ему можетъ, не упоминая о оставляемомъ наслѣдіи, состоитъ въ четырехъ вещахъ, въ добродѣтели, благоразуміи, учтивости и знаніи (ст. 67). Въ первомъ мѣстѣ полагаю я добродѣтель, какъ превосходнѣйшую всѣхъ вещей, полезнѣйшую человѣку, особливо благородному, какъ такое качество, которое необходимо надобно, для снисканія почтенія и любви у прочихъ, для учиненія себя пріятнымъ и сноснымъ самому себѣ, и безъ котораго нельзя быть счаст-

¹⁾ Опытъ историческаго словаря о російскихъ писателяхъ. Изъ разныхъ печатныхъ рукописныхъ книгъ, сообщен. извѣстій и словесныхъ преданій собранъ Николай Новиковъ. С.-Пб. 1772, ст. 168.

²⁾ Въ ней 266 ст. in 8°.

ливному ни въ семь, ни въ другомъ свѣтѣ» (§ 137). «Для перваго основанія добродѣтели, которую должно возбудить въ сердцахъ дѣтскомъ, надобно ему заблаговременно дать истинное понятіе о Богѣ. Надобно вперить любовь о почтеніи къ существу толь совершенному и всеблагому». «Затѣмъ слѣдуетъ принуждать его (воспитанника) только говорить правду и склонять всѣми способами быть тихимъ и благотворительнымъ (§ 142, ст. 75).

Знаніе Локкъ считаетъ вещью маловажною. «Можетъ быть ты удивишься, говоритъ онъ, что я знаніе полагаю послѣ другихъ вещей, нужныхъ къ доброму дѣтей воспитанію; особливо ежели я скажу, что знаніе дѣйствительно есть вещь самая маловажная (§ 150, ст. 104). «Я въ томъ согласенъ, что умѣть читать и писать, и имѣть ученіе, все то нужное, однако, сіе не есть самое важное (ст. 106). «Ученіе должно искать не единственно и для него самого, но просто какъ способъ, чтобы найти нѣкоторую вещь изящнѣйшую. Для сего ищи человѣка, имѣющаго все потребное благоразуміе для наставленія нравовъ твоего сына. Старайся сколько можно сохранить его неповинность, склонить къ добру, исправить и одолѣть тихими способами худыя склонности, которымъ онъ можетъ подлежать, и впери добрыя навыки. Сей главной конецъ воспитанія дѣтей. Когда сіе здѣлано, науку можно снискать какъ чрезъ приращенія, и весьма легко, по моему мнѣнію, слѣдуя извѣстнымъ порядкамъ» (ст. 108). «Я всегда такова мнѣнія, что можно младенцу сдѣлать игрушкою и забавою всякое знаніе, которому учить ни пожелаютъ, и чтобы онъ самъ желалъ учиться: ежели ему представлять ученіе какъ вещь почитаемую, пріятную и увеселительную саму чрезъ себя, или какъ награжденіе учиненное за исполненіе чего-нибудь другого, и чтобы никогда его не бранили и не били, что въ немъ былъ не прилежень» (ст. 109). Локкъ придаетъ большое значеніе вниманію. «Великое искусство учителя учинить ученической разумъ внимательнымъ. Когда однажды въ томъ удастся, то надежно простираться и далѣ сколько способность ученическая дозволить; безъ сего сколько бы учитель ни мучился, всѣ его труды здѣлаютъ весьма мало, или совсѣмъ ни какова плода не произведутъ» (ст. 148). Авторъ вооружается противъ распространеннаго школьнаго обычая заучивать многое изъ авторовъ. «Языкамъ выучиваются только чрезъ чтеніе и разговоръ, а не

наполняя память нѣкоторыми мѣстами изъ Авторовъ» (ст. 171). О качествахъ учителя Локъ говоритъ: «Человѣкъ, который принимается воспитывать молодыхъ людей, особливо знатнаго рода, долженъ знать нѣчто больше, неужели по Латынѣ, и ему недовольно быть искусну въ наукахъ, чтобы хорошо отправить сію должность. Такой человѣкъ долженъ быть превосходной добродѣтели и совершеннаго благоразумія; имѣющій здравый смыслъ, кроткую природу и искусство обходиться всегда съ своимъ ученикомъ важнымъ, пріятнымъ и любезнымъ купно образомъ» (ст. 179).

Относительно того, чему учиться, Локъ указываетъ: «Въ то же время, когда мальчикъ учится по-латыни, можно, какъ выше уже объявлено, учить его ариѳметикѣ, географіи, геометріи, хронологіи и исторіи. Ибо когда ему покажутъ сіи науки на французскомъ или латынскомъ языкѣ, какъ скоро тотъ или другой разумѣть начнетъ, то онъ и въ наукахъ будетъ искусенъ и въ то же время будетъ учиться и языку какъ бы стороною» (ст. 180).

«Понеже аглинской дворянинъ всегда имѣетъ нужду въ аглинскомъ языкѣ, то ему должно наипаче и учиться и стараться, чтобы въ чемъ учинить свой штиль чище и совершеннѣе» (ст. 205).

«Въ заключеніи сего члена, добавляетъ Локъ, о ученіи знатныхъ молодыхъ людей надзиратель долженъ весьма помнить, что его должность состоитъ нестолько въ томъ, чтобы учить всему, что можно знать, сколько вдыхать любовь и почтеніе къ знанію и показать нужныя дороги къ снисканію наукъ самому чрезъ себя, когда въ нихъ пожелаетъ упражняться» (ст. 222).

Нѣсколько въ противорѣчій съ тѣмъ, что говорится на стран. 171, Локъ говоритъ: «Ученіе мѣсть изъ авторовъ не можетъ никогда довольно быть выхвалено; сія самая короткая дорога, надежнѣйшая и пріятная ко всякой мудрости. Во-первыхъ, понимай вещи отъ самаго ихъ кореня, читай и повторяй мѣста авторскія, учи на память, ссылайся на нихъ въ случаяхъ. Старайся наипаче проникнуть въ ихъ разумъ, во всей его обширности и по всѣмъ обстоятельствамъ, принци оригиналь автора, разбери его начала; выводи изъ нихъ заключенія» (ст. 225). «Хотя сей совѣтъ только нуженъ для ученыхъ, однако, важенъ для ихъ воспитанія и ученія» (ст. 226).

Локкѣ проводитъ далѣе ту мысль, что порядокъ есть душа ученія. «По крайней мѣрѣ, я весьма увѣренъ, что ни что такъ не облегчаетъ и не сокращаетъ дороги всякому, чему-нибудь учащемуся и не причиняетъ ему столько успѣха безъ дальняго труда, какъ добрый порядокъ» (ст. 227). Кромѣ ученія дворянинъ долженъ умѣть танцовать, биться на шпагахъ и ѣздить на лошади и пр. Но самое главное: «учи сына своего укрощать страсти и поработать волю разуму. Когда сей навыкъ вложишь въ его сердце чрезъ всегдашнее употребленіе, то самое трудное дѣло здѣлаешь» (ст. 235).

2. Истинной манторъ или воспитаніе дворянства, сочиненное Маркизомъ Карачіоли, полковникомъ въ службѣ короля Польскаго. Съ французскаго перевелъ Федоръ Полунинъ. Москва, 1769, стран. 174, in 16°.

«Столь трудно найти между людьми истиннаго Мантора, говоритъ авторъ, что и самъ г. Фенелонъ долженъ былъ взять убѣжище къ богамъ, чтобы дать предводителя своему Телемаку. Дѣйствительнымъ образомъ надлежало бы всякому учителю быть участникомъ добродѣтелей взаимственныхъ отъ Минервы. Юношество, часть людей, наинадобнѣйшая въ государствѣ, требуетъ всѣхъ нашихъ трудовъ и стараній (ст. 1). Надобно каждому изъ насъ съ сокрушеніемъ сердца къ Богу возопитъ: грѣхъ юности моя и невѣдѣнія моего не помяни. Посреди сихъ бѣдствій и страстей представляемъ мы истиннаго Мантора, которой долженъ быть предводителемъ молодому человѣку. Миѣ воображается онъ въ такомъ состояніи. Сперва начинаетъ мало-по-малу примѣчать, отъ примѣчанія приходитъ къ надзиранію, отъ надзиранія къ выговорамъ, а отъ выговоровъ, наконецъ, къ наказаніямъ, когда оныя по обстоятельствамъ необходимо потребны... Многіе надзиратели, не умѣя оказать веселаго вида при первомъ свиданіи, лишались довѣренности, которая бываетъ уже невозвратима... И такъ, истинный Манторъ, не опорочивая еще поступки своего ученика, начнетъ сперва въ него входить, станетъ разсматривать порученной ему длодь (ст. 9). Первые взоры его наполнены будутъ пріятностію и ласкою. Онъ начнетъ употреблять всѣ возможные способы, чтобы расположить себя по поступкамъ своего ученика и узнаетъ его обычаи и склонности. Вдругъ онъ его не принудитъ, но увидя его, дастъ нѣкоторое ободреніе,

заставляющее разсуждать о томъ, чего сердце желаетъ и любить (ст. 10).

Пріязнь знатнаго господина воспитываемаго должна быть единственнымъ намѣреніемъ и награжденіемъ воспитанія (ст. 11).

Карачіоли соболѣзнуеть, что родители не заботятся приобрѣсть хорошаго воспитателя: «О время! о нравы! истощаютъ свое имѣніе на излишніе расходы, покупаютъ дорогою цѣною статуу, которая нравится; платятъ музыканту сверхъ его достоинства... а торгуются, берегутъ деньги и скупаются, когда дойдетъ дѣло до того, чтобъ достать предводителя дѣтямъ (ст. 16). Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ найти Мантора, наполненнаго благоговѣніемъ, который бы зналъ различать истинное отъ ложнаго; безъ благоговѣнія хорошіе нравы и честность сами сумнительны (ст. 24). Манторъ же станетъ учить своего питомца, чтобъ могъ изъ собственнаго своего разсудка произвести множество дѣлъ разумныхъ и полезныхъ (стран. 31). Одно изъ полезныхъ занятій это стихотворство: «Стихотворство возвышаетъ духъ, вперяетъ мысли, производитъ чистоту въ сложеніи, и всякой истинной Манторъ будетъ совѣтовать, чтобы стихи читать и порадуется, когда увидитъ, что ученикъ его иногда здѣлаетъ пѣсню или эпиграму (стран. 54). Истинный Манторъ, какъ искусный архитекторъ, полагаетъ всему твердыя основанія (ст. 107).

Однако, сколько бы учителей и манторовъ ни было, и какимъ бы наукамъ дѣтей не обучали, но мало будетъ успѣха въ ихъ воспитаніи, когда сами родители надзирать не стануть; ничто толь не хорошо, какъ надзираніе родителя, но оно должно быть просвѣщенное (стран. 62).

3. *О воспитаніи дѣвицъ*, сочиненіе господина Фенелона, архіепископа Дюка Камбрійскаго. Съ французскаго языка переводилъ Иванъ Туманскій. Изданіе третье. Москва, въ Унив. типогр. у Н. Новикова. 1788 г., ст. 240 in 8° 1).

«Истинное благополучіе, говоритъ переводчикъ, заключается въ спокойствіи духа, благоразуміи и отпращеніи должностей нашихъ. Но что намъ нужнѣе добродѣтели? Не чрезъ оную ли мы получаемъ спокойствіе духа? Не она ли бываетъ знакомъ нашего благоразумія?..

1) У Сопикова указано 2 изданія XVIII в. (между тѣмъ ихъ было три). подъ № 2654, С.-Пб. 1763 г. in 8 и подъ № 2655, 1788 г., при чемъ третье изданіе названо вторымъ.

«Простите мнѣ, посударыня моя! что я осмѣлился писать къ вамъ о томъ, о чемъ вы больше меня знаете. Я сіе упомянулъ только для показанія, въ чемъ состоитъ содержаніе сея книги, и къ чему наибольше клонится главное намѣреніе оныя».

Фенелонъ въ своей книгѣ говоритъ о важности воспитанія дѣвиць и о первыхъ основаніяхъ воспитанія.

«Ни о чемъ меньше теперь не пекутся, какъ о воспитаніи дѣвиць», въ то время какъ «воспитаніе отроковъ почитается за первѣйшее дѣло». Однако «дѣвиць бесполезно учить наукамъ, могущимъ вкоренить въ нихъ высокоуміе» (ст. 3).

Такое небреженіе къ воспитанію дѣвиць заставляетъ автора сказать нѣсколько словъ о заслугахъ женщинъ. «Не онѣ ли (женщины) разрушаютъ и отъ паденія охраняютъ домъ, всѣ подробности домашнихъ дѣлъ приводятъ въ порядокъ, и слѣдовательно опредѣляютъ то, что наибольше касается до всего человѣческаго рода? Чрезъ сіе онѣ имѣютъ первѣйшее участіе въ добрыхъ или худыхъ нравахъ всего почти свѣта. Разумную, рачительную и благочестивую женщину надлежитъ почитать душою всего великаго дома; она въ немъ учреждаетъ порядокъ къ приобрѣтенію временныхъ благъ и вѣчнаго спасенія¹⁾. Сами мужчины, въ обществѣ полную власть имѣющіе, не могутъ своими разсужденіями ни единого дѣйствительнаго добра учредить, ежели женщины не помогутъ имъ привить онаго къ окончанію». «Вотъ женскія упражненія, кои не меньше важны для общества, какъ и упражненія мужчинъ; ибо онѣ должны въ порядокъ приводить домъ, щастливымъ дѣлать мужа, и хорошо воспитывать дѣтей» (ст. 6).

«Наконецъ надобно разсуждать не только о благополучіи, производящемъ отъ женщинъ добраго воспитанія, но и о злоключеніяхъ, въ свѣтѣ ими причиняемыхъ, когда онѣ не имѣютъ воспитанія, всѣвающаго въ сердца ихъ добродѣтель. Сіе неоспоримо, что худо воспитанныя больше приключаютъ зла женщины, нежели мужчины» (ст. 7).

Въ главѣ II говорится о неудобности обыкновеннаго воспи-

¹⁾ По Домострою господиномъ дома является мужъ, онъ въ немъ и устриваетъ порядокъ, жена только его слушается: «а по вся дни бы мужа жена спрашивалася, совѣтовала о всякомъ обиходѣ», ст. 100, гл. 39 Домостроя, по списку Имп. Общ. ист. и древ. рос. Москва, 1882 г.

танія». «Невѣжество дѣвицы бываетъ причиною ея скуки и незнанія невинныхъ упражненій» (ст. 8).

Говоря объ излишнемъ любопытствѣ женщинъ, Фенелонъ замѣчаетъ: «Обученные и въ важныхъ дѣлахъ упражняющіеся люди обыкновенно имѣютъ умѣренное только любопытство (ст. 12). За недостаткомъ твердаго основанія все ихъ (дѣвицъ) любопытство обращается съ горячностью къ пустымъ и опаснымъ предметамъ. Природнымъ разумомъ озаренныя часто дѣлаются тщеславными; читаютъ книги, питающія ихъ самолюбіе, плѣняются чтеніемъ романовъ, комедій и повѣствованій, содержащихъ любовныя приключенія, противъ здраваго разума вымышленныя (ст. 13).

Глава III трактуетъ о первыхъ основаніяхъ воспитанія. Авторъ совѣтуетъ начинать воспитаніе съ ранняго дѣтства. «Самая большая польза въ первыхъ лѣтахъ младенчества состоитъ въ томъ, чтобы хранить здравіе младенца, стараться сдѣлать въ немъ хорошую кровь выборомъ ѣствъ и учрежденіемъ простой жизни» (ст. 21).

«Кромѣ сего весьма нужно дать время младенческимъ чувствамъ притти въ силу, и не спѣшить съ наставленіемъ; удаляться отъ всего, что можетъ возбудить страсти» (ст. 22).

«Когда они нѣсколько подрастутъ и начнутъ ясно понимать вещи, надобно стараться, чтобы всѣ рѣчи, которыя имъ говорятъ, производили въ нихъ любовь къ истинѣ и вкореняли въ нихъ презрѣніе ко всякому лицемерію (ст. 23). «(При воспитаніи) слѣдуй только и способствуй природѣ (ст. 27). Отвѣчай только на ихъ вопросы точно, прибавляя иногда нѣкоторыя сравненія легкія для лучшаго изъясненія». «Любопытство младенцевъ почитается за естественную склонность, предупреждающую наставленіе, не примини употребить онаго въ пользу» (ст. 30). «Никогда не должно вопросовъ ихъ почитать за безпокойство; оныя служатъ поводомъ естественнымъ къ способнѣйшему наставленію».

Глава IV содержитъ «Опасное подражаніе». Дѣти всегда склонны подражать всему, «что ни видятъ». И для того весьма надобно стараться не представлять имъ никакихъ, кромѣ хорошихъ образцовъ. Не надобно къ нимъ допускать иныхъ людей, кромѣ тѣхъ, коихъ бы примѣру подражать было полезно» (ст. 31).

«Итакъ должно съ поспѣшностью въ умѣ ихъ дѣлать начертанія, пока оныя легко изображаются. Однако, весьма хорошія надобно избирать вещи, которыхъ виды написывать въ немъ должно: ибо въ столь малой и драгоценной сосудѣ не должно вливать никакихъ другихъ, кромѣ самыхъ изящнѣйшихъ вещей¹⁾, при томъ помнить, что дѣтямъ въ семь возрастѣ ничего не должно вперять въ разумъ, какъ только такія вещи, которыя бы въ нихъ чрезъ всю жизнь пребывали» (ст. 37).

«Пусть играетъ младенецъ, однако, примѣшай и къ игръ наставленія, чтобъ мудрость показывалась иногда и съ веселымъ лицомъ; берегись, чтобъ не утомить его безразсудною точностью» (ст. 41).

«Для приведенія у дѣтей въ любовь добродѣтельныхъ людей покажи имъ, что въ оныхъ находится любви достойное и ихъ способности, искренность, скромность, учтивость, некорыстолюбіе, вѣрность, а больше всего благочестіе ихъ, которое есть источникомъ всѣхъ прочихъ добродѣтелей» (ib.).

«Показывай всегда ему (ребенку) пользу тѣхъ вещей, которыми его учишь» (ст. 44).

«Должно имъ объявить причину всему тому, чему ихъ учать, сіе, скажешь имъ, служить къ приведенію васъ въ состояніе хорошо отправлять будущее ваше званіе; сіе для укрѣпленія вашего разума, сіе для того, чтобы вы навыкли хорошо разсуждать о всѣхъ вещахъ» (ст. 45).

«Старайся снискивать у нихъ любовь, чтобъ обходилися они съ тобою вольно, и не опасались оказывать предъ тобою своихъ пороковъ» (ст. 46). «Примѣчай, есть ли нужно, чрезъ многіе дни, въ которое время приличнѣе подать ему наставленія».

«Станемъ стараться въ наши времена пріятное присовокуплять полезному столько, сколько силы наши намъ дозволяютъ» (ст. 52).

«Все, что увеселяетъ воображеніе, облегчаетъ ученіе. Избери книгу наполненную короткими и удивительными повѣстями» (ст. 57).

¹⁾ Симеонъ Полоцкій, какъ помнятъ читатели, говорилъ: «человѣкъ, судъ сый скуделень, во юности нравъ воспріятый, хранить до смерти». Обѣдъ душевный, ст. 543, въ Ист. рус. пед. ч. I, ст. 269.

«Не худо возбудить въ нихъ сколько возможно охоту къ душевнымъ увеселеніямъ, напр., къ бесѣдѣ, вѣдомостямъ, повѣстямъ и ко многимъ разумнымъ играмъ, заключающимъ въ себѣ нѣкоторое наставленіе» (ст. 61). «Въ избраніи забавъ удалаться должно отъ всѣхъ подозрительныхъ содружествъ. Не надобно дѣвушкамъ быть вмѣстѣ съ мальчиками» (ст. 62).

По мнѣнію Фенелона: «самое большое дѣло въ воспитаніи младенцевъ состоитъ въ томъ, чтобы приучивать ихъ къ простой жизни и не давать имъ воли» (ст. 66).

«Правда, что единъ только Богъ подаетъ нѣжное и доброе сердце; однако можно стараться побуждать оное благородными примѣрами, правилами честности и некорыстолюбія, и презрѣніемъ самолюбивыхъ людей» (ст. 77).

«Сверхъ сего надлежитъ родителямъ показаться исполненными къ нимъ истинною любовью; ибо часто дѣти учатся отъ своихъ родителей никого не любить» (ст. 78). «Никогда не осмѣливайся шутить при дѣтяхъ надъ вещами, касающимися вѣры» (ст. 125).

«Старайся показать дѣвицамъ, сколь почтительнѣе честь, приобретаемая хорошимъ поведеніемъ и разумомъ, нежели которую отъ своихъ волосовъ (sic!) и одежды получаютъ» (ст. 175).

«Нѣтъ ничего почтительнѣе благоразумія и добродѣтели» (ст. 185).

Объ ученіи Фенелонъ говоритъ: «Научи дѣвицу исправно читать и писать» (ст. 206). «Надлежало бы также дѣвицѣ знать грамматику природнаго своего языка, не уча ее по правиламъ» (ст. 207); дѣвицѣ также должно знать четыре дѣйствія ариеметики» (ст. 208). «Не худо, чтобы онѣ знали нѣкоторыя начальнѣйшія правила правосудія» (ст. 208).

«Послѣ сихъ наставленій, которыя во-первыхъ подавать должно, не бесполезно будетъ дозволять дѣвицамъ въ свободное время и въ разсужденіи ихъ понятія читать свѣтскія книги, ни мало къ страстямъ не побуждающія» (ст. 213). Симъ способомъ можно еще ихъ отвратить отъ комедій и чтенія романовъ, и такъ дай имъ греческую и римскую исторію (ст. 213). Пусть читаютъ и своего отечества исторію, она также имѣетъ свою пріятность» (ст. 214). «Я бы имъ также позволилъ, но по выбору, читать витійскія и стихотворныя сочиненія, есть ли бы примѣтилъ,

что онѣ имѣють вкусъ и разсужденіе довольно твердое къ употребленію сихъ вещей въ истинную пользу» (ст. 216).

4. *Опытъ народнаго воспитанія или чертежъ наукъ*, въ пользу юношества сочиненный Г. Людовикомъ *Ренатомъ-де Карадюкъ дела-Шалотомъ*, Королевскимъ Бретанскаго Парламента Генераломъ Прокуроромъ. Перев. съ француз. Р. Гвоздиковой. С.-Пб., 1770 г., ст. 246 in 8°.

Здѣсь находятся предварительныя разсужденія о пользѣ наукъ, о худомъ способѣ преподаванія оныхъ, о качествахъ учителей, о числѣ училищъ и учащихся, правила о чертежѣ наукъ, о воспитаніи перваго возраста даже до десяти лѣтъ; о географіи, о естественной исторіи, о наукахъ математическихъ; воспитаніе дѣтей, съ десяти лѣтъ; что такое есть вкусъ и какіе способы къ пріобрѣтенію онаго; труды и упражненія втораго возраста, объ исторіи, о логикѣ, метафизикѣ, о нравственной наукѣ и пр. Пользы отъ сего начертанія наукъ, способъ къ произведенію сего начертанія въ дѣйство.

«Благо общее, честь народа требуетъ, говорить Ренать-де Карадюкъ, чтобъ было гражданское воспитаніе, которое бы предуготовляло всякаго званія молодыхъ людей къ отправленію съ успѣхомъ разныхъ въ государствѣ должностей. Въ сей запискѣ предпріялъ я доказать надобность воспитанія и предложить служащія къ оному способы» (ст. 2). «Если (человѣкъ) не наученъ будетъ добру, то будетъ необходимо занять зломъ. Разумъ и сердце праздными быть не могутъ» (ст. 4). «Отринемъ всѣ странныя мнѣнія о бесполезности и опасеніи отъ наукъ; обратимъ науки къ важнѣйшей государственной пользѣ», «потщимся въ разумъ юношескіе всѣвать знанія, которыя имъ нужны будутъ для отправленія разныхъ должностей, для устроенія чрезъ то ихъ собственнаго и прочихъ благополучія и слѣдственно для успѣшествованія главному обществу благу» (ст. 5).

«Упражненіе безъ дарованія производитъ людей посредственныхъ, но безъ упражненія дарованіе никогда не сдѣлаетъ ихъ отмѣнными» (ст. 7).

«Отвергать силу воспитанія не иное что есть, какъ, въ противность искусства, отвергать дѣйствіе навыковъ» (ст. 8).

«Безчисленное множество есть извѣданныхъ уже истинъ, рассыпанныхъ по несмѣтному числу книгъ, разширенныхъ на

несмѣтное число главъ. Дѣло въ томъ только состоитъ, чтобы (онѣ) собраны были и приведены были въ порядокъ для просвѣщенія учителей и наставниковъ» (ст. 10).

«Понеже воспитаніемъ должно предуготовлять гражданъ для пользы Государства, то явствуетъ, что оное соглашать надлежитъ съ учрежденіемъ и законами его, противное же симъ воспитаніе будетъ весьма ему вредительно» (ст. 19).

Для обученія наукамъ и знаніямъ потребны люди, коихъ бы все ремесло въ томъ состояло» (ст. 26).

«Полезнѣе государству имѣть не многія и въ полномъ наукъ теченіи хорошія училища, нежели много посредственныхъ» (ст. 41).

«Весьма удивительно, что нравовъ изящество и просвѣщенія нашего вѣка терпѣло толь непорядочное воспитаніе, каково наше есть, юхудая оное непрестанно» (ст. 43).

«Удобнѣе выйти изъ тьмы невѣжества, нежели изъ предувѣреній ложнаго ученія. Россія въ десять лѣтъ больше успѣла въ Физикѣ и Естественныхъ знаніяхъ, нежели сколько другія государства во сто лѣтъ; довольно, къ доказанію сего, записокъ Петербургской академіи» (ст. 44).

Видимо, что авторъ въ ученіи своемъ слѣдуетъ Локку. «Главнѣйшее правило во всемъ хорошемъ порядкѣ ученія есть сіе, чтобъ начинать отъ вещей чувствамъ подлежащихъ, дабы взойти постепенно къ умственнымъ, начинать отъ вещей простыхъ, чтобъ дойти къ познанію сложныхъ; удостовѣряться о дѣйствіяхъ прежде, нежели изыскивать ихъ причины» (ст. 59).

О цѣли ученія авторъ говоритъ: «Ученіе нужно для благовоспитанія, равно какъ и для приобрѣтенія знаній» (ст. 61).

«Надобно, чтобъ дѣти много видѣли вещей, чтобъ оныя были перемѣнны, чтобы показываны были во многихъ видахъ и въ разное время; не можно чрезмѣрно отяготить ихъ память и воображеніе дѣйствіями и понятіями полезными, кои во всю ихъ жизнь во благоупотребленіе служить могутъ» (ст. 63).

«Надобно знать главнѣйшія основанія высокихъ наукъ: прочее довершить искусство, яко наилучшій учитель» (ст. 65). «Способъ къ достиженію онаго (воспитаніе) въ томъ состоитъ, чтобы возбуждать въ нихъ любопытство, облегчать разумъ и понятіе, подавать ободреніе ихъ духу; но сего учинить никогда будетъ

не возможно чрезъ умственное ученіе, сухое и скучное» (ст. 67). «Изъ наукъ тѣ выбирай, отъ коихъ могутъ произойти полезнѣйшія слѣдствія» (ib.). «Во всемъ воспитаніи, по мнѣнію автора, самая величайшая остается трудность: научить ихъ (дѣтей) читать (ст. 71).

«Естественную Исторію авторъ считаетъ однимъ изъ числа полезнѣйшихъ приобрѣтаемыхъ знаній, поелику въ себѣ содержитъ основаніе домостроительства, врачебной науки, торговли и самой политики, при томъ она есть самая пріятная и легкая наука» (ст. 89).

«Математическія науки приучаютъ ко вниманію и вычисленію, вниманію толь нужному въ житейскомъ употребленіи; они подають способность къ сопряженію понятій, коя можетъ быть изъ всѣхъ способностей есть самая нужнѣйшая» (ст. 108).

«Ренатъ-де-Карадюкъ предлагаетъ дѣтямъ перваго возраста: учиться читать, писать и рисовать, танцованію, музыкѣ, читать исторію, житіе знаменитыхъ людей каждаго государства, каждаго вѣка и каждаго званія, ученіе географіи, физическія и математическія упражненія, басни Фонтеновы» (ст. 109). Въ послѣдующихъ возрастахъ рекомендуется изучать языки: «Языки требуютъ труда и упражненія, и хотя они не иное что суть, какъ предуготовленіе къ основательнѣйшему ученію, однако въ первые годы должно съ раченіемъ прилѣжать къ онимъ» (ст. 113).

«Правила всѣхъ наукъ суть легки и просты, онѣ почерпнуты изъ самой природы и разума; надобность состоитъ не въ познаніи ихъ, хотя и сего оставляеть не надлежить, но въ ихъ употребленіи» (ст. 123).

«Просвѣщенный разумъ человѣка удобно познавается по способу его изъясненія, по его рассужденію, разговору, писанію» (ст. 133).

«Въ училищахъ нравоученіе откладываютъ къ концу другихъ частей философіи и заключили оное въ школьныхъ только нѣкоторыхъ вопросахъ бесполезныхъ; забыли, что сія наука изъ всѣхъ есть самая нужная, и что она столько же, какъ и всякая другая, доказательна быть можетъ» (ст. 197).

5. *Общій способъ ученія* для всякаго состоянія свободныхъ людей нужный. Въ Москвѣ, въ Унив. Тип. у Н. Новикова. 1871 г. 27 нумер. стр.

Разсужденіе сочинено ректоромъ Троицкой семинаріи, Аполлосомъ Байбаковымъ, въ видѣ письма къ князю Н. И. Трубецкому. Въ началѣ авторъ говоритъ, что обязанность родителей относительно дѣтей состоитъ не въ томъ только, чтобы произвести ихъ на свѣтъ, но и въ томъ, чтобы воспитать ихъ, доставляя имъ, пока они не въ силахъ, приличное содержаніе, стараться также о душевномъ ихъ просвѣщеніи и тѣлесномъ здоровіи, наконецъ открыть имъ путь на поприщѣ службы общественной. Пренебрегающимъ помянутыми обязанностями и слѣдовательно не любящимъ дѣтей своихъ, авторъ, въ подтвержденіе сказаннаго имъ, приводитъ слово ап. Павла, изъ посланія его къ Тимоѳею и притчи Соломона, въ которой говорится о пользѣ, происходящей отъ добраго воспитанія. Излагая краткія наставленія о воспитаніи, авторъ книжки упоминаетъ о безчисленномъ количествѣ книгъ, изданныхъ для руководства къ воспитанію дѣтей, и объявляетъ, что сообщаетъ здѣсь не только свои мысли, но и многихъ знаменитыхъ умомъ и ученостью мужей, поименованныхъ имъ въ выноскѣ, какъ-то: Карачіоли, Канзія и Лангія. Указывая на тѣ предметы, которые необходимо преподавать дѣтямъ въ самомъ началѣ, авторъ назначаетъ шестилѣтній возрастъ для поступленія ребенка въ общественное заведеніе, и упоминаетъ о наукахъ и искусствахъ, которыя слѣдуетъ преподавать начинающему учиться. Затѣмъ онъ говоритъ о предметахъ, подлежащихъ изученію мальчика отъ двѣнадцатаго до восемнадцатаго года, и отъ этого времени и даже далѣе; если юноша не будетъ еще готовъ къ поступленію въ какую-либо общественную должность, то, авторъ совѣтуетъ употреблять время на путешествіе по чужестраннымъ государствамъ, и чтобы означенное путешествіе не осталось бесполезнымъ, то молодой человѣкъ не долженъ проводить время въ праздности и пустыхъ забавахъ, но изучать все полезное относительно наукъ, чтобы, возвратясь въ отечество, имѣть возможность принести пользу познаніями своими общественной службѣ. Остальная часть книжки содержитъ краткое объясненіе ученія Лангія, изложенное имъ въ книгѣ его «*Hodegus latini sermonis*»¹⁾.

¹⁾ Взято у Н. В. Губерти. Матеріалы для русской библиографіи. Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательнѣйшихъ русскихъ книгъ XVIII стол. Выпускъ II, подъ № 32.

6. *Наставникъ*, или всеобщая система воспитанія, преподающая первыя основанія учености. Сочиненіе англійское въ двадцати частяхъ. Съ нѣмецкаго языка на Россійскій переложено. 1788—1789¹).

Ч. I. О правочтеніи, рѣчахъ и разговорахъ предъ собраніями слушателей и зрителей, слогѣ писемъ.

Ч. II. О математикѣ, наукѣ чиселъ и землемѣріи.

Ч. III. Объ Ариѳметикѣ, Механикѣ, Географіи и Астрономіи.

Ч. IV. О хронологіи или лѣтосчисленіи и исторіи.

Ч. V. О риторикѣ или краснорѣчіи, Поззіи или стихотворствѣ.

Ч. VI. О живописи и рисованіи.

Ч. VII. Первыя основанія логики или умословія.

Ч. VIII. О физикѣ или естествословіи и естественной исторіи.

Ч. IX. О правочтеніи.

Ч. X. О купечествѣ и торговлѣ.

Ч. XI. О законахъ и правительствахъ.

Въ IX ч. Введенія къ правочтенію говорится: «Наиболѣе должно стараться, чтобъ каждый изъ насъ о другихъ наукахъ не столько думая, ту науку и хранилъ и въ ней упражнялся (ежели когда въ состояніи будетъ оную познать и найти), которая, при разсматриваніи доброй и худой жизни, даетъ ему возможность и смыслъ, чтобъ изъ двухъ тѣхъ всегда и вездѣ избрать лучшую. Для сего долженъ онъ размышлять о всемъ нынѣ сказанномъ, и прикладывая одно къ другому, и раздѣляя, усматривать, какъ оно относится къ добродѣтельной жизни, притомъ узнать, какая доброта въ нищетѣ или въ богатствѣ содержится, и съ какимъ душевнымъ навыкомъ зло или добро дѣлается». О цѣли правочтенія говорится: «Правочтеніе имѣетъ цѣлю свою естество человѣка, нравственныя его силы и его отношенія, и выводитъ изъ того законы на дѣла его». «Каждому, ктобы сколько ни просвѣщенъ былъ прочими науками, особенно прилѣжать и простирается должно въ наукѣ правочительной; имѣть объ оной полное познаніе, выучить наизусть аксіомы, или коренныя основанія науки сей. Здѣсь между прочимъ излагается о должности человѣка или обязанности его нравственной, разныя мнѣнія, касательно до обязанности нашей нравственной, рѣшительныя при-

¹ Книга изъ Императорской Эрмитажной бібліотеки хранится нынѣ въ бібліотекѣ Публ. и Румянц. муз. въ Москвѣ.

чины нравственныхъ нашихъ способностей, относительно къ почувствованіямъ и склонностямъ нашимъ, главныя различія должностей или добродѣтелей человѣческихъ, о должности человека самого къ себѣ, о естествѣ блага и благо Всевышняго, о должности къ родителямъ и согражданамъ, о должностяхъ родителей къ дѣтямъ ихъ. Говорится здѣсь кое-что и о воспитаніи». «Вразсужденіи младенцевъ пола мужскаго, родители да пекутся о безпрестанномъ улучшеніи нравственныхъ силъ ихъ; да защищаютъ ихъ отъ всякаго вреда, да управляютъ ими, вперяютъ въ нихъ твердость духа и приличествующую полу ихъ важность, учиняютъ ихъ трудолюбными, степенными, справедливыми, да заранѣе подготовляютъ ихъ къ терпѣнію въ превратностяхъ жизни. Словомъ, да укрѣпляютъ въ нихъ сердце и душу. Младенцевъ пола женскаго, да научаютъ вѣжливости и обязательному обхожденію съ людьми, кротости и благонавію, разборчивости въ вещахъ, челоѣколюбію, гибкости и уклончивости въ обычаяхъ; да вселяютъ въ нихъ общежительныя добродѣтели» (ст. 234).

7. *Новое дѣтское училище* или опытъ нравственнаго воспитанія обоего пола и всякаго состоянія юношества, содержащій преполезнѣйшія наставленія къ образованію разума и сердца и совершенному нравственному воспитанію, представленныя въ изящнѣйшихъ письмахъ, сочиненныхъ весьма извѣстною и прославившеюся сочиненіями своими, касающимися до воспитанія и другихъ предметовъ нравственности, графинею *Жанли*. Перев. съ французскаго 3 части, 1792 г. Тоже изданіе, подъ названіемъ: «Академія и Федоръ или письма о воспитаніи содержащія въ себѣ правила, касающіяся до воспитанія владѣтельныхъ особъ, благородныхъ людей и простолюдиновъ». 1794 г.

«Вы сказываєте, — говорится въ одномъ изъ писемъ, — что не могли научиться ни Исторіи, ни Географіи, ни музыкѣ; но потому что никогда не желали и приняться за оное, и вамъ не вложена была охота, какъ токмо оказать себя на балахъ танцами. Заключение всего сказаннаго мною есть напоследѣдокъ то, дабы не спѣшить учить дѣтей вещамъ свѣше силы, но не пропускать ни единой малости къ преподаванію того, что удобно ихъ понятію, и каждое правоученіе стараться поселать въ нихъ больше приѣмами, а не продолжительными и скучными рѣчами (т. I, ст. 71, письмо 11). «Я не стану давать дѣтямъ ни сказокъ, ни тысячи

одной ночи, самыя сказки г-жи Д** сочиненныхъ для робячества, не будутъ въ ихъ рукахъ. Баснословныя таковыя вымышленія рождаютъ въ нихъ ложныя понятія и останавливая разумъ, наводятъ отвращеніе къ благоразумному чтенію» (т. I, ст. 80).

«Хорошее воспитаніе можетъ утвердить добродѣтель» (т. I, ст. 201).

8. *О выборѣ и способѣ ученія.* Сочиненіе Г. Флери. Перев. съ французскаго. 1796 г. Ст. 264 in 8.

Въ первой части этой книги излагается исторія наукъ, вторая часть заключаетъ выборъ и способъ ученія.

«Надобно, чтобы подлинное ученіе имѣло предметомъ своимъ, по крайней мѣрѣ, пріятность, происходящую отъ познанія. Со всѣмъ тѣмъ однакожь для наукъ, одно удовольствіе приносящихъ не должно оставлять наукъ полезнѣйшихъ и другихъ нужнѣйшихъ упражненій» (ст. 75).

«Воспитаніе твое должно быть наукою твоей жизни: тутъ долженъ ты научиться быть человѣкомъ честнымъ и способнымъ къ отправленію назначеннаго тебѣ званія; старайся жъ единственно о томъ, что можетъ тебя такимъ сдѣлать» (ст. 76).

«Ученьемъ должно назвать только то, когда мы стараемся снискивать полезныя для жизни свѣдѣнія» (ст. 78).

«Нѣтъ такого возраста, когда бы такъ легко было учиться, и когда бы охота къ тому столь была сильна, какъ въ первые годы юношества, не способнаго еще къ дѣламъ (ст. 79). Слѣдовательно, юность есть самое драгоценнѣйшее время для ученія (ст. 80). Надобно съ великимъ благоразуміемъ и осмотрительностію избирать родъ ученія, къ которому мы должны примѣниться тѣмъ больше, что забывать не въ нашей волѣ (ст. 83). Естьлижь мы обязаны избирать наилучшій родъ ученія для самихъ себя, то въ наставленіи другихъ, а наипаче дѣтей, должны быть еще осторожнѣе и разсудительнѣе» (ib.). «Вниманіе дѣтей надобно возбуждать слегка, мало-по-малу и съ великою терпѣливостію» (ст. 87).

«Надобно, чтобы имъ (дѣтямъ) преподавали непримѣтнымъ образомъ, не показывая и виду, что ихъ хотятъ учить» (ст. 87). «Кто столько будетъ щастливъ, что ему удастся соединить пріятныя ощущенія съ первоначальными наставленіями, относящимися къ устройенію нравовъ или образа жизни, словомъ:

соединить истинное добро съ удовольствіемъ, тотъ найдетъ тайну наилучшаго воспитанія» (ст. 90).

«Желательно, чтобы первыя его учебныя книги было хорошо напечатаны и переплетены; чтобы самый учитель былъ — естли можно — статенъ и красивъ собою, одѣвался чисто, говорилъ пріятнымъ голосомъ, имѣлъ открытый видъ, и во всѣхъ поступкахъ своихъ былъ привлекателенъ» (ст. 91).

Вѣжливости Флери придаетъ большое значеніе. «Вѣжливость составляетъ часть нравственности. Недовольно того, чтобы исполнять существенныя обязанности праводущія, дѣлающія человѣка добрымъ, надобно еще наблюдать законы общества, дѣлающія человѣка вѣжливымъ» (ст. 121).

«Свѣтское обращеніе есть самое удобнѣйшее средство къ изученію людскости» (ст. 122).

9. *Анти-Эмиль г. Форма* или Опроверженія Руссова образа воспитанія и мыслей. Перев. съ франц. языка кн. Константинъ Енгальчевъ. 1797 г., ст. 314 in 8.

Въ посвященіи Императору Павлу Петровичу переводчикъ говоритъ: «Книга сія содержитъ въ себѣ опроверженіе нелѣпыхъ, ложныхъ мнѣній моднаго писателя, который въ очаровательное краснорѣчіе заворачивая сѣмена разпутства, плѣняетъ молодые, незрѣлые и слабыя умы, заражаетъ такою язвою, которая издревле опустошала и нынѣ опустошаетъ душу, тѣло, дома, государства».

10. *Езоповы басни* съ нравоученіемъ и примѣчаніями Рожера Летранжа, вновь изданныя и на російскій языкъ переведены въ С.-Пб. Академіи Наукъ секретаремъ Сергѣемъ Волчковымъ. 1747 г. 515 стр. in 8.

Въ предисловіи издатель касаясь воспитанія дѣтей, объясняетъ пользу басенъ и научаетъ какъ употреблять ихъ съ успѣхомъ для нравственнаго развитія учащихся, и говоритъ, между прочимъ, что басни, содержащіяся въ книгѣ, собраны изъ разныхъ знаменитыхъ авторовъ, какъ-то: Федра, Камерарія, Авіена, Нелета, Афтонія, Габріаса, Бодрана, Лафонтена и другихъ лучшихъ книгъ. Всѣхъ басенъ 88.

Сопиковъ указываетъ на 3 изданія этихъ басенъ: 1760 г., 1762 и 1775 гг.

Мы имѣли въ рукахъ изданіе 1810 г. Въ предисловіи здѣсь говорится: «Понеже я за первую и большую правду сіе почитаю,

что дѣти прилежнѣе и охотнѣе всего сказки слушаютъ и исторіи читаютъ, то оная ихъ природная склонность причину къ изданію сея книги подала, дабы ихъ къ чувствованію и понятію должности ихъ нѣкоторымъ образомъ привести» (ст. 4).

Говоря о толкованіи басенъ, переводчикъ поучаетъ: «Дѣтямъ надобно, прежде всего, то сказать, что дѣлать, потомъ указать, какъ дѣлать, а затѣмъ уже основательнымъ представленіемъ и своимъ добрымъ примѣромъ къ тому ихъ приучать, чтобъ они все показанное имъ съ охотою и принужденіемъ дѣлали. А ежели при воспитаніи отъ праваго пути на одинъ шагъ удалиться, то отъ сего во всю человѣческую жизнь, кромѣ стыда и безпокойства, ничего добраго не будетъ» (ст. 12).

Приведемъ заглавіе другихъ педагогическихъ книгъ:

11 *Святская школа* или отеческое наставленіе сыну о обхожденіи въ свѣтѣ чрезъ Г. де-Нобель. Съ франц. на рос. языкъ перев. Сергѣй Волчковъ. С.-Пб. 1761 г.

12. О обученіи юношества, соч. Рабинера. 1764 г.

13. Письма о разумномъ обученіи языковъ и наукъ въ низшихъ школахъ. 1764 г.

14. Рокеса Иерон. Христіанская школа. Перев. съ нѣм. Сергѣй Волчковъ. 1770 г.

15. О надзирателяхъ при воспитаніи. Изъ энциклопедіи перев. С. Башиловъ. С.-Пб. Въ тип. Ак. Наукъ. 1770 г.

16. Клерка. Философическія разсужденія о воспитаніи, каковому должно быть для произведенія желаемыхъ плодовъ. Перев. съ франц. Семень Сулима. С.-Пб. 1774 г.

17. Опытъ о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ. Перев. съ франц. Михайла Семчевскій. С.-Пб. 1778 г.

18. Слово о способахъ и путяхъ, ведущихъ къ просвѣщенію. 1779 г.

19. Воспитаніе дѣтей какъ физическое, такъ и правоучительное. Соч. Г. Мезою. Спб. 1780 г. in 8°.

20. Воспитаніе (домашнее, нравственное) дѣтей всякаго состоянія. Перев. съ нѣм. Москва. 1781 г. in 12°.

21. Сокращеніе всѣхъ наукъ и другихъ частей учености, въ коемъ содержаніи, польза и совершенство, каждая части сокращенно описываются. Перев. съ нѣм. Иванъ Морозовъ, на рос. и нѣм. яз. Москва. Въ Унив. тип. 1781 г.

22. Наставленіе отцамъ и матерямъ. 1782 г.

23. Новая свѣтская школа. 1783 г.

24. Наставленіе отъ отца. 1784 г.

25. Правила истиннаго христіанскаго воспитанія дѣтей, предложенныя въ письмѣ, въ которомъ содержатся также начальныя основанія Христіанской религіи и жизни для людей всякаго состоянія. Москва. 1785 г.¹⁾

26. О полезномъ съ юношествомъ чтеніи древнихъ классическихъ писателей мнѣній. Изд. 2-е. 1787 г.

27. Дѣтское училище. 4-е изд. 1788 г.

¹⁾ Къ сожалѣнію, этой книги мы не могли нигдѣ отыскать. — *Прим. М. Д.*

28. Полезное и увеселительное чтеніе для юношества и всякаго возраста, содержащее въ себѣ: правоучительныя повѣствованія, нѣкоторыя статьи естественной исторіи, разсужденія, руководствующія къ добродѣтели и мудрости, басни, анекдоты и проч. Собралъ Яковъ Благодаровъ. Москва. Въ театр. тип. 1788 г.

29. Учитель или всеобщая система воспитанія, въ которой изложены первыя основанія наукъ, особенно нужныхъ молодымъ людямъ. Перев. съ нѣмец. изданія исправ. и умнож. проф. Шрекомъ и Эбертомъ. 3 части. 1789 г.

30. Эвфеміонъ или юноша, образующій сердце свое похвальными и достойными подражанія прииѣрами, служащими къ пріятному и поучительному наставленію для юношества. Перев. съ нѣмец. Степанъ Барташевскій. 1790 г.

31. Правила благопристойности для преподаванія обучающемуся юношеству. Собралъ Н. Б. К., перев. съ лат. И. У. 1792 г.

32. Руководство (начальное) къ наставленію юношества или первыя понятія о вещахъ всякаго рода, выбранныя изъ Базедова, Перольта и др. лучшихъ сочинителей, писавшихъ о воспитаніи дѣтей, представленныя въ картинахъ и расположенныя систематическимъ порядкомъ. Перев. съ франц. асти, in 8°. 1793 г.

33. Путь къ добродѣтели и любомудрію или избраніе правоученій и главнѣйшихъ познаній, служащихъ для вкорененія въ юношества благонаравія и нужнѣйшаго просвѣщенія. Издалъ Кипріанъ Дамскій. С.-Пб. 1794 г.

34. Путь къ благонаравію или сокращенное наставленіе обучающемуся юношеству, содержащее въ себѣ полезныя и правоучительныя правила для всякаго знанія и состоянія людей. Соч. Петра Захарьина. Изд. 1-е и 2-е, 1793 и 1796 гг. 3-е изд. 1798 г.

Источники и пособія.

Книги изъ бібліотеки Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ въ Москвѣ.

ГЛАВА XXXVII.

Состояніе просвѣщенія и нравовъ во второй половинѣ XVIII вѣка.

Въ нашей ученой литературѣ есть уже нѣсколько характеристикъ русскаго общества XVIII вѣка. Ихъ сдѣлали гг. Незеленовъ, В. Семеvскій, Дубровинъ, Гольцевъ, гр. Л. Н. Толстой и Н. Чечулинъ. Г. Незеленовъ¹⁾ считаетъ, что XVIII вѣкъ «былъ вѣкъ поразительнаго невѣжества и замѣчательно низкаго уровня нравственности». При этомъ онъ разъясняетъ, что уровень нравственности нужно опредѣлять прежде всего тѣмъ, какіе нравственные идеалы живутъ въ данное время въ обществѣ, и находить, что въ нашемъ обществѣ XVIII в. замѣтно «отсутствіе нравственныхъ идеаловъ, что его нравственные очи были слѣпы,

¹⁾ Новиковъ, Н. И., издатель журналовъ 1769—1785. С.-Пб. 1875, ст. 1, 16, 68, 77, 119.

и зло не казалось ему зломъ», затѣмъ онъ нападаетъ на роскошь, на продажность и недобросовѣстность судей и особенно на жестокое отношеніе къ крестьянамъ, причѣмъ считаетъ даже, что было не мало людей «подобныхъ Салтычихѣ»; младшую сестру ея онъ видитъ въ г-жѣ Простаковой. Г. Семейскій¹⁾, коснувшись дворянства XVIII в., говоритъ: «Мы невольно поражаемся умственнымъ и нравственнымъ убожествомъ господствующаго сословія. Въ нравственномъ отношеніи они гораздо ниже тѣхъ, надъ кѣмъ имъ приходится властвовать, въ умственномъ — нисколько не выше ихъ. Въ этой атмосферѣ, пропитанной невѣжествомъ, самодурствомъ, росли и дѣти».

Въ четырехъ главахъ перваго тома своего труда²⁾, посвященныхъ характеристикѣ общества XVIII вѣка, г. Дубровинъ рисуеътъ всѣ недостатки, иногда даже уродливости тогдашняго воспитанія, увлеченіе наружнымъ лоскомъ и пристрастіе ко всему французскому, яркими красками описываетъ паденіе семейнаго начала. «Сластолюбіе разливалось повсюду и волокитство было общимъ развлеченіемъ и цѣлью жизни», говоритъ онъ. «Молодой человѣкъ погрязалъ въ пустотѣ празднои и безцѣльной жизни. Онъ жилъ минутой, изо дня въ день и ничѣмъ, кромѣ чувственныхъ наслажденій, не увлекался; хорошо поѣсть, разсѣять скуку шатаніемъ изъ дома въ домъ, поиграть въ карты, посплетничать — вотъ вся цѣль, которую суждено было ему преслѣдовать».

И г. Гольцевъ³⁾ указываетъ на испорченность двора, на его роскошь, на паденіе семейнаго начала и пустоту общественной жизни, при чемъ повторяетъ характеристики гг. Семейскаго и Дубровина.

Причиною новыхъ пороковъ было иноземное вліяніе. Иноземное вліяніе происходило преимущественно двумя путями: путемъ воспитанія дѣтей чрезъ иноземныхъ гувернеровъ и гувернантокъ и путемъ путешествій русскихъ по Европѣ. Воспитаніе дѣтей поручалось французскимъ гувернерамъ и мадамамъ. Но если немногіе богатые и знатные люди могли выписывать изъ-за границы хорошихъ и образованныхъ учителей и учитель-

1) Крестьяне въ царствованіе Екатерины II.

2) Пугачевъ и его сообщники.

3) Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка.

ницъ, то большинство, люди простые и необразованные, этого не могли дѣлать. Подражая модѣ, они принимали въ учителей своихъ дѣтей всѣхъ иностранцевъ, безъ всякаго разбора ихъ знаній и нравственныхъ качествъ. Толпы иностранцевъ, нисколько не приготовленныхъ къ важному дѣлу воспитанія, являлись въ Россію въ качествѣ учителей и учительницъ съ цѣлью устроить себѣ карьеру... Въ числѣ такихъ учителей было много негодныхъ людей. «Къ одному московскому дворянину, — говоритъ Порошинъ, — нанялся въ учителя чухонецъ, назвавъ себя французомъ, и дѣтей его, вмѣсто французскаго языка, чухонскому выучилъ». До такого безобразія доводила русскаго человѣка его страсть подражать всему иностранному. Нисколько, поэтому, не удивительно, что журналы осмѣивали ее въ самыхъ рѣзкихъ формахъ.

Воспитаніе богатыхъ и знатныхъ дѣтей обыкновенно оканчивалось путешествіемъ по Европѣ, гдѣ они наглядно могли познакомиться со всѣми плодами науки, искусства и цивилизаціи. И литература и правительство поощряли путешествія. «Всякая Всячина» настаивала, чтобы, отпуская молодыхъ людей въ чужіе края, опредѣляли предметъ, для изученія котораго они посылаются. И. И. Бецкой, по порученію Императрицы Екатерины II, составилъ планъ для путешествія молодыхъ людей за границей съ цѣлью образованія. Но чему могли научиться и что могли привозить изъ-за границы русскіе недоросли, воспитанные такими невѣжественными гувернерами, на какихъ указано выше? Они со страстію предавались праздной и распущенной жизни, усваивая отъ европейцевъ только одни пороки, проматывая цѣлыя состоянія, вовсе не думали ни о какихъ наукахъ и искусствахъ и возвращались въ Россію совершенно испорченными. Они, по словамъ «Бригадира», выходили французскими повѣсами, несравненно худшими русскихъ. «Трутень» жалуется, что наша молодежь вывозила изъ чужихъ земель только свѣдѣніе о томъ, какъ тамъ одѣваются, какія бываютъ зрѣлища и увеселенія, а никто не расскажетъ о нравахъ, учрежденіяхъ и законахъ просвѣщенныхъ народовъ.

Вмѣсто просвѣщенія, русскіе путешественники привозили изъ-за границы поклоненіе модѣ и всему модному. «Нынѣ, жалуется журналы, на все моды: одѣваются, ходятъ по модѣ, по модѣ

говорять и думаютъ по модѣ, даже бранятся по модѣ». Журнальной сатирѣ особенно не нравилось вліяніе моды на родное слово; она негодовала на разговорный языкъ великосвѣтскихъ людей, представлявшій «смѣсь французскаго съ нижегородскимъ»: иностранныя реченія и фразы или цѣликомъ вставлялись въ русскую рѣчь, или переводились буквально наперекоръ ея складу; общеупотребительнымъ русскимъ словамъ придавался новый смыслъ; искажались даже грамматическія формы отечественной рѣчи. Еще въ «Бригадирѣ» разговоры совѣтницы пересышаны словами: сентименты, пассія, коммоднѣ, капабельно, диспютировать и т. д.

Рабское подражаніе иностранцамъ соединялось съ презрѣніемъ ко всему отечественному. Поэтому журналы, осмѣивая подражательность, старались возбудить въ русскомъ обществѣ чувство патріотизма, указывая на необходимость изучать свою страну и ея свойства и потребности, свою отечественную исторію, свою народную поэзію и свой языкъ.

Г. Чечулинъ дѣлаетъ иную характеристику общества конца XVIII вѣка, и мы къ нему въ главныхъ положеніяхъ присоединяемся. «Если бы повѣрили, говорить онъ, что большинство, масса тогдашняго общества были таковы, какими ихъ намъ рисуютъ указанные писатели¹⁾, то не нашли бы въ своихъ предкахъ ни одной положительной черты, не нашли бы ничего, изъ чего могло бы развиться что-либо хорошее, жизненное. Намъ невольно пришлось бы остановиться надъ вопросомъ, когда же и какимъ образомъ въ Россіи явились хоть порядочные люди, что составляло содержаніе тогдашней умственной жизни, чѣмъ жили тогдашніе русскіе люди? Вѣдь были же у насъ потомъ и великіе писатели, и знаменитые ученые, и замѣчательные общественные и государственные дѣятели. Откуда же они взялись, какъ выросли, гѣмъ и на чемъ воспитаны?»

Вѣдь и государство существуетъ и общество проявляло много разъ замѣчательныя силы и было въ немъ не мало замѣчательныхъ людей на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Отсюда прямой выводъ: намъ невѣрно рисуютъ русское общество XVIII вѣка.

Вѣдь Новиковъ, этотъ человекъ, дѣйствительно, необыкновенно

¹⁾ Незеленовъ, В. Семеновскій, Дубровскій, Гольцевъ.

венно высокой нравственности, честный, талантливый и энергичный двигатель истиннаго просвѣщенія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, человекъ, по истинѣ достойный быть предметомъ народной гордости, не стоялъ особнякомъ, а находилъ массу лицъ, ему сочувствовавшихъ, его поддерживавшихъ очень дѣятельно, даже самоотверженно, лицъ, которыхъ онъ самъ глубоко уважалъ.

Гр. Л. Толстой, какъ извѣстно, много изучалъ конецъ XVIII вѣка и начало XIX, и вотъ что онъ пишетъ по поводу упрековъ въ томъ, что далъ невѣрныя характеристики въ извѣстномъ романѣ «Война и Мирь». «Характеръ времени, какъ мнѣ выражали нѣкоторые читатели при появленіи въ печати первой части, недостаточно опредѣленъ въ моемъ сочиненіи. На этотъ упрекъ я имѣю возразить слѣдующее: «Я знаю, въ чемъ состоитъ тотъ характеръ времени, котораго не находятъ въ моемъ романѣ, — это ужасы крѣпостнаго права, закладываніе женъ въ стѣны, сѣченія взрослыхъ сыновей, Салтычиха и т. п. и этотъ характеръ того времени, который живетъ въ нашемъ представленіи, я не считалъ вѣрнымъ и не желалъ выразить. Изучая письма, дневники, преданія, я не находилъ всѣхъ ужасовъ этого буйства въ большей степени, чѣмъ нахожу ихъ теперь или когда-либо. Въ тѣ времена такъ же любили, завидовали, искали истины, добродѣтели, увлекались страстями, та же была сложная, уметвенно-нравственная жизнь, даже иногда болѣе утонченная, чѣмъ теперь въ высшемъ сословіи. Ежели въ понятіи нашемъ составилось мнѣніе о характерѣ своевольства и грубой силы того времени, то только отъ того, что въ преданіяхъ, запискахъ, повѣстьяхъ и романахъ до насъ доходили только выступающіе случаи насилія и буйства. Заключать о томъ, что преобладающій характеръ того времени было буйство — такъ же несправедливо, какъ несправедливо заключилъ бы человекъ, изъ-за горы видящій однѣ макушки деревъ, что въ мѣстности этой ничего нѣтъ, кромѣ деревьевъ. Есть характеръ того времени (какъ и характеръ каждой эпохи), вытекающій изъ болѣе отчужденности высшаго круга отъ другихъ сословій, изъ царствовавшей философіи, изъ особенностей воспитанія, изъ привычки употреблять французскій языкъ и т. п., и этотъ характеръ я старался, сколько умѣлъ, выра-

зять»¹⁾. И, конечно, истина, если не прямо совпадаетъ со словами гр. Л. Н. Толстого, — всего ближе къ нимъ.

До манифеста о вольности дворянства въ русской провинціи не было, можно сказать, никакого общества: провинціальныя города были совершенно незначительны, населеніе ихъ почти сплошь принадлежало къ низшему классу; административныхъ органовъ было очень мало, и дворяне почти не принимали въ нихъ участія; дворянство почти все было на службѣ, т.-е. въ столицахъ или гдѣ-нибудь у границъ въ войскахъ. Дворяне-помѣщики, жившіе въ деревняхъ, отличались простотой и отсутствіемъ умственныхъ интересовъ. Интересы большинства вращались около хозяйства, охоты, поѣздокъ въ гости; многіе были охотники судиться, тягаться; у многихъ вся ученость не шла далѣе четырехъ правилъ ариѳметики; знаніе ихъ, немного геометріи и фортификаціи, а также и приказныхъ дѣлъ, давало славу «ученаго челоуѣка и чуть не философа»²⁾; въ рѣдкомъ домѣ можно было найти какую-нибудь книгу, и то преимущественно духовнаго содержанія; большинство дворянъ почти ничего не читало, иные (какъ и въ XVI вѣкѣ) думали даже, что слишкомъ прилежное чтеніе книгъ, въ томъ числѣ и Библии, сводитъ челоуѣка съ ума. Однимъ изъ наиболѣе частыхъ и уважаемыхъ гостей у помѣщиковъ средней руки былъ ихъ сельскій священникъ; онъ, какъ и въ старину, былъ своимъ во всѣхъ домахъ и пользовался нерѣдко не только уваженіемъ, но даже и вліяніемъ. Впослѣдствіи, при большомъ развитіи помѣщичьей жизни въ деревняхъ, священники утратили свое вліяніе и стали смотрѣть на дворянъ не какъ на равныхъ, а какъ на господъ, ѣздили къ нимъ не въ гости, а на поклонъ.

«По многимъ описаніямъ и рассказамъ, говоритъ г. Чечулинъ³⁾, мы можемъ съ достаточною полнотою воспроизвести тогдашнее воспитаніе и обученіе дѣтей. Хотя въ то время лучшіе люди и думали и писали о воспитаніи и образованіи, существовало уже немало нравоучительныхъ и педагогическихъ книгъ, но большинство не читало никакихъ педагогическихъ трактатовъ

¹⁾ Нѣсколько словъ по поводу книги «Война и Миръ». Рус. Архивъ 1868 г. ст. 516.

²⁾ См. объ этомъ у Аксакова и Болотова.

³⁾ Рус. пров. общ. Ж. М. Н. Пр., апрѣль, 1889 г., ст. 259—260.

и въ воспитаніи руководствовалось традиціями или «собственнымъ разумѣніемъ». Такъ, въ однихъ домахъ дѣтямъ «давалось слишкомъ много вольности, не употреблялось противъ нихъ ни малѣйшей строгости» или же родители придерживались того взгляда, что «дѣти, воспитанныя въ строгости, болѣе склонны будутъ къ добру», и держали ихъ въ строжайшемъ повиновеніи и страхѣ, за всякія шалости и проказы «наказанія розгами случались ежедневно, нерѣдко съ повтореніями и не обходя праздниковъ»; иной день родители, «полѣнившись» съчь, поручали это кому-нибудь другому¹⁾; въ однихъ домахъ дѣтей ни мало не отучали отъ грубыхъ манеръ, грубыхъ отвѣтовъ, которымъ научались они частью у дворни, частью же у родныхъ или знакомыхъ, а въ другихъ — дѣти не смѣли съѣсть при родителяхъ безъ позволенія, отвѣчали старшимъ не иначе, какъ вставши и т. п. Та и другая крайность имѣла одинаковый результатъ: дѣти привыкали или не слушаться родителей, или не бояться и не стыдиться наказаній, привыкали къ лжи, упрямству, капризамъ, сами начинали бить прислугу, ничему не желали учиться, всѣхъ пересмѣивали. Затѣмъ, подростши, дѣвушки цѣлые дни ничего не дѣлали, только смотрѣлись въ зеркало, думая о женихахъ, а мальчики все время проводили въ шалостяхъ, нерѣдко дикихъ и опасныхъ, чуть не для жизни, играли въ чехарду и т. п. игры съ ребятами, «рѣзвились съ людьми», бѣгали постоянно къ нимъ въ людскую, лазили на голубятню, крали лакомства, попивали тихонько изъ рюмочекъ; подобныя занятія и общество крѣпостной прислуги имѣли слѣдствіемъ то, что въ такихъ домахъ парни лѣтъ 15—16, ничему не учившіеся, ничего не знавшіе, едва умѣвшіе читать, «отъ простыхъ шалостей посягали уже на дальнѣйшее и худшее», устраивали «разныя глупѣйшія игрища съ отвратительнымъ сквернословіемъ», носились по деревнѣ на лошадахъ, угнанныхъ у работавшихъ на гумнѣ мужиковъ и «орали во все горло глупѣйшія и вздорнѣйшія деревенскія пѣсни», собирали зимою по ночамъ дворовыхъ и катались съ ними съ горъ, соединяя это съ разными непристойными шутками и т. п.

Воспитаніе при полномъ почти отсутствіи общества, на полной

¹⁾ Жизнь А. С. Пищевича, имъ самимъ описанная. Москва, 1885 г. ст. 12.

свободѣ, въ средѣ крѣпостныхъ, оказывалось вреднымъ еще въ одномъ отношеніи: дѣти становились или слишкомъ дикими, нелюдимыми, или еще чаще выростали крайне несдержанными, были «корыстолюбивы, рьяны, горячи, вспыльчивы и неуступчивы, завидливы, безъ малѣйшаго образованія душъ и просвѣщенія и потому не имѣющія никакихъ благородныхъ склонностей и правилъ».

Вообще эта картина, нарисованная г. Чечулинымъ, рисуешь одну только сторону дѣла — картину дурного воспитанія. Это — то воспитаніе, которое вывелъ Фонвизинъ въ «Недорослѣ».

Самъ г. Чечулинъ справедливо замѣчаетъ, что «дурное воспитаніе не было безусловно господствующимъ, но такъ какъ вообще люди останавливаются съ большею подробностью, съ большею полнотою на томъ, что поражаетъ ихъ съ дурной стороны, то мы не можемъ изобразить тогдашнее хорошее воспитаніе съ такою же полнотою, какъ дурное, и при всемъ томъ, мы можемъ положительно утверждать, что встрѣчалось не мало домовъ не только дворянъ состоятельныхъ, но и очень небогатыхъ, въ которыхъ умные родители умѣли вырастить дѣтей не повѣсами, а внушая имъ добрыя правила и истинную теплую религіозность, такъ что потомъ изъ нихъ выходили если не очень развитые, то во всякомъ случаѣ, очень честные, очень нравственные и искренно вѣрующіе люди, и религіозность сдерживала ихъ надолго отъ дурного. Такъ не малый вѣсъ можетъ имѣть и слѣдующій, хоть бы и единичный, примѣръ: Н. И. Новиковъ, человекъ, дѣйствительно, достойный быть предметомъ народной гордости, получилъ самое простое, домашнее воспитаніе и до конца жизни не зналъ ни одного иностраннаго языка; многіе и другіе, несомнѣнно хорошіе и развитые люди, хотя и не столь замѣчательные, какъ Новиковъ, съ благодарностью вспоминаютъ дѣтскія впечатлѣнія и родительскія наставленія¹⁾); кромѣ того нельзя не признать вѣрнымъ и слѣдующаго замѣчанія: при всѣхъ своихъ важныхъ недостаткахъ такое воспитаніе вблизи народа, жизнь съ народомъ въ раннемъ дѣтствѣ оказывали благотворное

¹⁾ Лонгиновъ. Новиковъ и московскіе мартинисты. Лопухинъ. Записки Р. А. 1884, № 1, 3. В. Хвостовъ. Р. А. 1870, 552. Фонвизинъ, 530—533. Вологовъ, 1, 118—119. Прив. у Чечулина. Рус. пр. об. Ж. М. Н. Пр. 1889, апр. ст. 262.

вліяніе въ томъ смыслѣ, что твердо и живо оставалось въ чело-вѣкѣ чувство народности; внѣшнюю грубость въ послѣдствіи смы-вало дальнѣйшее ученіе или жизнь и служба, но глубокія впечатлѣнія дѣтства сохранялись, и они были народныя по пре-имуществу»¹⁾.

Рядомъ съ воспитаніемъ шло и ученіе дѣтей. Учитъ маль-чиковъ начинали обыкновенно лѣтъ съ семи, но иногда и съ пяти и даже съ четырехъ; первоначально ученіемъ завѣдывалъ или кто-нибудь изъ домашнихъ, или дядька крѣпостной; тутъ дальше грамоты не шло, иногда и на нее употреблялось времени до двухъ лѣтъ; затѣмъ нанимали какого-нибудь священника, дьячка или пономаря, иногда, наконецъ, отдавали въ женскій мона-стырь; тутъ учили дѣтей сначала еще тоже по букварю, по-томъ по псалтыри и часослову, начинали и писать, у иныхъ учи-телей сначала мѣломъ на обожженной дощечкѣ, а потомъ уже на бумагѣ; нѣкоторые учились и церковному пѣнію; случалось, что дѣти же должны были исполнять для своего учителя разныя мелкія порученія. Обыкновенно такіе наставники, сами прошедшіе суровую школу въ духовныхъ училищахъ, считали розги вѣр-нѣйшимъ и надежнѣйшимъ педагогическимъ средствомъ и при-бѣгали къ нимъ нерѣдко.

Тѣ изъ дворянъ, которые хотѣли научить дѣтей большему, ариѳметикѣ, геометріи, черченію и иностраннымъ языкамъ, должны были нести уже значительные расходы, приходилось нанимать какого-нибудь нѣмца или француза или брать на выучку ка-кого-нибудь отставного военнаго. Этотъ способъ обученія и типъ учителей первой половины XVIII вѣка, хотя и въ каррикатур-номъ видѣ, представленъ Фонвизинымъ въ его извѣстной ко-медіи «Недоросль». Г-жа Простакова говоритъ: «Нечего, грѣхъ сказать, чтобъ мы не старались воспитывать Митрофанушку: троимъ учителямъ денешки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячекъ отъ Покрова, Кутейкинъ. Ариѳметикѣ учитъ его, ба-тюшка, одинъ отставной сержантъ Цыфиркинъ... По-французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его нѣмецъ, Адамъ Адамычъ Враль-манъ. Этому по триста рубликовъ въ годъ; сажаемъ за столъ съ собою; бѣлье его наши бабы моютъ; куда надобно — лошадей;

¹⁾ Кн. П. А. Вяземскій. Фонвизинъ. Пол. собр. сочин., т. V, 17, у Че-чулина, ст. 262.

за столомъ стаканъ вина; на ночь сальная свѣча и парикъ поправляетъ нашъ же Фомка даромъ»¹⁾).

Какъ шло ученіе Митрофанушки всеѣмъ хорошо извѣстно. Тѣ требованія, какія предъявлялись порой къ воспитателямъ, видны, напр., изъ комедіи того же Фонвизина: «Выборъ гувернера». Княгиня Слабоумова, получивъ письмо, говоритъ: «А, мой князь! Графиня Самодурова дѣлаетъ намъ великое благодѣяніе: она сыскала князь Василью гувернера, который и зубы рветъ и мозоли вырѣзываетъ; а что всего важнѣе, онъ давать намъ будетъ титула: «votre altesse!»²⁾).

Некогда было думать о воспитаніи тому обществу, которое въ большинствѣ само было невоспитано, грубо и невѣжественно. Г. Гольцевъ говоритъ, что «роскошь и расточительность характеризовали дворъ Екатерины II со дня ея воцаренія до самой кончины». Роскошь и развратъ сползали сверху и распространялись въ глубинѣ русскаго общества. Винскій³⁾, который имѣлъ личныя основанія враждебно относиться къ екатерининскимъ порядкамъ, видитъ повсюду распутство, долги, ростовщичество и другіе пороки «благородной черни». Онъ наивно замѣчаетъ, что вліяніе Вольтера, Руссо и другихъ энциклопедистовъ было довольно значительно въ высшихъ слояхъ русскаго общества, но при этомъ прибавляетъ: «нравы по сему же хотя начали умягчаться, но съ тѣмъ вмѣстѣ и распутство становилось виднѣе».

«Вино и званые обѣды заполняли пустую и праздную жизнь испорченнаго вѣка», замѣчаетъ г. Дубровинъ. Праздная разгульная и циническая жизнь русскихъ помѣщиковъ XVIII вѣка въ достаточной степени изображена г. В. И. Семеvскимъ⁴⁾. Но все это обратная сторона медали, которая такъ охотно выставляется нѣкоторыми изслѣдователями. Другая положительная и для насъ болѣе интересная и важная мало кѣмъ подвергалась изслѣдованіямъ и потому мы имѣемъ мало фактическихъ данныхъ. Вѣдь несомнѣнно же былъ цѣлый рядъ простыхъ, богобоязливыхъ людей, жившихъ по старымъ традиціямъ и дававшихъ дѣтямъ простое, патриархальное воспитаніе. Были и въ среднемъ

¹⁾ Сочиненія Фонвизина. Изд. третье, А. Смирдина. С.-Пб. 1852, ст. 95.

²⁾ *ib.* ст. 285.

³⁾ Записки Винскаго (Рус. Арх. 1877 г. I).

⁴⁾ Семеvскій В. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II.

и высшемъ классѣ цѣльныя, нравственныя личности, которыя давали дѣтямъ хорошее воспитаніе. Это тѣ люди, для которыхъ въ такомъ изобиліи переводились всѣ эти «Книги премудрости и добродѣтели», «Книги премудрости и тернія пороковъ», «Наука быть щастливымъ» и пр. и пр. и писались различныя нравоучительныя и педагогическія статьи въ журналахъ, подробно разсмотрѣнныя нами въ предыдущихъ главахъ¹⁾. Въдѣ въ журналахъ XVIII вѣка встрѣчаются не только карикатуры на воспитаніе, а есть изображенія и воспитанія очень хорошаго, встрѣчаются и письма отъ разныхъ лицъ (дѣйствительно писанныя разными лицами, а не выдуманная редакціей) со здоровыми идеями о воспитаніи. Въ одномъ журналѣ²⁾ говорится, что общество презираетъ того, кто мало заботится о воспитаніи дѣтей.

Уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка вскорѣ послѣ изданія манифеста о вольности дворянства, рядомъ съ простыми, еще прежняго типа, дворянами, появились въ провинціи по усадьбамъ люди по-своему образованные, большіе любители книгъ, собиравшіе библіотеки, и такъ какъ книги тогда доставать было очень нелегко, то даже переписывавшіе ихъ собственноручно. Съ трудомъ добывъ для прочтенія что-нибудь особенно занимательное, любители принимались списывать экземпляръ для себя. Многіе сочиненія и переводы расходились въ рукописяхъ (вспомнимъ, напр., многіе экземпляры «Науки быть щастливымъ»), и у нѣкоторыхъ книжниковъ на ряду съ любовью къ чтенію развивалась любовь къ писанью, даже къ переписыванью. Такъ одинъ помѣщикъ въ началѣ царствованія Екатерины II съ гордостью показывалъ гостямъ цѣлую библіотеку изъ нѣсколькихъ шкафовъ, наполненныхъ рукописями его собственной работы. Любимымъ чтеніемъ въ то время были исторія Роллена, въ переводѣ Тредіаковскаго, сочиненія Сумарокова, переводные романы — похождения Клевеланда, Маркизь Г***, Жилблазь, нѣкоторые классики — Квинтъ Курцій, Эпиктетъ и др. Встрѣчались по деревнямъ и такіе люди, съ которыми очень образованный человѣкъ того времени находилъ большое удовольствіе поговорить о разныхъ предметахъ; эти люди особенно старались сводить между собою знакомство, ви-

1) См. главы: XXXVII, XXXVIII и XXXIX. Ист. рус. пед. ч. II.

2) Полезное съ пріятнымъ, 1769, л. II, 23—28.

дались часто и находили большое удовольствіе «въ ученыхъ и важныхъ разговорахъ». Конечно, такихъ людей было еще очень мало; Болотовъ, напр., при своемъ обширномъ знакомствѣ до 1776 года насчитываетъ въ числѣ своихъ знакомыхъ такихъ «любопытныхъ» людей до 12 человекъ. Въ 70-хъ годахъ Болотовъ началъ встрѣчать въ домахъ богатыхъ дворянъ, которые теперь тоже селились иногда въ провинціи, людей отлично знающихъ иностранные языки, знакомыхъ съ французскою и нѣмецкою литературою, «охотниковъ до поэзій и наукъ свободныхъ». Въ обществѣ такихъ болѣе развитыхъ людей ведутся разговоры о философіи, о преимуществахъ той или другой системы ея, читаются французскіе и нѣмецкіе поэты, такіе дворяне разсуждаютъ о Сумароковѣ и Ломоносовѣ, сравниваютъ ихъ, при чемъ приносятъ изданія ихъ сочиненій и съ восторгомъ прочитываютъ нѣкоторыя ихъ произведенія; обсуждаютъ событія политическія и внутреннія распоряженія. Карамзинъ, выросшій въ это именно время, съ величайшимъ уваженіемъ говоритъ о томъ духѣ чести и преданности отечеству, который господствовалъ среди помѣщиковъ, и вообще воспоминаетъ своихъ знакомыхъ деревенскихъ жителей съ величайшимъ уваженіемъ. При болѣе близкихъ сношеніяхъ въ средѣ дворянства, установившихся тогда, отъ людей образованныхъ кое-что мало-по-малу приставало къ другимъ; теперь не смотря уже на чтеніе, какъ нѣчто опасное и вредное, теперь уже во всякомъ почти домѣ можно найти хоть какую-нибудь книгу, какой-нибудь романъ, или хоть пѣсенникъ или придворный календарь¹⁾. И прежде случалось, что небогатые люди отдавали своихъ дѣтей въ дома болѣе достаточныхъ — для компаніи ихъ дѣтямъ, а иногда и для совмѣстнаго ученія съ ними; теперь же отдаютъ дѣтей къ знакомымъ именно для ученія, и притомъ не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ, и учатъ ихъ кромѣ грамоты и ариѳметики, еще и Закону Божію, и рисованію, отчасти и «нравоученію», которое соединяло въ себѣ части теперешняго катехизиса и нѣкоторыя физическія свѣдѣнія. Въ это время облегчилась возможность ученія дѣтей въ провинціи тѣмъ, что вслѣдъ за появленіемъ тамъ большого числа дворянъ, во многихъ городахъ устроились

¹⁾ И. И. Дмитріевъ, 15, Аксаковъ, 92, подр. у Чечулина. Рус. пров. общ. Ж. М. Н. П. 1889, май, ст. 62—64.

пансіоны для дѣтей, и о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы имѣемъ даже хорошіе отзывы. Многіе брали учителями студентовъ Московскаго университета, иные, за невозможностью учить дѣтей дома, посылали своихъ сыновей для ученья даже въ другіе города подъ присмотромъ надежнаго слуги. Теперь попадаются нерѣдко и любознательныя, склонныя къ чтенію, хорошія и разумныя молодыя дѣвицы, хотя, конечно, было не мало еще и вовсе необразованныхъ. Болотовъ, замѣчая вообще, что реформы Екатерины II производятъ «великое потрясеніе умовъ, заставляютъ всѣхъ дворянъ мыслить, хлопотать и заботиться», пишетъ про учрежденіе о губерніяхъ, что «всѣ читали его съ особливимъ вниманіемъ, готовились заблаговременно уже ко всѣмъ переменамъ, долженствующимъ проистечь изъ сего важнаго преобразованія», и что «эпоха эта была, по всей справедливости, самая достопамятная во всей новѣйшей исторіи нашего отечества и послѣдствіями своими произвела во всемъ великія переменны»¹⁾.

Карамзинъ еще въ 1801 г. писалъ объ этой реформѣ въ томъ же духѣ. «Новое учрежденіе о губерніяхъ составляетъ, говоритъ онъ²⁾ вторую важную эпоху въ ея (Екатерины Великой) правленіи и мало-по-малу удивительнымъ образомъ переменило Россію какъ въ умахъ, такъ и въ нравахъ». Затѣмъ, указавъ, что послѣ манифеста 1762 года многіе дворяне, поселившіеся въ помѣстьяхъ, «вели спокойную, но праздную и для государства мало полезную жизнь», Карамзинъ говоритъ, что учрежденіе намѣстничества открыло дворянамъ новое поле дѣятельности, вывело ихъ изъ произвольнаго заточенія, соединило и болѣе познакомило между собою, возвысило цѣну добраго мнѣнія о человѣкѣ, дало болѣе средствъ достойнымъ образомъ воспитывать дѣтей, открыло новые способы для торговли и благотѣльно повліяло даже на улучшеніе сельскаго хозяйства, и что подъ вліяніемъ сношенія съ дворянами, живущими по городамъ, улучшились нравы и торговыхъ людей, прежде грубые, а жизнь въ провинціи стала безопаснѣе. Вообще Карамзинъ находитъ, что «Россія въ 34 года дѣятельнаго царствованія, котораго главною цѣлью

¹⁾ Болотовъ, II, 627, III, 574 у Чечулина, ст. 69. Ж. М. Н. П., май 1889.

²⁾ Историческое похвальное слово Екатеринѣ II. Сочин. изд. 1848, т. I, 275—380.

было народное просвѣщеніе, столь преобразилась, возвысилась духомъ, созрѣла умомъ, что отцы наши, если бы теперь воскресли, не узнали бы Россіи».

Въ запискахъ Болотова можно замѣтить, что значительно перемѣнились въ то время къ лучшему многіе его знакомые: у нихъ есть теперь кое-какіе умственные интересы, у нихъ пробуждена умственная дѣятельность. Теперь уже не рѣдкость встрѣтить образованныхъ людей, могущихъ говорить обо всемъ; у многихъ завелись библіотеки, картины, коллекціи эстамповъ, разныхъ рѣдкостей и т. п. Нерѣдко люди собирались слушать переводы изъ иностранныхъ книгъ; попадались любители, которые вели мѣстную лѣтопись, записывали разные слухи, анекдоты, у нихъ можно было получить «рѣдкія и тайныя сочиненія». Къ концу XVIII в. чрезвычайно распространяется любовь къ чтенію: въ Богородскѣ напр., подъ самою, значить, Москвою, до 1779 года никто не зналъ о журналахъ, издаваемыхъ Новиковымъ, а теперь многіе выписываютъ всѣ русскіе журналы и газеты, даже и иностранныя, съ нетерпѣніемъ ждутъ почты, съ особенною любовью слѣдятъ за тѣмъ или другимъ изданіемъ. Благодаря дѣятельности Новикова, въ Москвѣ вмѣсто одной стало до 20 книжныхъ лавокъ, продававшихъ въ годъ книгъ на сумму до 200 тысячъ рублей. Теперь даже въ отдаленныхъ городахъ попадаетъ не мало молодыхъ людей, очень хорошо образованныхъ, ведущихъ жизнь «философическую», какъ тогда говорили, или занимающихся науками, напр. ботаникой, изученіемъ электричества и т. п.; современники сами отмѣчаютъ, что въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка поднялась, наконецъ, и въ Россіи «заря наукъ»¹⁾; попадаютъ «артисты», т.-е. любители изящныхъ искусствъ, знатоки театра; иные занимаются литературой; появились и крайности увлеченія западно-европейскимъ образованіемъ — вольтеріанцы. Съ этой же эпохи замѣтно болѣе значительное улучшеніе воспитанія и обученія дѣтей и увеличеніе для этого способовъ: кромѣ того, что въ столицахъ увеличилось число учебныхъ заведеній, расширенъ ихъ штатъ и улучшено преподаваніе и воспитаніе учащихся, — теперь во многихъ городахъ, при ближайшемъ участіи родителей, открываются частныя пансіоны для малень-

¹⁾ Болотовъ, III, 914, IV, 517, 928, 1153; Винскій, 86; у Чечулина, ст. 78.

кихъ дѣтей, гдѣ учать французскому и нѣмецкому языкамъ, географіи, исторіи и ариѳметикѣ; въ болѣе значительныхъ городахъ возникли правительственныя школы, въ которыхъ были нерѣдко хорошіе учителя; нѣкоторыя семьи изъ усадебъ нарочно переѣзжаютъ въ городъ, чтобъ учить дѣтей и, не довольствуясь тѣмъ, что преподается въ училищахъ и пансіонахъ, стараются подыскать учителя и другого языка, а если представляется возможность, то посылаютъ учиться и въ какомъ-нибудь частномъ домѣ: такъ, напр., у Болотова постоянно жили два, три ученика, собирались въ опредѣленные часы дѣти его знакомыхъ, и онъ толковалъ имъ Законъ Божій, физіку и другія части естествознанія, училъ ихъ рисованію. Во многихъ домахъ учили музыкѣ; считалось необходимымъ выучиться танцамъ¹⁾.

О прежнихъ помѣщикахъ нерѣдко встрѣчаемъ мы отзывы, что дѣти ихъ совсѣмъ не воспитаны или воспитаны плохо; теперь все чаще и чаще читаемъ: воспитаны изрядно, хорошо, въ болѣе достаточныхъ домахъ для дѣтей держать и «учителей и мадамъ». Дѣвочекъ учать наравнѣ съ мальчиками, чаще встрѣчаются женщины почтенныя и образованныя, молодыя дѣвушки хорошо воспитанныя, свѣтскія и разумныя, среди нихъ попадаются охотницы читать, занимающіяся музыкой.

Проектъ университетовъ. И такъ стремленіе къ просвѣщенію было къ концу XVIII в. довольно велико, такъ что въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII в. предположено было открыть три университета: въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ; однимъ изъ членовъ комиссіи народныхъ училищъ О. П. Козодавлевымъ составленъ былъ даже проектъ университета и устава въ 1787 г.²⁾.

Проектъ этотъ не былъ утвержденъ, и университеты не были открыты: но нельзя оставить безъ вниманія тѣхъ началъ и цѣлей, которыя были положены въ основу университетскаго устава. Университеты положено было устроить по образцу иностранныхъ, позаимствовавъ изъ нихъ только то, что примѣнимо къ потребностямъ Россіи, согласно съ условіями ея государ-

¹⁾ См. у Болотова, III, Записки кн. И. М. Долгорукаго въ сочиненіяхъ его, т. II, 1849, Державина, Левшина. Домашній памятникъ. «Рус. Ст.», VIII, и пр. у Чечулина, ст. 82.

²⁾ Проектъ этотъ напечатанъ у М. И. Сухомлинова. Исторія Россійской Академіи, т. VI.

ственной и общественной жизни. «Полезьа російскаго государства, сказано было въ проектѣ, несомнѣнно требуетъ, чтобы науки въ російскихъ университетахъ преподавались на языкѣ народномъ. Языкъ народный есть первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія; гдѣ науки преподаются на языкѣ иностранномъ, тамъ народъ находится подъ игомъ языка чужого и рабство сіе съ невѣжествомъ нераздѣльно. Число людей ученыхъ въ государствѣ какъ бы велико ни было, но если они науки преподавать будутъ не тѣмъ языкомъ, которымъ говоритъ народъ, то просвѣщеніе пребудеть только между весьма малою частью гражданъ, а народъ останется въ невѣжествѣ». Главною цѣлью университетовъ полагалось образованіе челоуѣка и гражданина. Доступъ въ университеты долженъ быть открытъ для всѣхъ сословій. Такъ называемые «несвободные люди» становятся свободными предъ лицомъ науки. Науки называются свободными не потому, что предназначаются только для свободныхъ людей, а потому, что свѣтъ знанія долженъ свободно изливаться на всѣхъ желающихъ и каждому должна быть предоставлена полная свобода пользоваться его благотворными лучами¹⁾.

Заботы объ языкѣ. Заботы объ усовершенствованіи языка начались вскорѣ послѣ основанія Академіи Наукъ. Въ 1735 году при академіи основано было особое общество, цѣлью котораго, было стараться «о возможности дополненія російскаго языка, о его чистотѣ, красотѣ и желаемомъ потомъ совершенствѣ» имѣлось въ виду представить не только переводы «степенныхъ» авторовъ, но и исправную грамматику, «согласную мудрыхъ употребленію», словарь, «дикціонарій полный и довольный, реторику и стихотворную науку». Главными членами этого общества были Тредьяковскій, Адауровъ и Швановичъ; современники называли его «Россійскимъ собраніемъ».

Вторымъ предпріятіемъ подобнаго рода, имѣвшимъ цѣлью усовершенствованіе языка, былъ такъ называемый «Переводческій департаментъ» или «Комиссія для переводовъ», основанная въ 1768 г. Потребность въ переводахъ чувствовалась съ двухъ сторонъ: желали усвоить русской литературѣ знаменитыя про-

¹⁾ Сухомлиновъ, М. И. Исторія рос. акад., т. VI, ст. 44—47.

изведенія европейских писателей и вмѣстѣ усовершенствовать на этомъ трудѣ самый русскій языкъ. Новое общество взялось за трудъ довольно ревностно и, между прочимъ, придавало особенную цѣну переводамъ греческихъ и римскихъ писателей, но потомъ дѣятельность его ослабѣла.

Въ 1771 г. съ подобными же цѣлями основано было новое общество, «Вольное русскіе собраніе» при Московскомъ университетѣ. Цѣлью было опять «исправленіе и обогащеніе русскаго языка, чрезъ изданіе полезныхъ, а особливо къ наставленію юношества потребныхъ сочиненій и переводовъ, стихами и прозою».

Въ 1783 г. было, наконецъ, основано учрежденіе, завершившее прежнія попытки соединенія ученыхъ силъ для изученія и усовершенствованія языка. Это была Россійская академія, которая смѣнила Переводческій департаментъ, приняла въ себя главныхъ лицъ московскаго Вольнаго собранія и собрала вновь кругъ дѣятелей, ученыхъ и писателей для работъ по русскому языку и словесности.

Вольтеріанство и масонство. По словамъ г. Незеленова¹⁾, двѣ идеи лежали въ основахъ жизни нашего общества екатерининскихъ временъ: вольтеріанство и масонство.

Идеи Вольтера и вообще энциклопедистовъ имѣли во время Екатерины II довольно значительное распространеніе. О силѣ вліянія этихъ идей лучше всего, можетъ быть, свидѣтельствуетъ образовавшееся въ языкѣ нашемъ слово «вольтеріанецъ», это слово показываетъ, что идеи Вольтера составили у насъ именно опредѣленное ученіе, кодексъ нравственныхъ и умственныхъ правилъ; этому ученію приписывался смыслъ ученія свободы и протеста противъ пороковъ и предрассудковъ. Оцѣнка этого ученія хорошо сдѣлана г. Незеленовымъ. «Возбуждая въ читателѣ массу неразрѣшенныхъ сомнѣній, отрицая нравственность, издѣваясь надъ мыслью», говоритъ онъ²⁾, «Вольтеръ въ своихъ повѣстяхъ на мѣстѣ разрушаемаго имъ идеальнаго міра ставитъ чувственность, животную жизнь. Человѣкъ, по его взгляду,— прежде всего животное, и всѣ его радости и идеалы—въ жизни тѣлесной. Цѣль человѣка, по понятіямъ Вольтера—удовольствіе.

¹⁾ Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ, 1769—1785 гг. С.-Пб. 1875, ст. 139.

²⁾ Незеленовъ. Н. И. Новиковъ и пр., ст. 38.

А удовольствіе, счастье состоитъ въ чувственной любви, въ ѣдѣ, въ винѣ и въ роскоши». Такое ученіе, предложенное въ увлекательной формѣ, не могло не дѣйствовать разрушительно на нравы нашихъ прадѣдовъ. Сочиненія «философовъ» XVIII вѣка играли, конечно, не малую роль и въ воспитаніи юношества, особенно, при тогдашней страсти русскаго общества ко всему французскому вообще. Одни русскія дѣти набирались вольтеріанства отъ французскихъ гувернеровъ и учителей, которые, если по невѣжеству своему и не читали Вольтера, Гольбаха и другихъ, то на практикѣ все-таки проводили ихъ мораль и ихъ взгляды:—другія дѣти вывозили эту мораль и эти взгляды изъ Парижа, куда чадолюбивые родители отправляли своихъ сыновъ обучаться и воспитываться. И не должно думать, что только худшіе изъ воспитателей, шарлатаны, проводили въ своей дѣятельности мораль Вольтера—и лучшіе педагоги, даже наши собственные, не чуждались морали энциклопедистовъ»¹⁾. Надо сознаться, что разсудочный скептицизмъ XVIII в. не подходилъ къ нашему народному характеру, какъ сильно мы ни ломали себя въ угоду ему; онъ не могъ создать у насъ ни одного первокласснаго писателя, и обращалъ въ пустоцвѣтъ не мало хорошихъ силъ.

На борьбу съ вольтеріанствомъ выступило масонство. Наши изслѣдователи масонства согласно признають, что мистицизмъ былъ одною изъ его главныхъ характеристическихъ чертъ. Все, относящееся къ земной жизни, не только предметы матеріальнаго міра, но и то, чѣмъ живетъ человѣческій духъ, наука, искусство—все это масонство готово отрицать; никакихъ земныхъ радостей и привязанностей оно не допускаетъ; все земное должно служить человѣку лишь средствомъ для извлеченія изъ него нравоученій и назиданій. Разные масоны ставили себѣ разныя цѣли. Одни считаютъ цѣлью—дѣлать людей добродѣтельнымиѣ, соединять ихъ общимъ союзомъ; другіе признавали за цѣль—испытаніе натуры вещей и чрезъ то пріобрѣтеніе силы и власти къ исправленію людей, врачебную науку, обновленіе тѣлъ, превращеніе металловъ; третьи—соединеніе съ божествомъ, слѣдствіемъ чего будетъ познаніе и власть въ тѣлесной натурѣ,

¹⁾ Незеленовъ Н. И. Новиковъ, ст. 42.

сообщенія съ духами, всеобщій языкъ и внутренній міръ добродѣтели. Такимъ образомъ въ основѣ масонства лежалъ возвышенный идеализм¹⁾; оно стремилось бороться съ чувственною жизнью во имя духовныхъ потребностей человѣка; но оно унизи-тельно оборвалось въ своихъ стремленіяхъ, и впало, не замѣчая того, въ самый грубый матеріализмъ, въ самую грубую чувственность. Проповѣдуя борьбу противъ «плоти, міра и сатаны», во имя духа, оно само позабыло духъ и подчинилось плоти и міру. И притомъ оно само этого не замѣтило: понятія его пере-мѣшались и перепутались, и оно кончило тѣмъ, что тѣло приняло за духъ. Во всякомъ случаѣ масонство выше вольтеріанства, оно, несмотря на свои ошибки и промахи, выдвинуло на пер-вый планъ забытые «нравственные вопросы», оно же до нѣкоторой степени породило и довольно обширную «нравоучительную» ли-тературу. Конечно, мы не станемъ утверждать, что вся довольно обширная нравоучительная литература, всѣ эти книги, Пре-мудрости и добродѣтели, Наука быть счастливымъ, О познаніи самого себя—есть результатъ масонства. Нужно для объясненія ея искать болѣе глубокихъ причинъ. Само масонство есть вы-раженіе стремленій людей XVIII в. къ нравственной жизни. Мы видѣли, что это стремленіе къ нравственной жизни было довольно сильной струей во всѣ времена русской жизни. Въ XVIII вѣкѣ извѣрились въ старыхъ способахъ розысканія истины, хотѣли отыскать новые пути къ добродѣтели и вотъ подъ вліяніемъ западно-европейскихъ идей одни ушли въ масонство, другіе старались отыскать ихъ въ западно-европейской ли-тературѣ.

Относительно направленія тогдашней русской литературы надо сказать, что оно было серьезное и хорошее. Наши историки литературы признаютъ, что «мораль и исправленіе нравовъ было всеобщою заботою», что «нравственное направленіе составляетъ отличительную черту всѣхъ литературныхъ произведеній Ека-терининской эпохи». Въ журналахъ и книгахъ, какъ мы уже видѣли, очень часто трактовались нравственные вопросы, гово-

¹⁾ Здѣсь мы ничего не говорили о политическихъ стремленіяхъ масоновъ; тутъ есть много еще не изслѣдованнаго. Рядъ новыхъ разоблаченій масонства заставляетъ надъ этимъ вопросомъ призадуматься. См. напр. ст. Масонство и французская революція. «Русская Старина». № 4, 1906 г.

рили объ обязанностяхъ человѣка, о необходимости познанія самого себя, о цѣляхъ жизни, о задачахъ и правильныхъ приѣмахъ воспитанія. За эту преобладающую черту (нравоучительную) литературу XVIII вѣка обвиняютъ въ сухости, резонерствѣ и ходульности. Но трудно допустить, чтобы тогдашніе люди возбуждали вопросы, никому не интересные, изъ одного желанія порисоваться. Если бы не было запросовъ въ обществѣ, то и не появилось бы такъ много нравоучительныхъ книгъ и статей. Ясно, что въ обществѣ существовали серьезные запросы и литература по мѣрѣ силъ старалась удовлетворить эти запросы. Въ этомъ ея несомнѣнная и довольно большая заслуга.

Источники и пособія:

Главнымъ пособіемъ служила статья г. Н. Чечулина. Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. См. Жур. Мин. Нар. Пр. части ССLXI, ССLXII, ССLXIII (апрѣль--іюнь) 1889. Другія пособія: В. А. Гольцевъ Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в., 2-е изд. 1896 г. и Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг. Изслѣдованіе А. Незеленова. С.-Пб. 1875 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ,

встрѣчающихся во II ч. Исторіи русской педагогіи (2-е изд.).

А.

Австрійская или саганская метода 228—234, 317—335.

Академія Наукъ 156—163.

Академіи духовныя 97—102.

Академія Кіевская 97—99, 119—122, 132.

Академія Московская духовная 99—102, 310—311.

Академія С.-Пб. духовная 102.

Академія Наукъ 156—163, 617.

Аквинать Оома 118.

Аксаковъ К. С. 150.

Александръ I Павловичъ, императоръ 245—254.

Алексѣй Михайловичъ, царь 3, 17.

Алфавитаръ 60—61.

Альваръ 117.

Амосъ Коменскій 53, 173, 570.

Ангальтъ Ф. Е. гр. 305.

Анна Іоановна, императрица 111, 205, 220.

Анти-Эмилъ 600—601.

Апофеогмата 179—182, апофеогмы 527.

Аристотель 118.

Ариеметика Магницкаго 71—74, Курганова 456.

Артиллерійскій корпусъ 304.

Ашъ 273—275.

Б.

Багалѣй проф. 129, 475.

Базедовъ 221, 234, 487.

Барановичъ Лазарь 123.

Барсовъ 169, 281.

Баумейстеръ 171, 312, 422.

Байбаковъ Ан. 373, 596.

Бельгардъ аббатъ 527.

Бертрандъ 543.

Бестужевъ-Рюминъ, проф 88, 217.

Бецкой И. И. 279, 292, 295, 297, 299, 304, 305, 377, 382, 383, 385, 388, 604.

Библия 475, 482.

Болотовъ 203, 204.

Бособрь-де 542.

Браилловскій С. Н. 76.

Брюсъ 517.

Будиловичъ 146.

Бургій 373.

Бутовъ 154.

Бэконъ философъ 100, 118, 171, 312, 487.

Бюшингъ 364.

В.

Вареній Бернардъ 75.

Весинъ 75.

Вечерняя заря 510.

Вивлююика древняя Россійская 498—499.

Висковатовъ 295.

Владимирскій-Будановъ проф. 54, 55.

Волчковъ Сергѣй 197, 521.

Вольфъ Христіанъ 27, 132, 133.

Вороновъ А. 282.

Воспитаніе. О воспитаніи (рукопись) 192—196.

Воспитаніе совершенное дѣтей Беллегарда 196—200.

Вѣдомости Московскія (прибавленіе) 512, 549—573.

Г.

Генкель 134.
 Генъ 317.
 Гессъ-де Кальве 465.
 Гибнеръ Яганъ 75.
 Глюкъ 52.
 Гмелинъ 135.
 Голицынъ М. М. кн. 406, 412, 417.
 Гольбергъ 526.
 Гольцевъ 602.
 Грамматика Ломоносова 145—149
 Грамматика Мелетія Смотрицкаго 130.
 Гримъ Ф. М. 223—225, 268—269.
 Гротъ Я. К. 219, 245.
 Губерти 596.
 Гумбольдтъ 75.
 Гюйсенъ 19.

Д.

Даламберъ 222.
 Дальбергъ 229.
 Данилевскій Г. П. 125, 464.
 Даниловъ 202—203.
 Декартъ 99, 100, 118.
 Дидро 221, 222, 277—279.
 Дильтей 270—272.
 Димитрій св. Ростовскій 1, 38—47, 108.
 Долгоруковъ кн. 390.
 Домострой 9, 31, 33.
 Дубровинъ 602, 603.
 Духовный Регламентъ 102—107, 110.
 Духовныя школы 97—102.
 Душа добродѣтели 530—531.
 Дѣтское чтеніе 512—514.
 Дяки мандрованные 125—127.

Е.

Езоповы басни 600—601.
 Екатерина I, императрица 157.
 Екатерина II, императрица 217—254, 281, 308—309, 375—376, 384, 391, 394, 395.

Елизавета Петровна, императрица 205, 215, 280.

Енхиридіонъ 527.

Ж.

Жанли 598.
 Живописецъ 492—495.
 Жуковскій В. А. 435.

З.

Забѣлинъ З.
 Заря вечерняя 515.
 Зеленогорскій Ѳ. А. 477, 480.
 Златоустъ I. 60.
 Зерцало юности честное 173—179.
 Знаменскій проф. 402.
 Золотницкій 275.
 Зотовъ 2, 5.
 Зритель міра и дѣяній человѣческихъ 535—537.
 Зрѣлище вселенныя 374—375.
 Зульцеръ 372.

И.

Извѣковъ 65.
 Извѣстія академическія 548.
 Иконниковъ В. С. проф. 160, 172.
 Индейской философъ 539—540.
 Инструкція Салтыкову 255—266.
 Исторія российская Татищева 87—88.
 Иеіка іерополитека 182—185.

І.

Іоаннъ Златоустъ 60.
 Іосифъ II, австр. импер. 229, 234.

К.

Кантемиръ 207—210.
 Кантъ философъ.
 Караджъ де ла Шалотъ 593.
 Каразинъ В. Н. 475.
 Каракчіоли 544, 587, 588.
 Каріонъ Истоминъ 59.
 Кембриджъ 21, 22.
 Кириакъ 389.
 Киричниковъ проф. 457, 464.

Кіевская академія 119—122.
 Клингштетъ 273.
 Кнапій 117.
 Книга премудрости и добродѣтели
 538—539.
 Книга цвѣтъ добродѣтелей и
 терніе пороковъ 537—539.
 Ковалинскій 465, 467—469, 472,
 476.
 Коллегіумъ харьковскій 405—417.
 Коллегіумъ черниговскій 122—
 123.
 Командирство 114—117.
 Коменскій Амосъ 53, 173, 570.
 Комиссія объ учрежденіи учи-
 лицъ 321.
 Кошіевскій 13.
 Кошелекъ 496—497.
 Крекшинъ З, 4.
 Криновскій Геденъ 210.
 Кургановъ Н. Г. 454—464.

Л.

Лавровскій Н. А. 265, 267, 269.
 Лалаевъ 307.
 Левшинъ Петръ 307.
 Лебедевъ, проф. 411.
 Лейбницъ, философъ 25—26.
 Летранжъ 600.
 Лихачева Е. 376, 387, 390.
 Лихуды 59.
 Локкъ 221, 260, 265, 584—587.
 Ломоносовъ М. В. 1, 2, 129—155,
 162, 171, 401.
 Лопатинскій Теофилактъ 99, 100.
 Лопухинъ И. В. 509, 510.
 Лубяновскій, сенаторъ 416, 473.
 Люберасъ 19, 293.
 Людвигъ, Гесень - Гомбургскій
 принцъ. 294.

М.

Магничкій 71.
 Марія Терезія, императрица 318.
 Масонъ Іоаннъ 531—532.
 Масоны 618—620.
 Матвѣевъ 2, 19.
 Мелиссино 419, 421.

Мелльманъ 423—424.
 Мессельеръ 206, 384.
 Мессмеръ 318.
 Миллеръ І. Ф. 159—161.
 Минихъ графъ 293.
 Монтанъ 221, 222.
 Монтескье 221, 265.
 Мопертюи 529.
 Морозовъ З.
 Московскій благородный пансіонъ
 434—438.
 Московскія вѣдомости 549—575.
 Московское Изданіе 549.
 Московскій Университетъ 163—
 172, 417—425.

Н.

Наказъ 225—227.
 Наука щастливымъ быть 521—525.
 Наставникъ или всеобщая си-
 стема воспитанія 597—598.
 Невеленовъ 495, 501, 503, 505,
 517, 520, 602.
 Неккеръ 539—540.
 Неустроевъ 514.
 Новиковъ Н. И. 77, 488—520,
 546, 550, 605—606.
 Новое дѣтское училище 598.

О.

Общій планъ для народныхъ учи-
 лицъ 330—335.
 Общий способъ ученія 595—596.
 О должностяхъ человѣка и гра-
 жданина 349—358.
 Оксфордъ 21, 22.

П.

Павель I, императоръ 393, 410,
 Панинъ Н. М. 237—239, 241.
 Пансіонъ благородный московскій
 434—438.
 Пекарскій 74, 215.
 Первое ученіе отрокомъ 66—71.
 Петербургскій журналъ 576—583.
 Петръ Великій 1—17, 49, 50,
 52, 53, 68, 74, 75, 77, 78, 79, 81,
 82, 96, 98, 101, 111, 137, 144,
 156, 160, 200, 201, 220, 405.
 Петръ Смѣличъ 129, 407.

Пильлай 525.
Письмовникъ Курганова 457—464.

Платонъ, философъ греческій 479—481.

Платонъ, митрополитъ Московскій 241, 307—317, 398, 399, 401.

Поведеніе. Наставленіе о хо-рошемъ поведеніи, 185—189.

Познаніе самого себя 532—535.

Покоящийся Трудолобець 573—575.

Поликарповъ Ѡ. П. 63, 64, 75.

Полоцкій Симеонъ 65, 70.

Поповскій, проф. 167, 168, 171.

Порошинъ С. А. 239—245.

Посошковъ И. Т. 28—37.

Приказы общественнаго призрѣ-нія 227—228.

Прокоповичъ-Антонскій А. А. 435, 438—453.

Прокоповичъ Теофанъ 15, 66, 69—71, 76—83, 403.

Пуфендорфъ 313.

Р.

Разговоръ о пользѣ наукъ и учи-лищъ 89.

Расположенія ученія Петра II, 189—192.

Регламентъ духовный 102—107.

Ренать-де-Карадюкъ 593.

Рижскій, проф. 373.

Руководство учителямъ народ-ныхъ училищъ 337—349.

Руссо Ж. Ж. 221.

Рюишъ 7, 15.

С.

Саганская (или австрійская) ме-тода 317—320.

Салтыковъ Н. И. 255.

Салтыковъ Ѡ. С. 19—24.

Семевскій В. И. 603.

Сикорскій И. А. 47.

Сичкаревъ 535.

Сковорода Г. С. 464—488.

Скорняковъ-Писаревъ 57.

Слово о воспитаніи митр. Пла-тона 314—317.

Смирновъ 311.

Сократъ 477—479.

Соловьевъ С. М. 244, 245.

Сумароковъ 296.

Т.

Татищевъ В. Н. 83—97.

Тессингъ 13.

Толстой гр. Д. А. 215, 276—277, 295, 336.

Толстой Л. Н. гр. 606—607.

Толстой П. А. 18.

Трудолобець покоящийся 516, 573—575.

Трутень 491—492, 496.

У.

Университетъ кievскій

Университетъ московскій 163—172.

Урсинусъ 273.

Утренніе часы 575—576.

Училище дѣтское новое 598—599.

Ф.

Фарварсонъ 49.

Фельбигеръ 229, 318, 319.

Фенелонъ 527, 588.

Филанжеръ 583.

Филаретъ преосв. 127.

Флери 592.

Формей 600.

Фонвизинъ Д. И. 526, 527.

Франклинъ 142.

Фридрихъ Великій 317.

Х.

Харьковскій коллегіумъ 405—417.

Херасковъ 424, 425.

Ц.

Цифирныя школы 54—55.

Ч.

Человѣкъ довольный 529.

Чечулинъ 201, 607.

Чистовичъ 83.

Ш.

Шадень 422, 425—427.
 Шафонскій 122.
 Шварцъ И. Г. 427—434, 555.
 Шванскій 416.
 Шевыревъ Ст. 427.
 Шлецеръ 159—160.
 Шляпкинь И. А. 47.
 Шляхетный сухопутный кадетскій
 корпусъ 293—307.
 Штелинь 130.
 Шуваловъ И. И. 213.
 Шуваловъ П. И. 306.

Щ.

Щербатовъ кн. 389.

Э.

Эпинусъ 230—233.
 Эйлеръ 142.

Ю.

Юности честное зеркало 173—
 179.

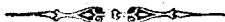
Я.

Яворскій Стефанъ 98.
 Янковичъ-де Миріево Ѡ. И. 320—
 321, 322, 325—327.

Ѡ.

Ѡедоръ Алексѣевичъ, царь 16.
 Ѡома Аквинатъ 118.

7295

НБ ПНУС

7295